АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
ИНСТИТУТ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПЕДАГОГИКИ

К. Е. Бендриков

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ

(1865—1924 годы)

Издательство Академии
педагогических наук РСФСР
Москва-1960

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
АПН РСФСР

В книге освещается развитие школьного дела в Туркестане со времени его присоединения к России (1865) до 1917 г., характеризуются боровшиеся в этот период школьные системы. В последней главе показаны коренные изменения в деле народного образования в крае после Великой Октябрьской социалистической революции до момента национально-государственного размежевания Средней Азии (1924).

Ответственный редактор
Заслуженный учитель Узбекской ССР,
кандидат педагогических наук
Н. П. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

КИРИАК ЕФИМОВИЧ БЕНДРИКОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ

Редактор Л. Н. Воржецова
Переплет художника М. А. Силкиной
Худож. редактор Л. В. Голубева Техн. редактор В. Г. Лаут
Корректор М. К. Пестова

Сдано в набор 28/I 1960 г. Подписано к печати 25/VII 1960 г.
Формат 60×92/16 Бум. л. 16,00 Печ. л. 32,0 Уч.-изд. л. 33,08
А 07037 Тираж 2000 Зак. 106

Изд-во АПН РСФСР, Москва, Погодинская ул., 8.
Типография изд-ва АПН РСФСР, Москва, Лобковский пер., 5/16.
Цена 15 р. 25 к. С 1/I 1961 г. цена 1 р. 53 к.

ОТ АВТОРА

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась поворотным этапом в истории всего человечества. Она создала предпосылки для коренных преобразований во всех областях общественной жизни прежде всего нашей страны. Разрушив до основания политические и социально-экономические устои буржуазно-помещичьего государства, Октябрьская революция создала исключительно благоприятные условия для развития у всех народов Союза Советских Социалистических Республик общего образования и всех разделов науки, политического просвещения и коммунистического воспитания народных масс, для расцвета различных видов искусства, социалистического по содержанию, национального по форме.

Коммунистическая партия и Советское правительство поставили перед историками нашей страны почетную и ответственную задачу: на основе марксистско-ленинской методологии разработать историю всех народов СССР. Многие союзные и автономные республики и национальные области уже создали капитальные труды по истории своих народов.

Важное значение имеет разработка истории народов Средней Азии и Казахстана, населяющих те части Советского Союза, рядом с которыми лежат проснувшиеся и просыпающиеся к новой жизни народы Азии.

В крупнейшей из среднеазиатских республик ее Академией наук издана трехтомная история Узбекской ССР[1]. Вышли в

[1] История Узбекской ССР, т. I, кн. 1, под ред. С. П. Толстова, Р. Н. Набиева, Я. Г. Гулямова, В. А. Шишкина, Ташкент, 1955 (история Узбекистана на фоне истории Средней Азии с древнейших времен до конца XVIII в.), то же, кн. 2, под ред. М. Г. Вахабова, В. Я. Непомнина и Т. Н. Кары-Ниязова, Ташкент, 1956 (с конца XVIII в. до 1917 г.); то же, т. II, под ред. К. Е. Житова, М. Ю. Юлдашева, В. В. Ершова, В. Я. Непомнина, Х. Т. Турсунова, Ташкент, 1957 (советский период).

Содержание двух книг первого тома этого издания в первой редакции было опубликовано в I и II томах «Истории народов Узбекистана» (Ташкент, т. II, 1947; т. I, 1950).

свет труды по истории Казахстана[1], Киргизии[2], Таджикистана[3], Туркмении[4].

В крупных монографических исследованиях советских ученых, посвященных истории Средней Азии древнего периода, раскрыт факт существования на территории этой части Советского Союза великих культур, которые стояли в ряду с давно известными науке древними культурами Востока[5].

Важное значение имеют публикации документов по истории народов Средней Азии, а также по истории Октябрьской революции в Туркестане[6].

Внушительное количество статей и книг по отдельным вопросам истории Средней Азии и Казахстана публикуется ежегодно в местных и центральных изданиях. По этим вопросам ведется работа больших коллективов.

В феврале 1954 г. в Ташкенте состоялась Объединенная научная сессия, посвященная истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. В ее работе приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Ташкента, Алма-Аты, Сталинабада, Ашхабада, Фрунзе, Баку, Казани, Махач-Калы и других городов. В программу работ сессии вошли вопросы: о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, о формировании узбекской и казахской буржуазных наций, о реакционной сущности панисламизма и пантюркизма, о характере восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, о периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана.

В мае 1959 г. в Ташкенте проходила Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России.

Таким образом, советские научно-исторические учреждения широким фронтом ведут комплексную разработку истории на-

[1] История Казахской ССР, т. I, ред. М. О. Ауэзов и др., Алма-Ата, 1957.

[2] История Киргизии, Фрунзе, 1956, т. I, авторы: С. М. Абрамзон, А. Н. Бернштам, А. П. Окладников и др.; т. II, авторы: А. Т. Зима, Т. П. Никишов, Б. Эльбаев и др.

[3] Б. Г. Гафуров, История таджикского народа. В кратком изложении, изд. 3, т. I, М., 1955 (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции).

[4] История Туркменской ССР, Ашхабад, 1957, т. I, ред. А. Каррыев, М. Е. Массон и др.: кн. 1 (с древнейших времен до конца XVIII в.), кн. 2 (с начала XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции); т. II, ред. А. Каррыев, Ш. Т. Ташлиев и др. (1917—1957).

[5] Работы С. П. Толстова (Древний Хорезм, М., 1948 и др.), М. Е. Массона (в «Трудах Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции» и др.) и ряда других исследователей.

[6] Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане. Сборник документов, сост. К. Е. Житов и В. Г. Крылова, Ташкент, 1947; Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Сборник документов, ред. И. К. Додонов, Ташкент, 1947, и др.

родов Средней Азии и Казахстана, входивших накануне Великой Октябрьской социалистической революции в состав колонии Российской империи — Туркестанского генерал-губернаторства.

Обобщающие *историко-педагогические работы* по Средней Азии и Казахстану издавались главным образом к юбилейным датам и посвящались в основном развитию народного образования в советский период в данной республике. Опубликовано и значительное количество работ по отдельным историко-педагогическим вопросам.

Основная задача настоящих «Очерков» — осветить общий ход развития школьного дела в Туркестане за колониальный период (1865—1917). Предметом нашего исследования во вступительной части является характеристика системы учебно-воспитательных учреждений, которые были созданы имущими классами и мусульманским духовенством в Хивинском, Бухарском и Кокандском ханствах до присоединения Туркестана к России. В следующих главах автор стремится показать, как развивались в Туркестане с 60-х годов прошлого века разные формы школ и некоторые другие виды культурно-просветительных учреждений, отмечая то своеобразное, что отличало школы Туркестана от школ в других частях России[1].

В работе отмечаются политические и культурно-экономические влияния, которые шли от российского пролетариата, его революционного авангарда — партии большевиков и других передовых слоев населения России. Эти прогрессивные влияния явились прямым следствием территориального сближения великого русского народа с народами Средней Азии после ее присоединения к Российской империи и дали возможность подготовить трудящиеся массы Туркестана к восприятию идей Великой Октябрьской социалистической революции.

Заключительная глава «Очерков» посвящена развитию народного образования в Туркестанской АССР, образованной в 1918 г. в границах бывшего Туркестанского края и послужившей базой организации с конца 1924 г. национальных советских социалистических республик Средней Азии — Узбекской, Туркменской, Таджикской, Киргизской, а также Кара-Калпакской АССР (часть территории бывшей Туркестанской АССР составили южные области Казахской ССР).

В свое время гениальный Ленин придавал исключительное значение географическому положению Туркестана, который

[1] Материала по школам Туркестана нет в работах: Н. А. Константинов и В. Я. Струминский, Очерки по истории начального образования в России, М., 1949; Н. А. Константинов, Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до 1917 г., изд. 2, М., 1956; Ш. И. Ганелин, Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в., изд. 2, М., 1954.

он считал мостом, соединяющим страны Востока с революционной Россией.

Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет и правительство СССР неуклонно продолжают ленинскую политику. Среднеазиатские республики — Узбекская, Таджикская, Туркменская справедливо считаются форпостом идей Октября на Востоке. Н. С. Хрущев в докладе на внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза заявил:« В наших планах ярко выражена ленинская национальная политика, обеспечивающая широкие возможности для всестороннего развития экономики и культуры всех народов»[1].

* * *

Считаю своим долгом выразить благодарность А. Я. Мацкевич, которая много помогла в подборе архивных материалов, и Н. П. Архангельскому, неоднократно оказывавшему существенную помощь автору своими советами и многосторонними знаниями местных туркестанских условий жизни.

К. Бендриков

---

[1] Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, 1959, стр. 46.

ОТ РЕДАКТОРА

Содержание книги К. Е. Бендрикова охватывает по времени свыше шести десятилетий, по территории — большое пространство, где ныне находятся четыре союзные советские республики — Киргизская, Таджикская, Туркменская, Узбекская, а также южная часть Казахской ССР; в книге нашли место десятки типов разнообразных идеологических учреждений, многие деятели прошлого, многие стороны учебно-воспитательного процесса. Сообщаемые в книге факты документированы, собрана большая библиография. К «Очеркам» К. Е. Бендрикова трудно предъявлять требования большей полноты.

В интересах дальнейшего целенаправленного историко-педагогического изучения среднеазиатского материала нужно отметить следующее.

Книга К. Е. Бендрикова основана на множестве источников на русском языке; в этих источниках дано в переводах или пересказано большое количество источников на восточных языках. Исследования, ведущиеся в республиках Средней Азии, в Казахстане, Москве, Ленинграде и других местах, привлечением новых источников на языках народов Средней Азии должны дополнить уже известное и в книге К. Е. Бендрикова обобщенное.

Из печатных источников на русском языке для издаваемой книги не подверглось систематическому просмотру немногое:

а) дореволюционные газеты, издававшиеся в гг. Андижане, Асхабаде, Верном и Скобелеве (полные комплекты по Андижану и Скобелеву в Ташкенте не сохранились);

б) газеты 1917—1924 гг.

Кроме того, ждут более полного использования ежегодные статистические обзоры, издававшиеся областными статистическими комитетами Туркестанского края.

Архивные источники, хранящиеся в Ташкенте и в центральных архивах, лежат в основе исследования К. Е. Бендрикова

и подвергнуты систематическому просмотру. В недавнее время в Исторический архив Узбекской ССР в Ташкенте поступили рукописные дневники Н. П. Остроумова [1], которые он вел на протяжении десятилетий; они должны привлечь внимание исследователей.

В дополнение к источникам, использованным автором, редактор просмотрел несколько машинописных диссертаций, хранящихся в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве. Этот вид источников использован для издаваемой книги неполно, так как:

а) некоторых диссертаций в Библиотеке им. В. И. Ленина нет;

б) историко-педагогический материал по Средней Азии встречается и в диссертациях, не являющихся по основной теме историко-педагогическими.

* * *

Охарактеризованная во вводной части «Очерков» К. Е. Бендрикова мусульманско-феодальная педагогика широко оплела жизнь народов Средней Азии, имея целью духовное порабощение эксплуатируемых. Однако жила и здоровая народная педагогика, рожденная в опыте трудовых семей; она отражена в пословицах и других формах фольклора, избежавшего цензуры духовенства [2]. Народная педагогика Средней Азии ждет исследователя.

В издаваемой книге мало сказано о просветителях прогрессивного и демократического направления, вышедших во второй половине XIX в. из народов Средней Азии. По этой теме читатель найдет значительный материал в недавно опубликованных работах З. Ф. Миртурсунова, И. М. Муминова, З. Ш. Раджапова, М. С. Сабирова, (см. библиографию в конце книги).

О сельскохозяйственных и технических учебных заведениях Туркестана в «Очерках» К. Е. Бендрикова сказано бегло. Эта тема должна привлечь интерес исследователей в наше время широкого развития профессиональной подготовки.

Ввиду большого объема публикуемых «Очерков» в них не включены и остались недоработанными материалы по темам: «Школы национальных меньшинств в Туркестанском крае», «Детские приюты в Туркестанском крае», «Русские школы в Бухарском и Хивинском ханствах».

Среди читателей издаваемой книги должно быть много работников педагогических вузов. Для педагогического образования актуальна задача связи историко-педагогических знаний студентов с их теоретической педагогической и методической подготовкой. История частных методик не является предметом «Очерков» К. Е. Бендрикова. Но в них содержатся некоторые сведения по истории преподавания русского языка нерусским детям в Средней Азии, по истории узбекского языка как школьного предмета, а также по истории школьного краеведения в Туркестане. Разработка специалистами истории соответствующих частных методик в условиях Средней Азии даст полезную опору методической подготовке учителей.

Границы образовавшихся в 1924 г. национальных республик Средней Азии и их внутренних административных делений рассекли дореволюционные рубежи областей, уездов, волостей Туркестанского края. Поэтому установить динамику роста школьной сети до 1924 г. трудно даже для крупной территории, как республика, поскольку старые статистические сводки приурочены к прежним границам. Подъем культуры в республиках Средней Азии вызывает развитие краеведения; краеведы должны заинтересоваться установлением истории школ в своей местности, а это поможет уточнить и данные в границах областей и республик.

В издаваемой книге краеведы некоторых районов найдут сведения о первых школах в своей местности.

Краеведческие исследования, используемые критически, в сопоставлении с другими источниками, надежные воспоминания ряда старожилов, иногда помогают установить существенное для науки [1].

* * *

В литературе, изданной в последнее время, встречаются оценки дореволюционной русской школы в Туркестане прямо противоположные. В книге об опыте школы № 2 гор. Ферганы во вводной части говорится: «Во всей постановке обучения и воспитания в дореволюционной школе господствовали догматизм, зубрежка, муштра, пренебрежение к развитию творческих сил детей, отрыв от жизни, применялись главным образом словесные методы обучения. Воспитание велось в духе религиозном, преданности царю, веры в незыблемость господ-

---

[1] Часть дневников Н. П. Остроумова опубликована в книге: «К истории народного образования в Туркестанском крае. Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. П. Остроумова (1877—1881 гг.)», Ташкент, 1899. (В дальнейшем эта работа именуется сокращенно: Н. П. Остроумов, Воспоминания.)

[2] См., напр., кн.: Г. Н. Волков, Чувашская народная педагогика, Чебоксары, 1958.

[1] Это сделано, напр., в работах А. Ф. Ардаширова, Г. М. Билялова, Ж. Урумбаева (см. библиографию в конце книги).

ства помещиков и капиталистов, в духе национализма, шовинизма»[1].

А в другой брошюре утверждается: «Роль первых деятелей — просвещенцев... в Туркестанском крае была чрезвычайно прогрессивна... историческая миссия школы состояла главным образом в том, что в годы жесточайшей реакции, правительственного произвола царской России она была и оставалась до конца... проводником и рассадником идей гуманной, передовой педагогики и просвещения среди первых русских поселенцев и местных жителей Туркестанского края»[2].

Огульное охаивание в первом случае, идеализация во втором обусловлены недостатком разработки источников и соскальзыванием к «теории единого потока».

Исследование К. Е. Бендрикова стремится дать основу для правильной критической оценки былого.

Отдельные живые люди — деятели просвещения в Туркестане, работавшие в противоречивых условиях прошлого, пока не обрисованы достаточно ясно; это дело будущего.

Н. Архангельский

---

[1] Ферганский областной институт усовершенствования учителей. Из опыта работы педагогического коллектива школы № 2 гор. Ферганы, Фергана, 1958, стр. 4.

[2] В. Т. Кочаров, Из истории народного образования в Туркестанском крае, Госиздат УзССР, Ташкент, 1959, стр. 7. В этой брошюре, рассказывающей о школах в Туркестане с 1863 г. до конца XIX в. и о школах в Узбекистане после Октябрьской революции, допущено много ошибок и неточностей.

Введение

ДРЕВНОСТЬ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ[1]

Средняя Азия к середине XIX в.— времени присоединения к России — была раздроблена феодальными владениями. Между группами населения, особенно между оседлыми и кочевниками, имелись существенные различия. Но во всей Средней Азии экономика и культура были очень отсталыми.

В языковом отношении большинство населения принадлежало к тюркоязычным народам (казахи, киргизы, узбеки, туркмены, каракалпаки и др.), значительную часть составляли ираноязычные (таджики и др.). Письменность, грамотность были распространены слабо. Народы Средней Азии своей письменности не имели и пользовались арабским алфавитом[2], в школах языком обучения служил арабский. Ислам давил и на политику — управление в среднеазиатских деспотиях служило теократии, и на экономику — значительная часть орошенных земель принадлежала мусульманским учреждениям; культурную жизнь сковывали религиозные путы.

В Средней Азии ислам распространился с середины VIII в. Домусульманское прошлое этой страны было неизвестно науке в середине XIX в.; скудные отрывочные сведения имелись тогда о культурных успехах Средней Азии первых веков ислама.

Позже ученые, главным образом русские, установили, что до распространения арабской письменности у древних тюрков, в том числе среднеазиатских, имелась с V в. своя письменность — так называемая орхонская,— тоже на алфавитной основе, сохранившаяся преимущественно в коротких наскальных надписях (в Средней Азии — в пределах Семиречья); что в первые века ислама параллельно с арабской письменностью

---

[1] Основные источники: История Узбекской ССР, т. I, кн. 1, Ташкент, изд-во АН УзССР, 1955; В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927. Раздел написан совместно с Н. П. Архангельским.

[2] Исключение составляли евреи, которые говорили в Средней Азии по-таджикски, а письменность имели древнееврейскую.

в канцеляриях правителей Средней Азии применялся более поздний вариант древнетюркского письма — уйгурская письменность.

В наше время, трудами главным образом советских археологов и историков, выяснено, что еще тысячелетия назад в Средней Азии сложились ранние очаги человеческой культуры в низовьях Аму-Дарьи (Хорезм), в долине р. Зеравшана (Согд), в южной Туркмении (парфянская культура) и др.; эти очаги древней цивилизации теперь привлекают внимание историков наряду с такими странами древней культуры, как Египет, Месопотамия, Индия, Китай. При раскопках в этих древних культурных районах обнаружен высокий технический и художественный уровень сооружений и вещей разного назначения, датируемых далекими столетиями; такой высокий уровень материальной культуры трудно представить без развитой письменности. Ряд находок доказал, что тысячелетия назад в Средней Азии имелись варианты алфавитного письма, приспособленного к местным языкам иранской группы. Один из них, согдийский, послужил промежуточным звеном при распространении алфавитного принципа письма из Восточного Средиземноморья в Центральную Азию и далее на восток: с согдийской графикой связаны орхонская и уйгурская, а с уйгурской — монгольская и т. д.

Со слов китайского путешественника начала VII в. Сюань Цзана [1] известно, что в Самарканде мальчиков с 5 лет обучали письму и счету, а в юношеском возрасте отправляли с караванами для изучения торгового дела.

Из сочинений Бируни и аль-Хорезми видно, что в Согдиане и Хорезме издавна велся свой официальный календарь, основанный на астрономических наблюдениях, что в древнем Хорезме, «на почве практических потребностей ирригации, путешествий, строительства и торговли» [2], выросли традиции математики.

Эти и другие факты показывают, что в домусульманской Средней Азии было организовано обучение молодого поколения. Более конкретных сведений по этому вопросу не сохранилось, потому что арабское завоевание и насильственная исламизация населения Средней Азии сопровождались массовым уничтожением памятников местной, «языческой», письменности, а также и сословия ученых жрецов — ее хранителей.

В распространении арабского языка большую роль играли мусульманские школы.

Начальные мусульманские школы — *мактабы* проникли в Среднюю Азию с запада, параллельно с распространением ис-

[1] Сюань Цзан — ученый паломник-буддист, проехавший через Среднюю Азию в Индию.

[2] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 268.

лама и построением мечетей. Для изучения Корана была необходима грамотность; поэтому в начале VIII в. в Арабском халифате установили требование к имамам мечетей: обязательно обучать мальчиков своего прихода основам веры и грамоте. Главным предметом изучения являлся Коран, им же пользовались как первой книгой при обучении чтению [1].

Гораздо значительнее было влияние средней и высшей мусульманской школы — медресе, о которой речь впереди.

Арабизация охватила прежде всего правящие слои населения, так как они первые политически и экономически объединились с завоевателями. Арабский язык сделался в Средней Азии языком государственных канцелярий, орудием управления покоренными народами. Он применялся не только в проповеди и молитве; на нем была написана вся мусульманская богословская и юридическая литература, так как мусульманское право связано неразрывно с богословием.

После отпадения в середине X в. от Багдадского халифата его восточных областей положение несколько изменилось: персидско-таджикский литературный язык, принявший мусульманскую, т. е. арабскую, графику, завоевал право гражданства в литературе народов Средней Азии, особенно в поэзии. Однако языком богословия и светских наук остался арабский.

Еще с конца VIII в. представители народов Средней Азии деятельно участвовали в создании так называемой арабской науки, т. е. в развитии на арабском литературном языке математики, астрономии, минералогии, медицины, географии и других наук. В этот период, особенно в первой половине IX в., на арабский язык усиленно переводились выдающиеся научные произведения с древнегреческого, с санскрита и других древних литературных языков. Через Среднюю Азию издавна пролегали пути международной караванной торговли, в связи с чем здесь имелись благоприятные условия для такой переводческой деятельности. В значительной мере благодаря писавшим на арабском языке уроженцам Средней Азии слились в один поток научной мысли достижения древнегреческой и древнеиндийской математики, древнеиндийской и древнегре-

[1] Алфавитное письмо стало проникать в Аравию в предисламскую эпоху от соседних семитических народов. В середине VII в., когда оформился текст Корана, мусульманская верхушка начала устраивать школы в целях подготовки писцов для распространения текста Корана; переписку Корана объявили благочестивым делом; были мусульманские государи, в том числе в Средней Азии, которые лично написали несколько экземпляров Корана. Термин «мактаб» обозначал вначале школу *писцов*. В массовых мактабах при мечетях, распространившихся с VIII в., на первый план выступило *чтение* Корана (громкое чтение Корана применялось с первых лет мусульманской пропаганды). См. об этом в книгах: Н. П. Остроумов, Исламоведение. Введение в курс исламоведения, Ташкент, 1914, стр. 94—96, и А. Крымский, Мусульманство и его будущность, М., 1899. *Ред.*

ческой медицины и т. д.; с ними сливались успехи древней культуры Хорезма, Согдианы, Бактрии.

На этой почве вырос ряд крупнейших представителей мировой науки, которые были уроженцами Средней Азии; но ученые свои труды излагали на арабском языке: врач Ибн-Сина (Авиценна) (980—1037) из Бухары, математик аль-Хорезми (IX в.), великий энциклопедист Бируни, тоже из Хорезма (973—1048), астроном аль-Фергани (умер в 829 г.) и другие[1].

Эти ученые обычно были и *преподавателями*. Труды, которые сделали их имена широко известными, часто по замыслу являлись учебными пособиями: таково руководство по медицине, написанное Ибн-Синой; переведенное на латинский язык, оно служило учебником для врачей в Европе в течение нескольких веков. Таково же руководство по математике, составленное аль-Хорезми, послужившее началом науки алгебры.

Преподавание наук осуществлялось обычно путем частных уроков. Крупные ученые обучению молодежи уделяли часть времени, в основном занимаясь исследованиями, связанными с их практической деятельностью; таков был врач Ибн-Сина. Встречались и люди, сделавшие своей профессией преподавание наук. Одного из них описал путешественник X в.; этот преподаватель рекомендовался учеником Ибн-Сины; у него было «значительное число учеников»: одни «читали Эвклида», т. е. занимались геометрией, другие сидели над медицинскими книгами, некоторые — над «математическими», т. е. изучали, по-видимому, алгебру[2]. Роль преподавателя, владевшего собранием рукописных книг, заключалась, очевидно, в комментировании учебников.

Не позже X в. в Средней Азии возникли *медресе* — школы для подготовки мусульманских проповедников и законоведов.

О существовании бухарского медресе Фараджек источники упоминают уже в 937 г. Это медресе обладало значительной библиотекой, в которой было много ценных рукописей; в нем мударрисы читали лекции по вопросам мусульманского богословия. По мнению акад. Бартольда, медресе Фараджек древнее всех медресе на Ближнем Востоке. Он предполагает, что медресе как школа мусульманского богословия зародилась в Средней Азии и отсюда распространилась на запад мусульманского мира — в Иран, Ирак, Сирию, Малую Азию, Египет и дальше[3].

[1] Сочинения Ибн-Сины и Бируни издаются на русском языке Академией наук УзССР. Жизни и творчеству Бируни в связи с 900-летием со дня его смерти посвящены сборники: «Бируни», под ред. С. П. Толстова, изд-во АН СССР, 1950; Бируни — великий узбекский ученый средневековья, изд-во АН УзССР, 1950.

[2] См. кн.: Насир-и-Хусрау, Сафар-намэ. Книга путешествия, Перев. Е. Э. Бертельса, Л., 1933, стр. 32.

[3] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, Спб., 1900, стр. 105.

Зарождение медресе именно в Средней Азии объяснялось тем, что здесь ислам столкнулся с энергичной пропагандой буддизма, манихейства и других религий, здесь внутри ислама образовалось несколько боровшихся сект. Острая борьба религиозных идей, отражавшая конфликты социальные и национальные, и породила потребность в школах для воспитания проповеднических кадров.

В Средней Азии и соседних странах сохранилось немало зданий медресе, которые стоят несколько веков. Для медресе были типичны архитектура и быт монастырского типа: во двор, обстроенный с четырех сторон, ведет единственный вход; учащиеся живут в медресе по небольшим кельям, здесь же мечеть; в медресе не могут входить женщины.

Русскими археологами и историками высказано предположение, что первые медресе многое переняли от древнебуддийских монастырей, которые имелись на юге Средней Азии[1]; вероятно влияние на тип медресе и христианской монастырской школы, с которой ранние мусульманские богословы могли познакомиться у восточных границ Византии[2].

Медресе, как и храмы и монастыри разных религий, издавна владели землями и другим имуществом. Например, по рассказу бухарского летописца, несколько селений было передано во владение медресе, устроенного для подготовки мусульманских законоведов в одном из бухарских дворцов в конце XI или начале XII в.[3].

Медресе в Средней Азии издавна было учебным заведением богословско-юридическим. Светские знания в курс медресе включались лишь в связи с изучением мусульманского права. Однако светские науки, например медицина, в медресе (преимущественно больших городов) могли изучаться факультативно.

В государстве Саманидов (874—999), столицей которого служила Бухара, распространению научных (светских) знаний способствовали книгохранилища и книжные базары.

В Бухаре провел детство и юность великий ученый Ибн-Сина. По его словам, во дворце бухарского эмира была прекрасная библиотека, которой Ибн-Сина пользовался с разрешения эмира. Библиотека занимала несколько комнат, в каждой комнате находились рукописи по различным отраслям знаний. Рукописные книги хранились в сундуках. По словам

[1] А. Д. Калмыков, Основные вопросы среднеазиатской археологии. «Протоколы Туркестанск. кружка любителей археологии», XIV, Ташкент, 1910, стр. 98—101. То же у В. В. Бартольда (История культурной жизни Туркестана) и у М. Е. Массона (Регистан и его медресе).

[2] Н. Пигулевская, Нисибийская академия. В книге того же автора «Города Ирана в раннем средневековье», изд-во АН СССР, 1956.

[3] Мухаммад Наршахи, История Бухары, перев. с персидск. Н. Лыкошин, под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897, стр. 41.

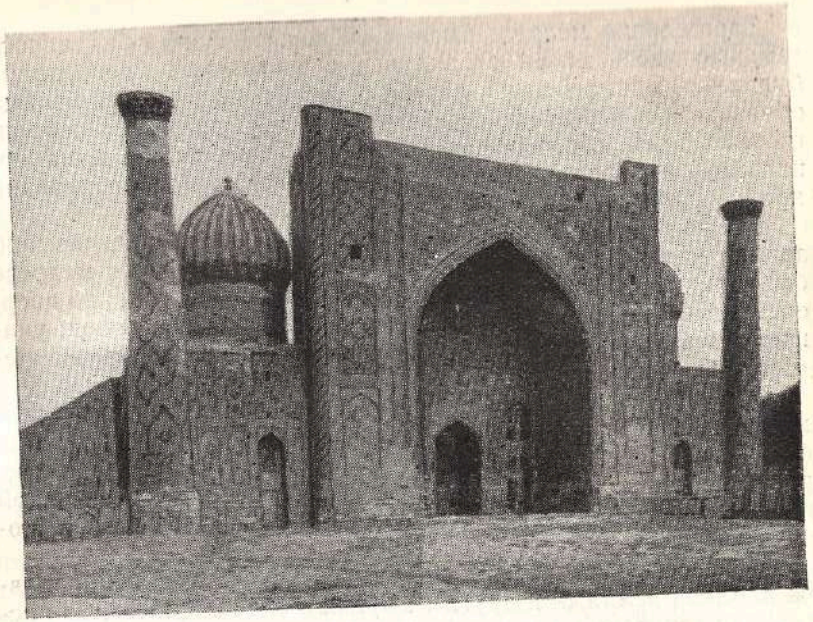

Рис. 1. Медресе Шир-Дор в Самарканде. Главный фасад

Ибн-Сины, бухарская библиотека имела в то время в Передней Азии только одну соперницу — библиотеку во дворце в Ширазе (западный Иран).

Ибн-Сина в своей автобиографии пишет, что в Бухаре находился большой книжный базар, служивший местом встреч ученых и литераторов. В одной из книжных лавок он купил сочинение крупного среднеазиатского философа аль-Фараби, (тюрк по национальности, умер в 950 г.). Купленная рукопись оказалась комментарием аль-Фараби к «Метафизике» Аристотеля.

Кроме Бухары, в Средней Азии в IX—XI вв. было несколько культурных центров: Самарканд, Мерв и др. Особенно богатым и культурным городом был Ургенч, столица Хорезма. При дворе хорезмийского правителя Мамуна II собирались крупнейшие ученые того времени. В начале XI в. из Бухары эмигрировал в Ургенч Ибн-Сина.

Войны, особенно опустошительные войны, связанные с нашествием монголов в XIII в., пагубно отразились на культурной жизни Средней Азии.

Новый подъем культурной жизни здесь наблюдался со второй половины XIV в., когда Самарканд стал центром огромной империи Тимура (Тамерлана). В свою столицу Тимур насильно привозил ученых и мастеров из опустошенных им земель[1]. О международных связях Средней Азии в ту эпоху говорит факт прибытия в Самарканд в 1404 г. послов из Испании и Китая.

В научной области значительные результаты были достигнуты при внуке Тимура Улугбеке, правившем с 1409 по 1449 г. Этот правитель не отличался талантами государственного деятеля или полководца, но много внимания уделял развитию наук. Он составил «Историю четырех улусов Чингисовых». По его инициативе в окрестностях Самарканда была сооружена обсерватория, остатки которой сохранились до нас. Постройка ее была начата в 1428 г. при участии крупных ученых той эпохи. К числу их учеников принадлежал и Улугбек, от имени которого и были составлены астрономические таблицы и ката-

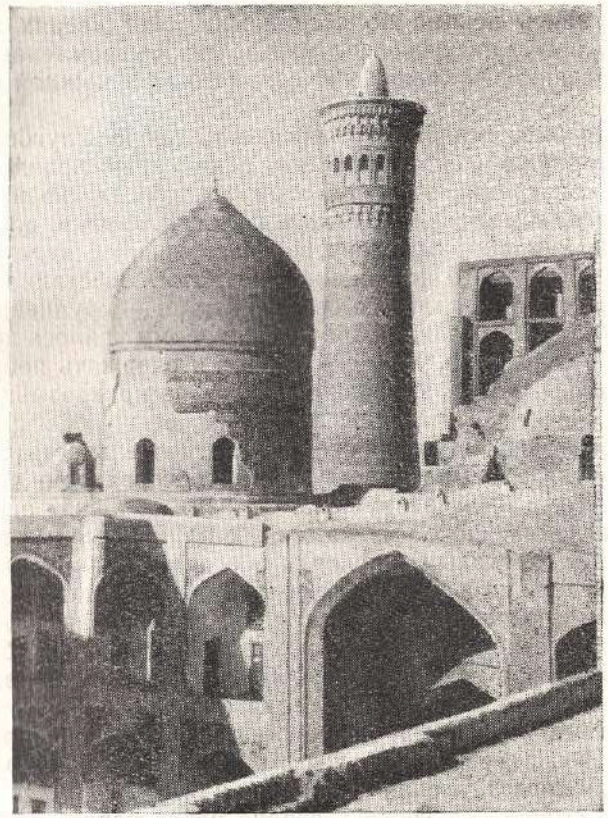

Рис. 2. Медресе Мир-Араб в Бухаре

[1] В. В. Бартольд, Культура мусульманства, II, Пгр., 1922, стр. 92.

лог звезд. Эти работы представляли последнее слово средневековой астрономии, высшей ступени которой могла достигнуть астрономическая наука до изобретения телескопа.

Астрономический справочник Улугбека привлек внимание европейской науки и был переведен на латинский язык. Наблюдения Улугбека отличались большой точностью для своего времени; так, он определил широту самаркандской обсерватории: 39°37′ (истинное положение ее 39°50′).

Сорокалетнее правление Улугбека оставило в Самарканде и других местах несколько памятников, сохранившихся до настоящего времени. В годы изучения астрономии Улугбек приказал построить три медресе — в Бухаре, Самарканде и Гиждуване.

В самаркандском медресе (на площади Регистан), кроме занятий богословием и законоведением, ученым Казы-заде Руми читались лекции по астрономии. На дверях медресе Улугбека в Бухаре вырезано изречение: «Стремление к знанию — обязанность каждого мусульманина и каждой мусульманки».

Однако внешний блеск и пышность двора Улугбека, громадные сооружения и ничем не ограниченный произвол ханской администрации резко обострили недовольство народных масс, задавленных непомерными налогами. Этим воспользовалось реакционное духовенство, возмущенное веротерпимостью Улугбека и его научными занятиями. Восстание поднял орден дервишей во главе со своим вождем — крупнейшим духовным феодалом Ходжа-Ахраром, которому удалось привлечь в качестве союзников узбекских ханов и одержать победу над Улугбеком. В 1449 г. Улугбек был убит по приказанию своего сына.

Обсерватория Улугбека прекратила деятельность. В начале XVI столетия наземная часть здания обсерватории вместе с инструментами была разрушена. Остатки ее в виде огромного секстанта, сложенного из каменных плит, были отрыты в 1908 г. В. Л. Вяткиным. Раскопки обсерватории закончены советскими учеными в 1948 г. Обсерватория представляла собой, по данным раскопок, высокое круглое здание радиусом более 40 *м*. Кроме секстанта, в нем находилось несколько больших залов, коридоров и небольшие комнаты для обслуживающего персонала. Снаружи здание обсерватории было покрыто художественными изразцами; на ее стенах имелись изображения девяти небес и девяти небесных сфер, в которых отразились тогдашние представления о мироздании.

После смерти Улугбека в стране берут перевес реакционные общественные силы, особенно духовные феодалы.

На культурной жизни Средней Азии резко отрицательно сказалась длительная задержка здесь феодальных отношений. Феодалы в Средней Азии имели над крестьянами огром-

ную власть, потому что в условиях искусственного орошения феодал был хозяином не только земли, но и воды.

Многовековой союз феодалов с религией привел к формированию в Средней Азии мощного аппарата духовного порабощения: это иллюстрирует победа над Улугбеком реакционнейшего феодала Ходжа-Ахрара.

Открытие Америки и морского пути в Индию дало громадный толчок культурно-экономическому росту государств Западной Европы; в то же время передвижение на южные моря главных торговых путей, связавших страны Средиземноморья с Дальним Востоком и Индией, явилось одной из причин экономического упадка стран Средней Азии, через которые раньше шли мировые сухопутные караванные пути.

* * *

Научная деятельность не прекращалась полностью в Средней Азии и в последние столетия перед ее присоединением к России, но предметом научных занятий была филология, отчасти история, а не изучение природы. Сократилось и упало преподавание светских наук (если не говорить об изучении арабской филологии, связанной с богословием и мусульманским правоведением).

С начала проникновения ислама в Среднюю Азию до присоединения ее к России протекло тысячелетие. За это время в стране произошли значительные изменения в языке. Большинство населения говорило теперь на том или другом тюркском языке, к ираноязычным принадлежала уже меньшая часть.

Арабский язык оставался главным языком мусульманских школ. Но арабский алфавит давно применили не только к персидскому и таджикскому языкам, но и к ряду тюркских. На языках народов Средней Азии, особенно на таджикском и узбекском, к середине XIX в. имелась в арабской графике немалая литература, преимущественно поэтическая. Значительная часть ее служила пропаганде ислама[1]. Большинство светских произведений в той или иной мере было окрашено мусульманской идеологией.

---

[1] В истории мусульманских школ в Иране и Средней Азии были две тенденции: сделать монопольным арабский язык или же распространять сущность исламского вероучения, хотя бы даже пользуясь для этого родными языками населения. Выражением первой тенденции был строгий запрет переводить Коран с арабского на другие языки. Вторая тенденция проявилась в фактах создания книг для популяризации ислама на персидско-таджикском языке («Чоркитаб» — «Четверокнижие» — составлен в IX в. Шарафутдином аль-Бухари, дополнен в конце XII в. Фаридитдином Аттаром), на староузбекском (сборник Ахмеда Ясави, XII в.; два сборника Суфи-Аллаяра, XVII в.) и на старотуркменском («Равнак-уль-ислам» — «Светоч ислама» — написан в 1464 г., автор — Вепаи); все эти книги стали учебниками в мактабах Средней Азии. — *Ред.*

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ТУРКЕСТАНА К РОССИИ И ЕГО ПРОГРЕССИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Появление в Индии в конце XVIII в. англичан, стремившихся к захвату среднеазиатских рынков, побуждало царское правительство к проникновению в Среднюю Азию.

В начале XIX в. здесь наиболее крупными государственными образованиями были Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства. К середине XIX в. царская Россия продвигалась в глубь Средней Азии по двум «линиям»: от Аральского моря вверх по р. Сыр-Дарье (здесь в 1853 г. на месте кокандского укрепления Ак-Мечети был создан форт Перовский, ныне город Кзыл-Орда, Казахской ССР) и от р. Иртыша к р. Или, обходя оз. Балхаш с востока, и далее к подножию гор Тянь-Шаня (здесь в 1854 г. было построено укрепление Верное — ныне столица Казахской ССР Алма-Ата). Задержанное Крымской войной 1853—1856 гг. продвижение царских войск в глубь Средней Азии возобновилось в начале 60-х годов, когда Россия вступила в капиталистический период своей истории. К этому времени окончательно определились важнейшие торговые пути, по которым шла торговля между Россией и среднеазиатскими ханствами. Следовательно, кроме военно-стратегических, имелись экономические и политические мотивы активной колониальной политики царизма в Средней Азии.

Царское правительство решило соединить «Сыр-Дарьинскую линию» и «Сибирскую линию». Из занятых царскими войсками северных владений Кокандского ханства (г. Чимкент и др.) в начале 1865 г. была образована *Туркестанская область* [1], подчиненная оренбургскому генерал-губернатору. В июне того же года был занят подчинявшийся кокандскому хану г. Ташкент.

В июле 1867 г. из присоединенных земель было образовано *Туркестанское генерал-губернаторство* в составе Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей с административным центром в Ташкенте. Впоследствии в состав Туркестанского генерал-губернаторства вошли: на основании договора с Бухарой в июне 1868 г.— Самаркандская область [2], на основании договора с Хивой в августе 1873 г. — Аму-Дарьинский отдел, а с февраля 1876 г., с ликвидацией Кокандского ханства,— Ферганская область. Первым начальником присоединенного края был назначен инженер-генерал К. П. Кауфман, который получил от Александра II исключительные полномочия.

Бухарский эмират и Хивинское ханство, в урезанных границах, царизм превратил в свои вассальные владения, включив их в таможенные границы империи и подчинив надзору туркестанского генерал-губернатора.

[1] Туркестаном много столетий назад стали называть северные районы Средней Азии, заселенные тюркскими племенами. Вблизи среднего течения Сыр-Дарьи находится г. Туркестан, занятый русскими войсками в 1864 г.

[2] До 1887 г. она называлась Зеравшанским округом.

Покорением трех узбекских ханств, силы которых Кауфману удалось разъединить дипломатическим путем, закончился первый этап завоевания Средней Азии царизмом. Вторым этапом явилось окончательное установление границ Туркестанского края, урегулирование мирными соглашениями и вооруженной силой взаимоотношений с Китаем, Британской Индией, Афганистаном и Персией. В процессе установления границ происходило присоединение разделенной на мелкие феодальные владения Туркмении, которое началось в 1869 г., когда на восточном берегу Каспийского моря был заложен город Красноводск, а закончилось в 1884 г. Длительное соперничество между Россией и Англией на Памире завершилось двусторонним соглашением о границах 1895 г.

Прошедшее в середине XIX в. присоединение Туркестана к России через столетие с очевидностью расценивается как прогрессивное учеными, которые могли вырасти в Средней Азии из ее народной массы только благодаря тому, что *Туркестан стал частью России — страны Великого Октября*. В этом плане прогрессивность присоединения Туркестана к России раскрывается еще шире, когда мы познаем воочию, что национальные республики советской Средней Азии служат маяком Востоку, сбрасывающему цепи колониализма.

Поскольку к середине XIX в. Туркестан был одной из самых отсталых стран,— и тогда в присоединении его к России нельзя было не признать положительных сторон. Ханства Средней Азии являлись раздробленными феодальными государствами. Их междоусобные войны разрушали производительные силы. В XIX в. войны участились в ходе «собирания земель», в котором конкурировали Бухара и Коканд, а также другие владения. В кочевых районах некоторые владетели систематически грабили шедшие через их территории торговые караваны. В оседлых районах на шее крестьян и ремесленников сидела разбухшая армия паразитов, кормившихся около светских феодалов и вокруг религиозных учреждений. Хищническая эксплуатация трудящихся не раз вызывала в ханствах народные движения.

Присоединение к царской России не уничтожило в крае эксплуатации трудящихся, родило ее новые формы. Но с присоединением к России окончились междоусобные войны и постоянные грабежи на дорогах; были освобождены рабы. Для хозяйственной жизни создались более благоприятные условия. Увеличилась посевная площадь; быстро стал развиваться ряд отраслей сельского хозяйства, особенно хлопководство.

Присоединение Средней Азии и Казахстана к России позволило установить непосредственный контакт трудящихся

этих стран с русским народом. Сближение их с русскими крестьянами и рабочими способствовало заимствованию новых видов земледелия и животноводства, строительного дела и ремесел. С другой стороны, русские крестьяне заимствовали у коренного населения поливное земледелие, арычную систему орошения, шелководство и виноградарство и т. д. Такой обмен трудовым опытом создал базу для взаимного общения и сотрудничества русских крестьян и рабочих с трудящимися Средней Азии.

Установление тесных экономических связей между народами Средней Азии и России ускорило рост капиталистических отношений и включило хозяйство Узбекистана в систему мировой капиталистической экономики. Следовательно, присоединение к России объективно сыграло прогрессивную роль в жизни народов Туркестана в той мере, в какой капитализм по сравнению с феодальным способом производства явился для Туркестана более высоким этапом в общественном развитии, положившим начало зарождению в социальной структуре узбекского и других народов Средней Азии нового общественного класса — революционного пролетариата. Капиталистический способ производства создал условия для роста классового расслоения населения Средней Азии, вызвал возникновение новых городов и русских сел. Рядом со среднеазиатскими старыми городами появились русские части городов в Ташкенте, Самарканде, Коканде и др., усилилось влияние городской культуры на сельское население, возникло много фабрично-заводских предприятий и различных видов просветительных учреждений.

Культурное общение народов Средней Азии и России также имело для них прогрессивное значение. Новые формы общественного сознания, соответствующие капитализму, разрушали основы устарелой феодальной идеологии, господствовавшей в Средней Азии. Например, русские начальные и средние школы современного типа были неизмеримо прогрессивнее мусульманских средневековых школ. Через Россию передовые люди Туркестана, Бухары и Хивы получили возможность приобщиться к великим достижениям русской и мировой культуры.

Присоединение Туркестана к России произошло в основном в 60-х и первой половине 70-х годов XIX в., т. е. в период оживления в России революционно-демократического движения. Среди русских людей, попавших в то время в Туркестанский край, находилось немало таких, которым были близки идеи Чернышевского, Добролюбова и других революционных демократов. Туркестан явился также местом ссылки «политически неблагонадежной» студенческой молодежи. В неисследованный край приезжали многие молодые ученые, сделавшиеся потом гордостью русской науки. Эти русские люди благотворно

влияли на сближение народов Средней Азии с народами России.

Признание положительных сторон присоединения Туркестана к России, положительной роли общения его населения с русским народом и его революционным классом не должно влиять на общую отрицательную оценку реакционной политики царизма в Туркестане. Колонизаторская политика царской власти задерживала развитие производительных сил страны, тормозила культурный рост местного населения, вызывала недоверие и даже враждебное отношение ко всему русскому народу. Следовательно, к царскому колониальному режиму, установившемуся в Средней Азии после ее завоевания царизмом, в полной мере применима характеристика политики царского правительства в отношении нерусских народов, данная в сочинениях В. И. Ленина, например в его статье «О праве наций на самоопределение»[1].

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНСКИМ КРАЕМ

Царское правительство рассматривало присоединенные земли Средней Азии как завоеванную неприятельскую территорию, поэтому Туркестанский край был подчинен не Министерству внутренних дел, как другие части России, а Военному министерству; почти вся царская администрация края состояла из кадровых армейских офицеров разных рангов во главе с генерал-губернатором, ответственным за свою деятельность лично перед царем.

Туркестанское генерал-губернаторство делилось с 1899 г. на пять областей: Семиреченскую, Сыр-Дарьинскую (с Амударьинским отделом), Самаркандскую, Ферганскую и Закаспийскую[2]. Каждая область делилась на уезды. Основная задача военно-управленческого аппарата состояла в том, чтобы обеспечить прочное обладание новым краем, организовать экономическое освоение и колониальную эксплуатацию присоединенного края. Деление Туркестана на области и уезды было проведено не по национально-этническим признакам, а в зависимости от того, в какой хронологической последовательности происходило присоединение земель Средней Азии к России, как удобнее было царским генералам управлять населением и эксплуатировать богатства нового края. Например,

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 365.

[2] Семиреченская область в 1882—1899 гг. находилась в составе не Туркестанского, а Степного генерал-губернаторства; Закаспийская область в состав Туркестанского края включена в 1897 г.; в состав Самаркандской области с 1887 г. передан из Ферганской области Ходжентский уезд (ныне Ленинабадская область Таджикской ССР), присоединенный к России в 1866 г.

чтобы устранить политическое влияние местных феодалов на низовой административный аппарат, царское правительство, проводя новое волостное деление, расчленило на части прежние, исторически сложившиеся, родовые и племенные единицы Средней Азии.

При организации управления Туркестанским краем царская власть стремилась опереться на имущие классы коренного населения; из них комплектовалась, путем условных «выборов», низовая «туземная» администрация (не выше волостных управителей), которая подчинялась русской военной администрации (участковым приставам и выше).

Судебный аппарат, помимо обычных для царской России форм, в Туркестанском крае был представлен еще «выборными» судьями из коренного населения, которые имели право разбирать лишь дела «между туземцами», кроме крупных преступлений, и судили на основе шариата (т. е. мусульманского права) в оседлых районах и на основе обычаев — в кочевых.

Областями управляли военные губернаторы, а уездами — уездные начальники, опиравшиеся, через участковых приставов, на «туземную» администрацию, а также на «туземных» судей.

Так как должности административные (волостных управителей, пятидесятников) и судебные считались «доходными», то при выборах этих «народных избранников» разгоралась борьба влиятельных лиц, подкупались избиратели, давались взятки царской администрации, имевшей право утверждать выборных кандитатов и смещать их.

На смену старой землевладельческой знати ханского времени в кишлаках Туркестанского края довольно быстро вырос новый эксплуататорский класс баев — кулаков и ростовщиков, влиявших на выборы «туземной» администрации и суда. Словом, народные массы Средней Азии при этой системе управления попали под двойной гнет — царской военной администрации и местных эксплуататоров.

Такая «система» с точки зрения финансовой и политической была самой дешевой и надежной для колониальных властей: судьи и управители содержались за счет населения, но усердно помогали областным и уездным начальникам эксплуатировать народ и держать его в повиновении.

Права и обязанности начальника Туркестанского края были определены царским указом на имя первого генерал-губернатора — К. П. Кауфмана. Генерал-губернатор получил право вести в случае нужды войну и заключать мир с соседними владениями, а также решать «политические, пограничные и торговые дела, отправлять в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров и подписывать трактаты, условия и постановления, касающиеся пользы обоюдных подданных». В заключении указа следовало: «Обещаем император-

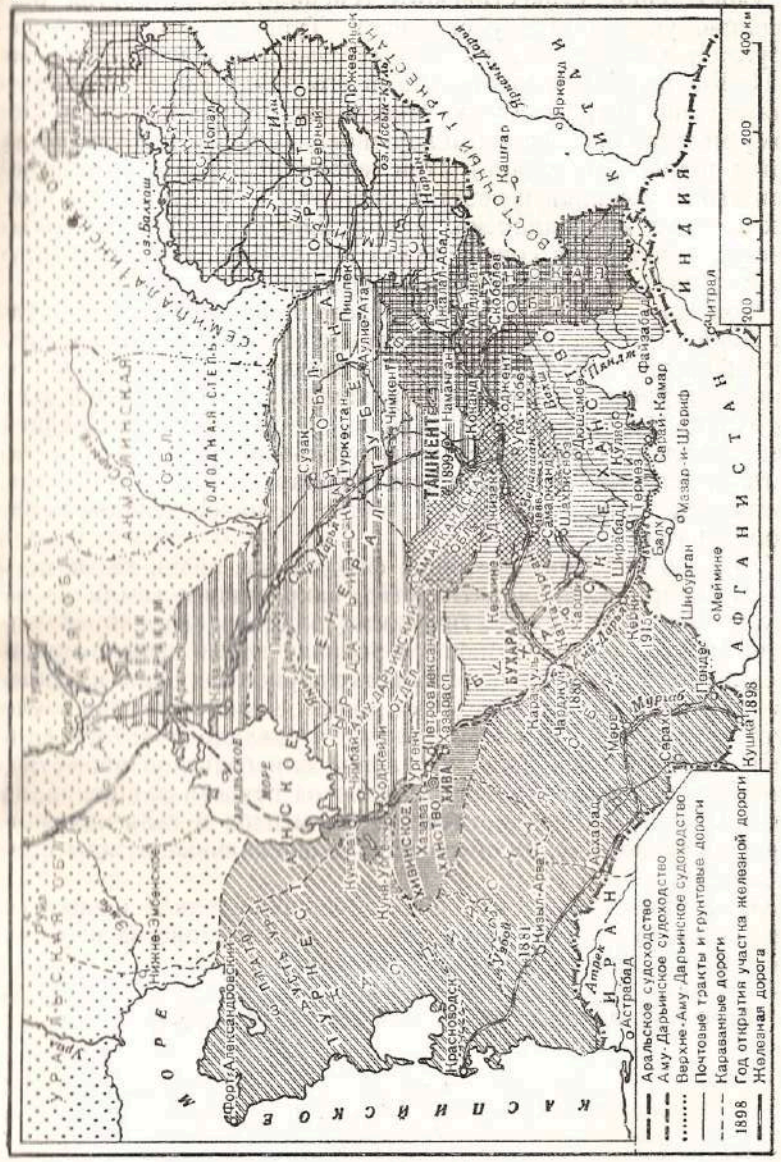

Рис. 3. Средняя Азия во второй половине XIX и начале XX в.

ским словом нашим за нас и преемников наших за благо принять все то, что в силу сего означенным уполномоченным нашим заключено и подписано будет». В июле 1867 г. указ об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства был дополнен указом «Об учреждении Туркестанского военного округа» [1]; командующим округа был назначен тот же К. П. Кауфман. Следовательно, в его руках была сосредоточена военная и гражданская власть над огромным краем. Поэтому местное население имело основание называть Кауфмана «ярым-подшо» (полуцарь). При генерал-губернаторе действовали его помощники и совет в составе 7—10 человек из высших военных и гражданских чиновников края. Один из гражданских чиновников совета ведал школьными делами с титулом *главного инспектора училищ Туркестанского края.*

Экономическая политика царского правительства в Средней Азии была направлена главным образом на укрепление своей власти в новой колонии и на использование ее хозяйственных ресурсов в интересах правящих классов России. Для этого надо было ослабить имущие классы народов Средней Азии, поддерживать здесь культурно-экономическую отсталость и сохранять феодально-патриархальные отношения. В этом духе было проведено административное деление края, изданы законы.

С целью подорвать влияние феодальной знати было проведено аграрное законодательство, закрепившее земли не по документам, а за их фактическими владельцами, обрабатывавшими эти земли. Однако, передавая земли оседлому населению в наследственное общиноподворное владение и закрепив их за сельскими обществами, царское правительство ввело круговую поруку при сборе налогов и сделало податной единицей не отдельный двор, а селение или сельское общество. Такая форма землевладения и налогов отчасти задерживала проникновение капиталистических элементов в сельскохозяйственную экономику, но обеспечивала фискальные нужды правительства.

Как увидим дальше, школьная политика сделалась важным дополнительным средством колониального господства имущих классов царской России и Туркестана.

[1] Полный Свод Законов (ПСЗ), т. 42, ук. 44 844, стр. 1156.

Глава первая

ТРАДИЦИОННАЯ СИСТЕМА РЕЛИГИОЗНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ИСЛАМА В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ СЕТЬ МУСУЛЬМАНСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ТУРКЕСТАНЕ [1]

Подчинив Среднюю Азию, царское правительство нажало на все рычаги для превращения завоеванного края в колонию правящих классов России. Система школ, созданных царской администрацией в этом крае, также служила орудием колониальной политики царизма. Но царское правительство, стремившееся освоить Туркестанский край в политическом, экономическом и культурном отношениях, встретило здесь очень сильного конкурента в лице местных феодалов и мусульманского духовенства.

Для идеологической обработки народных масс в духе ислама на территории, отошедшей во второй половине XIX в. к России, с давних времен существовала мощная система религиозного воспитания детей и взрослых, созданная имущими классами и мусульманским духовенством. Первый туркестанский генерал-губернатор Кауфман в начале 80-х годов XIX в. докладывал царю Александру III, что властям нового края при организации дела народного образования пришлось выступить «против хорошо организованной системы народного образования» [2], которая сложилась на территории бывших ханских и эмирских владений в течение веков. Эта система

[1] Использованы следующие источники: «Сборник материалов по мусульманству», под ред. В. И. Ярового-Равского, Спб., 1899; то же, вып. II, под ред. В. П. Наливкина, Ташкент, 1900; История Узбекской ССР, т. I, кн. 2, стр. 197—205 (текст О. А. Сухаревой) и др.

[2] [Кауфман К. П.]. Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. (В дальнейшем работа именуется сокращенно: Кауфман, Проект.)

учебно-воспитательного дела являлась органической частью сложного аппарата мусульманской религиозной пропаганды, которая идеологически укрепляла в Средней Азии и соседних странах Востока феодальные отношения.

По словам современного советского исследователя, «быт народа, как паутиной, был опутан религиозными законами. Мусульманское духовенство, освящая кровавые злодеяния ханов, феодалов и их приспешников, тем самым отстаивало незыблемость существовавшего несправедливого социально-экономического и политического строя»[1].

Скажем кратко о некоторых особенностях ислама в Средней Азии, постоянно влиявших в семейном и общественном быту на мировоззрение взрослых и детей, тормозивших культурно-экономическое развитие.

Важнейшая обязанность мусульманина — признание бога и его власти, а значит и установленных богом властей на земле. О власти бога постоянно напоминали многочисленные обязанности мусульманина в быту.

Наиболее частой в быту обязанностью был намаз — *молитва, 5 раз в сутки,* предваряемая омовением, выполняемая с ритуалом телодвижений; для молитвы в установленный момент должен прекратить работу работающий, остановиться — пугник. Разумеется, далеко не каждый крестьянин или ремесленник выполнял аккуратно все 5 намазов, но там, где было много людей, молитвенный ритуал повторялся систематически на глазах детей; подрастая, они и сами привлекались к нему.

Запечатлевались в сознании *годовые религиозные праздники* со своими традициями, пронизывавшими семейный и общественный быт.

Главному празднику предшествовал длительный *пост* (ураза). В ежегодном мусульманском посту очень тяжелая сторона — требование не только не есть, но и не пить в светлое время суток; в летнюю жару на работе это почти невыполнимо, отсюда широко распространенные тайные нарушения.

Паломничество. Паломничество в Мекку, Медину и другие места, связанные с жизнью пророка Мухаммеда, хотя не являлось обязательным для каждого мусульманина, но настойчиво пропагандировалось. Духовенство, власти, предприниматели в «святых местах» и на путях туда получали ежегодно от десятков тысяч паломников крупные доходы. Привлечением паломников занимался специальный аппарат: в 1893 г. в Мекке и ближайшем порту Джидде было не менее 12 агентов (далилей и вакилей) для вербовки и приема паломников из Средней Азии, в том числе особые агенты для городов Андижана, Коканда, Намангана, Оша; в 1894 г. в Среднюю Азию за паломниками ездили из Мекки и Медины по крайней мере 3 агента.

[1] З. Раджабов, Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX в. Сталинабад, 1957, стр. 37.

Общее количество паломников в Мекку из России было в 1893 г. 7570 человек, в 1895 г.— 5856 человек, в 1897 г.— 5800 человек (уменьшение вызвано карантином из-за чумы) [1]. В 1894 г. среди опрошенных в Джидде 1795 человек — половина паломников из России, прошедших этот порт,— около 90% составили жители Средней Азии, в том числе около трех четвертей — из Ферганской долины [2]; эти цифры считались преуменьшенными раза в три, так как много паломников шло разными путями без паспортов и регистрации у русских консулов.

Таким образом, в Среднюю Азию, особенно в Ферганскую долину, из Мекки возвращалось, как правило, ежегодно несколько тысяч «хаджи» (совершивших «хадж»), которые становились пропагандистами ислама; в значительной части это были пожилые крестьяне.

Гораздо более массовым было паломничество к местным «святыням» — разного рода мазарам.

Мазары. В культе некоторых мазаров сохранялась древняя традиция домусульманских религиозных мест — храмов огня, «священных» старых деревьев и др. Многие мазары в горных местностях (например, Шахимардан в Ферганской долине) привлекали посетителей из жарких долин в летнее время; немало мазаров появилось около природных целебных источников; число мазаров росло; ими нередко становились могилы известных ишанов (об ишанах речь ниже).

Важную роль играли населенные мазары—те, при которых проживали в качестве охраны шейхи или ишаны, считавшие себя потомками и преемниками погребенного здесь «святого». Многие из таких мазаров являлись центрами религиозных кружков какого-либо суфийского ордена. Кроме шейхов, при мазарах находилось несколько чтецов Корана. В больших мазарах для приема верующих назначались особые дни. Сбор с почитателей «святого» поступал в пользу шейха и других лиц, живущих при мазаре. Пожертвования были настолько велики, что шейхи мазара Бахауддина в Бухаре сдавали этот сбор пожертвований в аренду за несколько тысяч рублей в год, превращая религиозное учреждение в предприятие для коммерческих спекуляций.

По разным углам Средней Азии раскидано множество мазаров, каждому из которых приписывалась «чудесная сила»,

[1] Газ. «Туркестанские ведомости», 1898, № 49. (В дальнейшем название газеты дается в принятом сокращении — ТВ.)

[2] «Сборник материалов по мусульманству», под ред. В. И. Ярового-Равского, Спб., 1899, стр. 133—137.

излечивающая ту или иную болезнь людей (или домашних животных), помогающая при женском бесплодии или же в случае какого-либо несчастия, например при пропаже вещи. Большое количество подобных разнообразных «специальностей» у многочисленных мазаров было результатом конкуренции и своеобразного раздела «сфер влияния» между шейхами, эксплуатировавшими доверчивых людей.

Коммерция вокруг паломничества и мазаров шла во многих вариациях: в Средней Азии насчитывалось несколько «муй-мубараков» — мест, где ждали помощи от «волоса из бороды пророка»; агенты из Мекки распродавали воду «из святого источника Земзем», чётки, «целебные» сухие финики из Аравии и проч.; близ одного ташкентского мазара отпускалась напрокат шапка «святого» — для помощи при трудных родах и т. д.

* * *

Отправление и возвращение паломников, ежегодный месячный пост, два годовых праздника служили важными моментами в религиозной пропаганде; в эти периоды мобилизовывался весь аппарат ислама для возбуждения религиозного экстаза и в то же время для обирания верующих под видом церковных налогов, подаяний и жертв деньгами, продуктами, вещами.

Пост воспитывал в народе умение ограничивать себя в еде и питье, переносить лишения. Это было на руку тем, кто пользовался его трудами.

К эксплуататорам религиозного суеверия присосалось снизу много мелкого люда: знахарей, гадалок, плакальщиц по умершему и других представителей подобных «ремесел».

Сверху за исполнением религиозных предписаний следили в ханское время в городах раисы, которые могли, например, проверить явку мужчин в мечеть на богослужение. Повсеместно, в городе и кишлаке, за соблюдением религии следили имамы — настоятели мечетей. В религиозной узде держали население и организации суфиев, возглавляемые ишанами. После присоединения Туркестана к России раисы были упразднены, но контроль над религиозным поведением остался в руках имамов и ишанов.

М е ч е т и. Мечети служили главной опорой мусульманского духовенства и феодалов, выполняли важные религиозно-политические функции. Имамы следили за соблюдением религиозных обрядов и нравственных правил, вытекающих из мусульманского вероучения, руководили ежедневными молитвами верующих, были в курсе политических настроений народных масс и семейных дел. При мечетях открывались школы, имамы руководили религиозным воспитанием взрослых, обучали детей и взрослых религиозным обрядам.

О густой сети *приходских* мечетей в Средней Азии говорят многие наблюдатели (ученые, путешественники, русские административные лица) в 60-х и 70-х годах, указывая для той или иной местности количество дворов и число мечетей; грубо приблизительно можно считать, что в старооседлых районах одна приходская мечеть приходилась в среднем на 50 дворов (около 250 человек населения).

В больших городах имелись *соборные* мечети — для общих молитв по пятницам. В древности при соборных мечетях читались лекции мусульманскими учеными; впоследствии в Средней Азии в качестве центров преподавания возобладали медресе. Часто в качестве соборной мечети служила мечеть при медресе, так как она устраивалась в конце обширного двора, вмещавшего много народа.

И ш а н ы и о р г а н и з а ц и и с у ф и е в. Очень важное звено в системе мусульманской пропаганды в Средней Азии составляли ордена (организации) суфиев, известных больше под именем дервишей.

Суфизм, в отличие от ортодоксального ислама, принесенного арабами, имел корни в старых местных религиозных культах. В прошлом в отдельных случаях суфизм служил демагогической уздой народных движений. Ордена суфиев были в исламе сектами, но легальными и одобряемыми. Не касаясь их мистической стороны, остановимся на роли суфийских орденов в жизни народов Средней Азии, в частности в пропаганде ислама среди кочевников.

Во второй половине XIX в. в Средней Азии продолжали пользоваться наибольшим влиянием три суфийских ордена: Накшбендия, Кадырия и Кубравия (были и другие); в их названиях сохранялись имена основателей.

Наиболее распространенный орден Накшбендия (основан в XIV в.) развивал свою деятельность главным образом в Самаркандской области и Бухаре. Влияние ордена Кадырия (с XII в.) распространялось преимущественно на Ферганскую долину. Члены ордена Кубравия (с XII в.) развивали свою пропаганду в Хорезме.

Всем орденом руководили потомки его «святого» основателя, а во главе каждой суфийской общины находился наставник и руководитель членов ордена — мюридов; его называли по-разному: пир (старец), шейх, а чаще — ишан.

При знаменитых ишанах ордена Накшбендия мюриды бывали двух родов. Постоянные мюриды жили под наблюдением ишана во все время прохождения суфийского курса; по истечении срока они получали от ишана право наставничества. Постоянные мюриды жили на средства, поступающие от второй, неизмеримо более многочисленной, категории мюридов, которые числились в ордене, но занимались своими мирскими делами — сельским хозяйством, торговлей, ремеслом; они

изредка являлись к своему ишану и в кругу постоянных его мюридов участвовали в мистических религиозных упражнениях (зикр), слушали наставления ишана, совершали с ним намаз; являлись мюриды непременно с приношениями ишану (деньги, зерно, лошади, бараны и проч.).

В конце XIX в. особой популярностью пользовался ишан ордена Накшбендия Абду-Разык, который считался примером мусульманской учености; во время объезда своих последователей этот ишан всегда возил с собой два вьюка книг. На его похоронах присутствовало в 1898 г. в Самарканде около 15 тыс. почитателей [1].

В 1890 г. умер в Ташкенте ишан ордена Кадырия Абдул-Касым-хан. У него было несколько тысяч мюридов. На сборы от мюридов Абдул-Касым-хан содержал большое медресе (основанное в 1855 г.), в котором воспитывалось более сотни учащихся.

К ордену Накшбендия примыкали нищенствующие суфии—каляндары (с XVIII в.), деятельность которых распространялась на все области Средней Азии. Каляндары не должны были иметь собственности и жили подаянием. Странствуя в одиночку или группами, они распевали религиозные стихи и собирали подаяния.

Самая реакционная и вредная сторона суфизма — требование к каждому мюриду признавать своего ишана абсолютным повелителем, подчиняться беспрекословно, безропотно, бездумно любому его указанию и распоряжению.

Некоторые из известнейших ишанов были людьми, начитанными в мусульманской религиозно-идеалистической философии, хорошо разбирались в психологии окружающих. Они являлись реакционными идеологами правящей верхушки феодального общества. Такие ишаны были организаторами ряда медресе.

Но большое количество второстепенных ишанов преследовало только цели личной наживы.

Ишаны из узбеков и каракалпаков, получившие образование в бухарских медресе, навязав белые повязки [2] на высокие черные каракалпакские шапки, партиями разъезжали по кочевьям туркмен и казахов, проникали на Мангышлак, Эмбу и Казалинский уезд, а также в Кызылкумскую пустыню к тамдынским, минбулакским и джизакским казахам. В богатых аулах ишаны останавливались у влиятельных казахов, жили у них неделями, поучая население правилам мусульманской религии, устраивая молитвенные сеансы в духе своего ордена; собрав дань верблюдами, лошадьми, баранами и деньгами,

[1] ТВ, 1899, № 1.

[2] Суфийские ордена имели свои цвета. Накшбендия и Кубравия — белый, Кадырия — зеленый.

передвигались дальше. В последнее время,—говорит исследователь,— за подобную деятельность принялись и некоторые казахи, награжденные хивинскими и чимбайскими ишанами почетным званием «суфи», т. е. высшей степенью мюрида[1].

Другой исследователь пишет, что в степях нет ни одного казаха, который не имел бы своего пира, являющегося блюстителем веры, духовным руководителем семьи или даже целого рода кочевников. Молодой казах считал своим наставником того пира, у которого учеником или мюридом был его отец. В случае смерти пира его функции переходили к его потомкам, если они имели склонность заниматься такой же деятельностью. Каждый пир имел определенный круг последователей, религиозной жизнью которых он руководил, и собирал с них пожертвования. Пир из казахов постоянно разъезжал по аулам своих почитателей, удовлетворял их религиозные потребности и получал приношения. Самаркандские и бухарские ишаны такие поездки совершали по казахским степям весной—лучшее время для сбора пожертвований. Явившись в аул, они собирали своих мюридов, толковали с ними о религии, отвечали на вопросы и очищали души верующих «святым дыханием» (нефес) [2]. Очень резкую характеристику деятельности узбекских и казахских ишанов в Казахстане дает Г. А. Арандаренко в статье «Между туземцами степного уезда» [3]; автор статьи считает их просто грабителями темного казахского народа.

Для объяснения соперничества русских колонизаторов и местных эксплуататоров казахского народа напомним, что ислам в казахских степях насаждала магометанская верхушка казанских и уфимских татар при поддержке царского правительства до середины XIX в. Под влиянием Н. И. Ильминского[4] и его учеников татарский язык и татарских чиновников, толмачей и учителей стали вытеснять из Казахстана; были открыты русско-казахские школы. Но русские чиновники и ставленники царской администрации из казахской знати также не завоевали доверия казахского народа. За краткий исторический период господства ислама в Казахстане (менее ста лет), притом в условиях кочевого быта, не было создано прочной сети мусульманских мактабов и медресе, не успело сформироваться многочисленное духовенство мечетей. Поэтому здесь большое значение имели ишаны, они захватили руководство религиозным воспитанием в Казахстане.

[1] Сборник материалов по мусульманству, стр. 61.

[2] Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. I, Ташкент, 1891, стр. 62—82.

[3] Г. А. Арандаренко, Досуги в Туркестане (1874—1889), Спб., 1889, стр. 16.

[4] О деятельности Н. И. Ильминского, см. стр. 83—102.

Вакфы[1]. Медресе, многие из которых были основаны ишанами, мактабы, в большинстве которых учительствовали имамы приходских мечетей, карыханы, подготовлявшие чтецов Корана для мазаров и иных мест,— вся сеть мусульманских учебных заведений, являясь неотъемлемой частью в системе пропаганды ислама, была многообразно связана с другими религиозными учреждениями.

Кроме общности целей и сословного единства кадров, мусульманские учебные заведения имели общую с прочими религиозными учреждениями материальную базу. Все они существовали за счет налогов на «богоугодные» дела, пожертвований, подаяний и иных поборов с трудящихся. Особой формой эксплуатации трудящихся мусульманскими религиозными учреждениями, в том числе учебными заведениями, были вакфы; в жизни оседлого населения Средней Азии их роль была очень значительна.

Вакф — движимое и недвижимое имущество, пожертвованное на религиозные цели, например в пользу мечети, мазара, медресе.

В Средней Азии вакфными имуществами чаще всего являлись орошенные земли, обрабатываемые крестьянами на тех или иных условиях в пользу религиозных учреждений. Немало было, главным образом в городах, обращенных в вакф торговых помещений, базарных весов, мельниц, бань и просто денежных капиталов, доходы с которых поступали по завещанию на религиозные цели. В вакф обращали также рабочий скот, а в старину — рабов. Предметом вакфного завещания в пользу медресе являлись и ценные рукописные книги.

Основание вакфа для содержания религиозного учреждения считалось делом «богоугодным». Конечно, не исключались случаи, когда в предсмертном завещании верующего вакфодателя играли роль своеобразные мотивы религиозной морали — забота о собственной «загробной жизни». Однако широкое развитие вакфов было связано с мотивами земными, материальными.

Крупный землевладелец, создавая земельный вакф, назначал в завещании своих потомков его блюстителями (мутавалиями) и этим обеспечивал им ренту в условиях случайностей феодального общества. В руках ханов учреждение вакфов служило орудием религиозной политики. Когда купец строил на вакфное пожертвование медресе или карыхану, он создавал себе рекламу, так как постройку называли в народе его именем.

Общие размеры вакфных владений в Туркестане в середине XIX в. были велики: в ряде крупных районов вакфам принадлежало не менее одной трети орошенных земель; в некоторых населенных пунктах площадь базара со всеми торговыми помещениями являлась вакфной собственностью.

Кто владел вакфами? В конце XIX в. в восточной части Ферганской долины доходы с вакфных земель назначались по следующим адресам: более половины получали медресе; около одной четверти — потомство «святых» и мазары; мечети получали в 10 раз меньше, чем медресе; остальная часть этих доходов распределялась главным образом между ханаками (общежитиями суфиев) и карыханами; самая незначительная часть доходов (менее чем по одному проценту) шла мактабам и на угощение в праздники и поминальные дни для бедных или же для учащихся медресе. Некоторые вакфные владения назначались не на одну какую-либо цель (например, на содержание только медресе или только мазара), а являлись «смешанными вакфами»; они составляли около $^1/_5$ земельных вакфов Андижанского уезда; смешанные вакфы в приведенных выше расчетах учтены приблизительно, исходя из сведений о составе их совладельцев. Со всех вакфов обычно 10% доходов поступало мутавалиям, которыми чаще всего являлись потомки вакфодателя[1].

Эти данные характеризуют вакфы в одной части Туркестана и уже в то время, когда вакфовладение было значительно урезано царскими властями; однако общими можно считать положения: 1) медресе являлись самыми крупными вакфовладельцами; 2) мактабам в вакфовладении принадлежала самая скромная часть.

Говоря о вакфовладении мактабов, нужно учесть следующее. По данным А. Ф. Ардаширова, в восточной Фергане чаще, чем в других местах Туркестана, встречались мактабы, получавшие вакфный доход. С другой стороны, если большинство мактабов не имело своих особых, школьных, вакфов, то едва ли не большинство имамов (которые чаще всего учительствовали в мактабах, по крайней мере сельских) имело хотя бы скромный доход от вакфа, принадлежавшего мечети.

[1] В изданиях АН УзССР принято написание *вакф*, так как транскрипция *вакуф* вызывает неправильное ударение — *вакýф* (более точной была бы транскрипция *вакъф*).— Раздел написан Н. П. Архангельским.

[1] Главные источники — работы В. П. Наливкина: «Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания» («Ежегодник Ферганской области», т. III, Новый Маргелан, 1904); хранящиеся в Историческом архиве УзССР его отчеты о состоянии мусульманских учебных заведений в Туркестанском крае в начале 90-х годов с инвентаризацией вакфов, принадлежавших этим заведениям. Данные о вакфовладельцах восточной Ферганы извлечены из «Ведомости вакуфным заведениям», приложенной к книге «Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ». (Вып. I, Андижанский уезд, сост. С. А. Геппенер, Новый Маргелан, 1897). Расчет доходов от вакфных земель сделан, исходя из сведений о размере начисленных на них царских налогов. В «Ведомость» Геппенера вошли земельные участки по 183 вакфным документам, которые царская администрация признала; кроме того, по Андижанскому уезду 582 вакфных завещания не были признаны по формальным основаниям — из-за отсутствия ханской печати и т. д.

МАКТАБЫ — НАЧАЛЬНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ ШКОЛЫ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ

Как организовывался мактаб. Самым распространенным типом мусульманских школ была школа начального религиозного обучения и мусульманской (арабской) грамоты для мальчиков — мактаб (или мактабхана). Мактабы имелись как в городах, так и в кишлаках, а также в аулах для кочевого населения. В большинстве случаев мактаб открывался при мечети ее прихожанами; на должность учителя приглашался приходом имам (настоятель мечети) или же азанчи (призыватель к молитве), а в случае их отказа прихожане приглашали лицо со стороны. В городах, где проживало больше грамотных людей, мактаб иногда открывал учитель-профессионал (мактабдор) как частное лицо на свой страх. Иногда мактаб находился при медресе или при карыхане. Наконец, очень богатый и знатный человек мог устроить домашний мактаб для детей своей семьи, родных и соседей, пригласив учителем опытного мактабдора.

Среди кочевников-животноводов мактабы возникали главным образом весной и в начале лета; здесь учительствовали преимущественно учащиеся из медресе, приехавшие на каникулярные заработки.

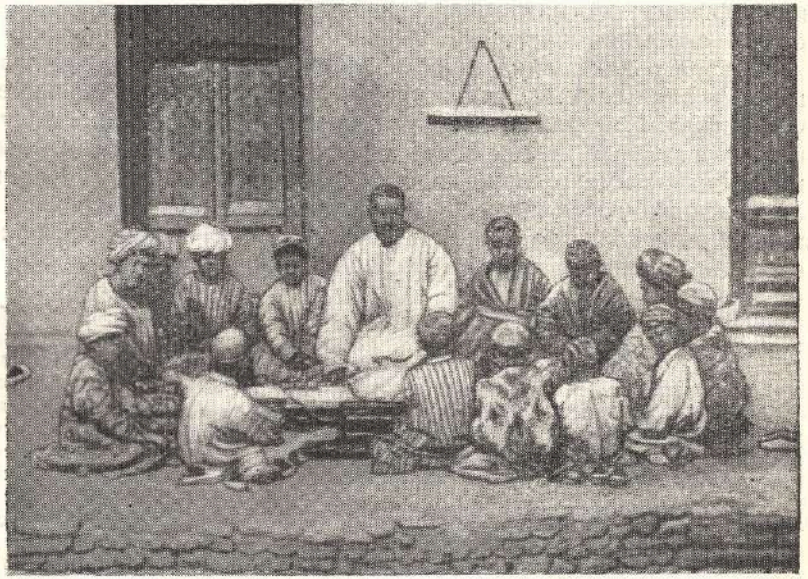

Рис. 4. Мактаб на улице. (Ташкент)

Число учащихся в городском мактабе иногда превышало 20—30 человек, но в сельском чаще бывало 10—15 человек и даже меньше.

Родители обычно отдавали сына в мактаб пораньше, в возрасте 6 лет и менее, чтобы он скорее отбыл школьную повинность. Отдельные ученики учились лет до 14, но подавляющее большинство, особенно в кишлаках, отсеивалось раньше. Встречались в некоторых мактабах и парни 17—18 лет.

Начало курса. Поступающего в мактаб маленького мальчика отец или заменяющий его родственник приводил и передавал учителю с соблюдением принятого церемониала.

Писатель Айни так описывает свое вступление в мактаб [1]:

«Я вошел в школу.

За мной мой отец нес завернутое в платок блюдо с изюмом и маленькими вкусными лепешками. Учитель раскрыл платок и, разломив одну лепешку, кусочек съел сам и предложил отцу. Отец также съел кусочек. Учитель взял еще одну лепешку, накрошил ее так мелко, словно собирался кормить кур, и побросал крошки прямо на ребят. В школе поднялась неописуемая суматоха: ученики рвали друг на друге одежду, царапали лица, норовили выколоть друг другу глаза. Крики, вопли, стоны, вздохи и плач, казалось, готовы были поднять крышу на воздух. Все это произошло из-за крошек хлеба, которые учитель даровал ученикам из моего приношения.

Учитель не остался равнодушен к этой суматохе. За его спиной к стене было прислонено несколько коротких и длинных палок и прутьев. Взяв одну из палок, примерно аршин в пять длиной, так что конец ее упирался в противоположный угол, он начал бить ею по головам ребят подряд. Ребята остановились, прервали свалку и дружно взвыли:

— Учитель, милый, простите!

Этот вопль, вылетев одновременно из всех глоток, поднялся к небу.

Я не вытерпел и завыл вместе с остальными» [2].

Учитель указывал новичку место на полу и сначала прочитывал сам, а затем поручал одному из старших учеников выучить с ним на память краткие вступительные молитвы. Эти молитвы (две — на арабском языке из Корана, одна — на персидском) мальчик, обладающий хорошей памятью, выучивал быстро, а дети со слабой памятью твердили неделю или даже месяц.

Так начинался процесс обучения в мактабе, сразу насилующий память ребенка непонятными словами на чужом языке.

Когда молитва была выучена, учитель приказывал принести тахту — продолговатую деревянную дощечку с руч-

[1] Айни учился в конце XIX в. около г. Бухары и в самом городе.
[2] С. Айни, Школа, М., Детгиз, 1949, стр. 11.

кой [1]. Вместе с дощечкой ученик приносил учителю новый подарок. На дощечке учитель писал тушью все буквы арабского алфавита и предлагал заучить их названия наизусть по четыре буквы враз [2]. В этот день учитель отпускал ученика домой раньше, почему подарок, данный учителю, назывался «азадлык» («освобождение»). На другой день маленький тахтахан, т. е. изучающий написанное на доске, принимался изучать арабский алфавит, выкрикивая нараспев названия букв: алиф, бе, те, се..., — пока не затвердит наизусть все буквы.

После азбуки следовали буквослагательные упражнения. Пройдя азбуку и склады, ученики переходили к чтению Хафтияка — небольшой книги, содержащей выдержки из Корана [3]; на это затрачивалось иногда 2—3 года, так как дети заучивали Хафтияк наизусть механически, не понимая арабского текста.

Прочтение мальчиком Корана являлось в мактабе главной задачей; выполнив ее или даже прочитав часть Корана — Хафтияк, некоторые этим свою учебу заканчивали. Но так как дети Средней Азии арабского текста Корана не понимали, то было принято после Хафтияка прочитывать еще одну-две небольшие книжечки, излагающие основы мусульманской религии на персидско-таджикском или на одном из тюркских языков; этими популярными книжками обычно были: Чоркитаб, Раунак, Суфи-Аллаяр [4]. На их прочтение уходило год-два, а то и три.

На этом обычно заканчивало обучение большинство мальчиков из семей крестьян и ремесленников.

О б у ч е н и е с т а р ш и х у ч е н и к о в. Меньшинство — как правило, дети духовенства и богатых родителей — училось дальше, оставаясь в мактабе еще несколько лет. Определенного курса обучения в мактабе не было, из класса в класс не переводили, так как там была не классная система, а индивидуальные занятия: ученик поступал в любое время года; переход от одной книги к другой говорил о его успехах. Из-за большого отсева в мактабе образовались как бы две ступени

[1] Богатые люди покупали или заказывали тахту с вырезанным на ней алфавитом (экземпляр в Самаркандском музее). Иногда тахтой служила жестянка. У кочевников тахту заменяла верблюжья лопатка, на которой буквы выцарапывались; в более позднее время в степных районах вместо тахты пользовались бумагой, которую ученик держал вставленной в камышевую или деревянную рукоятку (вроде веера).— *Ред.*

[2] Более опытные мактабдоры, по крайней мере в XX в., писали на тахте не весь алфавит сразу, а частями.

[3] Таджикско-персидское слово «Хафтияк», т. е. «одна седьмая» (Корана), показывает, что этот учебник создан на персидской или таджикской почве с целью облегчить детям изучение арабского Корана. В небольшой «Хафтияк» вошли многие короткие главы Корана, которые часто читались при обрядах.— *Ред.*

[4] См. подстрочн. примечание на стр. 19.

Рис. 5. Ученики мактаба

обучения: младшая, массовая по числу учащихся, курс которой ограничивался изучением Корана и других книг, популяризирующих основы ислама, и другая ступень — старшая по возрасту учащихся и малолюдная. (Формально эти ступени не разделялись; в мактабах было принято отмечать торжеством только окончание подростком «полного курса».)

Основным содержанием старшей ступени мактаба было чтение стихотворных сборников — на персидско-таджикском языке из произведений Хафиза[1], Бедиля[2] и других поэтов и на тюркских языках — Алишера Навои, Фузули[3], Суфи-Аллаяра[4] (второй сборник; первый его сборник читался младшими учениками) и других. В этих сборниках, кроме религиозных, встречались и светские темы. Но язык и содержание почти всех произведений были недоступны или малопонятны детям, поэтому эти сборники в значительной мере зазубривались то-

[1] Хафиз (1300—1389) — знаменитый персидский поэт, живший в Ширазе.

[2] Абдул Кадыр Бедиль (1644—1720) — индо-персидский поэт.

[3] Турецкий поэт, живший преимущественно в Багдаде, умер в 1592 г., автор популярного романа в стихах о Лейле и Меджнуне.

[4] Суфи-Аллаяр — один из первых узбекских ишанов (умер в 1720 или 1721 г., считается основателем г. Катта-Кургана.

же механически, как и в младшей ступени. Однако старшие ученики мактаба постепенно овладевали механизмом чтения [1].

Как правило, массовый мактаб не учил письму. Лишь лучшие, преимущественно городские, учителя через 2—3 года после того, как учащиеся научились механически читать, обучали желающих подростков письму и каллиграфии; учащиеся обучались выводить буквы, а потом занимались переписыванием небольших текстов. Окончивший в мактабе курс письма обычно с трудом мог написать фразу под диктовку, делая при этом массу грамматических ошибок.

Учителя некоторых мактабов преподавали желающим из старших учеников элементарные сведения об арифметических действиях.

В немногих мактабах старшие ученики, готовившиеся для поступления в медресе, изучали грамматику арабского языка.

Таким образом, программа занятий каждого старшего ученика мактаба зависела от договоренности учителя с родителями, от их общественного положения и средств, которые они платили учителю. Выбор старшему ученику той или иной книги для чтения (поэтического сборника) определялся желанием родителей или часто наличием данной книги (это было очень существенно, пока в конце XIX в. на смену рукописным учебникам не появились литографированные) [2].

Разумеется, осуществление любой программы занятий зависело от квалификации учителя, от его вкусов; учитель в каждом мактабе был один.

Учителя. Учителями в мактабах в большинстве были приходские имамы, получившие схоластическое образование в медресе и, следовательно, не имевшие научных знаний о законах природы, общественной жизни и человеческого мышления. К тому же в приходские имамы обычно шли не лучшие учащиеся медресе; поэтому даже в арабском языке такой имам-учитель был несилен, а подчас и не очень владел грамотой [3].

Сравнительно более грамотные учителя встречались среди городских мактабдоров [4].

Много внимания учителя уделяли получению платы и подарков от родителей. По обычаю, каждый четверг дети приносили учителю, например, по лепешке; при переходе мальчика

[1] В узбекских и туркменских мактабах старшие ученики обычно читали сначала тюркоязычных, а потом ираноязычных поэтов; в таджикских мактабах — наоборот.— *Ред.*

[2] Опытный мактабдор следил за тем, чтобы ученик упражнялся в чтении книг с разными почерками.— *Ред.*

[3] Случалось, что учитель не только не мог учить письму, но даже поручал написание алфавита на тахте каллиграфу.— Ред.

[4] Хороший почерк служил мактабдору рекламой: с таким учителем договаривались родители, если хотели подготовить из сына каллиграфа (в старину ценился труд переписчика рукописных книг).— *Ред.*

от книги к другой родители давали учителю деньги или иной подарок; во время праздника в семье ученика, особенно по случаю обрезания мальчика, учитель тоже получал от родителей подарок: чалму, платок, кусок ситца, иногда халат.

Очень часто ученик, выучив букварь и Хафтияк, переставал посещать школу, а затем опять являлся на занятия, на время прекращалась и плата учителю. Учителя, таким образом, не имели за свой труд определенной платы.

В результате системы родительских подарков учитель обычно с бо́льшим усердием занимался с мальчиком из семьи богатой и к мактабу щедрой [1].

Воспитательная сторона. В быту мактабов характерно несколько явлений, внешне разнородных, но своей совокупностью определяющих эту школу как орудие духовного порабощения.

Как уже отмечено, учебные занятия в мактабе были индивидуальными, отсутствовала коллективная работа учащихся. Каждый школьник заучивал свой отдельный урок; если учитель вызывал ученика для проверки, то он отвечал только свой урок, который не имел отношения к урокам других детей. При отсутствии фронтального обучения[2] в мактабе не могло быть общей учебной работы в классе под руководством учителя.

Учеников мактаба учитель упражнял в соблюдении религиозной обрядности. Уже самые младшие ученики приучались к совершению молитв. Учащиеся старшей ступени получали сведения о правилах совершения омовений и намазов. Мактаб

[1] За преподавание «слова божия», т. е. Корана, брать плату закон не позволя́л, тем более что имам обычно обеспечивался вакфом мечети; считалось, что учителю платят за присмотр за детьми. Преподавание каллиграфии, арифметики вознаграждалось по согласию. Кое-что перепадало учителю из сборов с родителей на хозяйственные нужды мактаба. Важную роль играли подарки по разным поводам, освященным традицией.

Особенно много подарков учитель получал в дни годовых мусульманских праздников. Перед этими днями он раздавал ученикам для вручения родителям листки с поздравительным четверостишием на каждом. Вокруг этого в больших городах образовалось «коммерческое обслуживание»: стихослагатели поставляли учителям тексты, каллиграфы их переписывали; в Бухаре изготовлялись (способом набойки или же литографски) орнаментированные листы бумаги для вписывания стишков. (Коллекция таких листов, собранная А. А. Семеновым, хранится в научном архиве Узбекск. Научн.-иссл. ин-та пед. наук (УзНИИПН),— *Ред.*

[2] Индивидуальная организация обучения в мактабах сложилась вне связи с воспитательными задачами, но не могла не давать воспитательных результатов. Об отношении педагогики мактаба к ученическому коллективу выразительно говорит такой обычай: учителя мактаба избегали осуществлять телесное наказание провинившегося школьника своими руками, а поручали это другим ученикам или же привлекали их к себе на помощь при битье. Стоит отметить, что в педагогической «теории» прошлых веков не раз лицемерно рекомендовалось, чтобы родители били своего ребенка не сами, а руками слуги. — *Ред.*

отмечал религиозные праздники прекращением занятий и готовил учеников к этим праздникам. Много времени во всех мактабах уделялось обучению правилам внешней вежливости и почтительности, адресованной прежде всего к власть имущим.

Запугивание было в мактабе в большом ходу. Ученики часто слышали от учителя о страшных карах в земной и «загробной» жизни, которые постигнут нарушителя религиозных запретов.

В целях запугивания в большинстве мактабов широко применялись физические наказания. Возле учителя находились палки различной длины; не вставая с места, учитель мог ими наказывать учеников, сидящих в ближних и дальних рядах [1]. В случае серьезных проступков ученика прикручивали веревками за ноги к палке, которую держали два ученика, а третий бил подвешенного по пяткам. Оставляли без еды на разные сроки.

Битье школьников «обосновывалось» и поощрялось в ходячих речениях, пущенных имамами-учителями, например: «Побои муллы полезнее, чем ласки родителей: родители низводят душу человека на землю, а учителя помогают душе опять подняться на небо» или: «Те места тела у ребенка, по которым били в мактабе, на том свете воссияют небесным светом, если битое дитя пойдет в рай, если же в ад, то побитые места не будут гореть», и т. п.

Распространенность телесных наказаний была связана и с вопиющей, абсолютной неосведомленностью учителей мактабов в вопросах анатомии, физиологии, психологии, гигиены.

Помещения мактабов были тесны, низки, не имели приспособлений для вентиляции, очень плохо освещались, не отапливались [2].

Комната, в которой учились дети, была совсем не похожа на нашу домашнюю, просторную, светлую и тихую, вспоминает таджикский писатель Садриддин Айни, посещавший мактаб в конце XIX в. под Бухарой. Это была тесная комнатушка с двумя дверьми. Входная дверь узкая — всего из одной доски; зимой, во время холодов, ее наглухо завешивали. Вторая дверь, в углу, совсем маленькая — поларшина в ширину и три четверти в вышину; в ней учитель делал окошечко и заклеивал бумагой, которую густо промаслил (чтобы

[1] Традиционные в старых мактабах Средней Азии три палки разной длины употреблялись учителями и для того, чтобы прикосновением конца палки подозвать для опроса нужного ученика, выделив его из кучи ребят, громко выкрикивающих каждый свое задание. — *Ред.*

[2] В очень холодную погоду ученики в лучшем случае сидели вокруг ямы с тлеющими кизяками или углем (земляной пол устилался соломой, которая от огня отгораживалась досками); кое-где «согревались» глиняными светильниками с растительным маслом и фитилем из ваты.— *Ред.*

бумага не порвалась от дождя и снега и лучше пропускала свет); промасленная бумага от уличной пыли становилась грязной и черной, как тряпка, которой покрывают крышку котла, когда варят плов; через это окошечко свет в комнату едва-едва проходил. Правда, под потолком было еще две пары маленьких окошек — в четверть аршина, но свет из них падал не на пол, а на верхушки стен. Два бревна вдоль и два поперек, положенные друг на друга, делили школьную комнату на девять отделений; эти отделения были узкие, как стойла. Отделение в переднем углу, рядом с маленькой дверцей, занимал учитель, у входной двери ставили туфли, а в остальных отделениях сидели дети [1].

Ученики в мактабах сидели на полу, обычно на камышевой подстилке, в многолюдном мактабе — рядами вдоль стен, в малолюдном — только посередине комнаты. В «благоустроенном» мактабе сидели перед низенькими скамеечками, на которых клались книги и письменные принадлежности; скамеечки иногда заменялись бревнами или глинобитными валиками. Чаще всего в мактабе не было никакой мебели [2].

Учителя мактабов не имели представления об утомляемости детей во время обучения. Занятия начинались с восхода солнца и продолжались до обеда; после обеда дети снова приходили заниматься; в некоторых мактабах бывал еще один перерыв для завтрака.

Дети часами сидели на одном месте, раскачиваясь над книгой. Учителя не проявляли никаких забот об играх, физических упражнениях и других занятиях, связанных с движением [3].

Мактаб не знал эстетического воспитания — музыки, пения, изобразительных искусств [4]. Духу ислама, как и всякой религии, было чуждо природоведение.

Пыль да грязь, духота и сырость, холод и темнота, отсутствие мебели для занятий — таким обычно было помещение массового мактаба. Жестокие телесные наказания, бессмысленная долбежка непонятного арабского текста, полное от-

[1] В 30-х годах прошлого века описан другой мактаб,— в самом городе Бухаре: там каждый ученик был изолирован в ямке, сделанной в высоком глинобитном полу, так что виднелись только верх туловища и голова (П. Савельев, Бухара в 1835 г., Спб., 1836, стр. 8—11).— *Ред.*

[2] О крайней примитивности некоторых кишлачных мактабов говорит такой факт: в Средней Азии известны по крайней мере 4 места (Ходжикент на р. Чирчик, Сайроб на р. Сурхан-Дарье, Иол в Западном Памире, Ургут), где мактаб в старину помещался в дупле гигантской многовековой чинары.— *Ред.*

[3] Антигигиеническую обстановку мактаба ухудшал постоянный громкий разноголосый шум, по которому мактаб узнавали издалека. Его причиной было индивидуальное обучение, при котором каждый заучивал свое, причем требовалось, чтобы ученик учил урок непременно вслух и громко (это служило учителю для контроля).— *Ред.*

[4] Единственным элементом эстетики в мактабах была каллиграфия.

сутствие наглядных пособий, никакого понятия о научно-педагогических методах преподавания — такова была учебная организация старых мактабов в Туркестане.

Результаты обучения находились в соответствии с такой системой обучения. Окончившие мактаб обычно могли только механически читать те книги, по которым учились; некоторые умели списывать с оригинала. Так как знания, приобретенные в мактабах, не имели никакого практического значения для трудящихся, то большинство детей, оставив школу, быстро забывало премудрость, вдолбленную в их головы домуллой (учителем). Только дети купцов, учившиеся у городских мактабдоров, применяли в торговом деле приобретенные в мактабе скромные познания в счете и письме, а дети духовенства, поступавшие в медресе, использовали там механически заученные в мактабе фразы с арабской лексикой.

Основной задачей старых мусульманских мактабов Средней Азии было не образование ребенка, не развитие его способностей, а религиозное воспитание в духе догматов ислама, приучение к правилам благопристойного поведения в домашнем и общественном быту, к повиновению старшим и начальствующим. В этой школе не было общеобразовательных предметов; отсутствовала классно-урочная система; родного языка дети не изучали; содержание учебных книг было непонятно или мало доступно детям: первые учебники были на арабском языке, непонятном для среднеазиатского ребенка, малопонятен был и язык большей части других книг.

Но понимания и не требовалось; было важно вызубрить известное количество текстов из Корана; механическое чтение «священной» книги само по себе считалось «богоугодным» делом, считалось, что прочтение ребенком Корана может обеспечить его родителям прощение грехов,— надо только, чтобы ребенок точно воспроизводил слова «священной» книги.

Многие подростки, оставив мактаб, вскоре не могли читать даже те книги, по которым учились, и теряли ту своеобразную «грамотность», которую приобретали с мучительным напряжением сил, в течение ряда лет.

Этим объясняется то странное обстоятельство, что, хотя в ханствах Средней Азии существовала принудительность начального религиозного обучения мальчиков, хотя число мактабов было громадно, количество грамотных среди массы коренного населения было ничтожно[1]. У туркмен сложилась

[1] В русской литературе первых лет присоединения Туркестана к России встречались грубо неверные суждения о распространенности в крае грамотности. В советской литературе нередки неправильные формулировки в вопросе о сети мактабов в дореволюционном Туркестане. В обоих случаях корень ошибок лежит в перенесении на религиозные школы феодальной Средней Азии того представления о культурной роли школы, которое обычно для прогрессивной педагогики нового времени.

поговорка: «Учиться — это значит копать колодец иглой». Эта поговорка ярко передавала впечатление от никчемных результатов обучения в религиозных мактабах.

Кое-кто из европейцев, впервые столкнувшихся в Средней Азии с повсеместностью мактабов, сделал опрометчивый вывод о широкой будто бы грамотности населения; например, проехавший в 1878 г. в течение трех месяцев Ферганскую долину акад. А. Миддендорф даже ставил массовую «грамотность» мусульманского населения в пример и укор российским деятелям по народному образованию (Очерки Ферганской долины, Спб., 1882, стр. 362, 472).

Однако люди, которые в крае поселились и наблюдали жизнь местного населения длительно, писали совсем другое: «В магометанском быту поразительно значительное число начальных училищ — и малое число людей грамотных» (Дм. М. Граменицкий в 1875 г. о Ташкенте в Т. В., № 30); «Образование в сельских мусульманских школах в отношении распространенности грамотности никакого значения не имеет» (Н. С. Кулчанов в 1887 г. о верховьях Зеравшана — в «Сборнике материалов для статистики Самаркандской области за 1887—1888 гг.», вып. I, Самарканд, 1890); «...наряду с громадным количеством мактабов мы находим среди туземцев еще более громадное число неграмотных» (В. П. Наливкин в 1891 г. о Сыр-Дарьинской области в «Сведениях о состоянии туземных мадраса Сыр-Дарьинской области в 1890/91 учебном году», Ташкент, 1916, стр. 44); «...при наличии [в волости] 32 мактабов волостной управитель умеет только читать [но не писать], а остальной состав туземной администрации неграмотен. Население волости не могло найти 11-ти грамотных... в качестве понятых при поземельных работах» (М. Н. Вирский в 1895 г. о Дюрткульской волости Самаркандского уезда — в «Справочной книжке Самаркандской области», вып. III, Самарканд, 1895); «Низшие школы есть во всех деревнях, нередко и незначительных. Сколько народу учится, а грамотных нет» (В. Л. Вяткин в 1904 г. о долине Зеравшана в газ. «Самарканд», № 113).

Приведенные выше и другие свидетельства показывают, что при системе «народного образования», укоренившейся в среднеазиатских ханствах (она консервировалась и после подчинения Туркестана России), между числом школ и уровнем грамотности не было той связи, которая нам кажется естественной. Неучет этого приводит к ошибочным выводам некоторых советских авторов: зная бесспорное положение, что в дореволюционном Туркестане уровень народной грамотности был очень низок, они неудачно дедуцируют: значит, школ было мало; даже в изданной Институтом экономики АН Узбекской ССР в 1950 г. кн.: «Узбекистан. Экономико-географическая характеристика» на стр. 79 есть такой домысел: «В 1914 году на территории Узбекистана было несколько десятков мусульманских школ, преимущественно духовных, и 160 русских школ...» Между тем лучший знаток мусульманских мактабов Туркестана писал в начале 90-х годов, что число их — «ужасающее — официально 5000, на самом деле, вероятно, 10 000» (ЦГИА УзССР, ф. 47, записка Наливкина о мактабах Туркестана в 1894 г.); статистика свидетельствует о росте сети мактабов в XX в.

О густой сети мусульманских религиозных школ в дореволюционном Туркестане умалчивает Большая Советская Энциклопедия (изд. 2, т. 44, стр. 29, ст. «Узбекская ССР»). Разумеется, мактаб старометодного, средневекового типа не имеет со школой в нашем понимании ничего общего, кроме того, разве, что там и здесь есть учитель и дети. Однако игнорировать былую сеть мусульманских мактабов значит закрывать глаза на множество очагов средневековой тьмы, религиозного дурмана, духовного порабощения, значит забывать, что советская школа в Средней Азии преодолела паутину старых мактабов в упорной борьбе.— *Ред.*

ШКОЛЫ АТУН-БИБИ (ЖЕНСКИЕ МАКТАБЫ). КАРЫХАНЫ, ДАЛАИЛХАНЫ [1].

Разнородные мусульманские религиозные школы, сгруппированные в настоящем разделе, имели два общих признака:

1. Как и мактабы для мальчиков, они давали небольшое, начальное религиозное образование, отличаясь от медресе, которые в средние века являлись средними и высшими школами;

2. Подобно медресе, они в значительной мере готовили своеобразные «профессиональные кадры» мусульманской пропаганды, тогда как мужские мактабы являлись в основном школами для начального религиозного наставления массы детей крестьян и ремесленников.

Многие из воспитанниц женских мактабов обслуживали религиозно-бытовые обряды среди женской половины населения. Карыханы и далаилханы готовили мусульманских пропагандистов низшего разряда.

Женские мактабы. Мактабы при мечетях, как и сами мечети, назначались для мужской части населения. Но в городах Средней Азии имелось довольно значительное количество начальных религиозных школок для девочек. Такая школка помещалась обычно в доме учительницы — атун-биби.

Девочек не принято было учить письму («чтобы не завели любовной переписки»), поэтому в старину к школке атун-биби не применялся арабский термин «мактаб», который в древности, при зарождении мактаба, ассоциировался с обучением письму.

В сельских местностях женские школки были величайшей редкостью: не на каждую сотню мактабов приходилась однадве женские школки. Но в некоторых крупных городах количество женских школок достигало примерно одной четверти числа мактабов [2]. Однако женская школка имела учащихся в среднем гораздо меньше, чем мактаб.

Необходимо еще учесть, что среди учащихся многих женских школок некоторую часть составляли маленькие мальчики (часто братья учениц). Многие родители считали, что маленькому мальчику лучше начать учебу у учительницы. Атун-биби обычно выгодно отличалась от многих учителей мактаба тем, что учительство стало ее профессией, тогда как в мактабе

[1] Раздел написан Н. П. Архангельским. По этим трем типам мусульманских религиозных школ почти нет сведений в литературе. Здесь использованы хранящиеся в ЦГИА УзССР: а) отчеты В. П. Наливкина, б) сведения, представлявшиеся в 80-х годах уездными начальниками; кроме того (особенно по далаилханам), материалы А. Ф. Ардаширова (Андижанский пединститут), который подготовил под руководством Н. П. Архангельского работу «Очерки истории школ Андижанской области».

[2] В Ташкенте во время его занятия русскими процент женских школок был еще выше, если точны сведения, собранные А. П. Хорошхиным (Сборник статей, касающихся Туркестанского края, Спб., 1876, стр. 90, 91, 92, 95).

при мечети чаще всего занимался по совместительству имам мечети или же призыватель на молитву [1].

Если в мактабах, устраивавшихся для мальчиков, на первом этапе обучения массу учеников составляли дети трудящихся, то среди учениц атун-биби преобладали дочери духовенства, купцов. Плату за обучение каждого учащегося атун-били получала обычно несколько выше, чем в окружающих мактабах; это тоже говорит, что большинство учениц женских школок по сравнению с массой учеников мужских мактабов принадлежало к более зажиточному слою.

Девушка, научившаяся читать религиозные тексты, становилась подходящей невестой для лиц духовных, так как имаму мечети в работе среди женской части прихода помогала обычно жена [2]. В связи с этим для девочек из духовного сословия обучение у атун-биби считалось необходимым, потому что было не принято выдавать замуж дочь духовного лица вне своего сословия [3]. В кишлаках женских школок, как правило, не было, поэтому маленькие дочери сельских имамов кое-где обучались в мактабе вместе с мальчиками.

У богатых купцов обучение дочерей считалось «хорошим тоном».

Среди атун-биби преобладали жены имамов и мактабдоров; часто муж обучал мальчиков в мактабе, а жена держала девичью школку.

Курс обучения у атун-биби был в основном тот же, что и в мужских мактабах, но в женских школках несколько меньше занимались арабскими текстами (Кораном), а больше — религиозными поэтами, таджикско-персидскими и тюркоязычными.

Карыханы. Карыхана являлась своеобразным сочетанием учебного заведения и приюта — главным образом для взрослых слепых людей, занимавшихся под руководством карыбаши заучиванием с голоса наизусть Корана. Постепенно выучив его на память, кары (чтецы Корана) зарабатывали

[1] Атун-биби создавали шуточные определения для запоминания маленькими детьми очертания буквы или ее произношения, например: «Алиф (*а*) — длинный», «У мим (*м*)—круглая голова». «Для произношения *л* подними язык» и т. д. (Они приведены на стр. 108—109 «Введения в исламоведение» Н. П. Остроумова.)

[2] Православное духовное ведомство в России имело свои женские школы; целью их было приготовить «из обучающихся в них дочерей духовенства... таких жен для священников, которые были бы способны помогать им в содержании церковного здания...» (не перечисляем других «установок»; см. кн.: Отчет обер-прокурора Синода за 1902 г., Спб., 1905, стр. 212; цитир. по кн.: С. А. Каменев, Церковь и просвещение в России, изд. 2, 1929; стр. 93).

[3] При обычной в Средней Азии ранней выдаче замуж автор этих строк (Н. А.) в 1915 г. в Восточной Фергане встретился с таким фактом: кишлачный имам держал дочь до 19 лет, дожидаясь «достойного» жениха (имам был из «святого рода»).

средства к жизни тем, что читали Коран по умершим, во время поста и в других случаях; они же состояли постоянными чтецами Корана при мазарах, на кладбищах.

Карыхана, как и медресе, устраивалась и содержалась на доходы с завещанных ей вакфных имуществ. Обычное здание карыханы выглядело, как уменьшенная копия медресе. Нередко карыхана занимала часть келий в крупном медресе.

Количество этих учебных заведений было значительно: в 1892 г. в Ферганской области их насчитывалось 252; но учащихся в каждой карыхане было мало, в среднем меньше десяти человек.

В восточной Фергане известны отдельные случаи, когда в карыхану поступал молодой человек, готовившийся продолжать образование в медресе: твердое заучивание в стенах карыханы текста Корана помогало при дальнейшей учебе в медресе [1].

Далаилханы. Далаилхана имела сходную с карыханой материальную базу — вакфное имущество, помещение. В далаилхане взрослые учащиеся, чаще всего совсем незнакомые с арабским языком, под руководством домуллы заучивали наизусть написанный на арабском языке «Далаил-и-хайрот» — сборник преданий о пророке Мухаммеде и религиозных од, смысла которых большинство не понимало. «Далаил-и-хайрот» составлен в XV в.; его текст разбит для чтения по дням недели, что напоминало христианский «Часослов», который содержит религиозное чтение для разного времени суток.

На заучивание этого небольшого сборника тратили обычно около года. В XX в. в андижанских далаилханах бывало, что женатые люди, поступившие в далаилхану (т. е. числившиеся ее учениками и поэтому пользовавшиеся некоторой суммой из ее вакфного дохода), приходили в стены этой школы получить от домуллы очередной текст для заучивания дома и через некоторое время сдавали его.

Далаилхана была редким учреждением. В ханское время далаилханы имелись в Ташкенте, позже 4—5 сохранились только в городах Ферганской долины, из них две были в Андижане (одна — при медресе).

В Ферганской долине из стен далаилханы выходили некоторые маддахи — уличные рассказчики-декламаторы на религиозные темы. По-видимому, в старину профессия маддахов передавалась по наследству; в Намангане был квартал маддахов; отсюда они расходились в «рейсы» [2].

[1] В Хивинском ханстве имелись карыханы специально для проживания в них женатых учеников с семьями (Г. М. Билялов, Из истории культуры и просвещения в Хорезме. Ургенч, 1957, стр. 99).

[2] Н. С. Лыкошин, Дивана-и-Машраб, Самарканд [1915], стр. 6.

МЕДРЕСЕ — СРЕДНИЕ И ВЫСШИЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ ШКОЛЫ [1]

Разница в характере преподавания в мактабах и в медресе выражалась в том, что книги, изучавшиеся в мактабе, за исключением Корана, написаны на персидско-таджикском или тюркских языках, а подавляющее большинство книг, проходимых в медресе,— на арабском. Если в мактабе учитель удовлетворялся тем, что ученик только заучивал текст наизусть без понимания («вырастет — поймет»), то от учащегося в медресе требовалось усвоить в учебнике его смысловое содержание.

Несколько наиболее известных медресе, главным образом в городах, где находились столицы ханств (Бухара, Коканд, Хива), считались высшими; в них часто поступали доучиваться учащиеся из других медресе. Принадлежность медресе к высшей или средней ступени определялась наличием более или менее ученых и авторитетных мударрисов (преподавателей), которые руководили преподаванием. В высшем медресе учебный курс начинался с того же, что и в среднем [2].

Здания медресе. Если мактабы помещались в лачугах, то здание медресе обычно выделялось как выдающееся в своей местности архитектурное сооружение. Многие из зданий тех медресе, которые существовали к моменту подчинения Туркестана России, построены еще в XV—XVII вв. Немало этих зданий стоит и в наши дни, лучшие из них реставрируются советскими архитекторами, например ансамбль трех медресе, окружающих площадь Регистан в Самарканде (медресе Улугбека открыто в 1420 г., Шир-дор заложено в 1619 г., Тилля-кари — в 1646 г.), в Ташкенте — медресе Кукельдаш (основано около 1590 г.) и др.

В названиях медресе сохранялись имена или прозвища ханов, беков, ишанов, богатых купцов, основавших данное медресе.

Благоустроенное медресе в Средней Азии обычно имело в плане вид прямоугольника, окруженного высокой кирпичной стеной; к внутренним ее сторонам пристраивались худжры (кельи), в которых жили учащиеся медресе, а иногда и мударрисы, если они проживали в самом медресе. Для чтения лекций устраивалась в фасадной части дарсхана— аудитория (в большом медресе две или несколько аудиторий); во дворе, как правило, была мечеть. Во дворе же, который обычно вымащивался кирпичом, находилась комнатка для омовений, а

[1] Медресе (арабск.) — место, где учатся («училище»).

[2] В высшем медресе было несколько мударрисов — специалистов по арабской филологии, богословию, правоведению; в рядовом медресе, особенно в небольшом населенном пункте, часто имелся единственный мударрис.

за наружной стеной иногда устраивалась баня, где омовения производились зимой. Передний фасад наружной стены медресе сверху принято украшать куполом, венчающим сводчатый портал. По углам переднего фасада часто устраивались небольшие башенки, служащие обычно минаретами. Все это внешнее оформление придавало медресе некоторое сходство с монастырем.

Несмотря на внешнюю пышность зданий некоторых медресе, даже лучшие их комнаты не отвечали требованиям школьной гигиены. Для общежития студентов отводились темные, тесные худжры, которые зимой плохо отапливались. Хотя дарсхана была более просторной и светлой комнатой, но и в ней зимой было холодно, темно и сыро.

Сеть медресе[1]. Поскольку медресе помещалось в особом здании, выделявшемся среди окружающих построек, поскольку оно было хозяином значительных вакфных имуществ, учет сети медресе был легче, чем учет гораздо большего числа мактабов. Однако некоторые мелкие медресе, особенно в кишлаках, подолгу оставались вне статистики. Нередко одно и то же медресе в разных источниках[2] значилось под разными названиями (то по имени, то по прозвищу основателя). Для части упоминаемых медресе не известно время основания.

В начале 90-х годов В. П. Наливкин, как краевой инспектор по мусульманским школам, лично обследовал сеть медресе в Сыр-Дарьинской области (в 1890/91 учебном году), Ферганской (в 1891/92 учебном году) и Самаркандской (в 1892/93 учебном году); им зарегистрировано в этих трех областях 189 медресе, основанных еще до присоединения к России данной территории: в Ферганской области — 118, в Самаркандской — 50, в Сыр-Дарьинской 21.

Надо считать, что в этих трех областях в момент их включения в состав России общее количество медресе было не менее двухсот. Во-первых, из отчета Кауфмана царю и отчетов Наливкина видно, что старые здания медресе особенно разрушались в период, когда царская администрация в крае (до начала 80-х годов) «игнорировала» и мусульманские религиозные учреждения и их вакфное хозяйство; были и такие случаи, когда помещение медресе занималось под казарму царских войск (Самарканд, 1868 г.). Во-вторых, в донесениях уездных начальников при первой регистрации мусульманских религиозных учреждений в 1884 г. называются медресе в некоторых таких кишлаках, которые у Наливкина не отмечены.

[1] Написано Н. П. Архангельским.

[2] В донесениях уездных начальников, в регистрации учебного ведомства, в трудах комиссий, изучавших вакфные владения, в записках путешественников.

Кроме трех основных областей, некоторое число медресе было в Закаспии в момент его присоединения к России; может быть единичные медресе имелись и на юге Семиречья (Закаспийская и Семиреченская области в то время не входили в Туркестанское генерал-губернаторство)[1].

Средоточиями медресе в Туркестанском крае были города Коканд (34 медресе ханского времени), Маргелан (25), Самарканд (22), Андижан (18), Наманган (14), Ташкент (14) и Ходжент (10).

Отметим другие населенные пункты трех областей, где в конце XIX в. имелось по одному или несколько медресе (названия и даты из сводок Наливкина, а также из других источников). Часть этих медресе возникла уже после присоединения данной территории к России:

Ферганская область. В Андижанском уезде — Карасу (1862), Карачунас[2], Кокан-Кишлак (1865), Сузак (1860), Ташкичик, Узген, Хайрабад (1841), Чуама, а также — Бадран и Бутакара; в Кокандском уезде — Исфара, Кашгар (он же Ходжимат-Вали), Кенегез, Риштан, а также Тургак-медресе в Бабайдинской волости; в Маргеланском уезде — Вуадиль, Кува, Миршабэддин, Яккатут, а также Араван, Ассаке, Уч-Курган, Чимион, Шарихан; в Наманганском уезде — Касан, Тюра-Курган, Чуст, Шахаид, Янги-Курган; в Ошском уезде — город Ош (5 медресе), Булакбаши (1859) и Ходжаабад (1879).

Самаркандская область — Гулакандоз (1877), Дагбит (1742), Джизак, Заамин, Исфана (1855), Катта-Курган (1804), Костакоз, Нау (1853), Пейшамба в Катта-Курганском уезде (1791), Пенджикент (1852 и 1877), Унджи в Ходжентском уезде, Ура-Тюбе (6 медресе) и Ургут.

Сыр-Дарьинская область — Аблык (1848), Бука (1860 и 1863), Зангиата (3 медресе, 1835—1850), Карнак в Чимкентском уезде (1875), Культепе в Ташкентском уезде (1840), Пскент, г. Туркестан (1821 и 1875), Чиназ (1874 и 1878).

Количество учащихся (мулл) в разных медресе было очень различно, в зависимости от числа худжр в медресе, от величины его вакфных доходов и, значит, стипендий, а также от других причин. Два главных кокандских медресе в 1867—1868 гг. «как ульи, кишели муллами»[3]; в больших медресе их были сотни, а в ином кишлачном не набиралось и десятка.

[1] Общее количество медресе на территориях, оставшихся во второй половине XIX в. под властью хивинского хана и бухарского эмира, было примерно не менее 200; около половины их сосредоточивалось в столицах — Бухаре и Хиве. Определение числа бухарских медресе осложняется тем, что многие из них служили лишь общежитиями, а на лекции студенты ходили в другие медресе.

[2] Транскрипцию некоторых названий не удалось проверить.

[3] А. П. Хорошхин, Сборник статей, касающихся Туркестанского края. Спб., 1876, стр. 41.

Самаркандские медресе уступали по числу мулл кокандским, хотя в Самарканд прибывало на учебу много народу из Бухары, где в многочисленных столичных медресе не хватало мест для желающих «выбиться в люди». Коканд тоже привлекал учащихся издалека. Многие другие медресе имели более местное значение.

Управление медресе[1]. Напомним, что медресе были крупнейшими владельцами вакфных имуществ[2]. Учредителями многих медресе являлись в феодальной Средней Азии носители государственной власти или члены их семей: важнейшие медресе в столичных городах основаны ханами, медресе в других городах часто носили имена беков и иных местных правителей. Много медресе было организовано ишанами[3]. В XIX в., особенно после присоединения Туркестана к России, возросло число медресе, учрежденных богатыми купцами.

Кем бы ни было основано медресе, оно в ханские времена подлежало контролю мусульманской теократии. Общее наблюдение за медресе и их жизнью лежало на обязанности высшего духовного лица — шейх-уль-ислама и казиев (судей), а наблюдение специальное — учебное и хозяйственное — возлагалось на алямиона и мутавали-баши (старшего мутавалия). Алямион назначался правительством, получал содержание из ханской казны и наблюдал за учебной и материальной частью столичных медресе и тех, которые находились в районе (валайете) столичного города; при ханской и эмирской власти алямионы имелись в Коканде, Самарканде, Бухаре. Мутавали-баши был в каждом городе, где проживал хаким (правитель) валайета; мутавали-баши назначался для наблюдения за деятельностью районных мутавалиев; в его пользу отчислялась 1/10 того, что получал из вакфных доходов своего медресе каждый из подведомственных ему мутавалиев.

В обязанности мутавалия каждого медресе входило заведывание вакфным имуществом своего медресе, хранение его, производство на вакфные средства ремонта и других работ, выполнение которых необходимо для поддержания всего имущества в порядке, чтобы доходность его не уменьшалась. Мутавалий собирал доходы с вверенных ему вакфов и распределял их согласно тем указаниям, которые значатся в данной вакф-намэ.

Вакфные доходы поступали зерном (часть урожая со сдаваемых в аренду земель) или деньгами. По распространенно-

[1] Имеются в виду главным образом порядки на территории бывшего Кокандского ханства, целиком присоединенного к России; в основном сходные порядки были и в бухарском эмирате (в его состав до 1868 г. входила Самаркандская область).

[2] См. первый раздел этой главы.

[3] Некоторые ишанские медресе были устроены в районах кочевого населения, имея характер как бы миссионерских центров.— *Ред.*

му порядку прежде всего выделялась 1/10 всех доходов медресе в пользу мутавалия и отчислялись необходимые средства на ремонт здания медресе. Остальное часто делилось таким, например, образом: 3/10 — мударрисам, половина дохода — студентам, прочее — имаму и муэдзину мечети, дворнику и цирюльнику медресе. Раздел доходов между учащимися производился обычно по худжрам, в некоторых медресе доля выдавалась каждому студенту отдельно. Студент старшего разряда получал вдвое больше студента среднего разряда, а среднего — вдвое больше студента младшего разряда.

Во главе медресе ставился обычно крупный мусульманский проповедник, мударрис, руководивший преподаванием всех учебных предметов. Он преподавал старшим учащимся; в младших группах под его руководством занимались его ассистенты — мукарриры. Мударрис отвечал только за учебную работу и не имел права вмешиваться в дела по управлению вакфными имуществами, не отвечал за правильность расходования доходов с этих имуществ; он только мог указывать мутавалию на нужды медресе и необходимость их удовлетворения[1].

При ханах назначение на должности мударрисов и мутавалиев производилось лично или же правителями валайетов. Если ученость кандидата на должность мударриса не была известна хану или хакиму, то такого кандидата экзаменовали в присутствии казия и нескольких ученых, хорошо осведомленных в мусульманском богословии и юриспруденции. Таким же порядком производилось отчисление от должности неподходящего мударриса.

Содержание курса медресе. Традиционный учебный курс медресе Средней Азии сложился в главных чертах в XI—XII вв. Организация академической жизни и объем учебных предметов не были совершенно одинаковы в медресе разных районов, в столицах ханств и в кишлаках. Но повсеместно учебники, по которым занятия в среднеазиатских медресе происходили до Октябрьской социалистической революции, отражали культуру мусульманского мира многовековой давности. Для примера скажем, что «Шамсия» (учебник формальной логики) и комментарий к ней были составлены в XIII в.; «Акаид» — книга, содержащая изложение основ мусульманского вероучения,—в XII в.; «Мантык Тахзиб»—учебник диалектики, представлявший собой изложение греческой философии в арабском толковании,— в XVI в.; Шариат — свод рели-

[1] Обычай требовал, чтобы в важных хозяйственных вопросах мутавалий советовался с мударрисами и старшими учащимися (В. Наливкин, Сведения о состоянии туземных мадраса Сыр-Дарьинской области в 1890/91 учебном году, Ташкент, 1916, стр. 18—19). Частые случаи своекорыстного самовольного хозяйничания мутавалиев вызывали жалобы учащихся медресе администрации Туркестанского края.

гиозных, гражданских, уголовных и других государственных, общественных и частных норм, изложенных в соответствии с Кораном и каноническими преданиями,— составлен в VIII и IX столетиях, и т. д.[1].

По установленному обычаю, занятия в медресе начинались с заучивания наизусть краткого мусульманского катехизиса Аваль-и-ильм (Начало науки) в вопросах и ответах. Его содержание подчеркивало, что изучаемая в медресе «наука» тесно связана с религией. Персидский язык этого первого учебника медресе был одним из свидетельств того, что курс медресе сложился на персидско-таджикской почве.

Первым и обязательным для всех студентов разделом курса медресе являлось изучение арабской грамматики — для того, чтобы следить за дальнейшими отделами, где почти все учебные книги были на арабском языке. Изучение арабской грамматики (с включением орфоэпии и стилистики) осуществлялось по нескольким учебникам, большая часть которых была на арабском же языке, некоторые — на персидском. На занятия арабской филологией у студента медресе уходило обычно не менее трех лет[2]. Мударрисы туркестанских медресе следовали изречению арабских ученых: «этимология — мать наук, а синтаксис — отец их». По мере прохождения все большего числа книг студент медресе попутно основательно изучал арабский язык, так как объяснения мударриса с переводом арабского текста на узбекский или таджикский язык являлись важным средством глубже овладеть арабским языком.

Получив грамматическую подготовку, к которой присоединялось знакомство с формальной логикой, студент медресе выбирал для дальнейшего изучения книги из двух разделов — законоведения (богословско-юридического) и общеобразовательного (житейской или светской мудрости). Большинство учащихся медресе ограничивалось минимумом богословских и юридических учебников, стремясь получить место имама в мечети или писца в канцелярии. До изучения наиболее полных юридических и богословских руководств доходили те, кто, располагая связями, рассчитывал на хорошую судебную карьеру. В арабском языке особенно старался усовершенствоваться тот, кто метил сам стать мударрисом.

Из внушительного перечня богословско-юридических руководств (в бухарских медресе в 1843 г. Н. Ханыков насчитал более 130 руководств) важнейшие излагались мударрисом в аудитории в более или менее полном виде, иногда — только в извлечениях, а другие изучались муллами самостоятельно.

[1] Шантепи' де' ля Сосей, Иллюстрированная история религий, т. I, стр. 231.

[2] Некоторый запас арабской лексики учащиеся выносили из мактаба; в этом отношении имело значение заучивание наизусть из Корана.

(Этот порядок был принят для всех разделов курса медресе.) Объемистая богословско-юридическая «наука» по существу сводилась к усвоению системы мусульманских авторитетов: это, во-первых, слова самого пророка, зафиксированные в Коране; во-вторых, предания о пророке, дополняющие Коран; в-третьих, свидетельства людей, беседовавших с пророком лично; в-четвертых, свидетельства людей, лично знавших кого-либо из предыдущей категории; в-пятых, разъяснения других людей, живших не позже чем через 400 лет после Мухаммеда. Целью богословско-юридической эрудиции было умение найти в «законе» ответ (или уловку) в разных сомнительных случаях.

Книги общеобразовательного раздела меньше привлекали внимание большинства мулл. Термин «общеобразовательный» надо принять условно: студенты изучали не систему наук, а отдельные книги, излагавшие сведения арабских ученых эпохи расцвета ислама по метафизике, космографии и астрологии. Эти сведения нередко содержали пересказ научных знаний античной Греции с прибавлением фантастических рассказов по географии и природоведению.

Одним из учебных предметов медресе была математика. Ее изучали в ограниченном объеме в связи с занятиями наследственным правом. После четырех действий арифметики переходили к геометрии — изучению площадей треугольника и четырехугольника; эти знания были необходимы для измерения земли, при разделе ее между наследниками, а также при купле и продаже участка. Обычный уровень преподавания геометрии в медресе Туркестана в конце XIX в. был низок: измеряемая площадь разбивалась на четырехугольники и треугольники, причем все они измерялись, как прямоугольные; для измерения площади круга его делили на секторы, причем все они принимались за прямоугольные треугольники[1]. Этими сведениями заканчивалось изучение курса математики; алгебру не проходили.

Любознательные муллы читали сборники фантастических рассказов на географические и исторические темы. Из одной такой книги можно было узнать, что в мире господствуют четыре стихии: огонь, ветер, вода и земля; огонь находится между Луной и ветром, ветер — между сферами огня и воды, вода — между ветром и Землей, а Земля окружена остальными стихиями. Так как небес семь, а также семь планетных систем, семь поясов, или частей света, и семь морей, то и род человеческий делится на семь рас: на китайцев, тюрков, европейцев, арабов, персов, индусов и негров. Из этой же книги читатель узнает, что на горе Сарандиб имеется отпечаток ноги Адама. В Индийском море есть остров, а на острове дворец; вошед-

[1] В. П. Наливкин, Сведения, стр. 49—50.

ший в этот дворец лишается сознания и умирает; на этом острове живут люди с собачьими головами. Книга содержит иллюстрации, дополняющие ее фантастические рассказы. По желанию, некоторые студенты дополнительно знакомились с сочинениями известных персидско-таджикских и узбекских поэтов. В редких медресе желающие штудировали лечебники восточной медицины средневекового уровня. Элементов научной физики, химии и тем более биологии в курсе медресе не было.

Беглого взгляда на перечисленные «науки» достаточно, чтобы удостовериться, как неизмеримо далеко отстали даже лучшие медресе Туркестана от средних и высших учебных заведений, которые были в России в начале второй половины XIX в.

Организация обучения. Быт медресе. Студентов медресе называли «мулла» (грамотный), «талиб-и-ильм» (изучающий науки) или просто «талиб», «шакирд» (ученик, подмастерье). Они делились на разряды; в младшем (адна) студент был до изучения «Акаид», в среднем (аусат) — до перехода к книге «Мулла-Джаляль»; когда студент начинал изучать эту книгу, он получал название «ала» (учащийся высшего разряда). Определенного срока для пребывания в том или другом разряде не было. Каждый учился, пока не выучивал и не сдавал мударрису соответствующую книгу; обычно в каждом разряде оставались по 3—4 года; но случалось, что мулла сидел в младшем разряде 8—10 лет.

Медленность прохождения курса в медресе в значительной мере зависела от организации и методов преподавания в нем. Уроки начинались вскоре после восхода солнца, вслед за совершением утреннего намаза. Мударрис занимал передний угол, считавшийся почетным местом в аудитории; он садился на пол, устланный коврами или кошмами, против входной двери. После того, как мударрис даст знать, что он готов начать урок, в дарсхану входила джамаа, т. е. группа учащихся примерно от 5 до 20 человек. Они кланялись в пояс своему мударрису и громко произносили: «Селям». Выстроившись после приветствия, муллы садились против учителя на пол и раскрывали книги на месте, где был закончен предыдущий урок. Книги клались прямо на пол или на низенькие подставки. При значительном расстоянии между книгой и глазами читающего сидеть приходилось согнувшись. Один из студентов назывался «кары». Он читал соответствующее место в книге, а мударрис поправлял произношение и объяснял сначала отдельные арабские слова, потом общий смысл прочитанного отрывка, иллюстрируя объяснение подходящими примерами. Продолжительность урока определялась в зависимости от объема текста мударрисом, который старался сообразоваться с силами, способностями и подготовкой учащихся. Хотя большинство студентов, проходя общеобразовательный или юридический разделы медресе, должны были усвоить за известный период одну книгу, изучение курса совершалось очень медленно, так как преподавание велось в основном на арабском языке.

После объяснений мударрис возглашал: «Аллах акбар» («Велик бог»). Студенты вставали с мест и удалялись. В дарсхану входила следующая группа, за ней еще следующая, пока не пройдут все отделения данного мударриса [1].

В младшем классе урок начинался повторением читанного накануне. Проверка знаний происходила посредством вопросов, которые предлагал мударрис. После перехода к чтению Шарх-муллы (комментарий к арабской грамматике) повторение предыдущего урока прекращалось, их заменяли занятия с мукаррирами (репетиторами). Обязанности мукарриров несли обыкновенно лучшие ученики старшего класса или те из окончивших курс медресе, которые состояли кандидатами на должность мударриса.

Занятия с мукаррирром шли в том же порядке как и с мударрисом. Считалось весьма желательным, чтобы объяснения мукаррира были по возможности тождественны с объяснениями мударриса. Если студенты не находили подходящего мукаррира в своем медресе, они шли в другое или на дом к частному мукарриру, который считался лучшим учеником известного ученостью и авторитетом мударриса.

Учебных дней в неделе было четыре: суббота, воскресенье, понедельник и вторник; остальные дни были отведены на повторение пройденного, на занятия предметами вне обязательного учебного курса и отдых. Кроме того, занятий не было во время месячного поста, в праздники Рамазана и Курбана (около двух недель) и в каникулы: с половины мая или начала июня до сентября и позже. В среднем учебный год продолжался в медресе 30 недель, или около 120 дней; ежедневно с мударрисом студенты занимались в учебные дни по полтора-два часа.

Таким образом, продвижение учащихся в медресе по курсу замедлялось и тем, что обучение шло не на родном языке, а также недостатком контроля за успеваемостью, неинтенсивным построением учебного времени и чисто словесным характером обучения.

Кроме того, на учебной жизни медресе чрезвычайно пагубно сказывались особенности быта ее учащихся. Чтобы поступить в медресе с правом жить в келье, формально требовалось

---

[1] По наблюдениям В. П. Наливкина, на уроках мударриса и на занятиях с репетитором за курсом следила в действительности только часть джамаа — наиболее способные и прилежные ученики; остальные только делали вид, что учатся. Это не мешало им следовать со своей джамаа до конца и считаться окончившими медресе.— *Ред.*

согласие мударриса, иногда и старших мулл. В келье (худжре) помещалось от 2 до 4—5 студентов. Фактически места в худжре, особенно в лучших городских медресе, обычно покупались; плата зависела от богатства вакфа данного медресе и авторитета его мударрисов.

Богатые студенты нередко числились в медресе номинально. Продолжительность пребывания в каждом из трех разрядов медресе не регулировалась; отдельные ученики просиживали в одном разряде 8—10 лет, а некоторые «учились» в медресе более 20 лет, оставаясь или числясь в учебном заведении до зрелого возраста, так как звание студента медресе считалось почетным, а главное — давало право на вакфную стипендию. Хотя существовало правило, что за непосещение определенного числа лекций мулла лишается права на стипендию, но на практике это обычно не проводилось. Мударрисы по-разному относились к бедным и богатым студентам, так как от богатых получали хорошие подарки. Богатым студентам они уделяли больше внимания и снисходительно относились к их прогулам и слабым успехом в предметах академического курса.

Обычай давать подарки учителям установился в мусульманских школах давно. Окончив изучение определенной книги, студенты преподносили общий подарок от группы. Богатые слушатели приглашали мударриса на дом, угощали его и надевали на него халат. По окончании всего курса вся джамаа устраивала в честь мударриса зиафат (пир), дарила ему собранные со всех учащихся деньги и несколько халатов. Нет надобности пояснять, что такая «система» оплаты труда мударриса умаляла его авторитет и создавала ненормальные отношения между мударрисом и студентами.

Сыновья бедных родителей, как правило, не могли попасть в богатые медресе, где стипендии, благодаря большим вакфным имуществам, были значительно выше. Беднейшие из студентов медресе жили плохо, питались скудно и зарабатывали средства к жизни разными способами: в летние каникулы они становились учителями мактабов среди кочевников или в домах богатых баев, зимой — занимались перепиской, главным образом учебников мактаба; редко кто занимался работой поденщика [1]. Положение бедных студентов отягощалось еще и тем, что они должны были покупать рукописные книги, которые ценились дорого.

[1] В. П. Наливкин, Сведения, стр. 85. Так как физический труд считался предосудительным для духовного сословия, то на такую работу учащийся медресе старался наняться там, где его не знали в лицо. См. об этом в ст.: В. П. Наливкин, Что дает среднеазиатская мусульманская школа в образовательном и воспитательном отношениях (в кн.: «Туркестанский литературный сборник в пользу прокаженных». Спб., 1900, стр. 250).

Коллективной товарищеской жизни студентов в медресе не было; этому мешала принадлежность их к различным социально-экономическим группам. Главная масса студенчества происходила из семей духовенства, деревенских кулаков и торговцев; но были также и дети бедных крестьян и ремесленников. В медресе учащиеся резко делились на сыновей привилегированных родителей и сыновей бедняков. Классовые различия в обществе были перенесены и в медресе. Инспектор мусульманских школ В. П. Наливкин, обследовавший медресе в 1890—1891 гг., пишет: «Трудно представить себе что-либо отвратительнее той наглости и надменности, с одной стороны, и низкопоклонства и подхалимства с другой, которыми характеризуются взаимные отношения между богатым муллой и находившимся у него в услужении (по найму или за подачки) его бедным товарищем» [1].

В некоторых медресе, кроме постоянных учеников, пользовавшихся правом жить в кельях медресе, имелись редкие вольноприходящие. Чтобы сделаться вольноприходящим студентом и слушать мударриса, достаточно было заявить ему о желании учиться; по шариату, каждый наставник обязан учить всех, кто приходил к нему для обучения.

По окончании медресе значительная часть его питомцев становилась учителями мактабов: одни — по обязанности имама, другие — в качестве учителя-профессионала. Многие студенты-бедняки становились учителями еще во время студенческих каникул. Подготовка, которую получал в медресе будущий учитель мактаба, заключалась в овладении арабским языком и его письменностью, а главное — в крепком усвоении основ мусульманской религии. Особого курса педагогики или методики преподавания каких-либо предметов в медресе не было [2], но путем необязательного чтения студенты знакомились с педагогическими воззрениями мусульманских философов и педагогов.

Например, в старинной, но очень популярной среди мусульманских грамотеев книге «Кимия-и-саодат» [3] утверждалось, что душа ребенка чиста, как самоцветный камень, мягка, как воск, которому можно придать любые формы; она подобна плодородной почве, на которой вырастает каждое брошенное семя. При первых признаках сознательности надо приучить ребенка соблюдать правила во время еды: есть правой рукой, не

[1] В. П. Наливкин, Сведения, стр. 85.

[2] В Оренбурге, Уфе и других татаро-башкирских центрах в XX в. реформированные (новометодные) медресе стали учительскими семинариями.— *Ред.*

[3] Имеется в виду «Химия счастья» («Кимия-и-саодат») Аль-Газали (XI в.), одного из столпов суфизма. Цитаты из этой персидской книги у Наливкина (см. «Сведения», стр. 65—66, а также 59—61) приведены без указания имени автора — Аль-Газали. *Ред.*

торопясь, чтобы перед едой он говорил «во имя бога», и проч. Если ребенок будет вести себя хорошо, надо дарить ему такие вещи, которые могли бы радовать его; хвалить ребенка следует в присутствии других, а за дурные поступки осуждать и пугать тем, что о его поступках узнают посторонние люди.

Нельзя разрешать детям вступать в разговоры раньше, чем к ним обратятся с вопросом старшие. Надо учить детей относиться к старшим с почтением и молча, терпеливо переносить побои учителей.

Но самое главное, по этой книге,— религиозное воспитание. Когда ребенку исполнится семь лет, его надо учить совершать установленные омовения и молитвы. С десяти лет необходимо знакомить детей с представлениями о загробной жизни, об аде и рае, чтобы они врезались в душу ребенка, как буквы вырезываются на камне.

Подобные антинаучные сведения «педагогического» характера приобретали студенты медресе, читая необязательные сочинения различных старинных авторов; лишь изредка в этих сочинениях попадались небесполезные эмпирические советы[1].

Однако «эрудиция», приобретаемая путем чтения средневековых сочинений, весьма ценилась; в больших городах узбекских ханств между «учеными» происходила конкуренция. По установившемуся обычаю студенты медресе имели право учиться у мударриса, который им больше нравился.

Отсюда нередки были случаи, когда недостаточно подготовленный мударрис совсем не имел слушателей. Бывало и так, что студенты какого-либо медресе, убедившись в слабой эрудиции своих мударрисов, ходили слушать лекции в другое медресе или к частным мударрисам. Приватными мударрисами бывали лица, окончившие свое образование, но не получившие в медресе штатной должности преподавателя, оплачиваемой из вакфных средств. Они довольствовались подарками учащихся. По окончании местного медресе студенты, желающие получить более полное богословское образование, отправлялись в Бухару, Коканд, а также в Турцию и Египет, где медресе славились большей ученостью мударрисов и богатством своих вакфов.

[1] Напр.: студент всегда должен иметь при себе бумагу и чернила для записи,— записанное лучше хранится в памяти.

Глава вторая

НАЧАЛО ШКОЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА В ТУРКЕСТАНЕ. КОЛЕБАНИЯ В ОТНОШЕНИИ К МУСУЛЬМАНСКИМ ШКОЛАМ ДО 1905 ГОДА

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ШКОЛЫ

По мере продвижения царской армии в Туркестан возникали небольшие русские поселения, в которых устраивались школы начального типа[1]. К лету 1867 г. на территории Семиречья (вдоль «Сибирской линии»), главным образом в северной его части, уже было открыто около десятка русских школ. До образования Семиреченской области и Туркестанского генерал-губернаторства эти школы находились в ведении школьной администрации Семипалатинской области и Сибирского казачьего войска; они обслуживали русское население.

На «Сыр-Дарьинской линии» по указанию оренбургского епископа с 1860 г. были открыты в Казалинске и Перовске церковноприходские школы, в которых учительствовали священники этих фортов. Позже оренбургское военное начальство учредило в тех же укреплениях русско-казахские школы с интернатами для казахских мальчиков; русские дети принимались в них приходящими.

В Ташкенте в 1866 г., через год после подчинения города России, открылась русская начальная школа для мальчиков и девочек (смешанная).

После образования в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства начальные русские школы возникали в каждом новом подчиненном России городе через 2—3 года после поселения в нем первых русских людей. В Самарканде в 1870 г., а в Чимкенте в 1874 или 1875 г. были открыты русские шко-

[1] В Семиречье, где до 1867 г. было 14 казачьих поселений Сибирского войска, школы имелись в 8 пунктах (Кауфман, Проект, стр. 151 и 433). Школы были для мальчиков; первая из них возникла в 1852 г. в станице Сергиопольской, где казаки поселились еще в 1831 г.

лы для детей коренного местного населения, послужившие впоследствии прототипом будущих русско-туземных школ.

До 1876 г. в крае не было специального аппарата для руководства учебными заведениями. Школы устраивались по инициативе русских поселенцев через разные ведомства: например, вопрос об открытии церковноприходских школ в Казалинске и Перовске получил одобрение Оренбургской духовной консистории в августе 1858 г. Учебные планы для проектируемых школ составлялись часто местными канцеляристами, имевшими о школьном деле очень смутные и весьма превратные представления.

После учреждения Туркестанского генерал-губернаторства только через восемь с половиной лет было создано управление учебными заведениями Туркестанского края, подчиненное Министерству народного просвещения. Задержка была связана с тем, что в первую очередь разрешались военные и административные задачи в новом крае. В вопросах идеологического влияния на вновь подчиненное многочисленное иноязычное и иноверное население для высшей власти края вначале было много неясного. Первый генерал-губернатор Кауфман искал в этом деле помощи у известного организатора школ среди нерусских народов Поволжья Н. И. Ильминского. Лишь постепенно были выработаны общие принципы школьной политики царизма в Туркестане.

ОСНОВЫ ШКОЛЬНОГО ДЕЛА В ТУРКЕСТАНСКОМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ, ПРИНЯТЫЕ В 70-е ГОДЫ

С начала 70-х гг. царская власть в Туркестанском крае стремилась создать учебную организацию, которая бы занималась открытием школ для русского населения присоединенных земель, а также выяснила состояние народного образования у коренного населения этих земель и определила свое отношение к издавна существовавшим учебно-воспитательным учреждениям народов Средней Азии.

В 1869—70 гг. при министре народного просвещения Д. А. Толстом был подготовлен план расширения сети начальных школ среди народов Поволжья, Урала, Сибири и Крыма[1]. В этом плане сформулирован основной тезис школьной политики в отношении нерусских народов: «Конечной

[1] В 1869 г. в Петербурге Министерством народного просвещения был издан объемистый (522 стр.) «Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев». В него вошли, кроме многих статей, протоколы училищных советов восточных губерний и другие документы, а также материалы о народном образовании в Британской Индии и во Французском Алжире.

целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом»[1]. Эту задачу правительство пыталось разрешить при помощи нового типа школ, которые оно стало открывать в Поволжье, в Крыму, на Урале, в Сибири среди нерусских народов.

В марте 1870 г. план, выработанный министерством, стал законом под наименованием «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев»[2]. В отношении татар-магометан там сказано: «Татары-магометане, населяющие губернии Казанского учебного округа и Крымский п-ов, входящий в состав Одесского учебного округа, составляют племя, фанатизируемое многочисленным духовенством, богатое мечетями и магометанскими школами и крепкое в своей вере. Поэтому обрусение татар-магометан может быть ведено лишь путем распространения русского языка и образования, *с устранением всех таких мер, которые могли бы породить* в этом, по природе подозрительном, племени *опасение в посягательстве правительства на отклонение детей от их веры.* Таким образом, в видах достижения главной и единственной цели — распространения между татарами-магометанами русского языка и образования, надлежит принять следующие меры...»[3]. Дальше следует изложение мер, которых здесь мы не будем касаться.

* * *

Эти установки министерства просвещения нашли отражение в проекте, над которым с 1870 г. работала в Ташкенте особая комиссия, созданная по распоряжению генерал-губернатора Кауфмана.

В 1873 г. Кауфман представил царскому правительству «План устройства учебной части и народного образования в Туркестанском крае». В этом плане мы читаем: «Развитие народного образования в крае должно состояться в направлении русских интересов, которые заключаются в развитии экономической стороны населения, его гражданственности и солидарности, его слиянии с основами русской государственной жизни. Но при этом религиозные убеждения инородцев должны остаться вне всякого прямого посягательства со стороны школы,—она отнюдь не должна иметь конфессионального направления». Дальше Кауфман настаивает на обучении детей коренного населения Туркестанского края в общих

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 382, журн. заседания Совета Министра народного просвещения.

[2] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения, т. IV.

[3] Там же.

училищах с русскими детьми, «так как совместное обучение, влияя на сглажение различий в основных понятиях детей инородческого населения, представляет существенные выгоды в деле ассимилирования завоеванного края» [1].

«Для совместного обучения туземцев с русскими» предполагалось использовать главным образом народные училища с четырехлетним курсом в уездных городах, фортах и казачьих станицах. Учителей в эти училища должна была готовить проектировавшаяся Туркестанская учительская семинария, образцовое училище при которой рассматривалось как образец для уездных школ.

Вместе с тем проект считал целесообразным при устройстве школ «обособление» кочевого населения от оседлого «ввиду существующих коренных различий в нравственной и общественной жизни»[2]. Представляя проект военному министру Милютину, Кауфман просил обратить особое внимание на то обстоятельство, что из трех миллионов населения Туркестанского края две трети составляют кочевники. Эти народы, по его словам, очень склонны к сближению с русскими. «Мы должны,—указывал он,—теперь же, не откладывая до неопределенного будущего, озаботиться распространением среди них русской гражданственности и тем — с одной стороны, выполнить лежащий на нас гуманный долг — ввести кочевников в семью культурных народов, а с другой — сблизить их с собой и отделить от мусульманского влияния, начинающего уже проникать в среду кочевников» [3]. Для того чтобы открыть школы в степях Казахстана, надо иметь учителей. Их можно подготовить в учительской семинарии. Таковы мотивы за открытие учительской семинарии в Ташкенте.

В туркестанских степях с кочующим населением намечалось открыть начальные школы грамотности по программе младшего отделения уездной школы. Учителями в школы грамотности назначались окончившие курс в четырехлетней уездной школе. Для будущих учителей грамоты из среды кочевников при каждой уездной школе проектировался интернат на 20 человек.

Преподавание вероучения (закона божьего) и его обязательное изучение школьниками предусматривалось по проекту только для христианских детей; мусульманское вероучение не должно было преподаваться в правительственных школах.

Основными предметами изучения в школах являлись, по проекту, русский язык и арифметика (в четырехлетних школах, кроме того, география и черчение в применении к ре-

[1] ЦАУ УзССР, ф. 1, д. 1 за 1875.

[2] С. М. Граменицкий, Очерк развития народного образования в Туркестанском крае, Ташкент, 1896, стр. 5.

[3] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 57, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края.

меслам). Для детей коренного населения проектом вводились уроки родного языка с применением русской транскрипции; для русских детей уроки местного языка были не обязательны [1].

Проект придавал большое значение преподаванию в народных школах ремесла; считалось, что это поможет привлечению в русскую школу детей коренного населения.

«Для детей чиновников, купцов и других лиц, которые пожелали бы получить общее гимназическое образование» [2], предусматривалось проектом учреждение в Туркестанском крае гимназий.

В проекте указывалось на необходимость вовлечения в школы девочек.

Проект содержал также предложения относительно структуры управления школами края [3].

Следовательно, Кауфман поставил две основные задачи перед школой в Туркестанском крае: развивать народное образование в интересах правящих классов Российской империи, не касаясь религиозных верований мусульманского населения Туркестана, и стремиться к его слиянию с основами русской буржуазно-монархической государственности. Как увидим дальше, Кауфман проявил известную веротерпимость и политическую дальновидность: не раздражал коренное население Туркестана полицейским навязыванием православия, освободил от бюрократического контроля русских чиновников местные религиозные школы и широко открыл русскому купечеству доступ в завоеванный край.

Проект 1873 г. нашел поддержку у военного министра Милютина; а министр просвещения Д. Толстой согласился на открытие гимназий и учительской семинарии, но мысль об открытии школ грамоты «внутри аулов» у него «не нашла сочувствия», и степному населению предоставлено было искать русское образование по-прежнему лишь в начальных училищах, устроенных в степных городах и станицах. Кроме того, министр финансов Рейтерн считал преждевременным открытие учительской семинарии и возражал против ассигнования средств на ее содержание из доходов государственной казны; он рекомендовал на содержание учительской семинарии и вообще для всех расходов по народному образованию использовать вакфы мусульманских учебных заведений Туркестанского края. Кауфман в заявлении военному министру. Д. А. Милютину возражает против предложения Рейтерна: во-первых, эта мера может возбудить волнение среди местного населения; во-вторых, мусульманские школы построены

[1] С. М. Граменицкий, Очерк, стр. 7.

[2] Там же, стр. 5—6.

[3] Об аппарате школьного управления и русских школ в Туркестане, см. стр. 112.

на совершенно иных началах, чем русские, «и притом враждебных нашей государственности»; наконец, все мусульманские школы основаны на частные капиталы, поэтому «всякая регламентация этих школ со стороны правительства была бы принята, как посягательство на чужую неприкосновенную собственность»[1]. Для наших государственных целей, продолжает Кауфман, нам необходимы школы для туземцев, основанные на русских началах, потому что только такие школы могут служить постепенному и прочному сближению туземцев с русским духом и народностью...

С января 1876 г.[2] начало действовать в Ташкенте Управление учебными заведениями Туркестанского края с главным инспектором училищ во главе. С 1876/77 учебного года открылись мужские и женские прогимназии в Ташкенте и Верном. Учительская семинария в Ташкенте открылась только с 1879/80 учебного года.

В отношении традиционных мусульманских школ Туркестана первый генерал-губернатор принял принцип «невмешательства». В этом вопросе Кауфман несколько расходился с указаниями Министерства просвещения, пользуясь тем, что царь Александр II, назначая в отдаленный Туркестанский край (вначале не связанный с Европейской Россией даже телеграфом) первого генерал-губернатора, снабдил его чрезвычайно широкими правами и полномочиями.

Хотя правительство издало в 1875 г. закон о подчинении всех религиозных школ Туркестана Управлению учебными заведениями края, а Министерство просвещения издало в 1879 г. инструкцию для инспекторов народных училищ, как нужно инспектировать местные школы, однако Кауфман держался особого мнения: он решил не вмешиваться в жизнь местных религиозных школ. По его мнению, эти школы надо просто игнорировать, так как без надзора и материальной поддержки правительства они сами собой развалятся. Такую меру Кауфман считал политически более надежной, чем допустить вмешательство русских чиновников в жизнь медресе и мактабов.

В отчете новому царю за время управления Туркестанским краем с 7 ноября 1867 г. по 25 марта 1881 г. Кауфман подробно остановился на политических мотивах, какими он решил руководствоваться в отношении высших религиозных школ Туркестана в начале своей деятельности в роли генерал-губернатора. Особенно он подчеркнул важное политическое значение местных медресе: «Помимо важной политической роли в качестве учреждений, охраняющих силу и привилегию мусульманской духовной аристократии, медресе и

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 57, Опись Управления учебными заведениями.
[2] На основании закона от 17—29 мая 1875 г.

поныне играют другую не менее видную роль как центры и рассадники мусульманской пропаганды»[1]. Перечисляя, какие «кадры» готовят медресе, Кауфман определяет их значение в общественной жизни народов Средней Азии: «Таким путем медресе являются до сих пор деятельными семинариями, снабжающими все мусульманское, в том числе киргизское[2], население имамами, учителями, законоведами, имеющими неоспоримо важное влияние на дух и на нрав народа».

Указав на роль медресе как идеологических центров и отметив распространенность мактабов, Кауфман так формулирует свою политику в данном вопросе: «Будучи религиозною и конфессиональною, а вместе с тем и политическою... школа туземная не должна рассчитывать на сочувствие русской власти. Но столь же очевидно, что прямое упразднение ее вызвало бы в отношении к нам ожесточение...» Поэтому «в отношении мусульманской школы оставалось держаться лишь способа действий, который уже усвоен был... в отношении мусульманства вообще. Способ этот — игнорирование»[3].

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ «ИГНОРИРОВАНИЯ» МУСУЛЬМАНСКИХ ШКОЛ

Со времени занятия русскими войсками Туркестана упразднились сами собой должности раисов и алямионов, которые следили за начальным обучением в мактабах и преподаванием в медресе, а также должности главных мутавалиев, которые при ханах ревизовали в медресе использование вакфных сумм.

На основании закона, принятого центральной властью в 1875 г., ведению управления учебной частью Туркестанского генерал-губернаторства подчинены были все русские учебные заведения и все училища коренного населения[4]. В дополнение к этому закону в январе 1879 г. была издана особая инструкция для инспекторов народных училищ Туркестанского края. Согласно этой инструкции, в отношении заведования школами местного населения инспектора должны были руководствоваться указаниями главного инспектора училищ и генерал-губернатора. Однако при Кауфмане фактический контроль сверху за мусульманскими школами не осуществлялся никем.

В результате, по словам «Отчета» Кауфмана, экономы (мутавали) и настоятели медресе стали расхищать вакфные

[1] Кауфман, Проект, стр. 432.
[2] Казахское.
[3] Кауфман, Проект, стр. 437—438.
[4] т. XI Свода законов. См. Отделение второе. Об управлении учебными заведениями в Туркестанском крае. ст. 89.

суммы, распоряжаясь ими «гораздо более произвольно, чем при самых слабых азиатских правительствах», мударрисы и муллы открыто борются из-за доходов; родители, не поощряемые плетью раисов, перестали посылать детей в школы; здания даже самых знаменитых медресе ветшают и разрушаются; школа пустеет, и преподавание в ней, уже сильно упавшее со времени Улугбека и образованных Тимуридов, еще более принижается, местами этот упадок школ дошел до того, что преподавателей в ином медресе больше, чем учеников [1].

Другие источники также подтверждают упадок старинных медресе, злоупотребления мутавалиев, уменьшение количества учащихся, запустение грандиозных зданий медресе и т. д. Отмечается несколькими свидетельствами и упадок посещаемости мальчиками мактабов после того, как царская власть упразднила должности раисов.

Таким образом, на первых порах «игнорирование» мусульманских школ оказалось довольно действенным средством, которое положило начало упадку мусульманских религиозных школ.

ПОПЫТКИ РЕФОРМ МУСУЛЬМАНСКОЙ ШКОЛЫ В КОНЦЕ XIX ВЕКА. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. П. НАЛИВКИНА

При общем курсе туркестанской администрации на «игнорирование» ислама и мусульманских школ в 60-х и 70-х годах были отступления от этого принципа. Например, вакфные владения, как правило, царскими властями не трогались, однако отдельные здания мечетей и медресе (в Самарканде, Коканде) были заняты военным ведомством в момент подчинения данной территории.

В первые же годы существования Туркестанского генерал-губернаторства ставились вопросы о некоторых реформах в учебной жизни медресе. Например, в марте 1871 г. ташкентский купец Сеид-Азимбай Мухаммедбаев [2] подал Кауфману докладную записку, в которой, критикуя существующие медресе, предлагал открыть мусульманскую школу нового типа на следующих началах:

«Новая школа,—пишет он,—должна быть прежде всего полезна. Знания, в ней почерпаемые, должны быть в жизни каждого из нас применимы». Поэтому в ее программе должно стоять на первом месте изучение русской грамоты и применение ее к письму и чтению книг, писанных на узбекском языке, но русскими буквами; «изучив чтение на своем родном

[1] Кауфман, Проект, стр. 458.

[2] Сеид-Азимбай юношей, еще в ханское время, был послан отцом на учебу в Нижний Новгород, где овладел русским языком.— *Ред.*

языке,—говорит Сеид-Азимбай,—мальчик тем самым выучится читать и все русские книги» [1].

«Постоянное столкновение с русскими как здесь в крае, так и на ярмарках в России, при особенной нашей способности к усвоению языков,—продолжает Сеид-Азимбай,—всегда даст нам некоторые знания того языка, на котором говорят с нами наши законы и наши власти. Но знания эти столь же быстро пропадают и во всяком случае—ограничены. Только грамота может упрочить его (т. е. русский язык.—*К. Б.*) у нас».

В реформированной мусульманской школе, по мнению Сеид-Азимбая, нужно изучение в транскрибированном переводе если не всех русских законов, то по крайней мере тех, «кои для нас особенно необходимы или которые исключительно для края писаны».

Третьим предметом Сеид-Азимбай предлагает ввести шариат, систематизированный, очищенный от противоречий и переведенный на узбекский язык русскими буквами. Такие знания, пишет он, будут практически полезны и дадут возможность каждому выходящему из школы зарабатывать насущный хлеб и даже удовлетворять своему честолюбию на службе русской власти и народу нашему. Кроме того, Сеид-Азимбай рекомендовал изучать арифметику и ремесла. В этом отношении, несмотря на нашу полную к этому способность, говорит он, мы далеко отстали от русских людей. «Потребность к лучшим условиям жизни мало-помалу в нас проникает; удовлетворять ей мы можем лишь русскими мастеровыми, немногочисленность и дороговизна труда которых лишает большинство из нас средств воспользоваться их знаниями и заставляет нас опять-таки обращаться к татарам, которые не более как неудавшиеся их ученики».

В заключение Сеид-Азимбай пишет, что опыт такого преобразования удобнее всего сделать на пустовавшем тогда Ишанкульском медресе в Ташкенте [2], вакфы которого достаточно значительны, чтобы обеспечить существование нового учебного заведения. «С своей стороны,—продолжает он,—я верю в полезность этого дела и прошу, в случае если соображения мои будут признаны правильными, принять от меня посильную жертву и обоих сыновей моих на воспитание. Я желаю сделать из них не ишанов, я приучил их к мысли, что жизнь их должна быть обречена на службу царю нашему и царству его» [3].

[1] ЦАУ УзССР, ф. I, д. 3, оп. 19, Канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства, 1871.

[2] Ташкентцам это медресе более известно под названием Шейхантаурского.— *Ред.*

[3] Сын и зять Сеид-Азимбая были в Ташкенте крупнейшими коммерсантами.— *Ред.*

Записка Сеид-Азимбая интересна как первый школьный проект русофильской части нарождавшейся национальной буржуазии Узбекистана.

Кауфман в своей резолюции на записке Сеид-Азимбая выразил свое согласие: «Сеид-Азим, можно сказать, угадал мою мысль, и потому искренне благодарю его за этот почин. Прошу представить доклад о тех распоряжениях, какие необходимо сделать для безотлагательного осуществления его предложения».

В июне 1871 г. была создана комиссия под председательством ротмистра Терентьева для подготовки проекта устройства новой школы на основе Ишанкульского медресе, как предлагал Сеид-Азимбай. Через 6 лет главный инспектор училищ Кун взамен оставшегося нереализованным предложения Сеид-Азимбая представил проект открытия при одном из медресе в Ташкенте трехгодичных общеобразовательных курсов русского языка для местного населения; Кауфман, внеся незначительные поправки в проект, предписал привести его в исполнение «при первой возможности»[1]. Этот проект также не осуществился по вине русских чиновников, которые и этот проект положили в «долгий ящик»[2].

При новом царе Александре III, после смерти Кауфмана (май 1882 г.) в политике «игнорирования» ислама и мусульманских школ в Туркестане наметились некоторые сдвиги.

Преемником Кауфмана на посту генерал-губернатора был генерал Черняев. В целях ознакомления коренного населения с деятельностью русской власти при нем с 1883 г. было расширено содержание «Приложений» к русским «Туркестанским ведомостям» на узбекском языке; редактором «Приложений» был назначен Н. П. Остроумов. При сменившем Черняева Розенбахе с 1885 г. начал печататься русский перевод помещенного в этой первой узбекской газете материала. В 1887 г. было разрешено (Министерством внутренних дел) издание туркестанской туземной газеты на узбекском и русском языках как самостоятельного органа[3].

По распоряжению Черняева в 1883 г. была образована комиссия из представителей местного купечества и духовенства, которые более или менее сблизились с русским населением и были лояльны к царской власти. В начале 1884 г. комиссия представила 4 записки, касавшиеся некоторой реорганизации суда казиев, улучшения учебной жизни мусульманских школ, упорядочения отчетности и содержания вакфных имуществ и создания туркестанского мусульманского духовного управления[1]. Комиссия поставила также вопрос об учреждении нового медресе, в программу которого были бы включены русский язык, математика, география, история, естествознание и другие предметы, чуждые традиционному курсу среднеазиатских медресе. План этот не был реализован, так как Черняева отозвали с поста туркестанского генерал-губернатора. Напомним, что в начале 80-х годов, после казни народовольцами Александра II, усилилась реакция, и генерал Черняев показался «слишком либеральным» при новом политическом курсе правительства. Сменивший его Розенбах усмотрел в записках указанной комиссии стремление среднеазиатских мусульман уклониться от всякого контроля царской власти, и все материалы комиссии были сданы в архив.

После приезда в Туркестанский край в начале 1884 г. Розенбах создал комиссию под председательством военного губернатора Сыр-Дарьинской области Гродекова, которому поручил изучить вопрос «о мусульманской пропаганде, особенно среди кочевого населения». Комиссия единогласно пришла к выводу, что, прежде чем принимать какие-либо меры в отношении кочевого населения, следует обратить внимание на оседлое население и на медресе, «в стенах которого фабрикуются наиболее ревностные поборники традиций старого мусульманства...»[2]. Кроме того, комиссия указала на необходимость привести в точную известность состояние мусульманских школ и подчинить их «русскому государственному надзору».

Розенбах счел необходимым действовать против религиозных школ с «возможно большей осторожностью». С 1884 г. в противовес им были выдвинуты русско-туземные школы, соединявшие в себе мусульманский мактаб и русскую школу грамоты (русский и «туземный» классы). В том же году была составлена инструкция для инспекторов народных училищ Туркестанского края, утвержденная Министерством народного просвещения; в ней (параграф 3) было сказано, что ведению инспекторов подлежат все инородческие училища без различия вероисповедания в крае, в том числе мактабы и медресе.

---

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 88, 1877.

[2] Кауфман не доверял Сеид-Азимбаю, который «всем хочет заправлять» (Остроумов, Воспоминания, стр. 32).— *Ред.*

[3] Приложения к ТВ выходили с 1870 г. два раза в месяц на казахском («киргизском») и узбекском («сартском») языках. С 1883 г. казахская газета в Ташкенте перестала выходить. В узбекской (тираж в 1883 г. 500 экз., в 1890 — 615 экз.) под редакцией Остроумова стали печататься популярные статьи разнообразного содержания, общего характера и из жизни Туркестана; к переводам с русского добавлялся оригинальный материал; печатались и литературные произведения, напр., стихи Фурката. (См. об этом кн.: Н. П. Остроумов, Сарты, 1890, стр. 127 и сл.— *Ред.*

[1] Оренбургскому муфтию в 1878 г. предложили не вмешиваться в дела туркестанских мусульман, когда он запросил сведения о мусульманском духовенстве в Семиречье (ЦАУ УзССР, ф. 1, д. 1726, оп. 11).— *Ред.*

[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 4989, 1889.

Таким образом, от «игнорирования» мусульманских школ (а также и других учреждений ислама) отказались. Однако осуществление фактического контроля за ними тормозилось.

Сначала под контроль были взяты только вакфные имущества и связанная с ними хозяйственная сторона жизни мусульманских школ.

Вместе с тем, начиная с 1885 г., Розенбах настаивал на необходимости «подчинить действительному нашему контролю все туземные мусульманские школы и приступить к фактическому наблюдению за ними».

В мае 1887 г. Розенбах обратился в Министерство просвещения с большим докладом, в котором выдвинул следующие основные положения.

1) В последнее время мусульманская пропаганда стала распространяться в Туркестане из Индии; оттуда присылается литература на арабском и персидском языках, напечатанная в литографиях Дели, Бомбея и других главнейших городов английской Индии. Индия становится интеллектуальным центром для народов Туркестана, что для русского влияния на Востоке не может быть выгодным и благоприятным.

2) Заботы о народном образовании среди туземцев выражаются только в учреждении русско-туземных школ; этого совершенно недостаточно для достижения государственных целей, поставленных русским правительством. Необходимо ознакомиться с жизнью медресе, реорганизовать их программы по европейскому типу, чтобы отвлечь молодежь от мусульманской литературы и шариата. Для народа необходимо издать популярные брошюры на родном языке, в которых нужно дать сведения о России и по части европейских знаний [1].

3) Мусульманских школ в Туркестане не меньше 4000, известны эти школы только понаслышке; в них учатся десятки тысяч молодых людей. На основании закона администрация имеет право установить контроль над школами. Дальнейшее игнорирование их является нарушением. Управление учебными заведениями края имеет в своем штате только двух инспекторов народных училищ, которым не под силу установить контроль за религиозными школами всего Туркестана. Необходимо учредить особую должность инспектора мусульманских школ, по примеру Казанского и Оренбургского округов, и возложить на него постоянное приведение в точную известность всех вообще мусульманских школ края, а затем провести в жизнь этих школ все то, что будет признано полезным и своевременным [2].

[1] В этом пункте вероятно влияние Наливкина и Остроумова.— *Ред.*
[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 4989.

Около трех лет тянулась переписка с министерством; наконец, в 1890 г. такая должность была разрешена, и в качестве инспектора мусульманских школ был назначен преподаватель восточных языков учительской семинарии В. П. Наливкин. После его назначения администрация Туркестанского края вплотную подошла к местным религиозным школам.

Наливкин был знатоком истории и современной жизни народов Туркестана; знал узбекский, таджикский и арабский языки; составил ряд учебников и руководств по местным языкам; написал труды по этнографии и истории местного края и исламоведению. Наливкин был в 1884 г. организатором первой русско-туземной школы и стал одним из активнейших деятелей в области школьного дела из состава русской администрации Средней Азии прогрессивного направления.

За три учебных года (1890—1893) Наливкин сам провел обследование всех медресе Ферганской, Самаркандской и Сыр-Дарьинской областей, хорошо изучил учебную жизнь мактабов и медресе и стал принимать деятельное участие в их работе. В результате своей деятельности Наливкин представил обширные отчеты о состоянии медресе по областям и общие отчеты о мактабах и карыханах Средней Азии. Первый из его отчетов был напечатан в 1916 г. по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора А. Н. Куропаткина [1].

Наливкин обнаружил массу злоупотреблений в хозяйственном заведовании вакфными имуществами, вскрыл хищения мутавалиев и бесконтрольность их деятельности. Он предложил реформировать учебную жизнь медресе: составить учебник арабской грамматики на узбекском языке, перевести на узбекский язык необходимые пособия по мусульманскому богословию и праву; на русском языке в реформированном медресе преподавать арифметику и другие современные общеобразовательные предметы; улучшить состав учащихся и мударрисов и вести преподавание на родном языке, устранив арабские и персидские учебники, составленные много столетий назад.

Однако за 6 лет его инспекторской деятельности ни в одном медресе не было введено преподавание русского языка, ни одна из этих школ не была реформирована,— так как проект Наливкина не получил поддержки ни главного инспектора училищ Керенского, ни военных губернаторов, опасавшихся оппозиции мусульманского духовенства светской реформе в медресе.

Руководители медресе загружали Наливкина различными жалобами, кляузами, дрязгами, но упорно сопротивлялись

[1] См. кн.: В. П. Наливкин, Сведения.

всяким нововведениям в школьной жизни, опираясь на стоявший за ними класс феодалов и мусульманское духовенство.

Когда Наливкин предложил открыть при медресе курсы русского языка (чтобы постепенно реформировать учебный план этих школ и приспособить их к правительственным целям), а оплату уроков русского учителя производить из вакфных сумм каждого медресе, то запросили по этому вопросу мнение военных губернаторов. Поступили ответы в том смысле, что «полезность немедленного введения в медресе русских предметов преподавания подлежит большому сомнению». Исходя из личных наблюдений над русско-туземными школами, самаркандский и сыр-дарьинский губернаторы предсказывали курсам русского языка печальное будущее: «Нет подготовленных учителей, отсутствуют необходимые пособия преподавания; население не видит никакой прямой пользы от изучения русского языка и не пойдет на курсы при медресе». Что же касается использования вакфных сумм для оплаты учителя русского языка, то оба губернатора категорически возразили против этой меры; ее называли «неприличной, рискованной и даже незаконной» с мусульманской точки зрения.

Таким образом, медресе нашли неожиданных защитников своей неприкосновенности в лице самаркандского губернатора графа Ростовцева и сыр-дарьинского генерала Королькова.

Внутриведомственная распря среди царских чиновников повела к упразднению должности особого инспектора по мусульманским школам в 1895 г. и заставила царскую администрацию Туркестанского края отодвинуть реформу медресе на неопределенный срок. За время существования инспекции по мусульманским школам учебной администрации удалось ввести в медресе чтение «Молитвы за царя» на узбекском языке (вместо татарского)—и только, если не говорить о некотором упорядочении вакфного хозяйства медресе.

Наливкин обнаружил, что после явного упадка мусульманских школ, наблюдавшегося в первые годы «игнорирования», стали открываться *новые школы*, местами замечался *рост числа учащихся*.

ОТНОШЕНИЕ К МУСУЛЬМАНСКИМ ШКОЛАМ ПОСЛЕ АНДИЖАНСКОГО ВОССТАНИЯ 1898 ГОДА

Известно, что в мае 1898 г. под предводительством суфийского руководителя по прозвищу Дукчи-ишан (Мухаммед-Али) произошло восстание местного населения в Андижанском уезде Ферганской области.

Под влиянием тягчайшей эксплуатации местных феодалов, духовенства и богачей-ростовщиков, с одной стороны, русских промышленников и царской администрации—с другой, трудящиеся массы Туркестанского края крайне обнищали. По словам Наливкина, хищения, поборы, вымогательства, незаконные наряды рабочих и измышления русской администрации с корыстными целями «заговоров» среди населения возросли до невероятных размеров. «Возникшие в 1902 г. дела нескольких чиновников,—пишет Наливкин,—приподняли лишь небольшой уголок завесы, за которой скрывалась масса возмутительной грязи, причем нигде, по-видимому, эти злоупотребления административной разнузданности не доходили до таких грандиозных размеров, как в Андижанском уезде в конце 90-х и в начале 900-х годов»[1].

Недовольством народных масс воспользовались мусульманское духовенство и многочисленные в то время в Ферганской долине остатки военно-служилой знати Кокандского ханства. Они связались с зарубежными панисламистами: у Дукчи-ишана при обыске было отобрано письмо султана Турции[2]. Руководители восстания ставили своей целью восстановить Кокандское ханство и его средневековые порядки. Разжигая через слепо покорных ишану мюридов ордена Накшбендия в жестоко эксплуатируемой темной массе религиозный фанатизм и крайний шовинизм, они объявили «священную войну» (газават) против «неверных», т. е. немусульман.

Нападение около двух тысяч повстанцев в ночь на 18 мая (ст. ст.) 1898 г. на русский гарнизон в Андижане было быстро отбито. Погибли несколько солдат и путники, попавшиеся навстречу фанатичной толпе.

Царские власти жестоко расправились с восставшими: главарей повесили, несколько сот человек послали на каторгу; в центре восстания применили экономические репрессии.

Это восстание принесло населению Ферганской долины много горя. Возмущение Дукчи-ишаном выразили в свое время узбекские поэты — сатирики Мукими и Завки.

Хотя восстание подготовлялось давно, для туркестанской администрации оно оказалось громом среди ясного неба. Царь сместил генерал-губернатора Вревского. Приезд в край нового генерал-губернатора Духовского и особенно его проезд по Ферганской долине были обставлены с внушительной театральностью.

Причины восстания изучались царской комиссией, которая, разумеется, прошла мимо бедственного положения фер-

---

[1] В. Наливкин, Туземцы раньше и теперь, Ташкент, 1913, стр. 138.
[2] ТВ, 1898, № 48.

ганского крестьянства и представила все события только как результат панисламской пропаганды и бездеятельности местных властей. Мероприятия на будущее проектировались прежде всего в плане устрашающем: усиливались права военной администрации, увеличивались штаты полиции, вооружались русские переселенческие поселки.

Вместе с тем для противодействия антирусской пропаганде мусульманского духовенства проводилось два рода мероприятий: во-первых, знакомили русских офицеров и чиновников в Туркестанском крае с сущностью ислама, обычаями местного населения, его языком; во-вторых, знакомили местное население с историей и географией России, с жизнью русского народа, с русским языком, с достижениями европейской науки. Проводилось все это в скромных размерах и главным образом в первые годы после восстания, под его свежим впечатлением.

По вопросу об отношении к мусульманским школам Духовской запросил мнения учебного начальства, губернаторов и отдельных специалистов. Определились два противоположных взгляда. В Самарканде вокруг переехавшего туда из Ташкента Наливкина сложилась группа краеведов (статистик Вирский, ученики Наливкина по учительской семинарии: Вяткин, впоследствии известный археолог, казах Лапин и другие); при поддержке губернатора Ростовцева самаркандцы настаивали на осуществлении контроля над мусульманскими учреждениями, опираясь на опыт первого начальника Зеравшанского округа Абрамова; самаркандцы шли даже на организацию в Туркестане мусульманского духовного управления под контролем русских чиновников (такие управления были в Уфе и Закавказье). За контроль над мусульманскими школами стоял и Н. П. Остроумов. Противную сторону возглавлял главный инспектор училищ края Ф. М. Керенский, поддерживаемый руководителем учебного ведомства в Сыр-Дарьинской области С. М. Граменицким; эта сторона продолжала стоять за «игнорирование»[1]. Духовской воздержался от организации в крае мусульманского духовного управления из опасения, что такое управление объединит распыленное мусульманское духовенство и свяжет его с зарубежными панисламскими организациями; он говорил: «...разжижение мусульманской солидарности есть наша главнейшая задача». Вместе с тем новый генерал-губернатор согласился, что «установившийся в Туркестане порядок полного игнорирования религиозного быта сплошной массы населения нельзя признать нормальным»[2].

[1] «Мы в Фергане доигнорировались до Андижанского инцидента»,— писал В. П. Наливкин («Туземцы раньше и теперь»).

[2] ЦАУ УзССР, ф. 1, д. 1725 и 1726, оп. 11; ф. 47, д. 2191 (доклад Духовского царю и предварительные доклады Духовскому).

Впрочем к «игнорированию» прибегали, чтобы демонстрировать благожелательность царской власти к мусульманству; например, была прекращена проверка вакфных документов, начатая областными правлениями в 90-х годах, аннулировавшая много вакфов по формальным поводам (отсутствие ханской печати и др.) и породившая тяжбы. Когда в 1899 г. с 1 июля Семиречье было возвращено в подчинение туркестанскому генерал-губернатору, то семиреченскому губернатору запретили требовать обязательного преподавания в медресе русского языка, как то было принято в Степном крае[1]. Такие реверансы в сторону ислама связывались не только с «умиротворением» после Андижанского восстания, но и с обострением международной обстановки (движение «большого кулака» в Китае и интервенция там европейских держав, в том числе и России).

Под впечатлением Андижанского восстания начали было энергично собирать сведения о мусульманских учреждениях, в том числе и о школах[2].

* * *

Перейдем к изложению тех конкретных мероприятий «идеологического» порядка, которые были осуществлены после Андижанского восстания как предупредительные.

Сменивший Вревского в 1898 г. новый генерал-губернатор Духовской ознакомился с состоянием края и нашел, что «окраина эта отнюдь не может еще считаться мирной; что искусно маскируемый туземцами огонь религиозной и национальной вражды к их победителям, тлеющий под маской наружной покорности и даже благодарности за даруемые краю материальные блага, при первом удобном случае готов вновь вспыхнуть пламенем». Поэтому он считает необходимым вести самый бдительный и неослабный надзор за мусульманским населением. В особом рапорте военному министру от 6 сентября 1898 г. Духовской предлагает провести следующие меры для укрепления царской власти в этом крае:

1) активно вмешаться в жизнь всех мусульманских учреждений, наиболее сильно влияющих на сферу духовно-нравственной жизни народа, особенно медресе;

2) не допускать для Туркестанского края учреждения духовномусульманского управления, как органа, могущего служить делу объединения местных мусульман;

3) передать в ведение администрации все туземные мусульманские школы и проводить тщательную регистрацию

[1] ЦАУ УзССР, ф. 1, д. 24, оп. 18.

[2] На первых порах поступили доклады Лыкошина из Чимкента, Кулчанова из Самарканда; они хранятся в архиве.

всех вообще местных мусульманских учебных заведений и духовных учреждений;

4) установить к мусульманам в Туркестане такие приблизительно отношения, какие установлены царским правительством к евреям. Поэтому применить ко всем туземным мусульманским школам края закон 1 марта 1893 г. о еврейских хедерах. На основании этого закона учителя мусульманских школ должны будут ежегодно брать особые свидетельства и за них платить: учитель мактаба, карыханы и далаилханы — по 3 руб. 50 коп., учителя медресе — по 7 руб.

Дальше Духовской просит предоставить генерал-губернатору право закрывать местные мусульманские учреждения, которые будут признаны вредными в политическом отношении, вернуть русской администрации право разбора семейных и брачных дел (как было при ханах.— *Ред.*) продлить срок усиленной охраны и т. д.[1].

Произведя жестокую расправу над восставшими, царская администрация сделала для себя некоторые выводы из Андижанской военно-политической трагедии: во-первых, она вооружила винтовками русских крестьян-переселенцев Ферганской долины, чтобы иметь военный резерв на случай нового восстания; во-вторых, были внесены некоторые поправки в отношения властей к мусульманским учреждениям и в просветительные мероприятия для коренного населения.

Под влиянием восстания была создана в 1898 г. комиссия под руководством помощника генерал-губернатора Иванова, которая обсуждала положение мусульманских школ в связи с рассмотрением проекта учреждения в Туркестане духовного управления среднеазиатских мусульман наподобие оренбургского. Проект этот комиссией был отвергнут, а политическое наблюдение за мусульманскими школами решено передать областной и уездной администрации с условием, чтобы они не вмешивались в учебную жизнь школ. Усилив надзор за сетью мусульманских школ, Духовской обратил внимание и на «туземные классы» в русско-туземных школах (об этом речь ниже в главе, посвященной этим школам). Признав нужным усилить проведение среди коренного населения просветительных мероприятий, высшее начальство края дало возможность представителям русской интеллигенции выступать перед местным населением с устной и печатной пропагандой современных знаний на его родном языке.

Для представителей имущих классов местного населения и интеллигенции были организованы *публичные лекции* научно-популярного характера. В № 14 «Туркестанских ведомостей» за 1899 г. устройство первой лекции описывается следующим образом:

[1] ЦАУ УзССР, ф. 1, оп. 11, Канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства, 1899.

«В воскресенье 14 февраля 1899 г. в актовом зале мужской гимназии состоялся первый за 50 лет русского владычества опыт ознакомления туземцев с успехами европейской науки в форме публичной лекции. К часу дня собрались представители учебного ведомства во главе с главным инспектором училищ Керенским и до 50 человек из наиболее просвещенных туземцев: мударрисы, мукарриры, муллы и т. д. Были и другие туземцы, знающие русский язык». Дальше говорится о том, что в гимназию прибыл помощник генерал-губернатора Иванов, сыр-дарьинский губернатор Корольков, директоры русских учебных заведений и другие начальствующие лица. Содержание лекции было заранее составлено и издано на узбекском языке в виде брошюры. После лекции генерал Иванов выступил с краткой речью, в которой указал на превосходство европейской науки и предложил ввести в медресе русский язык, чтобы иметь доступ к научным знаниям. В ответ на эту речь народный судья (казий) Ташкента Мухитдин-Ходжа сказал, что и в мусульманской культуре есть положительные знания. От имени представителей местного населения г. Ташкента он просил о скорейшем введении русского языка в медресе.

Попутно заметим, что лекцию читал на узбекском языке сотрудник «Туземной газеты» мулла Алим, которого генерал Иванов затем пригласил к себе, наградил «почетным халатом», просил его внушать своим знакомым мысль о необходимости изучать русский язык и выразил надежду, что при новой встрече мулла Алим будет с ним беседовать на русском языке[1].

Вторая лекция на тему об историческом прошлом Ташкента и Самарканда состоялась в городском саду 9 мая 1899 г.[2].

Торжественность обстановки, в которой происходило чтение первой публичной лекции, присутствие высших военных и гражданских чинов управления краем свидетельствовали о том, что краевая администрация придавала большое политическое значение этому по существу скромному событию. Содержание лекций должно было убедить мусульманский ученый мир Ташкента в прямой выгоде сближения с русскими господствующими классами, обладающими «европейской» наукой. Кроме того, важно отметить, что лекции читались на узбекском языке. Затем последовало сообщение, что генерал-

[1] ТВ, 1899, № 15.

[2] Обе лекции («О пользе наук», составленная С. М. Граменицким, и «От Ташкента до Самарканда», составленная Н. П. Остроумовым) были изданы в виде брошюр на узбекском языке в 1899 г. с русским заголовком: «Народные чтения для туземцев Туркестанского края». (Для русско-туземных школ).

губернатор Духовской поставил себе целью ознакомление и сближение «туземцев» с европейской наукой. Для участия в этом деле должны быть призваны просветительные учреждения. В феврале были собраны в городской библиотеке и музее «почетные туземцы» (народные судьи, аксакалы, старшины и другие) в количестве около 30 человек. Заведующие этими учреждениями давали разъяснения о культурном и научном значении библиотек и музеев. Объяснения их переводились на узбекский язык[1].

Немного позже сам генерал-губернатор Духовской посетил музей; к этому времени в музей пригласили многих «почетных туземцев в парадных халатах». Он обошел с ними весь музей; ему показали экспонаты, пожертвованные ташкентскими гражданами из коренного населения. Духовской предложил выбрать двух представителей от местного населения для включения их в состав Комитета музея. Краевой музей посещался коренным населением Ташкента. Уезжая, Духовской обратился к посетителям с просьбой, чтобы они продолжали оказывать помощь в создании краевого музея[2].

Следует добавить, что указанными просветительными мероприятиями туркестанская администрация не ограничилась. В связи со вспышкой чумы в Самаркандской области в марте 1899 г. из Петербурга был вызван врач, доктор медицины Ягодинский, который прочел лекцию для мударрисов и студентов самаркандских медресе на тему о заразных болезнях вообще, о чуме в частности и о современных способах борьбы с ней. Лекция прошла с успехом, хотя таких лекций никогда раньше не устраивали. Во время чтения лекция Ягодинского переводилась на узбекский язык. Затем доктор Ягодинский, заручившись рекомендациями самаркандских мударрисов, приехал в Бухару и прочел лекцию сначала у казы-каляна (верховного судьи) бухарского ханства. После этого ему разрешили выступить с лекцией на ту же тему перед мударрисами и студентами бухарских медресе. Важно отметить, что во время лекции два мударриса выступили с протестами. Они заявили, что болезни посылаются богом и бороться с ними не следует; поэтому говорить и слушать разговоры на эту тему — безбожие и противно шариату и если собравшиеся — добрые мусульмане, они все должны разойтись. Однако протестантов удалили из зала, и лекция закончилась благополучно[3].

Управление учебными заведениями края издало несколько *переведенных на узбекский язык* произведений русских классиков: «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина; «Чем

[1] ТВ, 1899, № 17.

[2] ТВ, 1899, № 36. Затем при содействии коренного населения был создан Ферганский областной музей в Маргелане.

[3] ТВ, 1899, № 22.

люди живы» Л. Н. Толстого и брошюры «Рассказы по физической географии» и «Друг прокаженных». Учебная администрация края провела еще ряд мер, которые дали некоторую возможность пользоваться родным языком при начале обучения в русско-туземных школах. Например, был издан букварь для этих школ (см. главу о русско-туземных школах).

Знакомству с жизнью русского народа служили общеобразовательные поездки в центральную Россию (Москву, Петербург и другие города) узбекской молодежи, окончившей русско-туземные школы в Туркестанском крае. Тут же добавим, что генерал-губернатор Туркестана Духовской лично участвовал зимой 1898—1899 гг. в подготовке маршрута экскурсии, целью которой было произвести на молодые умы путешественников неизгладимое впечатление показом обширной торговли, великолепия наших столиц, фабрик и заводов, многочисленного блестящего войска[1].

* * *

Таким образом, краевая туркестанская администрация со второй половины 80-х годов приняла в отношении мусульманских школ новую политическую линию: руководители краевой власти стремились установить строгий контроль над этими школами, пытались вмешиваться во внутреннюю жизнь медресе, изменить постановку учебных занятий, внести новые предметы в его учебный план, в частности добиться преподавания русского языка в медресе и таким способом в состав его преподавателей ввести учителя русского языка. Мы видели, что эти усилия царской администрации вплоть до революции 1905 г. оказались бесплодными.

Большое оживление в деятельность туркестанской администрации внесло Андижанское восстание. Выше мы уже касались вопроса о том, как реагировали на это событие военно-политические руководители края. Они стремились сблизиться с верхами местных общественных сил, устраивали лекции на общеобразовательные темы, допуская в ограниченных дозах использование родного языка в просветительных мероприятиях. Но эти меры не имели длительного, планомерного характера, а носили окраску политической демагогии и часто сменялись, как увидим дальше, приступами свирепой реакции, которая шла от центральной власти и преломлялась в Туркестанском крае в зависимости от того, как понимали политику царской власти на окраинах генерал-губернаторы, которые после Кауфмана стали слишком часто меняться[2]. При

[1] ТВ, 1898, № 77.

[2] За 25 лет после его смерти (1883—1908) сменилось 9 генерал-губернаторов: Черняев, Розенбах, Вревский, Духовской, Иванов, Тевяшев, Субботич, Гродеков, Мищенко.

частой смене начальников края решающую роль в управлении краем приобрел плотный слой русских гражданских и военных чиновников, которые фактически делали русскую политику в Средней Азии.

В статье «Народное образование в Туркестанском крае в связи с Андижанской вспышкой 1898 года», помещенной в «Туркестанских ведомостях», автор статьи в порядке «самокритики» дает резко отрицательную оценку просветительной деятельности учебной администрации Туркестана. По его мнению, причиной восстания явился не протест узбекских ханств, не стремление перейти в подданство мусульманской Турции, а глубокое невежество народа, полное отсутствие просветительной работы, которым воспользовались спекулянты мусульманской религии. Чтобы уверить простодушный темный народ в своей святости, главарь восстания, ишан, совершал «чудеса»: при помощи зажигательного стекла (объектива) он зажигал бумагу, одежду и другие вещи, действуя на впечатлительную психику темных людей. Автор пугает местную краевую власть, что темная народная масса, фанатизируемая мусульманским духовенством, является угрозой существующему строю.

«Говорят о культурной роли нашей в Средней Азии,— продолжает автор статьи,— в данном случае наше культурное влияние блистало своим отсутствием». Касаясь постановки школьного дела, он приводит такие данные: к 1 января 1899 г. детей коренного населения в крае 45 894 чел., а учится в русских школах только 836 детей, т. е. немного больше 1%. Существующие русско-туземные школы знания русского языка не дают, а о других познаниях «не приходится распространяться». По его мнению, надо открыть широкую сеть профессиональных учебных заведений: ремесленных, садоводства, огородничества, молочного дела и др.

Главная причина неуспеха русско-туземных школ заключается в том, что эти школы не соответствуют потребностям населения. На русские школы «народ смотрит как на бесполезные для себя заведения, исключительно приспособленные для русификации»[1]. Такова оценка автором статьи постановки школьного дела среди коренного населения Туркестанского края. Напомним, что статья появилась в официальном органе Туркестанского генерал-губернаторства, следовательно, помещена была с ведома начальника края.

В 1898 г. были проведены мероприятия для ознакомления русских офицеров и чиновников с исламом, для чего предложено пополнить библиотеки областных, военных собраний «главнейшими справочниками и руководящими сочинениями об исламе». К этому в дополнение ташкентские книжные

[1] ТВ, 1899, № 101.

магазины составили соответствующие списки, опубликованные в газете [1]. Опубликовали «Программу для собирания сведений о современном положении мусульманского населения Туркестанского края в духовном отношении» [2]. Занимавшихся изучением мусульманства В. П. Наливкина и Н. П. Остроумова в пример другим наградили [3]. В «Туркестанских ведомостях» стали чаще печататься статьи о мусульманстве. Вышло несколько книг об исламе, в том числе два выпуска «Сборника материалов по мусульманству», основной материал для которых дала самаркандская группа краеведов во главе с В. П. Наливкиным, и др.

К началу XX в. в крае расширился круг русских интеллигентов, знавших местные языки и с сочувствием следивших за культурной жизнью коренного населения. Вскоре вспыхнула русско-японская война, пришла революция 1905 г., вскрывшая, что и русские и «туземцы» делятся на враждующие социальные группы. Виднейшие русские знатоки узбекского языка, местной этнографии и ислама, Наливкин и Остроумов, связанные долгим сотрудничеством, оказались в разных политических лагерях.

УЧАСТИЕ Н. И. ИЛЬМИНСКОГО В ШКОЛЬНОМ ДЕЛЕ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ

Известно, что организатор церковных православно-монархических школ для подготовки миссионеров — обрусителей народов Поволжья — Н. И. Ильминский пользовался влиянием в правительственных кругах царской России. Правительство решило использовать опыт Ильминского в других областях России, населенных тюркскими народами.

В конце 60-х гг. в Башкирии и Казахстане были начаты важные преобразования, направленные к усилению там русского влияния и вытеснению татарского. В январе 1867 г. оренбургский генерал-губернатор Крыжановский представил министру внутренних дел Валуеву докладную записку «О мерах борьбы с распространением магометанства в восточной половине России». Тревога Крыжановского была вызвана тем, что с завоеванием Туркестана еще больше усилится влияние мусульман: «В настоящее время,— пишет Крыжановский,— после движения нашего в глубь Средней Азии и приобщения Туркестана к империи, все необозримое пространство от Казани до хребта гор Тянь-Шань представляет непре-

[1] ТВ, 1898, № 60.
[2] ТВ, 1898, № 64.
[3] ТВ, 1899, № 5.

рывное мусульманское население в несколько десятков миллионов душ *(?—К. Б.)*. Вид такой сплошной массы людей, исповедующих веру, по основным догматам которой мы, христиане, признаемся естественными и непримиримыми врагами всех правоверных, невольно должен обращать на себя внимание правительства...»[1]. Вся докладная записка проникнута заботой, как уберечь население Оренбургского края от влияния ислама, так как территория этого края сопредельна с народами Средней Азии и немалое число жителей края находится в постоянных торговых сношениях с Бухарой, Кокандом и Хивой.

Раздув до фантастических размеров число мусульман и опасность со стороны Туркестана, Крыжановский отмечает непоследовательность правительственной политики в отношении мусульман и предлагает систему мер, которые смогут ослабить их влияние. Особое внимание он уделяет мусульманским школам. По его справке, количество таких школ в Башкирии превышает 600 (20 тыс. учащихся). В школах обучают татарской грамоте и вероучению. Есть школы, имеющие более 500 учащихся.

Особенно беспокоил Крыжановского рост влияния татар среди казахов. Он предлагает соединить казахские школы с русскими, преподавание в них возложить на русских священников, а в помощь им дать нынешних учителей казахских школ с тем, чтобы все обучение велось на русском языке, кроме татарской грамоты и письма. Другие его предложения более кратки и категоричны: «все магометанские школы привести в известность» и наблюдение за ними поручить мировым посредникам, открытие новых мусульманских школ без разрешения губернаторов строго воспретить, не дозволять должностным лицам из «киргизов»[2] держать письмоводителей из татар или башкир, запретить башкирским и татарским муллам принимать на обучение «киргизов» и т. д.

Докладная записка Крыжановского от Валуева попала к министру просвещения Толстому, который переслал ее в 1869 г. на заключение Ильминскому. Выполняя поручение Толстого, Ильминский написал для него документ: «Мнение

---

[1] Аграрный вопрос и крестьянское движение 50—70-х годов XIX века, М.—Л., изд-во АН СССР, 1936; Труды историко-археографического института. Материалы по истории народов СССР. Татарская АССР. Материалы по истории Татарии второй половины XIX в., вып. VI, ч. I, стр. 186.

[2] Русские долго ошибочно называли казахов киргизами, что имеет историческое объяснение. С киргизами русские познакомились несколькими столетиями раньше в Сибири, когда киргизы кочевали вблизи Алтая. При соприкосновении в XVIII в. с казахами русские стали называть их «киргиз-кайсаками», а потом просто «киргизами». В связи с этим, при вторичной встрече, уже в XIX в., в Средней Азии с киргизами русские называли их «каракиргизами», в отличие от «киргизов», поскольку название «киргизы» уже укрепилось в русском языке за казахами.— *Ред.*

по вопросу о мерах для образования киргиз». Так как здесь речь идет о Казахстане и Киргизии, вошедших позже в состав Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей Туркестанского генерал-губернаторства, то мы кратко изложим главные положения документа, составленного Ильминским. По его убеждению, генерал-губернатор Оренбургского края правильно и своевременно поставил вопрос о внесении русского элемента в народное образование башкир, казахов и киргизов. Ильминский дает справку, как в 50-х годах XIX в. оренбургское начальство само насаждало ислам среди указанных народов Южного Урала и Средней Азии. В Оренбургском кадетском корпусе и киргизской школе учили казахов и киргизов татарскому языку, а не родному: «Вся официальная переписка со Степью,— пишет Ильминский,— ведена была да и теперь ведется по-татарски, а не по-киргизски; даже и в настоящее время новое Положение об управлении киргизами, все направленное против татарского влияния, переведено для киргиз не на их родной язык, а на татарский».

Одобряя основную мысль докладной записки Крыжановского, Ильминский относится резко отрицательно к мерам, какими он предлагает вносить «русский элемент» в школьное дело казахов. «Киргизы», пишет он, как и всякий народ с своеобразным бытом и складом понятий, а еще более степной народ, особенно чутки к мерам правительства, в которых они могут заподозрить хоть малейшее посягательство на свой быт и виды на обрусение: «Школы с явно русским оттенком, по моему убеждению, совершенно неудобны». Взамен административных мер, которые предлагает Крыжановский, Ильминский рекомендует: во-первых, поставить казахские школы таким образом, чтоб в эти школы вводилось не татарско-магометанское образование, а казахско-русское; во-вторых, образованию в школах дать такую постановку и характер, чтобы это образование способно было широко развиться в массе казахского населения, а для этого, в-третьих, необходимо, чтобы обучение происходило на родном языке казахов и по содержанию было для них интересно и безусловно полезно.

В части содержания обучения Ильминский пишет, что в казахских школах нужно преподавать идеи и сведения русские и общечеловеческие, а не магометанские, и притом на родном языке, а не на татарском. По его мнению татарский язык и арабская письменность как учебные предметы не имеют для казахов образовательного значения.

«Если я настаиваю,— говорит Ильминский,— на киргизском языке для киргизских школ, как и вообще я стою за родные языки для обучения инородцев, то не как за образовательное средство, а как орудие самое естественное и удоб-

ное для сообщения инородцам новых понятий и научных фактов»[1]. Чтобы отдалить казахов от татар и мусульманского вероучения, нужна не татарская, т. е. арабская, а русская грамота. Ильминский пишет далее, что он как лингвист может заверить, что татарский, т. е. арабский, алфавит весьма неудобен для языка казахов: скрадывает его существенные фонетические черты, резко отличающие этот язык от татарского языка; через русский алфавит этот язык будет совершенно огражден от татаризации.

Ильминский настаивает, чтобы первоначальные школы для казахов были отделены от русских, потому что дети казахов не могут учиться с русскими пока не знают русского языка. Существующие казахские школы надо преобразовать и открыть новые школы в аулах. Для школ необходимо составить и напечатать учебники в духе его предложений. Так как в Оренбурге нет людей, подготовленных к выполнению этой задачи, то Ильминский предлагает Толстому прислать к нему в Казань Ибрая Алтынсарина, окончившего 10 лет назад русско-казахскую школу в Оренбурге. Этот молодой казах, по словам Ильминского, отличался даровитостью, здравомыслием, любознательностью и самым живым сочувствием к русским книгам и к русскому образованию, а к родному языку питал уважение и предпочитал его татарскому. (В то время Алтынсарин был учителем и переводчиком в Оренбургском укреплении, переименованном позже в город Тургай.) Он долго переписывался с Ильминским по вопросам преподавания в своей школе, собирался приехать в Казань для продолжения образования, но в последнее время перестал писать. Если учебное начальство найдет нужным командировать Алтынсарина в Казань, то здесь он под руководством его, Ильминского, при богатстве учебных книг и других пособий занялся бы составлением учебников для казахских школ и пополнил бы свое общее и педагогическое образование. После такой подготовки, по мнению Ильминского, Алтынсарин сделался бы самым ревностным и успешным пропагандистом новых начал в школьном деле Казахстана. Из школы Алтынсарина ученики его разнесут образование в новом духе по всему Казахстану. Даровитые и любознательные казахские дети, окончившие школы на родном языке, будут поступать в русские учебные заведения и продолжать свое образование.

В заключение Ильминский еще раз напоминает о безотлагательной необходимости составить учебники для казахских школ. Если бы Министерство народного просвещения, пи-

[1] Н. Ильминский, Воспоминания об И. А. Алтынсарине, Казань, 1891, стр. 158—165.

шет он, сделало ему такое поручение, он договорился бы с Алтынсариным или с кем-нибудь другим из окончивших Оренбургскую казахскую школу о командировке в Казань с целью составления учебников для казахских школ.

Таким образом, Ильминский стремился поднять значение родного языка в школе казахов и на их родном языке «преподавать сведения и идеи русские и общечеловеческие», а на высшей ступени — приобщать казахов и киргизов в русских учебных заведениях к богатейшей русской культуре. С таким планом развития школьного дела в Казахстане выступил Ильминский в связи с предложением Толстого дать отзыв о докладной записке Крыжановского «О мерах борьбы с распространением магометанства в восточной половине России». Очевидно, что план Ильминского по своему идейно-педагогическому и политическому содержанию был выше предложений Крыжановского.

Следует добавить, что «Мнение по вопросу о мерах для образования киргиз», составленное Ильминским и посланное Д. А. Толстому, как увидим дальше, оказало свое действие через 7 лет.

В марте 1871 г. Н. И. Ильминскому для отзыва был послан план подготовки казахских и башкирских учителей, составленный оренбургской комиссией. План состоял в том, чтобы устроить пансион для мальчиков казахов и башкир, окончивших русско-башкирские и русско-казахские школы и уже достаточно овладевших русским языком. Сначала эти мальчики должны были учиться в Оренбурге в уездном училище, а по окончании его — поступить на педагогические курсы, которые будут открыты при уездном училище или где окажется удобнее.

Ильминский называл такую организацию подготовки учителей чисто формальной, не могущей обеспечить воспитательную сторону этого дела; в большом документе «Мнении об учительской школе для инородцев Оренбургского края» он изложил свою точку зрения на этот вопрос. Остановимся на этом вопросе, так как эта тема имеет косвенное отношение к участию Ильминского в школьном деле Туркестанского края.

Ильминский полагал, что организация казахских и башкирских школ царским правительством имеет политическое значение. Казахи представляют редкий случай единства языка и быта. Это обстоятельство представляет большое удобство для широкого распространения новых идей в казахском народе. Казахи усваивают идеи мусульманства в соприкосновении со Средней Азией; но гораздо сильнее приходят к ним понятия с русской границы, только не русские, а татарские, несмотря на то что русское население здесь имеет пе-

ревес над татарским[1]. В среду казахов с двух сторон проникает ислам. Казахская родовая и денежная аристократия больше заражена исламом, чем беднота. Чтобы противодействовать распространению ислама, надо открывать школы и готовить учителей, способных воспитывать в казахском народе христианские понятия и симпатии к русским. При таких условиях подготовка башкирских и казахских народных учителей составит только часть целой системы мероприятий, направленных на усиление русского влияния в Казахстане.

Ильминский советует открыть учительскую школу не на 20, а на 40 учеников-казахов, причем не ждать 6—7 лет, когда они подготовятся, а немедленно набрать группу из окончивших казахскую школу при Оренбургском областном управлении или кадетский корпус. Эти молодые люди хорошо знают русский язык, арифметику и т. д.; следует дать им краткосрочную педагогическую подготовку и направить их в Казахстан для открытия школ. Необходимо также приступить к составлению учебных книг на родном языке и популярных книг для чтения, которые должны содержать предметы и понятия, развивающие ум и воспитывающие нравственное чувство. Книги для народа должны быть составлены на чистом казахском языке, без примеси татарского, но русскими буквами. Выучившись читать книги, напечатанные русскими буквами на своем родном языке, дети без всякого затруднения перейдут к чтению русских книг. Если удастся, говорит Ильминский, русскому алфавиту сделаться орудием казахского языка, тогда разом устраняются, как ненужные и бесполезные, многочисленные татарские писцы и грамотеи, которые теперь наводняют Степь и находятся почти при каждом чиновном казахе для официальной переписки.

Мы не будем касаться деталей, как Ильминский предлагал устроить пансион, организовать подготовительную школу при нем, подобрать педагогический персонал и т. д.,— важно отметить, что он широко ставил проблему открытия народных школ в Казахстане и подготовку для них учительских кадров, правильно связывал разрешение этого вопроса с общим подъемом национальной культуры казахского народа и приобщения его к культуре великого русского народа. Ильминский поднял этот вопрос в связи с завоеванием земель Средней Азии и включением в состав России узбекского народа, близкого по языку тюркам Урала и Казахстана. Тогда из Бухары шла усиленная пропаганда реакционного ислама, враждебного русской культуре. Свое «Мнение об учительской школе для инородцев Оренбургского края» Ильминский

[1] По словам Ильминского, в 60-х годах во Внутренней Орде Казахстана было 7 русских участковых школ и 93 татарских мактаба.

просил считать только очерком «главных начал инородческого образования», извлеченных им из его личного опыта[1].

Осенью 1879 г. министр просвещения Толстой приехал ревизовать учебные заведения Оренбургского края. В отчете царю Александру II о результатах ревизии Толстой пишет о тех же вопросах, какими 10 лет назад был озабочен генерал-губернатор Крыжановский. В своем докладе Толстой касается школьного дела татар, башкир и казахов, исповедовавших ислам, а также «язычников», к которым он относит часть мари, чувашей, удмуртов, мордвы и другие народы, всего около 72 000 населения этого края. Особое внимание Толстой уделяет казахскому народу. «Оберегая киргизов от отатаривания, — пишет Толстой царю, — нужно одновременно подумать об их образовании. Народ этот способный, смышленый, трудолюбивый и вполне склонный к просвещению; я удостоверился в том в Оренбургской гимназии, где теперь воспитывается более 20 киргизов; русских вовсе не чуждаются, как татары, напротив того, ищут русской образованности...»[2]. Здесь же в Оренбургском крае Толстой распорядился открыть «русско-киргизскую» учительскую школу в г. Троицке, в котором живут русские, но город расположен среди казахского населения.

По просьбе Толстого генерал-губернатор Крыжановский созвал совещание в Оренбурге по вопросу о школах для народов Приуралья. Кроме краевой администрации, в совещании принимал участие Ильминский, которого Толстой возил с собой в качестве консультанта-ориенталиста. Толстой заявил на совещании, что главная цель правительства — не допустить отатаривания казахов. Поэтому надо прекратить печатание для них правительственных распоряжений на татарском языке, а печатать их на казахском языке. А так как казахи не имеют своей письменности, то им нужно дать русский алфавит. Чтобы практически удостовериться, может ли русский алфавит выражать звуки казахского языка, Толстой предложил Ильминскому вместе с консультантом генерал-губернатора, ученым татарином, составить какую-нибудь статью на казахском языке, но русским алфавитом, призвать несколько гимназистов из казахов и дать им прочесть статью. Если прочтут и поймут — значит, русский алфавит применим к казахскому языку. «Опыт этот вполне удался,— рассказывает царю Толстой: мальчики читали без малейшего затруднения, несмотря на то, что наш алфавит не имеет носовых звуков, встречающихся в киргизском наречии, в котором также, но весьма редко, своеобразно произносится звук

[1] Н. Ильминский, Воспоминания об И. А. Алтынсарине, стр. 165—180.

[2] Всеподданнейший отчет министра народного просвещения о состоянии учебных заведений Оренбургского учебного округа.

«к»; гимназисты выражали немногие звуковые особенности по смыслу слов. После этого генерал-губернатор велел продиктовать им киргизскую статью, а им писать ее русскими буквами: они писали скорописью с совершенною легкостью, как будто им диктовали русскую статью»[1].

После этого эксперимента Александр II разрешил взамен татарского языка и арабского алфавита употреблять казахский язык русскими буквами в делопроизводстве Оренбургского края, относящемся к казахскому населению. Кроме того, правительство распорядилось постепенно заменить татарских переводчиков в степи природными казахами. Для руководства русско-казахскими школами был выдвинут ученик Ильминского казах Алтынсарин, которого Ильминский представил Толстому в Оренбурге. Сначала Алтынсарин был послан учителем в одну из школ Тургайской области, а позже был назначен и. д. инспектора казахских школ Тургайской области.

* * *

К. П. Кауфман, назначенный в 1867 г. туркестанским генерал-губернатором, осмотрел в 1869 г. Перовскую русско-казахскую школу, в которой учились русские и казахские дети, и нашел, что учебное дело в ней поставлено неудовлетворительно. Вместе с тем Кауфман писал военному губернатору Сыр-Дарьинской области, что для устройства народного образования в крае в будущем он полагает необходимым воспитывать *детей русских и «туземцев» вместе* и для устранения вредного в экономическом и политическом отношениях обособления школ мусульманских от русских принять в основание воспитания не религиозное различие, а одни и те же правила, при помощи которых можно как православных, так и мусульман «сделать одинаково полезными гражданами России»[2].

Кауфман предполагал найти лицо, сведущее в вопросах устройства школ для тюркских народов, и поручить этому лицу после изучения Туркестана и характера его населения составить положение об организации учебной части в крае.

В 1869 г. Кауфман был в Петербурге. От министра просвещения Толстого он услыхал о педагогической системе Ильминского. Кроме того, Кауфман узнал, что Ильминский работал среди казахов Оренбургского края до начала 60-х годов. Напомним также, что степные части Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей вновь образованного Туркестанского генерал-губернаторства были заселены казахами. По

[1] См. Аграрный вопрос и крестьянское движение 50—70-х годов XIX века, стр. 339; «Всеподданнейший отчет министра народного просвещения о состоянии учебных заведений Оренбургского учебного округа».

[2] С. М. Граменицкий, Положение инородческого образования в Сыр-Дарьинской области, Ташкент, 1916, стр. 4.

рекомендации Толстого Кауфман обратился к Ильминскому, рассчитывая использовать его опыт для устройства школьного дела в Туркестанском крае.

Мы уже знаем, что среди казахов орудовали с одной стороны уфимские и казанские, с другой — самаркандские и ташкентские купцы, а вместе с ними мусульманские муллы и ишаны. При помощи мечетей и школ они распространяли в казахских степях ислам. Кауфман считал, что для России невыгодно в политическом отношении подчинение кочевых казахов мусульманскому влиянию, и решил бороться с распространением ислама в степях Средней Азии при помощи русско-казахских школ. Совпадение взглядов Ильминского и Кауфмана в этом политическом вопросе как будто создавало предпосылки для их сотрудничества.

В апреле 1869 г. Кауфман послал Ильминскому в Казань А. Л. Куна, который был при нем чиновником особых поручений. (Куна рекомендовал Кауфману крупный востоковед проф. В. В. Григорьев, состоявший в это время деканом восточного факультета Петербургского университета.) Ильминский познакомил Куна со своей системой обучения, показал ему крещенотатарскую школу и обещал свою помощь в организации школьного дела в Туркестане. Вначале он горячо и сочувственно отнесся к просьбе Кауфмана. Через Куна Ильминский послал Кауфману раньше составленную им книгу — «Самоучитель русской грамоты для киргизов». По этой книге происходило тогда обучение в русско-казахских школах северного Казахстана. Кроме того, Ильминский составил предварительную записку для Кауфмана, в которой предложил широкий для того времени план развития школьного дела и распространения христианства в Средней Азии. В этом плане он изложил в основных чертах те же мысли о школах для казахов, какие высказывал Толстому в отзыве на докладную записку Крыжановского.

По мнению Ильминского, в основу обучения в школах Казахстана надо положить живой народный язык казахов. Необходимо также перевести все делопроизводство в Казахстане на казахский язык, чтобы ослабить влияние татар в степи. Чтобы изменить положение, надо подготовить из казахов, благожелательно относящихся к России, чиновников административного аппарата и учителей. Ильминский и Кауфмана просил прислать ему в Казань Алтынсарина для составления учебников. В течение двух лет он обещал составить вместе с ним нужные учебники и подготовить все необходимые пособия для устройства русско-казахских школ в Туркестанском крае. Обучение должно проводиться на родном языке русскими буквами. Вместе с родным языком и русским алфавитом, думал Ильминский, надо осторожно проводить среди казахов православное вероучение.

«Чтобы русское начальство не было компрометировано введением русского алфавита, вместо арабского,— пишет Ильминский,— надо сделать так, что Алтынсарин будто открывает школу самостоятельно, частным образом, без начальственной инициативы... Сначала киргизская школа должна быть одна, Алтынсарина, а потом его ученики, под его влиянием и по его образцу, будут открывать постепенно школы в разных других пунктах. Алтынсарина, как главного двигателя киргизских школ, должно щедро обеспечить. Единство школ необходимо для единства направления»[1].

Ильминский рекомендовал Кауфману открыть такие же школы для крестившихся калмыков, кочующих около Верного и Копала, и киргиз, живущих на Алтае. Школы эти Ильминский называл «христианско-образовательными» и намечал их в качестве опорных баз для пропаганды православного христианства среди народов Средней Азии. Следовательно, он рекомендовал Кауфману для Туркестана в его степной части тот же план развития школьного дела в миссионерском духе, какой сам Ильминский реализовал в Казанском крае среди народов Поволжья.

В мае 1869 г., проездом в Ташкент, Кауфман остановился в Казани и встретился с Ильминским. К его приезду Ильминский составил еще одну докладную записку по тому же вопросу.

В беседе выяснилось, что стремления их различны. «Разговор, которым Вы меня изволили удостоить на пароходе 24 мая,— писал потом Ильминский Кауфману,— отчасти уяснил мне, что Вам собственно нужен человек, который бы заведовал учебною частью в Туркестанской области, а я прежде полагал, что Вам нужны те начала и идеи, которые должны лечь в основание учебной системы. В этом последнем направлении и была написана мною записка, которую я имел честь представить Вам»[2].

В своем письме Кауфману Ильминский отказался ехать в Туркестан для заведования учебной частью и рекомендовал И. С. Ястребова, бывшего воспитанника Казанской духовной академии, который с успехом занимался в академии татарским и арабским языками, а главное—он был хорошо знаком с теми идеями, которые с положительным успехом осуществлялись в Казани в деле образования татар. Но так как кандидат, указанный Ильминским, в это время был секретарем русского консульства в Турции и Кауфману не удалось получить согласие на его перевод в Туркестан, то вопрос остался нерешенным.

[1] П. В. Знаменский, Участие Н. И. Ильминского в деле инородческого образования в Туркестанском крае, Казань, 1900, стр. 17.
[2] П. В. Знаменский, Участие Н. И. Ильминского, стр. 20.

Взгляды Кауфмана на основные положения организации школьного дела в туркестанском генерал-губернаторстве значительно расходились со взглядами Ильминского. Об этом писал ближайший ученик Ильминского Н. П. Остроумов, долго служивший под начальством Кауфмана. «Мы, говорил мне генерал, должны вводить в Туркестанском крае христианскую русскую цивилизацию, но не должны стараться предлагать туземному населению православной веры»[1]. Однако у Кауфмана не было другого консультанта, имевшего опыт работы среди восточных народов мусульманского вероучения. Поэтому он в июле 1869 г. обратился к Д. А. Толстому с просьбой откомандировать Ильминского в Туркестан на год для работы по учебной части. Одновременно Кауфман написал Ильминскому, приглашая его в Ташкент для оказания помощи ему в организации школьного дела в крае. Для привлечения Ильминского, Кауфман писал ему: «Я вполне сочувствую и разделяю высказанное Вами мнение о тех началах, которые должны лечь в основание учебной системы в Туркестанском крае»[2]. Все же Ильминский отказался от поездки в Туркестан. О причинах он написал попечителю Казанского учебного округа П. Д. Шестакову.

Ильминский писал Шестакову, что заинтересованность Кауфмана в его приезде в Туркестан основана на двух записках, которые он, Ильминский, составил по вопросу об организации школ для степных народов Средней Азии. Одна записка была подготовлена им для Толстого, а другая для Кауфмана. «Главная, основная мысль этих обеих записок одна и та же; скажу откровенно, пишет Ильминский, она списана с натуры, с Казанской школы для детей крещеных татар». В Казани, продолжает Ильминский, дело начато было частным образом, с одного пункта, в малых размерах, причем он старался опереться на самих татар, следил за развитием учрежденной им школы. В процессе работы возникли общие начала крещенотатарского образования. Отсюда возник успех — если не обширный, зато прочный. И теперь, пишет Ильминский, он более, чем когда-либо прежде, убежден и крепко держится той мысли, что новое дело, для которого нет в действительности готовых образцов, нельзя проводить иначе, как медленным, осмотрительным шагом практической работы, сначала в малых размерах; путем наблюдения и анализа действительных фактов определится и выработается система дела.

Касаясь Туркестанского края, Ильминский полагал, что школьное образование в том духе, как его задумал Кауфман,— дело новое и гораздо более затруднительное, чем в

[1] Н. П. Остроумов, Воспоминания, стр. 43.
[2] П. В. Знаменский, Участие Н. И. Ильминского, стр. 28.

Казанском крае. Там школьное образование «должно клониться к изменению испоконных понятий, воззрений, а быть может даже и бытовых привычек, и притом так, чтобы все эти жители нравственно, в своих идеях и стремлениях объединились с русским народом». Известно, продолжает Ильминский, с каким упорством простодушные натуральные племена отстаивают свое родное, исстари хранимое; во всяком радикальном мероприятии правительства они склонны видеть посягательство на их национальные устои. Ильминский считал, что в образовании казахов и других народов Туркестанского края нельзя обойтись без русской руководящей идеи, без направления всего учебного дела к общим интересам русского государства, насколько, разумеется, общегосударственный интерес совместим с собственным благосостоянием местных обитателей. Чтобы народов Средней Азии не испугала русская идея, пишет он, необходимо на деле показать, что идея слияния с русскими вполне применима к народам Туркестана. Эта идея не только не разрушит их благосостояния, но даст им выгоды образования и умственного развития, которое является прочной основой всякого благосостояния. «Словом,— заканчивает Ильминский,— в Туркестанском крае, по моему мнению, начать школьное дело и вырабатывать его систему фактически, как в Казани...»[1].

Напомним, что 1869 и 1870 годы были для Министерства просвещения годами подготовки и проведения школьного законодательства для восточных народов России. В основу этого законодательства легли докладные записки Ильминского и его практическая деятельность в Казани. Поэтому и Толстой и попечитель Казанского учебного округа Шестаков нуждались в консультации Ильминского и не считали возможным отпустить его в Туркестан на год. Когда Ильминский узнал, что его оставляют в Казани, он отправил 16 августа 1869 г. письмо Кауфману с отказом. В письме Ильминский писал, что он не располагает силами, чтобы справиться с таким сложным и трудным делом, какое хотел ему поручить Кауфман.

Кауфман был недоволен отказом Ильминского и ждал ответа от Толстого. На письме Ильминского он написал резолюцию: «Не получено ли чего-либо от графа Толстого? Профессор Ильминский смотрит на дело несколько преувеличенными глазами, по его выходит, что ничего по части народного образования предпринять нельзя». В другой резолюции, от 17 сентября, Кауфман просил министра Толстого уведомить его о последствиях просьбы, касающейся назначения в Туркестанский край лица, способного давать Кауфману консультации по вопросам просвещения и помочь ему в составлении

[1] В. П. Знаменский, Участие Н. И. Ильминского, стр. 29.

проекта положения по народному образованию в Туркестанском крае. Наконец из министерства пришло извещение, что в его распоряжении нет лица, которое можно было бы командировать в Ташкент для составления указанного проекта положения согласно ходатайства туркестанского генерал-губернатора.

Через 15 лет Ильминский в письме Победоносцеву так описывает этот эпизод. «В 1869 г. покойный К. П. Кауфман, наслышавшись обо мне от графа Д. А. Толстого, всячески старается вызвать меня на год, чтобы я обозрел все местности его Туркестанского генерал-губернаторства, вник бы в местные условия, составил бы инструкцию народного образования в крае, которая потом, быв рассмотрена в местных и в петербургских центральных учреждениях и утвержденная высочайшей властью, была бы твердой основой и нормой для всех грядущих чинов и деятелей учебного ведомства. И что же? Я наотрез отказался, потому что перепугался, и написал я покойному К. П. Кауфману слезное и самоуничижительное письмо...»[1]. Можно поверить Ильминскому: он действительно испугался большой ответственности за постановку школьного дела в Туркестане.

Туркестанской администрации пришлось своими силами подготовить проект организации учебного дела в крае.

Однако деловые отношения между туркестанской администрацией и Ильминским не оборвались: по поручению Кауфмана Кун написал Ильминскому в июле 1875 г. письмо с просьбой рекомендовать кандидата на должность директора учительской семинарии, которая была намечена к открытию в Ташкенте. Ильминский указал на Н. П. Остроумова, преподавателя истории и географии Казанской учительской семинарии и доцента духовной академии. «Он окончил курс Казанской духовной академии,— пишет Ильминский,— где был моим учеником по языкам татарскому и арабскому, знаком с магометанским вероучением и Кораном. Он в душе и по образованию миссионер; но не страшитесь этого слова, отзывающегося на первый взгляд нетерпимостью и другими подобными неблаговидностями. Мой просвещенный друг Остроумов понимает миссионерство самым гуманным образом и вполне уверен, что только народное образование может положить прочную основу и христианству»[2].

Летом 1876 г. Кауфман был в Казани, виделся с Ильминским и долго беседовал с ним на тему о школьном деле для народов России. Тогда же Кауфман договорился с Остроумовым о его работе в Туркестане. В мае 1877 г. Остроумов при-

[1] Письма Н. И. Ильминского к Победоносцеву, стр. 113—114, Казань, 1895.

[2] П. В. Знаменский, Участие Н. И. Ильминского, стр. 46.

ехал в Ташкент и вскоре был утвержден в должности инспектора народных училищ Туркестанского края, так как вопрос об открытии учительской семинарии в Ташкенте еще не был разрешен.

Укажем на одну из форм участия Ильминского в учебной жизни Туркестанского края, которая касалась использования русского алфавита в письменности народов Средней Азии.

В связи с общим курсом на обрусение восточных народов России, принятом в начале 1870 г., генерал Кауфман в марте 1876 г. написал Д. А. Толстому о желательности издать общее распоряжение правительства, которое утвердило бы единую транскрипцию русского алфавита в применении к письменности тюркских народов России. Указывая на разногласия ученых-ориенталистов в этом вопросе, он считал неудобным, если в Казанском округе будет применяться одна, в Оренбургском — другая, а в Туркестанском — третья система русского алфавита в учебном деле этих народов. Сам Кауфман считал, что русскую азбуку надо вводить в письменность восточных народов России *без всяких изменений* в ее буквенном составе и графике. Свое предположение он подкрепил политическим мотивом: надо положить начало изучению государственного языка этими народами и дать им средство к объединению на русской основе.

На запрос Министерства просвещения по этому вопросу попечитель Оренбургского учебного округа Лавровский присоединился к предложению Кауфмана. Попечитель Казанского учебного округа, получивший такой же запрос из министерства, поручил Ильминскому ответить министерству. В своем ответе Ильминский дал историческую справку о применении русского алфавита к переводам книг на живой народный язык татар Казанского края. По его мнению, введение русского алфавита в письменность других народов России является внешней, второстепенной мерой. В тесной связи с этой мерой находится применение местного народного языка не только в школах, но и в управлении. Это прежде всего надо сделать для кочевых народов Средней Азии. Такая мера помогла бы упрочению казахского языка и русского алфавита в начальных школах Казахстана. Касаясь использования русского алфавита в письменности тюркских народов, Ильминский высказался за его *приспособление к фонетике* языков этих народов.

В мае 1876 г. во время проезда через Казань в Петербург Кауфман имел длительную беседу с Ильминским на эту тему. В беседе обнаружилось их коренное расхождение в том пункте, как применять русский алфавит к языкам тюркских народов. Кауфман настаивал, чтобы не делать никаких отступлений от русской транскрипции. Ильминский указывал на необходимость внесения диакритических значков

над некоторыми гласными буквами русского алфавита. Спор между Кауфманом и Ильминским был передан министерством на рассмотрение факультета восточных языков Петербургского университета; во главе факультета стоял известный нам уже проф. В. В. Григорьев. После обсуждения большинство членов факультета (9 против 3), в том числе оба преподавателя тюркских языков, пришли к заключению, что при издании каких бы ни было книг на этих языках «следовало бы ввести в употребление русскую азбуку в том виде, как она существует, без всяких в ней изменений и без всяких дополнений, согласно с мнением господина Туркестанского генерал-губернатора и господина попечителя Оренбургского учебного округа» [1].

Учитывая опыт Ильминского в издании учебников на татарском языке русскими буквами с применением диакритических значков, факультет сделал оговорку: «но по отношению к крещеным татарам, для которых г. Ильминский изобрел свою особую азбуку, которая употреблена им в нескольких напечатанных уже учебниках и которую он постоянно совершенствует, факультет полагает, что ввиду немногочисленности этих татар и чтобы не охладить ревности г. Ильминского к делу просвещения их..., для означенных крещеных татар может быть в виде исключения оставлена усвоенная им, г. Ильминским, русская азбука в том виде, как он ее преобразовал».

Ильминский не согласился с заключением восточного факультета и в мае 1878 г. подал возражение, в котором повторил свои доводы в пользу внесения диакритических значков над некоторыми гласными русской азбуки. Свое возражение Ильминский подкреплял историей христианской церкви. По его мнению, в истории народов главную роль всегда играла религия, а потом уже алфавит народа, передающего религию. Народ, принявший религию вместе с алфавитом, принимает дополнительные буквы по требованию своего языка. Заключение Ильминского в этом возражении не лишено интереса: по его мнению, настанет время, когда русские и другие народы России «охладеют ко всякой религии и вместо религии поставят на первом плане интересы общественные, государственные, вообще человеческие, тогда, быть может, татары и другие народности охотно примут русскую азбуку» [2].

Большое влияние Н. И. Ильминский оказывал на своих учеников и последователей, которые работали в школьном

[1] См. кн.: Н. И. Ильминский, Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам, Казань, 1883. Здесь собраны шесть документов по этому вопросу.

[2] Н. И. Ильминский, Из переписки..., стр. 39.

деле Туркестанского края. Среди них назовем Н. П. Остроумова, М. А. Миропиева, Н. А. Воскресенского, И. М. Софийского и других. Приведем один случай консультации Ильминским своих учеников. 20 ноября 1874 г. был издан закон, на основании которого все мусульманские школы в Российской империи были переданы в ведение Министерства народного просвещения. В отношении мусульманских школ Туркестана Кауфман, имевший особые полномочия от царя, распорядился не применять этого закона. В сентябре 1877 г. в ответ на письмо Остроумова по этому вопросу Ильминский писал ему: «Относительно того, нужно ли или не нужно принять надзор над магометанскими школами на обязанность русского инспектора[1], я, право, больше склоняюсь, чтобы не принимать, потому что, приняв на свое попечение эти школы, надо будет заботиться об их процветании и без сомнения в духе их религиозных тенденций и интересов, так как направление и существо их исключительно магометанское, религиозное». По мнению Ильминского, нельзя достигнуть не только обрусения, но даже простого расположения узбеков к русским при помощи слияния основ ислама с европейской наукой и цивилизацией. Он считал, что путем такого слияния можно самую цивилизацию «обратить против русского народа и государства, как это мы видим теперь в Турции».

Ильминский советовал Остроумову не обращать внимания на медресе: пусть медресе останутся сами по себе, как терпимые, а русские школы для местного населения пусть создаются на русских началах, т. е. на «гуманном» образовании и воспитании[2], и на русской науке; воспитанники из местного населения пусть в семье или на стороне занимаются своей религией. Русская школа, пишет он, должна быть реальной в том смысле, чтобы она сейчас же отвечала потребностям жителей, которые торгуют с русскими, поэтому нуждаются в русской грамоте и русском счетоводстве, формах векселей и т. п. Ильминский рекомендовал открывать русско-узбекские школы: «Если бы умудриться, говорит он, поставить эти школы интересно для туземцев, то они, по-видимому, могли бы противостоять медресам, как их отрицание. И чем больше развивался бы в населении вкус к этим школам, тем более ограничивался бы круг действия и интерес медресе»[3]. Как видим, в вопросе, как относиться к

[1] Н. П. Остроумов был тогда главным инспектором школ в Туркестане.

[2] Под «гуманным», или «общечеловеческим», образованием Ильминский подразумевал религиозное, христианское обучение и воспитание.

[3] П. В. Знаменский, Участие Н. И. Ильминского, стр. 101, письмо 2.

туркестанским медресе, Ильминский поддерживал Кауфмана и в этом духе давал указания Остроумову.

Со времени учреждения Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. и до начала 80-х годов главное внимание царского правительства было обращено на кочевые народы Туркестанского края, которых начальник края Кауфман стремился изолировать от татар. В соответствии с этим в программу туркестанской учительской семинарии был внесен казахский язык. При генерал-губернаторе Черняеве главное внимание царской администрации было перенесено на оседлое население. Казахский язык был исключен из учебного плана учительской семинарии в Ташкенте, а включены были узбекский и персидский[1]. В сентябре 1885 г. новый генерал-губернатор Туркестанского края Розенбах внес в Министерство народного просвещения официальное предложение о включении в учебный план Ташкентской учительской семинарии трех восточных языков: узбекского, персидского и арабского. Со стороны министерства последовали возражения, как можно думать, по совету Ильминского. В октябре того же года Розенбах повторил свое ходатайство. Тогда министерство поручило Ильминскому разобраться в этом вопросе и дать свое заключение.

В «Записке о преподавании языков в туркестанской учительской семинарии», объемом более печатного листа[2], разобрав мотивы ходатайства о внесении в учебный план туркестанской учительской семинарии трех языков: узбекского, персидского и арабского, — Ильминский обоснованно отвел предложение относительно арабского языка. Ильминский доказывает невозможность русским воспитанникам семинарии в краткий период ее учебного курса настолько изучить сложный грамматический строй арабского языка, чтобы они могли читать и понимать Коран и Шариат, как это предполагали авторы ходатайства. Смысл Корана и Шариата, утверждает Ильминский, — это целые и притом научные области, в которых масса технических выражений и где с одним знанием литературного арабского языка ничего не поделаешь. По замыслу авторов предложения о внесении арабского языка в программу учительской семинарии, ее воспитанники должны состязаться в изучении арабского языка с муллами туркестанских медресе. «Решаюсь утверждать, пишет он, что это состязание будет не в пользу русских питомцев. Я утверждаю это на основании опыта: в Казанском университете было в свое время знаменитое отделение восточных языков, но из него очень мало вышло таких зна-

[1] «Персидским» языком здесь назван таджикский.— *Ред.*

[2] П. В. Знаменский, Участие Ильминского, стр. 64—84.

токов арабского языка, которые бы равнялись большинству учеников татарских школ»[1].

Приведя из докладной записки Розенбаха его слова: «Централизуя все воспитание и обучение около изучения главным образом русского языка, русской истории, русской географии, учительская семинария высоко держит знамя русской народности, русские учителя из учительской семинарии являются надежными проповедниками русских начал в крае, русских нравов, обычаев русской жизни», — Ильминский делает заключение: «И пусть Туркестанская семинария сосредоточит все свое внимание на разработке этого воспитательного материала, не развлекаясь посторонними языками и предметами».

Записка Ильминского была прочтена в министерстве в особом заседании под председательством министра Делянова в присутствии Розенбаха, находившегося тогда в Петербурге; было решено в Туркестанской учительской семинарии оставить преподавание только узбекского и персидского языков. Исключение казахского языка из учебного плана этой семинарии было утверждено царем 24 марта 1888 г.

* * *

Нам осталось ответить на вопрос: какое же значение для народов Средней Азии имело участие Ильминского в школьном деле Туркестанского края? Напомним, что Ильминский в основу школьного обучения и воспитания выдвигал православное вероучение, а научным знаниям отводил подчиненное значение. На этой основе была построена вся его практическая работа в Казанском крае среди татар и литературная деятельность. В докладных записках на имя Д. А. Толстого, Кауфмана и других влиятельных лиц он предлагал свою казанскую школьно-миссионерскую систему реализовать и в Туркестанском крае. Стремление Ильминского положить в основу школьного дела в Туркестане миссионерскую пропаганду православного христианства вызвало протест у Кауфмана, хотя он тоже хотел распространять «христианскую цивилизацию» среди народов Средней Азии[2].

[1] Некоторые арабисты, подготовленные в конце XIX — начале XX в. на восточном факультете Петербургского университета, знали арабский язык значительно лучше бухарских мударрисов.— *Ред.*

[2] «.. население Туркестанского края... не... созрело для того, чтобы воспринять идею христианства... Проповедывание христианской религии в настоящее время не даст хороших последствий, оно принесет положительный вред, ибо отдалит от нас туземцев и может лишь породить затруднения, с которыми трудно будет справиться»,— писал Кауфман в январе 1868 г. главе Русского миссионерского общества князю Голицыну. Письмо опубликовано на стр. 67—71 книги: К открытию памятника — Генерал-адъютант К. П. фон-Кауфман, как устроитель Туркестанского края. Составил А. Г. П[ропащих, врач]. Ташкент, 1913.— Эта книга, содержащая факты и документы за 1867—1882 гг., незаслуженно забыта историками, как источник.— *Ред.*

Сам Ильминский не принял предложение Кауфмана работать в Туркестанском крае по народному образованию, но послал туда группу своих учеников, окончивших Казанскую духовную академию — Н. П. Остроумова и других. Почти все они работали в Туркестанской учительской семинарии и с полного одобрения Ильминского считали себя миссионерами православного христианства среди народов Средней Азии. В письме к одному архиерею в Москву Н. А. Воскресенский писал: «Так как Ташкентская учительская семинария имеет целью соединение русских с туземцами, тех и других просветить по возможности христианством или по крайности приблизить к нему, то эта семинария и ее казанские труженики, которые именно так понимают ее задачу, нуждаются в полном душевном сочувствии со стороны русских и особенно сердца России — Москвы»[1].

Мы видели, что Ильминский с большой симпатией относился к казахам, много сделал для развития их родного языка, содействовал открытию школ с обучением на родном казахском языке с применением русского алфавита, стремился приобщить казахов к культуре русского народа. В этом его заслуга перед казахским народом. В то же время он хотел противопоставить кочевые народы Средней Азии ее оседлым народам — узбекам и таджикам. К этим народам Ильминский относился с предубежденной опаской, так как считал их сильно омусульманенными. В докладной записке попечителю Казанского учебного округа П. Д. Шестакову Ильминский рекомендовал народное образование в Туркестанском крае направить «к общим интересам империи». Как и генералу Кауфману, Ильминскому были совершенно чужды национальные интересы узбеков и таджиков. В письме от 29 сентября 1877 г. Н. П. Остроумову Ильминский не рекомендовал вводить в программу медресе светских, реальных, научных предметов, не советовал реформировать эти мусульманские заведения, так как опасался, что реальное образование пробудит национальное самосознание народа и может превратиться в оружие против колониального господства царской власти.

Ильминский был одним из вдохновителей противомусульманского направления политики царизма в Туркестане, хотя при выборе путей этой политики Кауфман с Ильминским разошлись; кауфманский метод «игнорирования» мусульманских учреждений царской администрацией в Туркестане соответствовал советам проф. В. В. Григорьева.

Главный представитель школы Ильминского в Туркестане, Н. П. Остроумов, особенно настаивал на действенном

[1] П. В. Знаменский, Участие Н. И. Ильминского, стр. 74.

контроле над мусульманскими школами для предупреждения антиправительственной пропаганды[1].

Ильминский послал в Туркестан группу своих учеников, проникнутых идеологией православного миссионерства, но это миссионерство в Туркестанском крае не осуществлялось, не говоря о случайных фактах (обращение в христианство немусульман — иммигрантов в Семиречье из Китая), так как христианскую пропаганду среди населения, находившегося веками под сильным влиянием ислама, администрация края со времен Кауфмана считала опасной и ненужной[2].

Укрепившаяся за учениками Ильминского репутация «миссионеров» настораживала мусульманское население против любых их дел. Редактировавшаяся Остроумовым «Туркестанская туземная газета» расходилась очень малым тиражом. В Туркестанской учительской семинарии, вокруг которой группировались ташкентские ученики Ильминского, одна треть мест назначалась для учащихся из коренного населения, но эти вакансии заполнялись плохо и почти исключительно казахами.

Идея *обучения на родном языке* в системе Ильминского была подчинена православно-миссионерской задаче, которая использовалась в монархическо-обрусительных целях. Независимо от таких привязанных к ней реакционных «союзников», эта идея сама по себе имела прогрессивное значение в противопоставлении другому направлению русификации, которое считало нужным тормозить развитие национальных культур народов Средней Азии и поэтому боролось против использования в школе родного языка, навязывая коренному населению Туркестана общеобразовательную школу исключительно на русском языке.

[1] После 1905 г., встревоженный революцией, Остроумов искал в реакционном мусульманском духовенстве союзников своим консервативным политическим взглядам (см. стр. 334—336). — *Ред.*

[2] См. кн.: Н. П. Остроумов, Воспоминания, стр. 106—107.

Глава третья

РУССКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1905 — 1907 ГОДОВ

СЕЛЬСКОЕ И ГОРОДСКОЕ РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ[1]

Русское *сельское* население на территории Туркестана до образования здесь генерал-губернаторства имелось только на землях, вошедших с 1867 г. в состав Семиреченской области; это были 14 станиц и выселков, в которых жили казачьи семьи, выделенные из Сибирского казачьего войска, начиная с 1847 г., а главным образом с 1855 г. В этих станицах проживало около 15 тыс. человек к 1867 г., когда было образовано Семиреченское казачье войско.

Вслед за царскими войсками, открывшими дорогу в глубь Средней Азии, двинулись русские «вольные» переселенцы-колонисты из России. После земельной реформы 1861 г., ограбившей крестьян, нищенские наделы заставили их искать лучшие хозяйственные условия. Так как самовольный уход крестьян лишал помещиков дешевых рабочих рук, то правительство до конца 80-х годов тормозило переселение крестьян в Сибирь и Среднюю Азию. Но такая переселенческая политика была невыгодна для буржуазии, стремившейся к развитию и эксплуатации царских колоний. Закон 13 июля 1889 г. явился компромиссом, примирившим интересы помещиков и буржуазии: правительство стало оказывать некоторую помощь крестьянам, переселявшимся с ведома местной администрации. В связи с голодом 1891 г. и бегством крестьян в Сибирь и Туркестанский край царская власть сделала переселение крестьян орудием своей аграрной политики. Чтобы ослабить классовую борьбу в деревне, обострившуюся вследствие малоземелья,

[1] Справка об истории русских поселений в Туркестане дается в настоящей главе и за период после 1905 г.

правительство с 1895 г. стало переселять из центральной России малоземельных и безземельных крестьян в Сибирь и на земли Средней Азии. В конце 1896 г. при Министерстве внутренних дел было организовано специальное переселенческое управление, которое в 1905 г. вошло в состав Министерства земледелия и государственных имуществ. Переселение крестьян на основе указанного принципа усилилось особенно в 1904—1905 гг.

Реакция 1907 г. явилась поворотным пунктом и в переселенческой политике: новый курс был связан со стремлением царского правительства создать в колониях крепкий слой кулаков, который мог бы служить прочной опорой царизму на окраинах. Вместо выселения из Европейской России опасных для царской власти беднейших крестьян задачей колонизации становилось переселение на окраины части зажиточных крестьян для укрепления там государственной власти и подъема сельского хозяйства колоний. Так как к началу XX в. земельные фонды Сибири для колонизации при отсталой агротехнике истощались, то новый курс переселенческой политики нашел себе применение в Казахстане и Средней Азии.

Переселенческая политика царизма в Средней Азии диктовалась стремлением правительства закрепить свое колониальное господство в Туркестанском крае; но колонизацию края приходилось вести с учетом местных социально-экономических условий. Боязнь отнимать земли у оседлого населения Средней Азии вытекала из опасения, что вспыхнет восстание, особенно в Ферганской области, где местное население находилось в постоянном политическом брожении, а колонизация неосвоенных земель требовала дорогостоящих работ по орошению. «Положением об управлении Туркестанским краем» земли, обработанные местным населением, закреплялись за их владельцами. Эти обстоятельства побудили правительство обратить внимание на неорошенные пространства, которые были объявлены в 1875 г. государственными и отдавались кочевым народам Средней Азии в использование. Для ведения неполивного зернового хозяйства, привычного для русских крестьян, подходили преимущественно так называемые богарные земли в предгорной полосе. Сюда и направлялся главный поток переселенцев в Туркестанский край.

За пределами Семиречья русских поселений в Туркестане было немного. В Сыр-Дарьинской области первое селение русских крестьян было основано в 1875 г. в Аулие-Атинском уезде[1] по почину генерал-губернатора Кауфмана; через 10 лет русских крестьянских селений было уже 8 с населением 2170 человек. За 15 лет, с 1875 по 1890 г., в Туркестане (без Семиречья и Закаспия) образовалось 19 поселений с 1300 семействами. В связи с голодом, постигшим Россию в 1891—1892 гг., в Туркестанский край хлынула масса переселенцев из губерний, пораженных неурожаем. За эти два года в крае возникло 25 новых поселений, и русское крестьянское население в нем почти удвоилось. Так как русские крестьяне самовольно устраивались на новых местах, то начались столкновения из-за захвата земель и пользования оросительными сооружениями. После Андижанского восстания 1898 г. был издан приказ, запрещавший русским крестьянам переселяться в Туркестанский край; но никакие преграды не могли остановить стихийного притока переселенцев, вызванного тяжелым положением крестьян в царской России. В 1906 г. был образован «Сыр-Дарьинский переселенческий район», так как через Ташкент ежегодно проходило до 8 тыс. человек, преимущественно крестьян-бедняков. В связи с острыми конфликтами, возникшими при водворении русских крестьян на землях местного населения, Туркестан был закрыт для переселения до 1911 г.; но нельзя было остановить переселенцев-самовольцев.

В 1875 г. в Аму-Дарьинском отделе были принудительно поселены уральские казаки-староверы, отказавшиеся подчиниться новому уставу о казачьей службе. В 1881 г. возникло первое поселение в Ташкентском уезде — с. Никольское[1]; к 1909 г. в этом уезде уже было 18 русских селений. В связи с орошением Голодной степи, входившей тогда в Самаркандскую область, к 1911 г. здесь было создано 12 русских селений. По соображениям политического характера администрация края не пускала русских крестьян-переселенцев в Ферганскую область. Однако запреты правительства не остановили стремления русских колонистов в этот благодатный край, и к 1906 г. в Ферганской области было 6 русских поселков, а в 1911 г.— 23 с населением около 20 тыс. человек (главным образом в восточных, киргизских, районах Ферганы)[2].

Следует заметить, что царское правительство, заселяя с 1907 г. территорию Средней Азии зажиточными русскими крестьянами, стало применять те методы в переселенческом деле, о которых писал И. В. Сталин: «Царизм намеренно заселил лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами для того, чтобы оттеснить местные национальные массы в худшие районы и усилить национальную рознь»[3]. Такая переселенческая политика в Туркестанском крае привела к тому, что казахское население Средней Азии, вытесненное с плодородных земель, с 1902 по 1913 г. сократилось на 8,9%. И все же результаты русской колонизации были ничтожны: в 1911 г. русское насе-

[1] Аулие-Ата — ныне г. Джамбул в Казахской ССР.

[1] Ныне поселок Орджоникидзе, пригород Ташкента.

[2] История крестьянского переселения в Среднюю Азию изложена в «Истории народов Узбекистана», т. II, Ташкент, изд. АН УзССР, 1947, (гл. XII).

[3] И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 356.

ление Туркестанского края составило 3,7% от общего числа, а по отдельным областям Узбекистана еще ниже: в Самаркандской — 2,4%, в Ферганской — 1,6%.

До начала 900-х годов в край передвигались главным образом беднейшие крестьяне с Украины и южных губерний России, оставившие родные места вследствие голода и безземелья. Между русскими новоселами и местным коренным населением часто устанавливались добрососедские отношения и обмен ценным опытом в области земледельческой культуры, семейного и общественного быта. Однако среди получивших землю в этот период были и такие поселенцы, которые спекулировали своими наделами, сдавали их в аренду казахам или перепродавали свои права на земли. С 1911 г. кулацкий элемент усилился в связи с переселением в Туркестан зажиточных крестьян.

Главная масса русского населения, переселившегося в Среднюю Азию, оседала *в городах,* ставших в Туркестанском крае областными и уездными центрами; в этих центрах развивалась местная промышленность и торговля. Русского населения в городах старых оседлых районов Туркестана было значительно меньше, чем местного, коренного. Например, в русской части Ташкента, основанной в 1865 г., насчитывалось в 1911 г. около 54 тыс. человек, а всего в Ташкенте было тогда 234 289 жителей, т. е. русские составляли менее одной четверти населения города. В Самарканде русские составляли одну пятую городского населения, а в Андижане — немного более шестой части, в ряде городов — еще меньше. Только в Новом Маргелане, а также в некоторых городах Семиречья (Верном) и Закаспия (Асхабаде) русские составляли большинство. Социальный состав русского городского населения определялся условиями возникновения русских городов в Туркестане. В первые годы присоединения края преобладали военные и гражданские служащие. В 1868 г. они составляли около 40% населения русских городов, а в 1885 г.—приблизительно 21% [1]. В тогдашнем Ташкенте находились краевые административные, военные, финансовые учреждения. Таков же был облик и других городов Туркестана в первые годы присоединения Туркестана к России.

Однако скоро в русских частях старых городов Средней Азии (Ташкента, Самарканда и др.) и в новых русских городах края (Верном, Асхабаде и др.) стали появляться торговые и промышленные предприятия, и начался быстрый рост городов за счет населения, занятого на этих предприятиях. К началу XX в. торгово-промышленное значение русских городов сильно возрастало. На промышленных предприятиях Туркестана ведущее место занимали русские рабочие.

[1] История народов Узбекистана, т. II, стр. 351.

К 1 января 1876 г., когда было открыто Управление учебными заведениями Туркестанского края и начато развертывание школьной сети, русского населения в крае было: в Сыр-Дарьинской области 10624 человека (в том числе в Ташкенте — до 4000), в Семиреченской области — 31 930 (в том числе в Верном 14 400), в Зеравшанском округе — 5804. Кроме того, русских войск было до 40 000 человек[1].

РАЗВИТИЕ СЕТИ РУССКИХ ШКОЛ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ. ВОПРОС ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ОБУЧЕНИИ РУССКИХ ДЕТЕЙ В КРАЕ

Первые школы. Первые русские школы на «Сыр-Дарьинской линии» были открыты в форте № 1 (ныне Казалинск) и Перовске (ныне Кзыл-Орда). При открытии в 1860 г. школы в Казалинске учащихся в ней было 33 человека (из них 2 девочки), дети нижних чинов форта; заведовал школой гарнизонный священник. Через год в Казалинске возникла особая школа для девочек, в которой учили грамоте, письму, шитью, вязанию и вышиванию. В 1862 г. учительница уехала в Оренбург, и школа закрылась.

В апреле 1860 г. открыли школу и в Перовске. Заведовал школой также священник, а учителями были прапорщик Батыршин и юнкер Давыдов. Учащихся было 12 мальчиков и 9 девочек. Обучали чтению и письму, «краткому катехизису, священной истории с подлежащим объяснением детям и выводами для жизни, а также общеизвестными молитвами». В старших классах учили элементам арифметики. В октябре 1863 г. русская школа в Перовске была закрыта по распоряжению оренбургской администрации, а вместо нее открыли школу для казахов; детям русской школы было предложено посещать эту школу. Так как родители русских детей считали учителя-казаха не способным обучать русскому языку, то в 1865 г. военный губернатор только что образованной Туркестанской области разрешил отделить русскую школу от казахской и поместить ее в самом форте, поручив заведование ею священнику форта.

В Казалинске в 1865 г. русская школа также была заменена казахской. Родители русских детей возбудили ходатайство перед оренбургским генерал-губернаторством о восстановлении как мужской, так и женской школы. Комендант Казалинска, на заключение которого это ходатайство было послано из Оренбурга в 1866 г., дал положительный отзыв, а в отношении женского училища высказал положение, чтобы девочки обучались в школе шитью и некоторым другим женским рукоделиям: вязанию, штопанию чулок и тамбурному вязанию, «что-

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 1/1, Об устройстве учебной части по ведомству Министерства народного просвещения в Туркестанском крае, 1875.

бы таким образом нижние чины и поселяне могли иметь оттуда более или менее полезных жен, а семейные офицеры приличную женскую прислугу и все, наконец, порядочных прачек»[1]. Отдельные русские школы тогда не были открыты.

Открытые до 1867 г. 8 элементарных школ в Семиреченской области для детей русских казаков, судя по отчету Кауфмана, действовали более удачно, чем школы на Сыр-Дарье.

После образования Туркестанского края в 1867 г. была открыта народная школа в Ходженте на 13 детей; Казалинская и Перовская школы получили дополнительные ассигнования, и в первой число учащихся возросло до 84 учеников (60 русских и 24 казаха), а во второй — до 40 учеников (20 русских и 20 казахов). В 1868 г. в Копале (Семиреченская область) было открыто двухклассное приходское училище, в котором в 1869 г. училось 65 мальчиков и 25 девочек. Затем в выселках той же области открыли 3 народные школы, в том числе в станице Сарканской при миссионере для принявших православие монголов и калмыков[2].

В 1866 г. в Ташкенте была открыта на добровольные пожертвования частная школа Жуйковой, получившая с 1867 г. небольшую субсидию от казны «для удовлетворения потребностей в образовании *низших* сословий русского населения в Ташкенте»[3]. К 1 января 1867 г. в школе числилось 11 девочек и 7 мальчиков, которые обучались «молитвам и краткой священной истории, нумерации и первым двум действиям арифметики, письму и рукоделиям». В марте 1867 г. в школе уже было 15 девочек и 18 мальчиков. В 1869 г. был открыт в Ташкенте частный пансион «госпожи Пахерт» для подготовления «детей более *состоятельных* родителей» Туркестанского края к поступлению в IV класс гимназии. В 1871 г. в Ташкенте была открыта трехклассная народная школа с ремесленными классами для детей обоего пола. Словом, школы открывались с точным соблюдением принципа деления русского населения на привилегированные и подчиненные сословия.

Вслед за появлением русского населения на территориях, отошедших к России от Бухарского и Хивинского ханств, вскоре возникают там первые русские начальные школы: в Ходженте (1867), который был присоединен к России в 1866 г., в Самарканде (1871), присоединенном в 1868 г.; затем начальные школы были открыты в Катта-Кургане, Петроалександровске (ныне Турткуль) и других городах, вошедших в состав Туркестанского края в разное время. Ко времени открытия в 1876 г. Управления учебными заведениями края уже существовало

[1] Н. П. Остроумов, Исторический очерк народного образования в городах и укреплениях Сыр-Дарьинской линии и Туркестанской области до учреждения Туркестанского генерал-губернаторства, стр. 244.

[2] Кауфман, Проект, стр. 434.

[3] Н. Остроумов, Исторический очерк, стр. 245—246.

25 начальных школ, в которых было 1074 учащихся обоего пола, главным образом детей русского населения[1]. Из 25 школ 15 было в городах, станицах и выселках Семиреченской области. По отзыву главного инспектора училищ Туркестанского края, все эти школы нельзя было причислить ни к одному из типов учебных заведений, существовавших тогда в России, а по словам директора народных училищ Сыр-Дарьинской области, «подробных сведений о состоянии школ, о количестве учащихся в них и успехах обучения в делах не имеется»[2]. Это были главным образом элементарные школы с совместным обучением, где детей обучали религии, чтению, письму по-русски, началам арифметики; девочек учили рукоделию, а мальчиков в некоторых школах ремеслам — столярному, слесарному, сапожному и др. С учреждением Управления учебными заведениями края перечисленные школы были реорганизованы в учебные заведения в соответствии с общей системой народного образования, существовавшей тогда в России.

Кауфман приглашал в Туркестан Ильминского для ознакомления с местным населением и для подготовки руководящего документа — положения об управлении учебными заведениями края. Но Ильминский отказался, а так как Министерство народного просвещения не могло направить в Туркестан опытного специалиста в области школьного дела для восточных народов, то Кауфману пришлось начать разработку принципов учебного дела в крае силами своих чиновников. В 1870 г. в Ташкенте была создана комиссия для обсуждения вопроса об организации школьного дела и об основных принципах руководства учебными заведениями края; председателем ее был М. И. Бродовский, агроном по образованию[3]. Комиссия разработала «Основные положения устройства учебной части и народного образования в Туркестанском крае», согласно которым развитие народного образования в крае «должно идти в направлении русских интересов», и народные школы должны получить такое устройство, чтобы способствовать ассимилированию завоеванного края.

Проект начала 70-х годов. Проект устройства учебной части содержал план открытия гимназий и учительских

[1] К этому времени в Туркестанском крае было 48 358 человек русского населения, 1074 учащихся составляют приблизительно 17% всех русских детей школьного возраста с 8 до 11 лет. Но среди 1074 учащихся было и небольшое число детей коренного населения.

[2] [С. Граменицкий], Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Сост. инспектор народных училищ Туркестанского края 1-го района С. Граменицкий, Ташкент, 1896, стр. 11.

[3] М. И. Бродовский с 1870 по 1874 г. был при генерал-губернаторе чиновником особых поручений по учебной части (А. И. Добросмыслов, Ташкент, стр. 233). Члены комиссии менялись: среди них были Бахметьев, Вигилянский, Костенко, Кун, Терентьев (трое последних оставили печатные работы о Туркестане, используемые как источники советскими историками,— см. кн.: История Узбекской ССР, т. I, кн. 2, библиография).

семинарий в Ташкенте и Верном, а также четырехлетних народных школ в уездах, городах и поселках для обслуживания оседлых жителей и школ грамоты для кочевого населения. В проекте находим интересные объяснения, на кого думала администрация края опереться, планируя подготовку учителей для народных школ: «В учительской семинарии, — сказано в этом документе [1],— имеется определенное число вакансий для казенных пансионеров. Казенными пансионерами в семинарию принимаются лучшие и способнейшие ученики из образцовой школы и исключительно дети русских родителей, так как они предназначаются в наставники уездных школ, преподавание в которых неудобно доверять инородцам» [2].

Наметив общее великодержавно-колонизаторское направление школьной политики в Туркестанском крае в отношении местных народов, царская администрация тут же внесла сословно-классовую поправку по линии деления самого русского населения на господствующие и подчиненные классы и в школьном деле. В проекте комиссии читаем: «Что касается устройства училищ для русских детей, то условия жизни и общественное положение русского населения в крае определяют необходимость двоякого рода училищ для русских: 1) училищ для детей русских простолюдинов, которые полагают ограничиться элементарным обучением своих детей, и 2) училищ для детей чиновников, купцов и других лиц, которые желали бы получить гимназическое образование; при этом дети первых, (т. е. простолюдинов.— *К. Б.*) могут обучаться совместно с инородцами в открываемых для последних школах» [3]. В соответствии с установленными колонизаторскими и сословно-классовыми принципами стала развертываться в Туркестанском крае школьная сеть — одно из важнейших звеньев в системе политических учреждений российского самодержавия в Средней Азии.

Школьная сеть с 1876 г. С 1876 г. туркестанская администрация начала открывать школы по уставам Министерства народного просвещения, чтобы обслужить русское население: в г. Ташкенте и Верном были открыты мужские и женские прогимназии с приготовительными классами, вскоре реорганизованные в полные гимназии. При всех гимназиях были устроены ученические квартиры для иногородних учащихся.

Существовавшие в крае разнотипные начальные училища были приняты в ведение Управления учебными заведениями и реорганизованы в типовые.

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 1, Об устройстве учебной части по ведомству Министерства народного просвещения в Туркестанском крае, 1875.

[2] Семинария открылась в 1879 г. с другой установкой: 1/3 мест — учащимся из коренного населения. См. стр. 155. — *Ред.*

[3] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 132, С отчетом о состоянии учебных заведений, 1877; С. Граменицкий, Очерк, стр. 5—6.

После образования в 1876 г. Ферганской области (на месте ликвидированного Кокандского ханства) в ее городах открыли по одному мужскому и одному женскому училищу [1]: в Новом Маргелане, Коканде, Намангане, Оше (1878) и в Андижане (1879) — двухклассные училища с пятилетним курсом; четырехклассным [2], с шестилетним курсом, было только мужское училище в областном городе Новом Маргелане.

В 1879 г. в Ташкенте открылась Туркестанская учительская семинария с интернатом; позже при ней открыты образцовые училища. Реорганизация существовавших начальных училищ и открытие новых происходила главным образом в 1878 и 1879 гг., после чего сеть русских школ в крае на некоторое время в основном стабилизовалась. С 1884 г. Управление учебными заведениями занялось новыми в крае курсами русского языка для взрослых из коренного населения (при русских школах) и особыми русско-туземными школками.

В 1878 г. издана «Памятная книжка Управления учебными заведениями Туркестанского края на 1878/79 учебный год»; затем вышли такие же книжки на 1879/80 и 1880/81 учебные годы, после чего издание приостановилось [3]. Книжки содержали наименование всего административного и педагогического персонала (с алфавитным указателем) и положения, инструкции, циркуляры и т. п. по учебному ведомству. В книжке на 1879/80 учебный год имеются следующие данные об Управлении учебными заведениями Туркестанского края и о сети его начальных школ.

Управление учебными заведениями состояло, помимо аппарата, из главного инспектора и трех районных инспекторов, которые жили в своих районах [4]. При управлении имелись испытательный комитет [5] и комиссия по устройству народных чтений в городе Ташкенте [6].

В Сыр-Дарьинской области начальные школы имелись в 8 пунктах, из них в пяти (Аулие-Ата, Казалинск, Перовск, Ташкент, Чимкент) — мужская и женская, в двух (Ходжент и Чиназ) — совместная, в одном (Туркестан) — мужская.

[1] 16 мая 1878 г. в газ. «Туркестанские ведомости» напечатаны приказы о назначении с 1 июля первых учителей в ферганские школы.

[2] Число классов в названии училища означало число учителей; в зависимости от штатного типа школы тот или другой учитель занимался или с одним классом или одновременно с двумя, тремя, а иногда четырьмя.

[3] Книжка на 1878/79 учебный год печаталась в Петербурге, следующие — в Ташкенте.

[4] 1-й район — Семиреченская область с Кульджинским районом; 2-й район — Сыр-Дарьинская область, кроме южного Ходжентского уезда, и Аму-Дарьинский отдел; 3-й район — Ферганская область, Ходжентский уезд, Зеравшанский округ.

[5] Испытательный комитет производил экзамен «на чин», приняв предварительно плату за экзамен.

[6] Комиссия народных чтений до Андижанского восстания 1898 г. проявила себя мало.

В Семиреченской области школы были в 26 пунктах: мужская и женская — в 8 пунктах (Верный, Каракол, Копал, Лепсинск, Сарканский, Сергиопольская, Софийская, а также временно оккупированная Кульджа), совместная — в четырех (Любовницкий, Малоалмаатинская, Надеждинский, Пишпек) и только мужская — в четырнадцати (Арасанский, Беловодское, Борохудзир, Герасимовское, Илийский, Карабулакский, Коксуйский, Колпаковское, Охотничье, Подгорное, Попутное, Токмак, Топольное, Урджарская); в Верном и Копале было по две начальных школы мужских и по одной женской.

В Зеравшанском округе школы имелись в двух пунктах: в Самарканде — мужская и женская, в Катта-Кургане — совместная.

В Аму-Дарьинском отделе — одна совместная школа (в Петроалександровске).

В Ферганской области в 5 городах (Андижан, Коканд, Наманган, Новый Маргелан и Ош) — по мужской и женской школе.

Через 10 лет после начала работы Управления учебными заведениями Туркестанского края в его ведении находилась следующая сеть школ:

Таблица 1

ШКОЛЬНАЯ СЕТЬ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ* К 1 ЯНВАРЯ 1886 г.

Наименование учебных заведений	Число учебных заведений	Число учащихся				Всего	В 1885 г. окончили курс
		русских		местных			
		мальчиков	девочек	мальчиков	девочек		
Мужские гимназии	1	264	—	13	—	277	5
Женские гимназии	1	—	287	—	6	293	15
Учительские семинарии	1	52	—	9	—	61	9
Городские училища по положению 1872 г.	13	521	—	183	—	704	22
Приходские училища	18	162	392	32	3	589	63
Русско-туземные школы	4	—	—	116	—	116	
Частные училища	1	24	11	—	—	35	
	39	1023	690	353	9	2075	114**

* Области: Сыр-Дарьинская (с Аму-Дарьинским отделом), Ферганская и Самаркандская.

** С. Граменицкий, Очерк, стр. 64.

Приведенные данные показывают, что рост числа школ для русского населения шел довольно успешно: на данной территории 10 школ было в 1875 г., 39 школ стало в 1885 г.; такое увеличение считалось в то время и в тех условиях значительным достижением.

Но при этом привлекает внимание ничтожное количество учащихся, закончивших курс обучения: 114 человек на 39 школ — это меньше, чем 3 человека на одну школу.

Продвинемся еще на 10 лет вперед и посмотрим, в каком виде была школьная сеть в Туркестанском крае на 1. I. 1896 (см. табл. 2, стр. 114)[1].

Со времени образования Управления учебными заведениями края во втором десятилетии еще быстрее растет число русских школ и учащихся в них.

Вопрос о всеобщем обучении русских детей в Туркестане. По данным директора народных училищ Сыр-Дарьинской области Граменицкого, в 1895 г. по этой области охват детей школьного возраста русского *сельского* населения был равен 62,2%[2]. По сравнению с тогдашним охватом школами детей центральной России это был очень высокий процент, гораздо выше, чем в наиболее передовых по грамотности губерниях империи.

Этот факт объяснялся тем, что царская администрация стремилась вооружить русское население Туркестана образованием, чтобы это население могло господствовать в крае и успешно вести экономическую борьбу с местным населением. В связи с этим краевая власть пытается ставить вопрос о всеобщем обязательном начальном обучении для русского населения.

Первый генерал-губернатор Кауфман в 1879 г. предложил военным губернаторам образовать в каждом уезде комиссии и в них обсудить вопрос обязательного обучения для русского населения и определить меры, какие необходимо будет принять к тому, «чтобы от обязательного обучения никто не уклонялся». Для объединения и руководства всеобщим обучением в крае в 1882 г. была создана комиссия при главном инспекторе училищ, но деятельность ее скоро заглохла. Вновь вопрос о всеобщем обучении был поднят в 1895 г. в связи с тем, что русские крестьяне-переселенцы неохотно посылали детей в школы и не желали материально поддерживать свои школы.

Особенно оживленно обсуждался вопрос о всеобщем обучении после Андижанского восстания 1898 г. В туркестан-

[1] С. Граменицкий, Очерк, стр. 68. Данные по тем же областям.

[2] С. Граменицкий, Очерк, стр. 43.

Таблица 2

ШКОЛЬНАЯ СЕТЬ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ К 1 ЯНВАРЯ 1896 г.

Название учебных заведений	Число учебных заведений	Число учащихся					Окончило в 1895	Учащихся в ремесл. классах	Учащ ся на
		русских		местных		Всего			
		мальчиков	девочек	мальчиков	девочек				
Мужские гимназии	1	317	—	10	—	327	19	—	—
Женские гимназии	1	—	369	—	8	377	22	—	—
Реальные училища	1	97	—	5	—	102	—	—	—
Учительские семинарии . . .	1	40	—	6	—	46	16	46	—
Мариинские училища	2	—	152	—	2	154	14	—	—
Городские училища по положению 1872 г.	10	740	—	138	—	878	40	297	92
Приходские училища	62	1373	956	15	2	2346	95	—	—
Русско-туземные школы . . .	28	48	3	650	—	701	15	—	231
Частные начальные училища	2	35	35	—	2	72	—	—	—
	108	2650	1515	824	14	5003	221	343	323

ских газетах появляется ряд статей, касающихся обязательного обучения детей русского населения в Средней Азии [1].

В Закаспийской области военным губернатором Куропаткиным было издано распоряжение о штрафовании крестьян-родителей с 1895/96 учебного года за непосылку без уважительных причин детей в школу [2].

В Семиреченской области в 1878 г. Н. П. Остроумов, бывший тогда инспектором училищ, нашел, что школы области «действительно переполнены учащимися». Эту особенность русских школ Семиречья Остроумов объяснял тем, что по распоряжению военного губернатора Колпаковского «все дети казаков до 17-летнего возраста обязательно должны посещать школы» [3]. Через 20 лет в «Семиреченских областных ведомостях» приводились такие мотивы необходимости обязательного обучения: «Наши переселенцы, оторванные от европейских центров православия, подвергаясь различным нежелательным влияниям со стороны окружающей мусульманской среды, начинают в значительной степени терять и чистоту православной веры, и русскую народность — обасурманиваются»[4]. Гораздо резче ставится вопрос в другой газетной статье тех лет, озаглавленной «Принудительность обучения». В ней говорится о «невежественной родительской преступности», выражающейся в том, что «родители не посылают детей в школы или заставляют их пропускать уроки по самым пустым поводам». Автор статьи требует строгого закона против родителей, не посылающих детей в школу [5].

В начале XX в. туркестанская администрация еще с большей настойчивостью продолжала расширять школьную сеть для русского населения. В рапорте главному инспектору училищ Туркестана от 12 марта 1902 г. директор народных училищ Сыр-Дарьинской области Граменицкий пишет относительно введения обязательного обучения детей школьного возраста в тех русских селениях, в которых имеются школы. Он полагает, что, кроме обязанности обучения, необходимо установить также обязательность исправного посещения детьми

[1] В обзоре «Народное образование в Туркестанском крае» (ТВ, 1899, № 65—69) говорилось: «Ввиду официально признанной культурной миссии русских в Средней Азии необходимость школьного образования здесь является неоспоримой, тогда как в Европейской России эта аксиома оспаривается даже многими органами печати. Следствием признания такого взгляда является внимательность администрации к делу народного образования; школы открываются в русских селениях вскоре после их основания, и содержание их, с необыкновенной для Европейской России щедростью, обеспечивается ассигновками... что, впрочем, и не требует слишком крупных затрат, так как русских поселений в крае еще очень немного».

[2] ТВ, 1898, № 73.

[3] ЖМНП, 1879, VII.

[4] ТВ, 1898, № 30.

[5] ТВ, 1899, № 88.

занятий в течение всего учебного года. При этом Граменицкий повторяет тезис, выдвинутый еще Кауфманом: «Вопрос о необходимости грамотности для пришлого русского населения Туркестанского края, осевшего среди массы иноверного туземного населения, крепко сплоченного единством веры, вековыми традициями и устоями общественных отношений и привыкшего к условиям местного климата и почвы, и притом в значительной степени грамотного, — не подлежит сомнению»[1]. Дальше Граменицкий предлагает устроить двухсменные занятия в русских школах, расширить школьные помещения, увеличить штат учителей и т. д.

В 1904 г. в совете генерал-губернатора обсуждался проект закона об обязательном обучении для детей русских крестьян Туркестанского края. Из газетной заметки, информирующей об этом проекте, узнаем любопытные «детали». Русские школы в Туркестане, оказывается, содержались на местные средства, «которые, как известно, исключительно получаются из главных платежных сил края — туземного мусульманского населения». Автор заметки делает заключение, что эта, «не совсем, может быть, справедливая по отношению к туземному населению, мера тем не менее должна была бы побудить крестьян ценить значение школ и влить в них сознание о необходимости развития и упрочения школьного дела»[2]. Дальше дается справка о низком культурном уровне русского крестьянина и выражается мнение, что только обязательная школа «может поднять здешнего переселенца выше уровня туземного населения».

Таблица 3*

Наименование учебных заведений	К 1 января 1896 г.		К 1 января 1905 г.	
	учреждений	учащихся	учреждений	учащихся
Мужские гимназии	1	327	5	1623
Женские гимназии	1	377	5	1922
Реальные училища	1	102	1	367
Учительские семинарии	1	46	1	75
Городские училища	10	878	19	2 800
Начальные училища	90	3047	269	13 933
Частные училища	2	72	5	179
	106	4849	305	20 899

* В табл. 3 в целях сопоставления данных из разных источников (за 1895 г. из «Очерка» Граменицкого, стр. 68; за 1904 г.— из Всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1904 г., Спб., 1905) опущены мариинские училища (в 1895 г. их было два с 154 учащимися), а русско-туземные школы объединены с приходскими училищами в общую рубрику «начальные училища» (в 1895 г. русско-туземных школ было 28, в них русских учащихся — 51, местных — 650).

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3384, Об открытии туземных училищ с новометодным преподаванием, лл. 286—287.

[2] Газ. «Самарканд», 1904, № 113.

Чтобы показать, что приведенные статьи, рапорты и заявления русских чиновников учебного ведомства Туркестанского края не были только канцелярской шумихой, приведем следующие сравнительные данные о сети русских школ в 1895 и 1904 гг. (См. табл. 3 на стр. 116).

Следовательно, за 9 лет количество русских школ почти утроилось, а число учащихся увеличилось более чем в 4 раза.

Успехи всеобщего обучения среди русского населения Туркестана относились к мужской части. Об отставании *женского* образования говорит анализ школьной сети 1879/80 учебного года: обучение девочек игнорировалось в 14 русских поселениях Семиречья (из 26)[1]; в двух городах той же области мужских начальных школ было по две, а женских — по одной. В г. Туркестане, Сыр-Дарьинской области, школа имелась только мужская.

В 1878 г. инспектировавший русские школы Семиречья Остроумов нашел в г. Верном в мужском училище 147 учащихся, в женском — только 73, в Копале 58 мальчиков и 30 девочек, в станице Софийской — 146 мальчиков и 32 девочки.

На 1 января 1896 г. по трем областям края среди учащихся приходских училищ мальчиков было 58,4%, девочек — 41,6%, но из этих девочек значительная часть обучалась в городах; в сельских училищах Сыр-Дарьинской области училось 1065 мальчиков и 401 девочка. Девочек было больше там, где преподавала учительница[2].

Управление учебными заведениями, кроме школ, содержавшихся казной и на местные общественные средства, ведало и *частными* школами. С частных начальных школ началось учебное дело в Ташкенте в 60-е годы. С 1876 г., когда открылись прогимназии, частных русских школ в Ташкенте не было до 1887 г.; в этом же году открылась частная начальная школа, просуществовавшая до 1891 г. В 1892 г. в Ташкенте открылись две частные русские начальные школы; на базе одной из них в 1905 г. организовалась частная женская прогимназия О. П. Михайловской. Из частной начальной школы, открытой в 1903 г., развивалась частная женская прогимназия Л. Ф. Гориздро (с 1907 г.). Другие русские частные начальные школы открывались в Ташкенте в 1900, 1902, 1903 гг.; существовали они от года до 7 лет[3]. Обычно эти школы относились к типу «частных училищ III разряда» и готовили детей обоего

[1] Можно допустить, что в таких поселениях отдельные девочки учились в школе, которая официально называлась мужской (см. выше, стр. 112).

[2] С. Граменицкий, Очерк, стр. 42—43.

[3] А. И. Добросмыслов, Ташкент в прошлом и настоящем, Ташкент, 1912, стр. 206—211.

пола к поступлению в средние учебные заведения. По краю в 1904 г. насчитывалось 5 частных школ (179 учащихся).

Священники гарнизонных церквей ведали первыми русскими школами «Сыр-Дарьинской линии», открытыми в 1860 г. В 1882 г. в Семиречье открылась первая сельская *церковная* школа (в селении Зайцевском, Верненского уезда). В 1884 г., когда реакция в лице Победоносцева начала насаждать церковноприходские школы по России, в Семиреченской области были открыты три такие школы. К 1 января 1900 г. в Туркестанской епархии (возглавлявший ее епископ проживал в Верном) числилось 42 церковноприходские школы с 1650 учащимися; из них три находились в Сыр-Дарьинской области, а все остальные — в Семиречье [1].

Кроме церковноприходских школ, находившихся в ведении Синода, имелись в Аму-Дарьинском отделе среди сосланных туда в 1875 г. уральских казаков-староверов домашние школки старинного типа, где преподавалась церковнославянская грамота по религиозным книгам. В этих школках в 1898 г. числилось 40 учащихся [2]. Были такие школки в 90-х годах и в низовьях Сыр-Дарьи [3].

С проведением в Туркестане железной дороги, по которой движение от Красноводска до Асхабада было открыто в 1885 г., до Самарканда в 1893 г., до Андижана в 1898 г. и Ташкента в 1899 г., стали появляться начальные школы *железнодорожного* ведомства.

Сеть средних школ. Обеспечить образование детям русских офицеров, чиновников и коммерсантов в Туркестане было для администрации края первейшей из школьных забот. В данном случае речь шла о среднем образовании.

В первые годы дети привилегированных русских семей из Туркестана отправлялись на учебу в Европейскую Россию, главным образом в Оренбург, где был создан 2-й кадетский корпус специально для туркестанцев, имелось и закрытое женское учебное заведение — институт, куда принимались дочери дворян потомственных и личных (т. е. офицеров и чиновников, не бывших потомственными дворянами), а также духовенства и купечества. В 1878/79 учебном году в Оренбурге и других российских городах обучалось 26 мальчиков и 11 девочек из Ташкента, что составляло в русской части города меньше $^1/_{10}$ всех детей школьного возраста привилегированных

[1] ТВ, 1901, № 40.

[2] «Всеподданнейший отчет военного губернатора Сыр-Дарьинской обл. за 1898 г. О школах уральцев см. стр. 27—28 в кн.: Ж. Урумбаев, Очерки по истории народного образования и школы в Кара-Калпакии, Нукус, 1959.— *Ред.*

[3] И. Аничков, Забытый край, в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской обл.», V, стр. 38—39.

сословий [1], так как младшие дети с осени 1876 г. стали обучаться уже в ташкентских прогимназиях. В августе школьная молодежь ехала группой из Ташкента в Оренбург, в мае — обратно; с августа 1876 г. такие «оказии» отправлялись из Самарканда и Нового Маргелана в Ташкент, в мае — назад.

Ташкентская мужская прогимназия стала восьмиклассной гимназией с 1881 г., женская прогимназия именовалась семиклассной гимназией с 1877 г. Параллельно с ташкентскими развивались в Верном мужская гимназия (прогимназия открыта в 1876 г.) и женская гимназия (прогимназия открыта в 1877 г., преобразована в семиклассную гимназию в 1879 г). Затем были созданы мужская и женская гимназии в Асхабаде. В 1900 г. мужские и женские прогимназии появились в Самарканде и Новом Маргелане. Таким образом, к началу XX в. средние учебные заведения были во всех областных городах Туркестана.

В Ташкенте в 1894 г. открылось реальное училище, в 1900 г. — Ташкентская приготовительная школа 2-го Оренбургского кадетского корпуса, ставшая в 1904 г. самостоятельным кадетским корпусом.

В *Закаспийской области,* которая до 1897 г. в Туркестанское генерал-губернаторство не входила, первая русская начальная школа открылась в 1882 г. в Кызыл-Арвате, где разместились паровозное депо и ремонтные мастерские строившейся от Каспийского моря железной дороги. В 1904 г. в Закаспийской области было две гимназии с 830 учащимися и 41 начальное русское училище (из них 10 русско-туземных школ) с 2189 учащимися (в том числе 162 туркмена и 31 казах) [2].

Во всех областях Туркестана в начальных и средних русских школах обучалось некоторое число детей местных национальностей. (См. ниже, стр. 224—230).

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ УЧАЩИХСЯ В РУССКИХ ШКОЛАХ ТУРКЕСТАНА и ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К ШКОЛЕ [3]

Через официальную статистику царского времени трудно увидеть реальную картину социального состава учащихся, так как эта статистика группировала школьников формально — по сословным (паспортным) признакам родителей. Вот, например, состав учащихся средних школ Туркестана в 1904 г. по отчету Министерства просвещения:

[1] ТВ, 1879, № 18.

[2] Данные из «Обзора Закаспийской области за 1904 г.» цитир. по книге: А. Каррыев и А. Росляков, Краткий очерк истории Туркменистана. 1868—1917, Ашхабад, 1956.

[3] Написано по материалам Н. П. Архангельского.

Таблица 4

	Учащиеся (в проц.)		
	мужских гимназий	женских гимназий	реальных училищ
Дворян и чиновников	47,5	59,8	56,9
Духовенства	3,1	2,8	0,7
Городских сословий	27,9	27,8	41,9
Сельских сословий .	14,6	9,2	0,5
	93,1	99,6	100,0

В этой классификации в одну рубрику «городских сословий» попадали и дети купцов разного достатка и дети мещан; а мещанин мог быть и кустарем-хозяйчиком и наемным рабочим или служащим, мог быть бедным или богатым. Пестрой была и категория «сельских сословий»: к ней относились и сельский кулак, пославший сына учиться в город, и крестьянин-бедняк, работающий сторожем гимназии и поэтому устроивший туда своего сына. Разные «чиновники» и «дворяне» также могли стоять на далеких друг от друга ступенях материального благополучия.

Высшая туркестанская администрация отнюдь не благоволила к тому, чтобы в средние школы проникали дети «простолюдинов».

Характерной была борьба по вопросу об обучении в гимназии воспитанниц ташкентского детского приюта. В 70-х годах видные «благотворительные дамы» возражали, и весьма энергично, против гимназического образования для «приютянок», считая, что их надо растить на роль домашней прислуги, прачек и т. д.; некоторые администраторы, например губернатор Сыр-Дарьинской области В. Н. Троцкий, защищали право этих девочек учиться в гимназии [1]; в 80-х годах «гимназистки» из приютов постепенно были ликвидированы [2].

Однако в среде «простолюдинов» росло стремление к тому, чтобы их дети через среднюю школу «вышли в люди».

В Ташкенте тяга в среднюю школу была особенно сильна: в большинстве мужских и женских гимназий Европейской России учащихся меньше, чем в ташкентских, писала местная газета в 1885 г., № 43. Циркуляр Министра просвещения в первой половине 80-х годов говорил об этой тяге в общероссийском масштабе, указывая директорам гимназий, что стало наблюдаться «чрезмерное увеличение учащихся в средних учебных заведениях... и... преимущественно детей таких лиц,

[1] Н. П. Остроумов, Воспоминания, стр. 179 и 190.
[2] ТВ, 1886, № 28.

которые принадлежат к менее состоятельным в имущественном отношении классам».

Дети «простолюдинов» продолжали тянуться к среднему образованию. В Ташкентской мужской гимназии за последние 4 года около 30% «дети низшего сословия», отмечалось в «Туркестанских ведомостях» в 1887 г., № 40.

Изданный в том же году циркуляр реакционного министра просвещения Делянова, по-видимому, повел к уменьшению числа «кухаркиных детей» в ташкентских гимназиях.

Прогрессивная общественность старалась помочь детям бедноты получить образование. В Ташкенте с 1877 г. существовало «Общество вспомоществования учащимся». Подобные общества возникли и в других городах края.

Однако русские «простолюдины» в городах Туркестана в XIX в. стремились устроить в среднюю школу главным образом сыновей; дочерям некоторые вообще не давали образования. Об этом свидетельствует анализ статистики на 1 января 1896 г. по школам Нового Маргелана [1]. Там имелись две русские школы: для мальчиков — городское четырехклассное училище, а для девочек — мариинское училище; в мужской школе — 84 учащихся, в женской — только 70. К тому же в городском училище состав учащихся был относительно демократический (56 сыновей мещан, крестьян и купцов и 25 сыновей дворян, чиновников и духовенства), а в мариинском училище — наоборот (45 дочерей дворян, чиновников и духовенства и 25 дочерей мещан, крестьян и купцов); привилегированная часть населения Нового Маргелана сыновей посылала учиться тогда в Ташкент и Оренбург, а дочерей отдавала обычно в местное мариинское училище. Следовательно, многие девочки новомаргеланских русских «простолюдинов» в 1895 г. были вне всякой школы.

Весной 1879 г. в русской части Ташкента подворный обход установил, что из детей старше 8 лет нигде не обучается почти одна пятая. Это были дети беднейших семей. Тогда же была выявлена безнадзорность значительной части детей в Ташкенте, в том числе детей мелких чиновников, формально принадлежавших к «привилегированным» [2]. Если из числа зарегистрированных детей школьного возраста исключить тех, кто учился в средних учебных заведениях, и тех, кто получал домашнюю подготовку к средней школе, то остальных можно считать детьми «простолюдинов»; из этих-то детей нигде не училась почти половина. Можно не сомневаться, что не охваченные школой юные русские ташкентцы в 1879 г. были, как правило, девочки. Родители не учили их, хотя до 90-х годов плата за обучение в начальных школах Туркестана не взима-

[1] С. Граменицкий, Очерк, стр. 84.
[2] ТВ, 1879, № 18.

лась. С проведением железной дороги в городах Туркестана увеличивается количество русских рабочих. Уже в 1898 г., когда в Ферганскую долину ходили первые рабочие поезда, корреспондент ташкентской газеты пишет о Коканде и Новом Маргелане: «Простого люда у нас больше, чем людей образованных. Люд этот почти поголовно грамотен и посещает читальню»[1]. Это означало, что в городах Ферганской долины появился отряд русского рабочего класса, численностью больший, чем служилая интеллигенция, почти поголовно грамотный, в отличие от прежних русских «простолюдинов» в крае.

В Самарканде в 1897—1898 гг. при проведении народных чтений «самый большой успех имели чтения на вокзале, где живет много рабочего люда, низших служащих, являющихся очень охотно в аудиторию»; собиралось иногда до 150 человек, в том числе до половины и более — дети[2].

Иное отношение к школе наблюдалось в Туркестане среди зажиточного сельского русского населения. Выше показано, что русские переселенцы в Семиречье пренебрегали женским образованием. Но и к обучению сыновей они относились плохо: это вызвало приказы губернаторов — Семиреченской области в 70-х годах и Закаспийской области в 1895 г.— о понуждении русских поселенцев посылать детей в школу. В декабре 1879 г. генерал-губернатор дал распоряжение губернаторам «Об оказании содействия учебному начальству к тому, чтобы ученики аккуратно посещали классные занятия»; там говорится: «Учащиеся... нередко по целым месяцам не посещают уроков, и родители их относятся весьма беспечно к этому»[3]. В 90-х годах жалобы на разные проявления невнимательности к школе со стороны этой части населения стали обычны на страницах «Туркестанских ведомостей». В октябре 1898 г. газета писала, что крестьяне весьма неохотно и только из-под палки производят скромные расходы на школу, хотя «население большинства наших (т. е. туркестанских. — *Ред.*) сел пользуется таким благосостоянием, какого оно не имело на родине». В декабре газета возмущалась тем, что переселенцы крайне неисправно посылают детей в школу, некоторые дети остаются вовсе неграмотными. В начале 1899 г. редакция резюмировала несколько писем учителей и грамотных крестьян из туркестанских сел: «Широкое и неумеренное употребление крепких напитков, азартные игры, равнодушие, а часто и прямо враждебное отношение к школе — вот общий печальный фон...»[4].

[1] «Туркестанский курьер», 1898, № 14.
[2] ТВ, 1899, № 12.
[3] «Памятная книжка на 1879/80 учебный год».
[4] ТВ, 1898, № 73 и 93; 1899, № 13.

Такие отрицательные явления в жизни русской деревни в Туркестане коренились в паразитическом существовании немалой части русских переселенцев, эксплуатировавших местное коренное население. Этот паразитизм был проанализирован еще в «Отчете» первого туркестанского генерал-губернатора Кауфмана, где повторены слова первого семиреченского губернатора Колпаковского: «Быть в казачьем сословии в то время (в 50—60-х годах) значило быть в школе всевозможных притеснений киргиз»[1].

Однако туркестанская администрация, признавая грехи русских переселенцев кулацкого типа, тем не менее продолжала считать их опорой русского влияния в крае, а они продолжали и в 90-х годах тот «стиль» жизни, при котором школа не нужна, а идущее от нее культурное влияние воспринимается враждебно.

УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В РУССКИХ ШКОЛАХ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ

Начальные и средние школы в Туркестане для русского населения были организованы на основании общих уставов учебных заведений Министерства народного просвещения Российской империи. Мы не будем углубляться в детали учебной жизни и в программы отдельных предметов русских школ Туркестана, а остановимся на тех особенностях учебно-воспитательной работы, которые были характерны для русских учебных заведений в условиях Средней Азии. Чтобы представить себе общее направление учебно-воспитательной работы в школах Туркестанского края, надо вспомнить политическую обстановку в России в 70—80-х годах XIX в., когда формировалась школьная сеть в Туркестанском крае.

В 60-е годы последовала реформа русских общеобразовательных школ; эта реформа учебных заведений была составной частью более общих политических и социально-экономических преобразований в России: отмены крепостного права, введения суда присяжных, учреждения органов земского самоуправления и др. Все эти изменения были «шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию»[2]. Прогрессивным шагом в этом же направлении явилось издание нового «Устава гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения» и нового «Положения о начальных народных училищах» 1864 г. Новый закон о начальной школе

[1] Кауфман, Проект, стр. 156. Здесь стоит отметить, что цитируемый «Проект всеподданнейшего отчета» Кауфмана составлен П. И. Хомутовым, бывшим ссыльным студентом.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 88.

устанавливал право отдельных министерств, городских и сельских обществ и частных лиц учреждать в городах и селах начальные училища разных наименований на свои средства или с помощью казны. Общественной инициативе в школьном деле был дан известный простор, хотя управление и заведование начальными училищами было поставлено под строгий бюрократический контроль. Реформе средних учебных заведений также было дано буржуазное направление. Уставом 1864 г. создавались два типа средних учебных заведений: классические гимназии и реальные — почти равноценные в объеме общеобразовательных знаний и равноправные в отношении к высшей школе.

Со второй половины 60-х годов реакционные круги крупного дворянства усилили давление на правительство. Выстрел студента Каракозова в царя Александра II в 1866 г. дал повод для открытого наступления на проведенную школьную реформу 1864 г. Министерство просвещения возглавил граф Д. А. Толстой, вождь крепостников-помещиков, совместивший управление Министерством народного просвещения с должностью обер-прокурора святейшего синода. Чтобы отвлечь внимание учащейся молодежи от политических и социально-экономических вопросов, Толстой стал насаждать в средней школе классицизм. В 1871 г. он провел через Государственный совет новый «Устав гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения», и основным типом средней общеобразовательной школы стала семиклассная, а с 1875 г. восьмиклассная классическая гимназия, представлявшая собой яркий образец схоластической школы, в которой господствовал бездушный формализм в обучении и полицейский сыск в воспитании. Следующая выписка из учебного плана классических гимназий по уставу 1871 г.[1] красноречиво свидетельствует о том, сколько времени убивали учащиеся этих гимназий на мертвые языки (см. табл. 5, на стр. 125).

Классические гимназии предназначались для детей высшего и среднего дворянства. Для детей интеллигенции и средней буржуазии в 1871 г. было восстановлено реальное училище с узкопрактическим направлением учебного курса. В 1872 году были учреждены городские училища для детей мелкой городской буржуазии, рабочих и городской бедноты. В программе этих школ смешано элементарное общее образование с профессионально-техническим обучением. Наконец, в 1874 г. был переработан устав начальных народных училищ 1864 г. в сторону усиления в этих школах правительственного надзора. Главная цель школьных контрреформ министра Толстого заключалась в стремлении разъединить общественные классы и сословия, восстановить дореформенный сословный общественный строй, закрепить для каждого сословия определенный тип учебного заведения: общественным «верхам» обеспечить классическое образование и дорогу в университеты, а «низам» — профессионально-техническое и ремесленное обучение. Реформы Толстого ставили также задачу изолировать молодежь от развития наук и отвлечь ее от острой классовой борьбы, которая стала приобретать, как известно, боевой политический характер. Развитие капиталистических отношений в России опрокидывало отжившие сословные перегородки, требовало повышенного общего образования для всех общественных профессий и специальностей.

[1] Н. А. Желваков, Хрестоматия по истории педагогики, т. IV, ч. II, М., 1938, стр. 30.

Таблица 5

Предметы	Число обязательных для учеников уроков в неделю
1. Закон божий	13
2. Русский язык с церковнославянским	24
3. Краткие основания логики	1
4. Латинский язык	49
5. Греческий язык	35
6. Математика с физикой, математической географией и кратким естествознанием	37
7. География	10
8. История	12
9. Французский язык или немецкий	19
10. Чистописание	5

После убийства Александра II в марте 1881 г. руководящую роль в области народного образования приобрел обер-прокурор синода К. П. Победоносцев, реакция еще более усилилась. Первый удар был направлен против начальной школы: в противовес земской народной школе церковноприходская школа правительством была признана более надежной. В 1884 г. были изданы «Правила о церковноприходских школах», определившие задачи этих школ и жалкий объем знаний. В 1885 г. был учрежден училищный совет при святейшем синоде и на содержание церковноприходских школ стали ежегодно отпускать громадные государственные средства. Однако вытеснить земскую школу и заменить ее церковноприходской школой, которую народ прозвал духобойней, Победоносцеву не удалось.

По личному требованию царя Александра III стали сокращать число мужских гимназий и прогимназий, затруднять поступление в гимназии детей неимущих классов. Министр про-

свещения Делянов распорядился закрыть подготовительные классы при гимназиях и прогимназиях, издал циркуляр о недопущении в средние учебные заведения детей родителей, занимающихся «низкими и предосудительными» профессиями (детей поваров, прачек и т. д.). За 15 лет своего управления министерством Делянову удалось сократить число средних учебных заведений на 10, а количество учащихся — на 14 500 человек, повысить процент учащихся дворян в гимназиях с 47,6 в 1880, до 56,2 в 1892 г.

До начала XX в. царское правительство вело упорную борьбу с народным просвещением, с нарастающим революционным движением среди учащейся молодежи, которое являлось отражением приближавшейся революции 1905 года. Отметим, что 80-е и 90-е годы в политической жизни России известны подъемом в правящих дворянских кругах волны великодержавного национализма: устройством еврейских погромов, преследованием поляков, литовцев, украинцев, армян, грузин и других народов, запрещением родных языков в школах и общественной жизни и т. д.

В таких общественно-политических условиях возникла и стала развиваться система русских школ в Туркестанском крае; общее реакционное направление правительственной политики в области народного образования получило, конечно, большой резонанс и в учебно-воспитательной работе начальных и средних школ Туркестанского края. Однако полицейские меры школьного начальства не могли закрыть доступ в среду учащихся и передовых учителей революционно-демократических идей, шедших из среды рабочего класса России.

ШКОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ «НИЗШИХ КЛАССОВ». НАЧАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ

Усиление общей реакции с конца 60-х годов получило своеобразное отражение в школьной политике высшей администрации Туркестанского края. Генерал-губернатор Кауфман лично оказывал реакционное влияние на социальный состав учащихся средних школ края, на политическое направление учебно-воспитательной работы в начальных и средних школах.

Остроумов приводит факт, относящийся к 1878 г.: «18 февраля главный инспектор А. Л. Кун сообщил мне, что генерал-губернатор Кауфман убежден в бесполезности классического образования для детей низшего сословия и потому с крайней неохотой допускает их в гимназию. Генерал желает, чтобы дети низшего сословия ходили в низшие школы и обучались бы там обязательно разным ремеслам, *переходя от одного ремесла к другому*»[1]. К этим словам Куна Остроумов делает примечание: «Мне самому потом приходилось неоднократно слышать этот взгляд лично от генерал-губернатора и особенно по поводу подаваемых ему прошений о пособиях на воспитание детей: если проситель принадлежал к низшему сословию, а желал определить сына или дочь в гимназию и просил пособия на форменную одежду или на плату за учение, то генерал отказывал и рекомендовал отдать ребенка в училище, где платы за обучение не берут и форменного платья не требуют».

Эта запись в дневнике Остроумова заканчивается примечательным сообщением: «Что же касается вообще обучения детей в гимназии, то покойный генерал-губернатор на 10 лет предупредил циркуляр министра народного просвещения от 18 июня 1887 г. за № 9255, в котором было высказано несочувствие поступлению в гимназии детей низших сословий». Остроумов здесь говорит об известном циркуляре министра Делянова («о кухаркиных детях»), в котором Делянов выполнил приказ Александра III очистить гимназии от детей податных сословий и придать им строго дворянский характер.

Для отвлечения от гимназии детей мещан и крестьян Кауфман распорядился открыть в Ташкенте четырехклассное шестигодичное городское училище (1879). Затем было утверждено «Временное положение о ремесленных классах училищ Туркестанского края». Задача этих классов — развить в массах населения г. Ташкента технические и ремесленные практические знания. В ташкентском училище мастера стали преподавать переплетное, столярное, токарное, сапожное и бондарное ремесла.

Переходя к анализу идеологического содержания учебно-воспитательной работы в начальных школах Средней Азии, отметим ярко выраженный религиозно-монархический дух, насаждение которого в этих школах Кауфман считал очень важным. В 1878 г. в г. Верном состоялся съезд учителей начальных училищ Семиреченской области. По указанию Кауфмана, его чиновники учебного ведомства подготовили «Руководящие наставления председателю учительского съезда», в котором читаем: «Вообще школьным учителям на съезде необходимо выяснить при преподавании отечественной истории, что задача русской государственной школы состоит не в образовании и развитии какого-то неопределенного и безличного «человека», а в развитии и образовании истинно русского верноподданного государю, преданного сына церкви и отечества — словом, истинного русского гражданина, любящего свое отечество, уважающего его законы и готового жертвовать собой и своим достоянием в пользу родной земли»[1].

[1] Н. П. Остроумов, Воспоминания, стр. 38. Курсив наш.— *Ред.*

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 166, Об устройстве в г. Верном летом 1878 г. съезда учителей низших училищ Семиреченской области.

Эту православно-монархическую директиву начальника края некоторые инспектора и заведующие школами проводили с большим усердием. Инспектор училищ Ферганской области писал в годовом отчете, что в воспитательном отношении в школах стремились развить в детях «чувство благоговейной любви и преданности престолу и отечеству, привить им твердые навыки религиозно-нравственного долга, направить волю к сознательной деятельности и труду». А вот более позднее «наставление» главного инспектора училищ Туркестанского края учителям школ и заведующим: «В видах укрепления верноподданнических чувств и усвоения надлежащих понятий о государственном и гражданском строе родной страны, все учащиеся как русские, так и туземцы, обязательно запоминали бы, при каждом удобном случае, имена и титулы государя императора, государыни императрицы и наследника цесаревича и тех высокопоставленных особ, светских и духовных, которые управляют в крае, с показанием административного значения их»[1].

Приведем еще выдержку из программы курса «отечественной истории» для двухклассных приходских училищ, утвержденной краевым начальством в 90-х годах: «Преподаватель должен везде руководствоваться тою мыслью, что богом хранимый русский народ, несмотря на все встречающиеся на пути его развития удары, тем не менее, руководимый могучими и добрыми государями, стяжал славу и достиг настоящего могущества, оставаясь твердым в православной вере»[2].

Школы в Туркестане в 1878/79 учебном году. В конце 1878 г. инспектор народных училищ Туркестанского края Остроумов осмотрел школы Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей и оставил описания этих школ[3].

Вот Чимкентское городское двухклассное по закону 1872 г. училище; в нем три преподавателя и 22 учащихся, из них 6 казахов и 3 узбека. Учебная часть ведется согласно программам предметов по положению городских училищ. Большинством учащихся преподаваемые предметы усваиваются удовлетворительно. Преподаватели знакомы с новейшими способами преподавания и ведут последние с успехом; устное преподавание идет в связи с письменными упражнениями; наглядности в преподавании отведено должное место. Сделав описание здания, теплых, сухих и светлых классов Чимкентского училища, классной мебели, Остроумов заканчивает: «Вообще в настоящем своем виде Чимкентское училище, несмотря на недавнее свое существование, успело уже заявить себя как в среде русского населения города, так и в среде туземцев».

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 838, Опись управления учебными заведениями Туркестанского края, 1890.

[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 235.

[3] Начальные училища в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях в X и XI 1878 г. ЖМНП, 1879, VII (Из отчета инспектора народных училищ Туркестанского края [Н. П. Остроумова]).

Давая краткое описание одноклассному трехгодичному женскому училищу в том же Чимкенте, Остроумов пишет, что подробной программы в школе нет. В чтении и письме ученицы второго отделения упражнялись по «Родному слову» Ушинского, а в третьем отделении (третий год обучения) — по книге Водовозова. «Письменные упражнения ведутся исправно и правильно и состоят, начиная простым списыванием с книги, в составлении кратких ответов на заданные вопросы и в письменном изложении прочитанного с применением к письму основных этимологических и синтаксических правил». Кроме того, ученицы упражнялись в диктовке, в заучивании на память басен и стихотворений и в чистописании. Вообще занятия по русскому языку идут успешно, но более всего обращает на себя внимание отчетливое и выразительное произношение заученных басен и стихотворений, что вообще встречается редко.

Арифметикой занимались по учебникам Евтушевского, проходя все четыре действия, решали устные и письменные задачи, знакомились с мерами длины, веса и времени. По пению в училище «не заметно особенных успехов, ученицы умеют петь несколько молитв, «народный» гимн[1] и две-три народные песни, причем обнаруживают достаточно смелости и искусства. Рукоделия поставлены правильно: ученицы, главным образом приучаются шить и вязать необходимые в домашнем быту вещи и исполняют свои работы под руководством своей учительницы аккуратно».

В Аулие-Атинском двухклассном пятигодичном училище для мальчиков Остроумов нашел 29 учащихся; из них 6 детей казахов, один татарин, остальные русские. Училище было открыто только в октябре 1878 г. Чтение и письмо велись по книге Бунакова, арифметика — по книге Евтушевского. Преподаватели ведут преподавание, пишет Остроумов, с помощью наглядных пособий и хотя не отличаются большой опытностью, так как не имели достаточной практики, но «можно надеяться, что при усердии опытность их увеличится, и недостатки в преподавании уничтожатся». В школе введено обучение столярному и токарному ремеслам. Училище помещается в собственном каменном с железной крышей здании — просторном, сухом, теплом, светлом; расположение комнат удовлетворяет педагогическим и гигиеническим требованиям школы; в библиотеке училища 49 названий. По словам Остроумова, наглядными пособиями, кроме пособий по арифметике, училище снабжено в достаточном количестве.

Последним в Сыр-Дарьинской области Остроумов осмотрел женское одноклассное приходское училище в Аулие-Ата;

[1] «Боже, царя храни...»

в нем 11 девочек — дочерей местных чиновников и мещан. Преподавание учебных предметов, пишет он, ведется вообще правильно, учительница знакома с современными способами преподавания, обладает педагогической опытностью, преподавание оживляет беседами с ученицами о наглядных предметах при помощи имеющихся в училище пособий. Внешний порядок в классе удовлетворителен; одежда учеников чистая и опрятная; классная мебель — нового устройства по системе доктора Эрисмана.

Приведенные сведения о состоянии школ Сыр-Дарьинской области в 1878/79 учебном году, записанные Остроумовым при их осмотре, свидетельствуют о том, что начальные училища в отношении внешней стороны учебного дела находились в достаточно удовлетворительном состоянии.

В Семиреченской области Остроумов осмотрел 14 начальных русских школ и один пансион для казахских детей. Отметим наиболее важные для нашей темы стороны учебно-воспитательной работы в этих школах.

Первое, что обращает на себя внимание в школьном деле Семиреченской области,— это низкий общеобразовательный уровень учителей школ: в 14 школах и пансионе было всего 24 учителя, из них один имел университетское образование (заведующий Копальским городским училищем), один — из учительского института, один имел звание учителя, а 21 человек из преподававших не имели звания учителя, из них 2 имели среднее образование, а 19 — низшее. Нередко Остроумов дает такие характеристики учителям: «Учитель человек молодой (18 лет) и хотя малосведущий и малограмотный, но весьма старательный. Педагогической опытности имеет мало, так как учительствует лишь полгода и училищная библиотека не дает ему никакой возможности к самообразованию» (начальная школа в Илийском выселке). Об учителе начальной школы в выселке Карабулак в отчете сказано: «Школа находится в заведовании учителя-казака[1], окончившего курс в приходском училище и не имеющего учительского звания; он не обладает ни сведениями, ни умением вести школьное дело, хотя относится к делу усердно».

Или вот характеристика школы в Сарканской станице: школой заведует местный священник, не окончивший курса духовной семинарии, он числится законоучителем — преподавателем и миссионером по отношению к китайским эмигрантам (калмыкам), принявшим православие и поселившимся в Сарканской станице на жительство. Священник не получил полного образования, мало знаком с задачами педагогики и способами преподавания и не проявляет миссионерского такта,

[1] Речь здесь и ниже идет о русских учителях из нижних чинов Семиреченского казачьего войска.

псаломщик умеет лишь преподавать кое-как начальную грамоту, а другой помощник, казак, не отличается от первого ни развитием, ни педагогической опытностью.

Школой для девочек в той же станице Сарканской заведовала учительница, окончившая курс уездного училища; о ней Остроумов пишет: преподавание учебных предметов ведется совершенно неумело; учительница не обращает внимания на выразительность и сознательность чтения учениц, не упражняет их в самостоятельном изложении своих и чужих мыслей, а ограничивается простым списыванием с книги; мало отводит места навыку учениц в умственном счислении и в письменном решении арифметических задач; недостаточно упражняет учениц в пении и чрезмерно много занимает их рукоделием, отводя этим занятиям очень часто два утренних часа и преследуя при этом «не житейские потребности, а совершенно неприложимые ни ко времени, ни к месту задачи роскоши».

Только об учителях Верненского мужского городского училища Остроумов пишет: «Преподаватели высказали полное понимание современных требований и ведут дело толково».

Основным учебником по русскому языку в начальных школах Семиреченской области было «Родное слово» Ушинского, затем «Азбука» Бунакова и его книги для чтения, учебники Паульсона, Семенова и других передовых русских педагогов. Школы Семиречья были обеспечены наглядными пособиями хуже, чем школы Сыр-Дарьинской области, беднее снабжались книгами для организации школьных библиотек и методическими пособиями для учителей.

Школы Семиречья в 1878 г. были переполнены, что Остроумов объяснял приказом губернатора Колпаковского, обязавшим казачьи семьи посылать в школу сыновей.

Плохо обстояло дело в сельских русских школах Туркестана с продолжительностью учебного года и посещаемостью учащихся. В 1878/79 учебном году в большинстве сельских школ Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей занятия продолжались с 1 октября до 1 апреля, в апреле делали перерыв на полевые работы до 1 мая, затем продолжали учение до 1 июня. (Надо учесть, что в учебные месяцы было много праздников православной церкви и «царских дней».) По словам Остроумова, в большинстве школ этих областей дети посещали занятия аккуратно.

Несколькими годами позже школы Сыр-Дарьинской области обследовал Граменицкий. Он жалуется на плохую посещаемость школ детьми. По его словам, занятия в школах нередко начинаются лишь в конце сентября или в октябре при незначительном числе учащихся; в ноябре, декабре и январе число учащихся достигает наибольших размеров, а в марте

остается их незначительное количество, «а иногда занятия вовсе прекращаются» [1].

По мнению Граменицкого, основная причина плохой посещаемости школ учащимися — привлечение их родителями к полевым работам. Даже зажиточные семьи, которые мало нуждаются в помощи детей, не посылают их в школу «по самым маловажным и неуважительным причинам». Он предложил издать правила, устанавливающие определенные сроки приема детей в школу и окончание занятий во всех школах в установленный срок. В рапорте Граменицкого отмечено равнодушное отношение богатых крестьян к неотложным нуждам школ: большие села отказываются дать 100 руб. с раскладкой на дворы на хозяйственные нужды своей же школы.

ВЛИЯНИЕ РЕАКЦИИ 80-х ГОДОВ НА УЧЕБНОЕ ДЕЛО В ТУРКЕСТАНЕ

В Туркестанском крае первоначально для городских и сельских начальных и высших училищ были приняты за основу уставы 1872 и 1874 гг. В 1885 г. новый генерал-губернатор Розенбах отправил министру народного просвещения Делянову докладную записку о состоянии школьного дела в Туркестанском крае, где пишет: «Что же касается до городских и приходских училищ Туркестанского края, то обучение в них находится на весьма невысокой ступени развития и представляет довольно печальную картину. Не говоря уже о других предметах, крайне плохо усвояемых учениками, большинство их письменных работ буквально поражает своей безграмотностью» [2].

Розенбах недоволен тем, что, по его мнению, «учащиеся городских училищ после шестилетнего курса отвыкают от физического труда, стремятся к легким профессиям, поэтому мало принесут пользы для края». Причины плохой успеваемости Розенбах видит в «серьезности и обширности программ городских училищ, недоступных детям местного русского городского населения», «которое состоит из самых неразвитых элементов: крестьян, редко мещан, но всего более казаков и отставных солдат».

В рассуждениях Розенбаха чувствуется отражение общего реакционного курса правительства Александра III, деятельность которого тогда вдохновлял обер-прокурор святейшего синода Победоносцев, министр внутренних дел Д. А. Толстой

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 166, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края.

[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 705, О преобразовании ферганских городских училищ в приходские для совместного обучения, 1885.

и министр народного просвещения Делянов, превративший свое министерство в подсобный орган Министерства внутренних дел и изгонявший детей неимущих классов из гимназий.

Розенбах провел «преобразование» шести- и пятигодичных женских и мужских училищ в небольших городах в четырехлетние начальные приходские школы для детей обоего пола и издал приказ о замене программ, утвержденных Кауфманом, новыми программами. «Программы эти,— пишет Розенбах о прежних программах,— по обширности и нецелесообразности своей для училищ мною заменены с согласия Министерства народного просвещения» [1].

Новые программы для городских школ были еще ниже по научному уровню, чем программы, составленные при Кауфмане. В учебном плане, утвержденном при Розенбахе, предметы распределялись по следующей учебной сетке часов:

Таблица 6

ЧИСЛО НЕДЕЛЬНЫХ УРОКОВ

Предметы	по отделениям*				Всего по предметам
	1	2	3	4	
1. Закон божий	6	6	4	3	19
2. Русский язык	8	8	6	6	28
3. Арифметика и элементарная геометрия	6	6	5	5	22
4. География	—	—	2	2	4
5. История	—	—	2	2	4
6. Рисование и черчение	—	—	2	2	4
7. Естественная история	—	—	2	3	5
8. Пение, гимнастика и рукоделие	4	4	4	4	16
	24	24	27	27	102

* Отделение — группа начальной школы одного года обучения.

Та же операция была проделана и с двухклассными приходскими сельскими школами: они были сделаны четырехгодичными, а не пятигодичными, как в Европейской России. Таким образом, уменьшение количества лет обучения и снижение образовательного уровня русских начальных школ явились характерной чертой школьной системы в Туркестане до революции 1905 года.

Другой отрицательной особенностью русских начальных школ края была ранняя профессионализация. Управление учебными заведениями края издало документ: «Объяснительная записка к программам приходских училищ Туркестанского края». В этой записке сказано: «Ввиду желания главного начальника края придать туркестанским училищам более про-

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 235, 1879—1893.

фессиональный характер, предлагается в тех училищах, у которых найдутся средства, ввести обучение ремеслам и сельскому хозяйству» [1].

Ремесленный характер русские городские училища получили при Кауфмане [2]. Его преемники, особенно Розенбах, продолжали линию Кауфмана: к 1 января 1888 г. в городских училищах из 528 учащихся обучалось ремеслу 230.

В середине 80-х годов *по всей России ремесленные классы были открыты при* 10% *городских училищ, а по Туркестану — при 90% их* (в круглых цифрах). Обучение ремеслу, являясь для ученика необязательным, охватывало в 1886 г. более 32% всех учащихся мужских городских училищ Туркестана, а в 1887 г. более 41%. К занятиям ремеслом допускались желающие всех шести лет обучения, даже с 7-летнего возраста; в 1886 г. в ремесленных классах преобладали старшие ученики, а в 1887 г.— младшие. Занимались ремеслом по 2—3 часа в день, в большинстве училищ ежедневно, в некоторых — через день. Ученикам, малоуспевающим по общеобразовательным предметам, разрешалось изучать ремесло специально, по 5—6 часов в день; такие ученики только 1 час в день занимались законом божьим, русским языком «в пределах простой грамотности», начальной арифметикой и черчением; среди таких учеников встречались 19-летние. Реакционный апологет ремесленного обучения писал в «Туркестанских ведомостях» в 1886 г. про учащегося из бедноты: «Чем он приспособленнее будет к делу ...тем более он будет застрахован от всяких «путаничеств» в практике жизни». В 1900 г. предложение о реорганизации Ново-Маргеланского мужского городского училища (в связи с открытием в городе гимназии) в ремесленное училище встретило в газете отповедь учителя Ващенко, защищавшего право детей «низшего сословия» на общее образование [3].

Средние учебные заведения. Средние школы Туркестанского края были заполнены главным образом детьми русского населения, и к ним Управление учебными заведениями края применяло общие требования средних учебных заведений Министерства народного просвещения и других ведомств. Некоторые отступления освещены ниже.

За отдаленностью от Петербурга Кауфман, имея огромные полномочия в ряде вопросов, сам давал ташкентским и верненским гимназиям распоряжения, утверждал инструкции, основанные на документах Министерства просвещения или же отражавшие местную инициативу.

Кауфман сочувственно относился к установлению контакта между средней школой и семьей. По его предложению при гимназиях Туркестанского края стали устраиваться *педагогические беседы для родителей.* Он разрешил напечатать в «Туркестанских ведомостях» обращение к родителям принять участие в этих беседах. Цель педагогических бесед — дать возможность родителям и родственникам воспитывающихся в гимназиях детей познакомиться ближе с внутренней жизнью учебных заведений, «дать возможность открыто обменяться мыслями по разным вопросам воспитания и обучения» [1]. Было выработано «Положение об открытых педагогических беседах при средних учебных заведениях Туркестанского края», утвержденное Кауфманом в декабре 1880 г.

Первым поводом этого дела, необычайного в России 80-х гг., были 4 случая самоубийства учащихся ташкентских гимназий в начале 1880 г. [2] Кауфман лично беседовал с гимназистами, а учителей просил «вести свое дело с сердечною любовью к детям, со вниманием к их нуждам и всегда приходить им на помощь». Педагогическим советам были поручено дать предложения по борьбе с самоубийствами. Тогда и был поставлен в Ташкенте вопрос о связи школы с семьей.

В масштабе всероссийском это совпало с началом кратковременной «либеральной» диктатуры Лорис-Меликова. Реакционнейший министр просвещения Д. Толстой ушел, а его преемники заговорили о единении школы и семьи [3].

Ежемесячные открытые педагогические беседы учительского состава с родителями учащихся начались в ташкентских гимназиях в октябре—ноябре 1880 г. Скорое их прекращение было связано не только с абсентеизмом многих родителей и с прохладным отношением гимназического руководства; в содержании бесед сказались пороки, обусловленные политическим режимом: в мужской гимназии педагоги уклонялись от щекотливых вопросов (оживление между родителями и учителями возникало в кулуарах, после закрытия официальной беседы).

---

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 235, с программами преподавания в двухклассных приходских училищах, представленными в министерство, 1879—1893.

[2] Кроме удержания «простолюдья» от средней школы, целями ремесла в начальных школах края были: а) привлечение «туземцев», б) обучение ремеслам, для края новым.— *Ред.*

[3] ТВ, 1879, № 5; 1886, № 5, 26, 38 —42, 47; 1887, № 12, 13; 1888, № 17, 18; 1900, № 15 и 18.

[1] ТВ, 1880, № 51.

[2] В Историческом архиве УзССР (ф. 47) в 1935 г. А. Я. Мацкевич нашла дело: «О случаях самоубийства в ташкентских гимназии и прогимназии. Педагогические беседы». Некоторые данные по делу есть в «Воспоминаниях» Остроумова, стр. 136—139 и 173—178. См. также: ТВ, 1880, № 4; 1881, № 40, 44; 1882, № 10, 11; 1884, № 48; 1885, № 10; газ. «Русский Туркестан», 1905, № 9.

[3] Министр Сабуров в августе 1880 г. говорил, что «единения с требованиями общества недостает нашим гимназиям» (журн. «Народная школа», 1880, № 11 и 1881, № 5), а министр Николяи в циркуляре (5.V. 1881, № 5562) писал: «Жизнь училищ должна быть открыта общественному взору».

В 1883 году инспекция училищ края [1] подняла вопрос о возобновлении бесед с родителями, осведомившись, как проводились такие беседы в Кавказском учебном округе, где они начались в 1879 г. по инициативе попечителя округа Яновского [2]. После согласований беседы для родителей в ташкентских гимназиях возобновились в 1884/85 учебном году. В отличие от 1880/81 учебного года, они начались раньше в мужской гимназии, так как новый директор, Н. П. Остроумов, сочувствовал идее связи школы с семьей (его предшественник, Янко, считал беседы с родителями вредными, способными «унизить в глазах общества деятельность педагогического персонала»).

И теперь на содержание бесед отрицательно влияла политическая реакция: в женской гимназии учительница разочаровала родителей из «простонародья», доказывая, что их дочерей не надо отдавать в гимназию.

В1880/81 учебном году беседы проходили строго официально: учителя — в форме, за зеленым столом; беседа сводилась к ответам на вопросы родителей, заранее записанные и директором допущенные (отвечал кто-либо из педсовёта). В 1884/85 г. перед родителями выступали педагоги с лекциями на объявленную тему.

Туркестанская попытка педагогической пропаганды в 1885 г. заглохла до 1905 г. В архиве сохранилось много откликов на это начинание, всколыхнувшее педагогов в городах края. Его обсуждали не только в гимназиях Ташкента и Верного [3]. Циркуляр о педагогических беседах из Ташкента разослали в ноябре 1880 г. и в начальные городские училища; чересчур восторженные отклики вызвали вскоре разъяснение, что к начальным школам циркуляр не относится.

Некоторые отклики, говорящие о растерянности перед новшеством, попутно характеризуют ученический состав в русских школах туркестанских городов в 1880/81 учебном году. В Андижанском женском училище родители — «преимущественно нижние чины» [4]; их надо привлекать на беседы «через начальство». В Катта-Курганском училище большинство родителей — «туземцы», добровольно на беседы они едва ли придут, а через полицию — неудобно; поэтому в Катта-Кургане бесед лучше не проводить... Из Самарканда, наоборот, писали,

[1] См. примеч. на стр. 177.

[2] Яновский, противник классицизма и министра Д. Толстого, перевелся из Петербурга в Кавказское наместничество, где он менее зависел от министра. Хороший отзыв о Яновском был в журн. «Народная школа», 1881, № 6—7, стр. 88; с ним расходится статья Т. Н. Хундадзе в журн. «Советская педагогика», 1940, № 3.

[3] Семиречье в 1882 г. перешло из состава Туркестанского генерал-губернаторства в Степное; поэтому материалы о педагогических беседах в верненских гимназиях могут быть в архивах Казахстана.

[4] Около гарнизонных казарм в городах края обычны были полуземляные «слободки» для солдатских семей.

что на беседах желательно присутствие родителей из коренного населения.

Среди откликов на циркуляр о беседах выделялся протокол совместного педагогического заседания Ново-Маргеланских мужского и женского училищ под руководством *Г. И. Клитчоглу* [1], с участием областного врача Н. М. Андреева. Маргеланцы предложили систему подготовки к беседам: 1) каждый учитель записывает существенные наблюдения над развитием ученика и сведения об его домашних условиях, с которыми должен хорошо ознакомиться; 2) до беседы с родителями собираются педагоги города для совместной выработки единых взглядов, привлекаются и частные репетиторы, гувернантки. «Предметом бесед с родителями должны служить текущие вопросы», чтобы: а) «уяснять и устранять встречающиеся ненормальности в обучении и воспитании» и б) *«посредством частных случаев сообщать родителям общие педагогические правила»*. Настаивая на «семейной» обстановке бесед с родителями, маргеланцы выдвинули продуманные пункты: личных качеств ученика не касаться на общей беседе, говорить о них с его родителями,— и др.

Из нескольких городов поступили предложения о привлечении на беседы лучших людей из местной интеллигенции, хотя бы они и не были родителями школьников, и об издании для родителей популярной педагогической литературы.

В апреле 1878 г. главный инспектор училищ края в виду того, что «женские гимназии не имеют правил для учениц, а также правил о мерах взыскания с них», предложил директорам в новом учебном году «в первом же заседании педагогического совета позаботиться составлением этих правил» и представить на утверждение. В марте 1880 г. «Правила для учениц женских гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения в Туркестанском крае» утвердил Кауфман [2]. Эти правила воспроизвели в основных чертах, с тем же введением, «Правила для учеников гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения», изданные Д. А. Тол-

[1] Георгий Иванович Клитчоглу в 1878—82 гг. заведовал школами в городах Ферганской обл. В 1882 г. в ТВ, № 14, он предлагал обсуждать на учительских съездах вопросы индивидуального подхода в воспитании, указывал на необходимость учительских съездов в Туркестане для выработки местного единого типа школы. Там же он писал: «Почти все существующие по воспитанию руководства... суть опыты одного лица и часто кажутся скорее результатом кабинетного мышления, нежели выводами из практики... Другое дело, когда над вопросами будет работать целая коллегия, ... каждый прием будет по нескольку раз проверен на практике...».—О Клитчоглу см. также примеч. на стр. 184.

[2] «Памятная книжка... на 1879/80 учебный год».

стым в 1874 г. В дополнение к правилам поведения учеников гимназий Толстой издал в том же году «Правила о взысканиях» [1]. Кауфман также издал в 1880 г., в дополнение к правилам поведения учениц женских гимназий, «Правила о взысканиях для учениц женских средних учебных заведений Туркестанского края», составленные применительно к таковым же правилам для учеников мужских средних учебных заведений Министерства народного просвещения, утвержденным 4 мая 1874 г.[2]. В примечаниях к заглавию сказано: «Общие положения о взысканиях остаются те же, что и для учеников мужских средних учебных заведений (§§ 1—9)».

«Правила для учениц женских гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения в Туркестанском крае» состоят из 46 параграфов, которым предшествует краткое введение следующего содержания: «Ученицы должны постоянно иметь в виду цель учения вообще и гимназии в особенности, выраженное в словах молитвы перед учением «возрасти» (умственно и нравственно) «создателю нашему во славу, родителям же нашим на утешение, церкви и отечеству на пользу». Для достижения столь высокой цели им предписываются к непременному руководству и исполнению нижеследующие правила. За этим введением помещены 46 правил с примечаниями; вот некоторые из этих правил: «§ 3. Перед началом учения ученицы собираются в зал, где поют хором утренние молитвы, читают главу из Евангелия и молитву перед учением. § 4. Ученицы обязаны в воскресенье и праздничные дни, а также вечером накануне этих дней, посещать общественное богослужение».

Кроме навязывания ученицам религиозной идеологии, начальство гимназии следило за каждым шагом своих воспитанниц: «§ 37. Посещение театра в учебные дни безусловно воспрещается всем ученицам. Ученицам же V, VI и VII классов может быть дозволено посещение театра в праздничные дни, но каждый раз с разрешения начальства учебного заведения. § 38. Ученицам гимназии и прогимназии безусловно и строжайше воспрещается посещать маскарады, клубы, трактиры, кофейни, кондитерские и другие подобные заведения, равно и всякого рода общественные и увеселительные места, посещение коих будет признано неприличным для учениц со стороны ближайшего их начальства».

Такая же подробная регламентация была внесена и в учебную жизнь гимназисток: «§ 9. Ученицы обязаны в учебное

[1] Н. А. Желваков, Хрестоматия, стр. 37—48. Здесь помещены оба документа.

[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 413, Опись управления учебными заведениями Туркестанского края «О составлении правил о взысканиях для учениц средних учебных заведений Туркестанского края». 1880.

время аккуратно посещать все свои уроки, отнюдь не опаздывая на общую молитву перед началом учения». Здесь ударение поставлено на посещение молитвы. «§ 11. До окончания всех своих ежедневных уроков ни одна из учениц не должна самовольно уходить из гимназии без разрешения старшей надзирательницы. На другой день должна быть доставлена от родителей или родственников записка о времени, когда уволенная до окончания уроков ученица прибыла домой». Здесь ударение стоит на недоверии всем без исключения ученицам. «§ 22. Ученицы обязаны беспрекословно повиноваться своим начальникам, классным дамам, преподавателям, вообще лицам, коим вверена ближайшая забота об их образовании, воспитании и повиновении. § 23. Ученицы обязаны оказывать полное почтение своим начальникам, преподавателям и наставникам... § 40. Во всех общественных местах ученицы могут появляться только в сопровождении родителей или лиц, заменяющих место их» [1], и т. д. Среди правил есть, конечно, и педагогически целесообразные, дидактически бесспорные, проникнутые заботой об организованном поведении учениц в гимназии, дома и в общественных местах, чувствуется стремление добиться регулярного посещения ими гимназий, высокой успеваемости в занятиях, видна забота о здоровье учащихся девочек. Но весь дух правил поведения проникнут «заботой» воспитать послушных, благонравных подданных существующего государственного и общественного строя.

В учебном плане женских гимназий Кауфман и его преемники разрешили сделать значительные отступления от «Положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения», утвержденного в 1870 г. В этом положении читаем в § 25: «В курсе женских гимназий обязательны следующие предметы: 1) закон божий; 2) русский язык (грамматика и знакомство с важнейшими произведениями словесности); 3) арифметика, с приложением к счетоводству, и основания геометрии; 4) география всеобщая и русская; 5) история; 6) главнейшие понятия из естественной истории и физики с присоединением сведений, относящихся к домашнему хозяйству и гигиене; 7) чистописание; 8) рукоделие и 9) гимнастика, если заведение имеет необходимые к тому способы.

§ 26. К необязательным предметам гимназий и прогимназий принадлежат: языки французский и немецкий, рисование, музыка, пение и танцевание» [2].

[1] См. «Правила для учениц женских гимназий и прогимназий ведомства народного просвещения в Туркестанском крае». Утверждены К. П. Кауфманом 20 марта 1880 г.

[2] «Сборник постановлений по Министерству народного просвещения», т. IV, стр. 1620—1629.

В женских гимназиях Туркестанского края изучались следующие предметы [1]:

1. Закон божий
2. Русский язык и словесность
3. Педагогика
4. Арифметика
5. Алгебра
6. Геометрия
7. География всеобщая и русская
8. Космография
9. История всеобщая и русская
10. Физика.
11. Зоология
12. Ботаника
13. Минералогия
14. Французский язык
15. Немецкий язык
16. Чистописание
17. Рисование
18. Рукоделие
19. Музыка
20. Пение
21. Гимнастика
22. Танцы.

В 1877 г. Министерство просвещения запросило мнения учебных округов о преподавании в гимназиях *рисования*. Кауфман, консультировавшийся с Остроумовым по учебным вопросам, настаивал перед министерством, чтобы рисование и в женской и в мужской гимназиях преподавалось по крайней мере до IV класса. Мотивы этого: 1) в гимназиях развивают рассудок, память, но мало развивается воображение, а этому помогает рисование; 2) в возрасте IV класса (13—14 лет) способности определяются лучше, чем в III классе; 3) в мужской гимназии после IV класса многие кончают образование или переходят в специальные учебные заведения; им полезно большее знакомство с законами рисования, более прочные навыки в нем [2]. Однако Министерство просвещения установило в мужских гимназиях рисование только до III класса включительно.

Показательны отдельные указания *идеологического* порядка директорам гимназий, которые краевая администрация иногда делала. Вот, например, отношение главного инспектора училищ Туркестанского края Забелина, направленное директору Ташкентской гимназии Н. П. Остроумову относительно выбора тем в старших классах для сочинения. «Темы, подобные тем, какие даются нашими молодыми учителями,— пишет Забелин,— например: «Всякий своего счастья кузнец» или «Жизнь есть борьба, а человек борец», во-первых, слишком высоки для учеников и учениц наших гимназий и, во-вторых, могут дать им совершенно ложное и крайне вредное направление, представляя из человека какого-то титана, который готов вступить в борьбу с самим богом или по крайней мере может обойтись без божьей помощи».

По мнению Забелина, такие темы воспитывают крайнюю заносчивость, самонадеянность, гордость и жестокосердие в молодых людях при удачах жизни, а при неудачах — малодушие и отчаяние. Поэтому лучше давать темы «Без бога ни до порога» или «Не так живи как хочется, а как бог велит».

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 760, Опись главного управления учебными заведениями Туркестанского края (с годовыми отчетами за 1887 г.).

[2] См. кн.: Н. Остроумов, Воспоминания, стр. 23—27.

Такие темы, полагает Забелин, были бы для учеников и понятнее и назидательнее. «Ведь они не язычники, а христиане, а следовательно, и мировоззрение их должно быть христианское, а не языческое» [1], — так заканчивает свои наставления Забелин.

Нет надобности комментировать подробно этот документ: чиновники учебного ведомства всегда стремились привить учащимся средних школ религиозное ханжество и дух рабского послушания, угасить веру в торжество человеческого разума, в могущество научных знаний.

Следует заметить, что вместо серьезной воспитательной работы с учащимися в гимназиях очень легко прибегали к *исключению провинившегося;* против этого вынуждена была выступать даже высшая власть края.

В ноябре 1879 г. Кауфман обратился к директорам средних учебных заведений и инспекторам народных училищ с циркуляром, в котором сказано: «Нередко приходится слышать в обществе ропот на то, что иногда учащиеся удаляются из учебных заведений за весьма маловажные проступки». Генерал-губернатор предложил немедленно после исключения какого-либо из учащихся представлять ему копию протокола педагогического совета, в котором должны быть обстоятельно изложены причины, побудившие совет к такому решению [2].

В июне 1903 г. туркестанский генерал-губернатор Иванов обратился с циркуляром к школьной администрации края о недопустимости исключения учащихся из учебных заведений и рекомендовал применять другие меры воздействия на них. «Надеюсь, что за так называемые школьные проступки, хотя бы и грубые, исключений из учебных заведений вверенного мне края не будет»,— внушительно заканчивает свое обращение к учебной администрации и педагогическим советам всех школ начальник края [3].

До 1890 г. в мужских гимназиях Туркестанского края применялся учебный план классических гимназий, утвержденный в 1871 г. В 1890 г. был утвержден царем новый учебный план, образец которого здесь помещаем (см. табл. 7, стр. 142).

Под напором общественного движения реакционному министру народного просвещения Делянову пришлось уступить: уменьшить число часов на латинский язык на 7 час., а на греческий язык на 3 часа, ввести новые языки (19 час.); прибавить час на историю, 2 часа на географию и сделать другие заплаты на одряхлевшей классической гимназии. Под давлением прогрессивных общественных сил в 1901 г. министру народного про-

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 765. Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1888—1889 гг. с распоряжениями инспектора училищ и главного начальника края.

[2] ТВ, 1903, № 46.

[3] Там же.

Таблица 7

УЧЕБНЫЙ ПЛАН КЛАССИЧЕСКИХ ГИМНАЗИЙ, УТВЕРЖДЕННЫЙ В 1890 г.

Предметы	Число обязательных уроков по классам									Всего
	приготовит.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
1. Закон божий . .	4	2	2	2	2	2	2	2	2	16
2. Русский яз. с церковнославянским, словесность и логика .	6	5	4	4	3	3	3	3	4	29
3. Латинский язык .	—	6	6	5	5	5	5	5	5	42
4. Греческий язык .	—	—	—	4	5	6	6	6	4	33
5. Математика . . .	6	4	4	3	4	4	4	3	3	29
6. Физика	—	—	—	—	—	—	2	3	2	7
7. История	—	—	—	2	2	3	2	2	2	13
8. География	—	2	2	2	2	—	—	—	—	8
9. Французский язык	—	—	3	2	3	3	2	2	3	19
10. Немецкий язык .	—	—	3	3	3	3	3	2	2	19
11. Чистописание и рисование	6	4	4	2	—	—	—	—	—	10

свещения генералу П. С. Ванновскому и его шефу Николаю II пришлось сделать новую уступку назревшим требованиям государственного хозяйства: исключить из учебного плана гимназии греческий язык, уменьшить количество часов на латинский язык, усилить преподавание математики, физики, ввести природоведение, космографию, логику, законоведение и сделать другие изменения [1]. Правда, Николай II, удалив Ванновского, хотел поддержать трещавшее по всем швам здание русской средней школы [2], но буржуазно-демократическая революция 1905 года заставила правительство отступить и внести существенные поправки в учебно-воспитательный строй гимназии и реальных училищ.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТУРКЕСТАНЕ

Поскольку включение Туркестана в состав Российского государства было результатом вступления России на капиталистический путь развития, организация в крае русских учебных заведений происходила в то время, когда система народного

[1] «Сборник постановлений по Министерству народного просвещения», т. XV, стр. 2045.

[2] Н. А. Желваков, Хрестоматия, стр. 298.

образования стала приспосабливаться к требованиям капиталистической промышленности.

В 1871 г. первая русская начальная школа в Ташкенте была преобразована в «народно-ремесленную» школу. В 1873 г. в Ташкенте открылась «Туркестанская школа шелководства»; ею руководил ученый-энтомолог В. Ф. Ошанин. В школу прикомандировывалось на несколько месяцев для практического обучения небольшое число учеников.

За 10 лет существования школа начала вводить две итальянские породы шелкопряда. Четыре ученика-узбека обучились размотке шелка на лучших европейских станках, которые местным кустарям были недоступны. Успеху школы мешало и то, что центрами шелководства были Ферганская и Зеравшанская долины, а не Ташкентский оазис [1].

Согласно закону 1878 г., Министерство народного просвещения выработало план развертывания промышленных училищ, и после утверждения этого плана в ноябре 1881 г. в законодательном порядке в России начали открывать на государственные и частные средства промышленные училища, ремесленные школы и классы ручного труда при городских училищах. Это было новое направление в подготовке квалифицированных рабочих, мастеров и техников по сравнению с прежним ученичеством в мастерских или у частных мастеров путем практической выучки, без теоретической основы. Это направление явилось следствием бурного развития в России крупной капиталистической промышленности и железных дорог после падения крепостного права. Руководителем организованной теоретической подготовки технических кадров для промышленности в тесной связи с практикой явился выдающийся русский инженер, педагог и ученый И. А. Вышнеградский (1831—1895).

Новое направление в подготовке рабочих кадров получило свое выражение и в Туркестанском крае; при городских училищах были открыты ремесленные классы (столярного, токарного, переплетного и сапожного дела), сельские школы наделены землею, и заведующие ими получили задание организовать занятия с детьми по садоводству и огородничеству; краевое управление отпустило средства по 50 руб. на каждую школу. На страницах туркестанской печати появились статьи, в которых освещался вопрос о постановке ремесел и ручного труда в народных школах края [2].

Внедрение в народную школу ремесленного обучения, отражая тенденцию капиталистического развития России, в то же

[1] П [ропащих]. К открытию памятника..., стр. 117.

[2] ТВ, 1887, № 5; 1888, № 17—18; 1900, № 96, 97 и 99; 1902, № 5 и 39; 1904, № 158; газ. «Русский Туркестан», 1902, № 76.

время служило реакционным противодействием стремлению «низших классов» в среднюю школу.

В целях усиления вывоза из Туркестана хлопка и другого сельскохозяйственного сырья, краевая администрация содействовала торгово-посредническим операциям; в этом плане в XIX в. узбекских и других местных купцов и их детей старались обучить русскому языку и арифметике на курсах для взрослых и в школах русских и русско-туземных; позже в крае стали открываться учебные заведения коммерческого образования.

Что касается подготовки квалифицированных работников для поднятия в крае самого сельскохозяйственного производства и первичной обработки его продуктов, то скромные начинания в этой области продвигались медленно и только энергией отдельных лиц из прогрессивной русской интеллигенции в Туркестане.

В 1882 г. генерал-губернатор Черняев закрыл школу шелководства под предлогом малого числа учащихся. Только с 1885 г. на базе хозяйства этой школы были организованы первая в крае гренажная станция и первое опытное поле (руководил ими помощник В. Ф. Ошанина по школе шелководства А. И. Вилькинс). Здесь не было прикомандированных учеников, но, когда раздавались грена и хлопковые семена, проводился и инструктаж. Первоначально предполагалось улучшить среднеазиатские породы шелкопряда и хлопчатника, но от этого пришлось отказаться из-за сплошной зараженности бухарского шелкопряда и вследствие серьезных недостатков местного хлопчатника. Гренажная станция постепенно заменила всю местную грену итальянской, а опытное поле содействовало внедрению на поля Туркестана американского упланда [1].

Об открытии в Ташкенте технического училища в местной печати говорили с 1887 г.[2]. Только в 1896 г. открылось Ташкентское ремесленное училище, готовившее квалифицированных столяров, слесарей, токарей и кузнецов для ремонта оборудования хлопкоочистительных и других предприятий. Училище, рассчитанное на 100 учащихся, в первые полтора десятка лет выпускало в среднем по 10 человек в год.

В 1897 г. в Ташкенте были открыты «Курсы низшей геодении» для подготовки на них арык-аксакалов (ирригационных надсмотрщиков); причем в сообщении об их открытии сказано, что занятия на этих курсах «примут школьный характер, каждое положение будет сопровождаться практическими приемами обращения с инструментами» [1]. В крае существовали, судя по отчетам учебного ведомства, практические курсы садоводства, сельского хозяйства и шелководства. В 1902 г. была открыта недалеко от Ташкента сельскохозяйственная гидротехническая школа, задача которой — готовить низших технических специалистов «по сооружению, поддержанию, улучшению и изучению существующих в крае оросительных систем» [2]. Кроме этой школы, имевшей отношение к земледельческой культуре, в Туркестане были низшие сельскохозяйственные учебные заведения: в г. Верном — училище садоводов с 1887 г., в Самарканде — школа садоводства и виноделия с 1904 г., в Копале с 1887 г., Пржевальске с 1898 г., Пишпеке с 1890 г., Джаркенте с 1896 г. и Асхабаде с 1897 г.— элементарные сельскохозяйственные школы. Сельскохозяйственные курсы существовали в Семиреченской и Самаркандской областях.

В Ташкенте в 1904 г., т. е. за год до окончания постройки Оренбургско-Ташкентской железной дороги, открыто железнодорожное техническое училище.

Такова сеть школ профессионального технического и сельскохозяйственного образования в Туркестанском крае до 1906 г. Такая ничтожная сеть не могла, конечно, удовлетворить растущие запросы Туркестана в сведущих специалистах по сельскому хозяйству, железнодорожному транспорту и промышленности.

В Зеравшанском округе первые русские землемеры брали в качестве своих помощников «муфтиев-танапкешей» (обучавшихся в медресе) [3] и для этого проводили инструктаж. Но к исходу 70-х годов от переучивания муфтиев-танапкешей отказались.

При организации профессионально-технического и сельскохозяйственного образования в Туркестане высшие власти ориентировались, как правило, на русское население края. В передовой статье газеты «Туркестанские ведомости» от 17 января 1902 г. поставлен вопрос о необходимости широкого развития ремесленного, промышленного и сельскохозяйственного образования; автор статьи признает необходимым распространять рациональные формы ведения сельского хозяйства среди русских крестьян и усовершенствовать приемы организации хозяйства, «которыми пользуется коренное население». Это замечание автора вызвано тем, что русские крестьяне «при своем водворении в Туркестанском крае» не были ознакомлены с местными климатическими и почвенными условиями. В статье выражено пожелание, чтобы в профессионально-технической

[1] ТВ, 1887, № 42 и 43.
[2] ТВ, 1887, № 10; газ. «Окраина», 1891, № 62, 63; 1892, № 29, 30.

[1] ТВ, 1897, № 90.
[2] ТВ, 1902, № 5.
[3] «Муфтий-танапкеш» можно перевести как «законовед-землемер».

школе по подготовке русских ирригаторов организация учебных занятий носила практическое направление.

Туркестанская учительская семинария. Учебное заведение для подготовки учителей было важным элементом плана по народному образованию в Туркестанском крае, составленного в 1873 г. Открытая в 1879 г. четырехклассная мужская учительская семинария в Ташкенте являлась в течение десятилетий единственной педагогической школой для огромной территории Средней Азии [1]. Она была единственным здесь средним профессиональным учебным заведением.

Известно, что в царской России для крестьянских детей поступление в учительскую семинарию было одним из немногих путей к среднему образованию, так как большинство семинаристов обеспечивалось бесплатной квартирой и питанием. Поэтому далеко не все из поступавших в семинарии стремились к педагогической работе, и многие их выпускники совсем уклонялись от учительствования или же бросали учительскую профессию после отработки за пользование стипендией. Для выпускников Туркестанской семинарии отказ от учительской профессии облегчался тем, что в крае их охотно брали учреждения и частные фирмы, где требовались служащие, владеющие местным языком.

Начиная с первого выпуска (1883) до 1904 г. включительно, по данным юбилейного отчета [2], семинарию окончило 254 человека. Так как стипендиаты семинарии были обязаны по окончании курса отслужить учителями 6 лет, то к 30 августа 1904 г. из 77 выпускников 1899—1904 гг. 76 состояли на педагогической работе. Из 177 окончивших семинарию в 1883—1898 гг. к указанной дате 18 умерли или не работали по болезни; а из здравствовавших 159 человек на педагогической работе было 107,— т. е. почти третья часть выпускников семинарии, отслужив стипендию, уходила из учительства.

52 выпускника семинарии в августе 1904 г. распределялись по своей работе так: 13 человек служили переводчиками; 23 — в других должностях в учреждениях; 16 — работали в банках, страховых обществах, занимались свободными профессиями. коммерцией. Карьера ушедших из школы бывших семинаристов, как правило, была связана с тем, что они владели местными языками; например, четверо из них, благодаря знанию таджикско-персидского языка, оказались служащими отделений русских банков в Персии.

[1] По первоначальному проекту Кауфмана, в Туркестанском крае должны были открыться две учительские семинарии: учительская семинария в Верном, Семиреченской области, предназначалась для подготовки учителей в русские начальные школы; в Ташкентской учительской семинарии Кауфман предполагал подготовлять из русских мальчиков учителей в начальные школы, которые будут открыты для детей коренного населения.

[2] Отчет Туркестанской учительской семинарии за 25 лет ее существования (30 августа 1879 г.— 30 августа 1904 г.), составил Н. П. Остроумов, Ташкент, 1904. (В дальнейшем обозначено сокращенно: Н. П. Остроумов, Отчет ТУС за 25 лет.)

В связи с потребностью туркестанской администрации в служащих, хорошо владеющих местными языками, в 1883 г. даже встал вопрос о преобразовании учительской семинарии в школу для подготовки чиновников и переводчиков [1]. Генерал-губернатором края тогда стал Черняев (занявший в 1865 г. Ташкент); на должность главного инспектора учебных заведений был назначен Забелин. В июле 1883 г. Забелин представил Черняеву доклад о состоянии школьного дела в крае и о необходимости преобразования Туркестанской учительской семинарии. Забелин пишет, что в Туркестанском крае сделано очень немного по народному образованию, «и это немногое нуждается в преобразованиях, направленных для пользы дела». Для начала он рекомендует упразднить Туркестанскую учительскую семинарию и заменить ее учебным заведением для подготовки чиновников и *переводчиков*. До сего времени, по словам Забелина, эта семинария преследовала две цели: общую, наравне с другими такими же учебными заведениями — приготовление учителей в начальные народные училища края, и частную — просвещение здешних инородцев. С отделением от Туркестанского края Семиреченской области здешняя учительская семинария почти утратила свое прямое назначение приготовлять учителей для начальных русских школ, большинство которых находится в Семиречье, а поэтому образование инородцев является для нее в настоящее время самой главной задачей, сообразно которой должны быть произведены нужные изменения в семинарии.

Забелин воспользовался постановлением Государственного совета, вынесенным в 1876 г., которое гласит: «Предоставить министру народного просвещения внести на рассмотрение в законодательном порядке предположение об устройстве в г. Ташкенте особого учебного заведения для детей туземцев Туркестанского края, сообразуясь при этом с ощущаемыми в среде сего населения потребностями». Опираясь на эту директиву, Забелин предложил в курсе семинарии сократить программу учебных предметов и вести преподавание в проектируемом учебном заведении таким образом, чтобы оно, где возможно, «было направлено согласно нуждам и потребностям местного населения и самого дела образования туземного населения, как это требует сама идея школы для туземцев» [2]. Дальше Забелин пишет о необходимости практической поста-

[1] Школа подобного типа для казахских детей существовала с середины XIX в. в Оренбурге.— *Ред.*

[2] Архив внутренней политики, культуры и быта, Дела департамента народного просвещения по разделу № 22. 77, ч. I, д. 15895-а, 1887.

новки изучения казахского и узбекского языков, предлагает закрыть русское образцовое училище при семинарии, так как для подготовки переводчиков и чиновников оно не нужно, и открыть подготовительный класс для тех учеников из местного населения, которые окажутся недостаточно подготовленными. Черняев одобрил предложение Забелина и представил соответствующее ходатайство в Министерство народного просвещения. В Петербурге проект реорганизации Туркестанской учительской семинарии не был одобрен; судя по переписке Ильминского с Победоносцевым, его реализации помешал, по совету Ильминского, Победоносцев.

Попытка официально превратить Туркестанскую учительскую семинарию в школу переводчиков и чиновников подчеркивает двойственную роль, которую это учебное заведение играло фактически. В 1900 г. снова поднимался вопрос об организации при семинарии отделения переводчиков [1].

Однако подготовка учителей была для семинарии основным делом. При этом выпускники Туркестанской учительской семинарии назначались преимущественно в русско-туземные школы [2]. Таким образом, главной задачей учительской семинарии в Ташкенте было готовить учителей для «инородческих» училищ. Это обстоятельство отдало семинарию в руки учеников Ильминского, который считался в правящих кругах авторитетом по «инородческому» образованию.

Организовал семинарию (1879) *Остроумов;* при попытке Черняева превратить учительскую семинарию в школу переводчиков и чиновников Остроумова в октябре 1883 г. перевели директором в Ташкентскую мужскую гимназию, но он снова вернулся в семинарию в 1901 г. и руководил ею до 1917 г. Остроумов, магистр богословия, в Казани был доцентом миссионерского противомусульманского отделения духовной академии; он являлся правой рукой Ильминского. С июня 1883 г. до возвращения Остроумова семинарией руководили тоже «казанцы» — М. А. Миропиев, Н. А. Воскресенский и И. М. Софийский. «Казанцы» в первые годы составляли ядро педагогического коллектива семинарии. С ними деятельно переписывался Ильминский.

Антимусульманская направленность школы Ильминского во многом совпадала со взглядами Кауфмана. Главный инспектор училищ края Кун, открывая в 1879 г. семинарию, предупредил, что, хотя в ней будут обучаться и дети коренного населения, но мусульманская религия в ней преподаваться не будет: «Русская школа, обязанная преследовать свои задачи, не может взять на себя обязанности преподавать в своих стенах вероучений, в основании своем несогласных с господствующей религией в государстве, а тем более таких учений, которые враждебны государству» [1]. Кун обещал в то же время: «Наша школа всегда будет для инородцев стоять на почве уважения религиозных верований каждого ее ученика и в своих стенах никогда не будет посягать на прозелитизм».

[1] ТВ, 1901, № 2, 5, 8. Отчет ТУС за 25 лет, стр. 165.

[2] В русских начальных школах Туркестана, особенно в городах, учительствовали главным образом выпускницы женских гимназий.

Формальным подтверждением этого обещания был, например, установившийся в семинарии порядок: когда учащимся задавалось сочинение православно-религиозного содержания («Главные факты из жизни преподобного Серафима Саровского» и т. п.), то мусульманской части класса предлагалась нейтральная тема («Как я проводил летние каникулы» и т. п.) [2].

Однако директор семинарии печатал статьи миссионерской направленности [3].

Атмосфера семинарии отравлялась активностью казенного православия. За непосещение даже в каникулярное время «богослужений» в церкви православных семинаристов лишали стипендии [4]. Религиозное воспитание в таких принудительных формах руководство семинарии рассматривало, как путь к «нравственному совершенствованию» учащихся. 30 августа 1880 г. на торжественном акте в годовщину открытия семинарии в присутствии Кауфмана Остроумов сказал: «Я позволю себе заявить перед вашим высокопревосходительством, что мы, призванные готовить народных учителей для края и таким образом содействовать прогрессу народной жизни, держались в прошлогодней своей педагогической деятельности того главного убеждения, что суть народного прогресса заключается не в железных дорогах и электрических телеграфах, не в скорострельном оружии и броненосцах, не в других сложных и величественных созданиях современной науки, искусства и промышленности, которым мы ежегодно удивляемся, а в развитии и нравственном совершенствовании самого народа, что достигается правильным воспитанием его молодых поколений» [5].

Нет нужды задерживаться на реакционном, идеалистическом понимании Остроумовым «правильного воспитания молодых поколений».

В курс Туркестанской учительской семинарии в добавление к общеимперскому плану семинарии было введено изуче-

[1] ТВ, 1879, № 38. См. также в кн.: Н. П. Остроумов, Отчет ТУС за 25 лет.

[2] Н. П. Остроумов, Отчет ТУС за 25 лет, стр. 80.

[3] Китайские эмигранты в Семиреченской области и распространение среди них православного христианства, Казань, 1879; Характеристика религиозно-нравственной жизни мусульман, преимущественно Средней Азии, журн. «Православное обозрение», 1881; «Что такое Коран» — ряд статей в газ. «Туркестанские ведомости» за 1883 г. и др.— *Ред.*

[4] Н. П. Остроумов, Отчет ТУС за 25 лет, стр. 114.

[5] Н. П. Остроумов, Воспоминания, стр. 163—164.

ние *местных языков* [1]. Руководители семинарии уделяли значительное внимание тому, чтобы выпускаемые учителя владели языком своих будущих учеников из коренного населения; семинария доржалась взгляда, который в системе Ильминского являлся положительным элементом: первоначальное обучение детей должно проводиться на родном языке.

При открытии Туркестанской учительской семинарии правительство утвердило преподавание в ней узбекского («сартского») и таджикского («персидского») языков. Но Кауфман предложил педагогическому совету семинарии заменить эти языки казахским и возбудил ходатайство об утверждении его распоряжения по следующим мотивам: «Признавая необходимым в политических интересах нашего господства в Средней Азии вызвать кочевое население к самостоятельной жизни и возможному ассимилированию с Россией, я считаю безусловно нужным содействовать освобождению киргиз от мусульманского влияния, к чему немало способствовало бы введение между ними русской письменности. Этих задач можно достигнуть только путем распространения между киргизами русского народного образования посредством школ, в которых обучение киргизских детей русской грамоте должно вестись с помощью их родного языка» [2].

В январе 1881 г. ходатайство Кауфмана было удовлетворено. Преподавание казахского языка русским воспитанникам семинарии велось при помощи русской транскрипции, в основание которой был положен русский алфавит без всяких изменений, дополнений и сокращений. В ходе занятий преподаватель казахского языка, окончивший восточный факультет Петербургского университета, составил книгу для чтения [3]; был напечатан также словарь, составленный воспитанником семинарии.

В августе 1884 г. новый генерал-губернатор Розенбах распорядился о замене в учительской семинарии казахского языка узбекским, персидским и арабским, а затем послал министру народного просвещения мотивированное представление об утверждении этого распоряжения. Ильминский помешал введению арабского языка. В ответе Ильминского на запрос министра Делянова по этому вопросу говорится между прочим: «Сущность моего мнения та, что преподавание трех языков, которые как от русского, так и между собою совершенно различны по всему грамматическому устройству, в учительской семинарии бесполезно и невозможно, ибо неисполнимо. В семинарию принимаются мальчики с самым элементарным образованием, без грамматической подготовки: как же они поймут законы языков семитского, иранского и тюркского, когда они только приступили к разбору русского предложения. Все их изучение сведется на механическую и скучнейшую долбежку арабских, персидских и сартовских вокабул, фраз и диалогов...» [1].

Со стороны министра Делянова, вероятно, под давлением Ильминского, были возражения против замены казахского языка узбекским: «Казахи менее фанатичны и более сочувствуют русскому образованию. Кроме того, такая замена может неблагоприятно повлиять на морально-политическое настроение казахского народа: внушить казахскому юношеству неправильное представление о превосходстве узбекского языка перед казахским и, следовательно, может служить нравственному подчинению казахского народа узбекскому».

Однако решающим обстоятельством оказалось, очевидно, то, что Семиречье с его казахским населением в 1882 г. было передано из Туркестанского края в Степной (центр — Семипалатинск). В 1884/85 учебном году в семинарии вместо казахского языка стали преподавать узбекский; преподавался также таджикский язык.

С января 1885 до мая 1890 г. преподавателем местных языков в семинарии был *В. П. Наливкин*. В эти годы семинария стала научным центром по изучению узбекского и таджикского языков. Наливкин до семинарии в совершенстве овладел этими языками практически [2]. В сотрудничестве с женой он сделал первую попытку научного изучения узбекского языка по говорам Ферганской долины [3]. Изданию словаря Наливкиных в Казани, вероятно, помогли семинарские «казанцы» (это было перед поступлением Наливкина преподавателем в семинарию).

---

[1] Туркестанская учительская семинария руководствовалась утвержденным в 1872 г. уставом Иркутской учительской семинарии; при этом штаты Туркестанской семинарии были увеличены по некоторым статьям на 50%.

[2] Н. П. Остроумов, Воспоминания, стр. 66.

[3] Я. Я. Лютш, Киргизская хрестоматия. Сборник образцов народной литературы киргиз Туркестанского края, Ташкент, 1883, 251 стр.

[1] Архив В. П. К. и Б. Дела департамента народного просвещения по разделу № 22. 77, ч. 1, д. 15895-а, 1887, лл. 169—289.

[2] С весны 1877 г. 6 лет Наливкин прожил с женой в кишлаке Нанай, в 18 *км* от Намангана, занимаясь сельским хозяйством вместе с окружающим узбекским и таджикским населением. Этот шаг был вызван разочарованием юноши-офицера в воинских «подвигах» во время Кокандского похода 1875 г. (см. ст. В. Наливкин, Мои воспоминания о генерале Скобелеве, газ. «Русский Туркестан», 1906, № 118—122) и стремлением узнать ближе коренное население Ферганской долины, которая только что стала частью Российского государства.

[3] В. Наливкин и М. Наливкина, Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов, с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда, Казань, 1884, 355 стр.; В. Наливкин, Грамматика сартского языка Андижанского наречия. 1884, 20 стр.

Обучая русских воспитанников семинарии узбекскому и таджикскому языкам в течение 5½ лет, Наливкин привел в систему собранные лексические и грамматические материалы и попытался оформить свой курс в методическом отношении, подготовив несколько учебных пособий [1]; некоторые пособия завершались и были изданы после его ухода из семинарии [2].

Продуманная система и тщательный подбор учебного материала делали учебные пособия В. П. Наливкина незаменимым руководством для лиц, изучавших узбекский язык в то время, хотя они не были лишены существенных недостатков (в том числе — крайнее несовершенство фонетической транскрипции).

По учебному плану семинарии, узбекский язык изучался все четыре года (4+2+3+3=12 недельных уроков), таджикский со II класса (2+3+3=8); занятия с преподавателем дополнялись разговорной практикой, которой занимался с семинаристами «особый практикант из туземцев»; на практику в узбекском языке давалось 3+3+2+2 = 10 час., на практику в таджикском — 3+1+1 = 5 час. Кроме того, в I классе один урок в неделю отводился на «восточную каллиграфию» [3].

Наливкин не ограничивался в преподавании узкими языковыми рамками, а попутно знакомил семинаристов с хорошо ему знакомым бытом узбеков и таджиков, с историей Средней Азии [4]. Углубленно такие занятия проводились в кружке туркестановедения. В апреле 1890 г. педагогический совет семинарии, по предложению Наливкина, постановил отправить на летние каникулы в кишлаки шестерых воспитанников, изъявивших на то желание, с целью собирания этнографических материалов [1].

Один из членов руководимого Наливкиным семинарского кружка туркестановедения, В. Л. Вяткин, впоследствии стал крупнейшим археологом Средней Азии; им открыт памятник мирового значения — самаркандская обсерватория Улугбека (XV в.). Несколько других семинаристов, учившихся у Наливкина, будучи на учительской или другой работе, уделяли время краеведению, составлению языковых учебников (А. Калинин, С. Лапин, М. Оракулов, В. Орлов, С. Поляков); П. Е. Кузнецов стал тюркологом — преподавателем вузов, М. С. Андреев — известным советским иранистом.

Появлению и воспитанию научных интересов у ташкентских семинаристов содействовал и *В. Ф. Ошанин*, который с 1883/84 по 1890/91 учебный год включительно был их «наставником естествознания и сельского хозяйства». Под его руководством весной 1884 г. группа семинаристов вместе с группой гимназистов (которой руководил преподаватель математики С. М. Граменицкий) совершила поездку на арбах в Самарканд через Голодную степь и обратно южным маршрутом; цель экскурсии — изучение и описание ландшафтов и быта населения [2]. Ошанин руководил наблюдениями семинаристов на метеорологической станции, которую оборудовал на семинарском земельном участке топографический отдел — в целях получить в лице будущих учителей метеорологов-наблюдателей в разных концах края. Программа по огородничеству и садоводству, выработанная в семинарии, предусматривала, что каждому ее воспитаннику отводится при поступлении кусок земли, на котором он производит опытные посевы и посадки (во II классе — корнеплодов, в III классе — бахчевых) и за которым ухаживает до конца курса; семинаристы обучались борьбе с сельскохозяйственными вредителями, осваивали прививку растений и другие приемы садоводства.

Прогрессивные педагогические начинания в семинарии затруднялись царившими в ней православно-монархическим духом и великодержавной шовинистической ограниченностью. Активнейшим представителем шовинизма был *Миропиев*, один из «казанцев», служивший в семинарии в первые годы ее создания. Главный консультант царя — фанатический идеолог самодержавия Победоносцев покровительствовал Ильминскому. В этих условиях ученики Ильминского в Ташкенте почувствовали себя «ответственными» за школьную политику в Туркестане, где после смерти Кауфмана в мае 1882 г. некоторые его установки пересматривались.

---

[1] В. Наливкин, Сартовско-персидская хрестоматия с приложением примеров для перевода с русского на сартовский и персидский языки. Применительно к программе Туркестанской учительской семинарии, Ташкент, 1887, 16 стр. (русск.) + 119 стр. (арабск.); литография. В. Наливкин, Русско-персидский словарь общеупотребительных слов по наречиям Туркестанского края, Казань, 1888, 394 стр.

[2] В. Наливкин, Сартовская хрестоматия для Туркестанской учительской семинарии, 1896, 96 стр. В. Наливкин, Руководство к практическому изучению сартовского языка, Самарканд (изд. Областного статистического комитета), 1898, 333 стр., изд. 2 (Кирснера), Ташкент, 1911, 333 стр. (в «Руководство» включены словари); В. Наливкин, Руководство к практическому изучению персидского языка, Самарканд (изд. обл. стат. к-та), 1900, 332 стр.

[3] Н. П. Остроумов, Отчет ТУС за 25 лет, стр. 66, 74. Поступившие в семинарию из сельских школ Туркестана русские подростки владели в некоторой мере местным языком.

[4] В типографии Казанского университета в 1886 г. были изданы следующие труды: В. Наливкин и М. Наливкина, Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы, 245 стр.; В. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, 215 стр. (эта книга в 1889 г. вышла в Париже во французском переводе).

[1] Н. П. Остроумов, Отчет ТУС за 25 лет, стр. 128.

[2] ТВ, 1885, № 3—5.

30 августа 1882 г. на годичном торжественном акте учительской семинарии Миропиев выступил, по поручению педагогического совета с речью на тему «Какие главные принципы должны быть положены в основу образования русских инородцев-мусульман». Миропиев поставил вопрос об отношении царского правительства и русского «общества» к нерусским народам Российской империи. Он полемизирует с идеологом татарской буржуазии Гаспринским, который писал о предоставлении самоуправления тюрко-татарским народам, исповедущим ислам. Миропиев категорически возражает против самоуправления этих народов, доказывает необходимость их полного обрусения. Касаясь системы самоуправления отдельных народов, входящих в состав Российской империи, Миропиев говорит: «Но как ни «привлекательна» и не желательна эта система для наших мусульман, мы, русские, сделали бы величайшую историческую ошибку, если бы стали держаться этой системы». Система самоуправления нашла себе приют в Соединенных Штатах, в Швейцарии между немцами, французами и итальянцами и в России — между русскими и финляндцами. Это понятно. Все эти нации не только исповедники одной и той же религии и обладают почти одинаковой культурой, но некоторые из них даже родственны друг другу... между этими народами нет такого глубокого и резкого различия, как между русскими и русскими мусульманами, нет таких диаметральных противоположностей в религии, языке, правах, обычаях, преданиях, исторических традициях и в самой культуре. Цивилизация же мусульманская и цивилизация христианская противоположны друг другу. «О мирном сожитии их рядом не может быть и речи». Дальше Миропиев пытался доказать невозможность самоуправления нерусских народов России ссылками на политику французов в Алжире, англичан в Индии и немцев в польских землях, а затем подвел итог: «Итак, политика, обоснованная на принципе уважения, может иметь место только по отношению к культурным народам... Ведь дико было бы установить нам такие отношения к самоедам, лопарям, чувашам, камчадалам и прочим?!» — восклицает Миропиев.

Татарам, узбекам, казахам, туркменам, башкирам, киргизам и другим народам, исповедующим ислам, по мнению Миропиева, нельзя дать самоуправление потому, что ислам проникнут фанатизмом, враждебностью к христинству. По отношению к этим народам Миропиев рекомендует применять две системы обрусения. Для тех тюрков, у которых религия слабо развита, он рекомендует систему, которой держится православное духовенство вообще и миссионеры в особенности и которая «в основу просвещения инородцев полагает религиозное, православное начало». Для народов Средней Азии Миропиев предлагает систему «игнорирования» ислама и его учреждений, которой держался Кауфман.

Миропиев с 1888/89 по 1895/96 учебный год был в Туркестанской учительской семинарии директором. При нем ушли из семинарии Наливкин и Ошанин.

В составе учащихся-стипендиатов Туркестанской учительской семинарии одну треть должны были занимать представители *местных национальностей*. Фактически с 1879 по 1904 год из 415 человек, поступивших в семинарию, русских было 384 (83,9%), казахов — 54 (13%), узбеков — 9 (2,2%), татар — 3 (0,7%), туркмен 1 — (0,2%). Из окончивших за это же время 254 воспитанников 39 человек, или 11,4%, были из коренных национальностей, из них один узбек, остальные— казахи.

«Число поступающих в семинарию туземцев... продолжает оставаться крайне незначительным»,— отмечалось педагогическим советом, например, в 1892/93 учебном году [1]. А из поступающих в семинарию учащихся местных национальностей многие оставляли ее вследствие заболевания, многие были исключены за поведение или малоуспешность (или лишены стипендий), некоторые сами просили их уволить.

Важнейшей причиной отсева учащихся местных национальностей была ее антимусульманская атмосфера и казенный формализм. Например, в интернате семинарии постоянно возникали недоразумения с учащимися-мусульманами, которые во время своего поста нарушали режим питания (ели ночью, а не днем); на этой почве было даже одно увольнение [2]. Чрезвычайно тяжело отзывалась на семинаристах вообще, а на стипендиатах в особенности, непомерная перегрузка учащихся, о которой в отчетах семинарии говорится много раз.

Корни перегрузки лежали в том, что в учебном плане Туркестанской семинарии за 4 года давалось 155 недельных уроков против 144 уроков в российских семинариях [3], причем в I—III классах — по 40 уроков в неделю вместо 36. Перегрузка была связана также с плохой подготовкой поступающих (в 1883 г. 13 поступивших в I класс сделали в работе по русскому языку 260 ошибок), особенно с недостаточной подготовкой в русском языке нерусских воспитанников. «Оказывается, что первоклассники не знают даже первых четырех действий с целыми числами»,— писал Ильминскому в 1883 г. один из его учеников.

Напряженность учебного года создавалась и тем, что у семинаристов много времени уходило на обязательное посещение богослужений (для православных), на занятия ремеслами и сельским хозяйством, на овладение скрипкой.

Изучение ремесла было для семинаристов обязательно в связи с внедрением ремесленного обучения в начальных шко-

[1] Н. П. Остроумов, Отчет ТУС за 25 лет, стр. 133.
[2] Там же, стр. 185 и 189.
[3] Там же, стр. 74—75. Увеличение сетки часов вызывалось изучением местных языков.

лах края. «Столярные работы многих семинаристов очень недурны. Некоторые делают даже музыкальные инструменты, например, я видел скрипку работы воспитанника: звук ее хоть куда!» — писал Ильминскому его корреспондент из Ташкента в 1883 г.[1].

В 1894 г. Министерство просвещения поставило вопрос о замене изучения ремесел педагогическим ручным трудом. В Туркестанской семинарии эта замена осуществилась с осени 1900 г., когда она получила преподавателя ручного труда А. А. Воронина, учившегося в Германии у известного методиста Пабста[2].

Педагогический совет семинарии выполнял для Управления учебными заведениями края роль консультативного органа по методическим вопросам; на его заседаниях часто давались заключения по проектам учебников и учебных пособий для школ Туркестана, а также по вопросам о применении в этих школах учебников, изданных в других частях России.

Остроумов заботился, «чтобы ученики знали хотя немного, но основательно»[3]. В узкодидактической сфере в работе семинарии можно отметить стремление рационализировать повторение по курсу истории в пределах тогдашней программы, избегая однообразного повторения, «исторические факты сгруппировываются по содержанию и повторяются в порядке исторического развития их: религия, просвещение, управление, законы, внешний быт, завоевания, внутренние преобразования и т. п.». По географии уделялось значительное внимание Туркестанскому краю.

Стоит отметить, что преподавание педагогики в семинарии было делом его директоров. При обращении к ученику все преподаватели обязывались говорить на «Вы».

Содержание семинарских курсов подчинялось утилитарным целям. Директор Миропиев в 1893 г. настаивал, «что изучение естествоведения в семинарии должно носить чисто практический характер и состоять в сообщении воспитанникам лишь таких сведений, которые могут пригодиться им в сельской жизни, как например пчеловодству, садоводству и огородничеству»; что «курс зоологии превращается в науку об уходе за домашними животными, за пчелами и за шелковичными червями, а курс ботаники ограничивается садоводством и огородничеством». Содержание уроков пения в семинарии определялось тем, что воспитанников, не знающих церковного пения, учебное начальство края отказывалось назначать в русские школы[4].

---

[1] Письма Ильминского к Победоносцеву, стр. 58—59.
[2] Н. П. Остроумов, Отчет ТУС за 25 лет.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 65, 136—137, 135.

РУССКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ И НАУЧНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ОБЩЕСТВА В ТУРКЕСТАНЕ И СВЯЗЬ ИХ СО ШКОЛАМИ

В Туркестанском крае не было ни одного высшего учебного заведения, хотя в нем, особенно в техническом вузе для ускорения экономического подъема края, ощущалась большая нужда. Молодые люди из семей русских чиновников и купечества по окончании в Туркестане средних учебных заведений имели возможность получить высшее образование в университетах и институтах Центральной России. Что же касается детей коренных народов Средней Азии, то им русские высшие учебные заведения были почти недоступны, так как царская администрация не открыла ни одной средней школы для народов Туркестана, а медресе совершенно не были приспособлены для подготовки местной молодежи в русские вузы. Трудный путь к высшему образованию для нее лежал лишь через русские средние школы[1].

Только Великая Октябрьская социалистическая революция дала трудящейся молодежи Средней Азии широкую возможность приобщиться к современным научным знаниям через многочисленные средние и высшие учебные заведения. Их возникновению на первых порах помогло то, что в дореволюционном Туркестане велась довольно интенсивная научная работа, хотя ее содержание и размах ограничивались общими условиями царской России.

Эксплуатация природных богатств Туркестана была основой политики царизма в среднеазиатской колонии. Своеобразие природных условий Туркестана и важное стратегическое положение явились причиной того, что царское правительство уделяло относительно большое внимание организации в новом крае научных исследований; они поддерживались крупными российскими промышленниками, ожидавшими из Туркестана сырья.

Совершенно иначе относились к политическим и культурным запросам народов Средней Азии русский рабочий класс и его революционная партия социал-демократов (большевиков)[2], руководившая политическим воспитанием формировавшегося многонационального пролетариата Туркестана, и русская прогрессивная интеллигенция.

---

[1] Этим путем уже в 1905—1917 гг. воспользовалось около десятка казахов, узбеков и туркмен, обучавшихся в вузах Петербурга и Москвы, как правило — дети богатых и знатных семей. С большими лишениями учился в Верненской гимназии и Петербургском университете Исхак Дюсенбаев, сын бедного казаха; его поддерживали общества помощи учащимся, студенческое землячество; вскоре после получения диплома он умер от чахотки; это было типичнопри царизме для бедных казахов, якутов и др. «инородцев», пробивавшихся к высшему образованию. — *Ред.*

[2] См., например, статью большевика М. В. Морозова (Муратова) «Наболевший вопрос» (о реформе унив-тов) в газ. «Самарканд», 1904, № 89.

Неизученность природы Средней Азии, ее истории, культуры ее народов привлекала внимание передовых представителей русской науки. Сюда с середины XIX в. направлялись многочисленные научные экспедиции. Немало было начинающих ученых, которые охотно поступали в Туркестанский край на службу учителями, врачами, агрономами и другими специалистами, чтобы сочетать свою служебную деятельность с научной работой. На далекую царскую окраину правительство высылало студентов, исключенных из высших учебных заведений за «политику»; многие из них, прожив в Туркестане долгие годы, зарекомендовали себя как лучшие представители прогрессивной трудовой русской интеллигенции [1].

Представители научной общественности России открыли в Средней Азии филиалы всероссийских научных учреждений, организовали отделения центральных научных обществ и начали разностороннюю научно-исследовательскую и культурно-просветительную работу среди местного населения без различия национальностей, занимались всесторонним исследованием природных богатств Туркестанского края и глубоким изучением истории культуры, языка и экономического быта народов Средней Азии. Постепенно к работе в этих обществах привлекались и некоторые представители местной национальной интеллигенции. Эти учреждения и общества оказали большое влияние на культурное и экономическое развитие коренного и пришлого русского населения этой окраины России. Чрезвычайно важным результатом этой работы явилось накопление значительного запаса знаний о природе Средней Азии, о культуре ее народов в прошлом и настоящем. Собранное в научных учреждениях Туркестанского края специальное оборудование, а также ценнейшие книгохранилища стали после Великой Октябрьской социалистической революции первой местной базой для развития советской науки и высшего образования в национальных республиках Средней Азии.

Несколько выдающихся местных врачей, инженеров, агрономов и других специалистов, объединявшихся в дореволюционных научных обществах, удостоились избрания в профессоры и доценты Университета и Восточного института, открытых в Ташкенте в 1920 году.

* * *

Вскоре после подчинения Ташкента приехал в Среднюю Азию с отрядом генерала Черняева знаменитый путешественник и натуралист Н. А. Северцов; его исследования, затронувшие все стороны жизни природы и охватившие обширный район от степей Казахстана до Памира и от Закаспийских пустынь до хребтов Китайского Туркестана, дали ученому миру первую общую картину природы Средней Азии. С периодом деятельности Северцова совпало учреждение Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г., и с этого времени начинается систематическое научное исследование нового края.

[1] Таким был, напр. составитель известного «Отчета» Кауфмана — П. И. Хомутов, исключенный в свое время студент Медико-хирургической академии в Петербурге.

В начале 70-х годов приехал для изучения Ферганы, Бухары и Алая А. П. Федченко, командированный Московским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии. Затем по приглашению К. П. Кауфмана в Туркестан приехали геологи И. В. Мушкетов и Г. Д. Романовский, совершившие в течение шести лет ряд экскурсий по Туркестану и собравшие богатый материал; результатом обработки его явилась первая геологическая карта края. В 70-х же годах в связи с Хивинским походом русскими учеными было начато изучение мощной реки Аму-Дарьи (экспедиция Обручева и др.) для решения вопроса об Арало-Каспийском Узбое. В 1888 г. совершил второе путешествие в Туркестан и Закаспийскую область П. П. Семенов-Тян-Шанский, который еще в 1856—1858 гг. предпринял экспедицию в Тянь-Шань, куда до него не проникали европейцы.

В скором времени природоведческие исследования производятся по всему Туркестанскому краю: В. Ф. Ошанин проникает в глухие уголки Каратегинского и Дарвазского хребтов, Н. А. Северцов — в сердце Памира, М. Н. Богданов — в пески Кызыл-Кум и Хивинский оазис.

Действительный член Академии наук Узбекской ССР Т. Н. Кары-Ниязов [1] пишет, что экспедиции русских ученых в Среднюю Азию проводились обычно без финансовой поддержки со стороны царского правительства, на скудные средства научных обществ; ученым часто приходилось вести исследования при полном равнодушии царских властей; экспедиции проходили в условиях бездорожья, при помощи примитивных средств передвижения, с лишениями и опасностями для жизни — в знойных пустынях и не нанесенных на карту высочайших горах. «Читая описание путешествий русских исследователей Туркестана, поражаешься упорству, терпению и самоотверженности этих ученых, преодолевавших зачастую невероятные по своей трудности препятствия. Только благодаря замечательному энтузиазму многих благородных тружеников науки могла быть проделана громадная работа, положившая начало географическому, зоологическому, ботаническому, почвенному и геологическому изучению Туркестана».

[1] Очерки истории культуры Советского Узбекистана, М., изд-во АН СССР, 1955, стр. 54.

Тот же автор отмечает: «... русские ученые, исследовавшие Туркестанский край, относились к местному населению с большим уважением и искренней симпатией». Когда, например, Кауфман запросил Северцова о пригодности исследованных им мест для колонизации, то Северцов поставил условие, чтобы колонизационные мероприятия проводились без стеснения коренного населения.

В изучении природы Средней Азии русские исследователи уже во второй половине XIX века достигли больших результатов. В XX веке экспедиционные исследования развивались.

Изучение Средней Азии экспедициями из центра уже с 70-х годов связывалось с систематической работой местных научных учреждений и обществ.

Первое в крае *научное учреждение* — Туркестанский статистический комитет, образован 22 января 1868 г. В нем собирались и подвергались «критической разработке все статистические сведения», при чем вопросы «ученой деятельности» решались «коллегиально» [1]. Издано 5 томов «Материалов для статистики Туркестанского края».

В декабре 1869 г. открылась Ташкентская химическая лаборатория; в своей научной отрасли она долго была в крае единственной. Ее услугами для анализов пользовались первые исследователи Средней Азии: Северцов, Мушкетов, Романовский, Миддендорф и др. Организатор лаборатории Н. Б. Тейх (1839—1910) возглавлял ее 32 года, ведя большую научную и общественную работу. Он помогал в проведении физических и химических опытов ташкентским гимназиям, участвовал в постоянной комиссии народных чтений [2].

Из учреждений краевого значения, сыгравших крупную роль в повышении культурного уровня русского и местного населения Туркестанского края, следует отметить *Ташкентскую публичную библиотеку,* открытую в 1870 г. Первые книги для нее Кауфман приобрел в Петербурге в 1867 г. В 1880 г. библиотека имела около 10 тыс. книг на русском и иностранных языках, а в 1905 г. в ней было уже свыше 40 тыс. томов. По поручению Кауфмана для библиотеки известным петербургским библиографом В. И. Межовым была организована работа по учету и приобретению русских и иностранных материалов (книг, журналов, газет, содержащих сведения, касающиеся Средней Азии в прошлом и настоящем). Из этих материалов было составлено 416 томов уникального «Туркестанского сборника», который является ценнейшим источником для исследователей Средней Азии. При библиотеке было положено начало собиранию восточных рукописей с территории Средней Азии.

[1] П[ропащих] (см. выше стр. 100, 2-е примеч.), стр. 36.

[2] Я. К. Муминов. Из истории курортного дела в Узбекистане. Из жизни и деятельности Н. Б. Тейха, Ташкент, 1957.

При ней был создан также краевой музей, охотно посещавшийся не только русскими и местными жителями Ташкента, но и приезжими. В музее постепенно были собраны ценные коллекции.

Первым шагом к созданию Ташкентской астрофизической обсерватории была метеорологическая станция, открытая в мае 1870 года при военно-топографическом отделе штаба военного округа (ранее недолго существовала метеостанция, открытая в 1867 г.). В 1873 г. началась постройка здания обсерватории. К 1880 г. обсерватория была оборудована и укомплектована персоналом. Первоначально обсерватория служила опорным пунктом при топографо-геодезических работах. Исключительное географическое положение Туркестана побудило руководителей обсерватории расширить ее задачи, возложить на ее сотрудников ряд чисто научных проблем, снабдив их превосходными по тому времени инструментами.

В астрофизической обсерватории были выполнены работы по астрофотографии В. Ф. Стратоновым, произведена обширная астрономическая и гравиметрическая съемка края полковником П. В. Залесским. С 1901 г. при обсерватории была устроена первоклассная, оборудованная новейшими приборами сейсмическая станция, деятельность которой с открытием в крае четырех второклассных станций приобрела особенно точный характер.

Научных учреждений край имел очень мало. Тем важнее была деятельность научных обществ.

В 1870 г. была сделана первая попытка объединить местные силы: при ближайшем участии А. П. Федченко был учрежден Туркестанский отдел Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, который организовал ряд важнейших исследований в Туркестане в области этих наук.

Это первое в Ташкенте научное общество распалось в 1894 г. Взамен появилось два новых.

В 1895 г. в Ташкенте возникла местная организация — *Туркестанский кружок любителей археологии,* который много сделал для изучения Туркестана. По словам учредителя кружка В. В. Бартольда (впоследствии академика), на обязанности местных любителей археологии лежит собирание сырых материалов археологического характера, на основе которых легче и правильнее делать общие выводы, касающиеся древней, средней и новой истории народов и государств Средней Азии. В соответствии с такой установкой уже на втором заседании членов кружка (22 января 1896 г.) была утверждена инструкция *для учителей сельских школ* по собиранию на местах сведений по археологии края и предметов, имеющих отношение

к вещественным памятникам его прошлых веков [1]. Деятельность кружка состояла в организации собраний и издании трудов членов кружка, производстве археологических разведок, охвативших обширные районы, и раскопок (преимущественно могильников), в собирании различных археологических находок, в исследовании исторического прошлого Туркестана по первоисточникам, в изучении памятников старины в крае и посильном наблюдении за ними с целью предохранения их от разрушения или хищнической эксплуатации [2].

Что касается историко-археологических исследований Туркестана, то в этой области значительную работу проделал выдающийся востоковед В. В. Бартольд, положивший основы по изучению древней и средневековой истории Узбекистана. Результатом изучения документов, касающихся указанных периодов истории Узбекистана, явилась книга Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (1898—1900) и ряд других работ, в которых автор впервые использовал и обработал местные источники. По его же инициативе началось изучение археологических памятников Узбекистана, в частности Самарканда и других старинных городов Средней Азии.

Археологией Туркестана занимались также центральные научные организации: Археологическая комиссия (с 80-х годов), Восточное отделение Русского археологического общества (с 90-х годов) и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении (с 1903 г.).

Туркестанский отдел Русского географического общества, организованный в 1897 г., вскоре сделался центром географических, геологических, зоологических и ботанических исследований природы Средней Азии. В качестве примера сошлемся на общее собрание отдела, происходившее 13 ноября того же года, когда был заслушан доклад В. Ф. Ошанина о его поездке в Аулие-Атинский уезд для сбора энтомологических коллекций. По словам докладчика, им определено 140 видов насекомых. Другой член отдела, П. А. Дьячков, на этом же заседании доложил собранию, что он совершил экспедицию на северный берег оз. Иссык-Куль, произвел измерения температуры воды и занимался другими исследованиями озера.

Среди естественно-исторических и в частности физико-географических работ отдела следует указать на ряд экспедиций для исследования Аральского моря под руководством проф. Л. С. Берга; итогом этих экспедиций явилось 13 выпусков «Научных результатов Аральской экспедиции», осветивших происхождение, природу и жизнь фауны и флоры моря, его дна и берегов. Выпуски составлены крупными специалистами и дополнены капитальным трудом Л. С. Берга «Аральское море». Другим объектом Туркестанского отдела Географического общества явились ледники, питающие реки Средней Азии. Систематические наблюдения имели важное значение для изучения деятельности, движения и периодических колебаний ледников как в настоящее время, так и в отдельные эпохи.

До 1917 г. вышло 13 томов «Известий Туркестанского отдела Русского географического общества» (некоторые тома состояли из многих выпусков). В этом издании, кроме статей (докладов) с разветвленной тематикой, охватывающей обширную территорию Средней Азии, содержится значительный материал картографический и фотографический. Отдел устраивал публичные лекции.

Важную роль в развитии производительных сил Туркестана сыграли *опытные сельскохозяйственные учреждения*, начиная со школы шелководства в Ташкенте (см. выше) и основанных в 1884 г. на ее участке опытной хлопковой плантации и гренажной станции. Крупнейшей была Туркестанская опытная сельскохозяйственная станция, начавшая планомерную работу в 1902 г. (подготовка велась с 1898 г.) [1]. Опытные сельскохозяйственные учреждения имели связь с соответствующими обществами.

В 1885 г. в Ташкенте возник Отдел Российского общества садоводства. Через 10 лет он преобразовался в *Туркестанское общество сельского хозяйства*, которое в дальнейшем направляло развитие сельскохозяйственного производства в Туркестанском крае. Это общество часто устраивало сельскохозяйственные выставки в Ташкенте, Самарканде и других городах Туркестанского края, издавало весьма содержательный журнал «Туркестанское сельское хозяйство». Обществом был организован также музей, собраны многочисленные издания литературы по садоводству, пчеловодству, хлопководству и т. д., ставились опыты для изучения и разработки вопросов, связанных с местным хозяйством, проводились лекции и беседы. Общество сельского хозяйства издавало на *узбекском языке* журнал «Дехкан». Важно отметить, что общество и его журналы привлекали к своей работе широкие круги местного населения.

Для пропаганды научного подхода к сельскому хозяйству большое значение имели *сельскохозяйственные выставки*. Первая такая выставка открылась в Ташкенте в 1878 г.[2]. Несколько раз выставки устраивались сельскохозяйственными обществами в Ташкенте и Самарканде.

[1] ТВ, 1896, № 7.

[2] В кн.: Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917), Ташкент, 1956 — освещена деятельность Н. П. Остроумова и других деятелей кружка.

[1] Добросмыслов, стр. 473.

[2] Описана Остроумовым в «Воспоминаниях...», стр. 52—53.

В 1894 г. в Самарканде отдел Всероссийского общества садоводства организовал первую выставку по сельскому хозяйству.

На ней был отдел земледельческих орудий, в котором демонстрировались орудия и приемы обработки земли в русском сельском хозяйстве и в местном, способы орошения и мелиорации, отделы виноградарства и виноделия, шелководства, огородничества и садоводства, кустарного и промышленного производства (мельница, маслобойня), кузнечного и столярного ремесел, коврового производства и др. На выставке была развернута палатка бухарских купцов и кустарей с показом образцов бухарских изделий. В результате просмотра экспонатов выставки экспертной комиссией два представителя местных земледельцев получили награды за свои экспонаты. Серебряную медаль получил ходжентский узбек Мир-Салих Мир Заидбаев. Он имел свой микроскоп, при помощи которого в присутствии экспертной комиссии выполнил задачу по определению зараженной грены шелкопряда.

В 1901 г. в Самарканде была открыта выставка шелководства и пчеловодства. При помощи выставок и выдачи премий за лучшие экспонаты гренажная станция оказывала влияние на развитие шелководства в Туркестане.

Сельскохозяйственные общества вели работу со школами. Отдел Всероссийского общества садоводства в Ташкенте устроил сад при школе в селе Никольском [1], проводил занятия по садоводству на детской площадке в городском саду. Школы привлекались к участию на выставках, организовавшихся Туркестанским обществом сельского хозяйства.

С делом народного образования в крае тесно было связано возникшее на пороге двадцатого века Ташкентское отделение *Общества востоковедения*, деятельным членом которого был В. В. Бартольд. На собрании 3 января 1902 г. было принято решение выработать детальную программу деятельности Ташкентского отделения Общества востоковедения, перевести ее на узбекский и таджикский языки и разослать всем его членам. (Напомним, что в числе членов общества состояло немало коренных жителей, интересовавшихся вопросами истории и современной жизни народов Востока). Эта программа представляет значительный исторический интерес. В первом ее разделе поставлены вопросы, относящиеся к выявлению условий, в которых обществу «приходится действовать»; первые четыре пункта передаем дословно:

1. Ознакомление с русско-туземными школами: сколько их в крае, как они распределяются по городам, сколько человек обучается, какова программа обучения, каковы результаты, какова судьба кончающих?

[1] Добросмыслов, 303.

2. Ознакомление с образовательными поездками молодых туземцев: с какого времени они предпринимаются, сколько человек ими воспользовалось, как они организуются и каковы результаты?

3. Ознакомление с вечерними курсами для взрослых туземцев и публичными лекциями: с какого времени и когда они устраиваются, в чем состоят, кто их посещает и каковы результаты?

4. Ознакомление с умственным движением туземцев: что они читают, откуда берут книги, что и где издают, какое влияние имеет отсутствие местной восточной цензуры?[1].

Во втором разделе программы находим мероприятия, касающиеся расширения старых и изыскания новых способов сближения коренных народов с русскими людьми, содействия росту русско-туземных школ, организации образовательных поездок молодых туземцев, вечерних курсов для взрослых туземцев и публичных лецкий, устройства практических курсов узбекского, персидского и казахского языков для русских и русского языка для местного населения, организации школ рукоделия, грамотности, фельдшерских курсов для девочек из местных семей, содействия по распространению оригинальных и переводных изданий на восточных языках для ознакомления народов Туркестана и сопредельных стран с Россией, ее обычаями, навыками и просвещением.

В других частях программы найдем пункты, касающиеся устройства типографий и открытия магазинов восточных книг, изучения быта, нравов населения Туркестана и зарубежных стран Азии, издания сочинений на русском языке по всем отраслям востоковедения и т. д. Важнейшая для Об-ва часть программы была посвящена торгово-промышленному отделу».

Нет сомнения, что Общество востоковедения не могло реализовать всей намеченной программы. Однако в части сближения коренных жителей с русским населением, в деле ознакомления их с элементами передовой русской культуры, с языком русского народа это общество сделало немало. В составе общества были представители местной администрации; пользуясь их влиянием, передовые члены общества проводили прогрессивные культурно-просветительные мероприятия. Правление общества развернуло широкую сеть курсов русского языка при русско-туземных школах. Например, в 1903/04 учебном году на бесплатных вечерних курсах русского языка для взрослых при шести русско-туземных школах Ташкента обучалось 222 человека — в большинстве это были узбеки; для пяти из этих курсов общество получило субсидию из краевого бюджета, а на шестые курсы — из городского. От пятимесячных кур-

[1] ТВ, 1902, 17 января.

сов русского языка общество стало переходить к более длительным.

Платные вечерние курсы местных языков для русских, устраивавшиеся обществом, имели мало успеха.

От Общества востоковедения шла инициатива многих мероприятий, направленных на взаимное знакомство народов Туркестана и русского народа в области культуры. Член общества Н. С. Лыкошин перевел на узбекский язык «Русскую летопись для первоначального чтения» проф. С. М. Соловьева. В 1904 г. Общество представило три проекта подготовки востоковедов: проект института восточных языков, отдельной средней школы специального типа по востоковедению и курсов восточных языков при Туркестанской учительской семинарии. Из трех вариантов генерал-губернатор одобрил последний, но ни один не был осуществлен. Кроме того, правление общества подготовило проект открытия в Ташкенте коммерческого училища с преподаванием восточных языков; такое училище было открыто в 1907 г. как частное.

В январе 1905 г. общее собрание общества высказалось за организацию курсов местных языков при старших классах всех городских училищ края, а для местной молодежи признало нужным открыть в Ташкенте городское училище повышенного типа, в котором окончившие русско-туземные школы могли бы продолжать образование. Русско-туземная школа повышенного типа открылась в Ташкенте в 1905 г., а обучение местному языку в высших начальных училищах стало вводиться только с 1912 г.

Можно отметить еще один факт из деятельности этого общества: оно занималось пропагандой раскрепощения восточной женщины[1].

Наиболее деятельным членом Общества востоковедения был полковник И. Д. Ягелло, воспитатель ташкентского кадетского корпуса. Он много лет был секретарем общества и его фактическим руководителем.

Заслуживает внимания также деятельность *Ташкентского педагогического кружка,* возникшего в 1903 г.[2]. Члены его вначале делились на шесть секций и вели просветительную работу — в основном среди городского русского населения.

Секции занимались:

1-я — подготовкой молодежи в различные учебные заведения и в экстернат;

2-я — организацией народных чтений, устройством курсов и экскурсий общеобразовательного характера;

3-я — организацией курсов практических знаний и профессиональных умений и навыков;

[1] ТВ, 1901, № 26, 33, 36 и др.
[2] ТВ, 1903, № 7.

4-я — дошкольным воспитанием и физическим развитием детей: устраивала детские игры, праздники и прогулки;

5-я — устройством педагогического музея, склада учебных пособий;

6-я — школой для туземных женщин.

Кроме того, устраивались заседания кружка с докладами на педагогические темы (например, «Человек как предмет воспитания по инструкции воспитательной части современных кадетских корпусов», «Принципы умственного развития в применении их в школьной практике» и др.), бывали и публичные педагогические лекции (например, «Новые школы во Франции по личным наблюдениям» и др.).

В 1903—1905 гг. кружок имел много членов (в 1904 г. 159 членов, главным образом из педагогического персонала, и 62 кандидата—из родителей). Наиболее интенсивно работали секции экстерната и дошкольная. В заслугу секции дошкольного воспитания следует отнести содействие родителям в организации в Ташкенте платной летней детской площадки (она называлась детским садом), а в Самарканде — детских яслей. В 1904 г. детская площадка действовала с 11 апреля по 1 сентября, утром с 9 до 12, днем с 4 до 7 час., при средней посещаемости 130 человек; сюда охотно приходили и школьники. Плата за посещение взималась незначительная. В 1905 г. в местной газете была заметка о том, что детский сад педагогического кружка посетило с начала его основания 5100 детей. «Интересно отметить, что сад все чаще начинают посещать сартовские и татарские семьи», сказано в заметке[1].

Кружками и его секциями руководили «тузы» школьной и учебной администрации края; вероятно, поэтому работа его носила замкнутый характер и не отвечала запросам массового учительства; к работе кружка не привлекались учителя местных мактабов и медресе.

В последующие годы кружок заглох. Детская площадка прекратила существование с весны 1911 г.

Кроме Ташкента, русские научные и культурные учреждения и кружки появились и в областях края. С 1887 г. организовались *областные статистические комитеты.* К концу XIX в. во всех областных городах имелись музеи; при музеях обычно собиралась научная литература (кроме того, в областном городе была общедоступная библиотека с читальней.) Области посещались научными экспедициями.

Культурные кружки русской интеллигенции в городах Туркестана образовались прежде всего на почве художественной самодеятельности. В *Коканде* сразу же после появления в нем русского гарнизона организовался кружок любителей драматического искусства. В начале 1886 г. в ташкентской газете

[1] ТВ, 1903, № 7.

корреспондент сообщил: «Вот уже 8 лет каждый зимний сезон в Коканде дается по нескольку любительских спектаклей. Любовь к театру распространена не только между интеллигенцией, но и между нижними чинами гарнизона; нелепая пьеса «Царь Максимилиан» давно покончила свое существование и заменена, под руководством офицеров, более осмысленными сценами из народного быта. Многие туземцы весьма охотно посещают спектакли»[1].

В Самарканде в конце 90-х годов и начале XX в. народные чтения имели большой успех благодаря тому, что сопровождались выступлениями отличного любительского хора (См. стр. 384, примечание).

Чтение на узбекском языке с диапозитивами, во дворе медресе на площади Регистан собирали множество слушателей из коренного населения; организатором чтений был Ю. О. Якубовский (отец известного историка А. Ю. Якубовского)[2].

Русские врачи в культурной жизни туркестанских городов играли важную роль. Среди них были подлинные энтузиасты дела; например, при постройке больницы в Петроалександровске (ныне Турткуль) врач Благовещенский употребил на отделку ее много своего личного труда[3]. В Новом Маргелане 90-х гг. на собраниях Медицинского общества бывало более 30 человек (из уездов приезжали на лошадях). В 1895—1896 гг. на 15 заседаниях 15 человек (из них 6 из уездов) выступили с 33 докладами (включая демонстрацию больных)[4]. Областной врач В. И. Кушелевский составил фундаментальное описание области[5].

В научные исследования включались русские учителя, разбросанные по краю. В 90-х годах В. П. Наливкин в докладе «Об осмотре учебных заведений Туркестанского края» писал: «Многие из учителей русско-туземных школ, как, например, Гаврил Семенович из Старо-Маргеланской школы, Ф. И. Русанов (Катта-Курганской школы), Андрей Алексеевич Кузнецов (Дагбитская школа), Арсений Маркович Лукьянов (Пенджикентская школа) весьма деятельно продолжают начатое ими в семинарии изучение местных языков... Лукьянова... я застал... совершенно увлеченным изучением зеравшанских таджикских наречий и взял с него слово по возможности систематизировать столь нравящийся ему и несомненно полезный для него труд, дабы со временем внести свою лепту

[1] ТВ, 1886, № 5.
[2] Журн. «Русская школа», 1901, № 10—11, ч. I, стр. 103—105.
[3] ТВ, 1886, № 26.
[4] Протоколы заседаний Ферганского Медицинского общества за 1896—1897 гг., Н. Маргелан, 1897.
[5] Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области, изд. Ферганск. обл. стат. кт-а, Н. Маргелан, т. I (природа), 1890. 402 стр.; т. II (население), 1891. 476 стр.; т. III (медицинские вопросы).

в дело изучения таджикских наречий, остающихся еще очень мало исследованными. Кузнецов оказался заинтересованным главным образом бытом и мировоззрением окружающего народа; он сделал ряд очень интересных сообщений, ведет подробные записи всему тому, что может считаться интересным для науки»[1].

После ухода Наливкина из учебного ведомства эти учителя не получали нравственной поддержки; в 1904 г. некоторые из них оказалась уже работниками городских канцелярий[2]; о судьбе их научных начинаний сведений нет.

Научные учреждения и общества Туркестанского края издавали свои труды. Печатание этих трудов в начале производилось в центре; например, в Петербурге печатались сборники Туркестанского статистического комитета. Позже наладилось книгопечатание не только в Ташкенте, но и в областных городах. В областной типографии в Новом Маргелане в начале 90-х годов изданы три тома названного выше труда В. И. Кушелевского (с применением для научных названий латинского шрифта); в 80-х годах та же типография выпустила объемистую (229 стр.) работу В. П. Наливкина о песках с графическими иллюстрациями[3], а также его брошюру о русской истории на узбекском языке[4]. В Хиве в 70-х годах появилась литография при ханском дворце; позже в ней работал печатником Атаджан Абдалов, учившийся в русской школе в Петроалександровске[5].

* * *

Объем научных исследований в дореволюционном Туркестане, в сравнении с его размахом в социалистических республиках Средней Азии, был крохотным. Для накопления знаний о Средней Азии было важно создание еще около 90 лет назад научно-технического аппарата: книгохранилища с литературой по Среднему Востоку, геодезической и метеорологической служб, химической лаборатории, статистического комитета, первых опытных сельскохозяйственных учреждений.

Очень важным было и то, что местные культурные и научные общества воспитывали русскую интеллигенцию в крае в прогрессивном духе, а весь объем организованной в Туркестане культурной и научной работы открывал глаза коренному населению на необходимость выйти из средневековой отсталости; на этой же почве крепла дружба представителей коренного населения и русского народа.

[1] ЦГИА УзССР, ф. 47, д. 764. Цитир. по диссертации М. Ф. Думенко, Русско-туземные школы Туркестана, М., 1955, стр. 244—245.
[2] Н. Остроумов, Отчет ТУС за 25 лет; списки выпускников.
[3] В. П. Наливкин, Опыт исследования песков Ферганской области, Новый Маргелан, 1887.
[4] Под псевдонимом Джахангир-тюра.
[5] История Узбекской ССР, т. I, кн. 2, стр. 334.

Глава четвертая

РУССКИЕ ШКОЛЫ ДЛЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНА

ПЕРВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ЭТИХ ШКОЛ (до 1884 г.)

Царская администрация, как мы знаем, застала на присоединенных землях узбекских ханств Средней Азии густую сеть мусульманских школ и других учреждений ислама. Кочевые народы, вошедшие в состав населения Туркестанского генерал-губернаторства, казахи и киргизы, находились в начальной стадии подчинения влиянию культуры ислама, шедшей с юга—из узбекских ханств и с северо-запада—от татар Поволжья. Только правящие верхи этих народов приняли ислам более или менее прочно. Перед царской властью возникла задача большой политической важности—преградить проникновение ислама в народные массы Казахстана и Киргизии, с тем чтобы мусульманская идеология не мешала влиянию русской официальной государственности, проведению политики правящих классов России. Заметим, что Кауфман, перед тем как стать туркестанским генерал-губернатором, уже имел дело с подобной политической ситуацией, когда был генерал-губернатором Северо-Западного края, в состав которого входили Литва, Белоруссия и часть Польши; там Кауфман боролся с окатоличиванием литовцев, белоруссов и украинцев и стремился обрусить и оправославить эти народы [1].

Ко времени развертывания школьного дела в Туркестанском крае Кауфман имел возможность познакомиться с педагогической системой Ильминского; в 1869 г. вышел «Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев», а в марте 1870 г. издан закон «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев». На основании этих материалов, особенно «Записки ординарного профессора С.-Петербургского университета В. В. Григорьева», помещенной в «Сборнике документов», Кауфман построил свою теорию невмешательства в религиозные дела народов Средней Азии и «игнорирования» местных мусульманских школ. По мнению В. В. Григорьева, вся жизнь мусульман тесно связана с их религией; поэтому «можно истребить магометан или изгнать их из империи, если бы это было признано нужным, но переделать их радикально нельзя». Отсюда Григорьев делал вывод: не надо реформировать школы мусульман, вводя русский язык и другие светские предметы. Теперешние преподаватели медресе русского языка не знают, а христианам преподавать в магометанских училищах «неприлично» [1]. Поэтому нужно в законодательном порядке заставить мусульманских учителей и должностных лиц изучать русский язык путем самообразования. Григорьев рекомендовал особое внимание обратить на тюркские народности, еще не зараженные исламом.

Не касаясь существа этой совершенно неправильной, политически реакционной «теории» Григорьева, скажем только, что Кауфман до конца жизни придерживался этих воззрений: как мы видели, он избегал вмешательства в религиозные дела мусульман и обратил главное внимание на охрану от ислама кочевых народов Туркестана. Кауфман решил сосредоточить усилия на устройстве школ именно для казахов и киргизов и рассчитывал, что дети этих народностей «обрусеют в русских школах и примкнут к русской гражданственности, после чего узкое и одностороннее мусульманство не будет уже в состоянии оказывать на них своего влияния, не соответствующего идеям и принципам европейской цивилизации» [2]. Что касается мусульманских школ, то Кауфман надеялся, что они сами собой исчезнут «вследствие дряхлости мусульманского мира». Главные надежды он возлагал на русские общеобразовательные школы и на общение узбеков и таджиков с русским населением, хотя недооценивал огромного значения свободного экономического общения народов Средней Азии с русским населением после ее присоединения к России, не понимал роли капиталистических тенденций, шедших из России и проникавших в экономику Средней Азии.

Кауфман осмотрел в 1868 г. казахскую школу в Перовске, остался недоволен постановкой учебной работы в ней и раздельным обучением русских детей и детей казахов. Он написал Сыр-Дарьинскому военному губернатору, что для

[1] Здесь уместно напомнить, что Кауфман в Литве приказал печатать для литовцев католическую литературу не латинским, а русским шрифтом.

[1] Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев, Спб., 1869, стр. 204—205.

[2] Н. П. Остроумов, Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае, в кн. «Кауфманский сборник», М., 1910, стр. 140.

устройства народного образования в крае в будущем он «полагает необходимым *воспитывать детей русских и туземцев вместе* и для устранения вредного в экономическом и политическом отношении обособления школ мусульманских от русских принять в основание не религиозные различия, а одни и те же правила...»[1].

Кауфман внимательно следил за тем, чтобы его требования о совместном обучении русских детей и детей коренных национальностей выполнялись. Через несколько лет Кауфман провел ревизию школ Семиреченской области и написал губернатору Колпаковскому: «Судя по школам, осмотренным мною в Семиреченской области, дети православного вероисповедания обучаются не в одних школах с детьми мусульман. Такое направление народного образования совершенно неверно. Не религиозные различия должны быть в основании воспитания русских православных или русских мусульман, а одни и те же правила, способные сделать тех и других одинаково полезными гражданами России. На этом основании искусственное разделение училищ Семиреченской области на христианские и мусульманские должно быть постепенно уничтожено вашим влиянием на мусульманское население»[2]. Дальше Кауфман требует, чтобы и в школах не было разделения по религиям и чтобы «все русские дети (дети, живущие в России.—*К. Б.*) без различия вероисповедания могли бы одинаково пользоваться выгодами общего образования».

Приведенные соображения первого генерал-губернатора Туркестанского края совершенно точно определяют направление школьной политики царской администрации периода завоевания и методы сближения народностей Средней Азии с русскими: школы должны быть общие для детей русских родителей и детей коренного населения; преподавание в этих школах происходит на русском языке по русским программам и учебникам; учась в русской школе и общаясь с русскими детьми, дети коренных народностей постепенно будут сближаться, сливаться с русскими. Вот та программа обрусительной политики, которая проводилась в первый период присоединения Туркестана к России. Конечно, дело шло прежде всего о привлечении детей влиятельных семей коренного населения в русские школы для подготовки из них служащих низового колониального аппарата.

Чтобы привлечь в русские школы *учащихся из кочевого населения,* при школах стали открывать ученические квартиры, в которых дети местных национальностей содержались бесплатно.

[1] См. кн.: С. Граменицкий, Очерк, стр. 3.

[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 132, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, стр. 162.

Первые школы, в которых стали учиться дети сыр-дарьинских казахов, были Перовская и Казалинская начальные школы. По отзыву Остроумова, «из этих школ не вышло ни одного обруселого, ни образованного киргиза, так как обе школы обладали слишком мелкими образовательными средствами и еще потому, что учителями в этих школах были инородцы, едва ли проникнутые идеей обрусения...»[1].

Кауфман в отчете правительству дает еще более резкую характеристику этим школам: «Казалинская и Перовская школы, устроенные каждая для 25 киргизских мальчиков, действовали до такой степени неудачно, что первая в период пятилетнего существования своего не выпустила ни одного воспитанника, окончившего курс, вторая же в промежуток 7-ми лет, с 1863 по 1870 год, выпустила таких питомцев всего лишь пять человек»[2].

Но Кауфман продолжал внимательно следить за этими школами. После учреждения в 1876 г. Управления учебными заведениями края Перовская и Казалинская школы были приняты в ведение Министерства народного просвещения, преобразованы в городские училища, получили дополнительные суммы на оборудование, назначены были новые учителя: двое из них окончили восточный факультет Петербургского университета, а третий—Казанскую духовную академию. Все трое знали родной язык детей. В заметке в «Туркестанских ведомостях»[3] читаем об этих школах:

«Успехи инородческих учеников Перовского и Казалинского училищ хорошо известны как ближайшему учебному начальству, так и администрации Туркестанского края. В мае текущего года оба эти училища были подробно осмотрены главным инспектором Туркестанского края и затем туркестанским генерал-губернатором и военным губернатором области. Все названные лица остались вполне довольны успехами Перовского и Казалинского училищ, а туркестанский генерал-губернатор выразил учителям этих училищ свою благодарность в особом приказе по учебному ведомству». Ученики названных училищ, читаем дальше, и развитием производят приятное впечатление на постороннего посетителя. Одеты они просто, но опрятно; русским языком как книжным, так и разговорным, владеют вполне достаточно; русскую школу и ее учителей они искренне любят, к русским своим товарищам относятся с доверием; предубеждений против русской науки не имеют и при каждом

[1] Н. П. Остроумов, Исторический очерк... (см. библиографию), стр. 269. На стр. 249—286 подробно описаны «Первые училища для киргиз в Перовске и Казалинске».

[2] Кауфман, Проект, стр. 433.

[3] ТВ, 1879, № 30, ст. Н. П. Остроумова «Несколько слов об образовании туземцев Сыр-Дарьинской области в русских школах в 1878 г.».

удобном случае заявляют о своем желании учиться все больше и больше.

По-видимому, важным условием успешного обучения детей казахов в русской школе служило применение учителями родного языка детей в процессе обучения и в интернате, а также гуманное отношение учителей к детям.

При ревизии школ Остроумова заинтересовала ученическая квартира Аулие-Атинского училища. В ней помещалось тогда семь мальчиков: 6 казахов и 1 татарин. Квартира помещалась в здании училища, обставлена в гигиеническом отношении хорошо, дети производили хорошее впечатление: «Они здоровы, детски простодушны и не обнаруживают ни малейшего фанатизма». На уроках чтения, письма и арифметики они находятся вместе с русскими своими товарищами, во время смены — вместе с русскими принимают участие в общих играх. Во время уроков по закону божьему они отдельно от русских учеников упражняются в разговорном русском языке. Несомненно, заканчивает Остроумов, что при внимании к ним учителя, который, к сожалению, не владеет русским языком (в совершенстве), и при такой безукоризненной внешней обстановке, «настоящий состав инородческой ученической квартиры послужит хорошим началом важному государственному делу сближения туземцев Аулие-Атинского уезда с русским народом» [1].

Остроумов так определяет назначение ученической квартиры при Копальском училище Семиреченской области: «Пансион имеет своей задачей подготовлять киргизских детей, совершенно не знающих русского языка, к совместному обучению с русскими детьми в русском училище, давать помещение и содержание при постоянном надзоре за ними внеклассного времени». В пансионе помещалось 24 казаха в возрасте от 7 до 10 лет из различных волостей. Учебной частью пансиона заведовал один из местных чиновников военно-народного управления.

Быт местных детей в интернатах строился только отчасти по типу русских пансионов. Во всех училищах одежда, белье и обувь пансионеров были одинаковой формы, указанной Кауфманом, «и отличались простотой, удобством и покроем, не заключавшим ничего мусульманского...; каждый день пансионеры имели утренний и вечерний чай, обед и ужин; во всех случаях обстановка стола была русская и пища приготовлялась русским способом, особою (русскою) кухаркою» [2]. О бытовой стороне пансиона в Копале Остроумов говорит: «Спальная комната представляет собой нечто своеобразное: в комнате нет коек и ничего подобного. Дети спят на полу,

[1] ЖМНП, 1879, VII.
[2] ТВ, 1879, № 30.

устланном кошмами, и располагаются в два ряда так, что головы спящих находятся на одной возвышенности, образуемой длинным невысоким изголовьем» [1]. Следовательно, дети спали вповалку на полу, а Остроумову не пришло в голову осудить такой негигиеничный порядок жизни детей и потребовать отдельных кроватей для них, как это было в пансионах для русских детей. Русскую кухарку в интернате он заметил, а на кочевой метод содержания детей в интернате не обратил внимания.

Опыт вовлечения детей коренного населения в русские школы проводился в русском Туркестане в первые 20 лет в основном в районах кочевого казахского населения. В районах *оседлого узбекского и таджикского населения* были в этом направлении только случайные единичные попытки.

Катта-Курганской смешанной школой в Зеравшанском округе заведовал русский священник Зеленецкий, помощником его был рядовой солдат 5-го Туркестанского линейного батальона Свечник [2]. Состав учащихся: 4 русских мальчика, 4 русских девочки, 2 узбекских мальчика, 1 афганец и 1 индус. Программа обучения: закон божий для русских, чтение и письмо, начальные действия по арифметике. Остроумов у учеников-«туземцев» не заметил «религиозной исключительности и подозрительности»; в Катта-Курганской школе,— пишет он,—«разноплеменные учащиеся,—и вместе с тем простота и непринужденность отношений учащихся между собой и с преподавателями». Но он забыл дать оценку тому факту, что за 6 лет школа, основанная в 1872 году, сумела привлечь в городе только двух детей местной национальности и двух сыновей торговавших там купцов из соседних стран Азии.

Среди коренного населения в городах Туркестана находились отдельные лица, активно интересовавшиеся изучением русского языка. В «Туркестанских ведомостях» 70—80-х годов зафиксированы показательные факты. В Ташкенте единственная русская школа находилась далеко от населенного узбеками старого города, и оттуда в эту школу в 1878/79 учебном году ходило только трое учеников, все—взрослые. В г. Верном русская школа была рядом с базаром, около которого жило несколько торговцев узбеков, и вот кое-кто из ташкентских купцов узбеков послал в 1875 г. сыновей к родственникам в Верный в русскую школу [3]. В Коканде

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 18, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края.
[2] После ревизии в 1879/80 учебном году школой заведовал уже учитель, имевший соответствующее звание, у него была помощница (см. «Памятную книжку...» на 1879/80 учебный год).— *Ред.*
[3] Напомним, что в ханское время сын ташкентского купца Сеид-Азимбая учился русскому языку в Нижнем Новгороде. В ханском Коканде в 1867 г. Хорошхин знал двух купцов, говоривших по-русски, бывавших в России. (Хорошхин. 54). — *Ред.*

русская школа открылась в 80-х гг. в бывшем ханском дворце в районе старого города, и вскоре в нее поступили мальчики узбеки [1]. Такие случаи были связаны, очевидно, с теми, кто торопился получить в торговле или ремесле русских клиентов.

Мусульманское духовенство, влияние которого было велико среди оседлого населения, энергично препятствовало обучению детей в русских школах совместно с «неверными». В целях вовлечения некоторого числа учащихся-узбеков и таджиков в русские школы, Кауфман назначал «богатых и влиятельных туземцев» почетными блюстителями этих школ; «влиятельные туземцы», знавшие русский язык, привлекались на заседания педагогического совета (например, в Коканде); для осмотра русских учебных заведений в Ташкенте приглашались богачи из старого города; на должности заведующих школами и школьных инспекторов назначались лица с специальным образованием, востоковеды. Были случаи, когда учащихся-мусульман из бедноты нанимали учиться в русской школе; первого мусульманского мальчика (татарина) в русскую школу в Ташкенте в 1868 г. привлек лично Кауфман за плату его родителям 10 рублей в месяц [2]; по 4 руб. в месяц получали две девочки узбечки, учившиеся в 1879 г. в Чимкентской школе [3]. Несмотря на такие меры, количество детей коренного населения в русских начальных училищах Туркестана оставалось очень скромным.

Неблагополучно было и с качественной стороной обучения детей коренного населения в русских училищах.

Новый главный инспектор училищ Туркестанского края Забелин, сменивший в 1882 г. Куна, пишет: «Как из своих личных наблюдений, так и из наблюдений г. г. инспекторов народных училищ и других лиц, посещавших низшие учебные заведения Туркестанского края, я убедился, что дело образования инородцев стоит на довольно низкой ступени развития и успеха. Наша русская школа здесь, несмотря на 18-летнее существование, не успела поселить среди туземцев должного уважения к себе. Туземные мальчики большею частью выходят из наших школ, не доканчивая учебного курса, с крайне плохим знанием русской речи и грамоты, а взрослые, особенно наиболее фанатичные, опасаются русской школы; наиболее же умеренные не видят от нее никакой жизненной пользы» [4].

---

[1] ТВ, 1886, № 5.

[2] Н. Остроумов, Рассказ о покойном К. П. фон Кауфмане. В кн.: «Туркестанский литературный сборник в пользу прокаженных», Спб., 1900.

[3] Н. Остроумов, Воспоминания, стр. 98—99.

[4] См. циркуляр «Учителям городских и приходских училищ, заведующему общей ученической квартирой при Ташкентской мужской гимназии и помощнику его, а также надзирателям за интернатами при городских училищах Туркестанского края».

При ревизии школ оказывалось, что преподавание велось обычно только на русском языке, учебных пособий для детей местного населения почти не было [1]; родной язык детей в школах не применялся; закон божий русским детям преподавался в присутствии детей других вероучений; словом, не уделялось никакого внимания национальным интересам детей коренного населения, игнорировались национальные права местного населения.

Забелин [2] отмечает, что одной из причин крайней неудовлетворительности дела образования туземцев служит «поголовное и полное незнание лиц, близко стоящих к самому делу, туземных языков, на которых говорят и мыслят их ученики из инородцев. Туземный мальчик, ни слова не понимающий по-русски, входя в русскую школу, встречает учителей, ни слова не понимающих из туземных наречий».

В циркуляре главного инспектора Забелина описано внешнее состояние школьного дела и мало говорится о причинах провала в Туркестанском крае школьной политики царизма. В отчете инспектора народных училищ Смирнова, проводившего ревизию училищ Сыр-Дарьинской области, находим другое объяснение слабой популярности русских школ среди коренного населения. Смирнову не раз приходилось слышать, что русские городские училища не нужны коренному населению, так как в учебном курсе этих училищ *нет мусульманской грамоты.*

Для туземца, пишет Смирнов, крайне странно видеть своего сына, учившегося в русской школе и не умеющего ни прочитать, ни написать по-мусульмански, (т. е. арабскими бук-

---

[1] Для русских школ, в которых учились и дети коренного населения, были изданы книги: М. А. Терентьев, «Русская азбука для Средней Азии» и к ней «Руководство для учителей к обучению в школах Средней Азии одновременно письму и чтению», Спб., 1875. Оба пособия обсуждались в декабре 1879 г. педагогическим советом Туркестанской учительской семинарии; «Отзывы были не в пользу рассмотренных учебников». (Н. П. Остроумов, Отчет ТУС за 25 лет, стр. 105). В русских школах Туркестана применялся также учебник Вольпера, предназначенный для нерусских учащихся Прибалтики. — *Ред.*

[2] В кн. А. И. Добросмыслова «Ташкент в прошлом и настоящем» (стр. 235) есть данные о службе А. И. Забелина: пробыв 12 лет врачом, он стал губернским чиновником в Твери; в 1864 г. назначен директором новой и первой в России учительской семинарии в Молодечно (Виленского учебного округа); затем был товарищем прокурора во Владимире, потом служил в синоде, с 1870 г. был директором Екатерининского учительского училища в Тамбове, с 1872 г. снова в Петербурге в Синоде, в цензурном комитете. По словам Добросмыслова, Забелин «в делах просвещения ни малейшего понятия не имел», проводил время за картами, всем ведала канцелярия. Фактическим руководителем учебного округа с 1882 г. часто бывал Остроумов, иногда и официально исполнявший должность главного инспектора. Резкий отзыв о взаимном непонимании между туземным мальчиком и русским учителем отражает, несомненно, точку зрения Остроумова и школы Ильминского.— *Ред.*

вами); тем более это странно, что в туземной среде все акты, торговые записи и обыкновенные письма составляются не иначе как по-мусульмански, а потому учившийся в русском городском училище должен на каждом шагу отступать перед каким-нибудь полуграмотным сородичем, учившимся в туземном мактабе и умеющим кое-как разбирать мусульманскую грамоту. Смирнов делает выводы: русское образование является, таким образом, в глазах «туземцев» как бы бесполезным, а потому в интернаты при городских училищах идут только бедняки, ищущие дарового хлеба. Таким образом, руководители школьного дела в крае точно установили причины неуспеха русской школы среди нерусских народов Туркестана. Они заключались в том, что преподавание велось на непонятном для детей русском языке, родной язык детей не преподавался в школах, учителя не знали родного языка детей, ученики не понимали преподавания на русском языке.

Приведем один факт, ярко иллюстрирующий общую политическую линию туркестанской администрации, взятую ею тотчас же после учреждения Управления учебными заведениями края.

Военный губернатор Семиреченской области донес главному инспектору училищ края, что в русских школах для казахов преподается мусульманское вероучение и казахский язык. Главный инспектор обратился к генерал-губернатору Кауфману с рапортом: «Имея в виду неоднократно высказанное вашим высокопревосходительством мнение, что представляемое русскими школами Туркестанского края образование должно иметь целью исключительно русские интересы и избегать всего, что может усилить мусульманство, почтительнейше испрашиваю разрешения просить господина военного губернатора Семиреченской области сделать распоряжение о немедленном прекращении преподавания киргизского языка и мусульманского закона божьего в школах выше приведенных городов, обратив остающиеся за этим сокращением средства на усиление преподавания русского языка»[1]. Следовательно, главный инспектор училищ Туркестанского края полагал, что одна из основных задач учебной администрации заключалась в том, чтобы запрещать детям коренного населения изучать родной язык и религию своих отцов в русских школах и обучать этих детей сразу же на русском языке, которого дети казахов совершенно не понимали. К чести Кауфмана следует сказать, что он разрешил обучать родному языку детей казахов в русской школе, а мусульманскую религию приказал исключить из преподавания в школах.

[1] ЦАУ УзССР., ф. 47, д. 10, О прекращении преподавания мусульманского закона божия в русских школах для туземцев в Семиреченской области, 1876.

Итак, обращение к родному языку детей коренного населения осуществлялось в русских школах Туркестанского края слабо вследствие плохого знания русскими учителями местных языков. Поэтому тормозились успехи учащихся местных национальностей. Однако это не мешало притоку в русские школы, главным образом в интернаты при них, детей казахов. В районах же оседлого узбекского и таджикского населения интернаты русских школ, устроенные для детей местных национальностей, пустовали, потому что родители опасались отдавать детей в руки «неверных».

РУССКО-ТУЗЕМНАЯ ШКОЛА КАК НОВЫЙ ТИП ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ ОБРУСИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА СРЕДИ ОСЕДЛОГО МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

(до конца XIX в.)

Новый (с февраля 1884 г.) генерал-губернатор Розенбах в докладе министру народного просвещения от 14 февраля 1885 г. подводил итоги школьной политики царского правительства в Туркестане за 20 лет. Определяя приблизительно количество религиозных школ в 4 тыс., а число обучавшихся в них 40 тыс. на 2,5 млн. жителей Туркестана, Розенбах пишет: «Влияние этих многочисленных школ на туземцев неотразимо. Ими поддерживается ислам со всеми его суевериями и мертвая, чуждая всего живого, всего нового и разумного, старая средневековая схоластическая наука, и ими же, наконец, народ держится в том умственном невежестве, которое сторонится всего европейского и в частности русского. Организация этих школ крайне проста, вполне удовлетворяет малоразвитым духовным потребностям и чрезвычайно дешево стоит. От этого и зависит живучесть и устойчивость мусульманской школы...»[1].

Как и Кауфман, Розенбах считал, что одним из главных факторов «цивилизаторской миссии» царской власти в Средней Азии является русская общеобразовательная школа, которая должна «мусульманскому невежеству» противопоставить «русско-европейское просвещение». Анализируя положение учебного дела в Туркестанском крае, Розенбах пишет: «...приходится сознаться, что мы здесь пока совершенно бессильны в борьбе с мусульманским невежеством, что мы в продолжение своего 20-летнего управления краем почти совсем не приступали к осуществлению лежащей на нас историче-

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 705, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края.

ской задачи, к просветительной миссии, к образованию инородцев. В этом убеждает меня прежде всего как малочисленность существующих здесь наших русских школ, так и крайняя ограниченность обучающихся в них туземцев». Генерал Розенбах далее в этом же докладе приводит интересные статистические данные, касающиеся охвата детей коренного населения Туркестана русскими и мусульманскими школами через 20 лет после подчинения России Ташкента. Эти сведения можно свести в такую таблицу:

Таблица 8

	В системе мусульманских школ	В системе русско-туземских школ	В системе русских школ
На одну школу приходится коренного населения	600	86 404*	—
На одного учащегося приходится населения	60	1 464	12 000

* Все коренное население Туркестана Розенбах исчислял в 2,5 млн. человек.

Розенбах считает, что 200 учащихся в русских школах из коренных национальностей составляют каплю в море «среднеазиатского невежества и мусульманства». Он приводит следующее обяснение неуспеха русских школ:

1) программа городских училищ слишком обширна и серьезна для детей русского населения и совершенно недоступна для детей коренного населения [1];

2) первоначальное обучение детей местного населения производится на русском, а не на их родном языке; нужно было открывать школы для детей коренных народностей отдельно от русских учеников;

3) учителя русских школ не знают языка местного населения.

Нет надобности долго объяснять, что основная причина отрицательного отношения народов Туркестана к русским школам заключалась не в «обширных и серьезных» программах, а гораздо глубже: в колониальном гнете царизма, в преследовании школ на родном языке, в том, что русской школой распоряжались бездушные царские чиновники, в дискриминации этими чиновниками национальной культуры коренных народов Средней Азии.

[1] На съезде учителей городских училищ Туркестанского края в 1884 г. было решено заниматься естествознанием не с третьего года обучения, а с четвертого, чтобы учащиеся из коренного населения успели лучше овладеть русским языком, на котором происходило обучение.— *Ред.*

Розенбах предлагает министру просвещения утвердить серию мероприятий, дающих русификаторской политике новое направление:

1) закрыть городские двухклассные мужские и женские училища в Коканде, Намангане, Оше и Андижане и вместо них открыть более дешевые одноклассные смешанные приходские школы;

2) на полученные от этой операции «сбережения» в сумме 17 910 руб. открыть отдельно для оседлого и кочевого населения в различных местностях Туркестанского края русские начальные школы грамотности, «такие же простые и дешевые, как мусульманские начальные школы», т. е. без интернатов, с коротким курсом обучения;

3) третья мера, о которой ходатайствовал Розенбах,— это утверждение в Туркестанском крае должности инспектора мусульманских школ, по примеру Казанского и Оренбургского округов; задача этого инспектора — «подчинить действительному нашему контролю все туземные мусульманские школы и приступить к фактическому наблюдению за ними».

Мероприятия, предложенные Розенбахом, в основном были утверждены; они отвечали общему реакционному курсу царского правительства после убийства народовольцами Александра II. К власти пришла наиболее непримиримая часть придворного дворянства и бюрократии во главе с министром Толстым и обер-прокурором синода Победоносцевым.

Прежнее «игнорирование» «туземных» религиозных школ, устранение мусульманской религии из программы обучения, ориентировка главным образом на кочевое население и привлечение его в русские школы были осуждены.

Розенбах возродил идею создания для коренных национальностей Средней Азии элементарных школ русской грамоты в дополнение к сети обычных русских школ, организуемых там, где есть русское население. Эта идея была частью кауфманского проекта 1873 г. об устройстве учебной части в Туркестанском крае, но тогда ее отверг министр просвещения Д. Толстой. Элементарные школы русской грамоты, предлагавшиеся туркестанскими властями в 1885 г. для местностей с оседлым узбекским и таджикским населением, имели важное принципиальное отличие от проекта Кауфмана: в них *разрешалось преподавание мусульманского вероучения.* В этих целях школа делилась на два класса: в основном, «русском классе», занятия велись для изучения русского языка и получения с помощью русского языка начатков общего образования; в добавочном—«мусульманском классе»—изу-

чали только мусульманское вероучение, а также арабскую грамоту, поскольку она нужна для этого вероучения.

Осторожный Розенбах доносил правительству, что новый тип русской школы с преподаванием мусульманского вероучения он вводит «для эксперимента».

Эти поиски новых методов обрусения народов Средней Азии свидетельствовали, что краевая власть более энергично стала искать контакта с имущими классами коренного населения и мусульманским духовенством.

Со времени завоевания Туркестана к середине 80-х годов значительно изменилась верхушка имущих классов Туркестана; на смену прежним крупным светским феодалам явились торговцы-баи, выросли новые землевладельцы, тесно связанные с царской администрацией; значительно было ослаблено сопротивление мусульманского духовенства, так как Кауфман оставил ему всю основную массу вакфных имуществ и не вмешивался в религиозные дела мусульман. Словом, развитие капиталистических элементов в хозяйстве Туркестанского края произвело соответствующие изменения в общественном быту населения Туркестана и вызвало необходимость пересмотра школьной политики в крае. Кроме того, с присоединением к России Ферганской долины в 1876 г. и с передачей Семиречья в 1882 г. в Степной край оседлое население получило в Туркестанском крае преобладание и привлекло больше внимания его администрации.

Мысль об устройстве такого медресе, в котором изучались бы русский язык и начала современных знаний и преподавалась бы традиционная мусульманская «наука», высказана была в 1871 г. в Ташкенте купцом Сеид-Азимбаем.

Независимо от ташкентских властей, в 1870 г. начальная школа подобного типа открыта была в Самарканде начальником Зеравшанского округа Абрамовым [1]. В 1876 г. самаркандская школа была «обнаружена» представителем ташкентского учебного начальства, командированным в Самарканд для обследования школ. Судя по его отчету, в этой школе училось тогда 111 учащихся; по словам обследователя, в школе учились узбеки, местные евреи и индусы. «Учениками усвоен,—продолжает ревизор,—механизм чтения, ударения ставятся неверно. Понимания прочитанного нет. *Для преподавания мусульманского закона божия имеется особый класс, который напоминает медресе.* (Подчеркнуто нами.— *К. Б.*). На полу, на циновках помещался учитель, а вокруг ученики, которые говорят все в один голос и мешают соседнему классу». Следовательно, в этой самаркандской школе соединились элементы русской школы и мактаба.

Когда осматривал эту же школу в 1878 г. Остроумов, в ней учащихся местных национальностей было только 34 в возрасте от 12 лет до 21 года: 14 узбеков и таджиков и 20 туземных евреев. Судя по отчету Остроумова, в самаркандской школе преподавали русские учителя, не имевшие педагогического образования, занятия были поставлены плохо; в школе не было никаких учебников и учебных пособий. На Остроумова школа произвела гнетущее впечатление. Но в 1884 г. генерал-губернатор Розенбах при осмотре русских школ в Самарканде обратил внимание на то, что в них «очень значительное количество учеников из оседлого туземного населения... чего не замечается в других местах» [1].

Другим образцом Розенбаху в проектировании русской школы с мусульманским классом должна была послужить школа в Чимкенте. О ней вспоминает Саттархан Абдулгафаров: «По возвращении русских войск из хивинского похода, генерал-губернатор приказал открыть русскую школу в Чимкенте [2]. Учителем русского языка в школе был назначен оренбургский киргиз Хасанов, а я — учителем мусульманской грамоты. Это была первая русско-туземная школа в крае; в ней обучалось до 40 мальчиков» [3]. В 1878/79 учебном году Чимкентское училище ревизовал Остроумов. Он отметил: «Особенность училища представляют ученики-инородцы, которые слушают преподавание училищных предметов совместно с русскими учениками и оказывают, сравнительно, удовлетворительные успехи во всех предметах курса. Во время уроков по закону божию, преподаваемому православным ученикам, инородческие ученики, под руководством заведующего училищем, занимаются отдельно русским языком; занятия эти идут правильно и успешно. При занятиях с инородцами практикуется транскрипция, причем преподающий пользуется русским алфавитом без малейшего изменения его начертаний, и попытка эта вполне удается» [4]. О мусульманском

[1] К опыту Абрамова Кауфман отнесся неодобрительно, но не запретил его. См. кн.: Н. П. Остроумов, Воспоминания, стр. 21—22. В Зеравшанском округе местная русская власть несколько отступала от принципа невмешательства в религиозные дела мусульман. В Самарканде впервые царской администрацией была сделана попытка установить контроль над вакфными имуществами (в долине р. Зеравшана мусульманские учреждения располагали особенно богатыми вакфами); в Зеравшанском же округе, где генерал Абрамов искал контактов с густым оседлым населением, русские землемеры привлекали помощниками «туземных землемеров» — муфтиев-танапкешей.— *Ред.*

[1] ТВ, 1884, № 36. (Цитир. по кн.: Сборник сведений о Средней Азии и русском Туркестане. Статьи неофициальной части «Туркестанских ведомостей», 1884 с 32 по 51 номер, Ташкент, 1885, стр. 26).

[2] Хивинский поход был в 1873 г. Чимкентское городское двухклассное училище с совместным обучением значится основанным в 1874 г. (См. Памятную книжку на 1879/80 учебный год).

[3] Воспоминания С. Абдулгафарова в кн.: Н. П. Остроумова, Сарты. Этнографические материалы, Ташкент, 1890, стр. 103.

[4] ЖМНП, 1879, VII.

учителе Остроумов не говорит. Но в 1883 г. в Чимкенте вернулись к этому.

В конце 1883 г. с опытом Самарканда и Чимкента была связана острая дискуссия на первом съезде учителей городских училищ Туркестанского края, куда Саттархана Абдулгафарова, единственного представителя коренного населения, пригласили на обсуждение вопроса о мерах для привлечения в русские школы детей местных национальностей[1]. Как на одну из главных причин малой популярности русской школы среди туземного населения, особенно оседлого, Саттархан указал на религиозное недоверие и рекомендовал «допущение в русские школы преподавателя мусульманина, с возложением на него обязанности обучения детей туземному языку (смотря по местности) и первым началам мусульманской религии»[2]. Это предложение вызвало резкие возражения председателя съезда Миропиева, который ссылался на § 21 утвержденной министром просвещения «Инструкции инспекторам народных училищ Туркестанского края», где сказано: «Ни мусульманская религия, ни мусульманская грамота не должны быть преподаваемы в правительственных инородческих школах Туркестанского края»; по существу главным аргументом против предложения Саттархана Миропиев выдвигал аргумент, что «ислам пропитан сильной ненавистью к иноверцам» и что «никак нельзя верить тем из мусульман, которые отрицают существование фанатизма в своей религии». Миропиева поддержал другой «казанец» из учительской семинарии — Софийский.

Саттархан, «отстаивая свое мнение», высказал мысль, что если в коране и шариате встречаются выражения «религиозной нетерпимости», то от них «не свободно ни одно вероучение», но такие идеи «в настоящее время находят применение к жизни разве только в наиболее темных и фанатичных единицах населения». Что касается трудности подыскать в русские школы учителей-мусульман с достаточным образованием, то, по мнению Саттархана, таких учителей можно найти если не среди местных мусульман, то среди «пришлых из России». Поддержал его только Проневский, заведующий Перовским училищем, «все остальные члены собрания воздержались от изложения своего взгляда на предложенную меру»; но заведующий Чимкентским училищем Ковригин

[1] Саттархан с 1879 по 1886 г. состоял в звании почетного смотрителя городского училища в Коканде, где он с 1876 по 1881 г. был первым казием по назначению русских властей. В 1882/83 учебном году Кокандским училищем заведовал Г. И. Клитчоглу (см. стр. 137), выступавший в ТВ 23 июля 1883 г. с тем же предложением, что и Саттархан на съезде. — *Ред.*

[2] Протокол заседаний собрания учителей городских училищ Туркестанского края. (30.XII. 1883—3,I 1884; Ташкент), 29 стр., без года и места издания. Экземпляр Узбекской государственной публичной библиотеки.

сообщил, что эта самая мера еще раньше предложена им на педагогическом совете училища в протоколе от 30 сентября 1883 г.

В одном из представлений министру просвещения Розенбах писал: «Мусульманский фанатизм, о котором прежде так много говорилось и писалось, по отношению к туземцам наших среднеазиатских владений, должен быть признан достоянием личностей, правда, многих, но никак не массы»[1]. В этих словах отражены сдвиги в отношениях царской власти в Ташкенте с верхушкой коренного населения, которые произошли за 20 лет; формулировка Розенбаха была «средней линией» между утверждениями, с одной стороны, Миропиева, с другой—Саттархана.

Официальная организация первой школы нового типа ускорилась благодаря местной инициативе.

В сентябре 1884 г. городской голова Ташкента Путинцев подал военному губернатору Сыр-Дарьинской области Гродекову проект открытия русско-мусульманского училища, предлагая открыть его «в азиатской» части города. Гродеков представил рапорт Розенбаху с теми же мотивами: несмотря на большие усилия правительства, русская грамотность в Туркестане, особенно в Ташкенте, не прививается потому, что в старой части города нет русской школы; в разных местах туземного города надо открыть приходские училища с обязательным обучением как русской, так и туземной грамоте. «В азиатской части города открыта амбулатория (для туземных женщин и детей); она хорошо работает, потому что находится среди туземного населения; если мы откроем русскую школу для коренного населения в азиатской части города, то и школа будет иметь такой же успех, и вопрос русификации узбеков будет решен»[2]. Так мотивировал Гродеков необходимость открытия школы нового типа.

Здесь следует отметить, что комиссия, созданная Розенбахом в 1884 г. в целях обследования состояния школ для коренных народностей края, единогласно рекомендовала: прежде чем принимать меры к ограждению кочевников от влияния татарских и узбекских пропагандистов ислама, следует обратить внимание на оседлое население, из которого через медресе формируются «наиболее ревностные поборники традиций старого мусульманства, упорно противящиеся внесению в свою среду нового света европейской науки»[3].

Заявление Гродекова было передано в комитет при Управлении учебными заведениями, который с доводами Гродекова единогласно согласился и «признал открытие этого учи-

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 4989.

[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 654, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края.

[3] Там же, д. 989.

лища, которое должно благотворным образом повлиять на туземцев гор. Ташкента и способствовать сближению их с русским населением, неотложною необходимостью»[1]. Комитет просил Розенбаха, чтобы он «благоволил призвать к себе наиболее влиятельных казиев и других лиц и приказал взять с них подписку о том, что они не только не будут препятствовать, но, напротив, содействовать делу русского образования между туземцами гор. Ташкента...»[2].

«Приходское училище для детей туземцев азиатской части Ташкента» было открыто 19 декабря 1884 года в очень торжественной обстановке в присутствии губернатора, городского головы, главного инспектора училищ и других членов русской администрации, а также «почетных туземцев». Губернатор Гродеков свою речь к «почетным туземцам» и их детям закончил словами: «Счастлив для вас этот день вашей жизни! Да будет благословен и тот час, когда последовало от вас открытие этого училища». Директор учительской семинарии Крачковский сказал, что вновь открытое училище «является маленьким зерном, роскошные и желанные всходы которого должны все более и более покрывать дикие духовные кустики и дебри и повести к слиянию Азии с Европой и к вступлению сартов на путь истинной культуры, истинного прогресса»[3].

Первым заведующим и русским учителем новой школы был назначен В. П. Наливкин. Первым «мусульманским учителем» в ней был мулла Сали-Ходжа Кичкине-Ходжанов, один из влиятельных и «почетных туземцев». Русская администрация сразу же поставила местного учителя в неравное положение с русским учителем: годовой оклад русского учителя был определен в 1000 руб., а туземного — 400 руб.

Для того чтобы придать новой школе больше авторитета в глазах местного населения, ее «почетным блюстителем» назначили ташкентского казия Шариф-Ходжа Падша-Ходжинова. Школу поместил в своем доме «потомственный почетный гражданин» Сеид-Гани Азимбаев, сын Сеид-Азимбая, подавшего в 1871 г. Кауфману заявление о необходимости реформы религиозных школ.

За новым типом приходского училища вскоре укрепился термин «русско-туземная школа». В русско-туземной школе учебный день делился на две части: первые два часа занимался русский учитель на русском языке чтением, письмом, арифметикой, вел беседу по-русски, а вторые два часа туземный учитель занимался мусульманским вероучением. Эта

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 654, Опись управления учебными заведениями Туркестанского края.
[2] Там же.
[3] ТВ, 1885, № 1.

Рис. 6. Одна из лучших русско-туземных школ (Ташкент)

структура, по всей вероятности, была заимствована из опыта «арабо-французских школ» в Алжире, которые специально изучались чиновниками русского Министерства народного просвещения[1].

С 1885 г. сеть русско-туземных школ начинает развертываться по всему Туркестану. В 1886 г. правительство разрешило Туркестанскому генералу-губернатору реорганизовать русские городские училища в уездных городах Ферганской области и на освободившиеся суммы открыть 18 «русско-мусульманских школ». В связи с этим Розенбах в октябре 1886 г. обратился к военным губернаторам края с циркуляром[2], содержащим нескромное самовосхваление, пропитанное великодержавно-националистическим духом и невежеством в области истории Средней Азии. По мнению Розенбаха, у народов Туркестана «до принятия их всемилостливейшим монархом в подданство было темное прошлое». Описав из-

[1] В кн. «Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев», 1869 помещены как приложение «Записка о народном образовании в Алжирии» и «Арабо-французские школы в Алжирии (записка А. Кочетова)». Раньше эти статьи печатались в «Журнале Министерства народного просвещения» 1868. — *Ред.*
[2] ТВ, 1886, № 40, ЦАУ УзССР, ф. 49, д. 121.

вращенно, только черными красками историю народов Туркестана, Розенбах делает вывод: среди этих условий невозможно было зародиться «мощному народному характеру», «не при таких условиях могла развиваться здесь сельскохозяйственная промышленность, процветать торговля». Долг русской администрации, по его мнению, заключается в том, чтобы «юное обезличенное общество туземцев поставить в наиболее выгодные условия для развития его собственных способностей, сгладить ему путь, предоставить средства и все необходимые и полезные орудия прогресса для его нравственного и материального роста».

Розенбах полагал, что универсальным средством для возрождения края должны стать русско-туземные школы. Указывая на значение «мусульманского класса» этих школ для привлечения в русский класс детей оседлого населения, Розенбах учит губернаторов, что если поискать «авторитетных и надежных мулл, то они найдутся без труда. Администрация всегда может выбрать несколько лиц, вполне благонадежных и в нравственном и в политическом отношении. Примером служат Ташкентское, Чиназское и Пскентское[1] училища, где допущенные к занятиям муллы исполняют свои обязанности хорошо и добросовестно».

Чрезвычайно убогую программу русских приходских училищ Розенбах стремился в новых русско-туземных школах сузить, давая военным губернаторам следующие директивы: «По отношению учебной программы ограничить преподавание сообщением основных начал русской грамотности, т. е. приучением к правильному чтению, письму и счету, арифметики в пределах строго необходимых для элементарных потребностей инородческого быта, а главным образом направить усилия к возможно более совершенному усвоению туземцами русской речи и наибольшего навыка в употреблении обыденного русского разговорного языка».

Итак, многоречивые разглагольствования генерала Розенбаха свелись к тому, чтобы в школах для коренного населения поменьше давали общеобразовательных знаний, побольше напирали на «практическое усвоение обыденного русского разговорного языка», оставляя в стороне язык великих русских писателей и художественную литературу, которая могла иметь действительно глубокое образовательное значение для детей народов Средней Азии.

В отношении оборудования аульных, т. е. кочевых, школ Розенбах также требует ограничиться самым необходимым, чтобы школы могли следовать за передвижением аулов во время перекочевок и не производили бы «слишком заметной розни с примитивным складом домашней жизни инородцев».

[1] Русско-туземные школы в Чиназе и Пскенте (в нынешней Ташкентской области) открылись в 1885 г.

Эти указания Розенбаха легли в основу организационных принципов русско-туземных школ. Такими жалкими средствами царские колонизаторы собирались «посодействовать к прочному и окончательному слиянию» народов Средней Азии с великим русским народом.

Итак, мы проследили с 1870 г., как туркестанская администрация искала новый тип школы, при помощи которой она могла бы влиять на идеологию народов Средней Азии, когда убедилась, что русские школы не привлекают коренное население. Краевая власть наивно полагала, что запрещение мусульманского вероучения в русских школах являлось главной причиной бойкота царской школы народами Туркестана в первые 20 лет. Создавая русско-туземные школы, в которых наряду с русским языком преподавалось имамом мечети магометанское вероучение, царские чиновники Туркестана считали, что теперь найдено универсальное средство привлечь узбекских, таджикских, казахских и киргизских детей в колонизаторские школы. Очевидно, из этих соображений Розенбах в своем циркуляре писал: «Вновь открываются двери для всякого, желающего изучить русскую грамоту, не устраняя в то же время туземцев от усвоения ими религиозных воззрений и грамоты. Вводимая в открываемых школах система образования не имеет в виду лишать последних религиозного характера. Напротив, для успеха русско-мусульманской школы считается необходимым, чтобы в ней муллою преподавался туземцам закон веры их».

Привлекая имамов на должность законоучителей в русско-туземные школы, туркестанское краевое начальство думало попутно решить другую проблему: ослабить влияние местных религиозных школ—мактабов и медресе, рост сети которых чрезвычайно тревожил и местную администрацию и центральное правительство. Об этой тревоге красноречиво говорят многие документы на протяжении всей колониальной эпохи Туркестана. Генерал-губернаторы края — Черняев, Розенбах, Вревский, Духовской, Мищенко, Самсонов, Куропаткин — все в один голос твердят в своих докладах царскому правительству о необходимости строгого политического контроля над местными школами.

В инструкции заведующим русско-туземными школами имеются любопытные указания в отношении местного населения; необходимы:

а) солидность поведения и мягкость в отношениях с туземцами, без чего вышеназванные лица (т. е. заведующие.— *К. Б.*) никогда не могут рассчитывать на приобретение среди местного населения симпатий и уважения, «столь важных в виду вышеизложенных целей»;

б) «хотя бы наружное уважение к религии и обычаям того народа, который доверяет вам воспитание своих детей» и

в) «возможно широкие знакомства среди лучшей, так сказать, аристократической части туземного общества»[1].

Как видим, царская администрация возлагала большие надежды на русского учителя, как проводника русского влияния среди богатых и знатных «туземцев».

Следует отметить нечестную дипломатию высшей туркестанской администрации. В циркуляре Розенбаха, который мы уже подвергали анализу, сказано, что для успеха русско-мусульманских школ необходимо преподавание муллой мусульманского вероучения, а в секретной инструкции, утвержденной тем же Розенбахом, дается директива: «Занятия учеников русско-туземной школы с туземными учителями (домуллами) не обязательны».

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К РУССКО-ТУЗЕМНЫМ ШКОЛАМ В 1885—1895 ГОДАХ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ИХ УЧАЩИХСЯ

Из 14 русско-туземных школ в Туркестанском крае в 1886 г. 8 школ было открыто в Сыр-Дарьинской области: 1—в Ташкенте, 7—в кишлаках и аулах, 5—в городах Ферганской области (Старый Маргелан, Андижан, Наманган, Ош и Коканд) и одна в городе Джизаке, Самаркандской области[2].

В конце 1886 г. уже известный нам В. П. Наливкин выехал на ревизию вновь открытых школ Сыр-Дарьинской области. Он осмотрел Той-Тюбинскую, Пскентскую, Каризскую, Телляускую и Аблыкскую школы Ташкентского уезда. В его рапорте о результатах осмотра в осторожной форме отражена система произвола, грабежа и насилия царской и местной администрации над кишлачным населением в связи с открытием русско-туземных школ. Наливкин беседовал с местными жителями, не занимавшими видного общественного или служебного положения; по их сообщениям, открытие русско-туземных школ Ташкентского уезда сопровождалось следующими особенностями.

Одновременно с объявлением населению об учреждении русско-туземной школы волостной управитель приказывал жителям, чтобы они собрали для новой школы определенное число детей. Число это распределялось на все ближайшие селения, причем в последних вербовались прежде всего дети служащих и наиболее состоятельных лиц. Происходило нечто

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 745, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1887.

[2] С. М. Граменицкий, Очерк, стр. 14—15; также ЦАУ УзССР, ф. 48, д. 121, Опись инспектора народных училищ, 1886.

вроде школьного набора. Родителям завербованных таким образом учеников предлагалось или посылать детей в школу, или нанять вместо своих сыновей каких-либо бедняков, или, наконец, просто откупиться, предоставив в распоряжение волостного управителя сумму денег, достаточную для вербовки наемников. «Уверяют, что в случаях последней комбинации волостные управители оказывались не всегда добросовестными и утаивали часть полученных ими денег», — добавляет Наливкин[1].

Дальше Наливкин описывает, как ему по дороге в кишлак Куль-Тюбе жители этого кишлака называли имена нанятых учеников Каризской школы: Абдул Касым нанят за 38 руб. в год; Икрам — за 25 руб., Хасан-Кари — за 50 руб. Так как Хасану-Кари волостной управитель денег не платит, то он собирается уйти из школы. Попытки Наливкина поговорить с мальчиками не увенчались успехом. Волостная администрация спрятала детей, заявив, что они ушли к родителям. Когда Наливкин выезжал из селения Аблык, ему на дороге подали заявление два дехканина с жалобой на «неправильные действия Аблыкского правителя по поводу русского училища». Податели прошения просили Наливкина остановиться на ночлег в кишлаке Канджылаги, чтобы дать возможность подъехать и другим просителям, которые поздно узнали о приезде Наливкина и рассчитывают догнать его в дороге.

Ярко описывает Наливкин открытие русско-туземной школы в Пскенте в присутствии губернатора: «Рано утром собрали по-праздничному одетых детей. У некоторых губы от страха побелели и дрожали... У ворот и дверей стояли джигиты волостного управителя, опасавшиеся, что в критический момент дети разбегутся. На плоских крышах соседних домов сидели несколько сот туземных женщин. Приехал губернатор. Его тотчас окружила живая стена приспешников. Не успели последние разинуть рты, чтобы начать свои обычные уверения в преданности населения, в его неизреченной благодарности и т. д., как на крышах поднялся невероятный вой: матери, сестры, бабушки и знакомые будущих знатоков русского языка голосили, причитая о них, как о покойниках. Губернатор был смущен, но джигиты быстро разогнали баб, и порядок был восстановлен».

Дальше Наливкин описывает, какой грабеж населения учиняли волостные управители под видом сбора денег на школы. «Деньги, требовавшиеся для найма учеников для русско-туземной школы, были, в виде особого негласного налога, собраны волостным управлением и сельскими старшинами со

[1] ЦАУ, ф. 47, д. 339, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1886.

всех домов селения в размере, много раз превышающем действительную потребность. Столь прибыльные обстоятельства обратили на себя внимание волостных управителей в Той-Тюбе, в Каризе, Телляу и Аблыке. Ранней весной следующего 1886 г. уездный начальник начал усиленно заявлять губернатору, что «ему нет покоя от туземцев, которые через волостных управителей настойчиво требуют открытия школ, чуть ли не во всех волостях уезда». В Петербург писалось, что население чуть не ломится в школы. В 1887 г. лицу, ревизовавшему русско-туземные школы Ташкентского уезда, было подано туземцами несколько прошений с жалобой на действия туземной администрации. Расследованием на месте было выяснено, «что ученики нанимаются, что население облагается незаконными поборами, что туземная администрация, обворовывая народ, часто не платила родителям за нанятых учеников» [1].

Открытые в кишлаках русско-туземные школы были в ужасных жилищных условиях. «Классное помещение представляет собою две смежные крошечные, закопченные сверху донизу, каморки со следами сильной течи. Русские рамы со стеклами вставлены вверх ногами, и убогая... дверь имеет в вышину два аршина и в ширину один аршин». Это Каризская школа. Описав помещение школы и квартиры учителя в Куль-Тюбе, Наливкин недоумевает: «Невозможно признать это помещение за жилище сколько-нибудь культурного человека, и нельзя не удивляться тому, как могло попасть русское училище в подобную обстановку».

Через два года после Наливкина эти же школы в Ташкентском уезде ревизовал инспектор народных училищ Миропиев. Его больше всего интересовал вопрос о найме учеников и связанных с этим злоупотреблениях.

Посетив 7 апреля 1888 г. русско-туземную школу в кишлаке Телляу, Аблыкской волости, Миропиев застал в ней 11 мальчиков. Из расспросов учеников выяснилась картина привлечения учащихся в этом кишлаке:

1. Таш Булат Мирза Ризакулов — сын торговца из Телляу, посещает школу добровольно.

2. Умирзак Тогаев — сын пятидесятника из кишлака Сынгыр, в 3 верстах от Телляу, нанят за 64 руб. в год, живет в Телляу у дяди.

3. Юлдаш Байчин — сын землевладельца из Телляу, нанят за 15 руб. в год.

4. Юлдаш Сарымсаков — сын землевладельца из кишлака Таш-Тепе в 8 верстах от Телляу, живет в Телляу у знакомого на своей пище, нанят за 30 руб. в год.

[1] В. Наливкин, Туземцы раньше и теперь, Ташкент, 1913.

5. Юсуп Обдукулов — сын землевладельца из кишлака Сынгыр в 3 верстах, ходит в школу пешком, нанят за 30 руб. в год.

6. Базаркул Уразмухамедов — сын землевладельца из кишлака Джан-джан в 7 верстах, нанят за 22 руб. в год; живет в Телляу с платой по 40 коп. в неделю за пищу, таким образом, 11 руб. 20 коп. уходит на прокормление в продолжение 7 учебных месяцев.

7. Усман Джайляу-оглы — сын землевладельца из кишлака Мумышлыка, Аблыкской волости, в 20 верстах от Телляу; прежде учился в Аблыкской школе, но кем-то был вытеснен оттуда; поступил сюда на свободную вакансию с платой по 60 руб. в год; живет в Телляу у своего дяди, Телляуского волостного управителя; поступил в школу в марте.

8. Суир Ибраев — сирота из кишлака Кошеват в 10 верстах, числился прежде Турсункуловым, потому что так было велено; нанят за 30 руб. в год; в прошлом году из условленной платы получил только 1 руб., остальные 29 руб. взял себе пятидесятник; в нынешнем году еще не получал; так как ему не платят условных денег, то он рад бы не ходить в школу, но его посылают насильно.

9. Маулян Имамов — сын пятидесятника из кишлака Ауджазлык в горах в 24 верстах; нанят за 30 руб. в год; в прошлом году из условленной платы получил только 10 руб. от прежнего пятидесятника, остальные деньги пропали; в нынешнем году получил вперед 10 руб.; живет в кишлаке Телляу у знакомого, с платой по 40 коп. в месяц сверх установленной.

10. Ирисбай Джапаров — сын землевладельца из кишлака Суир-Тапе в 6 верстах, нанят 4 апреля 1888 г. пятидесятником за 30 руб. в год и уже получил вперед 3 руб.; живет в Телляу у самоварчи (содержатель чайханы) за 30 коп. в неделю с платой от пятидесятника; приведен в школу пятидесятником, который заявил учителю Зубареву, что это его сын.

Миропиев так описывает посещаемость и успеваемость в Телляуской школе: «Девять из этих учеников ходят в школу второй год. В школе числится 22 ученика; но все они ходят на уроки крайне редко; так, например, в продолжение 1887/88 учебного года 9 дней было по 1 ученику, 4 дня по 2 и 4 дня по 4 ученика. К занятиям относятся крайне невнимательно, небрежно. Из 11 бывших 7 апреля учеников только 4 едва разбирают русскую печатную книгу. Вообще успехи их крайне низки» [1].

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 764, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края — об осмотре учебных заведений в 1888—1889 гг.

К этому списку живых людей Миропиев прибавил свои замечания относительно того, как вообще относятся дехкане к русским школам, которые им навязали:

«Позволю себе привести здесь еще некоторые сведения, которые могут служить дополнением к вышеизложенному и которые удалось получить в другом месте Ташкентского уезда. Выехав из Телляу в Пскент, я сбился с дороги и проплутал полночи под сильным дождем в ночь с 9 по 10 апреля. Наконец, я отыскал кишлак, который оказался Саганаком Каризской волости... Здесь я остановился у кишлачного аксакала Бигмата Сабаркулова, чтобы подождать рассвета. Так как в этом кишлаке я первый раз, то меня приняли здесь за землемера. Во время беседы с аксакалом, при чем присутствовали 4 других жителя кишлака, я, между прочим, спросил, сколько человек в прошлом году училось из этого кишлака. Мои собеседники наперерыв друг перед другом сообщили мне следующее: в бывшей Каризской школе учились 4 мальчика с платой по 40 руб. каждому с населения. Этот школьный налог (мактаб-пуль) собирался по 1 р. 50 к. с дома; всего собиралось до 200 руб. Куда расходовались остальные 40 руб., они не знают. В настоящее время благодарят бога за перевод школы из Кариза, так как избавились от налога»[1].

Какие слои населения посылали своих детей в русско-туземные школы? На этот вопрос частично уже дан ответ списком учеников Телляуской школы. В ней из 11 учеников только один сын торговца ходил в школу добровольно, остальные десять были наняты учиться; нанятые учащиеся — дети бедняков, так сказать, подставные учащиеся, взятые в школу по разверстке вместо детей богатых. Следовательно, где детей брали в школу как по рекрутскому набору, там состав учащихся принадлежал к беднейшим семьям. Однако были отдельные города и волости, где имущие и влиятельные семьи понимали выгоду отдачи своих детей в русские школы. Окончание школы обычно обеспечивало юноше должность в волостном аппарате.

Из 14 учащихся ташкентских школ, окончивших курс обучения в 1892 г., трое — дети землевладельцев, четверо — дети торговцев, один сын подрядчика, один — муллы, один — из семьи чайханщика, один сын десятника, один — сапожника, один — приказчика и один из семьи учителя русско-туземной школы[2].

[1] Каризскую школу (т. е. смету и штат) в 1887 г. перевели в Ташкент. (См. Граменицкий, Очерк, стр. 16). Сначала русско-туземные школы были открыты в некоторых местностях, где не было русского населения; там они не имели успеха, и несколько кишлачных школ было закрыто, а взамен открыты русско-туземные школы среди городского узбекского и таджикского населения.— *Ред.*

[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 321. Опись управления учебными заведениями Туркестанского края, 1890.

Ярко выражен классовый состав учащихся Пскентской русско-туземной школы, где училось 44 человека. Здесь школу буквально захватила в свои руки волостная администрация, ее родственники и другие богатые и влиятельные лица волости. Миропиев пишет: «В Пскентском училище около 92% учащихся дети, так сказать, туземной аристократии».

Как общее правило, количество учащихся в русско-туземных школах было ничтожно, редко доходило до 25—30 человек, поэтому число 44 в школе Пскента требует объяснения. Такое объяснение находим у Миропиева: бывший кашгарский бек Кулибек Якуббеков[1], очень богатый и влиятельный человек, «сочувственно относился к русскому делу, к интересам русской школы и все свое влияние употребляет на пользу ее»[2]. Кроме того, сын Якуббекова, Разман Кулибеков, состоял почетным блюстителем Пскентской школы. Под их влиянием пскентская знать поместила своих детей в русско-туземную школу.

В отчете Миропиева указано несколько школ, к которым волостная администрация относится «весьма поверхностно или невнимательно», поэтому детей богатых семей очень мало: в Той-Тюбинской школе из 25—только 9 детей богатых семей; в Каризской школе из 25 учащихся—только 5, в Телляуской из 30—только 4—5 байских детей. Во всех обследованных школах есть дети, нанятые учиться волостной администрацией за деньги, внесенные богатыми семьями, не желающими посылать своих детей в школы царской власти.

Несколько слов о национальном составе учащихся этих школ. Вот Старо-Чиназская школа, в ней казахов—14, узбеков—12, русских—4, евреев—2; Телляуская школа—30 учащихся, все узбеки; Той-Тюбинская школа — 25 учащихся, из них 24 узбека и 1 казах. Такой состав учащихся отражал в известной мере национальный состав населения данной местности. Например, в крупном селении Чиназ (близ впадения Чирчика в Сыр-Дарью) проживали русские рыболовы, был также поселок местных евреев.

Однако скоро русско-туземные школы стали звеном, смыкавшим царскую администрацию с имущими классами коренных народов. Царская администрация стремилась установить контакт с имущими классами коренных народностей. Это стремление выпукло отражено в истории русско-туземных школ. Для привлечения в русско-туземную школу детей имущих классов была установлена должность почетного блюстителя. На эти должности особым приказом генерал-губернатора назначались богатые беки, баи, судьи, купцы, волостные

[1] Сын известного в свое время Якуббека, захватившего власть в Кашгарии в 1865 г. и убитого в 1887 г.

[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 744, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1887.

управители и другие лица из феодальной и купеческой знати, делавшие денежные взносы в пользу школ.

В Ташкенте почетным блюстителем первой русско-туземной школы был казий Шариф-Ходжа, второй — старший аксакал Иногам-Ходжа, третьей такой школы — казий Мухитдин-Ходжа; ташкентский 1-й гильдии купец Ариф-Ходжа Азиз-Ходжинов был назначен почетным блюстителем четвертой русско-туземной школы за то, что изъявил желание материально поддерживать школу; в 1892 г. генерал-губернатор наградил его «почетным халатом 1-го разряда» за оказание материальной помощи школе. В самаркандских школах почетными блюстителями были старший аксакал, народный судья и член управы. Почетным блюстителем Сарычаганской школы был «почетный киргиз» Алим Тургаев — богатый подрядчик, постоянно оказывавший «услуги» военным чинам, за что получал от них подарки: кинжал, халат, серебряный стакан.

Инспектор народных училищ Н. К. Смирнов дает характеристику 8 почетным блюстителям русско-туземных школ Сыр-Дарьинской области. По его мнению, чины туземной администрации (аксакалы, казии) плохо выполняли обязанности почетных блюстителей. Зато большой интерес к русско-туземным школам и готовность оказывать им материальную помощь выказывают богатые купцы и землевладельцы. Объяснить это можно тем, пишет Смирнов, что «торгово-промышленное сословие не отличается тем фанатизмом и отчужденностью от всего немусульманского, каким характеризуются лица, занимающие начальнические и судейские должности». Кроме того, богатые торговцы, промышленники «видят в почетной службе при русско-туземных школах возможность получения для себя наград и отличий, тогда как административные лица получают все свои награды и отличия по прямой службе своей». Смирнов сообщает главному инспектору Керенскому, что в текущем году уже четверо туземцев из торгового класса заявили ему о своей готовности вносить ежегодно определенную денежную сумму в пользу русско-туземных школ, если высшему начальству «благоугодно будет» назначить их на должность почетных блюстителей. Смирнов просит отстранить от должности почетных блюстителей 1-й и 2-й ташкентских школ из администрации и назначить «именитых и богатых туземцев» из купечества, которые заявили о своей готовности жертвовать в пользу русско-туземных школ не менее 100 руб. в год каждый.

Таким образом, русско-туземные школы были важным звеном, объединявшим царскую администрацию с имущими классами коренного населения: эти школы были дорогой к получению выгодных мест в низовом административном аппарате; благодаря этим школам чины волостной администрации и почетные блюстители получали награды, отличия и титулы, а также получали возможность грабить население под видом сборов на русско-туземные школы.

В отчете главного инспектора училищ за 1889 г. читаем: «Начиная с отчетного (1889 г.), в интернаты стали принимать преимущественно сыновей богатых и выдающихся своим положением туземцев в видах распространения русского языка и русского просвещения среди наиболее влиятельной части туземного населения». В этом заявлении ответственного руководителя школьного дела в Туркестанском крае с предельной ясностью сказано, на какие классы опирались колонизаторы Туркестана.

Следует также отметить требование учебного начальства к русским заведующим русско-туземными школами, чтобы они с особым вниманием относились к «именитым и богатым туземцам», так как от них зависела судьба русско-туземной школы в городе или кишлаке. Репутация заведующего школой зависела от его умения привлечь к школе внимание богатых «туземцев».

Куда шли учащиеся по окончании школы? Для ответа на этот вопрос заглянем в некоторые документы.

Заведующий Сауранской русско-туземной школой Степанов просит директора народных училищ Сыр-Дарьинской области Граменицкого выразить глубокую благодарность штабс-капитану В. С. Масичу за его заботы о Сауранской русско-туземной школе и ее учениках. В чем же выразились

Рис. 7. Русско-туземная школа в Байрам-Али.

эти заботы? «Ученики, закончившие курс школы в текущем году, нашли широкое покровительство и участие в лице бывшего джулекского (ныне туркестанского) участкового пристава штабс-капитана В. С. Масича. Ученика С. Алабергано-ва он принял в канцелярию переводчиком и остальных определил писарями к волостным старшинам и делал любезность приучить их к делу» (из рапорта Степанова) [1].

Следовательно, покровителем русско-туземной школы был полицейский пристав, а покровительство его выразилось в том, что подростков рассовали писарями и переводчиками в канцелярию полицейского пристава и волостных старшин, т. е. включили их в шайку лютых врагов трудового народа, которая беззастенчиво грабила население.

Конечно, не все окончившие русско-туземную школу превращались в писарей русской полиции, многие использовали свои знания в качестве торговцев, как об этом писал Наливкин. Заведующий Андижанской русско-туземной школой Бутин сообщил Наливкину, что лучшие ученики его торопятся зарабатывать деньги «составлением телеграмм и другими работами этого же рода». Высшая администрация края особенно подчеркивала материальную выгодность для населения обучения в русско-туземной школе и знания русского языка.

В конце 1891 г. начальник края барон Вревский обратился к военным губернаторам областей с циркуляром, в котором предлагал им следить за тем, чтобы при исполнении обязанностей казиев, волостных управителей, аксакалов, а также в судах, казначействах, банках, почтовых конторах, при работах по садоводству и ирригации применяли русский язык. Вревский предложил «принять настоятельные меры к тому, чтобы отныне туземцы, знающие русский язык, избирались и назначались на указанные и на другие должности и службы предпочтительно перед туземцами, не знающими его, и чтобы сущность настоящего распоряжения возможно чаще была оповещаема и уясняема населению вверенного мне края» [2]. Этот же циркуляр был снова подтвержден в 1897 г.

Обещанные поощрения должны были заинтересовать определенные группы коренного населения и увеличить число учащихся в русско-туземных школах. В таком же духе в 1896 г. было принято решение съезда уездных начальников Самаркандской области: ходатайствовать об организации в области волостных правлений, в которых писарями должны быть лица, окончившие курс учения в русско-туземных школах; при этом съезд подчеркнул, что от этого назначения зависит успех русско-туземных школ.

Вот еще эпизод, подтверждающий тесную связь русско-

[1] «Туркестанская туземная газета», 1892, № 3.
[2] «Туркестанская туземная газета», 1892, № 3; ТВ, 1892, 2 февраля.

туземной школы с эксплуататорскими группами местного населения. На первом этапе развития колонизаторских школ для детей коренных народностей при русских городских начальных и средних школах были устроены общежития. С открытием русско-туземных школ общежития были организованы и при некоторых из этих школ. Детей бесплатно содержали в общежитиях. Режим в общежитиях был очень суров; дети нередко убегали из общежития. Заведующий Сауранской русско-туземной школой доносит начальнику Перовского уезда, что ученики старшего отделения убежали из общежития, но потом возвратились. Заведующий просит начальника уезда наложить на них взыскание: «Прошу ваше высокоблагородие бежавших учеников лишить казенного содержания при интернате, а родителей обязать доучить детей на свой счет. Родители у всех — люди богатые, такое наказание не будет обременительно. С другой стороны, содержав за свой счет, родители будут поощрять детей учиться, получатся благие результаты, которых и добивается школа от учеников, особенно склонных к лени» [1].

УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В РУССКОМ И «ТУЗЕМНОМ» КЛАССАХ. УЧИТЕЛЯ. ПОЛОЖЕНИЕ ШКОЛ В КРАЕ И В ТАШКЕНТЕ

Учебно-воспитательная работа велась совершенно по-разному в двух классах русско-туземной школы: русском, где преподавал русский язык заведующий школой русский учитель, и туземном классе, в котором туземный учитель обучал детей мусульманскому вероучению.

Русский класс. В русских классах объем учебного курса, согласно директивам Розенбаха, ограничивался «приучением к правильному чтению, письму и счету в пределах, строго необходимых для элементарных потребностей инородческого быта», а главное внимание было направлено на усвоение детьми обыденной разговорной русской речи.

В дополнение к циркуляру Розенбаха в 1886 г. была разослана в 1887 г. секретная «Инструкция заведующим русско-туземными училищами Туркестанского края». В ней даются указания, как организовать занятия в школе, какие предметы нужно изучать, а какие нельзя; в инструкции сказано, что в программу русско-туземных училищ временно вводятся лишь русский язык и арифметика, причем попутно с изучением русского языка заведующим не возбраняется делать элементарные сообщения по части истории и географии «предпочтительно Российского государства».

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 745, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1887.

Так как учащиеся обращались с просьбами к учителям обучать их черчению и рисованию, то инструкция разрешала заведующим школ преподавать эти предметы наиболее любознательным учащимся, но не иначе как по соглашению с родителями; темами для рисования можно брать только изображения неодушевленных предметов, так как «изображение одушевленных предметов не одобряется религией (ислама). Музыка, пение и гимнастика, строго осуждаемые шариатом, отнюдь не должны и не могут быть предметами обучения в названных школах», — читаем в инструкции.

Для того чтобы доказать местному населению пользу русско-туземных школ, в инструкции усиленно рекомендовалось стремление к тому, чтобы в течение учебного года хотя бы небольшое количество способных учеников усвоило возможно большее число практических знаний в виде накопления запаса русских слов, умения составлять из них те или другие житейские фразы, читать, писать и считать по-русски, умения решать «житейские арифметические задачи» на все четыре действия как с простыми, так и с именованными числами.

Особое внимание уделялось действиям с именованными числами. По мнению составителей инструкции, ознакомление учащихся с именованными числами «сразу высоко поднимает нашу школу в глазах туземцев», так как правильно обращаться с именованными числами не умеют «даже те туземцы, которые кончают полный курс наук в своих медресе». В школу разрешено было принимать и таких учеников, которые хотели обучаться только одному предмету — или арифметике или русскому языку.

Согласно инструкции, русский класс должен делиться на два отделения — старшее и младшее. При распределении детей по отделениям заведующий должен руководствоваться «не столько возрастом учащегося, сколько его способностями».

Чтобы полнее представить порядок занятий в русско-туземной школе, приведем расписание уроков в Самаркандской русско-туземной школе в 1890 г.[1] (табл. 9 на стр. 201).

В качестве учебника при обучении чтению и письму первоначально была рекомендована «Азбука» Наливкина[2], а по

[1] ЦАУ, ф. 47, д. 827, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1890.

[2] В. П. Наливкин, Азбука для русско-мусульманских школ оседлого населения Туркестанского края, Ташкент, 1886, изд. 2, 1888. А также книги: Г. С. Ячник, Первая книжка после азбуки, для детей туземцев Туркестанского края, с переводом на киргизский и сартский языки, Ташкент, 1886 (рецензия на нее в «Туркестанских ведомостях», 1886, № 51) и М. М. Оракулов, Самоучитель русского языка для русско-мусульманских школ, Ташкент, 1887. (Ячник — учитель г. Коканда; Оракулов — ученик Наливкина по семинарии, «Самоучитель» редактировался Наливкиным) — *Ред.*

Таблица 9

	9^{00} — 9^{55}	10^{00}—10^{20}	10^{20}—11^{25}	12^{30}—14^{30}
Воскресенье*	Письменные упражнения по русскому языку в старшем отделении	Арифметика	Письмо	Занятия с туземным учителем
Понедельник	Заучивание русских слов	Повторение пройденного	Арифметика	Занятия с туземным учителем
Вторник	Письмо в младшем отделении	Чтение в старшем отделении	Арифметика	Занятия с туземным учителем
Среда	Чтение в младшем отделении	Письмо в старшем отделении	Арифметика	Занятия с туземным учителем
Четверг	Арифметика	Заучивание русских слов	Чтение в старшем отделении	Занятия с туземным учителем
Пятница	—	—	—	—
Суббота	Заучивание русских слов в старшем отделении	Заучивание русских слов в младшем отделении	Арифметика	Занятия с туземным учителем

* Позже воскресенье стало неучебным днем.

арифметике — «Сборник арифметических задач» Малинина и Буренина (до составления особого задачника для русско-туземных школ Туркестанского края).

Отдельные учителя расширяли круг образовательных знаний и применяли еще и другие учебники, но это было редким исключением. Например, Наливкин в первой русско-туземной школе использовал пособия по истории, географии, употреблявшиеся в русских городских училищах: «Рассказы из рус-

ской истории» Аристова, книга для чтения «Пчелка» Блинова и др.[1].

Мы уже говорили, что русско-туземные школы вовсе не ставили себе задач общеобразовательного характера; школа обязана была выучить детей коренных национальностей главным образом говорить по-русски.

Инструкция Розенбаха предусматривала также приучение детей к правильному чтению, письму и счету «в пределах, строго необходимых для элементарных потребностей инородческого быта». Очевидно, Розенбах понимал, что без русской грамоты нельзя научиться правильно говорить по-русски. Кое-кто из местной администрации считал нужным урезать даже эту куцую программу, данную русско-туземной школе Розенбахом. Военный губернатор Самаркандской области граф Ростовцев пишет главному инспектору училищ Керенскому: «Посещая русско-туземные школы, я никогда не находил блистательных успехов в знании русского языка». По его мнению, главная причина этого факта — полная непригодность русских учебников, в которых помещена «масса названий предметов и понятий, совершенно чуждых туземным мальчикам». Ростовцев доказывает, что совсем не нужно учить детей местных национальностей грамоте. «Для нас, русских, особенно для администрации, и для туземцев желательнее всего, чтобы школа давала ученикам в сравнительно непродолжительное время привычку с некоторой легкостью передавать свои мысли на русском разговорном языке, даже не особенно стесняясь грамматическими формами». По мнению Ростовцева, для достижения этих результатов грамотность, т. е. чтение и письмо, совсем не обязательны: «В русском народе почти 80% неграмотных, что однако нисколько не мешает им изъясняться совершенно понятно по-русски» [2].

В аргументации графа Ростовцева отчетливо отражена политическая программа русского колонизатора и вместе с тем барина-крепостника: он одинаково по-хамски относится и к трудящимся классам русской национальности, и к народам Средней Азии. Ростовцев хочет, чтобы коренные народы умели работать, понимать устные и письменные приказы колонизаторов и повиноваться царской власти, — большего «образования» этот крепостник не требовал.

[1] Наливкин составил на узбекском языке «Сокращенную историю России», которая издана типографией Ферганского областного правления в Новом Маргелане в 1885 г. (73 стр., литография), под псевдонимом «Джигангир-тюра, житель Намангана». Это конспект по русской истории с древности до воцарения Александра III, написанный простым языком, со стремлением приноровиться к местному читателю: введение в мусульманском стиле, сопоставление русского «князя» и узбекского «бека» и др. Эту книжку учебное начальство рекомендовало для «туземных» классов русско-туземных школ. Рецензия на нее в «Туркестанских ведомостях», 1887, № 15.— *Ред.*

[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 2124, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1896.

В русско-туземных школах не было установленного, определенного срока обучения; возраст учащихся колебался от 8 до 20 лет. Из окончивших в 1892 г. 16 учащихся ташкентских школ учились в школе: 2 года—2 ученика, 3 года—1, 4 года—8, 6 лет—1, 7 лет—2. Что касается возраста окончивших школу, то четырнадцати лет был 1 ученик, пятнадцати лет—6, шестнадцати лет—6, восемнадцати лет—1, двадцати одного года—1. Заметим, что в первой ташкентской русско-туземной школе учащиеся при поступлении имели возраст от 7 до 18 лет.

Учащиеся «оканчивали» школу тогда, когда заведующему школой казалось, что ученики усвоили русскую разговорную речь. Им устраивали выпускные экзамены. Вот программа выпускных испытаний в русско-туземных школах Ташкента в 1892 г.:

1. Чтение по-русски с пересказом прочитанного.
2. Чтение наизусть разученных русских стихотворений, басен и прозаических статей.
3. Письмо под диктовку русских фраз.
4. Устное и письменное решение арифметических задач на четыре действия, письмо под диктовку чисел до миллиона и знание русских мер длины, времени, веса, монет, бумаги и сыпучих тел.
5. Ответы по-русски на вопросы из окружающей жизни, русской истории, географии и местной природы.
6. Чтение по-мусульмански.
7. Хоровое исполнение гимна «Боже, царя храни», мусульманской молитвы «За государя» и «Многолетие» [1].

Как видно из программы, проверка успеваемости была направлена главным образом на знание русского разговорного языка. Правда, есть элементы других предметов, но нужно помнить, что ташкентские школы были лучшими школами в крае.

Переходя к вопросам политического воспитания в русско-туземных школах, прежде всего отметим стремление администрации навязать учащимся холопскую преданность русскому царю. Все учащиеся обязательно должны были выучить на память (на родном и на русском языках) молитву «За государя» [2]. Эту молитву должны были ежедневно читать не толь-

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 821, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края.

[2] В школах текст молитвы помещали под портретом царя. Вот ее текст: «Спаси, господи, и помилуй государя императора нашего (*имя*), государыню императрицу (*имя*), наследника цесаревича (*имя*) и весь августейший дом на многие лета. Даруй им здравие и спасение, благоденствие и во всех делах их благое поспешение. Ниспошли, господи, благословение на царствование государя императора нашего, помоги ему побеждать врагов русского царства и устрашить злодеев, оказывать милость добрым, благодетельствовать бедным и бедствующим, быть отцом, радующимся о благоденствии всех своих подданных. Даруй, боже, и всем нам в царствование

ко учителя в русско-туземных школах, но и имамы в медресе и мечетях. Инспектор Ферганской области Кудрявцев доносит главному инспектору училищ Керенскому, что «имам одной из медресе не читал положенной молитвы за царя». Из дела видно, что для расследования этого факта приезжал ротмистр охранного отделения.

В отчете главного инспектора училищ Туркестанского края за 1889 г. находим указание, как проводилось политическое воспитание учащихся: «В видах укрепления верноподданнических чувств, а равно и усвоения надлежащих понятий о государственном и гражданском строе родной страны, все учащиеся, как русские, так и туземцы, обязательно запоминали при каждом удобном случае имена и титулы государя императора, государыни императрицы и наследника цесаревича и тех высокопоставленных особ, светских и духовных, которые управляют в крае, с показанием административного значения их». Учащиеся русско-туземных школ каждый день хором, по команде учителя, повторяли нараспев: «Его им-пе-ра-тор-ско-е ве-ли-чест-во, го-су-дарь им-пе-ра-тор А-лек-сандр А-лек-сан-дро-вич...» и т. д.,—пока не заучат имена и титулы царя, царицы и членов царской семьи, а также начальствующих лиц края.

Учебное начальство призывало учителей русско-туземных школ быть тактичными с учениками, однако некоторые из них применяли унизительные наказания учащихся: били детей, ставили на колени, заставляли держать в руках тяжелые предметы до изнеможения, драли уши и т. д. Документы учебной администрации об этих фактах говорят красноречиво. В циркуляре 1888 г. за подписью Остроумова наряду с дидактическими указаниями предлагается «избегать во время обучения и разговора с учеником всего того, что может оскорблять религиозное и национальное чувство учащихся, а тем более не позволять себе кричать на учеников и еще более трепать их за уши»[1]. В 1901 г. главный инспектор училищ Керенский обратился к подчиненным с особым отношением по поводу наказания в школах: «Известно стало и мною лично замечено, что некоторые из учащих обращаются с учащимися резко и грубо. Между прочим, при ошибочных ответах раздраженно выкрикивают «врешь» или «чушь мелешь, вздор болтаешь». Были жалобы и на то, будто учитель не удержался даже от нанесения ученикам побоев. В одном из

государя императора нашего здравие и мир, благорастворение воздуха, плодородие земли и все необходимое в этой временной и в будущей жизни. Аминь». (ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 944, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1882, Об издании молитвы за царя на сартовском наречии).

[1] ЦАУ УзССР, ф. 49, д. 165, Опись инспектора народных училищ Сыр-Дарьинской области, 1888.

городских училищ, войдя в класс во время урока, я увидел, что ученик-туземец стоит на коленях, сконфуженный, огорченный и удрученный. Часто практикуется удаление учеников из класса за шалость и невнимание»[1].

Учителя русских классов и заведующие русско-туземными школами на первом этапе жизни этих школ представляли по своей подготовке пеструю картину. В 1889 г. инспектор народных училищ Сыр-Дарьинской области Смирнов в письме директору учительской семинарии Миропиеву об учителях русско-туземных школ своего района дал очень плохой отзыв: «Во время моих бесед с учителями, приезжающими на летние месяцы в г. Ташкент, а также с теми, которые постоянно живут в гор. Ташкенте, ни один из них не мог сколько-нибудь толково указать, какие результаты стремятся они достигнуть, обучая детей туземцев русской грамоте. Взгляды и показания их разноречивы до абсурда...»[2].

Кроме слабой методической подготовки, инспектор Смирнов ставит в вину учителям, что они не умеют привлекать к школам уездных начальников, устанавливать хорошие отношения «с выдающимися по положению туземцами». «Благодаря этому, — пишет Смирнов, — они роняют русскую школу в глазах всего населения, привыкшего к подчинению».

По требованию администрации, учитель должен был дать «клятвенное обещание», начинавшееся словами: «Я, нижеподписавшийся, обещаюсь и клянусь всемогущим богом перед его святым евангелием, что хочу и должен его императорскому величеству, своему истинному и природному всемилостивейшему государю императору Александру Александровичу верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови...»[3]. Текст «обещания» очень длинный, из него можно понять, что учитель должен заниматься доносами «для пользы государственной».

По национальности учитель русского класса не обязательно был русским, но русские учителя составляли подавляющее большинство. Об этом говорит приблизительный подсчет. За 25 лет (1879—1904) Туркестанскую учительскую семинарию окончило 254 человека; из окончивших были 39 человек из коренных национальностей, но из этих 39 к 1 января были учителями только 18. В 1905 г. в Туркестане было 83 русско-туземные школы; следовательно, за вычетом указанных 18 учителей из местных национальностей в 65 школах этого типа занимались русские учителя.

[1] ЦАУ, ф. 49, д. 83, Опись инспектора народных училищ Сыр-Дарьинской области, 1901.

[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 795, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1889.

[3] ЦАУ УзССР, ф. 49, д. 523, Опись инспектора народных училищ Сыр-Дарьинской области, 1892.

При назначении в русский класс русско-туземной школы нерусского учителя бывали недоразумения. В Чиназскую школу, которой заведовал окончивший учительскую семинарию Букин, узбеки не посылали своих детей, потому что Букин был казах. Такое же положение было и в Чимкенте: там учителем был казах Худай-Бергенов. Хотя Чимкент большой торговый город, учащихся в школе было только 7 человек, так как узбеки не посылали детей учиться к учителю казаху.

Назначение учителя русско-туземной школы зависело от местного уездного начальника; поэтому принимались в расчет не столько образовательный уровень и методическая подготовка кандидата, а прежде всего политическая благонадежность в глазах военно-полицейских властей.

Туземный класс. В инструкции Розенбаха, касающейся учебных занятий в русско-туземной школе, ни слова не сказано о занятиях в том классе, где преподавал домулла мусульманское вероучение. Официальной программы занятий в этом классе не было. Учитель религии имел полную свободу преподавать то, что хотел и что знал.

Если русско-туземная школа пользовалась авторитетом у богатых семей коренного населения, то они выдвигали для туземного класса школы солидного учителя; а если школа была укомплектована учащимися насильственно, по разверстке, то учителями в таких школах были малоподготовленные лица. Например, учителем 2-й русско-туземной школы г. Ташкента был Турсун-Ходжа Имам-Али-Ходжинов, «происходивший из влиятельного рода, пользующийся популярностью среди своих сограждан, довольно образованный человек». За усердие и исполнительность царская администрация наградила его халатом. Учитель 1-й русско-туземной школы г. Ташкента мулла Сали-Ходжа Кичкине-Ходжинов, тоже из «влиятельных туземцев», учительствовал три года; уволен вследствие старости, награжден «почетным халатом III разряда». Следовательно, администрация стремилась привлечь в русско-туземные школы учителей из местного влиятельного духовенства, желая придать школе более веса в глазах местного населения.

Учителя туземных классов утверждались приказом начальника Туркестанского края или главного инспектора училищ.

Попытки учебного начальства назначить учителями туземных классов молодых людей из питомцев русско-туземных школ или даже учительской семинарии имели мало успеха. Из Яны-Курганской школы убежали 5 учеников старшего отделения; причина бегства — назначение учителем туземного класса товарища бежавших, окончившего эту же школу годом раньше. Убежавшие учащиеся — дети богатых семей, не пожелавшие учиться у неопытного учителя.

Большой вред приносило детям разделение школы на резко различавшиеся русский и туземный классы. В книге бывшего вице-губернатора Самаркандской области Лыкошина «Полжизни в Туркестане» находим яркое описание учебных занятий в туземном классе русско-туземной школы [1].

«Как только окончили установленные часы занятий в русском классе, учащиеся переходят в соседнюю комнату, поступая в распоряжение туземного учителя, который обучает их всем «наукам», составляющим курс туземного мактаба. В часы занятий с туземными учителями мальчики совершенно отрешаются от того, что старался преподавать им русский учитель. Обстановка туземного класса совершенно похожа на обстановку старометодного мактаба. Ученики, сидевшие в русском классе за партами, здесь садятся на землю, покрытую войлоком. Никаких учебных пособий нет; преподавание ведется по старинному методу, основанному на механическом заучивании религиозных текстов на арабском языке». Добавим, что в русском классе занятия проводились фронтально (с разбивкой класса на отделения), а в туземном применялась обычная индивидуальная зубрежка, как в старом мактабе.

«Конечно, — продолжает Лыкошин,—русского языка здесь нет и в помине; ученик, запомнивший в русском классе несколько русских слов, тотчас же забывает их, увлекшись хоровым чтением Корана или механическим заучиванием обрядов, сопровождающих омовение».

Лыкошин подчеркивает резкие колебания в настроении детей при переходе из русского класса в «туземный». «Если вы просите туземного учителя спросить при себе учеников из пройденного, вы будете поражены метаморфозой, происшедшей с мальчиком, только что оставившим класс русского учителя. Там он вяло и монотонно прочитывал предложенную ему страницу, декламировал крыловскую басню, не отдавая себе отчета в смысле слов и морали басни, механически проделывал сложение и вычитание на классной доске. Здесь он с увлечением обнаруживает свои знания в предметах, знакомых каждому мусульманину, и ни на волос не отступит от преподанных мактабдором сложных обрядных формальностей религиозного характера».

В заключение Лыкошин оценивает результаты занятий в двух классах: «Таким образом, занятия в мусульманском классе идут часто успешнее, чем в русском, а самое обучение в двух параллельных классах по очереди приводит к тому, что мусульманские знания, не имеющие ничего общего с проводимой в русском классе наукой, положительно парализуют

---

[1] Н. С. Лыкошин, Полжизни в Туркестане, Пгр., 1916.

старания русского учителя и только мешают мальчику сосредоточиться на изучении русского языка».

Лыкошин описывает «туземный» класс, где учительствовал особенно опытный домулла; в других «туземных» классах ученики не проявляли к изучаемому никакого интереса [1]. Несомненно, что резкий разрыв между русским и «туземным» классами в содержании и в организации учебных занятий не мог не отражаться на учащихся отрицательно. Несомненно также, что была разница и в политической направленности: русский учитель превозносил русского царя, русское начальство и все русское; «туземный» учитель, естественно, стремился сохранить детей в «истинной вере», в «вере отцов»—исламе и в соответствии со своим образовательным уровнем нередко прививал детям средневековые суеверия.

«Туземные школы» по краю и в Ташкенте. Остановимся на посещаемости русско-туземных школ детьми, а в связи с этим и на продолжительности учебного года. Число учебных дней в году в этих школах колебалось от 110 до 180: летние каникулы продолжались с 1 июня до 1 августа. В учебное время учащихся отпускали и на православные праздники (первый день нового года, всю неделю перед пасхой и всю неделю пасхальную, «три дня рождения христова, двунадесятые праздники, воскресные дни), и на высокоторжественные царские дни, и на мусульманские праздничные дни: Курбанбайрам — 7 дней, в конце месяца Рамазана (пост) 7 дней, праздник после поста— 7 дней». Выходными днями были пятница и воскресенье. В пятницу русские учителя для усиления занятий по русскому языку «занимаются с желающими учениками в продолжение не менее трех часов», как сказано в «Табеле неучебных дней в русско-туземных училищах Туркестанского края» [2].

---

[1] См. кн.: Давлетшин, капитан. Доклад о русско-туземных училищах. Приложение к отчету о служебной поездке военного министра (Куропаткина) в Туркестанский округ в 1901 г., Спб., 1902, стр. 126 и 134.

[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 2490, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края. Табель неучебных дней в русско-туземных школах.

Кроме русско-туземных школ, появившихся с 1884—1885 гг., имелись в Туркестане «русско-туземные училища», в которых не было «мусульманского класса» и не преподавались мусульманское вероучение и арабская грамота. Среди оседлого населения преобладали русско-туземные школы. Об отношении населения к этим двум разным типам школы говорит статистика: на 1.I 1896 г. в Самарканде в русско-туземной школе было 26 учеников, а в русско-туземном училище — 10. В Коканде в русско-туземной школе — 34 ученика, а русско-туземном училище — 7(!). Эти цифры подтверждают, что организация «мусульманских классов» сыграла роль в привлечении к русским школам узбекских и таджикских детей. Два названных термина, означающие разные типы школ, в литературе часто употребляются недифференцированно. (См. кн.: С. Граменицкий, Очерк, стр. 44 и 86).— *Ред.*

Нужно отметить неаккуратное посещение школы детьми, большую текучесть учащихся, в особенности в тех школах, где дети были насильственно набраны по приказу уездного начальника или волостного управителя. Наливкин, осматривавший в 1888 г. русско-туземные школы Самаркандской и Ферганской областей, пишет в отчете: «Большая часть заведующих жалуется на крайне частые или даже, вернее сказать, на постоянные почти перемены в личном составе учащихся, что в значительной мере препятствует достижению тех усилий, кои несомненно достигались бы при обратных условиях» [1]. Наливкин иллюстрирует примерами текучесть состава учеников: в Намангане из учеников, поступивших в начале 1887 г., остался один, а из поступивших в текущем (т. е. 1888 г.) — двое; в Коканде из учеников, поступивших при открытии школы (в 1886), не осталось ни одного; в Пенджикенте и Дагбиде из учеников, бывших в начале учебного года, осталось четверо.

В 1890 г. школы Самаркандской области ревизовал главный инспектор Керенский. Он пишет: «При ревизии русско-туземных школ Самаркандской области мною замечено, что в школах этих слишком мало учеников; притом некоторые из них только числятся по спискам, а в школу или совсем не ходят, или ходят очень редко. Учителям часто приходится заниматься с 3-мя или 4-мя учениками. При моем посещении Джизакской школы 7 октября в ней не оказалось ни одного ученика».

Вследствие того что тип русско-туземных школ был чужд историческим традициям и бытовому укладу коренного населения Средней Азии, а язык обучения в этих школах не был понятен ни детям, ни их родителям, местное население упорно отказывалось посылать своих детей в эти школы и нести расходы на их содержание. Кроме того, грубые полицейские методы навязывания русско-туземных школ и вся русификаторская направленность их вызывали вполне законную вражду к этим школам. Убедившись, что в кишлаках русско-туземные школы не имеют успеха, туркестанская учебная администрация перенесла эти школы в города, рассчитывая на торговое население края. Но и в городах русско-туземные школы долго пустовали. Царские чиновники искали разные объяснения недоверчивому отношению населения к русско-туземным школам. Вот, например, что пишет в июле 1891 г. помощник военного губернатора Сыр-Дарьинской области главному инспектору училищ Керенскому: «В Той-Тюбинской русско-туземной школе в употреблении для чтения «Первая пчелка» Льва Поливанова, в которой помещена священная история

---

[1] Там же, д. 764.

нового завета с картинками. Можно подумать, что это одна из причин, почему русско-туземные школы стоят пустые»[1].

Расходы на содержание русско-туземных школ всей тяжестью падали на плечи неимущих классов, так как сбор денежных сумм производился с каждого двора, независимо от экономического состояния семьи. Наливкин, производивший обследование Катта-Курганской и Кзылкумской школ в ноябре 1897 г., доносил в секретном рапорте главному инспектору: «Составление приговоров об открытии названных школ представляет собою какое-то загадочное недоразумение, ибо лица, составившие эти приговоры, ныне упорно отказываются отдать своих детей в школы, открытые согласно составленным приговорам. Население относится к школам крайне недружелюбно вследствие того, что с каждой из упомянутых волостей ежегодно и совершенно непроизводительно взимается по 950 руб. серебром»[2]. Наливкин предостерегает принимать всякого рода принудительные или искусственные меры привлечения учащихся, «так как такие меры легко могут повлечь к серьезным вспышкам народного негодования».

В расширении сети русско-туземных школ впереди шел Ташкент, наиболее развитый в торгово-промышленном отношении город Туркестанского генерал-губернаторства и гуще других городов населенный русскими рабочими, торговыми и ремесленными людьми, военнослужащими и чиновниками. Знание русского языка местным населением острее всего требовалось именно в Ташкенте. Поэтому не удивительно, что к 1895 г. в Ташкенте уже было 4 русско-туземных школы, а в 1900 г.—6. Кроме того, генерал-губернаторы, их помощники и военные губернаторы Сыр-Дарьинской области пользовались всяким случаем, чтобы побудить местных купцов и промышленников оказывать этим школам материальную помощь. Можно проиллюстрировать нашу мысль несколькими примерами.

28 мая 1894 г. в здании Сибзарского русско-туземного училища г. Ташкента состоялся торжественный общий акт окончания занятий в этих школах и выпускные экзамены. На это торжество приехал генерал-губернатор Вревский. Он задавал детям вопросы по русскому языку, арифметике, географии; требовал декламировать стихи наизусть и объяснять их содержание; интересовался, знают ли ученики названия областей, городов и рек Туркестанского края и умеют ли показать их на карте. Почетный блюститель школы, он же народный судья Сибзарской части, купец 1-й гильдии Мухитдин-Ходжа сказал, что он поддерживает эту школу; в этом году на ее нужды пожертвовал 200 руб. и благодарил начальника края за внимание к узбекским детям. Он добавил, что в прежние годы нужно было уговаривать узбеков отдавать детей в школы, а теперь дети сами стремятся к учению по-русски.

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 2070, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края.

[2] Там же, д. 821.

В ответном слове начальник края обещал оказывать помощь местным жителям в этом деле и выразил пожелание, чтобы число детей в этих школах год от года увеличивалось.

В следующем году на экзамен в русско-туземные школы приехал и. д. начальника края и все учебное начальство. В присутствии детей четырех школ—их было около 150 человек—экзамен держали 7 выпускников. Программа испытания состояла из чтения и диктовки по-русски, арифметики в пределах четырех действий, первоначальных сведений по географии. После экзаменов ученикам роздали награды: по две книги и письменные принадлежности, приобретенные на средства почетного блюстителя первой русско-туземной школы Сеид-Керима Сеид-Азимбаева, в доме которого была открыта эта школа. В газетной заметке об этих экзаменах сказано, что родители заявили жалобу, что на 40—50 учащихся имеется только один русский учитель, который занимается по одному часу в день с каждой группой; хрестоматия и другие учебные книги не соответствуют развитию детей.

Почти ежегодно устраивали в Ташкенте «праздник учеников русско-туземных школ» для привлечения новых учащихся в эти школы. Например, в мае 1897 г. после экзаменов все учащиеся этих школ были приглашены на угощение, устроенное по распоряжению начальника края и на отпущенные им средства. С восьми часов утра ученики стали собираться в сад одного богатого купца, где было назначено празднество, читаем в заметке, посвященной этому событию. Детям были предложены чай, сладости, после чая были игры: борьба, беганье взапуски, потом их угостили пловом. Такими мерами администрация старалась привлечь детей в русско-туземные школы.

РЕФОРМЫ В РУССКО-ТУЗЕМНЫХ ШКОЛАХ В КОНЦЕ XIX ВЕКА. ПОЕЗДКИ «МОЛОДЫХ ТУЗЕМЦЕВ» В РОССИЮ

Общее неблагополучное состояние русско-туземных школ привело руководителей учебного дела в Туркестанском крае к мысли о необходимости внести в постановку преподавания в этих школах какие-то изменения. Инициатором коренной ломки занятий в русских классах русско-туземных школ явил-

ся С. М. Граменицкий, ставший с 1892 г. инпектором (потом директором) народных училищ Сыр-Дарьинской области [1].

Образцом для организации занятий в русских классах русско-туземных школ с 1885 г. была система Ильминского: обучение русскому языку происходило при помощи родного языка детей, но с применением к нему русской транскрипции: письменные и печатные тексты переводились с родного на русский, а потом с русского снова на родной язык.

Мы видели, с каким трудом расширялась сеть русско-туземных школ, сколько злоупотреблений возникло вокруг открытия этих школ и какую ненависть вызвали эти школы в народных массах Узбекистана. Конечно, неудача этих школ крылась не в преподавании на родном языке, а в грубых, насильственных методах открытия русско-туземных училищ и, главное, в том, что масса коренного населения не видела никакой пользы от таких училищ, чуждых народному быту и не вооружавших детей полезными знаниями.

Учебный процесс в русско-туземных школах был крайне неудовлетворительно поставлен; об этом пишет сам директор народных училищ Сыр-Дарьинской области Граменицкий. По его словам подробное ознакомление с постановкой занятий в русских классах русско-туземных школ привело к заключению, что она во многих отношениях неправильна. Изучение русской азбуки при посредстве «туземных» слов, данных в русской транскрипции, замедляло правильный ход занятий и приучало детей к неправильному произношению звуков русского языка [2]. Переводной метод обучения наводил тоску как на учащихся, так и на самих учителей; занятия носили механический характер и ограничивались изучением отдельных русских фраз и слов, переводом их на родной язык и заучиванием грамматических окончаний. Преподавание арифметики, по отзыву Граменицкого, было поставлено так же плохо, как и преподавание русского языка; учащиеся никак

[1] За 9 лет (с 1885 по 1894 г.) количество школ в Сыр-Дарьинской области не увеличилось: их было и осталось 12, а число учащихся уменьшилось с 328 до 233 человек.

[2] Граменицкий, интересовавшийся только русскими классами, не обратил внимания на другую ненормальность. Если в русско-туземную школу поступали дети, еще не учившиеся в мактабе, им приходилось усваивать механизм грамоты одновременно в трех вариантах: в русском классе — с применением русского алфавита к родному языку и к русскому языку; кроме того, в «туземных» классах — с арабским алфавитом. При этом они могли встретить в написании арабскими буквами те самые слова, которые в русском классе видели в русской транскрипции. С таким тормозящим фактом ученики сталкивались у тех учителей «туземных» классов, которые под влиянием русских коллег дополняли механическое заучивание арабских фраз Корана обучением арабской грамоте звуковым методом на материале родного языка.— *Ред.*

не могли преодолеть деления целых чисел; очень мало решали задач [1].

Для нас ценно в этих высказываниях Граменицкого то, что устами крупного русификатора засвидетельствован почти полный крах колонизаторской школы на первом этапе ее развития. Дальше мы увидим самого Граменицкого в роли реформатора русско-туземных школ в конце XIX в. и результаты, которых ему удалось достигнуть.

Граменицкому казалось, что застой в развитии русско-туземных школ происходит оттого, что занятия ведутся на родном языке с переводом на русский язык. «В результате таких занятий, — пишет он, — дети, проучившись в школе 6—7 лет, не только не научались говорить по-русски, но не в состоянии были даже понимать разговорную русскую речь» [2].

Для русского чиновника учебного ведомства Граменицкого было главным не обучение грамоте на родном языке детей народов Средней Азии, не общий культурный подъем народных масс и приобщение их к русской культуре как следствие умения читать и писать по-русски, а механическое натаскивание учеников русско-туземных школ в умении разговаривать на русском языке и понимать живую разговорную русскую речь. Он решил совсем изгнать родной язык из русско-туземных школ и перевести все обучение в русском классе этих школ на русский язык, с применением натурального метода и немой наглядности.

Своими предположениями он поделился с главным инспектором училищ Туркестанского края Керенским, который вполне одобрил его план перевода занятий на русский язык. В августе 1897 г. Керенский официально предложил Граменицкому «принять все необходимые меры для приведения в порядок учебной части в русско-туземных школах и составить для них особые учебники, примененные к условиям занятий в русских классах этих училищ» [3]. В 1897 г. были введены программы для русско-туземных школ Туркестанского края, составленные комиссией под председательством Граменицкого [4].

Так как учителей для русско-туземных школ готовила Туркестанская учительская семинария, то Граменицкий в педагогическом совете семинарии сделал доклад о неправильной, по его мнению, постановке обучения в этих школах и о необходимости перестроить систему подготовки будущих учи-

[1] С. М. Граменицкий, Положение инородческого образования, стр. 17.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 18.

[4] См. кн.: «Сергей Михайлович Граменицкий директор народных училищ Сыр-Дарьинской области. К 35-летию педагогической деятельности (1881—1916)», Ташкент, 1917, стр. 5.

телей в учительской семинарии на других основах. Но директор семинарии Миропиев и ряд преподавателей, которые были воспитанниками Ильминского, решительно отказались согласиться с Граменицким, заявив, что в этом вопросе они «твердо держатся взглядов и системы своего учителя и не находят полезным изменять ее в отношении русско-туземных училищ края»[1].

Получив одобрение главного инспектора училищ, Граменицкий перевел обучение во всех школах Сыр-Дарьинской области на русский язык. В своей книге Граменицкий говорит, что после перестройки занятий по его системе количество школ и учащихся в этой области резко увеличилось. Действительно, сеть русско-туземных училищ в конце XIX в. в Туркестане стала быстро шириться, и к январю 1906 г. число этих школ дошло до 83. Граменицкому удалось убедить себя и верхи туркестанской администрации в том, что он нашел секрет популярности русско-туземных школ среди коренного населения.

Перед нами передовая газеты «Туркестанские ведомости» от 2 июня 1902 г., в которой кратко изложена история этих школ в связи с 18-й годовщиной их открытия в Туркестане. С 1885 по 1887 г. происходил усиленный рост русско-туземных школ: за два года их было открыто 22, число учащихся в них достигло 461; с 1887 до 1895 г.—остановка их роста, уменьшение количества учащихся до 447 человек; третий период в развитии этих школ автор определяет с 1895 по 1902 г., когда число школ удвоилось, а количество учащихся утроилось. Причины их упадка в первый период, по убеждению автора передовицы официальной газеты, таковы: слишком широкие задачи им были поставлены при отсутствии возможности их выполнить — это первая причина застоя; вторая причина крылась в неудачном методе преподавания в русско-туземных школах, принятом в начале их открытия. По предложению школьной администрации задачи этих школ были сужены, метод обучения русскому языку детей коренного населения изменен,—и сеть русско-туземных школ стала быстро расти. Так объясняются причины быстрого расширения сети русско-туземных школ.

Разумеется, не одна смена методов преподавания сама по себе двинула рост русско-туземных школ в Туркестанском крае, а рост капиталистического хозяйства в Средней Азии, строительство железных дорог, связавших край с Центральной Россией, увеличение товарооборота с русскими городами, проникновение капиталистических тенденций в сельское хозяйство, рост его товарности. А так как всем культурно-экономическим движением в Туркестане, особенно развитием его

[1] С. М. Граменицкий, Положение инородческого образования, стр. 18.

торговли и промышленности, руководили русские люди, то население Туркестанского края, в первую очередь его передовые слои, скоро прониклись глубоким убеждением в необходимости изучения русского языка. Торгово-промышленные круги видели прямую экономическую выгоду в знании русского языка; интеллигенция и молодежь, учившаяся в медресе, поняли, что русский язык откроет им путь к усвоению высшей культуры, мировой науки. Таджикский писатель Садриддин Айни в своей книге «Бухара» рассказывает, с какой жадностью студенты бухарского медресе стремились услышать и запомнить русские слова[1].

Туркестанский край вступил в новую культурно-экономическую стадию своего развития, и знание русского языка делалось необходимым условием жизни народов Средней Азии. Конечно, лучший метод облегчает усвоение любого языка, но стимулы к изучению русского языка народами Средней Азии в данной период исходили не из качества методов, а из новых социально-экономических условий труда и общественного быта этих народов, которые сложились к концу XIX в. во всей России вообще и в Туркестанском крае в частности.

Реформа Граменицкого подошла вовремя[2]. Она улучшила методику обучения русскому языку в русско-туземных школах, хотя в «наглядном методе», введенном Граменицким, слабой стороной был отказ от родного языка учащихся. В Сыр-Дарьинской области, где Граменицкий сам возглавлял учебное дело, проведению этого метода помогла его требовательность в обеспечении школ наглядными пособиями, в бережном их хранении и планомерном применении. Реформа Граменицкого вначале не трогала туземных классов.

На туземные классы русско-туземных школ туркестанская администрация обратила внимание после Андижанского восстания 1898 г. В целях политического контроля над ними, по указанию генерал-губернатора Духовского, учителю туземного класса одной из ташкентских русско-туземных школ Саид-Расулю Саид-Азизову было поручено составить букварь на узбекском языке для туземных классов, который был рассмотрен администрацией и утвержден. Этот букварь, называвшийся «Устоди-Авваль» («Первый учитель»), изменял в

[1] Садриддин Айни, Бухара, Воспоминания, М., 1951, стр. 180, 200 и сл.

[2] С 1898 г. стали выходить составленные С. М. Граменицким учебники для русско-туземных школ. «Первая книга чтения» (Пособие для обучения русскому языку в инородческих училищах) вышла в 1915 г. 11-м изданием. Вторая книга из этой серии — в 1916 г. 9-м изданием и третья книга — в 1912 г. 5-м изданием. Кроме того, в русско-туземных школах применялся его же «Сборник задач и примеров» (Пособие для обучения начальной арифметике); рецензию А. Е. Андреева на 1-е издание см. в «Журнале Министерства народного просвещения», 1896, XI; 13-е издание вышло в Ташкенте в 1916 г., 14-е издание — в Ташкенте в 1922 г.— *Ред.*

«туземном» классе методику преподавания родной грамоты, вводя звуковой метод вместо средневекового буквослагательного.

К букварю Саид-Азизова были приложены разъяснения учителям, по какому принципу составлена книга; автор призывал применять при обучении звуковой метод, добиваться сознательного восприятия новых звуков, букв, слов, чтобы каждое слово было учащимся понятно, не допускать механического зазубривания. Этим автор «отрешался от рутины мусульманской школы», облегчая процесс обучения.

«Устоди-Авваль», *первый узбекский букварь по звуковому методу*, составленный узбекским учителем при помощи русских педагогов, распространился. После первого его издания, в 1900 г., переиздания требовались ежегодно [1].

Андижанское народное восстание 1898 г. и другие причины политического и экономического порядка понудили туркестанскую администрацию на расширение сети русско-туземных школ, на улучшение постановки в них учебно-воспитательной работы. Понуждая население открывать колонизаторские школы, царская власть стремилась и качественно улучшить постановку учебного процесса. Были построены новые здания для этих школ, изменена система преподавания, введены новые учебники, приобретено много наглядных пособий; школы стали концентрировать в городах.

Поездки учащихся из коренного населения в Центральную Россию. Чтобы приохотить детей, учившихся в русско-туземных школах, к изучению русского языка, туркестанское начальство стало устраивать для учащихся этих школ экскурсии в центральную Россию. Организуя такие экскурсии, царская администрация края стремилась бегло ознакомить местное население с жизнью русского народа и другими народами России, с русскими городами, с внешним могуществом Российской империи. Поэтому по распоряжению генерал-губернатора сначала устроили поездки взрослых узбеков в разные города Европейской России, а затем разрешили учебно-образовательные поездки их детей, обучавшихся в русско-туземных школах. Маршрут поездки тщательно обдумывался учебным начальством и хорошо обставлялся. Дети знакомились с общественной жизнью страны, с благоустройством больших городов, особенно столиц Российского

[1] В Институте востоковедения АН УзССР последним изданием является 14-е: «Устоди-Авваль для русско-туземных школ Туркестанского края». Составил и издал Саид-Азизов. Печатано с разрешения учебного начальства Ташк. типолит. В. М. Ильина, 1913 (1331, хиджры), Ю. Абдуллаев в кн.: Эски мактабда хат-савод ургатиги (Обучение грамоте в старых школах Туркестана), Ташкент, 1960, показал, что Азизов применил много полезного из книг Граменицкого. В диссертации М. Ф. Думенко (стр. 210) есть факт: в начале XX в. учебное начальство не дало «Устоди-Авваль» мактабдорам Пенджикента. — *Ред.*

государства. Из этих соображений маршрут экскурсии определялся следующими пунктами: Ташкент—Красноводск—по железной дороге, Каспийское море—Астрахань—Саратов—на пароходе, Саратов—Москва—Петербург—по железной дороге, на обратном пути ехали через станции Бологое—Рыбинск, далее по Волге с остановками в Нижнем Новгороде, Казани, Астрахани и Баку; от Баку по Каспийскому морю в Красноводск и по железной дороге через Самарканд возвращались домой.

Можно судить из слов главного инспектора училищ Туркестанского края, какую цель имели в виду эти общеобразовательные поездки, по мнению начальствующих лиц: «Дети сартов и киргизов [1],—пишет он в своем докладе,—видя величие, могущество и богатство России, занятия, производительность, промышленность и торговлю жителей, будут долго помнить об этом сами и передавать другим. Они увидят, что повсюду под могущественной державой великого белого царя не русские только, но и все инородцы живут спокойно...» и т. д. При помощи такого агитационного приема хотели воздействовать на психику молодежи. Поэтому экскурсантам показывали достопримечательности городов и обеих столиц, напирая больше на показ памятников царям и полководцам, водили на парады войск, представляли членам царской фамилии.

Для примера кратко расскажем об учебно-образовательной поездке молодежи в Центральную Россию летом 1899 г., организованной по указанию генерал-губернатора Духовского, который предварительно имел беседу с военным министром и с министром народного просвещения по этому вопросу в Петербурге; военным губернаторам было поручено отобрать детей по областям края. Всего собрали для поездки 18 учеников и двух руководителей. Из них 10 учащихся было отправлено на казенный счет. Ехали по заранее выработанному маршруту, о котором уже сказано. В Петербурге пробыли две недели. Экскурсантов принял военный министр Ванновский, ласково беседовал, назвал их дорогими гостями и дал на подарки для них 300 руб. Для поездки в Царское Село к ним был прикомандирован полковник Генерального штаба, который возил их на смотр царем юнкеров военных училищ. Во время смотра к «туземцам» подъехал сначала начальник Генерального штаба, затем великий князь, дядя царя, а после смотра—царь и царица. Вся эта процедура участия экскурсантов в параде войск, конечно, не имела никакого отношения к учебно-образовательному содержанию поездки. Здесь расчет был повлиять на психику среднеазиатской молодежи блеском царской свиты и военным парадом.

[1] Т. е. дети узбеков, казахов и таджиков.

Добавим, что по пути в Петербург и обратно экскурсанты останавливались в учебных заведениях гражданского и военного ведомства. В Москве, например, им разрешили остановиться в здании 1-й гимназии на Волхонке. Они осматривали Кремль, зоологический сад, политехнический музей; в Нижнем Новгороде экскурсантов поместили в дворянском пансионе, возили смотреть Нижегородскую ярмарку; в Казани останавливались в здании 1-й гимназии, где их бесплатно кормили. Попечитель Казанского учебного округа руководил их экскурсиями, а инспектор татарской учительской школы ознакомил туркестанских экскурсантов с постановкой подготовки учителей для татарских школ Приволжского края. В Самаре и Саратове их разместили в гимназических пансионах с бесплатным питанием. На обратном пути в Самарканде экскурсантов встретил местный губернатор, беседовал с ними и рекомендовал им «рассказать обо всем виденном родным и знакомым, молодым и старым».

Добавим, что поездка продолжалась два месяца, руководителям экскурсии помогали чины военного ведомства, министерства народного просвещения, внутренних дел и путей сообщения. По словам руководителей поездки, экскурсанты имели возможность общаться с простыми русскими людьми, почувствовать добродушие русского народа, его братское, сердечное отношение ко всем национальностям России. Русская интеллигенция, главным образом учителя, также уделяла внимание среднеазиатской молодежи.

Руководитель экскурсии 1899 г. учитель Кузнецов пишет в своем отчете: «Люди из простых классов народа также с участием относились к экскурсантам, расспрашивали их, делились своими сведениями, советом, желали счастливого путешествия и т. д.». По его словам, экскурсия имела не только образовательное, но и политическое значение; он добавил, что так смотрят на это дело и в Петербурге.

Нам осталось ознакомить в общих чертах читателя с составом экскурсантов; из 18 участников поездки были: воспитанники Туркестанской учительской семинарии, Ташкентской гимназии, Ташкентского реального училища, Аулие-Атинского городского училища, а также Ташкентской, Катта-Курганской, Маргеланской, Андижанской и Кокандской русско-туземных школ. Из 18 ездивших было 15 узбеков, 1 таджик и 2 казаха (1—в качестве прислуги). Все эти молодые люди были в возрасте от 14 до 18 лет; 10 человек из них учились в русско-туземных школах. Добавим, что участники экскурсии—дети преимущественно богатых родителей, так называемых «почетных туземцев» из крупнейших торгово-промышленных городов Туркестана: Ташкента, Самарканда, Андижана, Коканда, Маргелана—и других городов. Вот на кого стремились опереться в Средней Азии правящие круги

России. В этом смысле «учебно-образовательная» поездка узбекской молодежи в Европейскую Россию, безусловно, имела политическое значение. Петербургские и туркестанские военные и гражданские руководящие чиновники стремились из узбекской состоятельной молодежи иметь пропагандистов царского самодержавия в Туркестанском крае.

Учитель Кузнецов, руководивший экскурсией в Россию, в политической оценке этой поездки полагал, что экскурсия должна была укрепить авторитет царской власти среди народов Средней Азии. Так думали и его начальники в Ташкенте и Петербурге. Однако политические выводы, которые сделали для себя ученики различных учебных заведений Туркестана и их родители, были гораздо глубже. В Туркестанском крае между русским и коренным населением воздвигли стену из гражданских и военных чиновников, которые держали себя завоевателями в этом крае и стремились поселить недоверие среди трудящихся различных национальностей. Кроме того, незнание русскими людьми языка местного населения, которое также не знало русского языка, углубляло искусственное разделение, усиливало политическое отчуждение между ними. Туркестанские экскурсанты хорошо знали русский язык и имели возможность войти в непосредственный контакт с простыми русскими людьми в вагонах железной дороги, на пароходе, на улицах городов и т. д.

В живом общении с русским населением экскурсанты убедились в братском, сердечном отношении русского народа ко всем национальностям России, сравнили свое угнетенное положение в Туркестане и сделали не те выводы, на которые рассчитывали их высокопоставленные покровители в Ташкенте и Петербурге.

В 1900 г. летом также была организована экскурсия туркестанской молодежи в Москву и Петербург; ездили 19 молодых людей почти из тех же городов Туркестанского края; 13 участников экскурсии были посланы за счет государства и 6—на средства родителей. По национальности это были 2 казаха, 2 каракалпака, 15—узбеки и таджики. Из 19 человек 10—ученики русско-туземных школ разных городов, а 7—окончившие эти школы. В эту экскурсию ездили подростки и молодежь в возрасте от 13 до 22 лет. Руководителем поездки молодых людей был переводчик при военном губернаторе Самаркандской области Лапин. Эту группу экскурсантов также представляли царю и членам его семьи. Военный министр принял их и дал 400 руб. для пребывания в Петербурге «сверх маршрута». Это дало возможность экскурсантам прожить в Петербурге неделю дольше и посетить окрестные города и села Петербурга. В Казани на обратном пути экскурсанты осматривали университет и его научно-исследовательские учреждения.

Последняя экскурсия такого же характера состоялась в 1902 г. В ней участвовало 20 человек туркестанской молодежи; из них 2 человека были из Ташкента, 11—из Ферганской области (из Андижана, Маргелана и Оша), 7—из Самаркандской области (Самарканда, Ходжента, Катта-Кургана); 10 экскурсантов были учениками русско-туземных школ, 7—уже окончили эти школы и 3—только намеревались поступить в них. Возраст их — от 12 до 20 лет. Руководителем этой экскурсии был тот же учитель Кузнецов, который ездил в первую экскурсию; в помощь ему назначили учителя 5-й Ташкентской русско-туземной школы Сеид Гази Сеид Ахматова. Два руководителя и три ученика ездили на государственный счет, остальные 17 человек внесли на поездку по 120 руб. каждый. В Петербурге экскурсантов принял начальник Генерального штаба и и. д. министра народного просвещения. Экскурсия продолжалась 46 дней. И этих экскурсантов показывали царю, причем для встречи с царем экскурсантов задержали на две недели в Петербурге.

Нет сомнения, что эти экскурсии в Европейскую Россию имели для их участников большое учебно-образовательное значение. Поездка на протяжении нескольких тысяч верст в один конец от Ташкента или Андижана до Петербурга через Кавказ давала молодежи наглядное географическое представление о громадных размерах России; остановки экскурсантов на станциях, в селах, деревнях и станицах, в таких городах, как Москва, Петербург, Баку, Казань, Астрахань; Нижний Новгород, Саратов, Самара и т. д., позволила им судить о населении страны. Путешествие через Дагестанские горы, по Каспийскому и Балтийскому морям, по рр. Волге и Дону обогатили экскурсантов новыми сведениями о природе России. Добавим, что в пути туркестанские путешественники видели приход и отход поезда, присутствовали при разговоре их руководителя по телефону за 400 верст с Самаркандским губернатором; в Баку им объясняли работу нефтяных промыслов, в Петербурге их водили на фабрики и заводы, они ездили на электрическом трамвае и конке, пользовались электрическим освещением и т. д. Все это давало молодежи представления о значении человеческой мысли, о роли науки и общественного труда рабочих в создании жизненных удобств для всех людей без различия национальностей.

Кроме того, экскурсанты не могли не заметить в стране социальных контрастов. Участник поездки 1902 г. пишет: «Когда мы жили в столице, глаз мой привык видеть большею частью разодетых франтов, гуляющих по садам и улицам, а потом я очутился среди крестьян, которые всем семейством жали свою ниву. И снова, после тех мягких голосов и романсов, которые я слышал в Петербурге, здесь слышу простой, задушевный голос крестьянина. Народная песня придает энергии в трудной работе».

Еще один важный факт установили экскурсанты: «По моим наблюдениям,—пишет один из них,—оказалось, что в Москве, да и вообще почти во всех городах Европейской России, через которые мы проехали, совсем не имеют верного представления о нашем крае».

Очень интересно отметить, как оценивали туркестанские чиновники прекращение экскурсий в Центральную Россию. Прочитав не в меру восторженное описание поездки руководителя последней экскурсии, и. д. главного инспектора училищ Туркестанского края Остроумов написал на этом отчете свое заключение: «К сожалению,—пишет он,—наступившая потом неудачная война России с Японией и последовавшая затем внутренняя смута, коснувшаяся и Туркестана, ослабили благоприятное впечатление, вынесенное экскурсантами из описанной поездки».

Напомним, что позорная для царизма война с Японией нанесла сокрушительный удар по внешнему, дутому могуществу Российской империи, а последовавшая за ней и рожденная этой войной революция 1905—1907 годов потрясла в самой основе своей политическую власть царского самодержавия.

РУССКО-ТУЗЕМНЫЕ ШКОЛЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА

Проследим дальше, как расширялась сеть русско-туземных школ в этот же период под влиянием растущей потребности среди торгово-промышленной буржуазии Туркестанского края в знании русского языка. Из всего, что нами сказано выше, вытекает общий вывод: интересы царской администрации, стремившейся укрепить самодержавие и распространить русский язык среди населения Средней Азии, переплетались с заинтересованностью купечества Туркестана в использовании русского языка для расширения торговых связей с Центральной Россией. Поэтому туркестанская администрация и почетные туземцы, т. е. местное купечество, общими силами расширяли и укрепляли сеть русско-туземных школ.

В 1899 г. Семиреченская область вновь вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Совет при начальнике края вынес решение открыть начиная с 1900 г. 15 русско-туземных школ на средства местного населения.

Руководители туркестанской администрации часто инспектировали русско-туземные школы лично, особенно во время выпусков. В 1899 г. в Ташкенте на выпускных экзаменах уча-

щихся русско-туземных училищ присутствовали губернатор и ташкентский полицеймейстер совместно с почетными блюстителями этих школ. В том же году губернатор Ферганской области посетил русско-туземную школу в Андижане, нашел в ней 21 ученика, установил, что дети читали по-русски хорошо, переводили удовлетворительно; губернатор признал, что состоящий при школе домулла, ведущий мусульманский класс, малоспособен. В 1901 г. на выпуск учащихся русско-туземных училищ г. Ташкента приехали генерал-губернатор, главный инспектор училищ края и др. В газетной заметке сказано, что начальник края «с удовлетворением выслушал сообщение о том, что некоторые туземные учителя стали применять в преподавании азбуки звуковой метод». Начальник края, говорится далее, собственноручно пристегнул на грудь серебряную медаль учителю русско-туземной школы Карым-Карыеву за хорошие успехи в обучении русскому языку.

При каждом посещении подобного рода начальствующие лица тщательно проверяли постановку монархического воспитания молодежи в русско-туземных школах. Например, в 1902 г. начальник края Иванов поручил своему помощнику генералу Мациевскому посетить все русско-туземные училища, которых в Ташкенте уже было шесть, и обследовать в них постановку учебного дела. Мациевский проверил шесть школ Ташкента и нашел, что учебная работа ведется в них хорошо и «оправдывает возлагаемые на них надежды». Это была проверка готовности русско-туземных училищ к годовщине коронации Николая II. На празднике русско-туземных школ в этот «царский день» присутствовали начальник края, его помощник и другие начальствующие лица, а также почетные туземцы Ташкента: купцы, старшины, казии, мударрисы местных медресе. А дальше церемониал празднества передаем словами корреспондента газеты «Туркестанские ведомости». Когда гости поели кавардака и плова, главный начальник края опять обошел детей; по мере приближения его высокопревосходительства дети каждой школы в порядке вставали и громко нараспев читали «Боже, царя храни»,— читали очень стройно, добавляет очевидец. На вопрос, обращенный к мальчику лет десяти: «Какую ты читаешь молитву по утрам?»,—он ответил: «Боже, царя храни»—и прочел ее[1].

В газете так разъяснялись политические задачи русско-туземных школ: «Не следует забывать, что конечная цель русско-туземной школы при ее современной постановке — приучить детей по возможности владеть только русским языком и даже думать по-русски»[2]. Дальше автор статьи

[1] ТВ, 1902, № 40.
[2] ТВ, 1902, № 42.

ссылается на исторические примеры. «Известно,—пишет он,— какое громадное государственное значение имеет преобладающее господство одного языка в школе; недаром в немецких школах Лотарингии и Познани[1] детям даже запрещается говорить на каком-либо другом языке, кроме немецкого». Следовательно, автор статьи призывал к денационализации народов Средней Азии, к насильственному слиянию их с русским населением.

Вот в таком круге политических и педагогических идей вращались лица, руководившие воспитанием в Туркестанском крае, а популярно разъяснять эти идеи для учителей и осуществлять контроль за проведением их в русско-туземных школах на практике должны были директор народных училищ Сыр-Дарьинской области Граменицкий и другие чины учебного ведомства.

Вместе с тем росло внимание к русско-туземным школам со стороны прогрессивной русской общественности. В первое десятилетие жизни этих школ газетные заметки о них были редкостью. С конца XIX в., а особенно в XX в., туркестанские газеты стали писать о русско-туземных школах чаще; возникли о них дискуссии в печати[2]. В 1902 г. материал о русско-туземных школах Туркестана впервые появился на страницах центрального педагогического журнала[3].

В 1903 г. туркестанский педагогический кружок открыл в Ташкенте русскую школу для местных женщин; заведовала этой школой дочь известного этнографа и лингвиста, знатока языков среднеазиатских народов Диваева. В школе было 15 учащихся: две русские девочки, одна еврейка, остальные— узбечки. Диваева обучала женщин русскому языку и началам арифметики. Не получив поддержки, школа вскоре закрылась.

Очень важно отметить увеличение числа оканчивающих русско-туземные школы в Ташкенте. В 1895 г., например, окончили курс в четырех ташкентских русско-туземных школах 7 человек, а в 1904 г. в шести школах — 58. Производивший выпуск генерал Мациевский выдавал свидетельства об окончании училища и сказал, что он достаточно знаком с познаниями выпускаемых учеников, так как не раз посещал школы. Во время испытания учащиеся обнаружили хорошее понимание русской речи и умение свободно объясняться по-русски. По словам очевидца, они бойко читали русскую книгу и передавали прочитанное своими словами, обнаружили знание окружающей их природы и образа жизни людей «со-

[1] Лотарингия — французская область, а Познань — польская, захваченные Германией в прошлые века и возвращенные Франции и Польше в результате проигранных Германией первой и второй мировых войн.
[2] Напр., в газ. «Окраина», 1896, № 26, 51, 108.
[3] Журн. «Русская школа», 1902, № 10—11, стр. 146—147.

ответственно материалу, изложенному в 1-й и 2-й книгах для чтения С. М. Граменицкого, а также передавали основные географические и исторические сведения, изложенные в 3-й книге того же автора». По арифметике ученики производили вычисления: устные—в пределах чисел до ста и письменные—с числом всякой величины с составными именованными числами. Члены комиссии установили, что испытуемые умели прилагать именованные числа «к решению задач практического характера и пользоваться при вычислениях свойствами простейших дробей».

Таков круг образовательных знаний, которые получали дети коренного населения в русско-туземных школах г. Ташкента.

УЧАЩИЕСЯ ИЗ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНА В НАЧАЛЬНЫХ РУССКИХ ШКОЛАХ ПОСЛЕ ОРГАНИЗАЦИИ РУССКО-ТУЗЕМНЫХ ШКОЛ. ОБУЧЕНИЕ В СРЕДНИХ ШКОЛАХ

После организации русско-туземных школ начиная с декабря 1884 г. обучение детей коренного населения Туркестана в обычных русских начальных школах сильно сократилось, но не прекратилось.

На 1 января 1877 г., т. е. в первый год после организации Управления учебными заведениями Туркестана, в начальных училищах края[1] было 154 учащихся местных национальностей. Через год осталось только 60, так как начавшаяся в 1877 г. русско-турецкая война вызвала уход детей-мусульман из русских школ. После этого количество учащихся из коренного населения медленно возрастало и к 1 января 1883 г. достигло максимума: 243 человека.

Открытие первых русско-туземных школ повело к уменьшению числа учащихся местных национальностей в русских школах: с 1 января 1890 г. число их уменьшилось до 91. После этого вновь начался медленный рост: к 1 января 1896 г. насчитывалось 159 учащихся из коренного населения. Столько же их было 20 лет назад еще без школ Ферганской области; но теперь имелось, кроме того, 650 учащихся местных национальностей в русско-туземных школах.

По словам С. М. Граменицкого, «почти все ученики-туземцы, обучавшиеся в русских училищах, помещались в интернатах при этих училищах, и, очевидно, их привлекало в эти училища исключительно даровое содержание». На 1 января 1885 г. из мальчиков местной национальности, учившихся в русских начальных училищах, в интернате было 145, а приходящих только 7; на 1 января 1896 г. положение несколько улучшилось: из 155 учеников в интернате было 98.

[1] Имеется в виду Туркестанский край без Семиречья и Закаспия; в Ферганской области впервые русские школы появились в 1878 г.

Из этих 98 учеников 74 были из степных районов Сыр-Дарьинской области, т. е. в интернаты шли в основном казахи; оседлое население, находившееся под влиянием мусульманского духовенства, остерегалось русских интернатов. Впрочем, и приходящими учащимися местной национальности были большей частью казахи.

Девочек из коренного населения в начальных русских школах трех основных областей края насчитывалось в 1891—1896 гг. не более трех ежегодно[1].

Учащиеся местных национальностей составляли в массе учащихся начальных русских школ Туркестана на 1 января 1877 г. около 28%, а на 1 января 1883 г.—около 25% в среднем; в ряде же школ (особенно в степных городах Сыр-Дарьинской области) этот процент еще возрастал. Так как местные учащиеся поступали в русскую школу, как правило, совершенно не владея русским языком, а другую часть класса составляли русские дети, то создавались трудности в организации и методах обучения, тем более что один учитель обычно занимался с несколькими учебными группами. Возникавшими отсюда вопросами была заполнена повестка *съездов учителей городских училищ Туркестанского края* в Ташкенте на зимних каникулах 1883/84 учебного года и летом 1884 г.[2].

В 90-е годы удельный вес учащихся коренного населения в русских начальных школах резко снизился, но не столько из-за открытия русско-туземных школ, а главным образом вследствие роста в крае русского населения и хорошего охвата школами русских детей. На 1 января 1896 г. дети местных национальностей составляли к массе учащихся менее 5%; однако в отдельных школах этот процент доходил до 30% (в Петроалександровском двухклассном училище из 57 учащихся — 17 «туземцев») и даже до 43% (в Перовском трехклассном училище из 87 учащихся — 38 «туземцев»). Поэтому не снимался вопрос об *особенностях работы в русской начальной школе при поступлении туда многих нерусских учащихся,* еще не владеющих русским языком.

[1] Наибольшее число девочек из местного населения было на 1.I 1882 г.—15, но сюда включались и татарки. В привлечении первых девочек в русские школы играла роль плата их бедным родителям, которую назначил лично Кауфман (См. Н. П. Остроумов, Воспоминания, стр. 98—99).— *Ред.*

[2] Протокол заседаний собрания учителей городских училищ Туркестанского края, 29 стр. [Ташкент, 1884]. Протокол заседания съезда учителей городских училищ Туркестанского края в 1884 г., Ташкент, 1885, 179 стр.

Анализируя практику тогдашних туркестанских школ и дискуссию на съездах учителей Туркестана в 1883/84 учебном году, можно отметить следующие подходы к решению этого вопроса.

1. В интернатах для «туземцев» при русских городских училищах 1/3 мест отводилась русским учащимся для того, чтобы дети местных национальностей усваивали русский язык в общении с ними. Так как вакансии для «туземцев» заполнялись не все, то русских детей в интернатах на 1 января 1896 г. было 55 при 98 интернах из коренного населения.

2. Учителя настаивали на устройстве для детей местных национальностей подготовительного отделения в целях овладения разговорной русской речью. О содержании подготовительных занятий спорили. Одни считали ненужным обучение здесь грамоте, чтобы не осложнять работу одного учителя пестротой подготовки учащихся. Другие не видели возможности заниматься долго только устной речью. Так как малое число учащихся школ не позволяло для подготовительного отделения увеличивать штат учителей, то на съезде 1884 г. было рекомендовано учителю подходить к новичкам из коренного населения индивидуально, не устанавливать для пребывания их на подготовительной ступени твердого срока, а переводить в общую группу по достижении ими соответствующего уровня подготовки. Для подготовительной ступени съездом была рекомендована программа, которая является *первой коллективно выработанной программой по русскому языку для учащихся из национальностей Средней Азии.*

Программа одобрена съездом учителей городских училищ Туркестанского края в 1884 г. на основании сообщения заведующего Чимкентским училищем И. В. Ковригина [1].

а) Названия предметов и отдельных частей их из царств животного и растительного.

б) Более главные и употребительные местоимения.

в) Названия действий.

г) Составление простых предложений, постепенно распространяя число членов.

д) Составление простых предложений для изучения падежных окончаний в существительных и местоимениях.

е) Более употребительные формы времен и наклонений (прошед. время несовершенного вида).

ж) Изучение названий, относящихся ко всем частям речи.

з) Составление простых примеров на изученные слова.

и) Знакомство с формами падежных окончаний слов, относящихся к разряду числительных и прилагательных.

й) Составление примеров на употребление изученных слов и форм их.

к) Краткие рассказы по картинам Лейтмана или такие же рассказы об окружающих предметах.

л) Счет и самые простые комбинации (сложение и вычитание) в пределах сотни.

м) Письмо—чтение в границах умения прочитать и написать данное слово.

В примечаниях к программе говорилось:

1) Наряду с этими занятиями идет изучение слов, относящихся ко всем частям речи. 2) Каждый урок записывается учителем в выданной для сей цели книге.

Подготовительные занятия «применительно к системе фребелевских садов» съезд признал не соответствующими «ни возрасту учащихся, ни той строго школьной постановке», какая необходима в подготовительном отделении.

3. Были попытки приспособить курс русской начальной школы к условиям, когда часть учащихся не владеет русским языком. Предложение о сокращении для туркестанской школы общероссийских программ шло навстречу реакции 80-х годов; на съезде туркестанских учителей в 1883 г. намечали даже отказаться от изучения естествознания, географии и истории, чтобы сосредоточиться на русском языке и арифметике; однако съезд 1884 г. не утвердил это реакционное предложение, а рекомендовал для занятий краеведческий принцип. Рационализировать методику обучения многие туркестанские педагоги пробовали введением учебников русской речи, рассчитанных на нерусских учащихся (например, учебник Вольпера); но это приводило к трудностям с русской частью класса, и к концу XIX в. от этого, как правило, отказались (в русских школах использовался только краеведческий материал 3-й книги Граменицкого для русско-туземных школ).

В русско-туземных школах на 1 января 1896 г. русские дети к массе учащихся составляли немногим более 7% (48 русских мальчиков и 3 девочки при 650 туземных мальчиках), причем это были русские дети, жившие в окружении коренного населения и потому хорошо владевшие местным языком, так что здесь не вставали трудности, какие были при разноплеменности учащихся в русских школах Туркестана.

Среднее образование для детей коренного населения было возможно лишь через русские учебные заведения, так как русско-туземная школа являлась начальной; разумеется, из местных национальностей среднюю школу могли закончить, как правило, только дети наиболее знатных и богатых семей.

Для облегчения им пути через классическую гимназию Кауфман пошел на решительную по тому времени меру: по его представлению, еще в 1877 г. дети местных национальностей в Ташкентской прогимназии были *освобождены от изучения латинского языка,* а в 1882 г. Государственный совет вынес решение «учредить ученическую квартиру при прогимназии, объявив, что обучение греческому и латинскому языкам для инородцев не обязательно, и постановив, вместе

[1] Из кн.: «Протокол заседаний съезда учителей городских училищ Туркестанского края в 1884 г.».

с тем, определительные правила о том, какими другими предметами заменяется преподавание древних языков для тех инородцев, которые не будут обучаться оным»[1].

В предположениях Кауфмана имелся, по-видимому, и другой проект; в том же решении Государственного совета, которое санкционировало освобождение «туземных» гимназистов в Ташкенте от латыни и греческого языка, был пункт: «Предоставить министру народного просвещения внести на рассмотрение в законодательном порядке предложение об устройстве в г. Ташкенте особого учебного заведения для детей туземцев Туркестанского края, сообразуясь при этом с ощущаемыми в среде сего населения потребностями». Но особая средняя школа для коренного населения Туркестана не была открыта.

С 1879/80 учебного года при мужских прогимназиях в Ташкенте и Верном были устроены «ученические квартиры для инородцев». Первых заведующих квартирами подобрали из окончивших восточный факультет Петербургского университета, чтобы они подготовляли поступающих к занятиям в гимназии.

Квартиры, с питанием и обмундированием, были бесплатными. Однако укомплектовать их полностью не удавалось, хотя в ташкентской квартире, рассчитанной на 25 стипендиатов, жили ученики-инородцы не только гимназии, но и учительской семинарии. В 1886 г. ташкентская квартира была передана в ведение семинарии. В 1895 г. в Ташкенте отдельная ученическая квартира для инородцев была ликвидирована и учащиеся местных национальностей пользовались пансионатом вместе с русскими иногородними учениками.

За 20 лет, с 1876/77 по 1895/96 учебный год, в Ташкенте количество учащихся-«туземцев» в мужской гимназии составляло в среднем 9 человек (максимум 20 на 1 января 1883 г.); а в женской—6; на 1 января 1896 г. учащихся-туземцев значилось в мужской гимназии 10 и в женской—8. К массе учащихся туземцы составляли в среднем за 20 лет 3,5% в мужской гимназии и 2% в женской (на 1 января 1896 г.—3% в мужской и 2% в женской ташкентских гимназиях)[2].

В гимназию отдавали своих сыновей немногие представители казахской знати, а также узбекского купечества, имевшие коммерческие дела с русскими фирмами Средней Азии и центральной России; они хорошо уяснили себе деловое и культурное значение для них знания русского языка; к таким

[1] «Высочайшее повеление» от 7.VIII 1877 и решения Государственного совета 20.IX 1880 и 8.II 1882. АВПК и Б. Дело департамента народного просвещения за 1887 г. по разряду № 20, по архиву № 156 895-а, кор. 3978. Доклад главного инспектора училищ Туркестанского края от 14 июля 1883 г.

[2] Вычислено по данным С. Граменицкого. (Очерк развития...).

коммерсантам относились купец Ариф-Ходжа Азиз-Ходжинов, уже известный нам Сеид-Азимбай. Учились в гимназии и сыновья известного бывшего муфтия г. Чимкента Саттархана Абдулгафарова и некоторые другие.

В женской ташкентской гимназии, по свидетельству Остроумова, в первые десятилетия узбечек не было, «туземками» там значились казашки, а также татарки[1].

Из первых одиннадцати выпусков Ташкентской мужской гимназии (1883—1893) был только один «туземец» — казах Садыкбаев Джиенбай, окончивший гимназию и затем поступивший в Киевское военное училище; в дальнейшем редко когда среди выпускников оказывался хотя бы один казах или узбек.

С. М. Граменицкий писал: «В младших классах гимназии многие ученики туземцы отличались усердием и ревностью к занятиям и успевали хорошо в науках, и только в средних классах, с IV—V, число их быстро уменьшалось»[2].

Но большой отсев наблюдался среди всех вообще учеников Ташкентской гимназии, а не только «туземцев». Тот же С. М. Граменицкий отмечал, что «из первого класса, в котором обыкновенно бывает не менеее 40 и даже более учеников, в 5-й класс переходит менее половины»[3]. Из первых десяти выпусков только восьмой (1890) был необычно большим—21 человек, а во всех остальных девяти выпусках заканчивало школьный курс в среднем только по 6 человек[4].

По мнению Граменицкого, гимназисты из местных национальностей в IV—V классах «приходили в такой возраст, когда начинали чувствовать тоску по родной жизни и обстановке и когда усиленные занятия ослабляли их энергию и силы»; между тем жизнь воспитанников ученической квартиры строилась «исключительно в интересах русских ее воспитанников и ничего не было сделано в видах приспособления обстановки ее к унаследованным в детстве привычкам туземных воспитанников»[5].

В Верненской и Асхабадской гимназиях положение с учащимися из местных национальностей было не лучше, чем в Ташкенте.

Когда в Ташкенте в 1894 г. открылось реальное училище, то на первых порах дети узбекских коммерсантов составляли

[1] Н. П. Остроумов, Воспоминания, стр. 99.

[2] ЦАУ УзССР, ч. 47, д. 784, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1888.

[3] Отчет о состоянии Ташкентской мужской гимназии за 1887/88 учебный год. Сост. секретарем педагогического совета С. М. Граменицким, Ташкент, 1888, стр. 5.

[4] Отчет за 1892/93 учебный год, сост. В. Ф. Преображенским, Ташкент, 1894, стр. 8—17 (списки выпускников).

[5] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 784.

в нем 5% учащихся (на 1 января 1896 г. 5 человек из 102); в дальнейшем этот процент еще снизился.

Хотя, вовлекая детей местных национальностей в русские школы Туркестанского края, царское правительство руководствовалось целями колонизаторско-русификаторскими и среднюю русскую школу кончали единицы из коренного населения, все же через бывших учеников русской школы постоянно распространялось в народах Средней Азии понимание необходимости покончить с вековой культурной отсталостью. В русской школьной системе не было расовой сегрегации, а совместное обучение детей разных национальностей помогало возникновению дружбы народов и критического отношения к религиозным предрассудкам. Существенную роль в этом играли прогрессивные элементы в русском учительстве.

Русские учебные заведения в Туркестане привлекали учащихся из азиатских народов не только русских подданных. В Петроалександровском городском училище обычно обучалось несколько мальчиков из Хивинского ханства. При пансионе Верненской мужской гимназии продолжало существовать подготовительное отделение для детей местных национальностей. С января 1904 г. на этом отделении по просьбе китайского правительства обучалось 10 китайских мальчиков. Их обучали русскому языку (чтение, письмо и беседы) и арифметике. Из 10 китайских мальчиков 6 выдержали испытания во вторую группу Верненского городского училища, а 4 — в первую группу [1].

[1] В разделе на стр. 183—184, 215—216, 225—227 использованы материалы Н. П. Архангельского.

Глава пятая

РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 ГОДОВ В ТУРКЕСТАНЕ И ШКОЛА[1]

ОБЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ ДЛЯ ШКОЛЬНОГО ДЕЛА В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ

Оценивая значение русской революции 1905—1907 гг. — первой народной революции эпохи империализма, В. И. Ленин писал: «...российская революция достигла не только того, что она окончательно пробудила от сна самую крупную и самую отсталую страну Европы и создала революционный народ, руководимый революционным пролетариатом.

Она достигла не только этого. Русская революция вызвала движение во всей Азии» [2].

Живое подтверждение ленинским словам о вызванном русской революцией 1905—1907 годов движении во всей Азии мы видим также и в развитии школьного дела у народов Средней Азии. Со времени революции 1905—1907 годов с силой нарастает тяга этих народов к культуре, ширится стремление преодолеть средневековую отсталость.

Это находит выражение в быстром развитии сети национальных начальных школ нового типа, так называемых новометодных мактабов, которыми идеологи национальной буржуазии народов Средней Азии — джадиды старались завладеть, используя пробуждавшуюся потребность в современных знаниях. В то же время *повысился интерес коренного населения к русско-туземной и русской школам.*

Русские школы и другие культурно-просветительные учреждения в Туркестане начиная с революционных лет развивались темпами, каких не было раньше. Это нужно связать с

[1] В кн.: А. В. Пясковский. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане. Изд. АН СССР, М., 1958,—на стр. 246—251 и др. даны события в школах края; источники автора и К. Е. Бендрикова совпадают или дополняют друг друга (см ниже стр. 246 и 248). — *Ред.*

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 244.

активизацией общественной жизни, с появлением новых общественных организаций (в том числе родительских комитетов и др.); в конечном счете это отражало факт широкого значения: революция послужила сильным толчком, пробудившим народные массы к политической жизни.

Отметим два факта влияния революции 1905—1907 годов на развитие русско-туземных школ.

До 1905 г. ни в документах, ни в газетных заметках не было обсуждения вопроса о *программе* обучения *родному* языку в «туземных» классах русско-туземных школ, об испытаниях по этому важнейшему для развития детей общеобразовательному предмету, об успехах учащихся по родному языку в русско-туземных школах.

Такие вопросы не интересовали учебную администрацию Туркестана — точнее говоря, этих вопросов в круге политических и педагогических представлений руководителей школьного дела не существовало.

В 1906 г. комиссия из учителей шести ташкентских русско-туземных школ под председательством инспектора народных училищ Н. Сайфи [1] впервые составляет «Программу-план для мусульманского класса русско-туземной школы».

Программа-план

мусульманского, или туземного, класса русско-туземной школы на 1906/1907 учебный год

Составлена комиссией учителей туземных классов г. Ташкента [2]

1. В первом году обучения мусульманской группы учащиеся должны пройти 64 урока из учебника Ходжи Сеид-Азизова «Устоди Авваль» и познакомиться с мусульманским письмом по этому же учебнику; уроки вероучения проводить не более одного раза в неделю.

2. Во втором году обучения учащиеся должны пройти остальную часть этого же «Устоди Авваль», т. е. с 49-й страницы и до конца; упражняться в списывании с книги, ознакомиться с печатными буквами, упражняться в чтении арабского текста, и в этом же году приступить к чтению корана, изучив 50 сур, т. е. из 520 страниц только 23. Из этого количества текста необходимо выучить наизусть 4 страницы, заключающие в себе необходимые молитвы.

3. В третьем году обучения учащиеся должны пройти «Хрестоматию для русско-туземных училищ Туркестанского края», составленную учителем Калининым, упражняться в списывании с книги и в диктовке и пройти из корана 17 длинных сур.

4. В четвертом году учащиеся должны пройти объяснительный курс мусульманского вероучения по руководству, составленному Таш-Ходжа-Ишаном (Мухаммад-Эд-Дин), до последнего отдела этого руководства;

[1] Православный араб из Сирии, получивший образование в России.—*Ред.*

[2] Центральный государственный исторический архив УзССР, ф. 47, д. 903, оп. 1. Цитир. по диссертации М. Ф. Думенко, Русско-туземные школы Туркестанского края, М., 1953 (Ин-т теории и истории педагогики АПН РСФСР), стр. 199—200.

закончить читать коран и научиться составлять различного рода деловые письма. Приступить к изучению арифметики и изучить четыре арифметических действия.

Подписали:

Председатель комиссии Н. Сайфи (инспектор народных училищ)

Члены учительской комиссии, учителя туземных классов:

1-й русско-туземной школы — Таш Ходжа Ишан ханов
2-й » » — Мир Сагат Мир Закиров
3-й » » — Мулла Хашим Мулла Хакимов
4-й » » — Мулла Карим Кари Каганбаев
5-й » » — Саид Газы Сеид Ахметов

2-х классной русско-туземной школы С. К. Абдул-Кахар Ходжа-Сеид-Азизов.

В сентябре 1905 г. под влиянием революционных событий по гребованию гласных городской думы от коренного населения в Ташкенте с большой торжественностью было открыто повышенного типа русско-туземное училище, двухклассное, т. е. шестигодичное [1].

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ШКОЛАХ РОССИИ В 1905—1907 ГОДАХ

В начале XX столетия в России стали резко обнаруживаться признаки надвигавшейся революции; приближение ее проявлялось в подъеме революционного движения среди рабочих и крестьян: в первомайских стачках и столкновениях рабочих с войсками и полицией (на Обуховском заводе в 1901 г. в Петербурге, в Ростове-на-Дону в 1902 г.), в забастовках и демонстрациях против царской власти и капиталистов (Батумская демонстрация в 1902 г.). Еще более крупные размеры приняли массовые политические выступления рабочего класса России в 1903 г.: стачки происходили в Баку, Тифлисе и других городах Кавказа, а также в крупнейших городах Украины. В отличие от прежних выступлений рабочего класса почти всюду политической борьбой стали руководить комитеты социал-демократической рабочей партии. Рабочий класс поднимался на борьбу с царской властью.

Рабочее движение оказало большое влияние и на крестьян. Весной и летом 1902 г. на Украине и в Поволжье развернулось широкое крестьянское движение против помещиков.

Рабоче-крестьянские массовые революционные выступления получили свое отражение также и в политических настроениях учащейся молодежи высших и средних школ. Как оценивало эти настроения царское правительство, видно из секретного циркуляра, который был разослан по учебным округам министром Зенгером в июне 1903 г.

«В последнее время, — пишет Зенгер, — стали все чаще поступать в Министерство народного просвещения донесения

[1] ТВ, 1905, № 112, 122, 125, 142.

учебно-окружных управлений относительно фактов, свидетельствующих об упадке дисциплины в средних учебных заведениях и отчасти в городских училищах, о распущенности воспитанников некоторых из этих заведений, а также о вредном направлении мысли, нередко замечаемом среди учащихся в старших классах». Перечислив проступки учащихся, министр продолжает: «Имеются, наконец, указания, что среди учеников старшего возраста ведется в широких размерах противоправительственная пропаганда, порождающая немало жертв столь же безрассудного, сколь преступного движения» [1].

В дальнейшем изложении мер борьбы с указанными явлениями Зенгер на 10 страницах поучает школьную администрацию и педагогический персонал, как надо сочетать строгость и настойчивость, вплоть до исключения ученика из учебного заведения, с деловой постановкой преподавания, но совершенно не касается коренных причин политической активности учащихся средних школ.

Известно, что до революции 1905 года в России существовало широко разветвленное нелегальное движение учащихся средних школ. Ученическими организациями во многих городах руководили социал-демократические комитеты и снабжали их революционной литературой [2]. В. И. Ленин много уделял внимания революционному воспитанию учащихся и требовал, чтобы социал-демократы, работавшие в России, больше занимались вопросами руководства ученическими кружками в средних школах и направляли их деятельность в контакте с рабочими революционными организациями. В примечании, написанном Лениным в декабре 1902 г. от редакции «Искры» по поводу воззвания центрального комитета южнорусской группы учащихся средних школ, находим такие указания Ленина учащимся: «Старайтесь сделать главной целью своей организации самообразование, выработку из себя убежденных, стойких и выдержанных социал-демократов» [3].

В революции 1905—1907 годов ученические организации выступали в контакте с рабочими и солдатами против самодержавия и сыграли значительную роль в революционном воспитании учащихся средних школ [4].

---

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 2681, Циркуляры Министерства народного просвещения, 1903, лл. 106—111.

[2] Ученические социал-демократические организации. Сборник статей и материалов под ред. А. Кирова, М.— Л., 1925.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 253.

[4] Гимназиям и реальным училищам России в период революции 1905 года посвящена особая глава (стр. 75—107) в кн.: Н. А. Константинов, Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 г., изд. 2, М., 1956. В «Приложениях» к ней даны документы, большей частью из Поволжья и Москвы. О Туркестане материала нет. Забыта книга А. Пиленко, Забастовки в средних учебных заведениях в Петербурге. Спб., 1906. — *Ред.*

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ТУРКЕСТАНА [1]

Революционное движение среди учащихся школ Средней Азии возникло под влиянием развивавшегося здесь пролетарского движения. Ученические революционные организации вели политическую работу в средних школах под руководством различных партийных групп и подпольных кружков. В начале 1902 г. в Асхабаде возникла первая социал-демократическая организация. Осенью 1904 г. учитель женской гимназии Л. Л. Стабровский и его жена создали в Асхабаде подпольный кружок из учащихся старших классов местных средних школ. На устроенном в Асхабаде студенческом вечере учащаяся молодежь пела революционные песни — «Вставай, поднимайся рабочий народ», «Дубинушку» и «говорила речи свободного направления», как об этом доносил генерал-губернатору его чиновник особых поручений [2]. Стабровский вскоре был арестован и умер в тюрьме. Похороны его в июле 1905 г. превратились в мощную политическую демонстрацию. Созданный им кружок из учащихся продолжал существовать: вел подпольную пропагандистскую работу среди учащихся, печатал и расклеивал прокламации местной социал-демократической группы.

Судя по секретному циркуляру генерал-губернатора Тевяшева, учитель Стабровский не был одиноким среди педагогического персонала Туркестанского края. В этом циркуляре начальникам учебных заведений Средней Азии от 19 января 1905 г. Тевяшев пишет: «Двое из лиц, служащих по учебному ведомству во вверенном мне крае, проявили безрассудную деятельность». Дальше узнаем, что «безрассудная деятельность» выразилась в том, что один из учителей городского училища отказался принять присягу в суде при даче свидетельских показаний, считая религиозную присягу насилием над

---

[1] Для показа революционного движения среди учащихся Туркестана автором использован главным образом архивный материал. Много фактов движения 1905—1906 гг. среди учащихся, родителей, учителей можно найти также в тогдашних газетах. Положению в местных учебных заведениях уделяла большое внимание газета «Самарканд», направлявшаяся большевиками; см. газ. «Самарканд», 1905, № 10, 55, 62, 149, 192, 204, 218, 220—223, 226—227, 229, 233, 236—237, 241—242, 246, 248—249, 253—254, 262—263, 267—268; 1906, № 5; газ. «Новый Самарканд», 1906, № 23; газ. «Зеравшан», 1906, № 10 и 23. См. также «Обзор Самаркандской обл. за 1905 г.», изд. обл. стат. к-та. О положении в ташкентских учебных заведениях есть материал в газетах: «Русский Туркестан», 1905, № 9, 37, 52, 54, 229, 231, 234—236, 245, 255—256, 258, 260—261; «Среднеазиатская жизнь», 1905, № 7, 38; 1906, № 50, 117; ТВ, 1905, № 21, 179, 183, 197; 1906, № 15. См. также газеты, издававшиеся в 1905—1906 гг. в Асхабаде, Верном, Новом Маргелане.— *Ред.*

[2] Андроник Мелькумов. Материалы революционного движения в Туркмении 1904—1919 гг., Ташкент, 1924.

его личностью и совестью. Что касается другого учителя, то оказалось, что он принадлежал к революционной партии, составлял и распространял прокламации и «держал у себя орудия их изготовления». Для ограждения учащихся от «злонамеренных педагогов» генерал-губернатор просит начальников учебных заведений «ближе познакомиться с образом мыслей и со внешкольной жизнью каждого учителя, вновь назначенного на службу или переведенного из другого округа» [1].

Имеется много документов, свидетельствующих о том, что учащиеся мужских и женских гимназий, реального училища и даже городских училищ в революцию 1905—1907 годов дружно выступили против ненавистных школьных порядков и принимали деятельное участие в борьбе с самодержавием вместе с революционным пролетариатом Средней Азии.

В октябре 1905 г. учащиеся средних школ во многих городах Туркестана примкнули к всероссийской политической забастовке. Известно, что октябрьская забастовка рабочих России вынудила Николая II издать 17 октября манифест с «дарованием политических свобод» и обещанием создать Государственную думу. Так как после манифеста в учебных заведениях ничего не изменилось, то учащиеся средних школ начали борьбу со своим начальством за свободную школу. Борьба принимала различные формы в зависимости от политического руководства учащимися и педагогического такта гимназического начальства.

Из протокола заседания попечительского комитета при генерал-губернаторе от 12 ноября 1905 г. узнаем, что после 18 октября были волнения среди учащихся с прекращением занятий в средних учебных заведениях. Постановлением этого комитета были разрешены собрания учащихся старших классов средних школ г. Ташкента для совместного обсуждения назревших учебно-воспитательных вопросов и выработки соответствующих петиций. В протоколе приведена общая петиция учащихся; в ней содержится требование свободы сходок, собраний, организации кружков, преследующих цели самообразования, пополнения библиотек по спискам, выработанным самими учащимися, учреждения товарищеского суда, непреследования бастовавших учащихся и тому подобные заявления. Попечительский комитет отклонил требования учениц Ташкентской женской гимназии об участии их родителей в заседаниях педагогического совета, сославшись на Министерство народного просвещения.

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 2918, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1905.

Ученики Самаркандской мужской гимназии предъявили своему директору следующие требования:

«1. Свободные собрания в стенах гимназии для обсуждения своих нужд.

2. Разрешение на учреждение товарищеского суда и товарищеского кружка взаимопомощи.

3. Уничтожение запрещения появляться на улицах после семи часов вечера и отмена порядка посещения начальствующих лиц наших квартир.

4. Необязательное посещение церкви.

5. Уничтожение формы во внеурочное время.

6. Непреследование за курение.

7. Свободное посещение библиотек и театров.

8. Посещение окрестностей г. Самарканда без разрешения на то начальства.

9. Участие выборных от товарищей в обсуждении поступков учеников и определении мер наказания за оные...»

В заключение этих требований учащиеся заявляют, что неисполнение их принудит учеников к забастовке как единственному находящемуся в их распоряжении средству протеста [1].

Перепуганный директор послал тревожную телеграмму краевому начальству в Ташкент. Дальше конфликт самаркандских гимназистов со своим начальством разрешается таким образом. Из другой телеграммы директора Дьячкова школьному начальству узнаем, что учащиеся мужской гимназии совместно с ученицами женской гимназии, «количеством около ста», устроили сходку в помещении гимназии. Сходка продолжалась полтора часа, на которой прежние требования были дополнены и предъявлены начальству средних школ Самарканда. Свою петицию учащиеся докладывали также на общем собрании родителей и педагогов Самаркандской мужской гимназии.

Так как директор гимназии Дьячков отказался удовлетворить требования учащихся, то гимназисты объявили забастовку. Затем они пошли в женскую гимназию, в училище садоводства и городское училище, везде снимая учащихся с занятий. В конфликте директора с учениками большая часть педагогического персонала во главе с Е. В. Корчицем стала на сторону гимназистов. Директор начал преследовать преподавателя Корчица. Желая его поддержать, учащиеся старших классов гимназии поместили в газете открытое письмо Корчицу: «Вы нам дороги,— пишут гимназисты,— нам дорога та свобода, которой мы дышим теперь, как воздухом. Ваше дело есть наше дело. В борьбе, которую вы ведете со

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3022, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1905.

старым режимом, мы заинтересованы непосредственно. В каждый данный момент, если это понадобится, мы будем поддерживать вас всеми находящимися в нашем распоряжении средствами протеста. Будем бороться вместе, наш дорогой товарищ». Письмо подписали 42 ученика старших классов Самаркандской гимназии [1].

Не имея авторитета, чтобы морально повлиять на учащихся и преподавателей, директор донес на Корчица и других учителей гимназии военному губернатору Самаркандской области, который распорядился арестовать Корчица и Андрианова за «политическую пропаганду среди учащихся», передав дело о них окружному прокурору.

Большой политический интерес представляет резолюция генерал-губернатора Сахарова, написанная им на рапорте самаркандского военного губернатора. Одобряя арест учителей, Сахаров пишет: «Полагаю, что необходимо привести преподавателей немедленно в порядок: если не удастся, то уволить всех упорствующих от службы и заменить другими; если же и этого сделать нельзя, то придется закрыть гимназию, ибо существующий порядок приносит только вред. Во всяком случае, надо перебрать учеников: некоторых надо исключить, а некоторых временно удалить для успокоения, как то рекомендуется циркуляром министерства народного просвещения. Священника Коротуна надо немедленно удалить,— лучше не учить закону божию совсем, чем учить при посредстве революционеров» [2].

Так быстро расправилась с бастующими учениками и поддержавшими их преподавателями школьная и краевая администрация. Следует отметить откровенность, с которой генерал Сахаров вскрывает политические мотивы репрессий: можно разогнать всех преподавателей и закрыть гимназию, можно не учить даже закону божьему, важно, чтобы учителя и учащиеся слепо повиновались самодержавному строю и установленным политическим порядкам в школе.

Энергичную деятельность развернули учащиеся средних школ г. Ташкента. Так как администрация школ отказалась исполнить их требования, то они объявили забастовку, избрав стачечный комитет для руководства забастовкой. Комитет учащихся устраивал сходки, писал обращения к родителям и воззвания ко всем учащимся, стремясь поддержать единодушие бастующих.

В обращении к родителям от 21 октября 1905 г. дети разъясняют своим отцам и матерям: «Русская жизнь испытывает коренной перелом. Новые начала входят в нее, новое понимание жизни, новые надежды воодушевляют наше общество. Может ли школа остаться в стороне от этого могучего движения, может ли она остаться по-прежнему гнусным орудием в руках гасителей жизни?» Ссылаясь на то, что по всей России протекала волна ученических забастовок и родители во многих городах выступали вместе со своими детьми «на защиту новых начал», учащиеся спрашивают своих родителей: «Неужели в Ташкенте родители останутся чужды к голосу жизни? Неужели они выкажут себя менее чуткими и дальновидными, чем их дети? Не следует ли вам, родителям, задуматься над тем, что происходит с вашими детьми и выступить активно, не зарываясь в угол, а открыто и смело становясь на сторону детей, правильно понявших задачи момента?»

Дальше в документе идет очень верная и яркая политическая характеристика дореволюционной средней школы: «Мерзости, творящиеся в наших гимназиях, ни для кого не секрет... Школа наша не учебное заведение, а фабрика покорных и безгласных рабов-чиновников. Это заведение, которое трудно миновать нашему брату, но которое дает нам не столько знания и развития, сколько чиновничью выправку. Для этого нашей школе естественно необходимо держать свою жертву в ежовых рукавицах. Для этого недостаточно надзора и всяческой опеки в стенах училища. Школа залезает своими грязными лапами в душу своих питомцев; она вмешивается в их домашнюю жизнь; она ставит свою опеку выше забот родителей, игнорирует желания родителей и вопреки их воле делает из учеников то, что желательно ей и ее хозяйке — бюрократии» [1].

Когда забастовочный дух учащихся ташкентских средних школ начал ослабевать, комитет бастующих обратился с воззванием от 2 ноября 1905 г., в котором призывал продолжать забастовку, приходить на сходки, а не отсиживаться дома: «Недавно еще,— сказано в воззвании,— все единодушно кричали, что будут продолжать забастовку до удовлетворения наших требований. А теперь, когда настало время выполнить это на деле, очень многие относятся к этому как-то апатично, с неохотой, будто дело идет не о нас, учащихся».

Часть бастующих возражала против внесения политического момента в борьбу учащихся с администрацией: «Успокойтесь,— поясняет комитет,— теперь забастовка будет чисто академической. Будьте же хоть хорошими эгоистами. Нам надо соединиться, чтобы директора видели, что наши требования — это желания всех, а не произвольные действия не-

[1] Газ. «Самарканд», 1906, 12 января.

[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3315, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края.

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3022, О политических беспорядках в учебных заведениях.

большой группы, как они думают. Тогда они увидят в нас силу и уступят. Помните также обещание учащихся разных учебных заведений — поддерживать друг друга. Многие это забывают. Итак, товарищи, соединимся»[1].

Из протокола заседания педагогического совета Ташкентского реального училища от 31 октября 1905 г. видно, что и среди реалистов происходили волнения и протесты против существовавшего режима в школе. Учащиеся подали директору реального училища петицию, состоящую из восьми пунктов[2]. Содержание их в основном совпадает с требованиями учеников мужских гимназий, которые мы привели выше.

В феврале 1906 г. на квартире владельца мастерской Жолондзя в Ташкенте жандармами был сделан обыск, найден мимеограф, на котором печатался подпольный журнал «Мир учащихся» и папка с заготовленным для печати текстом журнала № 2. При обыске забраны также нелегальные брошюры, записки и статьи, написанные для следующих номеров журнала. Руководил журналом 17-летний сын Жолондзя Виталий, бывший ученик Ташкентского реального училища; арестованы были еще четыре ученика реального училища, все арестованные учащиеся были направлены в тюрьму[3].

Яркую политическую окраску приобрело движение учащихся в Асхабаде, где руководящую роль играли ученики технического училища, социальный состав которого всегда был несравненно демократичнее, чем в гимназиях. К сожалению, мало сохранилось архивных ученических документов. Вот рапорт директора мужской гимназии Белоусова, в котором он доносит, что «16 октября огромная толпа железнодорожных забастовщиков, к которым примкнули и ученики технического училища, при отсутствии полиции и войск на улицах, беспрепятственно прошли мимо гимназий в центральную часть города».

Из других донесений директора Белоусова и инспектора Дейнеко узнаем, что ученики технического училища вовлекли в забастовку учащихся женской и мужской гимназий, устраивали сходки, выработали требования, в числе которых было требование убрать некоторых начальствующих лиц из обеих гимназий. Кроме этого общегородского решения, гимназисты четырех старших классов собрались на сходку и вынесли решение: не приступать к занятиям, пока не будет удален особенно ненавистный учащимся инспектор мужской гимназии В. Д. Дейнеко. Под давлением этого требования высшее школьное начальство убрало Дейнеко из Асхабада и его

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3023, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1905.

[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3022, О политических беспорядках в учебных заведениях.

[3] ТВ, 1906, № 26.

назначило директором гимназии в г. Верном, где мы встретимся с ним еще раз.

Долго и упорно боролись за реформы в своей школе гимназисты г. Нового Маргелана. Им удалось добиться ряда льгот академического характера. Но по мере того, как царское правительство побеждало революцию в общегосударственном масштабе, сильнее становился нажим властей на школу. Директор Ново-Маргеланской гимназии с февраля 1906 г. стал восстанавливать старый порядок школьной жизни, нарушенный учащимися осенью 1905 г.

Руководившая борьбой группа учеников в своей прокламации пишет: «Итак, товарищи, напрасно мы собирались для обсуждения наших нужд, напрасно подавали нашу петицию,— нам ничего не дали... У нас отобрали все, что как будто условно дали. Нам оставили лишь право издавать журнал — «зеркало нашей души»[1]. Злая насмешка над нами. Разве возможно на страницах нашего журнала свободно высказаться? Каждая статья идет к директору, а тот аккуратно черкает ее, ставя свое «вето» на откровенные думы писателя. И это называется свободой мысли! До сих пор в «зеркале нашей души» отражаются только красные чернила цензора...»

Авторы прокламации призывают учащихся возобновить борьбу с администрацией гимназии: «Вспомните, товарищи, дни, когда мы вырабатывали нашу петицию, вспомните те клятвы, когда мы тем или другим путем решили достигнуть своей цели... Ответим им гордо на их жалкие циркуляры. Прекратим занятия, демонстративно выйдя из здания гимназии... Встанем на защиту наших поруганных прав. Соединяйтесь, товарищи, в одну дружную семью, организуйтесь! Наш девиз: «Один за всех, все за одного!» Так будем же бастовать, товарищи! Да здравствует свобода и свободная школа!»[2]

Под обращением к учащимся подписано: «Группа гимназистов. Отпечатано в 100 экз. Н. Маргелан. 28 февраля 1906 г.»

Мы не знаем, каких результатов удалось добиться учащейся молодежи Нового Маргелана. Однако имеются данные, что ими руководила местная социал-демократическая организация и помогала росту их политического сознания[3].

[1] Журнал назывался «Гимназия», печатался на гектографе. До конца 1905/06 учебного года вышло четыре номера; с нового учебного года выпуск журнала прекратился.— *Ред.*

[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3315, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1906.

[3] В движении новомаргеланских гимназистов не чувствовалось такого влияния организации большевиков, как в Самаркандской гимназии, где издавался нелегальный ученический журнал.— *Ред.*

Перед нами лежит первомайская прокламация, выпущенная учащимися той же Ново-Маргеланской гимназии с лозунгом: «В единении сила». «Праздником первого мая,— пишут гимназисты,— мировой пролетариат хочет показать всем врагам труда, всем тунеядцам свою силу, своих борцов. Своим праздником он напоминает, что скоро настанет то время, когда все будут равны и свободны, когда будут потоптаны и уничтожены все причины, приведшие всех трудящихся к нищете и немногих лежебок к богатству... Мы, товарищи, тоже должны были бы ознаменовать этот великий день, но мы находимся в той стране, где царят нагайки, пули и штыки. В стране с мраком тьмы и невежества, где властвует проклятое самодержавие. Товарищи, ознаменуем этот великий день рабочих тем, что станем просвещать непросвещенных и положим свои силы на то, чтобы у нас, как и среди рабочих, существовало бы товарищество и единение...»

Дальше авторы прокламации пишут: «Товарищи, мы находимся в бюрократической гимназии, в той машине, которая хочет сделать из нас каких-то подвижных манекенов, которая не позволяет нам иметь своих мнений, не позволяет вступаться за своих товарищей, не позволяет соединяться, боясь нашей силы и всячески руководясь циркулярами царских холопов, старается разъединить нас и посеять в неиспорченных душах наших безнравственные взгляды на современные животрепещущие вопросы».

В заключение авторы прокламации призывают всех учащихся к единению и борьбе с самодержавием: «Скоро засветит солнце свободы, правды, труда и любви, падет проклятый деспотизм, падут насильники народа, падет проклятое самодержавие, падет тьма и невежество. Свет и просвещение восторжествуют и обнимут блеском своих ослепительных лучей всю нашу истерзанную и окровавленную родину. Г. Новый Маргелан, 1 мая 1906 г.»[1].

Царская администрация круто обходилась с учениками, участвовавшими в революционном движении. Из рапорта директора Ташкентской мужской гимназии главному инспектору училищ Туркестанского края узнаем об аресте охранным отделением ученика VII класса этой гимназии Евгения Федорова в связи с принадлежностью его «к преступному сообществу». Чтобы судить о низком культурном уровне царских чиновников, делавших обыск, приводим выписку из протокола о конфискованных книгах у гимназиста Федорова, которые царские громилы считали нелегальными. «Была отобрана нелегальная литература,— читаем в протоколе,—

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3315, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1908. Секретная переписка за 1905 и 1906 гг., л. 251.

в число которой входят: 3 книги журнала «Былое», 6 книг приложения к «Биржевым ведомостям» за 1907 г., 2 книги по новой истории: «Французская революция» и «Германская революция», 1 учебник по философии и другие. Кроме того, два нелегальных номера газеты: один «Земля и воля», а другой—«Народная армия»[1]. Тупоголовые охранники даже учебник по философии, труды по истории французской и германской революций и приложения к буржуазной бульварной газетке «Биржевые ведомости» зачислили в разряд нелегальных книг и подвергли аресту владельца этих книг — несовершеннолетнего гимназиста.

В Семиреченской области учащиеся средних школ также вели борьбу со своим начальством в период революции 1905—1907 годов. Подпольный ученический журнал «Школьная жизнь», № 2, выпущенный в апреле 1907 г. за подписью «Верненская группа учащихся», характеризует настроение учащейся молодежи г. Верного в период начавшейся реакции. «Товарищи! Тяжелое время настало в России,— пишет редакция этого журнала.— Все придавлено, все замерзло. Только правительство Николая II во главе со своим принципалом и в тесном единении с черной сотней справляют кровавый, шумный пир над побежденной страной, над раздавленным пролетариатом и распылившимся студенчеством...»

В подпольном ученическом журнале много внимания уделено изгнанному учащимися из Асхабада директору Верненской гимназии Дейнеко, который записался в черную сотню и творил безобразия не только в мужской, но и в женской гимназии, где он был председателем педагогического совета. Обращаясь к учащимся, составители журнала «Школьная жизнь» пишут: «Теперь мы хотим сказать еще одно: не ждите помощи от ваших родителей. Родители — это воспитанники г. Дейнеко. Стыдно и жалко за тех родителей, которые молчат... забывают протестовать, когда Дейнеко кричит на их сыновей в клубе: «Вы свиньи! Убирайтесь вон!» Нельзя надеяться на тех родителей, которые молча и равнодушно смотрят на опыты, которые производит над их детьми Дейнеко... Нельзя доверять тем родителям, которые встречают возмутительный факт ареста двух гимназистов не взрывом негодования, а равнодушнейшим молчанием».

Эти записки из журнала верненских гимназистов свидетельствуют об их тяжелом настроении, об их упорстве в борьбе со школьной администрацией, несмотря на аресты их товарищей. Содержание цитированной статьи говорит о довольно высоком политическом развитии учащейся моло-

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, 302, Отчет Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1907.

дежи такого захолустного города, как Верный [1]. Хотя учащиеся ярко описывают тяжелое политическое положение в их гимназии и во всей стране, однако они не собираются сдаваться на милость Дейнеко и его коллег. Напротив, из журнала мы узнаем, что ученики Верненской гимназии со свистом выгоняют из класса бездарных учителей-черносотенцев и ведут подпольную работу среди учащихся своего города.

Экземпляр листовки верненских гимназистов, которую мы цитировали, директор гимназии Дейнеко послал главному инспектору училищ Туркестанского края; тот направил ее и. д. генерал-губернатора края Кондратовичу; последний предписал начальнику охранного отделения произвести расследование и вместе с тем запросил военного губернатора Семиреченской области, что им сделано по этому поводу. Нетрудно представить, какой разгром среди учащихся гимназии произвели царские жандармы и добровольные сыщики из среды школьной администрации в связи с предписаниями туркестанского генерал-губернатора.

Министерство просвещения внимательно следило за революционным движением учащихся средних школ и давало указания на места запрещать и душить ученические организации. Вот, например, циркуляр министра от 9 мая 1906 г., из которого видно, что главной помехой правильному течению школьной жизни, по мнению министра, являлось существование среди учеников организации с избранными старостами, делегатами и тому подобными проявлениями. В циркуляре напоминается, что еще в прошлом году министерство выразило уверенность, что педагогические советы не допустят внесения в жизнь школы таких явлений, как ученические организации с притязаниями иметь власть над учениками или с целью предъявления тех или иных требований к администрации школы. Министр просвещения пишет, что, несмотря на его указания, до последнего времени наблюдается в жизни некоторых учебных заведений продолжение ученических сходок и проявление деятельности организаций, которые не только отвлекали учеников и учениц от их прямых обязанностей, «но прямо вовлекали в политическую деятельность, для которой не должно быть места в школе». В заключение министр требует пропущенное время занятий возместить за счет каникул учащихся, а неуспевающих учеников, участвовавших в забастовках, исключить, «если педагогические советы найдут нужным».

Царская власть жестоко расправилась также и с учителями, принимавшими участие в революции или же только выражавшими сочувствие молодежи, отстаивавшей свои человеческие права.

В октябре 1906 г. Совет министров принял постановление о запрещении служащим всех категорий участвовать в политических партиях, обществах и союзах, которые «обнаруживают стремление к борьбе с правительством или призывают к такой борьбе население». Это постановление явилось открытым призывом к мести всем прямым или косвенным участникам в революционном движении 1905—1906 годов, так как в нем есть следующий пункт: «Должностные лица и служащие в правительственных учреждениях по вольному найму, принимавшие участие в организациях, враждебных правительству, или в противогосударственной агитации, подлежат немедленному увольнению» [1].

Министерство просвещения и его агенты на местах, опираясь на это постановление, стали увольнять не угодных им учителей, сводя личные счеты. Директор народных училищ Сыр-Дарьинской области разослал «циркулярно» 4 ноября 1906 г. всем заведующим училищами решение Совета министров с предложением проводить его в жизнь. Нетрудно представить, какая чистка среди учителей Туркестанского края была проведена на основании указанного закона Совета министров.

В 1906/07 учебном году были ликвидированы в средних учебных заведениях Туркестанского края завоевания, которых добились учащиеся в 1905/06 учебном году. Легальных собраний учащихся в стенах школы и легального ученического самоуправления не стало. Но действовали подпольные кружки, собиравшиеся вне школы, сохранились некоторые полулегальные формы ученической самоорганизации [2].

Возвращаясь к общей оценке участия в революционном движении учащихся средних школ Туркестана, скажем, что политический уровень этого движения в общем совпадал с общерусским движением учащихся средних учебных заведений; учащиеся старших классов средних школ края поддерживали на своем участке рабочий класс в его борьбе против самодержавия. Правда, программа их революционной борьбы носила больше школьный, «академический» характер, чем политический. Однако в движении учащейся молодежи Туркестана важно отметить ее горячее стремление освободить школу от гнусного духа самодержавия. Революционное движение учащихся настолько подорвало старорежимную основу средней школы, что усилия царских министров

---

[1] В 1903 г. Верненскую гимназию окончил М. В. Фрунзе; уже в этом выпуске были сильные революционные настроения.— *Ред.*

[1] ЦАУ УзССР, ф. 49, д. 483, Опись инспектора народных училищ Сыр-Дарьинской области, 1906—1907.

[2] В Ново-Маргеланской мужской гимназии в VI классе существовала касса взаимопомощи, были попытки издания классного журнала.— *Ред.*

(Шварца, Кассо и других) не могли полностью восстановить ее прежний бездушный бюрократический строй.

Следует подчеркнуть, что в Туркестанском крае наиболее целенаправленное ученическое движение было в Самарканде — одном из важнейших в Средней Азии центров организации большевиков.

Женские гимназии в Туркестане за редкими исключениями остались в стороне от движения.

Туркестанская учительская семинария, в сравнении с гимназиями и реальным училищем, имела значительно более демократичный состав учащихся. Но четверть века неотступного православно-монархического воспитания в условиях школы с интернатом и казенных стипендий сыграли временно свою роль: в 1905 г. семинаристы не примкнули к ученическому движению. Влияние революции сказалось на семинарии позже (см. на стр. 347 о «потешных полках»).

Весьма существенно, что учащиеся средних и высших мусульманских школ (медресе) Туркестанского края не принимали участия в революции 1905—1907 годов. Это объясняется тем, что учащиеся медресе были фанатически преданы исламу и строго подчинялись авторитету своих наставников — мударрисов. Это обстоятельство повысило репутацию медресе в глазах царской учебной администрации, которая ставила поведение мулл медресе в пример русским учащимся средних школ[1]. Кроме того, студенты медресе являлись в подавляющем большинстве детьми имущих классов и мусульманского духовенства. В эти слои народов Средней Азии революционные идеи еще не проникли[2].

[1] Цитаты из статей Н. П. Остроумова в «Журнале Министерства народного просвещения» 1906—1907 гг. см. ниже, на стр. 334—335.

[2] Но ученики некоторых русско-туземных школ в октябре 1905 г. предъявляли к школьной администрации требования. Например, в Самаркандской школе с интернатом были требования — улучшить пищу, отопление и др., а также, «Не употреблять нас в качестве прислуги, а только вести с нами правильные учебные занятия». См. А. В. Пясковский. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 251. — *Ред.*

Глава шестая

НОВОМЕТОДНЫЕ МАКТАБЫ

НОВОМЕТОДНЫЕ МАКТАБЫ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ И ПАНТЮРКИСТСКИЕ

Еще во второй половине XIX в. среди народов, находившихся под влиянием ислама, началось движение за реформу традиционных мусульманских школ, содержание обучения в которых сложилось в средние века, в эпоху феодализма, и не отвечало культуре нового времени, потребностям капиталистического общества. Школьные реформы в том или ином объеме проводились в таких странах, как Турция, Египет, где мусульманским школам покровительствовала государственная власть. В России в конце XIX в. движение за реформу мусульманских школ проявилось среди тюркоязычных народов Крыма, Поволжья, Азербайджана; в Среднюю Азию оно доходило в очень слабой степени.

Большое значение имеет изучение влияния на мусульманские школы Средней Азии русской революции 1905—1907 годов. «Исключительную важность представляет изучение истории революционного движения в 1905—1907 гг. среди местных коренных национальностей... Туркестана»,— пишет А. В. Пясковский[1]. Он отмечает, что в этой области среди наших историков было много путаницы, некоторые из них отрицали участие в революции 1905—1907 годов трудящихся масс коренного населения. Царские администраторы в Туркестане в своих донесениях начальству, чтобы выслужиться, обычно представляли революционное движение среди трудящихся масс коренного населения в извращенном виде, пытались преуменьшить участие этих масс в революции. Однако царские архивы при детальном их изучении, удостоверяет Пясковский, «дают достаточно материалов, показывающих, что революция 1905—1907 годов глубоко задела не только европейское население Туркестана, но и местное коренное.

[1] См. Проблемы источниковедения, IV, М., изд-во АН СССР, 1955, стр. 128—130.

Если в документах, посылавшихся «по начальству» (т. е. в докладах вышестоящим инстанциям) и встречаются многочисленные заверения, что «в туземной среде все спокойно»... то документы, оседавшие в тиши низовых канцелярий, говорят совсем об ином».

Во всяком случае, велико было влияние революции 1905—1907 годов на развитие у коренного населения Туркестана школьного дела. До 1905 г. мактабы нового типа, так называемые «новометодные мактабы», являлись редкими единицами среди тысяч традиционных «старометодных» (т. е. средневековых) мактабов; при этом новометодные мактабы встречали злобное осуждение мусульманского духовенства и недоверие населения. Но с 1905 г. быстро растет сеть школ, открываемых учителями-новометодниками в противовес старометодным мактабам. А через несколько лет начинается еще новое: некоторые старометодные мактабы сами переходят в той или иной степени на «новый метод». Процесс модернизации старометодных мактабов усиливался до 1917 г., особенно в тех районах Туркестана, где быстрее развивались капиталистические отношения и где русская революция 1905—1907 годов имела значительный отклик, например, в Андижане и его уезде.

В советской литературе до недавнего времени все новометодные мактабы Средней Азии назывались джадидскими, причем термин «джадиды» понимался как партийная кличка местных буржуазных националистов. В такой трактовке есть две связанные меж собой неточности.

Во-первых, первоначальный смысл слова «джадид» («новатор») охватывал «мусульманских» интеллигентов края с неодинаковыми политическими оттенками, объединенных стремлением к культурным реформам в обветшалых средневековых формах быта. *Просветительство* было существенной стороной этого «новаторства». После 1905 г. в среде «новаторов» мусульманского быта происходило классовополитическое расслоение, ставшее очень острым после Великой Октябрьской социалистической революции. Как идеология буржуазных националистов тюркоязычных народов, *пантюркизм*, связанный генетически с *панисламизмом*, стал антисоветским знаменем определенных кругов джадидов; джадидизм [1] сделался синонимом антисоветских буржуазно-националистических группировок.

Таким образом, употребление термина «джадид» было в

[1] А. В. Пясковский проследил политическую историю джадидизма (Революция 1905—1907 гг. в Туркестане, стр. 98—102, 255—56, 542—66, 581—84); в его книге много фактов из истории новометодных мактабов (частью по рукописи «Очерков» К. Е. Бендрикова), начиная с 1905 г.; из ранних мактабов с учениками-узбеками отмечен мактаб Гаспринского в Самарканде в 1893 г.— *Ред.*

разное время неодинаково. До Октябрьской революции это слово имело сравнительно более широкий смысл и, что важно для нашей темы, указывало прежде всего на новаторство, реформаторство в области культуры, просвещения, школы [1]. После Октябрьской революции главным в специфическом значении термина «джадид» стала антисоветская направленность многих прежних «новаторов».

С другой стороны, на левом крыле «новаторов» под влиянием Великого Октября выкристаллизовались такие глашатаи идей пролетарской революции в литературе народов Средней Азии, как Хамза Хаким-заде Ниязи, Садриддин Айни.

Во-вторых (это связано со сказанным выше), мактабы *нового* метода («янги усуль мактаблар» или «*джадид* усуль мактаблар») в значительной части являлись просветительскими, но организаторы другой части новометодных мактабов находились, особенно после буржуазной революции в Турции в 1908 г., под влиянием политических мечтаний пантюркизма.

Таким образом, массу новометодных мактабов Средней Азии следует дифференцировать на просветительские и пантюркистские, ввиду недостаточной определенности термина «джадидские».

На этом общем фоне было немало оттенков. Одни новометодные мактабы организовывались группами состоятельных лиц, другие открывались на свой риск учителями. Следовательно, общее направление части этих мактабов зависело от их хозяев; в других случаях оно определялось только учителем.

Некоторые просветительские мактабы подражали русским или русско-туземным школам непосредственно; чаще влияние русской начальной школы проникало в новометодные мактабы Средней Азии через татарских просветителей.

Если на часть новометодных мактабов влияли идеи пантюркизма, то в среде учителей новометодников чувствовались и иные настроения. Труд этих учителей вознаграждался несколько лучше, чем в старометодных мактабах, но все-таки скромно, а главное — из-за преследований со стороны царских властей они не имели гарантированного заработка, скитались. Среди этих учителей преобладала молодежь. После революции 1905—1907 годов у некоторых молодых новометодников полиция находила сочинения М. Горького и другую «несоответствующую» литературу.

[1] Часть «новаторов» начала с «просветительства» и им ограничивалась; другие, связанные с идеями пантюркизма, к организации «новых» мактабов обратились, когда царизм, после революции 1905—1907 годов, закрыл газеты пантюркистов и преградил им пути открытой политической деятельности.

Мало интересовались политикой те из бывших немолодых старометодников, которые переняли кое-что у новометодников, чтобы устоять в конкуренции.

Язык обучения[1]. Для всей массы новометодных мактабов Средней Азии до Октябрьской революции общей характерной чертой была нечеткость в вопросе об языке обучения. В принципе обучение в новометодном мактабе предполагалось на родном языке, в отличие от старометодного, где в самом начале обучения главенствовал язык мусульманской религии — арабский. Основным же отличием было стремление новометодников дать детям некоторые реальные знания, так как религиозной «науки» старого мактаба было явно недостаточно для современной жизни.

Но в конце XIX и в первом десятилетии XX в. очень трудно было найти людей, которые могли бы обучать школьников современным знаниям на одном из языков Средней Азии. В то же время в Средней Азии проживало много татар Поволжья; их язык, как один из тюркских, был в значительной мере понятен узбекам, казахам, киргизам, каракалпакам, туркменам; среди татар школьное дело еще в последней четверти XIX в. сделало большие успехи. В этих условиях первыми учителями новометодных мактабов в Средней Азии сделались, как правило, поволжские татары; иногда эту роль играли педагоги из крымских татар и азербайджанцев[2]. Были отдельные учителя-новометодники из узбеков, учившихся в Турции на турецком языке. Учебники по общеобразовательным предметам в новометодных мактабах Средней Азии применялись преимущественно казанского издания, на татарском языке, так как соответствующей учебной литературы на среднеазиатских языках еще не было.

Эти обстоятельства приводили к тому, что в практике обучения в новометодных мактабах Средней Азии родной язык подменялся антипедагогической языковой мешаниной, которая в глазах идеологов пантюркизма выглядела, однако, как путь к общему «тюркскому языку».

Новометодные мактабы открывались обычно в городах или в крупных селениях торгово-промышленного значения. Из национальностей Средней Азии до Великой Октябрьской социалистической революции только узбекский и таджикский народы имели в своем составе значительную массу городского населения. Таким образом, в новометодных мактабах Средней Азии у учителей татар могли учиться преимущественно дети узбеков или же те таджикские дети, которые с детства жили в двуязычной таджико-узбекской среде (например, в Самарканде) и понимали «тюркскую» речь. Небольшие домашние школы новометодного направления встречались в аулах казахской кочевой знати[1].

Только в г. Бухаре и Асхабаде известны единичные попытки организовать новометодный мактаб с обучением на персидско-таджикском языке[2].

Кроме г. Бухары, языком учебы в новометодных мактабах Средней Азии повсеместно считался так называемый «общетюркский язык»; это понятие столь же общее и неконкретное, как «славянский язык». На практике, конечно, в классе звучал преимущественно один из реально существующих тюркских языков, но окрашенный своеобразной языковой смесью. Характер этой смеси в конкретной школе в разные моменты обучения определялся рядом обстоятельств: национальностью учителя, а также местом, где он получил образование; национальностью большинства учеников; языком применявшихся учебников; большим или меньшим рвением автора учебника к созданию искусственного «общетюркского» языка. За основу литературного «общетюркского языка» частью пантюркистов брался литературный татарский язык, а другими — турецкий (османский); в обоих случаях лексика насыщалась арабизмами и фарсизмами, язык был далек от живой речи народов Средней Азии[3].

Ориентировка на татарский язык как «общетюркский» исходила прежде всего из кругов татарской буржуазии, которые считали Среднюю Азию ареной приложения своих капиталов, а в «единстве» тюркских народов искали поддержки своей конкуренции с более сильным российским капитализмом. Среди татарской интеллигенции имелось течение «просветителей», которые видели в Средней Азии место применения своих знаний и сил; идеология этого «просветительства» отчасти примыкала к русскому народничеству. Молодежь, ехавшая по окончании новометодных татарских медресе просвещать туркестанцев, была наивно убеждена в универсальной пригодности татарского языка для преподавания всем «тюркским» детям. После 1905 г. среди этой

[1] Написано Н. П. Архангельским.

[2] В Туркмении добрую память оставил азербайджанец Алишбек Алиев. Он работал в предоктябрьские годы в русско-туземных школах Закаспия. Составленный им для начальной туркменской школы учебник «Родная речь» (изд. 2, 1914) употреблялся в Туркмении в русско-туземных школах, в новометодных мактабах и в первых советских школах.

[1] В аулах Киргизии известен один новометодный мактаб, открытый в 1908 г. в Шарсуу (ныне Чон-Кемине) манапом (кочевым феодалом) Шабданом Джантаевым и называвшийся «Мадраса-и-Шабдания»; преподавали в нем два татарина, обучавшиеся в новометодном медресе в Уфе. См. об этом в диссертации Б. К. Кулдашева, История киргизской советской школы с 1917 по 1930 г., Алма-Ата, 1950, стр. 24—25 (Б-ка им. В. И. Ленина).

[2] И. Умняков. К истории новометодной школы в Бухаре. Бюллетень Среднеазиатского университета, вып. 16, Ташкент, 1927.

[3] А. Боровков. Узбекский литературный язык в 1905—1917 гг., Ташкент, 1940. См. также статью М. Г. Вахабова в журн. «Вопросы истории», 1954, № 7, стр. 115.

молодежи встречались люди, которых туркестанские администраторы считали распространителями в туземном населении «опасных социальных идей».

Пропаганда турецкого языка как «общетюркского» шла из Константинополя, куда ездили учиться молодые люди из некоторых состоятельных узбекских семей. Это ответвление пантюркизма было наиболее реакционным и связано с идеями сепаратизма.

* * *

Постепенно, особенно после 1905 г., росло число учителей-новометодников из коренного населения Средней Азии и вместе с тем точнее определялась идея обучения на родном (узбекском, казахском) языке.

«Новометодное направление» в Туркестанском крае распространилось к 1917 г. довольно широко на мусульманские мактабы, но очень слабо задело *медресе*[1]. Здесь не было создано ни одного новометодного медресе того типа, который в Татарии и Башкирии выполнял функции учительских семинарий.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВОМЕТОДНЫХ МАКТАБОВ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ И РАЗВИТИЕ ИХ СЕТИ

Сохранившиеся сведения о возникновении в Туркестане в конце XIX в. новометодных мактабов на конкретных фактах показывают связь школьного реформаторского движения в крае с образованием здесь национальной буржуазии и роль педагогов татар в организации первых мактабов нового типа.

Остроумов писал[2], что первые в Туркестане новометодные мактабы были открыты учителями татарами около 1890 г.[3] в городах Ферганской долины. В этой части края раньше и сильнее стали проявляться капиталистические отношения в связи с развитием хлопководства: в 1897 г. в Ферганской области работало 55, принадлежавших баям узбекам хлопкоочистительных заводиков. Из них старейшие были

[1] Отдельные факты см. на стр. 260 и 343.

[2] ЖМНП. 1906, II.

[3] Сомнительно отнесение некоторыми авторами первых новометодных мактабов в Туркестане к 80-м годам, т. е. ко времени, когда такие мактабы впервые возникали в Крыму (см. ниже) и среди татар Поволжья. Г. Миртурсунов говорит о появлении новометодных мактабов в Туркестане в 80-х годах, не приводя никаких доказательств («Ученые записки Наманганского пед. института», 1957, т. I). Б. К. Кулдашев отмечает новометодный мактаб под названием «Мадраса-и-Иштиад», открытый Хакимуллой Нигматуллиным в Пишпеке в 1882 (?) г., но здесь же указывает, как дату появления новометодного мактаба в Токмаке, 1909 г. (Б. К. Кулдашев, История киргизской советской школы 1917—1930 гг., стр. 24—25), тогда как известно об открытии токмакского новометодного мактаба в 1898 г.— *Ред.*

сосредоточены в Андижанском (некоторые построены в 1880 и 1885 гг.); в других уездах Ферганской области постройка самых старых из заводиков местных баев относится к 1888 и 1889 г.[1].

Новые краеведческие исследования[2] установили, что один из ранних новометодных мактабов в Андижане, открытый не позже 1897 г., действовал при хлопкоочистительном заводе, принадлежавшем узбекскому баю; и в дальнейшем несколько новометодных мактабов в Андижане и его окрестностях были устроены тоже при заводах. Учителей из Татарии в эти мактабы сначала приглашали для своих детей татары — служащие хлопковых заводов, но вскоре в новометодные мактабы стали поступать и узбекские мальчики, а затем узбекские баи сами стали приглашать татарских учителей.

Другой пункт, где возник один из самых первых в Туркестане новометодных мактабов (1893),— Самарканд. В те годы Самарканд был конечной станцией железной дороги, прокладывавшейся в Среднюю Азию от Красноводского порта на Каспийском море; в Самарканде сосредоточились торговые склады, представительства торгово-промышленных фирм и т. д. Открытие здесь новометодного мактаба связано с именем известного пантюркиста Исмаилбея Гаспринского, занимавшегося издательской и просветительной деятельностью среди крымских татар и активно интересовавшегося культурной жизнью других тюркоязычных народов России.

В Историческом архиве УзССР хранятся документы[3], свидетельствующие, что Гаспринский добивался, чтобы реформой средневековых мактабов в Туркестане занялась царская администрация; когда это было отвергнуто, Гаспринский поехал в Самарканд и проявил инициативу на месте[4]. Из документов видно, что осенью 1891 г. в Крым приехал чиновник Министерства внутренних дел Вашкевич «для изучения условий и обстоятельств, могущих облегчить предстоящее преобразование духовного и школьного управления магометан Крыма». Вашкевич поручил Гаспринскому, который считался приверженцем русской монархии, составить записку о положении мусульманских школ в Крыму и необходимых реформах. Гаспринский, представив записку, копию прислал туркестанскому генерал-губернатору Розенбаху.

[1] С. А. Мелик-Саркисян. I. Урочище Бус Ферганской области. II. К вопросу о положении хлопкового дела в Ферганской области, Спб., 1899.

[2] А. Ф. Ардаширов, К вопросу о роли новометодных мактабов (по материалам Андижанской обл.). Ученые записки Андижанского ГПИ, VI, Андижан, 1957.

[3] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 947, С перепиской о туземных школах, 1892.

[4] Остроумов сопоставил энергию Гаспринского как просветителя определенного идеологического направления с энергией его противника Ильминского.— *Ред.*

В записке излагается история преобразований старых татарских мактабов и медресе в Крыму. Изучив их учебный процесс, Гаспринский убедился, что программы и организация этих школ не отвечают растущим культурно-экономическим запросам татарской буржуазии. «Разрабатывая этот вопрос,— пишет Гаспринский,— я в 1884 г. открыл в Бахчисарае мактаб и назвал его «новометодным». На первых порах мусульмане отнеслись к нему недоверчиво. Но после первых экзаменов, произведенных публично, число учеников с 9 сразу поднялось до 30, причем за ученика платили учителю по рублю в месяц вместо обычных в старых мактабах 15—20 коп. Благодаря скопированным с русской школы порядкам и введению звукового метода в преподавании, сообщает Гаспринский, учитель, руководимый им, успел выучить детей в течение 6 месяцев читать по-тюркски и по-арабски, писать по-тюркски и начальным правилам веры. Стало очевидным, что в полтора года дети пройдут весь курс мактаба более основательно и шире, чем при старых порядках. Дальше Гаспринский рассказывает, что для новых школ он составил учебник с указаниями для учителей и достиг того, что в 1892 г. в разных местах Крыма открыто до 30 новометодных мактабов, а учебник его «Ховадже-и-Субьян» («Учитель детей») разошелся в количестве 4 тыс. экземпляров.

Ознакомившись с этим докладом, Розенбах отдал распоряжение «благодарить г. Гаспринского за присылку его записки» и предложил высказаться по ее содержанию Остроумову и Наливкину.

Ответный доклад Остроумова Розенбаху характерен как памятник великодержавно-русификаторской «теории». Остроумов выразил изумление, что Гаспринский, не имеющий официального служебного положения, осмелился представить свое мнение «по такому важному в русском государственном смысле вопросу». Остроумов считал, что вопрос о реорганизации мусульманских школ в Туркестанском крае стоит на очереди и будет решен на месте «без указаний господина Гаспринского, компетентность которого Министерством народного просвещения в этом вопросе еще не признана», и поучал Розенбаха: «В деле образования инородцев в России нам нужны указания русского члена Министерства народного просвещения, а не инородца-татарина, с горячностью отстаивающего неприкосновенность инородческого быта со всеми его особенностями». По словам Остроумова, в истории не было примера, чтобы дело сближения «покоренных инородцев с завоевателями вверялось самим же инородцам». «Это было бы абсурдом!» — восклицает Остроумов и указывает, что сильным примером в этом случае должна служить Германия, где онемечение познанских славян и других покоренных народностей ведется настойчиво, систематически, без

указания самих инородцев и потому сопровождается иными результатами, чем в России.

Для ускорения обрусения туркестанских народов Остроумов рекомендует усилить колонизацию Средней Азии, напоминая Розенбаху о политике московских великих князей по отношению к Пскову и Новгороду: «Из означенных городов сотни и тысячи семейств выселялись в пределы московского княжества, а на их место поселялись коренные московские люди». В заключение Остроумов советует отнестись к Гаспринскому осторожно: по мнению Остроумова, он принадлежит к числу тех людей, которые стремятся воспользоваться всеми преимуществами русской культуры и при помощи ее решительнее отстаивать свою национальность со всеми ее особенностями. «Для меня нет сомнения,— заканчивает Остроумов,— что он (Гаспринский.— *Ред.*) представляет из себя вожака «младотатарской партии» в России и силится распространить свое влияние даже и на туркестанских туземцев. К сожалению, могу прибавить, что он успевает в этом. Единомышленники у него есть и в Ташкенте».

Наливкин дал отзыв о записке Гаспринского более умеренный, хотя тоже не удержался от выпадов в духе великорусского национализма. По его мнению, было бы прискорбно, если бы в деле просвещения Туркестанского края русская власть обратилась за помощью к татарам вообще и к Гаспринскому в особенности. Он также не рекомендует доверять Гаспринскому, который в своей газете «Тарджуман» («Переводчик») [1] давно ведет антирусскую пропаганду.

Получив такие отзывы, Розенбах наложил на записке Гаспринского резолюцию: «Оставить без последствий». Царское учебное ведомство Туркестанского края не смогло верно понять роль рождавшегося культурно-политического движения, вызванного возросшими экономическими запросами татарского населения. У него не хватало политического чутья правильно оценить прогрессивное значение общественного движения за реформу устарелых религиозных мусульманских школ, использовать его для преобразования тысяч старометодных мактабов Туркестана. Когда же это движение развернулось в Средней Азии среди местной буржуазии и вошло в контакт с буржуазно-националистическим движением Турции, то туркестанская учебная администрация растерялась и стала искать причины появления местных национальных школ нового типа исключительно в пропаганде Гаспринского, в агитации заграничных эмиссаров.

Не получив от Розенбаха ответа, Гаспринский сам приехал в Туркестан в 1893 г. Из различных источников[2] извест-

[1] Газета издавалась на двух языках: крымскотатарском и русском.

[2] Ст. Гаспринского в газ. «Тарджуман», работы Айни, Умнякова и др.

но, что Гаспринский был в Бухаре и Самарканде, где успешно вел пропаганду за открытие новометодных школ. Более прогрессивная часть местной буржуазии в Бухаре и русском Туркестане отнеслась сочувственно к пропаганде Гаспринского, и движение за новую школу стало оформляться в реальные факты. Вот газетная заметка того времени[1]:

«Недавно в туземной части города Самарканда на средства г. Хусаинова открыто для мусульман начальное училище, где обучают детей по звуковому методу. Мальчики в несколько недель успевают пройти курс чтения, тогда как в туземных школах для этого требуются годы. Инициатива основания этой школы принадлежит Гаспринскому, редактору газеты «Переводчик». В свою бытность здесь он вызвал из Бухары 4-х способных молодых людей, и состоявший при нем опытный учитель преподал им систему обучения по звуковому методу[2]. Один из этих молодых людей и оставлен при туземной школе».

Мы не знаем судьбы новометодного мактаба, открытого в 1893 г. Гаспринским в Самарканде; но Самарканд сделался одним из центров джадидизма. А в 1908 г. ташкентские джадиды были у Гаспринского в Бахчисарае, в том же году он приезжал снова в Туркестан, в частности в Самарканд[3]. В г. Пржевальске существовал новометодный мактаб имени Гаспринского[4].

Третьим пунктом в Туркестанском крае, где новометодный мактаб открылся еще в XIX в., был Токмак—бойкое торговое село, где жили русские, татары, узбеки, на ответвлении Семиреченского тракта, между г. Пишпек (ныне г. Фрунзе) и оз. Иссык-Куль. Здесь новометодный мактаб с учителями татарами возник в 1898 г.[5].

К 1900 г. относится появление новометодных мактабов в двух местах. В Ташкенте такой мактаб открылся близ Госпитального базара; там имелось узбекское население, но это была русская часть города; устроить новометодный мактаб в гуще узбекского населения, в старом городе, тогда помешала враждебность мусульманского духовенства; учителем был ташкентец Мунаввар-кары Абдурашитов, получивший образование в Турции. В том же году появился первый новометодный мактаб в Бухарском ханстве—в кишлаке Пустиндузан, близ столичного города[1].

[1] Газ. «Окраина», 1893, № 132.

[2] В этом чувствуется использование Гаспринским практики русских земских летних учительских курсов, напр. проводившихся Бунаковым.

[3] Газ. «Тарджуман», 1908, № 32. В названной раньше статье Пясковского, на стр. 148—149, указано архивное дело Самаркандского областного правления.

[4] См. диссертацию Б. К. Кулдашева «История киргизской советской школы с 1917 по 1930 г.», стр. 24—25.

[5] «Наука и просвещение» (журн. Туркестанского наркомпроса), 1922, № 2, стр. 34; т а м ж е о следующем мактабе — в Ташкенте.

В первые годы XX в. движение за новую, реформированную школу расширяется.

Вот перед нами прошение на имя генерал-губернатора «от лица сартов города старого Ташкента Кукчинской части», поданное 17 сентября 1901 г. В нем сказано, что они подали заявление начальнику г. Ташкента с просьбой разрешить им открыть мактаб нового типа. Так как начальник города отказал, то податели заявления просят генерал-губернатора удовлетворить просьбу жителей Кукчинской части. Такие училища, пишут они, существуют везде, где обитают туземцы,— одинаково в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях. При этом податели заявления обращают внимание генерал-губернатора на особенности предполагаемого училища: оно будет находиться не при мечети, как это заведено, а в частном доме, где чистота и вообще все удобства не будут оставлять желать ничего лучшего, и вся цель этого училища — это привить звуковой метод и только[2]. Конечно, дело касалось не только и не столько звукового метода: инициаторы открытия школы нового типа конкретно выражали культурно-политические стремления формировавшейся узбекской буржуазии.

Документ этот важен тем, что дает нам дополнительные сведения о появлении новометодных школ в Туркестанском крае накануне XX в.

Генерал-губернатор Иванов дал указание запросить губернатора, почему отказали в разрешении, если просители люди благонадежные. Звуковой метод, пишет он,—это новость, которую желательно было бы поддержать. По-видимому, новый генерал-губернатор не знал о переписке Гаспринского с Розенбахом.

Из разных архивных дел видно, что в 1903 г. в Самарканде открылся новометодный мактаб Абдушукурова; в 1904 г. перешли на новый метод два старых татарских мактаба: мактаб купца Габдулвалиева в г. Верном, существовавший с 1883 г., и мактаб в г. Чимкенте, открытый в 1894 г.

С 1903 г. появляются редкие заметки о новометодных мактабах в «Туркестанских ведомостях»[3].

Революция 1905—1907 годов стимулировала развитие сети новометодных мактабов. Но статистика этих школ продолжала оставаться случайной, так как туркестанская администрация обратила на них внимание только с 1908 г., после указания ревизии сенатора Палена; тогда из Ташкента посыпа-

[1] И. Умняков, К истории новометодной школы в Бухаре, стр. 87.

[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 2564, С перепиской по туземным училищам, 1901.

[3] ТВ, 1903, № 88; 1904, № 181.

лись запросы об этих школах местным властям. Вот некоторые из собранных постепенно и сохранившихся в архиве сведений.

Инспектор народных училищ 1-го района Семиреченской области секретно сообщил главному инспектору, что в 1912 г. областная администрация случайно узнала о существовании упомянутого выше мактаба Габдулвалиева в г. Верном и тотчас его закрыла на том основании, что мактаб открыт без разрешения, хотя старометодные мактабы в Туркестане открывались явочным порядком. Разрешение вновь открыть мактаб было дано после того, как содержатели согласились ввести в преподавание русский язык на пятом и шестом годах обучения. В этом мактабе училось 136 детей, из них татар—116, казахов—11 и других национальностей—9. В Верном был также новометодный мактаб для девочек, шестиголичный; в нем училось 90 человек, из них татарок—69, казашек и киргизок—9, узбечек—9. Женский и мужской новометодные мактабы были и в Копале[1]. В Копальском уезде в степи существовали новометодные школы братьев Мамоновых и Туруспековых[2]. В с. Большой Токмак, Пишпекского уезда, действовала школа повышенного типа — новометодное медресе[3]. В 1910 г. в нем училось 206 человек, из которых 150 учеников были казахи и киргизы. Заведовал этой школой Закир Вагапов[4].

Инспектор сообщает, что из многочисленных мусульманских школ особой популярностью среди местного населения пользуются татарские новометодные мактабы для детей обоего пола в Верном и Копале и казахские в Копальском уезде.

В Ферганской области, по сведениям инспектора народных училищ Егорова, в 1910 г. было 28 новометодных мактабов. Эти школы стали вытеснять старые мактабы и угрожать существованию русско-туземных школ. Ферганский губернатор в феврале 1910 г. доносил в канцелярию генерал-губернатора, что «в зависимости от размеров помещения в каждом таком мактабе обучается от 25 до 100 и до 120 учеников». В Коканде было обнаружено инспектором народных училищ 7 новометодных мактабов, из них в мактабе Касымбаева было учащихся 145 человек, в мактабе «Хальфа-Тилля-Ходжа» — 80 человек, в мактабе Умартиева — 85 учащихся и т. д. Новометодные мактабы были еще в Андижане, Новом Маргелане, Намангане и Старом Маргелане.

В Андижане установлено[1] возникновение в течение 20 лет (1897—1916) 19 новометодных мактабов; каждый существовал год или несколько лет. Из этого числа в четырех случаях произошла модернизация бывших старометодных мактабов их учителями. Из 19 учителей 8—татары, а 11—узбеки, учившиеся в андижанских новометодных мактабах.

В Самаркандской области учебная администрация обнаружила 5 школ нового типа. В г. Самарканде в мактабе Абдушукурова (существовал с 1903 г.) было 117 учащихся[2]. В кишлаке Джамбай в новом мактабе Джурбаева, открытом в 1912 г., в 1913 г. было 48 учащихся. Инспектору стало известно о существовании новометодных мактабов также в Катта-Кургане.

Самая густая сеть новометодных мактабов создалась в Сыр-Дарьинской области—наиболее развитой в торгово-промышленном отношении. Официальная статистика насчитывала в области около 40 новых школ, но их было, несомненно, больше.

В г. Ташкенте дирекцией народных училищ зарегистрировано 17 новометодных мактабов. Отметим наиболее крупные. Мактаб Мунаввар-кары Абдурашитова, открытый в Шейхантауре в 1907 г.[3], имел 6 лет обучения, число учащихся в нем доходило в 1910 г. до 160 человек. В мактабе Рахим-Ходжаева на улице Диванбеги училось в 1910 г. около 150 человек. В старой части Ташкента была новометодная женская школа Сайфульмулюковой (в 1914 г. здесь училось 35 девочек). На Джизакской улице (в русской части города, ныне ул. Дзержинского) тоже был новый мактаб для девочек[4]. Переписка директора народных училищ свидетельствует, что во всех частях Ташкента в 1915 г. существовали школы нового типа.

На 18 января 1910 г. в Ташкенте насчитывалось 13 новометодных мактабов. Из них мактаб Мунаввар-кары Абду-

---

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3658, Об открытии новометодных мактабов, 1911.

[2] Новометодный мактаб часто назывался по имени учителя, открывшего его на свой страх и преподававшего в нем, а иногда по имени богача, финансировавшего мактаб (мактаб Габдулвалиева в Верном); здесь названы имена, по-видимому, богатых казахов, устроивших мактаб в своих аулах.— *Ред.*

[3] Термин «медресе» здесь употреблен инспектором неудачно: речь шла о мактабе повышенного типа. О Токмакском мактабе и его основателе Вагапове см. ниже. В архивном документе 1901—1902 гг. (ЦАУ, ф. 47. д. 2564, лл. 267—299) говорится об Абдулле Вагапове, которому не разрешили открыть в Токмаке новометодный мактаб.— *Ред.*

[4] Эти и нижеприведенные данные взяты из архивных дел: ЦАУ УзССР, ф. 1 (канцелярии генерал-губернатора), д. 797, оп. 13, О созыве особого совещания для выяснения положения русско-туземных школ Туркестанского края, переписка 1909—1910 гг., а также ф. 47 (Управление учебными заведениями), д. 3657, Об открытии новометодных мактабов, 1913.

[1] А. Ф. Ардашировым.

[2] Ревизия сенатора Палена в 1908 г. нашла в 4 новометодных мактабах Самарканда «более 200 детей».— *Ред.*

[3] После революции 1905 года этот мактаб был перенесен в старый город из русской части Ташкента и стал мактабом повышенного типа.

[4] См. ЦАУ УзССР, ф. 49, д. 619, С перепиской по мактабам, медресе и новометодным школам, 1914.

рашитова—«единственный правильный мактаб новометодного типа»; один находится в переходном состоянии от старометодного к новометодному, а в остальных одиннадцати вся «новометодность» состоит в изучении азбуки по звуковому методу, программа часто конфессиональная, географии и истории нет. А 14 июля 1910 г. начальник г. Ташкента сообщил директору народных училищ список 15 новометодных мактабов с 1230 учащимися и 24 учителями; из списка видно, что *12 из этих учителей получили образование в Шейхантаурском медресе в Ташкенте;* из них 9 не старше 27 лет (трем младшим по 23 года)[1].

Таким образом, из 20 с лишним ташкентских медресе одно определенно выступает как очаг подготовки учителей-новометодников. Это медресе (в Шейхантауре) ближе других к русской части Ташкента; это то самое Ишанкульское медресе, которое еще в 1870 г. Сеид-Азимбай проектировал модернизировать[2].

По Сыр-Дарьинской области выше уже отмечался татарский мактаб при мечети в Ташкенте, ставший новометодным в 1904 г. В Перовске было 4 новых мактаба: женский мактаб Бек-Булатова (в 1912 г. в нем обучалось 25 девочек); казахский—для детей обоего пола; узбекский, открытый Валиулиевым (35 учеников в 1912 г.). В г. Туркестане существовал мактаб с женским и мужским отделениями; учащихся в нем было в апреле 1912 г. 60 человек[3]. В Перовском уезде для казахских детей обоего пола были открыты два новометодных мактаба (в 1912 г.—64 учащихся).

Организаторов новометодных мактабов царская администрация преследовала, поэтому многие из этих школ существовали тайно; надо предполагать, что их было больше, чем зарегистрировала инспекция народных училищ.

Сопоставим имеющиеся подсчеты сети новометодных мактабов по Туркестану без Закаспийской области.

Выше приведены относящиеся к 1910—1915 гг. сведения о 80 новометодных мактабах (7 — в Семиречье, 28 — в Фергане, 5—в Самаркандской и 40—в Сыр-Дарьинской областях), в их числе не менее 4 мактабов повышенного типа (шестигодичные) и не менее 6 женских; среди казахов Перовского уезда отмечено 2 мактаба с совместным обучением.

В 1911/12 учебном году по неполным архивным данным по тем же областям и столице Бухарского ханства насчитывалось 57 новометодных мактабов.

[1] См. ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3384, Сведения о новометодных мактабах, лл. 232, 197 и сл.

[2] В нем в предоктябрьские годы преподавал молодой мударрис, учившийся в Турции.— *Ред.*

[3] См. журн. «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2, стр. 32.

К 1917 г., по данным личного архива одного из бывших учителей-новометодников, в трех областях (без Семиречья) было 43 только тех новометодных мактабов, где учились узбекские дети (не считая татарских мактабов в русской части Ташкента, обслуживавших татарское население); в этом числе 3 мактаба повышенного типа в Ташкенте и Коканде и не менее 2 женских (в тех же городах) [1].

По нашим (К. Б.) архивным исследованиям получается, что к 1917 г. было учтено администрацией 92 новометодных мактаба (39—в Сыр-Дарьинской, 30—в Ферганской, 18—в Семиреченской и 5—в Самаркандской областях).

Общая картина развития сети новометодных мактабов Туркестана рисуется так: до 1905 г.—медленный рост; в 1905—1910 гг.—быстрый рост; в 1911 г.—временный упадок в результате реакционных мероприятий правительства Столыпина (преследование учителей татар и др.). Однако вскоре рост возобновляется. Появились учителя из местных национальностей, обучавшиеся в новометодных мактабах. Взаимно друг друга стимулировали рост новометодных мактабов и модернизация туземных классов русско-туземных школ. Началась модернизация части старометодных мактабов.

В заключение — о новометодных мактабах в *Закаспии.* По официальным данным, первый в области новометодный мактаб открыт в Красноводске с сентября 1913 г., с разрешения властей, на средства местных татар; для обязательного курса русского языка и арифметики выдавалось пособие учебным ведомством. Второй новометодный мактаб открылся в 1915 г. в Мерве на средства персов секты бехаистов [2]; в нем также изучались русский язык, арифметика и география по учебникам, одобренным Министерством просвещения. Кроме этих двух новометодных мактабов, официальный отчет говорит еще о применении в некоторых бывших старометодных туркменских мактабах звукового метода; названы два таких мактаба: в ауле Кызыл-су, Красноводского уезда, и в ауле Кара-Векиль, Тедженского уезда [3].

Привлекает внимание сравнительная статистика всех мактабов Закаспийской области за 1893 и 1915/16 учебный год. По западным уездам, Асхабадскому и Красноводскому, их сеть за 20 лет сильно сократилась; в сумме по этим двум уездам стало мактабов 82 вместо 113, а учащихся в них—

[1] Журн. «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2. Узбекский новометодный мактаб повышенного типа был и в Самарканде.— *Ред.*

[2] Бехаисты преследовались в Персии, и их общины обосновались в Закаспийской области.

[3] И. А. Беляев, Мектебы Закаспийской области, Асхабад, 1916. Этот статистический очерк основан на анкете среди учителей мактабов в 1915/16 учебном году.

778 вместо 1415; здесь вероятно влияние русско-туземных школ. Зато по уездам Мервскому и Тедженскому сеть мактабов, наоборот, значительно возросла; в сумме по этим двум уездам стало мактабов 127 вместо 61, учащихся в них— 1714 вместо 1053. По-видимому, в этих восточных уездах, близких к Бухарскому ханству, энергичнее велась панисламистская пропаганда и, вероятно, в более широких масштабах началась модернизация старометодных мактабов.

В сравнении с 1893 г., в 1915/16 учебном году в мактабах Закаспийской области резко увеличилось число девочек: вместо 6,5% к общему числу учащихся, их стало 18% [1]. Насколько девочки были охвачены новометодными мактабами, не ясно.

Такова внешняя сторона распространения новометодных мактабов в Туркестанском крае.

КЛАССОВОЕ ЛИЦО НОВОМЕТОДНЫХ МАКТАБОВ

Обстановка возникновения в Туркестане первых новометодных мактабов говорит о социальных группах, которые стояли за новыми школами и определяли их социальную принадлежность и политическую программу.

Вспомним, что в Ферганской долине этим мактабам покровительствовали хлопкозаводчики; в Самарканде мактаб, организованный Гаспринским, финансировал купец; в Ташкенте первый новометодный мактаб поддерживали торговцы Госпитального базара; Токмакский мактаб появился на бойком торговом месте.

Отметим также, что богатые жители того же Токмака просили в 1905 г. у генерал-губернатора разрешения открыть школу типа гимназии; они мотивировали просьбу тем, что теперь настали новые времена, выросли новые требования и запросы; детям их нужна настоящая наука, а не та, которая преподается в религиозных мактабах и русско-туземных школах. Верненский новометодный мактаб им. Габдулвалиева содержался на средства «Торгового дома Габдулвалиева и сына», а отчасти на внесенную учащимися плату за обучение. Следовательно, и здесь мы видим инициатором и содержателем нового типа школы богатого купца.

Ташкентская газета «Сада-и-Туркестан» сообщала, что 15 октября 1913 г. благодаря стараниям «почетных представителей населения Шейхантаурской части г. Ташкента» в махале Иля открыт новый мактаб. В заметке говорится о бедной обстановке школы и о том, что «почетные и щедрые представители квартала» собираются отвести под школу более об-

[1] И. А. Беляев, Мектебы Закаспийской области, табл. 18.

ширный участок земли, расширить само помещение мактаба, разделив его на классы; учителем мактаба назначен Абду-Кари, окончивший новометодный мактаб в Ташкенте [1]. Аналогичные заметки о богатых покровителях татарских новометодных мактабов помещались в то время в татарских газетах. В статье «Школа и наши вероучители» в татарской газете «Вакт», выходившей в 1912 г. в Оренбурге, после рассуждений о пробуждении татарского народа от великого невежества и о новометодных школах, писалось: «Повсеместная жажда обучения обуяла наш народ. Народ показал, что он не пожалеет денег на расходы мактабам и вероучителям. В этом отношении выдвинулись богачи-благодетели» [2].

Когда в Коканде в 1910 г. по распоряжению администрации были закрыты новометодные мактабы с учителями татарами, то в день закрытия «почетные баи в числе 15 человек собрались для совещания по этому вопросу в зале биржевого комитета»; чтобы помочь этим баям, немцы—члены Кокандского биржевого комитета вели переговоры с уездным начальником для выяснения причин закрытия татарских школ [3]. В Каунчи (близ Ташкента) новометодный мактаб был открыт в 1915 г. скупщиками хлопка и фруктов [4]. В г. Андижане из выявленных 19 мактабов, открывшихся до 1917 г., 3 мактаба находились при байских хлопковых заводах, 7 — в домах заводчиков, купцов, баев; из 11 новометодных мактабов андижанских кишлаков 8 помещались в байских домах [5].

Стоимость обучения в новометодном мактабе, лучше оборудованном, была выше, чем в старометодном.

Приведенные факты достаточно показывают, что за новометодными школами стояли нарождавшаяся национальная буржуазия Средней Азии и связанные с ней круги интеллигенции.

Новометодное движение ратовало за обновление средневековых религиозных школ, за внесение в них современных светских знаний, за улучшение организационно-методической стороны.

В газетах, издававшихся джадидами в 1905—1906 гг. («Тараккы», «Прогресс», «Хуршид», «Солнце» и др.), уделялось много места пропаганде примирения ислама и науки. Осторожно критикуя отдельные недостатки туркестанской администрации, они раболепствовали перед царизмом. «Мы должны посылать депутатов в Думу,— писал один из основателей джадидизма в Узбекистане,— наш милостивый и люби-

[1] Газ. «Сада-и-Туркестан», 1913, № 44.

[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 8531, Секретная переписка по разным предметам, 1910. Перевод статьи сделан аппаратом охранки.

[3] ЖМНП, 1913, VII, стр. 72 (статья Бобровникова).

[4] Газ. «Комсомолец Узбекистана», 1935, № 133.

[5] Данные А. Ф. Ардаширова.— *Ред.*

мый царь не отошлет обратно наших депутатов с пустыми руками»[1]. Джадиды, напуганные размахом революции, отмежевывались от революционных методов борьбы. Их газета «Тараккы» писала: «В России ликвидируются забастовки, митинги и политические движения. Надеемся, что правительство примет соответствующие меры против хулиганов и охранит интересы народа от них... В тех местах, где живут мусульмане, всегда было спокойно, не наблюдалось никаких беспорядков и присутствовала дисциплина.

Мы решительно заявляем, что авторитет России—наш авторитет. Если и в дальнейшем в России будут беспорядки, то мы будем гордиться тем, что всегда охраняли спокойствие России». Панисламисты и пантюркисты убеждали себя, что классовой борьбы среди мусульман или тюрков не может быть.

Джадиды боролись против вступления молодежи в социал-демократическую партию. «Программа социал-демократов вне шариата»,— писал один из вождей джадидизма в октябре 1906 г.

Поддерживая русскую партию капиталистов—конституционно-демократическую (кадеты), джадиды стремились лишь к ограничению царского самодержавия конституцией.

В некоторых местах Средней Азии новометодные мактабы постепенно стали охватывать и более демократические группы населения.

Потребность в реальных знаниях и в реформе крайне устарелых старометодных мактабов стала чувствоваться, особенно под влиянием революции 1905—1907 годов, широкими кругами. В Бухаре были попытки устройства новометодных мактабов среди тамошних шиитов, которые в своем большинстве являлись потомками персов, угнанных когда-то в рабство; характерным отличием этих шиитских новометодных мактабов было «отсутствие детей состоятельных лиц»[2]. Из биографии первого узбекского революционного поэта Хамза Хаким-заде Ниязи (1889—1929) известно, что он устроил в Коканде новометодный мактаб для детей бедноты. В махале (квартале) Катар-Теряк в Ташкенте до открытия новометодного мактаба существовали 4 мактаба старого типа, а потом все дети квартала ушли в новый мактаб[3].

[1] Цитаты из джадидских газет даны по Истории народов Узбекистана, т. II, 1946, стр. 396—397. Оценку движения джадидов см. в кн. «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, 1957, стр. 278—281.

[2] И. Умняков, К истории новометодной школы в Бухаре, стр. 92.

[3] Гр. Андреев, Новометодные мактабы в Туркестане. ТВ, 1915, № 212; статьи этого автора (бывшего тогда учителем русско-туземной школы) о новометодных мактабах см. также в ТВ, 1915, № 233, 235, 239, 254, 268, 280, 281 и 283; 1916, № 106 и 207 и «Туркестанский Курьер», 1912, № 278, 281, 283.

СОДЕРЖАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ В НОВОМЕТОДНЫХ МАКТАБАХ

Новометодные мактабы и ислам. До 1905 г. новометодные мактабы в Средней Азии повсеместно встречали злобное осуждение мусульманского духовенства. Во многих местах такое положение сохранялось до 1917 г. Например, в Каунчи, близ Ташкента, новометодный мактаб, открытый в 1915 г., вскоре был ликвидирован происками соседнего медресе[1].

В Бухарском ханстве вражда реакционного духовенства к новометодным мактабам несколько раз, вплоть до 1917 г., приводила к погрому их толпой или к закрытию эмирским правительством.

Полемика духовенства с новометодниками раскрывает отличие новометодного мактаба от старометодного.

В Бухаре в 1907 г. открылся новометодный мактаб, где занятия происходили по звуковому методу. За 9 месяцев дети хорошо научились читать, писать, усвоили четыре действия арифметики. Организаторы школы устроили торжественные экзамены в присутствии родителей, духовенства, городской знати и других приглашенных—всего до 100 человек[2]. Во время экзаменов между собравшимися произошел спор о методах и содержании преподавания. Присутствующие разделились на два лагеря.

Группа с муллой Икрамом во главе считала новые школы как по форме, так и по существу полезными для развития народа и процветания страны и не находила в них ничего антирелигиозного; эта группа высказалась за реформу всей системы народного образования, вплоть до медресе.

Другая часть, во главе с муллой Абдурафиком, выражавшая взгляды феодалов, признавала новометодные школы вредными, антирелигиозными и антигосударственными и высказывалась за необходимость общественной и государственной борьбы с ними; реакционеры приводили против новометодных школ два аргумента. Во-первых, в этих школах

[1] «Комсомолец Узбекистана», 1935, № 133. Борьба против новометодного мактаба в Каунчи велась из соседнего кишлака Зангиата, где находился популярный мазар; даже в середине 1930-х годов агитация реакционного зангиатинского духовенства приводила к тому, что в местных советских школах процент девочек был гораздо ниже, чем вообще по узбекским кишлачным школам Ташкентской области.— *Ред.*

[2] Публичные экзамены устраивались и в других местах, чтобы верующие убедились воочию, что религия в новометодном мактабе стоит на высоте и его ученики по звуковому методу овладевают чтением Корана скорее и лучше, чем в старометодном. В Самарканде в 1916 г. издана пьеса Шукуруллаева «Иски мактаб, янги мактаб» («Старый мактаб, новый мактаб»), изображающая спор новометодников со старометодниками; ее полный русский перевод, сделанный А. Хакджи, хранится в Историческом архиве УзССР; изложение дано в «Вестнике Общества востоковедения», 1916, V; рецензию на представление см. в ТВ, 1916, № 207.— *Ред.*

форма обучения «не мусульманская», она приближается к русскому или европейскому типу: дети сидят за партами, пишут и читают одновременно и т. д. Значит, новометодники под влиянием русских и русско-туземных школ вводили классно-урочную систему вместо принятого в средневековых начальных школах индивидуального обучения, т. е. осуществляли реформу, которую в Европе начал в XVII в. Я. А. Коменский. Новометодники стремились также учесть требования школьной гигиены, о которой средневековые мактабы не знали ничего. А крайние реакционеры считали даже эти реформы и звуковой метод обучения грамоте посягательством на «чистоту ислама». Во-вторых, по мнению крайних реакционеров, новометодные школы не отвечают принципам ислама и по существу, ибо хотя в них и преподается религия, но она извращена и, кроме того, в новых школах преподается ряд лишних светских предметов: арифметика, география, а в особенности естествознание, которое совершенно противоречит мусульманскому мировоззрению.

Реакционное духовенство Бухары давало новометодной школе такую политическую оценку: «...она противна духу шариата. В первый год ученики начинают читать газеты, на второй год потребуют свободы и на третий год свергнут его величество с трона и заключат его в тюрьму». Так описывает корреспондент газеты «Тарджуман» борьбу реакционного духовенства против новометодных школ в 1909 г. в Бухаре.

Новометодники путем публичных экзаменов старались убедить духовенство, что их школы отнюдь не против ислама, а, наоборот, улучшают преподавание вероучения.

Действительно, джадиды, которых крайние реакционеры обвиняли в отступлении от ислама, поднимали мусульманскую пропаганду на более высокий уровень: они создавали для школ новые учебники религии на родном языке детей (четыре чисто конфессиональных учебника составил один Мунаввар-кары Абдурашитов; были и другие авторы); они редактировали старые рукописные религиозные учебники и печатали их большими тиражами (например, «Друг верующего» Суфи-Аллаяра вышел в Ташкенте в 1912 г. двумя изданиями) [1].

Характерно, что в джадидских мактабах изучалась неживая природа (элементы химии и физики), но от изучения живой природы воздерживались.

Постепенно во многих местах (например, в Андижане) духовенство стало к новометодным мактабам более благосклонно; перелом наметился около 1910 г. Но это не сделалось общим явлением для всего Туркестанского края.

[1] История Узбекской ССР, т. I, кн. 2, стр. 285.

Общеобразовательное значение большинства новометодных школ Туркестана было скромное. Крымские, казанские, уфимские и оренбургские новометодные медресе, сохраняя преподавание мусульманского вероучения, приближались по своей программе к русским высшим начальным и реальным училищам. Некоторые татарские пяти- и шестигодичные мактабы в Туркестане также были школами повышенного типа; в учебных планах этих школ, кроме закона божьего, довольно много времени отводилось на математику, элементы физики, истории, географии, естествознания.

Несколько иначе обстояло дело в узбекских новометодных мактабах. Чтобы подготовить узбекской буржуазии грамотных служащих торгово-промышленного дела, в учебные планы новометодных мактабов их организаторы вносили арифметику, чтение и письмо на родном языке, элементы естествознания и географии. Однако главное внимание уделялось религии. Об этом говорят собранные инспекторами-обследователями учебные планы новометодных мактабов и аннотации к применявшимся в них учебникам [1].

Вот «Программа еженедельных уроков, преподаваемых в ташкентском новометодном мактабе» на 1911 г. Это—известный нам шестигодичный мактаб Мунаввар-кары Абдурашитова. Приведем учебный план пятого года; указание часов дано не на каждый учебный предмет, а на каждый учебник (в этом сказалась традиция старометодного мактаба). 11 часов, или 44% времени, отведено на учебники чисто религиозного содержания: «Хаваидж диния», мусульманский катехизис с вопросо-ответным изложением догматов веры,—3 часа; чтение Корана—4 часа; чтение священной истории (преданий о жизни пророка) по книге «Таарихи-Мукаддас» Ш. Рахимова—2 часа; изучение правил выразительного чтения Корана, по книге «Таджвид», переведенной на узбекский язык,—2 часа. 9 часов отведено на чтение и списывание мусульманской морали по отдельным книгам: 2 часа—на книгу «Насаих-уль-Атфаль» А. Х. Мумынходжаева; в книге изложены правила вежливости и благопристойности (для детей каждого пола); 2 часа—на книжку «Обод-и-дин» («Религиоз-

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 967, лл. 42—43 и др.; д. 3503. С перепиской по туземным училищам, 1910, стр. 346 (доклад инспектора Сайфи о содержании «пяти мусульманских книг» — учебников, составленных Мунаввар-кары Абдурашитовым); д. 3657, Об открытии новометодных мактабов, 1911. Кроме того, использованы обнаруженные Н. П. Архангельским в 1933 г. в личном архиве С. М. Граменицкого доклады «О новометодных мактабах» и об «Учебниках и пособиях новометодного мактаба Мунаввар-кары Абдурашитова»; оба доклада были составлены заведующим Старо-Чиназским русско-туземным училищем Г. Калининым (татарин, автор узбекской хрестоматии, употреблявшейся в «туземных» классах русско-туземных школ) и попали к Граменицкому перед Февральской революцией (подписаны Калининым 4.II 1917 г.).

ная мораль»); 4 часа—на книгу «Адиби-сани»; 1 час—на изучение сборника мистического поэта XVII в. Суфи-Аллаяра. Таким образом, из 25 недельных часов 80% времени отведено на изучение религии и на чтение, списывание, заучивание стихотворений и другие упражнения, тесно связанные с религией. Только 5 часов используется на изучение предметов — арифметики (2 часа), географии (2 часа) и естествознания (1 час), причем по естествознанию учебника не было.

В учебном плане новометодного мактаба учителя Абдулла-кары-мулла в г. Ташкенте (1911) для четвертого года значатся: Коран; священная история «Тарих-Анбия-Ханшри»; «Насихат» («Наставления»)—книга, составленная Фахретдиновым; арабский язык по книге «Дурус Инфахия»; персидский язык по книге «Лисони Фарси»; арифметика по книге «Масали-Хисаб»—перевод задачника Шапошникова и Вальцева. Здесь с религией не связан только один предмет—арифметика.

В Ташкентском новометодном мактабе Мирзаджанова на четвертом году изучались те же религиозные учебники, что и в мактабе Абдулла-кары-муллы, и тот же арифметический задачник, но взамен арабского и персидского языков читались книги «Адабият» (очевидно, сборник стихов Авляни.—*Ред.*) и «Дахруннаджат». На все эти науки отводилось 30 часов в неделю.

«Если мы вместо произведения Фузули дадим в руки учащегося книгу для чтения, вместо Навои—науку о догмах, вместо Бедиля—арифметику, вместо Хафиза—практические знания, то это принесет очень много пользы, и ученик станет истинным мусульманином»,—писали в 1906 г. ташкентские джадиды[1]. В этих словах, во-первых, порицается практика старометодных мактабов давать современным узбекским детям малодоступные для них по языку и сложному содержанию религиозно-нравственные произведения классиков азербайджанской, староузбекской и персидско-таджикской литератур и имеется в виду изучение догм религии на родном языке по учебникам, составлявшимся джадидами; во-вторых, здесь утверждается, что научиться от европейцев практическим знаниям еще не значит отступить от ислама (чем пугали старометодники).

Мусульманская молитвенная обрядность (намазы) поддерживалась в стенах новометодных мактабов в традиционной форме.

Светское образование в новометодных мактабах. Новометодные мактабы Туркестана были начальными, с 4, очень редко с 6 годами обучения, лишь мактаб Мунаввар-кары Абдурашитова в Ташкенте под конец стал

[1] История народов Узбекистана, т. II, стр. 397.

семилетним. При небольшом сроке обучения значительную часть учебного времени во всех новометодных мактабах занимало вероучение.

Однако светское образование, хотя и в малом объеме, входило непременно в учебный план новометодного мактаба; по сравнению с массовым старометодным мактабом это было прогрессом.

Происходившие в 1905—1907 гг. всероссийские мусульманские съезды выносили решения в целях общего регулирования учебного курса новометодных мактабов, но для такого регулирования не было аппарата, и содержание учебной работы в разных новометодных мактабах Средней Азии на протяжении почти трех десятков лет существования здесь этого типа школы оставалось довольно пестрым. В местных архивах и печатных источниках разбросаны данные об учебных планах многих новометодных мактабов, полностью никем не учтенные; изложенное ниже—попытка обобщить известное.

Арифметика была, по-видимому, единственным из светских предметов, входившим в учебные планы решительно всех новометодных мактабов.

Русский язык преподавался в тех немногих устойчивых новометодных мактабах, которые зарегистрировала учебная администрация; его изучение начиналось в разные сроки: на третьем году—в ташкентском мактабе Мунаввар-кары Абдурашитова, на пятом году—в верненском мактабе Габдулвалиева. Разрозненные сведения об этом относятся к разным датам; нет данных об изучении русского языка в новометодных мактабах, существовавших кратковременно.

Новометодники, как отметил обследователь Калинин в 1916/17 учебном году, попадали под разные влияния и не оставались неизменными; например, Мунаввар-кары Абдурашитов, по словам обследователя, склонялся к расширению в своем мактабе светских знаний. Сопоставление учебных планов пятого года обучения в этом мактабе за 1911/12 (см. выше) и за 1916/17 учебные годы показывает, что в последнем учебном плане есть физика, но вместе с тем изучается грамматика арабского и персидского языков, которых не было в плане 1911/12 учебного года.

После персидской революции 1906—1911 гг. и особенно турецкой революции 1908—1909 гг. царская администрация обнаружила распространение в крае множества разнообразных заграничных изданий, особенно турецких[1], а также на других языках Ближнего и Среднего Востока. Однако обследователь в начале февраля 1917 г. писал: «Несмотря на существующее общение с Индией и Турцией, книги научного характера в новометодных мактабах приняты не турец-

[1] История УзССР, т. I, кн. 2, стр. 285.

кого и не индийского происхождения, а татарские — переводные с русского» (например, физика Ускова и др.; некоторые татарские учебники, как арифметика Валишева, были результатом переработки нескольких русских учебников.— *Ред.*). Тот же обследователь отметил, что в узбекских книгах для чтения в новометодных мактабах, составленных Мунавар-кары Абдурашитовым, в общеобразовательной их части использованы учебники Граменицкого для русско-туземных школ.

Идеологические элементы в обучении. Вместе с непременной религиозной (мусульманской) идеологией обучение в разных новометодных мактабах находилось в той или иной степени под воздействием русского монархизма или же пантюркизма.

В букварях и хрестоматиях для новометодных мактабов велась монархическая пропаганда: «Бойся бога, уважай царя,— повеления царя обязательны для подданных. Наш русский царь сильнее многих царей»,— писали педагоги-джадиды в учебных книгах, выражая преданность монархическому принципу и отражая требования царской цензуры.

Для пантюркистской идеологии важными были учебники по истории тюрков. Один из этих учебников, Валидова, составлен по русским источникам; другой, Гатина, написан явно под влиянием бредовых идей турецких расистов: чуть не все народы Азии объявлены «тюрками», многим выдающимся историческим лицам приписано «тюркское» происхождение.

Царская полиция, как отмечалось, находила после 1905 г. у некоторых новометодников антиправительственную литературу; надо думать, что кое-кто из таких учителей вносил в обучение так или иначе элементы революционно-демократической идеологии.

Реформы новометодников в организации обучения. Новометодные мактабы отличались от старометодных организационно-методическими новшествами.

Самыми популярными нововведениями были прежде всего обращение к родному языку учащихся взамен традиционного арабского и звуковой метод обучения грамоте взамен средневекового буквослагательного. Этими двумя реформами да еще небольшим курсом арифметики обычно ограничивалась модернизация тех старометодных мактабов, которые в период 1910—1917 гг. тянулись за новометодниками, что происходило главным образом в Ташкенте и городах Ферганской долины. Такие мактабы туркестанская администрация называла, как уже отмечено, не новометодными, а «новомодными».

Внешнюю свою обстановку модернизованные старые мактабы улучшали тоже не во многом. В классных комнатах появились окна со стеклами, потом — железные печурки.

Вид классной мебели и, что надо подчеркнуть, ее расстановка характерны для трех типов мактаба: традиционного старометодного, модернизированного старометодного и собственно новометодного. *Низкие скамьи,* на которые клали свои книги ученики, сидящие на полу, встречались в традиционных мактабах издавна; в модернизованных они стали непременными. Эти скамьи расставлялись в традиционных мактабах *параллельно каждой стене,* окружая или полуокружая учителя, сидящего в центре[1]. В модернизованных мактабах такие скамьи размещались *параллельными рядами поперек комнаты,* а учитель сидел впереди, лицом ко всем ученикам. Традиционное размещение учеников вокруг учителя (за скамьями или без всякой мебели) соответствовало средневековой индивидуальной системе обучения. Модернизованная расстановка примитивной классной мебели была внешним подражанием школе, работающей по классно-урочной системе.

Построение всей работы школы по классно-урочной системе отличало собственно новометодные мактабы. В них были установлены твердые сроки приема новых учеников, перевода в следующий класс и выпуска; в соответствии с этим применялась оценка знаний учащихся (известны случаи шестибалльной системы), производились экзамены (в целях агитации — публичные).

Внешняя обстановка собственно новометодного мактаба отличалась от старометодного радикально: учащиеся сидели не на полу, а за *партами,* применялись наглядные пособия (но иллюстрации встречались в редких учебниках, например, по геометрии, физике).

В новометодных мактабах не применялись характерные для старометодников суровые наказания.

В тех немногих новометодных мактабах, где было по нескольку учителей, работали педагогические советы, введены были дежурства учителей на переменах.

ЦАРСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И НОВОМЕТОДНЫЙ МАКТАБ

Националистическое движение среди буржуазии тюркских народов царской России, руководимое группой татарских буржуазных националистов в Крыму, объединившихся вокруг газеты «Тарджуман», встревожило царское правительство. Тревога эта отражена в «совершенно секретном» циркуляре департамента полиции Министерства внутренних дел

[1] Подобная расстановка классной мебели известна и в средневековых школах Западной Европы. — *Ред.*

от 31 декабря 1901 г. В нем департамент извещает губернаторов, что за последнее время в татарской литературе замечаются новые веяния, «грозящие расшатать весь многовековой уклад жизни 14-миллионного мусульманского населения русского государства. Эти веяния дают возможность предполагать о готовящемся в жизни татар глубоком переломе». Департамент полиции придает большое значение в этом умственном движении деятельности Гаспринского, новометодным мактабам и преподаванию на родном языке по учебникам Гаспринского. В циркуляре указывается на «стремление татар укрепить свою народность, расширяя область применения родного языка в литературной и религиозной сфере»; и вообще «татары,— сказано в циркуляре,— хлопочут о прогрессе на почве ислама и тюркской народности»[1].

В заключение департамент полиции просит всесторонне осветить начинающееся движение, для чего собрать и прислать в министерство подробные сведения о лицах, выступавших в литературе в качестве авторов «новотатарских» сочинений; установить, существует ли связь между сторонниками нового движения и младотурками и не вдохновляются ли они из Турции или иного заграничного центра; выяснить, «где и кем основаны мусульманские школы с преподаванием по новым методам, кто состоит в них преподавателями и под чьим заведованием и контролем такие школы находятся».

Администрация Туркестанского края этому сигналу из департамента полиции, по-видимому, не придала большого значения, полагая, что движение за новометодную школу касается только мусульман Крыма и Поволжья, а в Туркестане «все спокойно». Напомним, что Андижанское восстание 1898 г. сильно встревожило колонизаторов, но в этом восстании не было никаких элементов «новых веяний», им руководило реакционное мусульманское духовенство старого типа.

Однако отдельные лица туркестанской администрации оказались дальновиднее своего начальства, не боялись нового движения и предлагали свои меры контроля над ним. Исполнявший обязанности токмакского уездного начальника Вотинцев сообщает инспектору народных училищ Семиреченской области Якобу в ответ на циркуляр департамента полиции от 31 декабря 1901 г., что, по собранным в 1902 г. данным, «Вагапов принадлежит к последователям нового метода обучения по системе Гаспринского и, надо полагать, служит проводником его идей. Обучение же по системе Гаспринского, как сказано в приведенной копии отношения департамента за № 13438, служит проводником новых идей

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 2564, С перепиской по туземным училищам, 1901.

прогресса и культуры, чем производит смуту среди мусульман...»

Вотинцев дальше пишет: «Со своей стороны признавая открытие среднего учебного заведения для мусульман в Токмаке весьма желательным ввиду того, во-первых, что дети мусульман, имея возможность обучаться дома, не будут вводить родителей своих в расходы по отправке в Бухару, причем будут иметь возможность обучаться и дети мусульман с ограниченными средствами, не могущие отправить своих детей в Бухару и содержать их там, во-вторых, я вполне согласен с выраженным в прошении мусульман мнением, что дети их, отправленные в Бухару, действительно могут подвергаться разным случайностям, а главное — действию разных идей и учений, противных русскому государственному строю»[1].

Другое отношение к открытию новометодного мактаба проявил военный губернатор Ферганской области; он сообщил главному инспектору училищ, что, по его мнению, «не следует вообще допускать татар к преподаванию в мусульманских школах Туркестанского края и Ферганы в особенности, а потому он считает нужным отклонить ходатайство татарина Макаева о разрешении ему обучать детей мусульманской грамоте в пределах Ферганской области»[2].

Следовательно, до революции 1905—1907 годов чины царской администрации Туркестанского края не договорились о единой линии отношения к новометодным мактабам, которые стали открываться в различных городах и селениях края.

Чрезвычайно важным для выяснения отношений царского правительства к новометодным мактабам является мнение по этому вопросу ревизионной комиссии графа Палена, производившей обследование состояния Туркестанского края в 1908 г.

«Новометодное направление, о степени распространения коего в туземных школах Туркестана краевая администрация и учебное начальство оказались совершенно неосведомленными,— читаем в отчете этой комиссии,— заслуживает самого серьезного внимания»[3].

По мнению царских ревизоров, передовые исламисты, мечтающие путем выработки новых форм жизни вернуть мусульманству его прежнее могущество, обеспечить ему про-

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3055, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края.

[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 2180, О приведении в известность лиц, занимающихся обучением детей татар, сартов, таджиков, киргизов и др.

[3] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный по величайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом, вып. VI, Учебное дело, Спб., 1910, стр. 134. (В дальнейшем работа именуется: К. К. Пален, Отчет по ревизии).

гресс, возбудить в нем угасшую идею солидарности и единства как политического, так и религиозного, отлично сознают, что для осуществления этих стремлений и планов необходимо вывести мусульманские народы прежде всего из состояния невежества. «Поэтому реформаторы мусульманской жизни и стремятся взять в свои руки школы и надлежащей постановкой учебно-воспитательного дела создать сильных и просвещенных борцов за идеалы...»[1].

Для подкрепления своих утверждений ревизоры ссылаются на детски наивную цитату «Школа есть основа создания в будущем единого государства», взятую ими из одной записки преподавателя новометодного мактаба. Ревизионная комиссия делает вид, будто она верит, что татарские и узбекские джадиды при помощи новометодных мактабов непременно создадут в России свою мусульманскую империю, если царское правительство не примет своевременно необходимых мер.

Как выяснено ревизией, сказано дальше в отчете, учредителями и преподавателями этих школ являются главным образом казанские татары. Ревизионная комиссия обследовала в Ташкенте 12 новометодных школ, в Коканде — 14, Андижане — 5 и Самарканде — 4. По утверждению комиссии, программа этих школ не вполне однородна, но в основном везде принята программа, одобренная на мусульманских съездах в 1905 и 1906 гг. Кроме вероучения, истории ислама и светских наук, преподаются арабский, персидский и турецкий языки, «необходимые для усвоения пантюркского языка, долженствующего стать, по мысли мусульманских реформаторов, литературным языком всех русских мусульман». Ревизоры утверждают в своем отчете, что в обследованных ими школах обучение ведется по учебникам казанских и константинопольских изданий, процесс обучения и воспитания ведется в том направлении, чтобы укрепить в сознании ученика мысль «о величии и могуществе ислама, возбудить в нем благородное желание послужить делу объединения и возрождения мусульманства». Здесь же комиссия указывает на недопустимость бесконтрольного распространения среди мусульман бесцензурных книг, изданных в России. Такие книги, по мнению комиссии, гораздо опаснее, чем школьные учебники, не соответствующие только «общепедагогическим задачам воспитания и образования».

Во время обследования членами ревизионной комиссии одного из новометодных мактабов произошел следующий случай: ученикам был задан вопрос, сколько среди них шиитов и сколько сунитов. «Зачем вам это знать? Мы все

[1] Там же.

и шииты и суниты — берабу» («равны». — *Ред.*). «Нет у нас ни сунитов, ни шиитов»,— последовал ответ. На основании этого ответа ревизоры делают выводы, что в новометодных мактабах «воспитывают молодое поколение в понятиях братства и любви всех мусульман, вне зависимости от вероисповедных оттенков»[1]. Ревизоры в данном случае не поняли, что у детей узбеков проявилось естественное чувство национального единства, подсказанное ненавистью к царским колонизаторам.

Ревизионная комиссия не могла установить точного количества новометодных мактабов в Туркестанском крае из-за отсутствия регистрации этих школ. По словам отчета, «туземное население охотно посылает в эти мактабы своих детей, побуждаемое к тому не столько политическими соображениями, сколько желанием дать подрастающему поколению образование, более соответствующее реальным запросам современной жизни, нежели схоластика конфессиональных школ»[2]. В подтверждение своих доводов комиссия сообщает, что в четырех новометодных школах г. Самарканда обучается более 200 детей, в пяти школах г. Андижана — 230, и т. д. По сравнению со старометодными мактабами, где в среднем училось по 10—15 детей, в новометодных мактабах Туркестана в последние годы перед революцией 1917 г. действительно было много учащихся.

Не делая особых выводов в отношении дальнейшей судьбы новометодных мактабов Туркестанского края, ревизионная комиссия Палена в разделе «Общие выводы», касаясь постановки всего школьного дела в крае, записала в пункте шестом, что для подготовки учителей для казахских школ Семиреченской области желательно учредить в г. Верном учительскую семинарию и изъять низшее народное образование в казахских районах из ведения узбеков и татар. Это пожелание Палена вскоре было реализовано: в 1913 г. Министерство народного просвещения открыло в г. Верном учительскую семинарию.

В августе 1908 г. генерал-губернатором Мищенко была создана под председательством его помощника секретная комиссия, которая занялась выяснением вопроса «об умственных течениях среди мусульман и отрицательных сторонах управления туземцами». Комиссия пришла к выводу, что среди туземцев Туркестанского края наблюдается умственное движение трех видов: а) панисламистское, имеющее конечной целью освобождение мусульман от порабощения и опеки христианских государств и народностей; б) революционное, еще ясно не обозначившееся и в) «прогрессивное»,

[1] Там же, стр. 135.
[2] Там же.

характеризующееся главным образом татаро-отуречиванием туркестанских мусульман[1]. Возникновение среди коренного населения революционных настроений комиссия нашла наиболее опасным и записала в протоколе: «IV. При осуществлении революционного брожения среди туркестанских мусульман опасность краю угрожает именно с этой стороны, и панисламское движение, по крайней мере в данный момент, отходит на второй план»[2].

Центрами панисламизма царская администрация в Туркестане издавна привыкла считать медресе. После Андижанского восстания 1898 г. административный надзор за сетью медресе был усилен. После революции 1905 года, как мы видим из только что цитированного документа, внимание царской охранки переключается на революционное движение и на сеть новометодных мактабов. В то же время наиболее дальновидные представители колонизаторов подвергают пересмотру свое отрицательное отношение к старым мактабам и медресе и стараются найти в этих школах союзников для борьбы с новометодными мактабами.

Последним пунктом постановлений секретной комиссии, созданной 7 августа 1908 г., было: «Установить правильную и планомерную разведку внутри края с целью надзора за состоянием и развитием панисламского, революционного и прогрессивного движения среди туземцев Туркестанского края».

В начале 1909 г. возникла характерная дискуссия между Остроумовым, написавшим в «Туркестанских ведомостях» статью на тему «Что делать с новометодными мактабами?», и Граменицким, который ответил ему в той же газете статьей «Открытый вопрос»[3]. Остроумов, не называя имен, кого-то убеждал «не закрывать глаза на действительность», «не замалчивать» и «не игнорировать» факты открытия в крае новометодных мактабов. Граменицкий, как директор народных училищ Сыр-Дарьинской области, принял критику на свой счет и в раздраженном тоне ответил Остроумову, что он не игнорирует и не замалчивает новометодных мактабов: когда появилась заметка об открытии такой школы в Ташкенте, Граменицкий немедленно собрал о ней сведения и сделал «соответствующее представление по начальству». Далее Граменицкий пишет, что он не видит в этих школах «ничего зловредного», надо только выработать правила для их открытия, подчинить их этим правилам и наблюдать за их исполнением. По его мнению, задача русской правительственной власти должна заключаться не в том, чтобы пресечь это

[1] Под «прогрессивным» движением понимается пантюркистское, джадидское.— *Ред.*

[2] Из дел бывшего Туркестанского районного охранного отделения.

[3] ТВ, 1909, № 1, 10—12, 15.

естественное движение — внести общее образование в мусульманские мактабы,— но надо помочь им найти правильные формы и достигнуть наилучших результатов. А как это сделать, говорит он,— вопрос пока открытый.

В 1909 г. уездным начальникам, участковым приставам и инспекторам народных училищ была разослана секретная инструкция за подписью генерал-губернатора Мищенко. Девятый пункт ее предлагает следить, «не проникают ли в массы туземного населения татары-миссионеры, как поволжские, так и кавказские (т. е. азербайджанцы.— *Ред.*), собирающие вокруг себя народ для поучения или собеседования или влияния на него посредством учреждения туземных школ нового типа». В конце пункта примечание: «О татарах вообще следует иметь сведения, где они живут, чем занимаются и какое влияние оказывают на местное население»[1].

В политике туркестанских администраторов в отношении новометодных мактабов большую роль играли вполне основательные подозрения со стороны царского правительства о связях некоторых организаторов новометодных мактабов с политическими обществами Турции и мусульманской Индии.

В 1909 г. новый генерал-губернатор Самсонов в докладе министру просвещения Шварцу, характеризуя старометодные мактабы и медресе как чрезвычайно отсталые учебные заведения, пишет: «Конечно, передовая часть туземных мусульман, под влиянием здешних интеллигентных «культуртрегеров» — поволжских и крымских татар, а также турецких агитаторов, проникающих в край, сознает ненормальность постановки учебного дела в туземных школах и потому, взамен их, старается распространить так называемые «новометодные мактабы». В них обучение производится по звуковому методу и преподаются такие предметы, о которых в мактабах и медресе не имеют представления, например, современная география и арифметика по учебникам, составленным на казанскотатарском и таджикском и даже на османском наречии; а вместе с тем, и это самое главное,— продолжает Самсонов,— одновременно с преподаванием этих предметов в этих новых школах, судя по некоторым данным, идет и насаждение идей явно сепаратистского и узконационального характера. И если подобные школы будут предоставлены самим себе, то они явятся в будущем рассадниками не только панисламизма, но и пантюркизма или паназиатизма»[2].

1 мая 1910 г. тому же Шварцу Самсонов снова пишет о том, что в конце прошлого года младотурецкая партия об-

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3384, Об открытии туземных училищ с новометодным преподаванием, 1909.

[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3493. По вопросу о преобразовании Управления учебными заведениями в учебный округ, лл. 129—135, 1909.

разовала в Константинополе особое общество распространения просвещения в Бухаре и в Туркестане вообще. Общество ставит своей целью вербовку и отправление молодежи школьного возраста в учебные заведения Турции и учреждение учебных заведений в Бухаре с программой в духе, по-видимому, младотурецкого комитета «Единение и прогресс». Дальше Самсонов сообщает, что в Туркестане распространяется устав этого общества и что экземпляр устава находится в его распоряжении[1].

Новому министру просвещения Кассо Самсонов тоже писал, что успехи младотурок и младоперсов уже кружат головы передовой молодежи из коренных народов Средней Азии и все больше и больше захватывают сторонников возрождения местных мусульман в духе обновленного «прогрессивно» настроенного ислама. Молодые люди тайно вербуются в Бухаре и других местах Туркестана, пишет он, и отправляются в Константинополь для образования в тамошних младотурецких учебных заведениях с тем, чтобы возвратиться в Туркестан и действовать в духе слепого подчинения желаниям и целям вышеназванного общества при организации всеобщего обучения среднеазиатских мусульман[2]. В доказательство своих утверждений Самсонов прилагает копии писем из русского посольства в Константинополе и переводы статей из турецких газет.

Можно предположить, что Самсонов в этих документах намеренно преувеличивал роль новометодных мактабов в националистической пропаганде и связи их организаторов с Турцией, так как его доклады должны были убедить министерство просвещения в срочной необходимости преобразовать Главную инспекцию училищ Туркестанского края в учебный округ и значительно расширить штаты учебной администрации: Самсонов требовал 4 новые должности директоров и 18 — инспекторов народных училищ в крае.

Вместе с тем следует отметить, что характерной чертой для царской краевой администрации являлось непонимание значения происшедших сдвигов в социально-экономической жизни Туркестанского края и вытекающих отсюда потребностей местной буржуазии в повышенном образовании на родном языке. Правительство и его агенты в Туркестане склонны были объяснять общественно-педагогическое движение среди буржуазной интеллигенции исключительно или главным образом политической агитацией крымских и поволжских татар или тайных эмиссаров, присланных из Турции в Среднюю Азию.

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3531, Секретная переписка по разным предметам, 1910.
[2] Там же.

Туркестанское охранное отделение запросило главного инспектора училищ Туркестанского края: в какой степени частные новометодные мактабы подчинены правительственному учебному контролю, нет ли у последнего данных о связи мактабдоров с Турцией? Исполнявший обязанности главного инспектора Остроумов ответил, что новометодные мактабы не подчинены правительственному контролю, поэтому в управлении учебными заведениями никаких сведений о связи мактабдоров с Турцией нет и не могло быть. Однако Остроумов выразил свое мнение: «Я лично от себя заявляю свою уверенность в существовании таковой связи, по крайней мере, некоторых мактабдоров новометодных мактабов и что таковая связь выражается если не в непосредственных отношениях с представителями турецкого просветительного комитета «Единение и прогресс», то в косвенной нравственной зависимости от последнего»[1].

В 1911 г. министр внутренних дел Маклаков разослал циркуляр, в котором требовал от губернаторов обратить особое внимание на современные течения среди мусульман, касающиеся постановки обучения, и принять меры против вредных последствий национализации мусульманской школы, угрожающей интересам русской школы и русской государственности[2]. Очевидно, полиция искала связей новометодных школ с антиправительственными течениями, и учебное начальство должно было выявить по отношению к ним свою позицию.

Созванное при главном инспекторе в 1909 г. совещание по вопросу о новометодных мактабах вынуждено было признать невозможным подчинить эти школы, находившиеся в «переходном состоянии», действию общеимперских правил о начальных училищах от 27 октября 1907 г., которые требовали обязательного изучения русского языка и определенного образовательного уровня от учителей[3]. «Чтобы новометодные школы были, по крайней мере, терпимы и безопасны», совещание выработало проект правил об открытии новометодных мактабов, которые были представлены генерал-губернатору и в Министерство народного просвещения.

Три года ждали ответа от министерства; наконец, в январе 1912 г. генерал-губернатор Самсонов сам утвердил главные параграфы этих правил.

Открытие новометодных мактабов с начатками общеобразовательных знаний допускается с разрешения инспекций народных училищ, сказано в первом параграфе. Особенно

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3531.
[2] Там же, д. 3657, Об открытии новометодных мактабов, лл. 167—169. 1911.
[3] ЦАУ УзССР, ф. 48, д. 3531.

важен второй параграф этих правил: «Необходимо наблюдать, чтобы в новооткрываемые школы назначались учителя туземцы одного племени с учащимися в открываемых школах детьми»[1]. Этим пунктом запрещалось учителям татарам принимать в свои школы детей узбеков, казахов, таджиков, киргизов и других народов Туркестана, а с другой стороны — в узбекских, таджикских, казахских, туркменских и других мактабах учителями не могли быть татары.

В третьем параграфе записано требование, чтобы в новометодных мактабах было введено преподавание русского языка, а в четвертом сказано, чтобы организаторы этих школ представили на утверждение инспекторам программы обучения с указанием учебников, по которым будет вестись преподавание.

Борьба царской администрации за требование, чтобы учитель в новометодном мактабе был одного племени с учащимися, началась еще до официального утверждения указанных правил. Так, например, в конце 1910 г. пристав г. Коканда пригласил татарских учителей и прочел им распоряжение инспектора народных училищ о том, что учителя татары не имеют права заниматься преподаванием в мечетных мактабах среди нетатарского населения. После прочтения пристав предложил им подписаться под этим распоряжением. Учителя отказались и просили указать им, на основании какого закона издано распоряжение. Затем произошел следующий диалог между полицией и учителями: «Бывшие в канцелярии русские чиновники заявили: «Подпишитесь, иначе вам плохо придется». На это учителя им ответили: «Мы не знаем, согласно ли с законом требовать от нас подписи под этой бумагой. Если вы поступаете согласно закона, то просим нас извинить». На это полицейский чиновник сказал учителям: «Дайте подписку о том, что вам прочтено это распоряжение, и вы знаете его содержание». Татарские учителя подписались. Затем пятидесятникам было объявлено, что с 1 января 1911 г. татарские мугалимы должны закрыть свои мактабы; если бы они открыли их и продолжали заниматься, то пятидесятники должны закрыть эти школы. «И действительно, с 1 января 1911 г. мактабы, в которых мы обучали, были закрыты»,— заканчивают татарские мугалимы свое сообщение о беседе с приставом г. Коканда[2].

В 1911 г. был съезд уездных начальников Туркестанского края, на обсуждение которых был поставлен вопрос об отношении местной администрации к новометодным школам.

[1] Там же, д. 391, С секретными бумагами по аттестованию учеников, 1912.

[2] ЖМНП, 1913, VI, ст. Бобровникова, стр. 71, со ссылкой на газ. «Вакт».

При обсуждении вопроса выяснилось, что во всем крае на местах происходит широкое движение против старых религиозных школ на арабском языке и среди разных народов есть требование школы на родном языке. Участники съезда отмечали открытие таких школ явочным порядком узбеками, таджиками, татарами, казахами, киргизами, дунганами, таранчами и другими народами Средней Азии. Съезд выработал общую линию отношения низовой администрации к таким школам, одобренную краевой администрацией. Эта линия совпадала с теми мероприятиями, какие проводил по распоряжению ферганского губернатора пристав г. Коканда в отношении татарских школ: без разрешения администрации уезда школы не должны открываться; программы и учебники в этих школах должны быть утверждены краевой властью; учителями в них могут быть лица, принадлежащие к той национальности, к какой относятся дети данной школы.

Утвержденные в 1912 г. начальником края Самсоновым правила, касающиеся открытия новометодных мактабов, дали повод для притеснения и закрытия этих школ полицией и учебной администрацией края. Инспектор народных училищ 1-го района Семиреченской области сообщает 4 марта 1913 г. главному инспектору учебных заведений Туркестанского края о том, что им открыты в г. Верном мужская и *женская* русско-туземные школы; эти школы, как пишет инспектор, явились на смену закрытых им новометодных мактабов. Дальше инспектор объясняет, что содержатели этих мактабов отказались ввести преподавание русского языка в свои школы, поэтому он закрыл их. Инспектор жалуется на своего коллегу — инспектора 2-го района Тимофеева, который допускает существование «новометодных» мактабов в своем районе без преподавания в них русского языка и тем нарушает единую политическую линию царской администрации в отношении к этим школам[1]. В данном случае шла речь о мактабах старого типа, которые по недоразумению именовались новометодными.

Был еще «метод» закрытия новометодных мактабов администрацией — придирка к их санитарно-гигиеническому состоянию: инспектор народных училищ составлял акт о непригодности помещения, неудовлетворительности санитарных условий работы мактаба, недостаточности света и т. д. Напомним, что в старометодных мактабах санитарно-гигиенические условия всегда были ужасными, но царскую администрацию это обстоятельство не беспокоило.

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3381, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края с циркулярами и другими распоряжениями Министерства внутренних дел, л. 390, 1913.

Преследования новометодных мактабов усилились в период первой империалистической войны, так как Турция, оказывавшая влияние на узбекских джадидов, боролась против царской России вместе с Германией.

Новометодное движение вело к реформе обветшалых мусульманских школ в Туркестане «снизу». О реформе их «сверху» на протяжении полувека царской власти в Туркестане велось немало разговоров общего характера. Одним из немногих конкретных предложений был проект Наливкина, относящийся к первой половине 90-х годов[1]; Наливкин делал упор на реформу в медресе.

К 1910/11 учебному году относится проект реформы *туркменских* мактабов, представленный инспектором народных училищ Закаспийской области Львом Бедржицким[2]. Его предложения сводились к следующему:

1. Для учителей регламентировать образовательный ценз: учитель должен уметь по крайней мере читать и писать свободно; последнее — без грубых ошибок. Чтобы улучшить работу учителя, мактабы надо укрупнять, не допуская в одном ауле нескольких мактабов, с 2—3 учащимися в каждом; в наиболее крупных аулах учителю приплачивать из областного бюджета.

2. В учебных занятиях приступить к обучению письму немедленно после обучения чтению; до усвоения учениками чтения и письма запретить преподавание чего-либо другого (т. е. религии), за исключением вступительных молитв. Учителю вести список учеников с отметкой посещаемости и ежемесячной оценкой успеваемости.

3. Снабдить бесплатно все мактабы: а) краткими методическими наставлениями об обучении грамоте; б) разборной металлической азбукой и грифельными досками с карандашами для них.

Указанные меры, по словам Бедржицкого, являются начальными и со временем могут быть дополнены и изменены на основании опыта. «Затрат они требуют ничтожных, приблизительно один-полтора рубля на мактаб для приобретения необходимых пособий и принадлежностей».

Для кочевых районов Бедржицкий рекомендовал «институт странствующих учителей» за счет бюджета; готовить их на первое время при Туркестанской учительской семинарии.

[1] См. гл. II.

[2] ЖМНП, 1911, IV. «Школы туркмен».

Глава седьмая

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГОДОВ

ШКОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ В ПЕРИОД С 1907 ПО 1917 ГОД

После революции 1905 года царизм стремился усилить влияние имущих классов России в Туркестане, ослабить национальные элементы в общественной жизни народов Средней Азии. Одной из мер денационализации коренного населения служило расширение сети русских и русско-туземных школ в крае. Увеличением количества русских начальных и средних школ царская власть стремилась вооружить школьным образованием русское население, сделать его не только политически, но и идеологически господствующим в крае, возвысить над местными коренными народами, придавленными колониальной эксплуатацией. Следующая таблица иллюстрирует общий рост в Туркестане за 8 лет (1909—1917) сети школ, без мусульманских мактабов и медресе.

Таблица 10

Название учебных заведений	К 1 января 1909 г.[1]		К 1 января 1917 г.[2]	
	всего учебных заведений	учащихся в них	всего учебных заведений	учащихся в них
Мужских гимназий	5	2000	9	3268
Женских	5	2514	14	5081
Реальных училищ .	1	306	2	785
Коммерческих училищ	2	330	(переданы в Министерство торговли и промышленности)	
Учительских институтов	—	—	1	34

Продолжение

Название учебных заведений	К 1 января 1909 г.[1]		К 1 января 1917 г.[2]	
	всего учебных заведений	учащихся в них	всего учебных заведений	учащихся в них
Учительских семинарий	1	71	2	159
Мариинских училищ	1	198	1	250
Городских училищ (с 1912 г. высшие нач. училища)	19	3295	35	4232
Начальных училищ	318	19 803	629	46 045
Частных	27	1371	30	1423
Всего русских школ разных типов	379	29 888	723	52 109

[1] К. К. Пален, Отчет по ревизии (см. таблицы в конце книги).

[2] ЦАУ УзССР, Опись Наркомпроса, д. 273. Статистические данные по народному образованию в Туркестане за дореволюционный период, л. 173, 1921.

При значительном общем росте русской школьной сети в Туркестане школы того или иного типа, в соответствии с классовой политикой царизма, развивались неодинаково.

Русские школы

Начальные училища. Отчет по ревизии сенатора Палена содержит довольно подробные сведения о состоянии русских школ края в 1908/09 учебном году. Из 318 русских начальных школ края 32 были пятигодичными, так называемыми двухклассными, т. е. с двумя и больше учителями, остальные — трехлетними одноклассными, т. е. с одним учителем. Программа обучения была утверждена министерством в 1897 г. и до революции 1917 г. не изменялась. Эта программа давала детям элементарные знания русского и церковнославянского языка, арифметики и чистописания. Главным предметом был закон божий.

Из 569 учителей русских и русско-туземных школ 115 окончили Туркестанскую учительную семинарию, остальные не имели специальной педагогической подготовки, получили среднее и низшее образование, а 67 учителей не закончили даже низшего образования[1]. «Общее положение начальных

[1] В этой статистике не разделены учителя русских и русско-туземных школ; в число 67 учителей, не имевших низшего образования (европейского), включены учителя туземных классов русско-туземных школ. См. ниже данные об учительском составе по школьной переписи 1911 г.— *Ред.*

училищ Туркестанского края,— читаем в отчете Палена,— не может быть признано благоприятным и успехи обучения в них достаточными; уровень развития учащихся, особенно в сельских училищах, весьма невысок, познания очень ограничены и число оканчивающих курс — незначительно»[1].

По мнению обследователей, главная причина неудовлетворительного обучения в этих школах заключалась в слабой подготовке учителей. Кроме того, в большей части начальных школ было только по одному учителю; а так как дети начинали ходить в школу в разное время, то на одного учителя приходилось не три группы, а больше. Для улучшения постановки начального образования детей русского населения ревизионная комиссия рекомендовала обеспечить школы более преданным и специально подготовленным педагогическим персоналом, усилить инспекторский надзор, установить 4-летний курс обучения с двумя учителями, обеспечить училища учебными помещениями и установить порядок одновременного поступления детей в школу и точные правила посещения ими уроков.

Ревизоры рекомендовали также усилить занятия ремеслами в начальных школах и обратить внимание на занятия в сельских училищах садоводством и земледелием «как на средство распространения более совершенных приемов обработки земли и ухода за растениями». Кстати заметим, что почти все сельские школы Туркестана были обеспечены как усадебной, так и пахотной землей; однако в большинстве случаев земли пустовали или учителя сдавали их в аренду. Только при нескольких училищах Сыр-Дарьинской области имелись школьные сады и питомники, оказавшие влияние на развитие садоводства в этой области.

Наиболее полные документальные данные о состоянии русских начальных школ Туркестанского края относятся к 1910/11 учебному году. На летних каникулах 1910 г. учебное начальство созвало *областные совещания учителей;* учительских совещаний в крае не было с 1884 г., об их необходимости неоднократно говорилось в туркестанской печати[2]. Активно прошло совещание учителей Сыр-Дарьинской области, открывшееся 7 августа; его труды изданы[3]. Это совещание обсуждало на пленуме и в комиссиях следующие вопросы по русским начальным школам:

1. Более правильная постановка занятий по предметам (закон божий, грамота, предметное обучение, арифметика, пение, рисование, гимнастика, строй).

[1] К. К. Пален, Отчет по ревизии, стр. 85.

[2] Напр., в газ. «Русский Туркестан», 1904, № 179 и 1905, № 145; «Туркестанский курьер», 1909, № 155.

[3] Отчет о заседаниях первого съезда народных учителей и учительниц Сыр-Дарьинской обл. 1910 г., Ташкент, 1911, 171 стр.

2. Увеличение курса до четырех лет.

3. Улучшение посещаемости и продолжительность учебного года.

4. Организация занятий в двухклассных училищах.

5. Внеклассные занятия (экскурсии, чтения с проекционным фонарем, садоводство и огородничество, полезные игры и развлечения).

6. Более целесообразное использование школьных участков и пахотной земли.

7. Рукоделие для девочек.

8. Более правильная организация ремесленных занятий.

9. Учительские библиотеки при важнейших сельских школах.

10. Работа со взрослыми (вечерние курсы, воскресные чтения, народные библиотеки-читальни).

При обсуждении вопросов преподавания закона божьего возникла полемика между постоянными противниками — Остроумовым и Граменицким. Остроумов призывал школьных законоучителей разоблачать ислам, а также секты, оторвавшиеся от казенного православия; Граменицкий возражал, указывая, что детей надо воспитывать на положительных примерах, не следует вводить юный ум в искушение разбором отрицательных примеров из религии. Священник Омелюстный настаивал, что в преподавании закона божьего не надо гнаться за выполнением учебной программы, главное — воспитательная роль религиозной морали.

Съезд народных учителей в Ташкенте в 1910 г., как и съезд 1884 г., высказался за внесение в преподавание *краеведческого* материала, за издание соответствующей хрестоматии; до ее появления рекомендовалось использовать в русских школах «Третью книгу для чтения» Граменицкого для русско-туземных школ, как содержащую местный материал, которого не было в учебниках, привозимых из Европейской России.

В соответствии с пожеланием родителей (из Аулие-Ата и др.) съезд рекомендовал обучение девочек рукоделию в часы, когда мальчики изучали ремесло; в содержании рукоделия учитывать условия данной школы.

На съезде говорили о расширении внеклассных занятий, а также работы со взрослыми, но высказывались и опасения, как бы это не отвлекало учителей от основных обязанностей.

В середине 1910/11 учебного года была проведена *всероссийская школьная перепись*. Хотя ее данные, как указывал В. И. Ленин[1], обрабатывались тенденциозно, все же в материалах этой переписи[1] содержатся существенные факты для характеристики русских начальных школ Туркестана.

[1] «Исторический архив», 1957, № 2, стр. 4, статья В. И. Ленина «Нищета народных учителей». Вторая статья — «О наших школах».

Средний годовой бюджет одной школы по всей России составлял 950 руб. 50 коп., а по Туркестану вдвое больше — 1871 руб. 60 коп.; по России площадь 1/4 всех классных помещений была ниже санитарной нормы, в Туркестане таких школ оказалось почти в два раза меньше — 14%; русская начальная школа в Туркестане имела обычно значительно больше книг в ученической и учительской библиотеках, чем типичная начальная школа вообще по России. Некоторые другие показатели также подтверждают, что *в Туркестанском крае стараниями колонизаторов русская начальная школа оказалась привилегированной в сравнении с народной школой коренной России*[2].

Средняя продолжительность учебного года в начальных школах всей России была 178 учебных дней в городе и 151 на селе, а в Туркестанском края больше: 184 учебных дня в городе и 157 на селе, и это при условии, что в русско-туземных школах (они включены в общий подсчет) неучебные дни соблюдались и по христианскому, и по мусульманскому календарям.

Колонизаторская школьная политика царизма стремилась обеспечить русскому меньшинству в Туркестане командное положение, но *по отношению ко всей массе населения* края общеобразовательных начальных школ (не считая мусульманских мактабов) было так мало, что *Туркестан по развитию школьной сети стоял в России на последнем месте:* в 1910/11 учебном году в среднем по России одна начальная школа приходилась на 1627 человек населения, а в Туркестане—на 14 261 человек. Расходы на школьное дело в 1910 г. на одного жителя по России в среднем составили 58 коп., по Туркестану—13 коп. Самый низкий во всей царской России процент учащихся в населении в 1910/11 учебном году оказался в Аму-Дарьинском отделе (0,02%), а также в уездах Джизакском, Наманганском, Катта-Курганском, Скобелевском, Андижанском, Кокандском, Самаркандском (не выше 0,33%), тогда как в наиболее обеспеченных школами уездах Российского государства этот показатель поднимался до 6,8% — 10,3%.

Школьная перепись в январе 1911 г. зафиксировала существенные недостатки в обслуживании начальными школами и русского населения Туркестана. При приеме в школы в

[1] Однодневная перепись начальных школ Российской империи 18 января 1911 г. Вып. XII—XV. Азиатская Россия, Спб., 1914; вып. XVI. Итоги по империи, Пгр., 1916. Перепись охватила все типы светских начальных школ и православные церковноприходские школы; в нее не вошли начальные школы повышенного типа, а также конфессиональные школы других религий (например, мусульманские мактабы, включая новометодные).

[2] Об этом писалось, напр., в ТВ, 1899, № 65—69.

1910 г. на территории Узбекистана было отказано из-за переполнения классов 763 детям; это относилось в основном к городам. Отсев из школ был в Туркестанском крае больше, чем в среднем по России: за 1910 г. выбыло из начальных школ до окончания полного курса по всей России 19,1% учащихся, а по Туркестану — 24,2%; в том же году число учащихся, окончивших курс, составляло ко всей массе учащихся начальных школ по России 9,4%, по Туркестану — 5,7%; эти недостатки характеризовали главным образом отношение к школе русских крестьян-переселенцев.

Из зафиксированных переписью 1911 г. данных о типах русских начальных школ, о составе учащихся и учителей приведем цифры, характеризующие положение на территории, входящей теперь в Узбекскую ССР. Здесь в 1910/11 учебном году имелось в городах 38 русских начальных школ и в сельской местности более 20[1] — главным образом в пределах нынешней Ташкентской области. Три четверти всех этих школ, так называемые приходские училища, находились в ведении Министерства просвещения с субсидиями из местных бюджетов; имелись еще 4 церковноприходских училища (Ташкент и Самарканд), 7 железнодорожных (Ташкент, Коканд, Горчаково, Андижан, Самарканд), 4 частных (Ташкент и Скобелев) и одно образцовое училище при учительской семинарии. Из городских начальных школ девять были пятилетними, остальные имели трехлетний курс.

В этой школьной сети (на территории УзССР) обучалось около 6 тыс. детей, в том числе в 9 городах (Ташкент, Скобелев, Андижан, Коканд, Наманган, Самарканд, Джизак, Катта-Курган и Петроалександровск) 4598 детей. В сравнении с XIX в. резко улучшился *охват школой девочек:* по переписи их оказалось среди учащихся в городских начальных школах 47%, в сельских—37%. Явилось на занятия 18 января 1911 г.: в городских школах — 95% мальчиков и 96% девочек, в сельских школах — 35% мальчиков и 92% девочек.

В селах и в маленьком городе Джизаке начальное обучение мальчиков и девочек проводилось совместно, в городах и большом селе Никольском — раздельно.

Учителей общеобразовательных предметов (без учителей закона божьего) в сумме по начальным русским и русско-туземным школам на территории Узбекистана в 1910/11 учебном году насчитывалось более 230 (в том числе 54% женщин); почти 70% из них работало в городских школах.

По всему Туркестанскому краю в год переписи питомцы учительских семинарий (мужчин) составляли одну треть учителей всех начальных школ; они преподавали, как правило, в русско-туземных училищах; в русских начальных школах края работали в основном выпускницы женских гимназий, составлявшие половину всего учительства начальной туркестанской школы. Учителя начальных школ без среднего образования (мужчины и женщины, примерно поровну) имелись в Туркестане и в сельских школах (26%), и в городских (12%)[1].

* * *

Усилия царской администрации по расширению школьной сети для русского населения Средней Азии дали реальный эффект. В 1912 г. охват детей русского населения Туркестанского края начальными школами характеризовался следующими данными[2].

Таблица 11

Область	Количество детей школьного возраста в 11 лет	Охвачено начальными школами	в %
Сыр-Дарьинская .	10 760	10 230	95
Самаркандская . .	2050	1794	87,5
Ферганская	2914	2227	76,4
Закаспийская . . .	3632	3210	88,4
Семиреченская . .	16 928	10 132	60

Следовательно, русское население Сыр-Дарьинской области в 1912 г. уже заканчивало всеобщее начальное обучение; другие области приближались к проведению всеобуча, и только Семиреченская область отставала. Такого высокого процента охвата детей школой не имела к тому времени ни одна губерния Европейской России; самый передовой по всеобучу город Москва имел в 1914 г. в начальных школах 86,8% детей школьного возраста; что касается России в целом, то свыше 60% детей в год начала мировой войны оставались за дверями школы.

Смысл успехов всеобщего начального обучения в колониальном Туркестане среди русского населения раскрывается из того факта, что из детей местного коренного населения

[1] В материалах переписи сведения суммированы по уездам, но по каждому городу выделены основные показатели. С 1925 г. границы новых республик Средней Азии разрезали территорию старых уездов, это мешает дать по сельским школам точные цифры по УзССР.

[1] В обзоре русских школ (стр. 283—306) материалы автора дополнены некоторыми отдельными фактами, которыми располагал редактор; он же передал для настоящего издания свой анализ итогов школьной переписи в 1910/11 учебном году.

[2] С. Граменицкий, Положение инородческого образования в Сыр-Дарьинской области, стр. 83. (Сводка по отчетам инспекторов народного образования пяти областей).

возраста 8—11 лет в том же 1912 г. было охвачено русско-туземными и русскими школами в Сыр-Дарьинской области 2,02%, в Самаркандской — 0,9%, в Ферганской — 0,5%[1]. В 1915 г. в Туркестане в среднем итоге по всем национальностям 98,5% детей возраста начальной школы (8—11 лет) находилось вне общеобразовательной школы[2].

Первая империалистическая война тяжело отразилась на русской школе Туркестана: в край хлынули беженцы из оккупированных немцами западных губерний, а местные финансы пошатнулись. Вплотную подводит нас к положению школьного дела, например, в Сыр-Дарьинской области доклад вр. и. д. военного губернатора Караульщикова «О нуждах народного образования в Сыр-Дарьинской области», представленный 10 января 1917 г. генерал-губернатору Куропаткину, который собирал сведения в связи с предстоящим совещанием по этому вопросу[3]. На школьное дело в области из «земских сумм»[4] на 1916/17 учебный год назначено 793 615 руб. 11 коп. По заявлению директора народных училищ, количество сельских школ в области «вполне достаточно для обеспечения обучения детей русского населения», однако помещения сельских школ совершенно не приспособлены к занятиям, слишком тесны, поэтому приходится отказывать детям в приеме в школу.

В худшем положении, по словам того же доклада, находятся школы в городах. Так как городские управления задерживают отпуск дополнительных кредитов, то произошло чрезмерное переполнение учащимися начальных училищ в Перовске, Черняеве и Арыси. По тем же причинам низшие учебные заведения Ташкента переполнены, и занятия иногда проходят в две смены, что крайне вредно отражается на успехах обучения. По мнению Караульщикова, необходимо привлечь городское управление к расходам для устранения отмеченных недостатков в городских школах. Попутно из доклада узнаем, что курс обучения в городских школах области был 3 года, а в сельских школах — 4 года, так как там учебный год продолжался 4—5 месяцев. Занятия в 1917 г. велись по программе 1897 г. Так как программы 1897 г. содержали жалкие крохи по технике письма, чтения и по арифметике и большую порцию религиозно-монархической идеологии, то городские управления и передовые земства промышленных районов России стали добавлять в программу начальных школ историю, географию, природоведение и ручной труд, чтобы повысить

[1] С. Граменицкий, Положение инородческого образования в Сыр-Дарьинской области, стр. 83.

[2] «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2, стр. 55.

[3] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 4519, Созыв совещаний по реформе средних и низших школ Туркестанского края, лл. 464—468.

[4] Т. е. из кармана трудящегося населения Туркестана.

уровень знаний оканчивающих начальную школу детей и удовлетворить быстро растущим запросам экономической жизни страны. Но Министерство «народного просвещения» ревниво следило, чтобы земства и города не выходили из рамок программы 1897 г. и часто об этом напоминало.

В 1909 г., например, туркестанскому учебному начальству был прислан циркуляр за подписью «товарищ министра барон Таубе», где сказано: «За последнее время в начальных училищах некоторых уездов было обнаружено ведение преподавания по программам, не утвержденным надлежащим учебным начальством и совершенно не соответствующим основным целям начального образования, как их понимают и правительство и Государственная дума,— «дать учащимся религиозно-нравственное воспитание и развить в них любовь к царю и России»[1].

Дальше в циркуляре сказано, чтобы попечители округов вменили в обязанность директорам и инспекторам народных училищ вести особое наблюдение за программами, по которым происходит обучение в начальных школах, «с немедленным изъятием тех программ, которые оказались бы принятыми произвольно, без утверждения учебного начальства». Таубе требует, чтобы ответственность за исполнение его приказа была возложена на инспекторов народных училищ и даже на учителей, «так как при сколько-нибудь внимательном отношении последних к своим прямым обязанностям были бы совершенно немыслимы вышеуказанные случаи пользования явно тенденциозными программами, никогда не получавшими законного утверждения Министерства народного просвещения». С таким тупым упорством царская власть насаждала вплоть до революции 1917 года религиозно-монархическое содержание учебно-воспитательной работы в начальных школах.

Добавим, что чиновники Учебного ведомства Туркестанского края обсуждали циркуляр Министерства народного просвещения и с удовлетворением отметили, что в начальных школах края отступлений от правительственных программ не было.

В школах Туркестана, как и везде, чрезвычайно большую роль играла, конечно, личность учителя; об этом в 1909 г. писала газета «Туркестанский курьер»[2]: «Рядом с хорошей народной школой, дающей своим питомцам более или менее основательные познания и развивающей в них любовь к полезной книге и страстное желание по возможности расширить свой умственный кругозор,— рядом с подобной школой неред-

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3885, С циркулярами и другими распоряжениями Министерства народного просвещения, 1913, лл. 17—18.

[2] № 155 от 14 июля, в ст.: С. Альшиц «О съездах народных учителей Туркестанского края».

ко встречаешь такую, где вследствие неопытности и недостаточного развития учащего учение превращается в мучение и для него и для учащихся». Царская учебная администрация, обычно мало помогала неопытному учителю, тормозила инициативу учителей, нередко теснила наиболее передовых.

Повышенное начальное образование. До 1912 г. в царской России существовали школы, называвшиеся в законодательстве «городские по положению 1872 года». Полный курс обучения в них продолжался 6 лет. В каждом училище полагалось столько учителей, сколько классов: в трехклассном городском училище было 3 учителя, кроме законоучителя, в четырехклассном — 4, и т. д.; поэтому городские училища этого типа назывались трехклассными, четырехклассными, пятиклассными — по числу учителей и классных помещений, хотя обучение продолжалось 6 лет.

В 1908 г. ревизия Палена нашла городские училища Туркестанского края в тяжелом состоянии: помещения тесны, школы переполнены, учителя плохо обеспечены, поэтому состав их оказался случайным и плохо подготовленным; на учебное оборудование этих училищ министерство отпускало гроши. Не удивительно, что успехи учащихся оказались слабыми. По русскому языку в этих училищах занимались обучением грамоте, объяснительным чтением, грамматикой и церковнославянским языком. При проверке обнаружены слабые успехи в правописании и в умении излагать свои мысли. По арифметике изучали правила арифметических действий, решали задачи и занимались устным счетом, в котором учащиеся показали слабые навыки. Курс геометрии проходился практически: изучали геометрические тела и запоминали основные геометрические понятия; в старших классах занимались стереометрией — в связи с черчением. Отечественную историю изучали в связи со всеобщей историей, причем слишком много времени уделяли курсу древней и мало — новой истории. Географию проходили в трех старших классах.

По словам ревизора, курс естествознания учащиеся механически заучивали, не отдавая себе ясного отчета в естествоведческих терминах и понятиях. В VI классе было отведено 3 часа на физику. «Главное внимание обращено не на изучение научных методов исследования физических явлений и строгость выводов и доказательств,— сказано в отчете,— а на практическое значение этих выводов и положений»[1]. Особого учебника физики в городских училищах не было. Преподавание черчения и рисования происходило в связи с уроками практической геометрии. Из 19 городских училищ края только в Ташкентском училище был особый преподаватель рисования. Члены ревизионной комиссии Палена сделали следующее общее заключение об учебной работе городских училищ: «Окончившие курс городских училищ приобретают достаточно познаний для того, чтобы заниматься торговыми и промышленными делами; некоторые из них поступают на государственную службу, другие продолжают образование в учительской семинарии или приобретают учительское звание, выдерживая надлежащие испытания»[1].

[1] К. К. Пален, Отчет по ревизии, стр. 74.

Министерство народного просвещения и туркестанская администрация стремились придать начальным общеобразовательным школам ремесленный характер. Это направление понравилось ревизионной комиссии Палена, и в ее отчете с удовлетворением отмечено: «В большей части училищ введено обучение сапожному, столярному и переплетному мастерствам. В Аулие-Атинском городском училище изучают садоводство».

Из 19 городских училищ 10 имели интернаты, в которых помещались 233 воспитанника. Третью часть вакансий в интернатах заполняли русские дети, а остальные две трети мест предоставляли детям коренных национальностей Туркестана. Содержание интернатов полностью ложилось на плечи местного населения. В 1908/09 учебном году на их содержание было израсходовано 42 873 руб.[2].

По закону 1912 г., принятому Государственной думой, «городские по положению 1872 г.» училища были преобразованы *в высшие начальные училища*.

В системе начального образования для русского населения в Туркестане важно отметить тенденцию властей задержать развитие повышенного начального образования, стремление народных масс города и деревни к образованию ограничить элементарной начальной школой. Например, к 1 января 1915 г. в Туркестанском крае было 526 низших начальных школ и только 26 высших начальных училищ.

В последние годы царизма некоторым представителям Туркестанской администрации стало очевидным, что надо открывать начальные школы повышенного типа и при них устраивать интернаты для нуждающихся детей, поступающих из окружающих селений.

В упоминавшемся докладе Караульщикова говорится: потребность в повышенном образовании детей русского населения Сыр-Дарьинской области настолько развилась, что не только в городах, но и во многих селениях дети продолжают образование во вторых классах[3]. Для многих сельских жителей не представляется возможным дать своим детям повышенное образование во вторых классах по той причине, что

[1] К. К. Пален, Отчет по ревизии, стр. 77.
[2] Там же.
[3] Т. е. в четвертом и пятом отделениях (годах обучения) двухклассных приходских училищ.

двухклассные училища открыты только в наиболее многолюдных селениях.

Остро обстояло дело со школами повышенного образования в городах Туркестанского края: в Ташкенте было только одно мужское высшее начальное училище. Количество высших начальных училищ в Сыр-Дарьинской области, пишет Караульщиков, нельзя признать достаточным для обеспечения населения повышенным образованием. Особенно чувствуется недостаток их в г. Ташкенте, где лишь одно высшее начальное училище, притом функционирующее не в полном составе ввиду отсутствия для него достаточно просторного помещения.

О тенденции тормозить развитие высшего начального образования среди трудового русского населения говорит следующая таблица.

Таблица 12

Название училища	1885 г.		1895 г.		1908 г.		1916 г.	
	Число		Число		Число		Число	
	школ	уч-ся	школ	уч-ся	школ	уч-ся	школ	уч-ся
Начальные . . .	22	282	90	3047	318	19 803	629	46 045
Городские по уставу 1872 г. или высшие начальные	13	704	10	878	19	[3295	35	4232

За 30 лет количество начальных школ в Туркестанском крае увеличилось в 28,5 раза, а высших начальных училищ — в 2,7 раза; царское правительство для массы русского населения в Туркестане усердно расширяло сеть только элементарных начальных школ.

Женских высших начальных училищ до сего времени не имеется ни одного в Сыр-Дарьинской области, отмечалось в упомянутом докладе Караульщикова в январе 1917 г. Их не было в Туркестане, хотя еще в 1908 г. после ревизии Пален требовал открыть городские училища для девочек из мещанских семей, чтобы они не заполняли женские гимназии, «которые часто не соответствуют ни общественному положению, ни материальным средствам родителей».

Накануне Февральской буржуазно-демократической революции Граменицкий предложил во всех областных городах закрыть младшие классы средних учебных заведений, а вместо них отдельно открыть высшие начальные училища. Это предложение было продиктовано стремлением буржуазной интеллигенции уменьшить характерную для царской России

сословную многотипность средних школ, оно являлось шагом к единой школе. Но предложение Граменицкого открывать в небольших городах не гимназии, а высшие начальные училища вело к сокращению доступа в средние школы детям демократических слоев.

В высших начальных училищах с 1914 г. по предложению туркестанского генерал-губернатора Самсонова начали вводить *изучение местного языка*. За исключением коммерческих училищ и учительской семинарии, высшие начальные училища были единственным типом русской школы, где был поставлен вопрос об обязательном изучении местного языка русскими учащимися[1].

Женские мариинские училища по своему курсу приближались, как и высшие начальные училища, к типу неполной средней школы. Но мариинские училища организовывались тем же «Ведомством учреждений императрицы Марии», которое руководило «институтами благородных девиц» и из всех причастных к школьному делу ведомств царской России являлось наиболее реакционным. Поэтому в облике мариинских училищ была некоторая двойственность. Мариинские училища, открытые в Самарканде и Новом Маргелане в 1890 г., и в Асхабаде в 1897 г., когда там еще не было женских гимназий, обслуживали в основном дочерей чиновников и офицеров и в 1900 г. были преобразованы в женские гимназии. Мариинское училище в Ташкенте, открытое в 1901 г., имело более демократический состав учащихся. В 1909/10 учебном году в нем обучалось 195 девочек при 13 педагогах.

Все школы, дававшие повышенное начальное образование, находились в Туркестанском крае в городах; в русских переселенческих селах имелись приходские училища не более как с пятилетним сроком обучения.

Средние учебные заведения. К 1 января 1909 г., по данным ревизии Палена, в Туркестанском крае было 5 мужских и 5 женских гимназий (т. е. каждый областной город имел 2 гимназии, состоявшие на госбюджете), 1 реальное училище (в Ташкенте) и 2 коммерческих училища (в Коканде и Ташкенте)[2].

Надо отметить хорошо оборудованные кабинеты и солидные библиотеки при русских средних учебных заведениях Туркестана.

---

[1] Факультативно местный язык преподавался в ташкентских реальном училище и кадетском корпусе.

[2] Коммерческие училища открыты в Коканде в 1906 г. (группой лиц во главе с Е. В. Корчицем), в Ташкенте в 1907 г. (В. Н. Дуниным-Барковским); вскоре образовались в Коканде «Общество распространения коммерческого образования» (1907), в Ташкенте «Общество ревнителей коммерческих знаний» (1908), и коммерческие училища перешли в ведение этих обществ.— *Ред.*

Из мужских гимназий асхабадская, например, имела в 1908/09 учебном году фундаментальную библиотеку в 5751 том и ученическую — в 2275 томов; физический кабинет состоял из 1119 приборов для демонстрации курса физики и инструментов для лабораторных работ; в кабинете естествознания было 211 предметов по зоологии и ботанике; учебных пособий по географии, истории, космографии, рисованию, черчению, музыке и гимнастике гимназия имела на 2043 руб. 29 коп. в золотом исчислении.

Фундаментальная библиотека Верненской гимназии состояла из 9338 томов, ученическая — из 2223 томов; кабинет физики имел 209 разных приборов и инструментов; по естествознанию и другим предметам было 396 наглядных пособий.

Ташкентская гимназия, состоявшая из 13 классов (1 приготовительный, 8 нормальных и 4 параллельных), имела фундаментальную библиотеку из 10 171 тома, в ученической было 6865 томов; в кабинете физики находилось 675 приборов по курсу физики и инструментов; всего было 2359 названий учебных пособий по разным предметам гимназического курса.

Указывая на хорошее оборудование гимназий, ревизионная комиссия Палена отметила много недостатков в учебно-воспитательной работе этих школ. В Ташкентской гимназии, например, на уроке литературы выяснилось, что многие ученики VIII (выпускного) класса не читали произведения Тургенева «Рудин», а письменные работы учеников того же класса на тему «Бирюк» были написаны настолько слабо, что приходилось удивляться, как эти ученики могли дойти до VIII класса. «Со стороны содержания,— пишут ревизоры,— некоторые работы представляют собой детский рассказ 10—12-летнего мальчика, мысль автора не усвоена, слог плох». Дальше сказано, что ученики на выпускных экзаменах допускают грубые орфографические ошибки, что учителя, просматривающие письменные работы на аттестат зрелости по литературе, ежегодно указывают на недопустимые ошибки гимназистов по орфографии, «однако дело не улучшается»,— пишут в заключение ревизоры.

В отношении дисциплины учащихся гимназий приведем отзыв о поведении учеников Самаркандской гимназии старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Самаркандской области: «В заключение обязан доложить,— сказано в докладе этого чиновника,— что, посещая гимназию в течение нескольких дней, я поразился своевольным и безобразным поведением учащихся: самовольный уход с уроков, драки, заглядывание в двери чужих классов во время уроков, подслушивание у дверей и полное, грубое непослушание директору и инспектору, когда они обращались к ученикам с просьбой прекратить беспорядки. Словом, все я видел здесь,

кроме добропорядочного поведения и дисциплины. Я вынес отсюда впечатление беспорядочное, тяжелое»[1].

О поведении учащихся Верненской гимназии ревизоры записали: «Кроме поразительного невежества, гимназисты обнаружили полное отсутствие дисциплины и невоспитанности: многие из них были одеты не по форме и с длинными всклокоченными волосами. Во все время экзамена приходили и выходили, громко стуча ногами; вставая и усаживаясь, хлопали партами, раговаривали между собой, подсказывали экзаменующимся и вообще производили такой шум, что мешали следить за ответами. Не более прилично ведут себя гимназисты и на улицах: ходят не по форме одетыми и носят огромные суковатые палки».

Наконец, главный инспектор училищ писал о поведении учеников Ташкентской гимназии: «Проступки многих учеников производят своей дикостью и грубостью тяжелое впечатление. Курят не только ученики старших классов, но и младшие, не только дома, но и на улицах, даже в стенах гимназии. Во время уроков кричат, поют, дерутся. Некоторые из учеников старших классов посещают трактиры, играют там на бильярде. Один ученик дошел до того, что даже издевался над учителем латинского языка, а другой при всем классе грозил кулаком преподавателю французского языка».

К отзывам чиновников особых поручений, главного инспектора и самих ревизоров из комиссии сенатора Палена надо отнестись с осторожностью. Необходимо помнить, что 2—3 года назад ученики этих гимназий принимали участие в революционном движении, поэтому чины учебного и административного ведомства, дрожавшие перед гимназистами в период революции 1905—1907 годов, теперь были готовы всячески очернить учащихся. Трудно поверить, чтобы администрация гимназии и учителя так уже были кротки и беззащитны перед гимназистами.

Ташкентское *реальное училище* имело особенно хорошо оборудованные учебно-вспомогательные учреждения. В фундаментальной библиотеке было 8515 томов, в ученической — 2441 том; кабинеты располагали 3398 разного рода инструментами, приборами, историческими и географическими картами; в рисовальном классе было 386 моделей. В училище, кроме предметов, обязательных по уставу реальных училищ, происходили необязательные занятия по языкам: латинскому[2], английскому и местному. Заканчивая учебную характеристику этого училища, ревизионная комиссия пишет о нем: «Общее впечатление от Ташкентского реального училища сводится к то-

[1] К. К. Пален, Отчет по ревизии, стр. 43.

[2] Латинский язык изучали готовившиеся в университет; большинство выпускников-реалистов шло в технические вузы, где латынь не требовалась.

му, что оно едва ли не единственное в крае учебное заведение, удовлетворяющее своему назначению»[1].

Два *коммерческих училища* в Туркестане строились с восьмиклассным курсом, в обоих было *совместное обучение* В Ташкентском коммерческом училище в 1908/09 учебном году училось 120 мальчиков и 48 девочек. Кроме общих предметов, по программе в коммерческих училищах преподавались узбекский язык, шелководство, садоводство, огородничество и другие практические дисциплины. В составе учащихся было 16 человек из коренного населения. (О совместном обучении в этом училище см. на стр. 383).

Кокандское коммерческое училище в 1908/09 учебном году работало в составе 6 классов: 2 приготовительных, 2 первых, II и III классы. Учащихся — 162 человека: 100 мальчиков и 62 девочки, в числе их 38 детей коренного населения (в том числе 30 среднеазиатских евреев).

В учебно-воспитательной работе Кокандского училища ревизоры обратили внимание на то, что приняты меры, чтобы *привлечь родителей* к совместной с преподавателями работе по воспитанию детей, развитию у них трудолюбия, самостоятельности, инициативы и т. д. В училище введены особые характеристики: домашние и учебные. Домашние заключались в подробном изложении сведений родителями о составе и возрасте членов семьи, о времени года, когда учащиеся мальчики или девочки начали ходить, говорить и учиться, а также об условиях домашней жизни и особенностях характера учащегося. Учебные характеристики составлялись преподавателями и воспитателями на основании наблюдений над учащимися в физическом, нравственном и умственном отношениях. В конце семестра данные наблюдений всех преподавателей обсуждались на педагогическом совете и производилась оценка воспитанника.

Делая общее заключение об учебно-воспитательной работе обоих коммерческих училищ, ревизионная комиссия Палена пишет: «По-видимому, внимание устроителей училищ направлено к тому, чтобы приготовить из воспитанников людей не только теоретически, но и практически знакомых с важнейшими сторонами промышленной жизни и производительностью Туркестанского края»[2].

Кокандский биржевой комитет, содержавший Кокандское коммерческое училище, подал заявление сенатору Палену, в котором описал состояние училища и просил правительственную ссуду для поддержания училища[3].

[1] К. К. Пален, Отчет по ревизии, стр. 44.
[2] Там же, стр. 58.
[3] См. гектографированное издание «Доклады Кокандского биржевого комитета сенатору графу Палену по вопросам, заслушанным 15 октября 1908 г. в зале биржевого комитета, ноябрь 1908 г.».

Женские гимназии были оборудованы беднее, чем мужские, но достаточно. Например, Ташкентская женская гимназия имела в 1908/09 учебном году 9508 томов в фундаментальной библиотеке, 4288 томов — в ученической; в физическом и естественно-историческом кабинетах было 820 приборов, инструментов и других предметов для преподавания этих дисциплин; по географии, истории и другим учебным дисциплинам гимназия имела 355 пособий. В Скобелевской[1] женской гимназии фундаментальная библиотека состояла из 3758 томов, ученическая — из 3083 томов; в физическом кабинете было 330 приборов, по другим предметам гимназия имела 1484 названия учебных пособий.

Однако успехи учениц были плохие; например, в Ташкентской гимназии в 1905/06 учебном году неуспевающих было 10,4%, в 1906/07 учебном году — 11,1%, в 1907/08 учебном году — 16%. Во II классе в этом же году неуспевало 30 учениц — почти 33%. О работе учителей записано: «В пятом классе преподаватель истории рассказывал ученицам о Карле Великом, строго придерживаясь текста учебника Знойко, который был раскрыт перед ним. Урок заключался не в пояснениях и не в сообщении фактических данных, а в передаче общих фраз. Такой же характер носили уроки истории и во втором классе. На уроке географии ученицы второго класса отвечали, что первый меридиан проходит в Дании, а Пулково находится в Гринвиче» (стр. 54).

Ревизоры комиссии Палена особое внимание обратили на то обстоятельство, что преподаватель литературы поставил «5 с плюсом» ученице выпускного класса за сочинение, написанное без твердых знаков, а также на то, что этой же ученице понравилось произведение Горького «Мать». Другая ученица написала, что ей нравится образ Веры из сочинения «Обрыв» Гончарова, потому что Вера «полюбила человека, занимающегося политическими делами и за это сосланного». В отчете обращено внимание на сочинение еще одной ученицы, в котором она пишет: «Из прочитанных мною произведений мне очень понравился женский тип, это Мария Спиридонова, героиня современного произведения того же названия; не меньше ее также отличились в этом же: София Перовская, Вера Засулич и др. Память таких людей никогда не умрет, даже если пройдут целые столетия» (стр. 55). Следовательно, ревизоры попутно занимались выяснением политических настроений педагогов и учащихся.

В 1909 г. было разослано особое распоряжение Министерства просвещения: «Ввиду обнаруженных случаев деятельного участия воспитанников средних учебных заведений в различных тайных противоправительственных и антигосударст-

[1] Город Скобелев — теперь Фергана (до 1907 г. Новый Маргелан).

венных организациях Министерство народного просвещения предписало директорам средних учебных заведений в кратчайший срок представить свои соображения относительно мероприятий, проведение которых в жизнь повлекло бы за собой уничтожение указанного зла в самом корне». Дальше следует ценное признание: «Удовлетворительное разрешение поставленной задачи, однако, при современных условиях школьной жизни является почти невозможным»[1]. Следовательно, Министерство народного просвещения вовлекло директоров средних школ всей страны в полицейский сыск.

Кроме гимназий, коммерческих и реального училища, в Туркестане в 1908/09 учебном году имелась еще общеобразовательная средняя школа, которой ревизия Палена не коснулась. Это — Ташкентский *кадетский корпус*, образованный с августа 1904 г. из Ташкентской приготовительной школы 2-го Оренбургского кадетского корпуса (открытой в 1900 г.) и сделавший первый выпуск из VII класса в 1906 г.[2]. Для корпуса был отведен на тогдашней окраине Ташкента, около железнодорожной линии, огромный участок — более 30 *га;* постройки, стоившие около миллиона золотых рублей, закончены в 1905 г.[3]. На содержание корпуса (300 казеннокоштных интернов, 25 своекоштных и приходящих воспитанников, 22 штатных преподавателя и 13 воспитателей) отпускалось ежегодно до 140 тыс. руб. Для оценки этой суммы отметим, что в 1909/10 учебном году на 27 начальных и высших начальных школ Ташкента, русских и русско-инородческих, без частных школ, расходовалось из государственного и местного бюджетов 100 тыс. руб. (при 3245 учащихся и 113 учителях).

Для женщин параллельно кадетскому корпусу проектировалась в Ташкенте другая привилегированная (тоже закрытая) средняя школа — *«девичий институт»*, об открытии которого усиленно говорилось в ташкентских газетах в 1911 г.[4]. Из архивных дел видно, что краевое управление организовало обсуждение этого мероприятия в городах Туркестанского края с целью сбора средств. Города Ферганской области согласились ассигновать 10 тыс. руб. единовременно и 2 тыс. руб. ежегодно на содержание «девичьего института». Но проект не был реализован. Городское купечество поняло, что военные и городские чиновники края хотят устроить за счет городского населения Туркестанский женский институт для своих дочерей. Городская дума Асхабада именно на основании довода, что дочери жителей города не попадут в этот институт, отклонила ассигнования на его организацию и содержание.

[1] ТВ, 1909, № 65.

[2] Курс кадетского корпуса в части общеобразовательных предметов строился по учебному плану реального училища.

[3] Ныне эта хорошо озелененная территория и здания заняты Ташкентским медицинским институтом.

[4] «Туркестанский курьер», 1911, № 96 и 198; ТВ, 1911, № 139 и 194 (вопрос этот поднимался и раньше, см. «Русская школа», 1903, № 3, стр. 81; ТВ, 1908, № 282; 1911, № 194; «Туркестанский курьер», 1911, № 96.

В конце декабря 1910 г. и начале января 1911 г. в Ташкенте состоялся *первый съезд преподавателей средней школы края*. Труды съезда[1] показывают, с одной стороны, наличие в те годы в средних школах Туркестана значительной группы прогрессивных преподавателей, преимущественно молодых, активно интересовавшихся педагогическими и методическими вопросами и краеведением; с другой стороны, видно стремление краевой власти, которую с 1909 г. возглавлял Самсонов, направить эту активность в русло реакционной столыпинской политики. Инициативная группа преподавателей ходатайствовала о созыве съезда для обсуждения вопросов методических (индивидуализация преподавания и его активизация, краеведение) и воспитательных (внеклассная работа, физическое развитие), а также путей повышения квалификации педагогов. Добавив вопросы о религиозном и патриотическом воспитании, Самсонов съезд разрешил и назначил председателем съезда и его заместителем испытанных слуг монархии и православия — генерала Покотило и Остроумова[2].

Важным мотивом созыва съезда была отдаленность Туркестанского края от культурных центров России, своеобразие природных и бытовых условий, в которых приходится вести педагогическую работу в школах края; эти обстоятельства заставляют видоизменять программы применительно к местным условиям, своеобразному составу учащихся и их уровню развития. Указанные мотивы организаторов съезда находили свое понимание и у краевой власти. Еще в 1884 г. генерал-губернатор Черняев пытался открыть среднюю школу для подготовки чиновников-колонизаторов из среды русского коренного населения, знающих экономику и географию местного края. И теперь перед участниками съезда ставилась задача организовать изучение Туркестана как колонии царской России и дать учащимся русских школ знания о Туркестане как стране, покоренной «русским оружием», а также подготовить из учащихся будущих колонизаторов, знающих историю и географию края.

Из докладов на съезде видим, в какие предметы стремились участники съезда внести местный материал. В докладе натуралиста А. П. Ростковского «О трудностях преподавания

[1] Труды первого Туркестанского съезда преподавателей средних учебных заведений, Ташкент, 1913, 486 стр.

[2] На съезде, кроме председателя и его заместителя, было 194 участника (в том числе 30% женщин). Распределение их по городам: Ташкент — 148 человек, Самарканд — 19, г. Скобелев — 10, Чарджуй — 9, Асхабад — 4 человека, Верный — 2, Чимкент — 2. Лиц местных национальностей не было.— *Ред.*

естествознания в Туркестанском крае» говорилось: «Все учебники, которыми мы должны пользоваться, составлены применительно к европейской флоре, фауне и вообще к природе Европейской России. Таким образом, при своеобразии окружающих нас природных и физико-географических условий учебники эти весьма мало подходящи». Ростковский предложил поручить известному знатоку флоры Туркестанского края Б. А. Федченко составить определитель растений.

Этот же вопрос был освещен в докладе преподавателя М. В. Лаврова, который он сделал на объединенном заседании секции географии, истории, естествознания и рисования, на тему «Необходимо ли давать учащимся в средних и низших учебных заведениях Туркестанского края знания по истории и географии края?» На поставленный вопрос Лавров ответил утвердительно и внес предложение составить коллективными силами преподавателей книгу для чтения по истории, географии и экономической жизни Туркестана, а также и учебную карту. Съезд вынес решение: составить сборник (альманах) по истории, географии и естествознанию Туркестана; для редактирования привлечь выдающихся знатоков края; местное отделение Русского географического общества должно объединить всех работников, связанных с преподаванием учебных предметов на местном материале; съезд избрал комиссию, которой было поручено «заняться подробной разработкой вопроса, затронутого М. В. Лавровым». Впоследствии Лавровым был составлен учебник по географии и истории Туркестана, выдержавший два издания[1].

В «Трудах» съезда сохранен опыт использования в средних школах Туркестана *краеведческого* материала, применения экскурсий, отражены другие педагогические и методические вопросы.

Инициатива активных преподавателей в проведении экскурсий, направленная на смягчение сухости и оторванности от жизни преподавания в школах, поддерживалась учебным начальством, поскольку оно считало полезным в качестве меры отвлечения молодежи средних школ от участия в политических организациях применять экскурсии в различные города и местности Средней Азии; например, весной 1909 г. была проведена экскурсия в Самарканд учениц Ташкентской женской гимназии, а для учеников городских училищ Ташкента была организована экскурсия на сахарный завод.

Вступление России в 1914 г. в *первую империалистическую войну* усилило нажим царских властей на проведения в школах воспитания православного и монархического, что было делом нелегким. Об этом свидетельствует речь последнего

[1] М. В. Лавров, Туркестан. География и история края, М., 1914, 198 стр. (273 рисунка, 6 карт); изд. 2, М., 1916.

туркестанского генерал-губернатора Куропаткина на заседании педагогического совета романовской женской гимназии в Ташкенте в присутствии учебной администрации края, учительского персонала и родителей в 1916 г.

Излагая главные основы воспитания детей и молодежи в России, Куропаткин сказал: «Эти общие основы покоятся на трех началах, создавших Россию: вера, царь и отечество. Даже не подчеркивая и не беспокоя беспрерывно юношество напоминанием этих важных слов, воспитатели во всех своих действиях должны помнить эти девизы. Нам, живущим среди чуждых туземцев, в особенности важно сплотиться вокруг одного знамени, на котором и не может быть другого девиза». Как видим, Куропаткин подчеркнул необходимость воспитывать у русского юношества недоверие к местному населению («чуждым туземцам»).

Куропаткин выразил удовлетворение, что при учебных заведениях имеются церкви и церковные хоры, но огорчился тем фактом, что церкви пустуют, учащиеся их не посещают.

Переходя ко второму «началу» воспитания, Куропаткин сказал: «Второй великий принцип, который должен лечь в основу воспитательной деятельности, это царь. Этот принцип также умален настолько, что даже на вопрос: кто у нас царствует?— мне указывали, что приходится слышать от детей низших школ ответ: Не знаем. Казалось бы, что в эти долгие месяцы борьбы, когда сам царь стал во главе войска, необходимо объединиться с вождем всего народа и внушить детям важность той высокой миссии, которую принял теперь наш государь, ибо без объединения в одних руках Россия погибла бы и враг разбил бы ее по частям».

Обязанности воспитателей в отношении отечества Куропаткин объяснил так: «Третьим основным принципом воспитания является внедрение в учащихся любви к родине. Современные события дают особенно богатый материал к тому, чтобы внушить детям любовь к родине, так как величие, сила и могущество ее наполняют всех нас гордостью». В Туркестанском же крае, продолжал Куропаткин, нужно особенно пользоваться каждым случаем, чтобы показать детям все то, что способно вызвать в них патриотическое чувство, как-то: «созерцание стройного ряда войск, шествие их и в особенности собственное участие в патриотических торжествах. Там, где можно соединить молитву о царе и подъем чувства любви к родине в торжественные дни,— там нужно стараться, чтобы учащиеся, население и войска составляли единую семью, проникнутую единой мыслью о царе и родине»[1].

Таковы были своеобразные, узкоклассовые, представления

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 4513, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1916.

о патриотизме и его воспитании у одного из виднейших в XX в. слуг династии Романовых. Добавим, что Куропаткин заслонял идею родины убогой фигурой Николая II в 1916 г., когда ему уже хорошо было известно, что именно в царской семье гнездилась самая подлая измена кровным интересам России, приведшая к гибели миллионов русских людей на фронтах империалистической войны.

Выраженное Куропаткиным понимание «патриотического воспитания» привело за несколько лет до первой империалистической войны к организации из учащихся мужских средних учебных заведений *«потешных полков»*; этот термин времен Петра I прикрывал попытку перенести в «оригинальной форме» на почву царской России западный буржуазный скаутизм. В Туркестанском крае возня с «потешными» проводилась с 1910 г.[1].

Суровая действительность войны выдвинула другой вид внешкольных занятий учащихся средних школ: возникли *школьные мастерские,* например «Объединенная сапожная мастерская среднеучебных заведений» в Ташкенте[2].

* * *

В последнее десятилетие царизма средние школы появились в *уездных* городах края: по две гимназии или прогимназии (мужская и женская) в Андижане и Коканде, в Пишпеке и Пржевальске, в Катта-Кургане, а также в Чарджуе (на бухарской территории); в Красноводске — мужская, в Намангане — женская; в Мерве с 1914 г. — реальное училище[3].

В гг. Ташкенте и Скобелеве появились вторые женские гимназии (на городском бюджете), так как существовавшие были переполнены. В Ташкенте действовали две частные женские гимназии О. М. Михайловской (с 1905 г.) и Л. Ф. Гориздро (с 1907 г.). Частная женская гимназия была в Чимкенте[4].

---

[1] ТВ, 1910, № 140, 153, 155, 158, 160, 172, 177, 241, 270; 1911, № 155, 164, 178, 200.

[2] ТВ, 1916, № 262.

[3] Некоторые данные редактору передал В. Т. Качаров.

[4] Открытие в ряде городов женских гимназий раньше мужских объяснялось нежеланием родителей отпускать дочерей на учебу в другие города. В гимназиях, открывавшихся после 1905 г., обычно устанавливался менее казенный стиль; этому содействовали и немногочисленность на первых порах ученического контингента, и появление новых педагогов, и связь с родительской общественностью, которая добилась устройства новой средней школы. В гимназии Гориздро в Ташкенте были элементы детского самоуправления, в преподавании использовался краеведческий материал, активизировались методы обучения. В г. Скобелеве свежие педагогические идеи проникали во вторую женскую гимназию; ею руководила О. П. Ковалевская, уже зарекомендовавшая себя хорошей работой в андижанской начальной школе. См. ст. А. Ф. Ардаширова «Русские школы в дореволюционном Андижане», в «Ученых записках Андижанского пединститута», III, Андижан, 1956.— *Ред.*

Некоторые из новых гимназий к 1917 г. успели сделать выпуски, часть числилась еще прогимназиями.

Гимназии оставались до революции 1917 года любимым детищем туркестанских просветителей, которые руководствовались в развитии школьной сети узкоклассовыми интересами: одну треть расходов из земских сумм, затрачиваемых на народное образование в крае, поглощали гимназии; а земские суммы — это налоги на коренное население края. Сошлемся на факты. К 1 января 1917 г. в Туркестанском крае была следующая сеть средних школ (без кадетского корпуса) и педагогических учебных заведений[1].

Таблица 13

Учебные заведения	Количество учебных заведений	Количество учащихся
Мужские гимназии . . .	9	3268
Женские гимназии и прогимназии	14	5081
Мариинские училища . .	1	250
Реальные училища . . .	2	785
Учительские институты .	1	34
Учительские семинарии .	2	159
	29	59577

Сословно-классовый состав учащихся средних школ Туркестанского края представляется в табл. 14 на стр. 306[2].

Царская статистика при характеристике социального состава учащихся пользовалась сословной терминологией, которая положение дела не отражала ясно. Из газетных заметок о переполнении школ учащимися можно заключить, что *тяга к среднему образованию со стороны русских «простолюдинов»* в городах Туркестана в XX в. возросла. В Ташкенте, Самарканде, Скобелеве, Коканде и других городах действовали «общества вспомоществования учащимся»; они оказывали некоторую помощь (плата за обучение, приобретение одежды и обуви и проч.).

Средние школы Туркестанского края были преимущественно хорошо оборудованы и укомплектованы квалифицированным преподавательским составом, так как в них учились в

---

[1] ЦАУ УзССР, Опись Наркомпроса, д. 373, Статистические данные по народному просвещению в Туркестане за дореволюционный период, 1921, л. 137.

[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 4373, Годовой отчет, 1916, л. 173.

Таблица 14

	Количество учащихся (в %)	
	Мужские гимназии, реальные училища, учительские институты и учительские семинарии	Женские гимназии и мариинские училища
Дворяне и чиновники	32,2	32,4
Духовенство	3,6	2,2
Почетные граждане и купцы	6,5	4,7
Мещане	24,2	29,3
Крестьяне	26,0	26,6
Казаки и солдаты	3,8	1,4
Местные национальности	2,1	1,2
Прочие	1,6	2,2

основном дети фактических хозяев Туркестана, руководителей политической и экономической жизни огромного и богатого края.

Дети *коренных жителей* составляли ничтожный процент в числе учащихся средних школ во всех областях и городах Туркестана. Вот цифры по материалам ревизии Палена, говорящие о том, в какой мере русские средние учебные заведения обслуживали детей коренного населения Туркестанского края в 1908/09 учебном году:

Таблица 15

Учебные заведения	Количество учащихся	Из них детей коренного населения	%
Мужские гимназии	2060	35	1,7
Женские гимназии	2514	21	0,8
Реальные училища	306	4	1,3
Коммерческие училища	330	54	16,7

К 1917 г. в Туркестане имелось несколько десятков молодых людей местных национальностей (казахов, узбеков, туркмен, таджиков, среднеазиатских евреев), окончивших русские средние школы; редкими единицами среди них были девушки.

Устраивать для коренного населения среднюю школу даже с преподаванием на русском языке представители администрации Туркестанского края не хотели. Граменицкий писал, что для детей коренного населения не следует открывать средних школ, так как они будто бы не могут усваивать предметов гимназического курса. И. о. военного губернатора Сыр-Дарьинской области Караульщиков в докладе «О нуждах народного образования в Сыр-Дарьинской области» сообщает генерал-губернатору Куропаткину в январе 1917 г., что он «вполне присоединяется к высказанному директором народных училищ мнению».

Как мы знаем, в Ташкентской мужской гимназии был велик отсев и русских учащихся; еще труднее было овладевать четырьмя языками (немецкий, французский, латинский и церковнославянский) нерусским учащимся, которые только в процессе гимназической учебы вполне овладевали русским языком, на котором велось преподавание. Авторы приведенного «мнения» не желали видеть, что учащиеся коренного населения гораздо успешнее обучались в учительской семинарии, кадетском корпусе, коммерческом училище, реальном училище, женской гимназии, курс которых не перегружался, как в мужской гимназии, разными языками.

Указанное «мнение» выросло на той же почве, что и возражения против устройства для коренного населения общеобразовательной школы на его родном языке,— на почве боязни роста национальной культуры народов Средней Азии; «мнение» это игнорировало реальное положение в крае, нужды его населения.

Русско-туземные школы после революции 1905—1907 годов

Изменения в русско-туземных школах в XX в. В дополнение к тому, что было сказано о причинах роста сети русско-туземных школ с конца XIX в. до революции 1905 года, приводим некоторые цифры по этим школам.

Таблица 16

Годы	Число школ	Общее число учащихся	Число учащихся в среднем на одну школу
1895	23	447	19
1900	41	1305	31
1906	83	2265	27

Анализ этой таблицы приводит к таким заключениям. Рост числа учащихся и особенно увеличение среднего числа учащихся в школах свидетельствуют о пробуждении интереса к русско-туземной школе в некоторых кругах коренного населения. Однако расширение сети школ обгоняло развитие этого интереса; следовательно, школьная сеть расширялась под нажимом сверху (о чем имеется много данных).

В соответствии с намеченным царским правительством после революции 1905 года планом форсированного освоения среднеазиатских колоний туркестанская администрация, расширяя в крае сеть русских школ, по-прежнему заставляла открывать в принудительном порядке русско-туземные школы, так как эти школы были важным орудием обрусительной политики.

В XIX в. обучение в русских классах русско-туземных школ Туркестана происходило с использованием родного языка учащихся в духе системы Ильминского; применялся перевод с русского языка на родной. При переводном методе дети плохо усваивали русский язык. В конце XIX в. в Сыр-Дарьинской области Граменицкий стал заменять переводный метод наглядным, полностью отказавшись при обучении русскому языку от использования родного языка учащихся. В XX в. наглядное обучение русскому языку с полным отказом в русском классе от родного языка учащихся было принято с одобрения краевого начальства во всех русско-туземных школах Туркестана.

В 1907 г. была создана комиссия, которая выработала новый учебный план и программы этих школ, одобренные попечительским советом и предложенные к руководству для всех русско-туземных училищ края. По новому учебному плану, нормальный курс русско-туземной школы продолжался 4 года.

В первый год обучения ученики по русскому языку наглядно изучали слова — названия окружающих предметов, проходили русскую азбуку и упражнялись в чтении и письме изученного. По арифметике — счет до 100 и упражнение в устном счете до 20.

Во второй год по-русски изучали слова, касающиеся описания сада, огорода, поля или базара, и начинали чтение небольших рассказов и описаний, относящихся к окружающей их обстановке и домашним животным. По арифметике учили счету до 1000, занимались устным счетом в пределе 100 и решением простейших задач на эти числа.

На третьем году обучения дети занимались чтением описаний и рассказов, относящихся к обстановке города, деревни, диких животных, степи, леса, гор и рек. Письменные работы состояли в составлении ответов на вопросы из прочитанной статьи, а во вторую половину года — зрительный диктант на

важнейшие правила русского правописания. По арифметике — счет до миллиона, устный счет и решение задач в пределах 1000.

Наконец, на четвертом году продолжалось чтение и пересказ детьми более пространных рассказов и описаний, ознакомление с краткой географией России, более подробное описание Туркестанского края и ознакомление с важнейшими событиями из русской истории. Письменные упражнения заключались в зрительном и слуховом диктанте на важнейшие правила русского правописания; во вторую половину года — упражнения в самостоятельной передаче прочитанных рассказов и описаний сначала по вопросам, а затем в связном, последовательном пересказе. По арифметике — нумерация любой величины, действия с отвлеченными и именованными числами любой величины, ознакомление с простейшими дробями.

К приведенной программе приложены объяснительные записки, касающиеся приемов обучения русскому языку и арифметике в русско-туземных школах и указывающие, как пользоваться наглядными пособиями. Для этих школ Граменицкий составил систему учебников. В частных беседах учителя называли всю эту литературу «энциклопедией Граменицкого».

Обращаем внимание, что о родном языке детей народов Средней Азии в программах и объяснительных записках Граменицкого не упоминается ни словом, хотя 1 ноября 1907 г. были утверждены «Правила о начальных училищах для инородцев», ст. 1 которых гласит: «Орудием первоначального обучения в училищах для инородцев служит родной язык

Таблица 17

Область	Число училищ	Общее число учащихся	Среднее количество учащихся на одно училище
Сыр-Дарьинская . .	34	1354	40
Ферганская	20	660	33
Самаркандская . .	15	273	18
Семиреченская . .	19	462	24
Закаспийская . . .	10	328	33
	98	3077	148*

* К. К. Пален, Отчет по ревизии, стр. 97.

учащихся». В примечании к этому разъясняется: «Родным языком учащихся считается язык, на котором они говорят в семье»[1].

Оценка русско-туземных школ по разным источникам. Ревизионная комиссия сенатора Палена уделила большое внимание русско-туземным школам. К 1 января 1909 г. русско-туземных школ в крае было (см. табл. 17 на стр. 309).

В разделе отчета, посвященном характеристике русско-туземных школ, ревизионная комиссия записала: «Нельзя не признать, что тип русско-туземных школ, по своей идее, заслуживает полного внимания, поддержки и дальнейшего развития. Основные задачи инородческого образования—распространение среди инородцев русского языка и проведение в их среду культурных понятий и полезных знаний — в достаточной степени достигаются в русских классах училищ»[2]. Вместе с тем комиссия Палена указала меры к улучшению постановки русско-туземного обучения: а) обеспечение школ подготовленными учителями; б) неуклонное выполнение учебных планов и программ, утвержденных в 1907 г., в) пересмотр в русско-туземных училищах табели неучебных дней с целью увеличения числа учебных дней[3]; г) обеспечение училищ достаточными средствами для удовлетворения их потребностей на учебные пособия и хозяйственные нужды, а также удобными помещениями.

Ревизия обратила внимание на то, что учителя туземных классов были уважаемые лица, но педагогически малограмотные: «Учителями для туземных классов русско-туземных училищ назначались местные туземцы, получившие образование в туземных школах и пользующиеся уважением населения. До последнего времени никаких документов и аттестатов о получении ими образования не требовалось; их заменяли официальные отзывы администрации о благонадежности»[4]. В связи с этим комиссия Палена поставила вопрос об увеличении жалованья туземным учителям, так как оказалось, что учитель русского класса получал в год 600 руб., а учитель туземного класса — 120 руб., поэтому подготовленные люди не шли учителями в этот класс.

В общих выводах, касающихся оценки всего учебного дела

[1] Инородческая школа. Сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы, стр. 71.

[2] К. К. Пален, Отчет по ревизии, стр. 103.

[3] В русско-туземных школах занятия не проводились по воскресеньям, а мусульманское население считало днем отдыха пятницу. В 1895 г. учителям русско-туземных школ было разрешено проводить в пятницу занятия русским языком только с желающими. С 1907 г. по пятницам занятия проводились сокращенные (2 урока). Годовые праздники соблюдались и по православному и по мусульманскому календарям. — *Ред.*

[4] К. К. Пален, Отчет по ревизии, стр. 99.

в Туркестанском крае, ревизионная комиссия в отношении русско-туземных школ потребовала, чтобы для этих школ отвели более подходящие помещения, устроили при них интернаты для русских и местных детей, предложила открыть при Туркестанской учительской семинарии начальную школу для детей коренного населения, чтобы воспитанники семинарии имели практику обучения детей народов Средней Азии в период подготовки к педагогической деятельности. Следовательно, в основном ревизионная комиссия одобрила новое направление в постановке учебных заведений в русско-туземных школах, инициатором которого был Граменицкий.

Иную оценку русско-туземным школам дал новый генерал-губернатор Самсонов, назначенный после ревизии Палена. В 1910 г. он объехал Ферганскую область и там заглядывал в русско-туземные школы. Об андижанской школе он дал положительный отзыв: «В частности мое внимание обратило очень хорошее письмо даже в младших группах и отчетливое знание учениками географии Туркестана; ученики твердо знали также имена особ царствующего дома. Училище обставлено в достаточной мере и наглядными учебными пособиями, напр., картинами и т. п.»

Резко отрицательную оценку получили от Самсонова русско-туземная школа в г. Оше. «Русско-туземное училище находится в безобразном состоянии. Ученики 2-го года обучения, — пишет он, — давали весьма сбивчивые ответы; например, особ царствующего дома могли назвать мне с большим трудом; один ученик не понимал слов «плечо», «грудь», не мог сказать, сколько ему лет. Во втором классе учащиеся не могли назвать областей, рек и главных городов Туркестанского края». Генерал Самсонов недоучел, что Андижан — крупный *торговый* город, в нем было много русского населения, русский язык имел широкое распространение; а Ош — городок, где русский говор слышался мало[1].

Отрицательных впечатлений от русско-туземных школ во время объезда края Самсонов получил больше. Это отразилось на позиции нового генерал-губернатора во время краевого совещания по вопросу о русско-туземных школах, которое было созвано в начале августа 1910 г.

Граменицкий на этом совещании рассказал, что в Сыр-Дарьинской области русско-туземные школы работают хорошо после проведенной им учебной реформы. Сеть этих школ быстро растет, так как русско-туземные школы, по мнению Граменицкого, удовлетворяют запросам коренного населения. Кроме педагогических соображений, руководящую роль в учебной реформе должны играть, по его мнению, политические

[1] А. Ф. Ардаширов установил, что Андижанская русско-туземная школа много раз отличалась, как одна из лучших. — *Ред.*

мотивы. Основная задача всякой инородческой школы,— говорит Граменицкий,— должна заключаться в распространении среди коренного населения знаний русского языка и при помощи его — в обрусении народов Туркестана; поэтому главные усилия в школе нужно направить на изучение детьми местных народов русского языка, «а не на развитие инородческих наречий[1], в ущерб усвоению государственного языка»[2].

Инспектор народных училищ Ферганской области Ф. П. Егоров нарисовал на совещании другую картину состояния русско-туземных школ. Он доложил, что из 20 русско-туземных школ области большая часть признана неудовлетворительной в учебно-воспитательном и хозяйственном отношении. Авторитет этих школ, несмотря на то что при десяти из них имеются интернаты, подорван в глазах туземного населения, так как эти школы не дают положительных результатов. Во многих школах за несколько лет существования их не было выпусков: в 1906 г. не было выпусков в 13 школах, в 1907 г. — в 17, в 1908 г. — в 14 училищах; в старших отделениях ограниченное число учеников. Посещение школ учениками неисправное: за год пропущено более 72 тыс. уроков. Многие ученики, пробыв в школе год или два, оставляют ее, не научившись почти ничему. Егоров сообщил, что население отказывается давать средства на открытие новых русско-туземных школ; он рекомендовал сначала исчерпать все меры к поднятию авторитета этих школ в глазах туземного населения, а затем заботиться о расширении их сети.

Причины неудовлетворительности состояния школ, по мнению Егорова, следующие: формальное и небрежное отношение учителей к своему делу, слабое руководство прежней инспекции, непригодность программы школ, отсутствие в школах наглядных пособий, плохой подбор учителей туземных классов, а также неправильная постановка обучения в младших классах русско-туземной школы. Егоров утверждал, что система Граменицкого не пригодная для кишлачных школ: до третьего года обучения нужно преподавание вести на родном языке, а не на русском, как установил Граменицкий. Егоров напомнил совещанию, что изданы «Правила об инородческом образовании», утвержденные министром народного просвещения 1 ноября 1907 г.; на основании этих правил преподавание на русском языке нужно начинать только с третьего года обучения. Необходимо придерживаться указанных правил и в туркестанских школах.

[1] Здесь стоит вспомнить, что именно на развитие национальных языков малых народов советское государство употребляло и употребляет большие усилия и средства, что созданию письменности у народов, при царизме бесписьменных, после Великой Октябрьской социалистической революции помогали крупные русские ученые.— *Ред.*

[2] ЦАУ УзССР, ф. 1, д. 797, Опись 13 Канцелярии туркестанского генерал-губернатора «О созыве особого совещания для выяснения положения русско-туземных школ Туркестанского края», лл. 109—110.

Двадцатилетний период существования русско-туземных школ в Ферганской и Самаркандской областях, сказал в заключение Егоров, дал только отрицательные результаты, наглядно показав их нежизнеспособность, а поэтому русско-туземные школы Сыр-Дарьинской области не могут ставиться в пример. Если русско-туземные школы дают удовлетворительные результаты в Сыр-Дарьинской области, то нужно принять в расчет, что здесь совершенно другое население, менее фанатичное, чем в Ферганской и Самаркандской областях, более проникнутое сознанием необходимости изучения русского языка и получения образования. Здесь же Егоров обратил внимание членов совещания на быстрый рост новометодных мактабов, к которым коренное население выражает большие симпатии, а с распространением этих школ русско-туземная школа, по мнению Егорова, погибнет окончательно.

Инспектор народных училищ Самаркандской области Аристов сообщил, что причины неуспеха русско-туземных школ в его области заключаются в недоверии населения к русской школе, в близости бухарских владений — цитадели мусульманского фанатизма, в краткости учебного года и большом числе пропущенных учащимися уроков.

Самсонов в своем выступлении отметил, что незначительный процент оканчивающих русско-туземные школы (в 1909/10 учебном году во всей Самаркандской области окончили 4 чел.), незначительное число желающих учиться, возникновение новометодных мактабов, в каждом из которых учится от 100 до 200 детей, свидетельствуют о том, что либо система русско-туземных школ не удовлетворяет население и требует изменения их, либо недостаточно энергичны руководители этих школ, не сумевшие завоевать симпатии коренного населения. Затем Самсонов поставил на голосование вопрос о том, следует ли сохранить один тип существующей ныне русско-туземной школы, или же желательно придать народной школе большую гибкость в применении ее к той или иной местности Туркестана. Быть может, в городах или больших торговых центрах современная русско-туземная школа вполне применима, зато в отдаленных кишлаках, где коренное население потребности в русском языке еще не ощущает, чисто туземная школа с преподаванием *на родном языке* была бы более целесообразной при условии, что русский язык в ней должен быть обязательным предметом обучения. В такой школе можно было бы приобщить детей к русской культуре.

Совещание большинством в 30 голосов народных учителей, поклонников Граменицкого, отвергло необходимость создания школ с преподаванием на родном языке; только на втором заседании, после выступления ходжентского уездного началь-

ника Лыкошина, предложение об открытии в отдаленных кишлаках новых двухлетних школ с общеобразовательным обучением на родном языке и с русским языком как предметом преподавания было переголосовано и значительным большинством принято.

Опасаясь роста влияния новометодных мактабов, совещание обратило внимание на вопрос о повышении успешности занятий в туземных классах русско-туземных школ; была составлена комиссия, которой совещание поручило выработать программу преподавания в этих классах и рекомендовало использовать программы новометодных школ Туркестанского края. Совещание поручило комиссии дифференцировать программы для туземных классов при русско-туземных школах применительно к разным национальностям Туркестана.

Совещание приняло и другие решения: созвать учительский съезд, открыть при учительской семинарии образцовую школу для детей коренного населения, так как при семинарии существовало только русское начальное образцовое училище.

Напомним, что в 1884 г. новый генерал-губернатор Розенбах, ознакомившись с положением русских школ, убедился в бесплодности почти 20-летних стремлений царской администрации обрусить народы Средней Азии. Розенбах писал правительству, что туркестанская администрация бессильна бороться с местными религиозными школами. Тогда для борьбы с мактабами и медресе в спешном порядке была развернута сеть школ нового типа, названных русско-туземными школами. Розенбах торжественно заявил, что для Туркестана наступила новая эра и что туземцы, наконец, поняли, что русская власть — родная власть и русский язык должен стать для них родным языком.

Прошло 25 лет, в крае выросло новое поколение, сменилось много генерал-губернаторов, каждый из них доносил царскому правительству, что коренное население стало относиться к русско-туземным школам с полным доверием и школы эти заняли в крае прочное положение. Но вот приехал еще один генерал-губернатор, объехал край и убедился, что даже руководящие круги городского населения не знают русского языка; он снова поднял вопрос о типе правительственных школ для коренного населения.

В происходившей дискуссии чиновников учебного ведомства Самсонов стал на сторону противников Граменицкого. В письме министру народного просвещения Шварцу он сделал обзор школьной политики в Туркестанском крае, выразил несогласие с политикой игнорирования местных религиозных школ, изложил свои планы их преобразования, а в отношении русско-туземных училищ написал, что эти школы, созданные «для приобщения туземцев к русской культуре и гражданственности», не вполне достигают своей цели.

Самсонов пишет, что разделение обучения в русско-туземных школах между двумя учителями вредно отражается на умственном развитии детей и приводит к печальным результатам. Дальше идет настолько яркая характеристика русско-туземных школ, что мы приводим ее почти целиком.

Большинство школ, пишет Самсонов министру, главным образом находящихся в кишлаках, почти пустует. Ни даровое обучение, ни даровой пансион не могут, как показывает опыт, побудить туземцев, особенно кишлачных, отдавать своих детей в существующие ныне школы. Так, например, в Ферганской области в целом ряде русско-туземных школ: Янги-Курганской, Алты-Арыкской, Чустской и Тюря-Курганской — в последнее время было по 5—6 учеников. Если же в них и поступают туземцы, то большей частью уходят на второй или третий год, так что процент оканчивающих в лучшем случае, например, в городах Сыр-Дарьинской области, не превышает 8 человек на 100 общего числа учеников, а в худшем случае в течение целого ряда лет совсем не бывает выпусков; например, в Ферганской области Русскосельская школа за 10-летний период не выпустила ни одного ученика, а в Андижанской за 20 лет окончило курс 16 человек; все школы Самаркандской области в 1909/10 учебном году выпустили 4 человека.

Помимо этого, продолжает Самсонов, большинство учеников сильно манкирует уроками; например, в Андижанской школе число пропущенных уроков доходило в некоторые годы до 200 на одного учащегося; в 1906 г. при 40 учащихся число пропущенных уроков равнялось 7628.

В 1911 г. Самсонов созвал под своим председательством еще одно совещание, которое приняло решение о реформе русско-туземных школ. С некоторыми решениями этого совещания Самсонов не согласился и предложил в городах, а также среди кочевого населения оставить русско-туземные школы с небольшими изменениями в ее программе; в кишлаках же и среди населения, где существующие русско-туземные школы пустуют, Самсонов считал нужным открыть правительственные школы «с преподаванием начатков европейских знаний на *материнском* языке для приобщения туземцев к русской культуре посредством *туземного языка* и с обязательным изучением русского языка, как государственного». Надо удовлетворить тягу населения Средней Азии к светским знаниям, «иначе новометодные мактабы сослужат плохую службу русской государственности», — писал Самсонов, имея в виду опасность пантюркистской протурецкой пропаганды через джадидские мактабы[1].

---

[1] ЦАУ УзССР, ф. 3493, По вопросу о преобразовании управления учебными заведениями в учебный округ, лл. 136—137. Курсив наш. *Ред.*

Кроме того, Самсонов хотел бы преобразовать русско-туземные училища в двухклассные (пятигодичные) в тех местностях, где об этом хлопочет само население. Намечены были также мероприятия по подготовке учителей[1].

Намеченные Самсоновым планы преобразования русско-туземных школ и другие меры, связанные с этим, не были реализованы, так как защитники установившегося типа русско-туземных школ, возглавляемые Граменицким, получили поддержку у приезжавших в Туркестан сановников из Министерства просвещения (в 1911г. был товарищ министра Георгиевский, в 1913 г.— бывший министр сенатор Кауфман), которые высказывались за оставление русско-туземных школ в неприкосновенности[2]. А в середине 1914 г. Самсонов выбыл в действующую армию.

Содержание и методы обучения и его организация, установившиеся в XX в. в русско-туземных школах Туркестанского края, получили среди учительства название «система Граменицкого». Самсонов, считал эту систему неподходящей для кишлаков, оставлял ее для городов. В 1912 г. система Граменицкого подверглась новой критике, на этот раз исходившей от крупного специалиста по русификаторским школам для тюркских народов Поволжья.

В 1912 г. в Туркестанский край приехал из Казани для осмотра школ директор учительской семинарии Бобровников, сторонник системы Ильминского[3]. Он осмотрел русско-туземные школы в Старом Маргелане, г. Скобелеве, Андижане, Коканде (две школы), Самарканде (две школы) [4] и Ташкенте (двухклассную русско-туземную школу).

Во всех осмотренных школах он присутствовал на уроках, давал задания по русскому языку и арифметике ученикам старших групп.

Давая задания по русскому языку, Бобровников исходил из того, что ученики должны по программе знать:

существительные: *книга, линейка, ручка, карандаш, бумага, лист бумаги, парта, стол, лампа, платок, карман, волосы;*

прилагательные: *правый, левый, большой, маленький, белый, черный, красный, синий, желтый, зеленый;*

числительные: *один, одна, одно, два, две, три, пять;*

глаголы: *стоять, сидеть, лежать, висеть, взять, положить,* а для самых старших учеников — *открыть, закрыть* — все в форме 3-го лица единственного и множественного числа настоящего времени;

предлоги: *в, на, из.*

Как видно, материал дан в круге наиболее простых и понятных детям представлений, полученных детьми из учебных руководств Граменицкого и по его наглядному методу.

Одно из заданий состояло в том, чтобы описать цвет и число положенных на стол перед учениками нескольких тетрадей, линеек и чернильниц. Нужно было написать максимум 15—16 слов.

В Скобелевской русско-туземной школе результаты получились следующие. Получено ученических работ 21; 19 учеников написали неверно слово *линейка,* 20 — *чернильница,* 19 — тетрадь; слово *желтый* 20 учеников написали в 15 вариантах, слово *красный* 16 учеников написали в 11 различных вариантах и т. д. «Никаких признаков, что ученики имеют малейшее понятие о согласовании русских слов, в работах учеников нет,—пишет Бобровников, — правильное согласование встречается крайне редко и очевидно случайно».

Более легкую работу Бобровников дал старшим отделениям (третьему и четвертому) в Старом Маргелане. В исполнении задания принимали участие 12 учеников. Бобровников приводит две взятые наудачу работы:

«Одно карандаш лижет. Три тук. Синий кника. Одно черние чернилница. Одно лампа. Весит. Город. Старый мирглан».

«1 карандаш лежт 3 зилони 3 книг лежит 1 идин черн чилищ лежит 1 лапна висит».

В Андижанской русско-туземной школе была проведена та же работа, в третьей и второй группах. 14 из 20 учащихся извратили слова до неузнаваемости, например:

«Блы, бли блига, лыпка черни вле гчк липа, едн, жи 19».

«Нолив рука Ближе лапа Андижан».

Некоторые учащиеся хотели написать название месяца, когда писалась работа: «19 унтобра, уктоб, уктябрь, октябира, уктабр».

Четыре ученика старшего отделения писали по две фразы; вот лучшие работы:

«Один человек взял свой из карман оди бела (платок)»[1].

«Учитель стоял откирал двух окно, а потом перешел на стуле сидел».

«Один учитель стал на стула и ушол у окно».

Бобровников проверил успехи таким же образом в кокандских и самаркандских школах — и все с тем же результатом. В четвертом отделении Самаркандского училища дети писали:

«Учитель взяли свой белый платок и поставили под парты».

«Учители взяли книжки и положили его под свои карманы».

«По русско-туземного Самаркандской училище 4-го одилене».

«1-й руска туземни училищ 4 отдиление. Учитель устал учитель встал на стул и пошел. Учитель визал из карта...»

Во всех школах Бобровников давал арифметические примеры на умножение и деление. Примеры, по его словам, делались учениками совершенно неправильно. Вот как решали примеры на умножение и деление:

2040	8070	2
204	8	4
8160	10	
0000	10	
4080		
416,160		

[1] См. ниже, стр. 345—346 и 348—349.

[2] С. Граменицкий, Положение инородческого образования в Сыр-Дарьинской области, Ташкент, 1916, стр. 32—33.

[3] Результаты его поездки опубликованы в ст.: Н. А. Бобровников, Русско-туземные школы, мактабы и мадраса в Средней Азии, ЖМНП, 1913, VI и VII.

[4] В Коканде и Самарканде было по одной русско-туземной школе (с русским и туземным классами) и по одному русско-туземному училищу (без туземного класса); в других местах, посещенных Бобровниковым, как правило, были русско-туземные школы (по данным Граменицкого за 1896 г.).— *Ред.*

[1] Ученики описывали действия, которые совершал в классе ревизор-экспериментатор.— *Ред.*

В Ташкенте была проверена успеваемость учащихся двухклассного русско-туземного училища. Примеры были даны V и VI отделениям (классам). Предложено было описать действия учителя. В VI классе было 7 учеников; приводим наудачу 3 работы с сохранением пунктуации.

1. «Учитель открыл дверь и сидел на стуле. Учитель стоял из стуля сел на другую стул и открыл окон взял книгу себе потом на стукла. Учитель с кармане две платок один был черный, а другой белое платок на столу, а черный платок оставил на тетраде, которая лежащая на парте. Ученика VI-го отд. Сапарбек Садыкбеков».

2. «Учитель стоял и открыл дверь и сидил на место. Учитель клапотал руки и пошв около стола и достал книг и читал. Учитель достал карманы два платок один черный и другой белый платок он положил на столе а черный на парте. Учен».

3. «Учитель взяли из кармана платок две и паложили одну на стале а другую на парте. VI-го отделения 24-го октября горад Ташкент Джура-Бай».

Пятое отделение дало 11 работ. Приведем по одной фразе из нескольких работ:

«Вынимал на лева свою халату».

«Вынула из кармана паток и положиль кармана».

«Учитель визал на парте маленкт книжки».

«Положил маленький книжка, книжку высунул в карману» и т. д.

Приведя эти примеры «грамотности» учащихся Ташкентской шестигодичной школы, Бобровников заключает:

«Таким образом, и в гор. Ташкенте, где проживает и лично авторитетно руководит ведением дела создатель системы русско-туземных школ (т. е. С. М. Граменицкий.— *К. Б.*), успехи учащихся в русском языке не отличаются существенно от успехов училищ, о которых сказано выше».

Общая оценка результатов занятий в русско-туземных школах по системе Граменицкого, сделанная Бобровниковым на основе анализа ученических работ, программ и учебников, состоит из следующих положений.

1. В школах Туркестана широко практикуется механическое списывание детьми печатных слов и фраз. Такая методика обучения письму более полстолетия оставлена, как непригодная. Подобные работы дают учащимся в отсталых учебных заведениях только как наказание за крупные школьные провинности.

2. Учащиеся не имеют понятия о согласовании прилагательных с существительными, совершенно не освоились с произношением русских слов и произносят их по-тюркски.

3. Никакого намека на систематичные разговорные уроки в русско-туземных школах Туркестанского края нет. Чтение по-русски совершенно не связано с разговорным материалом. Занятие русской орфографией есть механический перенос приемов обучения русской школы с узбекскими детьми, что свидетельствует о полном игнорировании духа узбекского языка.

4. Знакомство с письменными работами детей, а также с другими занятиями учеников по русскому языку, анализ программ и теоретических рассуждений руководителей русско-туземными училищами в Средней Азии «убеждает меня в том, — пишет Бобровников, — что вся организация создана без участия людей, филологически образованных и практически знакомых с методами преподавания языков. Люди, имеющие понятие о строе тюркских языков, тоже, очевидно, в этом создании не принимали участия»[1].

Приведенная оценка системы обучения детей тюркоязычного населения русскому языку в русско-туземных школах, сделанная Бобровниковым, освещает качество педагогической работы этих школ с новой стороны. Местные русификаторы счи-

[1] Намек на Остроумова — противника Граменицкого.— *Ред.*

тали, что ими создан превосходный тип «инородческой школы», в которой применяется наилучшая система обучения. Но вот приехал их же политический единомышленник, осмотрел школы и сказал, что в основу всей системы положена отсебятина, нарушающая филологические законы русского и тюркского языков, а также законы мышления и восприятия и усвоения детьми словесных образов и звуков. Он утверждает, что учебники, составленные Граменицким и принятые в русско-туземных школах в обязательном порядке, построены филологически и методически настолько неправильно, что по ним нельзя научить детей правильно читать по-русски. Таковы критические замечания, сделанные директором Казанской учительской семинарии по адресу системы Граменицкого и результатов преподавания русского языка по его методике и его учебникам в русско-туземных школах Туркестанского края.

К критике Бобровникова, интересной по специальным филологическим замечаниям, следует, однако, отнестись осторожно на том основании, что Бобровников — горячий последователь Ильминского и его преемник в роли директора Казанской учительской семинарии — являлся после Ильминского признанным лидером другой системы обрусения нерусских народов, чем та система, которую проводил Граменицкий в Туркестане. Конечная цель у них была одна и та же — обрусение, но исходные идеи и пути поставленной цели были разные. О существе их расхождения мы уже говорили; добавим только одно: по словам Граменицкого, в школах, организованных по системе Ильминского, воспитывали адептов православного вероучения, а его система этой цели не ставила.

Одним из главных информаторов Бобровникова в Ташкенте явился, несомненно, Остроумов — тоже из школы Ильминского. А между Остроумовым и Граменицким острая вражда существовала издавна, и о ней открыто говорили в Ташкенте, так как она отражалась на делах школ.

К критике русско-туземных школ Бобровниковым надо отнестись осторожно еще по следующим основаниям.

П. С. Поршаков в своих воспоминаниях (см. стр. 347, примеч. 4) говорит о высокомерии «ревизора» Бобровникова и рисует нетактичный его подход к детям обследуемой школы; статьи Бобровникова в «Журнале Министерства народного просвещения» Поршаков называет «тенденциозными».

Из восьми русско-туземных школ, посещенных Бобровниковым, семь находились не в Сыр-Дарьинской области, т. е. вне прямого руководства Граменицкого, а это обстоятельство, как будет видно из дальнейшего, было существенным.

Русско-туземные школы в Сыр-Дарьинской области. В Сыр-Дарьинской области количество русско-туземных школ, число учащихся в них и оканчивающих эти

школы обгоняло другие области. Этот факт можно подтвердить сопоставлением количества русско-туземных школ по областям.

Таблица 18

Годы	Сыр-Дарьинская	Ферганская	Самаркандская	Закаспийская
1890	12	5	5	—
1900	23	10	8	—
1905	29	19	14	7
1910	50	18	19	13

Таким образом, в 1910 г. из 100 русско-туземных школ в четырех областях Туркестана половина находилась в Сыр-Дарьинской области. Среднее количество учащихся в одной русско-туземной школе этой области было больше, чем в остальных областях, так как из 4304 учащихся русско-туземных школ по краю в школах этой области училось 2504 чел.[1].

Наши подсчеты совпадают с данными другого исследователя.

Таблица 19

Годы	Русско-туземных школ	Учащихся в них	В среднем на одну школу
По всему Туркестанскому краю			
1895	23	447	19
1900	41	1305	31
1906	83	2265	27
1909	98	3077	31,3
Отдельно по Сыр-Дарьинской области			
1894	12	254	21
1900	23	722	31
1909	34	1354	39
1911	54	2658	49
1915	65	3400	52

По данным Совета туркестанских мусульманских учителей, в 1917 г. в Туркестанском крае существовало 167 русско-туземных школ, из них в Сыр-Дарьинской области 65 школ[2].

Таким образом, около половины русско-туземных школ находилось обычно в Сыр-Дарьинской области. Наполненность русско-туземных школ учащимися была наибольшей в этой области. В отличие от других областей здесь полный курс русско-туземной школы заканчивало относительно большое число учащихся: в 1895 г. — 11 человек, в 1900 г. — 47, в 1908 г. — 93, в 1911 г. — 133, в 1915 г. — 229.

Первоисточником, двигавшим расширение сети русско-туземных школ, явилось развитие экономической жизни в Туркестанском крае и связанный с этим развитием рост культурно-экономических запросов его коренного населения, а ведущую роль среди этого населения выполняли, как об этом сказано раньше, торгово-промышленные слои Сыр-Дарьинской области, в особенности купечество г. Ташкента.

Среди городов Туркестанского края по количеству русско-туземных школ, числу учащихся в них и оканчивающих курс первое место занимал Ташкент: в 1915 г. в нем было 11 таких школ, и все они были переполнены учащимися коренного населения[1].

Местное купечество г. Ташкента вело борьбу за расширение сети русско-туземных школ в старом городе. В заседании городской думы 30 января 1912 г. гласный думы Сеид-Каримов, крупнейший купец Туркестана, миллионер, выступил с критикой плана всеобщего обучения детей в Ташкенте, представленного городской управой на утверждение Ташкентской городской думы. «Дети туземцев по улицам шатаются, вместо того чтобы учиться в школах, — сказал он. — Наши гласные не знают русского языка; неужели и наши дети должны находиться в таком же положении?» Другой гласный — Ариф-Ходжинов, также богатый купец, высказал пожелание, чтобы половина тех средств, которые расходуются на всеобщее обучение в русской части г. Ташкента, была ассигнована на открытие русско-туземных школ. «Мы просим ходатайствовать об этом,— говорил Ариф-Ходжинов,— так как 6000 мальчиков в туземном городе бегает по улицам»[2].

Почему русско-туземные школы действовали наиболее успешно именно в Сыр-Дарьинской области и особенно в Ташкенте?

После революции 1905—1907 годов, когда русский капитализм достигает широкого развития и вовлекает народы Средней Азии в экономический оборот, русский язык сделал-

---

[1] Архив Академии педагогических наук РСФСР, ф. 27, ед. хр. 48.

[2] М. Ф. Думенко, Русско-туземные школы Туркестана, диссертация, стр. 143—144 (Ин-т теории и истории педагогики АПН РСФСР).

[1] В 7 четырехлетних русско-туземных школах Ташкента насчитывалось в среднем учащихся: в 1907 г.—по 99 человек, в 1913 г.—по 110; в Ташкентской шестилетней русско-туземной школе обучалось в 1907 г. 237 человек, в 1913 г.— 345. В Ташкенте в 1910 г. (по данным Всероссийской школьной переписи) были случаи отказа принять детей в русско-туземную школу из-за недостатка мест. Успеваемость учащихся русско-туземных школ г. Ташкента в XX в. значительно поднялась: из 132 выпускников 1906—1908 гг. только 9% обучалось более положенных четырех лет.— *Ред.*

[2] ТВ, 1912, № 27.

ся наиболее удобным, жизненно необходимым средством общих торговых сношений. В этом секрет популярности русско-туземных школ в Туркестане в последние годы перед революцией 1917 года; эти школы вооружали туркестанскую национальную молодежь знанием русского языка для участия в экономической жизни края, а также и для дальнейшего самообразования.

Население Сыр-Дарьинской области сильнее других областей было вовлечено в торгово-промышленную жизнь края, особенно после открытия в 1905 г. движения по железной дороге Оренбург — Ташкент. К тому же в Сыр-Дарьинской области в сравнении с другими областями края была значительная прослойка русских людей (кроме городского русского населения, имелось несколько русских сел). Поэтому-то рост сети русско-туземных школ и количества учащихся в них происходил значительно интенсивнее в Сыр-Дарьинской области, чем в других областях Туркестана.

Нужно учитывать также, что русско-туземными школами Сыр-Дарьинской области более четверти века руководил наиболее деятельный из школьных инспекторов Туркестанского учебного округа — *Граменицкий*. Если в его «системе» содержание обучения и его методы вызывали серьезные нарекания, то Граменицкий в Сыр-Дарьинской области прекрасно обеспечил организационно-техническую сторону наглядного обучения.

Обходясь без посредничества ташкентских магазинов, инспекция народных училищ Сыр-Дарьинской области выписывала учебные пособия для школьной сети непосредственно от производителей (например, от известных в свое время учебных мастерских Вятского губернского земства). Это, писал Граменицкий[1], «отнимает много труда и времени», но «только при этих условиях» на полученную экономию (наценка ташкентских магазинов была от 70% до 250% и выше стоимости товара на месте изготовления) оказалось возможным хорошо снабдить начальные школы области и письменными принадлежностями, и наглядными пособиями, и книгами для чтения. В подтверждение приведем факты.

В упоминавшихся «Воспоминаниях» П. С. Поршакова говорится: «...в классе (3-й русско-туземной школы в Ташкенте в 1908/09 учебном году.— *Ред.*) все стены были в цветных картинах прекрасного издания: мир растений, рыб, пресмыкающихся, насекомых, домашних и диких животных, строений, рек, озер, городов, мостов, деревни и проч. В классе были стоячие счеты, разрезная азбука, таблица умножения и многое другое, вплоть до игрушечного поезда с вагонами на

[1] С. Граменицкий, Очерк народного образования в Туркестанском крае, Ташкент, 1896, стр. 30.

рельсах, который приводился в движение паром при нагреве воды в котле спиртовкой. Учебными пособиями учитель был вполне обеспечен, и это намного облегчало проведение урока по русскому языку и арифметике»[1]. В учебнике Лаврова есть фото Ташкентской шестилетней русско-туземной школы: на снимке изображен класс, стены которого сплошь завешены наглядными пособиями[2].

Заведующий 3-й русско-туземной школой в Ташкенте А. В. Васильев, по воспоминаниям П. С. Поршакова, «был автором многих учебных пособий; в школе под его непосредственным руководством разрабатывались такие наглядные пособия, как «Хлопок и что из него делается», «Нефть», «Каменный уголь» и др. Эти пособия, с разрешения дирекции народных училищ, рассылались в другие русско-туземные школы Ташкента и в другие города Туркестана».

Граменицкий не знал тюркских языков, и это послужило причиной грубых ошибок в разработанной им для русско-туземных школ наглядно-разговорной системе обучения русскому языку.

Как математик (он — питомец Петербургского университета) Граменицкий оставил в истории школ Туркестана положительный след. Он требовал от учителей вовлекать весь класс в самостоятельную работу. Составленные им арифметические учебники высоко ценились туркестанскими учителями; его задачник, напечатанный до революции 13 раз, был по просьбе учителей переиздан Госиздатом Туркестанской АССР.

Говоря о роли Граменицкого в развитии русско-туземных школ Сыр-Дарьинской области, нельзя не отметить его внимание к начинающим учителям, которых при посещении уроков Граменицкий учил «учить на уроке», а не путем домашних заданий и искать к ученику индивидуальный подход[3].

Однако успехи в Сыр-Дарьинской области не решали в целом дела русско-туземных школ.

Главные недостатки русско-туземных школ. Наиболее важной стороны результатов обучения в русско-туземных школах коснулся крупный русский деятель в Турке-

[1] М. В. Лавров, Туркестан. География и история края М., 1914 (стр. 49) и 1916 (стр. 54).

[2] Разумеется, методически неправильно сплошь покрывать классные стены наглядными пособиями; здесь эти факты приведены только как иллюстрация обилия наглядных пособий в русско-туземных школах Сыр-Дарьинской области.

[3] Об этом говорят «Воспоминания о С. М. Граменицком» Е. Н. Жихаревой, заслуженной учительницы УзССР, зав. педкабинетом Куйбышевского р-на г. Ташкента (рукопись 1957 г., хранится в УзНИИПН). См. также кн.: Сергей Михайлович Граменицкий, директор народных училищ Сыр-Дарьинской области. К 35-летию педагогической деятельности (1 июля 1881 г.— 1 июля 1916 г.), Ташкент, 1917, 88 стр.— *Ред.*

стане, бывший учитель первой русско-туземной школы, открытой в Ташкенте в 1884 г., В. П. Наливкин. В 1912 г.[1], описав, какие злоупотребления со стороны русской и туземной администрации развернулись вокруг русско-туземных школ, он ставит вопрос: какую же пользу принесли эти школы коренному населению?

«Более 20 лет прошло с тех пор, как мы принялись за осуществление проекта — покрыть край сетью полезнейших учреждений, именуемых русско-туземными школами,— пишет Наливкин,— много грязного и безнравственного сделано было на этом поприще, если не нашими руками, то во всяком случае с нашего ведома. Какую же пользу принесли в течение 20 лет несколько десятков этих школ русскому делу в крае и туземному обществу, много заплатившему за эту затею?» Наливкин показывает, что в течение 20 лет через эти школы прошло несколько тысяч туземных мальчиков. Часть их разбегалась и разбегается, не окончив курса. Другая, усвоив кое-что, быстро и невозвратно забывает все воспринятое, ибо по роду, по образу своей жизни они почти не соприкасаются с русскими людьми. Лишь наименьшая часть использует усвоенные знания русского языка и арифметики, работая в качестве торговцев мелкой и средней руки. «Что же выиграли мы, что выиграли туземцы от того, что в течение 20 лет на туземных базарах появилось несколько десятков или даже сотен лишних лавочников, знающих русский язык? И может ли этот факт иметь не только государственное, но даже сколько-нибудь серьезное общественное значение?»— спрашивает он. «Вместе с тем, проанализируйте тщательно мировоззрение этих бывших учеников русско-туземных школ,— продолжает Наливкин,— проследите их инстинкты, вкусы, стремления и вожделения, и вы увидите, что они ничем не выделяются от тех туземцев, которые *научились тому же русскому языку не в школе,* а, так сказать, *на улице*» (курсив наш.— *Ред.*).

Словом, Наливкин упрекал русско-туземные школы за то, что если они даже давали своим ученикам знание разговорного русского языка, то все равно не влияли заметно на их общекультурный уровень.

В том же плане критиковались русско-туземные школы после Февральской революции, когда возможность объективной оценки общественного значения русско-туземных школ увеличилась и страх преследования со стороны царской администрации значительно ослаб.

[1] В интересном очерке «Туземцы раньше и теперь», печатавшемся в 1912—1913 гг. в газете «Туркестанский курьер» (отд. изд.— Ташкент, 1913).

В статье «Учебная панама»[1] дается резко отрицательная характеристика постановки обучения в этих школах, хотя местное население хотело иметь русскую школу. Автор утверждает, что возникновение новометодных мактабов в Туркестане явилось результатом недовольства населения русско-туземными школами, которые *не давали образования* учащимся *на родном языке* и тем тормозили развитие просвещения народов Туркестана. Из-за принятой системы обучения, пишет автор статьи, общеобразовательные предметы в русско-туземной школе отнесены на шестой год обучения (история, география, более сложный курс арифметики и русского языка). А так как до IV класса доходят не более 5%, то 95% не оканчивают курса школы и остаются малограмотными, «научившись, впрочем, произносить несколько слов и фраз на русском языке, механическому чтению и механическому счислению».

Недостаточность общекультурного влияния на учащихся со стороны русско-туземной школы признала Ташкентская городская управа, которая приняла решение значительно расширить в русско-туземных училищах города курс обучения в 1914/15 учебном году «ввиду острой любознательности, проявляемой туземцами», как сказано в обосновании принятого решения о расширении программы.

Культурное развитие детей коренного населения Туркестана, обучавшихся в русско-туземных школах, тормозилось невниманием к их родному языку как средству образования, что было основным пороком русско-туземных школ и системы Граменицкого. Чтобы подчеркнуть это положение, приведем еще более показательные факты.

В сентябре 1910 г. состоялся с разрешения начальника края Самсонова первый учительский съезд Семиреченской области. На съезде была принята к обсуждению обширная программа вопросов, касающихся русско-туземных школ: о научных приемах обучения русскому языку и о подготовке учителей в русско-туземные училища; о введении культурных элементов в программы туземных классов этих школ и подготовке для них учителей; о мерах к привлечению в русско-туземные школы учащихся и более правильному посещению ими классных занятий; об устройстве интернатов для «русско-киргизских» училищ; об организации занятий на вечерних курсах для взрослых туземцев и т. д. Но среди этих вопросов в поле зрения седьмой комиссии и в программе всего учительского съезда не было вопроса о школе *на родном языке* или о преподавании родных языков — казахского, киргизского или

[1] Помещена в № 9 (71) газ. «Туркестанские ведомости» за 1917 г. за подписью «Старый Туркестанец». (Можно предполагать, что автором был Н. С. Лыкошин. — *Ред.*)

узбекского — в русско-туземных школах[1]. Этой проблемой съезд русских народных учителей, руководимый своим начальством, совсем не занимался.

Политические мотивы, по которым русско-туземные школы должны были в возможной степени игнорировать родной язык учащихся, отчетливо выражены в ряде документов 1915 г.

В августе 1915 г. из Министерства народного просвещения пришел в Ташкент запрос: в какой мере удовлетворяет культурным потребностям туземцев ныне существующий тип русско-туземных училищ, какие изменения надлежало бы произвести в нем и какие меры побудительного характера признавались бы наиболее желательными для распространения среди детей туземцев русской грамотности? Запрос обсуждался в попечительском комитете Туркестанского учебного округа, который, «всесторонне обсудив этот вопрос,— как сказано в протоколе от 24 ноября 1915 г.,— пришел к следующему заключению»: основная задача русско-туземных школ заключается в том, чтобы учащиеся усвоили русскую речь и русскую грамоту. «Русский язык для них должен быть не только предметом обучения, но и орудием для дальнейшего образования и получения знаний, так как на туземных наречиях такое образование совершенно невозможно ввиду бедности и несовершенства этих наречий в литературном и научном отношениях. Не только в мадрасах, но даже в туземных мактабах учащиеся вынуждены бывают тотчас же после изучения азбуки переходить к чтению книг персидских и арабских, так как в родных наречиях нет соответствующего учебного материала... Дети на родном своем языке не воспринимают никаких почти знаний и развития, так как на их родном языке даже нет соответствующих этим целям книг и пособий, а учителя не настолько знакомы с местными наречиями, чтобы успешно вести занятия».

Отсутствие учителей, подготовленных для обучения туркестанских детей на родном языке, было, конечно, следствием царизма. По той же причине на языках народов Туркестана не было почти никакой учебной литературы. Однако книгопечатание на некоторых из этих языков постепенно развивалось. Например, по официальной статистике, в России было напечатано «на сартском языке» в 1914 г. 35 изданий в количестве 101 660 экземпляров, а в 1915 г. — 23 издания в количестве 71 710 экземпляров [2]. По словам Бобровникова [3], «эти цифры не обнимают всего литературного творчества сартов. Часть их произведений... не видит света по причинам цензурным, часть обращается... в виде рукописной литературы». И вот именно начинающееся книгопечатание на языках народов Средней Азии беспокоило попечительский комитет.

По мнению комитета, «в задачи инородческого образования не должна входить забота об искусственном развитии и совершенствовании туземных наречий с целью дать при помощи их достаточное образование детям туземцев». «Образование это,— читаем дальше в протоколе,— они должны получить при помощи русского языка, и если будут правильно поставлены занятия в русско-туземных школах, задача эта легко будет достигнута, так как по окончании этих школ дети туземцев могут поступать для дальнейшего образования в общеобразовательные русские учебные заведения»[1].

До конца раскрыл эту аргументацию главный инспектор училищ Туркестанского края Соловьев в докладе Министерству народного просвещения в том же 1915 г. Возражая против реорганизации медресе и мактабов в общеобразовательные учебные заведения, Соловьев указывает на опасность для русских колонизаторов этой реформы: «Такой путь несомненно повел бы к искусственному развитию местных несовершенных наречий и к укреплению среди инородческого населения племенных и национальных особенностей, что едва ли было бы согласно с общегосударственными интересами»[2].

Политика «тюрьмы народов» боялась развития национальных культур, как пути к свободе народов. В этом ключ к пониманию основного порока русско-туземных школ — игнорирования ими родного языка учеников.

Итоги работы русско-туземных школ. При всех больших недостатках русско-туземных школ было бы неправильно думать, что все слои коренного населения Туркестана относились к русско-туземным школам отрицательно. В последнее десятилетие перед революцией 1917 года экономическая жизнь в Туркестане быстро развивалась. Потребность в знании русского языка среди торгово-промышленных слоев коренного населения и местного пролетариата, имевших общение с русским населением, сделалась неодолимой. Эти запросы не могли удовлетворить средневековые мусульманские мактабы и медресе[3]. В значительной степени эту потребность удовлетворяли русско-туземные школы и курсы русского языка для взрослого населения при этих школах.

---

[1] ТВ, 1910, № 203.

[2] Н. А. Бобровников, Современное положение учебного дела у инородческих племен Восточной России, Пгр., 1917, стр. 25.

[3] Там же, стр. 26.

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 4519. Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1916.

[2] Там же, д. 4213, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1915.

[3] Юноша узбек на вопрос, какая школа ему нравится больше — русская или же мусульманский мактаб,— ответил: «Не знаю, как будет на том свете, но на этом свете мне больше нравится русская школа» (В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана).— *Ред.*

Если в XIX в. каждая новая русско-туземная школа открывалась под нажимом русской администрации, то в последнее десятилетие перед 1917 г. все чаще об открытии русско-туземной школы просило само население,—конечно, его верхушка. Это наблюдалось особенно часто в Сыр-Дарьинской области. Например, в 1914 г. жители Чимкентского и Ташкентского уездов возбудили ходатайство об открытии у них русско-туземных школ. Важно отметить, что об этом просило население тех кишлаков и аулов, где раньше такие школы были, но за отсутствием учащихся их перенесли в ближайшие города. Попутно узнаем, что в Чимкентском уезде раньше было собрано с населения 135 870 руб. 16 коп. на народное образование, которым местная администрация не занималась; на проценты с этих денег содержалось русско-казахское училище.

Средства на постройку зданий русско-туземных школ собирались только через принуждение; в последние годы перед Октябрьской революцией население в ряде мест охотнее шло на эти пожертвования[1].

Интерес к русско-туземным школам проявлялся не только в Сыр-Дарьинской области, но и в других частях Туркестана. Например, в феврале 1914 г. была открыта русско-туземная школа на станции Безмеин в Туркмении; 80 туркменских мальчиков изъявили желание учиться в ней.

Приведем еще некоторые факты, убедительно свидетельствующие о том, какие слои коренного населения Туркестана добивались расширения сети русско-туземных школ.

Следует сказать, что и в рассматриваемый период (1907—1917) в русско-туземных школах торжественно устраивали экзамены, на которых присутствовали начальник края или его помощник, учебное начальство, «почетные туземцы». Вот, например, описание выпускных экзаменов в 1913 г., когда окончили курс 73 ученика семи русско-туземных школ Ташкента. По этому случаю создали торжественную обстановку, присутствовал генерал-губернатор Самсонов, попечители русско-туземных школ, родители учащихся и посторонние лица из коренного населения: казии, мударрисы, старшины и другие. Учащиеся экзаменовались по чтению, рассказыванию и грамматическому разбору по русскому языку, арифметике, русской истории, географии и естественной истории.

Самсонов лично проэкзаменовал нескольких учащихся, потом беседовал с представителями населения, причем подтвердил необходимость для них изучения русского языка как языка государственного, который является главным средством сближения местного населения с Россией; начальник края обещал содействие открытию новых училищ в «туземной» части города, но потребовал материального содействия со стороны самого населения. При уходе Самсонова дети прочитали молитву «За царя» по-узбекски и пропели по-русски «Славься, славься, наш русский царь».

[1] См. ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 4519, доклады Граменицкого, 1916.

Тогда же ташкентское купечество возбудило перед Самсоновым ходатайство об открытии в Ташкенте восьмой русско-туземной школы. Самсонов распорядился изыскать на эту школу средства, и они нашлись немедленно: 3000 руб. ассигновала дирекция народных училищ, городская дума дала 3500 руб. на оборудование новой школы, а на ее содержание было дополнительно отпущено 1500 руб. Здание для школы было построено на средства, собранные местным купечеством, а участок земли под школу пожертвовал Саид-Амин Саидкасымбаев, который за это был награжден Самсоновым почетным халатом 1-й степени. В новую школу было принято 200 учащихся. 14 ноября того же года восьмая русско-туземная школа в Ташкенте была торжественно открыта; на ее открытии присутствовали начальник края и его помощник, военный губернатор, главный инспектор училищ Туркестана и другие. Новая школа получила наименование «имени генерала от кавалерии Самсонова»[1].

Среди казахов и киргизов инициаторами открытия русско-туземных училищ[2] выступали главы богатых и знатных семей[3].

Русско-туземные школы и училища охватывали меньшинство детей коренного населения Туркестана. К январю 1916 г. всего коренного населения в Средней Азии было около 7 млн. человек; норма детей школьного возраста первой ступени (8—11 лет) составляла приблизительно 8%. Если перевести эти проценты на цифры, то окажется, что детей коренного населения в 1916 г. в Туркестане было около 600 тыс.; к 1 января этого года насчитывалось 140 русско-туземных школ и училищ с 6,5 тыс. учащихся, т. е. училось в этих школах немного больше одного процента детей возраста начальной школы.

Подводя итоги деятельности русско-туземных школ Туркестанского края за 30 с лишним лет, мы видим и чрезвычайно малый охват ими детей, и ничтожный объем дававшегося

[1] ТВ, 1913, № 261—262.

[2] Среди кочевников устраивались не русско-туземные школы, а русско-туземные училища.— *Ред.*

[3] В рассматриваемый период среди национальной буржуазии в Средней Азии под влиянием джадидов росло движение за устройство новометодных мактабов. Но часть местного эксплуататорского слоя проявляла интерес к русско-туземным школам; показателен, например, факт пожертвования в 1912 году андижанской русско-туземной школе 14 танапов (около 2,25 *га*) земли по вакфному завещанию (данные А. Ф. Ардаширова). По-видимому, в Ферганской долине на школы, устраивавшиеся русской властью, делали пожертвования главным образом представители ростовщического капитала, а баи-хлопкозаводчики симпатизировали новометодным мактабам.— *Ред.*

ими образования; видим вопиющие злоупотребления, которыми сопровождалась организация этих школ, особенно в первый период их существования; видим колонизаторскую политику, целям которой призваны были служить русско-туземные школы[1].

Однако оценка того, что русско-туземные школы дали народам Средней Азии, не будет правильной без учета роли, которую сыграли русско-туземные школы в свете Великой Октябрьской социалистической революции.

Октябрьская революция упразднила русско-туземную школу как тип школы. Но в значительной мере из «материала» русско-туземных школ были построены первые советские национальные школы в Туркестанской АССР.

Менее важную, но по тому времени весьма существенную часть этого «материала» составили здания и оборудование русско-туземных школ, использованные для новых национальных школ.

Гораздо важнее был «материал» учительский. Бывшие русские учителя русско-туземных школ стали в новых советских национальных школах преподавателями русского языка; теперь они могли использовать свое знание родного языка учащихся, не будучи скованы требованиями «наглядно-разговорного метода». Многие из учителей «туземных классов» русско-туземных школ в результате длительной работы бок о бок с русскими учителями оказались подготовленными для ведения младших классов национальных школ, открытых после революции.

Существенную роль в подготовке учителей «мусульманских классов» к педагогической работе после Октября в новых условиях сыграло то, что в русско-туземных школах они видели применение в обучении наглядности, участвовали вместе с русскими учителями в устройстве ученических экскурсий.

Сохранились, например, сведения о некоторых экскурсиях учащихся русско-туземных школ Сыр-Дарьинской области: в 1911 г. в Самарканд ездили 40 учеников ташкентских городских русско-туземных школ; организатором поездки был заведующий 3-й русско-туземной школой Васильев. В 1912 г. учащиеся русско-туземных школ Ташкентского уезда также ездили в Самарканд и на свеклосахарный завод в Каунчи.

Самым важным «материалом», который остался от русско-туземных школ в наследие советским национальным учебным заведениям, были подростки — бывшие ученики русско-туземных школ, владевшие русским языком, знавшие арифметику. Именно они составили основной контингент учащихся

[1] Следующая часть заключения о русско-туземных школах написана редактором с использованием материалов автора и новых данных.

первых национальных педагогических и других профессиональных учебных заведений, открытых после Октября. Здесь из них готовились первые советские национальные кадры.

Следует отметить, что в русско-туземных школах учились вместе учащиеся разных национальностей. Например, в Казалинске в 1914 г. в русско-туземном училище учился 51 человек, из них русских учеников 5, татар — 15, узбеков — 4, туземных евреев — 4, казахов и киргизов — 23. В Ташкенте был открыт в 1915 г. интернат на 20 детей—учащихся русско-туземных училищ, из них русских было 7, казахов — 13; в живом общении дети русские учились казахскому языку, а казахи — русскому разговорному языку; в описании этого интерната сказано, что дети отлично уживаются друг с другом и выгодно отличаются своей организованностью в школах.

Здесь уместно привести указание В. И. Ленина, который осуждал насильственное навязывание русского языка в школах нерусских народов. Он справедливо полагал, что язык великого русского народа сам завоюет себе признание, ибо потребности экономической жизни всегда заставят живущие в одном государстве народности изучать язык большинства, в данном случае русский язык. «Чем демократичнее будет строй России,— пишет Ленин,— тем сильнее, быстрее и шире разовьется капитализм, тем настоятельнее потребности экономического оборота будут толкать разные национальности к изучению языка, наиболее удобного для общих торговых сношений» [1].

Не только дети охотно шли в русско-туземные школы в последние годы владычества царской власти в Туркестане,— сотни взрослых в каждой области на курсах при русско-туземных школах овладевали русским языком, стремясь участвовать в культурно-экономической жизни области или края. В качестве примера добровольного изучения русского языка укажем на такой факт. В январе 1915 г. в туркменском ауле Асхабад само население открыло курсы русского языка и русской грамоты. Учителем назначен туркмен Атта Мурадов, раньше обучавшийся в Тедженской русско-туземной школе. В информации об этом факте говорится, что интерес к изучению русского языка среди туркмен «растет с каждым днем».

Мусульманские конфессиональные школы[2]

Количество школ. Напомним, что царская администрация во второй половине XIX в. застала в Туркестане густую сеть мусульманских конфессиональных учебных заведений, что эта «хорошо организованная система народного

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 4.

[2] О новометодных мактабах см. в главе VI.

образования»[1] стала приходить в упадок в первые годы после отмены колониальной властью ханских и эмирских порядков в отношении надзора за воспитанием молодого поколения в правилах мусульманской религии.

Однако упадок был кратковременным. В условиях колониального гнета царизма привилегированные классы и мусульманское духовенство Туркестана, лишенные в своей стране политической власти, искали опоры в сохранившихся учреждениях ислама; поэтому для них идеологическая и политическая роль мусульманских школ значительно возросла.

Таким образом, феодалы, купечество и мусульманское духовенство Средней Азии не только оказывали поддержку сохравнившимся мусульманским школам, но, открывая новые медресе, продолжали создавать опорные пункты, при помощи которых они стремились влиять на трудовые массы и держать в своих руках воспитание подрастающих поколений среднеазиатских народов.

В начале 90-х годов Наливкин обнаружил, что в Туркестанском крае одновременно с упадком старинных медресе растет сеть новых небольших медресе. Например, в 1876 г. в трех областях, по неполным данным учебной администрации, было 138 медресе, а в 1893 г., по обследованию В. П. Наливкина, их стало в тех же областях 313 с 7502 учащимися. В Сыр-Дарьинской области до занятия русскими Средней Азии находилось 21 медресе, а в 1890/91 учебном году их стало 32, т. е. при царской власти появилось 11 новых медресе; они построены: в 1867 — одно, в 1872 г., 1874 г. и 1875 г.— по два; в 1878 г.— одно, в 1885 г.— два и в 1890 г.— одно; из 11 новых медресе — 3 были сельскими. В Ферганской области за более короткий период (до 1876 г.) при царской власти открыто 18 новых медресе.

Росла, хотя не быстро, сеть не только медресе, но и мактабов. По данным инспекции народных училищ Туркестанского края, общая сеть мактабов и медресе изменялась так:

Таблица 20

	1894 г*.	1899 г.	1910 г.
Число учреждений	6445	6430	7 571
Число учащихся	90 933	95 000	103 037
Среднее число уч-ся на одну школу	14,1	14,7	13,6

* Без Семиреченской и Закаспийской областей.

[1] Выражение первого туркестанского генерал-губернатора Кауфмана в его отчете царю («Проект отчета...», стр. 433).

Но очень существенно другое сопоставление: в 1910 г., по данным учебного ведомства, в крае была 7571 мусульманская школа, в которых училось 103 037 детей и юношей; в 1913 г. *учреждений стало на 100 больше.* Однако *учащихся* в них *было почти на 20 тыс. меньше*; следовательно, стремление местных эксплуататорских классов расширить сеть традиционных мусульманских школ сталкивалось с падением интереса к ним среди трудящихся. Снижение числа учащихся можно объяснить уходом детей в новометодные мактабы и русско-туземные школы, число которых к этому времени значительно возросло[1].

Наконец, к 1 января 1916 г. мактабов в Средней Азии было 7101, а медресе 449. По области эта сеть распределялась так:

Таблица 20а

	Мактабы	Медресе
Сыр-Дарьинская область	1 158	31
Ферганская область . . .	2 460	105
Самаркандская область .	3 210	196
Закаспийская область . .	271	83
Семиреченская область .	2	34

Число учащихся во всех мусульманских школах превышало 100 тысяч, но точных данных у администрации не было.

Приведенные цифры дают представление о том, какой густой сетью религиозных школ были опутаны народы Средней Азии накануне революции 1917 года. Даже такой торгово-промышленный город Средней Азии, как Ташкент, насыщенный общеобразовательными учебными заведениями, научными обществами и другими русскими культурно-просветительными учреждениями, был загружен мусульманскими религи-

[1] Сопоставление архивных статистических данных о мусульманских школах Туркестана за 1894 и 1911 гг. показывает, что по Самаркандской и Ферганской областям вместе число школ возросло на 57% (было соответственно 1813 человек и 1685, стало 2846 и 2650), но количество учащихся увеличилось только на 25% (было 19 867 человек и 33 290, стало 25 870 человек и 40 586); а по Сыр-Дарьинской области, где основную массу населения составляли казахи и лучше обстояло дело с русско-туземными школами, число и школ и учащихся уменьшилось (школ было 2546, стало 917; учащихся было 30 345, стало 19 812). По сведениям А. Ф. Ардашировой, в Андижане заметно росли мусульманские школки, содержавшиеся учительницами: в 1889 г. их было 9 с 63 учащимися, в 1914 г. их стало 25 с 546 учащимися. Учащихся девочек на 1000 мусульманских женщин в Андижане приходилось, по подсчетам Ардаширова, в 1907 г. 11, в 1914 г.— 16. Андижан был тогда по женскому «образованию» на первом месте в Туркестане.— *Ред.*

озными очагами ислама с огромной активно действовавшей агентурой. По сведениям царской администрации, в Ташкенте в 1912 г. было много соборных и 210 приходских мечетей, 183 мужских мактаба с 5295 учащимися и 88 женских с 1372 ученицами, 22 медресе с 1233 студентами и 7 корыхан с 168 будущими чтецами корана и много других религиозных учреждений, вокруг которых кормились тысячи бездельников и тунеядцев.

Многие века был придавлен трудовой народ Средней Азии религиозными традициями и обрядами мусульманского религиозного культа, преграждавшими доступ к передовой науке и технике, которые могли бы осветить и облегчить труд народных масс.

Политика царизма. Могучее воздействие революции 1905 года заставило администрацию Туркестанского края проявить в отношении к мусульманским школам некоторый либерализм. По распоряжению генерал-губернатора Тевяшева была образована комиссия, которая приняла решения: школы коренного населения могут открываться явочным порядком, т. е. без предварительного разрешения начальства, с последующим доведением до сведения администрации об открытии школы, чтобы учебное начальство могло следить «за недопущением в эти школы антиправительственных учений»; вместе с тем ни учебное начальство, ни военно-полицейская администрация «не имеют права вмешиваться ни в программы преподавания, ни в вопросы о средствах содержания, ни в назначение учебного персонала туземных школ» [1].

Для периода революции 1905—1907 годов характерно также выступление в печати Н. П. Остроумова. Как педагог, хорошо знающий мусульманские школы коренных народов Туркестанского края, в статье, посвященной мактабам Средней Азии, Остроумов резко критикует «туземную народную школу», признает ее совершенно неудовлетворительной во всех отношениях: с точки зрения гигиенической, учебно-воспитательной и жизненно-практической. По его словам, «мактабы являются мастерскими человеческой исключительности и притупления детских способностей»[2].

А через несколько страниц Остроумов, выступая в качестве защитника царского строя против революции, уже восхваляет те же мактабы: «Одну хорошую сторону, — пишет он, — прививает мусульманский мактаб ученикам — внешнюю порядливость, сопровождавшуюся скромностью и почтительностью... Другую хорошую сторону... мактаба составляет то, что он не разрушает в учащихся семейных правил и традиций, не прививает им новых привычек и потребностей и не отрывает детей туземцев от бытовой обстановки, вследствие чего... [они] возвращаются в свою среду с неизвращенными представлениями о жизни и спокойно принимаются за личный труд (земледелие, ремесло, торговля) соответственно жизненным условиям родной семьи. Указанные хорошие стороны мактаба в значительной степени зависят от патриархального строя жизни мусульман, покоящегося на религиозных основах, не колеблемых современными теориями социальных наук». По мнению Остроумова, дети мусульман, обучающиеся в начальной школе, не заражаются ложными взглядами на условия и цели жизни и на взаимные отношения.

Остроумову казалось, что представители мусульманской народной массы с предубеждением и удивлением относятся к формам народного участия в социалистических движениях. Спокойствие в мактабах привлекает его симпатии в условиях растущего революционного движения, которое, по его же словам, «в последние два года почти повсеместно наблюдается во внутренней России»[1].

С большим одобрением описывает Остроумов внутренний строй учебной жизни медресе. «Несмотря на отсутствие строго регламентированного режима, инспекторского надзора и канцелярщины, — пишет он, — в мадрасах поддерживается дисциплина. Если некоторые склонны приписывать учащимся в мадрасах фарисейскую скромность, то мы в свою очередь скорее назовем это патриархальностью в смысле древнерусского домостроя и прибавим, что современная туркестанская мадраса до сих пор остается почти нетронутою так называемою «свободою», и учащиеся в мадрасах не могут без изумления смотреть на распущенность и открытое волнение русской учащейся молодежи...» Слово «студент» в голове учащегося муллы, по словам Остроумова, вызывает представление о мятежной непорядочности. «Поэтому приходится серьезно задуматься над неразумным стремлением современных» борцов за свободу «разбудить и поднять этот спокойный, многолюдный и фанатичный мир»[2].

Остроумов высказывает соображения, как можно уничтожить вредные для учебной жизни медресе элементы: «Наше призвание — упорядочить внутренний строй этой школы, ввести в нее элементы современного знания, а для этого нужно сначала беспристрастно оценить ее старый, унаследованный от древности учебный курс, который далеко не так бессодержателен, как об этом многие привыкли думать».

Следовательно, по мнению Остроумова, если к программам медресе по мусульмановедению прибавить немного мо-

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3531.
[2] Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае. ЖМНП, 1906, II.

[1] Там же.
[2] Мадрасы в Туркестанском крае, ЖМНП, 1907, I.

нархической современности, то медресе можно сделать надежной опорой царского строя в Средней Азии.

С наступлением реакции после разгрома революции 1905—1907 годов туркестанская администрация снова меняет курс в отношении медресе и мактабов.

В марте 1909 г. генерал-губернатор Мищенко оформил новую реакционную тенденцию в «совершенно секретном» докладе министру народного просвещения[1]. «Вашему превосходительству небезызвестно, — начинает Мищенко, — что в смысле распространения грамотности туземцы Туркестанского края, особенно трех его коренных областей — Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской, — обставлены неизмеримо лучше, чем население, например, Европейской России. Густая сеть многочисленных начальных училищ (мактабы) и средних и высших учебных заведений (медресе) покрывает всю обширную территорию края»[2].

Для подкрепления своего тезиса Мищенко дает справку, что в Туркестане в пяти областях свыше 6 тыс. мактабов и более 400 медресе. «В школах этих царит мертвящая рутина,— продолжает Мищенко,— Коран и относящийся к нему кодекс шариата изучается с рвением и усердием, достойным лучшей участи».

Мищенко доносит министру, что в медресе ведется пропаганда панисламизма, пантюркизма или паназиатизма, пропитанная духом явной нетерпимости к русским. Он считает необходимым взять в руки все туземные школы, установить наблюдение за их деятельностью, распространять среди учащихся незаметно и осторожно, не показывая вида, что они идут из рук «неверных», такие книги, которые проводили бы идеи и взгляды, желательные для русского господства. В учебные планы медресе Мищенко требует ввести преподавание русского языка, русской истории и географии; постепенно заменить всех домулл и мударрисов учителями, подготовленными в учительской семинарии. Весь план можно выполнить, если подобрать хороший штат инспекторов-ориенталистов, «любящих наш мусульманский мир».

Читатель видит, что Мищенко в основном повторяет проекты, которые вносили Розенбах в 1888 г. и Духовской в 1899 г.

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3531, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1910.

[2] Запугивая высшее начальство с целью добиться новых кредитов на контроль за множеством мусульманских школ, Мищенко повторял ошибочное утверждение, которое высказывалось некоторыми европейцами в Туркестане в 60—70-х годах XIX в.: под первым впечатлением от действительного множества мактабов они, не разобравшись в сути дела, приходили к неверному выводу о широком будто бы распространении в народе грамотности. Одно из таких неправильных утверждений (Миддендорфа) приведено ниже на стр. 377. — *Ред.*

Сменивший Мищенко новый генерал-губернатор А. В. Самсонов также намеревался провести преобразования школьных систем Туркестанского края. В делах Центрального архива УзССР находим обширную переписку Самсонова с военным министром, с председателем Совета министров Столыпиным, с министрами народного просвещения Шварцем, а затем Кассо. Напомним, что основной мотив этой переписки — угрожающий рост мусульманских школ, связь национально-освободительного движения Турции, Индии и Персии с антиправительственным движением народов Средней Азии. Вся эта переписка с министрами, а также ряд совещаний и съездов военно-полицейской и учебной администрации Туркестана оформилась в несколько документов, направленных против новометодных и старометодных мактабов и медресе. В отношении мактабов и медресе администрация края выработала «Правила о мусульманских училищах Туркестанского края».

На основании этих правил медресе были подчинены строгой регламентации со стороны учебной и полицейской администрации:

1. Новые медресе открываются с разрешения Туркестанского генерал-губернатора.

2. Мударрисы в них назначаются и увольняются главным инспектором училищ.

3. В медресе употребляются только печатные книги, изданные в России или за границей, допущенные русской цензурой.

4. Учебная администрация следит за ходом учебных занятий в медресе и за соблюдением установленных для них правил.

5. Наблюдение за вакфными имуществами и правильным распределением доходов с них возлагается на областную и уездную администрацию, т. е. на военно-полицейских чиновников.

Приблизительно такие же правила выработаны и для мактабов, но с некоторыми особенностями: «Разрешение на открытие мактабов и на обучение дается только русским подданным, вполне благонадежным в политическом и нравственном отношении». И еще: «Учителями в мактабах должны состоять лица того же племени, для которого данное училище учреждается»[1].

Эти пункты были направлены против бухарских, турецких и персидских эмигрантов, а также против просветителей из татар, которые приезжали в Туркестан и открывали частные религиозные школы новометодного направления.

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3531. Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, 1910.

Таким образом, при генерал-губернаторе Самсонове и премьер-министре Столыпине был введен контроль учебной администрации за конфессиональными мусульманскими школами Туркестанского края; этот контроль был связан с начавшейся модернизацией этих школ «изнутри», помимо воли царского правительства. Контроль был введен, но его полное осуществление затруднялось отсутствием достаточного штата подготовленных инспекторов.

В обосновании этой реформы активно участвовал Н. П. Остроумов. В 1911 г. он публикует статью на тему «О необходимости правительственного контроля над мусульманскими школами»[1]. По его словам, в Турции установлен контроль за учебной работой христианских школ; на этом основании Остроумов требует такого же контроля в России и в Средней Азии за мусульманскими мактабами и медресе. Он добавляет, что в Бухаре есть надзор за мусульманскими школами. По примеру Бухары следует учредить такую же должность и в Туркестанском крае и с такими же функциями.

Последним перед революцией 1917 года документом, в котором руководитель школьного дела в Туркестане определил свое отношение к мусульманским школам края (мактабам и медресе), является «Доклад главного инспектора училищ Туркестанского края от 28 октября 1916 года» генерал-губернатору Куропаткину[2]. Под влиянием восстания 1916 г. в Туркестанском крае (в связи с мобилизацией среди коренного населения края рабочих для нужд войны) в докладе говорится, что всякие насильственные меры к реформированию мусульманских школ могут вызвать нежелательные последствия. Надзор за этими школами, советует инспектор, по-прежнему надо оставить в ведении районных инспекторов народных училищ. Кроме того, надо оставить надзор областной и уездной администрации, т. е. военно-полицейского аппарата.

Чтобы надзор за мусульманскими школами был действительным, а не бумажным, главный инспектор училищ считает необходимым возбудить ходатайство об увеличении количества районных инспекторов народных училищ. Эти мероприятия он находит нужным применить к начальным конфессиональным школам (мактабам). При существующих медресе в крупных торговых центрах необходимо открыть курсы русского языка с отпуском на их содержание средств из государственного казначейства. Эта мера, как полагает главный инспектор, не встретит противодействия со стороны местного населения, так как многие *студенты медресе,* по его сведениям, *посещают курсы русского языка*, существующие в Ташкенте при русско-туземных училищах.

[1] ТВ, 1911, № 73.
[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 4213.

По нашим сведениям, предложенные главным инспектором училищ Соловьевым меры в отношении мусульманских конфессиональных школ, начальником края Куропаткиным были утверждены. Вот и все, что собирались сделать руководители просвещения Туркестанского края для обновления программы медресе.

Русский язык в медресе. Напомним, что еще при Кауфмане купец Сеид-Азимбай предложил ввести в Ишанкульском медресе в Ташкенте некоторые современные общеобразовательные предметы и обучение русскому языку. Вопрос о реформе туркестанских медресе ставился после этого неоднократно, во всех проектах важной стороной реформы было введение курса русского языка.

По справке главного инспектора училищ Туркестанского края, до 1892 г. русский язык не был введен ни в одном медресе Средней Азии, хотя генерал-губернатор дал общее указание о принятии мер в этом направлении. Затем был заморожен проект Наливкина: ввести русский язык и другие реформы в медресе с лучшими зданиями, сосредоточив вакфные средства.

В книге, изданной за год до Великой Октябрьской социалистической революции, Граменицкий писал, что ни в одном медресе не было введено преподавание русского языка, ни одно из них не было реформировано[1]. Впрочем, это утверждение, как мы увидим дальше, требует оговорок.

В 1908 г. появляется статья Н. Остроумова на важную политическую тему: «К вопросу о государственном языке в инородческих школах Туркестанского края»[2]. Автор статьи сразу же стремится выяснить, в какой плоскости он будет рассматривать вопрос. Дальше видим, что государственный, т. е. русский, язык Остроумов требует ввести в мактабах и медресе как предмет преподавания в административном порядке, а в русско-туземных школах все предметы должны преподаваться на русском языке. По его мнению, государственный язык надо знать потому, что это язык «господствующего народа, язык правительственных учреждений, правящего класса и законов, коими управляются инородческие подданные России». Попутно Остроумов обрушивается на поляков, татар, чувашей и черемисов, которые требовали автономии «под влиянием различных «свобод». Поставив очень важную политическую проблему, автор перешел на пропаганду великодержавного шовинизма, который вызывал протест у местного населения, благожелательного к русскому народу и русскому языку. Важный политический и педагогический вопрос Остроумов затемнил

[1] С. Граменицкий, Положение инородческого образования..., стр. 96.
[2] ТВ, 1908, № 169.

реакционными рассуждениями, не имеющими отношения к поставленной политической и педагогической проблеме.

В 1910 г. семиреченский губернатор издал распоряжение, чтобы при всех мусульманских школах области было введено преподавание русского языка [1].

Тенденция к принудительному введению русского языка в курс мусульманских конфессиональных школ, которая стала проявляться в годы реакции после революции 1905—1907 годов, расходилась с традиционным осторожным отношением туркестанской администрации к этому вопросу (вспомним возражения губернаторов против реформы медресе, предложенной Наливкиным в 90-х годах).

Против административного нажима в этом деле еще в 1881 г. предупреждал Саттархан Абдулгафаров, который настойчиво ратовал среди своих соплеменников за изучение русского языка; он писал: «обязательное введение русского языка во всех медресе было бы безрассудно»; по его мнению, нужно ввести русский язык в некоторых медресе, а впоследствии изучение русского языка привьется и в остальных[2].

Проявления великодержавного шовинизма и административного нажима благоприятствовали росту у руководителей медресе недоверия к реформам, предлагавшимся колонизаторами; на этой почве создалось упорное противодействие проникновению русских чиновников в эти старинные очаги мусульманской религии, укреплялось стремление не допускать преобразования их в светские учебные заведения и зачислять в штат медресе русских учителей.

Отсутствие русского языка в курсе мактабов и медресе Туркестанского края имело, конечно, невыгодные политические и культурно-экономические последствия для народов Средней Азии.

Революционно-демократические идеи и передовая культура великого русского народа все же проникали в народные массы Узбекистана разнообразными путями. Однако организованное привитие русской культуры молодому поколению народов Средней Азии при помощи обучения в общеобразовательных школах до революции 1905—1907 годов имело в Туркестанском крае весьма ограниченные масштабы. Широкому распространению передовой русской культуры препятствовали косность и фанатизм мусульманского духовенства, а еще в большей степени реакционная политика царской власти, которую проводила в Туркестанском крае военная, гражданская и учебная администрация, поддерживавшая отсталые, реакционные слои местного населения, чтобы использовать и мусульманское духовенство в идеологическом обуздании трудящихся.

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3384.
[2] ТВ, 1881, № 47.

Учащаяся в медресе молодежь чувствовала требования жизни лучше, чем мударрисы. В октябре 1904 г. в Ташкентское отделение Общества востоковедения поступило письмо от мулл (учеников) ташкентских медресе с просьбой открыть класс русского языка при медресе Ходжа-Ахрар или Беглярбеги [1]. Созданная обществом комиссия нашла, что «на первое время, во избежание неудовольствия со стороны мударрисов, было бы желательно открыть эти классы не на вакфные суммы медресе» [2].

Секретарь Общества востоковедения Ягелло «дважды ездил в старый город, но переговоры ни к чему не привели, так как мударрисы окончательно заявили, что желающих обучаться русскому языку среди их мулл не имеется. Ввиду этого просьба мулл оставлена без последствий».

После 1905 г. интерес учащихся медресе к изучению русского языка возрос.

Напомним, что в упомянутом выше «Докладе главного инспектора училищ Туркестанского края от 28 октября 1916 года» генерал-губернатору Куропаткину отмечен такой факт: многие учащиеся ташкентских медресе посещают вечерние курсы русского языка для взрослых туземцев при русско-туземных училищах. В том же докладе сообщается, что при двух ташкентских медресе курсы русского языка уже открыты «с прошлого года», т. е. с 1915 г. [3].

Модернизация старометодных мактабов и медресе. Представителям царского правительства в Туркестане долго казалось, что здесь в области культуры предстояла упорная борьба с противником, вооруженным большими материальными ресурсами, густой сетью различных мусульманских учреждений, громадным штатом фанатичного мусульманского духовенства и сочувствием к заветам ислама со стороны массы населения местного края, которое враждебно относилось к завоевателям, чуждым по религии, языку, обычаям.

Но в неотвратимом ходе истории развитие капитализма в Средней Азии после присоединения ее к России стало оказывать могущественное влияние и на окаменевшие школы ис-

[1] Оба эти медресе примыкали непосредственно к центральному базару старого города в Ташкенте.— *Ред.*

[2] Весь этот эпизод 1904 г. излагается по кн.: Протоколы Ташкентского отделения Общества востоковедения, в. V, Ташкент, 1905 (на стр. 16 — «Попытка введения преподавания русского языка в мадрасах»).— *Ред.*

[3] Эти факты отмечены и на стр. 38 юбилейного сборника «Сергей Михайлович Граменицкий» (см. библиографию). В том же 1915/16 учебном году в одном из кокандских медресе, по просьбе учащихся, русский язык преподавал заведующий соседней 3-й русско-туземной школой В. В. Иларионов. — *Ред.*

лама. Расширение торговли с Россией, проведение железных дорог, возникновение промышленности, развитие хлопководства, открытие русских школ, сближение с русским народом и другие экономические, политические и идеологические факторы вызвали новые культурные запросы среди населения Туркестана, активно участвовавшего в развитии производительных сил своего края.

Русская революция 1905—1907 годов оказалась мощным толчком к пробуждению национального самосознания народов Средней Азии; в связи с этим выросли культурные запросы населения.

В VI главе была изложена история возникновения в Туркестанском крае новометодных мактабов. Но в последние годы царизма даже в старометодных мактабах проявились некоторые признаки модернизации, вызывавшейся прежде всего конкуренцией с новометодными мактабами и русско-туземными школами.

Об этом в начале 1917 г. писал директор Казанской учительской семинарии Бобровников: «Я видел некоторые из этих учебных заведений в 1912 г.,— и в помянутом моем отчете[1] привел данные, что между этими училищами есть и училища общеобразовательные. Решаюсь свидетельствовать, что в настоящее время движение к преобразованию старинных схоластических школ настолько возросло, что школы старого типа быстро исчезают и что масса туземного населения уже учится в школах, где светские науки стоят на первом плане»[2].

Оценка положения Бобровниковым была преувеличена, но он верно подметил общую тенденцию в развитии мусульманских школ в Туркестане в предреволюционные годы.

В данной Бобровниковым характеристике мусульманских школ Средней Азии к 1917 г. важно его замечание, что прогрессивное движение среди узбеков за светскую школу пока остается вне внимания учебного начальства Туркестанского края. Это движение шло помимо административных приказов туркестанского начальства ввести в учебный план мактабов и медресе русский язык. О ничтожных результатах этих приказов в отношении медресе, как выше отмечено, сообщал в 1916 г. начальнику края главный инспектор училищ Туркестанского края Соловьев. Что касается мактабов, то их руководители говорили Бобровникову, что они желали бы ввести русский язык, но не могут, так как не имеют средств для платы учителям русского языка, а царская администрация им не

[1] Бобровников говорит о своем отчете «Русско-туземные училища, мактабы и медресы Средней Азии», напечатанном в ЖМНП в 1913 г. (есть отд. оттиск).

[2] Н. А. Бобровников, Современное положение учебного дела у инородческих племен Восточной России, Пгр., 1917, стр. 28 (отд. оттиск из ЖМНП).

помогает. Бобровников в известной мере был прав, когда утверждал, что и медресе Средней Азии стали включать в число предметов курса светские науки. Приводим из архива учебный план одного из небольших туркестанских медресе, открытых в период революции 1905—1907 годов[1].

Учебный план новометодного медресе

1. Закон божий (основы магометанского вероучения).
2. «Хадис» (священное предание учеников и сподвижников Магомета).
3. Мусульманское вероучение (история вероучений).
4. Арабская грамматика.
5. Юридическое изучение наследственных прав («Мирас ва Мухасима»).
6. Арифметика.
7. Всеобщая география.
8. История ислама.
9. Священная история.
10. Правописание арабского и тюркского языков.

В этом учебном плане отражено влияние русских школ, но в нем нет русского языка, литературы и русской истории. Это можно объяснить тем, что организаторы нового медресе — узбекские джадиды являлись правоверными мусульманами-пантюркистами и смешивали великий русский народ и его выдающихся писателей, революционных деятелей, ученых, художников с царским правительством и его военными и гражданскими чиновниками, которые угнетали и эксплуатировали народы Средней Азии. Джадиды вели себя вполне лояльно в отношении царской администрации в Туркестане, были верными слугами узбекской и таджикской буржуазии и стойкими защитниками слегка реформированного ислама.

Медресе всегда были опорой ислама, и за их стены новые веяния проникали еще медленнее, чем в мактабы.

Несмотря на противодействие царской администрации, сеть мусульманских религиозных школ по Туркестану в целом не уменьшалась, а даже несколько расширялась[2].

Воздерживаясь от реформы старометодных мактабов и медресе сверху и в то же время создавая препятствия, как мы видели в VI главе, стремлению национальной буржуазии и

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 4757, Об открытии новометодных мактабов, л. 119.

[2] В устройстве новых мусульманских учебных заведений видную роль стали играть баи (богачи), разжившиеся на даче денег под проценты хлопкоробам и на торговле. Это отмечал еще Наливкин. По сведениям А. Ф. Ардаширова, в Андижане из известных к 1917 г. 42 медресе баями было основано 17 (остальные — беками, ханскими чиновниками и ишанами); из 53 андижанских карыхан байскими считали 28 (по числу школ для чтецов корана Андижан был «ведущим») городом. В VI главе отмечалась роль, которую в устройстве *новометодных* мактабов играли баи-*хлопкозаводчики.— Ред.*

интеллигенции открывать школы современного типа на родном языке, царизм в Туркестане сам порождал предпосылки для развития пантюркизма, связанного с панисламизмом.

Из-за тормозящей реформу политики царского правительства даже во втором десятилетии XX в. значительная часть молодого поколения местных национальностей Туркестанского края проводила годы в мусульманских школах, внешняя обстановка и внутреннее содержание которых сохранялись в основном такими, какими они сложились в средние века.

Те дети, учеба которых ограничивалась старометодным мактабом, теряли напрасно несколько лет, не получив знаний, нужных им в частной и общественной жизни; немногие овладевали элементарной грамотой, оплатив эту сомнительную грамотность неоправданно большими усилиями.

Хуже обстояло дело с юношами, продолжавшими «образование» в медресе, которое продолжалось 10—20 лет и более. При столь долгом обучении основные положения современных наук — физики, химии, биологии и машинной индустрии XIX и начала XX в., богатейший мир природоведения оставались не известными студентам медресе и даже профессорам этих школ.

Тяжелые последствия для культурного развития народов Средней Азии имело то обстоятельство, что обучение в мактабах и медресе происходило на арабском языке, а не на живом языке трудового народа; поэтому в Средней Азии нередко можно было видеть, что образованные люди знали культуру арабского и персидского народов, а язык своего народа не знали, писали безграмотно на родном языке.

Многолетнее пребывание в медресе оставляло часто неизгладимый след на моральном облике его воспитанников. Правильнее сказать, что воспитательное влияние учебного курса медресе было несравненно сильнее его образовательного содержания. Учебно-воспитательная система этих школ производила глубокое и всестороннее воздействие на мировоззрение учащихся медресе и нравственное их поведение. Напомним, что в стенах мактаба и медресе проходили лучшие годы жизни значительной части населения Средней Азии.

Известный французский ученый Элизе Реклю, посетивший Туркестан в 80-х годах XIX в., писал, что под строгостью религиозных правил и обязанностей, под личиной набожности скрывается всего больше обманов и всяческих гадостей в медресе и других религиозных учреждениях ислама[1].

В конце XIX в. разложение среднеазиатских медресе часто выражалось в назначении мударрисов сверх штата, по протекции, в заполнении худжр студентами, которые не учились, а

[1] Э. Реклю, Земля и люди, т. IV, изд. Брокгауз-Ефрон, Спб., 1907.

занимались торговлей, но получали стипендии и пользовались кельей при медресе, как своей квартирой. Обычай продажи и перепродажи келий превратился в источник спекуляции и ограбления беднейших студентов. По словам местных жителей, некоторые медресе превратились из учебных заведений в ночлежные дома и приюты для бездельников-спекулянтов.

В XX в. туркестанская администрация отказалась от полного безразличия к расхищению экономии медресе вакфных имуществ. Однако в медресе оставалось достаточно «обманов и всяческих гадостей».

Неприглядную действительность в мусульманских школах царская власть в Туркестане по существу консервировала в течение полувека. Антинародность этой политики подчеркивается приводившимися фактами неоднократного безуспешного обращения за помощью к русской администрации со стороны учащихся медресе.

Профессиональное образование[1]

Педагогическое образование. Сдвиги, характеризующие развитие Туркестана после русской революции 1905—1907 годов, сказались на той отрасли профессионального образования, в которой специальное стационарное учебное заведение появилось в крае первым; мы имеем в виду педагогическое образование.

Открытая в 1879 г. Туркестанская учительская семинария более трех десятилетий являлась единственным, притом крохотным для огромной территории Средней Азии, педагогическим учебным заведением. Как мы видели (в III главе), значительная часть выпускников этой семинарии, используя полученные в ней знания местных языков, работала не в школах, а в административных учреждениях, в банках.

Разработанный при генерал-губернаторе Самсонове проект развития в крае начальных школ намечал для подготовки учителей открыть с начала 1911/12 учебного года три новые учительские семинарии: русско-казахско-киргизскую в Верном (Семиреченская область), русско-туркменскую в Асхабаде (Закаспийская область), русско-узбекскую в г. Скобелеве (Ферганская область),— а Ташкентскую семинарию освободить от приема казахов, киргизов и туркмен; эта семинария должна была, по проекту, готовить учителей для русско-туземных школ, устраиваемых среди узбекского и таджикского населения Сыр-Дарьинской и Самаркандской областей.

[1] Учет начинаний по профобразованию затрудняется разбросанностью учреждений по ведомствам, наличием частных курсов. Проведенный автором и дополненный редактором учет того, что имелось в Туркестане к 1917 г., может быть основой для дополнений путем краеведческих изысканий в республиках, областях и городах Средней Азии.— *Ред.*

Проект приближал подготовку учителей к конкретным условиям школ. Однако основной целью его было другое — разделить народы края. Необходимо, разъяснял Самсонов, чтобы в каждой семинарии учились русские совместно с учениками «только одного инородческого племени»; соединение в одном учебном заведении киргизов, туркмен и узбеков «противоречит задачам русско-инородческих семинарий, которые должны создать симпатии и связи каждого из инородческих племен с русскими, а не инородческих племен между собой»[1]. Колонизаторы боялись развития солидарности среди угнетенных народов Средней Азии.

Фактически из намеченных в 1911 г. трех новых учительских семинарий в 1913 г. была открыта только учительская семинария в г. Верном.

В Туркестанской учительской семинарии до 1 января 1909 г. за 30 лет со времени ее основания обучалось всего 522 воспитанника, из них 434 русских, 88 из коренного населения; окончило 322 человека, в том числе 49 из коренного населения, главным образом казахи. Напомним, что в 1885 г. введено преподавание узбекского и персидского языков. Об успехах семинаристов в изучении этих языков в отчете ревизии Палена сказано: «хорошо знают языки только туземцы... и те русские, которые были знакомы с ними до поступления в семинарию. По отзыву директора семинарии, преподаватели недостаточно подготовлены к этому делу, и, кроме того, ученики не проявляют настойчивости в изучении местных языков, рассчитывая на места в русских школах»[2].

Кроме русских школ, в Сыр-Дарьинской области было в 1911 г. 54 русско-туземных школы, а к 1 января 1915 г. их стало 134. Поэтому Туркестанской учительской семинарии было вменено в обязанность готовить учителей и для этих школ. А так как учебная организация в русско-туземных школах резко отличалась от русских школ, то в программу и в организацию подготовки воспитанников этой семинарии были внесены изменения; ученики выпускного класса стали проходить педагогическую практику в русско-туземных школах Ташкента.

По отзыву ревизии Палена, воспитанники семинарии, в отличие от гимназистов и реалистов, не принимали участия в революционном движении 1905—1907 годов. Через наставника и секретаря они подали заявление, содержащее просьбу внести некоторые изменения учебного характера, но их просьбу не уважили, и они смирились. В этом сказалось влияние пропитанного православно-монархическим духом режима, царившего в семинарии с ее основания.

[1] См. ЦАУ УзССР, ф. 47, д., Отношение Самсонова, л. 14.
[2] К. К. Пален, Отчет по ревизии, вып. VI, стр. 61.

Но социальный состав учащихся в семинарии был демократичнее, чем в гимназии и реальном училище; для такого состава революция 1905—1907 годов не могла пройти бесследно. Демократические настроения проявились, когда в 1910 г. среди учащихся средних учебных заведений Ташкента под нажимом начальства проходила вербовка в Туркестанский «потешный полк» —военизированную молодежную монархическую организацию. В гимназии и реальном училище вербовка шла благополучно[1], а семинаристы двух старших классов, минуя директора, обратились к генерал-губернатору Самсонову с прошением освободить их от «потешной» строевой муштры, так как будущим учителям надо много читать. Этот «возмутительный» поступок обсуждался педагогическим советом семинарии, где большинство высказалось за исключение зачинщиков. Самсонов не утвердил увольнение из семинарии, но предложил наказать «виновных» исключением из «потешного полка»[2].

Ревизия Палена в 1908 г. плохо аттестовала учителей, окончивших Туркестанскую учительскую семинарию и работавших в школах края. Из окончивших семинарию 21 чел. оставил совсем школу и ушел на работу в другие учреждения, 155 работают в школах, но очень немногие «относятся с усердием к своему делу и являются желательными наставниками во вверенных им школах». В отчете ревизии сказано, что большая часть отзывов об учителях-семинаристах сводится к тому, что они «не любят своего дела, ленивы и неаккуратны по службе, грубы, дерзки и вообще некорректны в своих отношениях к начальству и посторонним; наконец, за редкими исключениями — мало развиты и недостаточно подготовлены к педагогической деятельности»[3].

Этот отзыв требует замечаний. Во-первых, «некорректность» к начальству могла вызываться тяготами учительской жизни. Во-вторых, под влиянием революции 1905—1907 годов в среду семинаристов стали, в обход начальства, проникать свежие веяния. Вот что вспоминает П. С. Поршаков, учившийся в семинарии в 1904—1908 гг.: сверх программы проходили начальную алгебру и даже потихоньку знакомили с теорией Чарльза Дарвина (преподаватель Н. А. Меркулович); «по русской литературе читали вне программы Чехова, Леонида Андреева, Максима Горького и Льва Николаевича Толстого»[4].

[1] На совещании директоров средних учебных заведений края в 1910 г. у генерал-губернатора Самсонова директор Ташкентского реального училища Кедров резко критиковал затею с «потешными», после чего ему пришлось оставить службу в Туркестане.
[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 3533, об организации «потешных», 1910.
[3] К. К. Пален, Отчет по ревизии, вып. VI, стр. 65.
[4] «Воспоминания о педагогической работе в русско-туземных школах Ташкента в 1908—1916 гг.», написанные П. С. Поршаковым в 1952 г., хранятся в архиве УзНИИПН в Ташкенте.

Семинария, по отзывам П. С. Поршакова и других лиц, в последнее 10-летие немало делала для вооружения выпускников практическими умениями, нужными для начального учителя (навыки в связи с курсом естествознания в саду, огороде, цветнике; столярный и токарный (по дереву) труд; обязательная игра на скрипке, руководство хором; рисование и чистописание; физическое воспитание).

Противоречия между православно-монархическим направлением руководства семинарией и демократическими влияниями, проникавшими за ее стены извне, сказались в резких расхождениях жизненных путей ее воспитанников: несколько человек из них перешло из учителей в священники[1]; с другой стороны, из бывших семинаристов после Великой Октябрьской социалистической революции вышел ряд первых в Туркестане педагогов-коммунистов, активно работавших в органах народного образования[2].

С 1918 г. в помещении семинарии была организована подготовка учителей для советских узбекских школ, из чего вырос Краевой узбекский институт просвещения.

Единственная до 1913 г. на весь Туркестан учительская семинария давала слишком мало учителей. Для пополнения учительских кадров были открыты при Ташкентском и Аулие-Атинском высших начальных училищах *двухгодичные учительские курсы*. Аулие-Атинское высшее начальное училище выбрали для устройства курсов, как лучшее по учебно-воспитательной работе[3]. Из воспоминаний бывшего заведующего училищем и руководителя курсов Н. Н. Боева[4] выясняются некоторые черты этого начинания (инициатором его был С. М. Граменицкий).

Учительские курсы в Аулие-Ате открылись в 1913 г. Принимались окончившие сельские двухклассные (пятилетние) школы; поступили преимущественно выпускники городских высших начальных училищ с семилетним образованием. «Но хороший контингент давали и лучшие выпускники 2-классных сельских училищ... Это была молодежь свежая, энергичная... на курсы выделял свои лучшие молодые силы целый уезд»,— пишет Боев. В первый набор было принято 18 человек, из них 6—7 казахов.

---

[1] Заслуженный учитель УзССР Н. Н. Боев вспоминает четырех таких: Бызова Алексея, Колесникова Филиппа, Поршакова Ивана, Цветкова Ивана.

[2] А. И. Кожухов, Г. В. Коробков, Ф. Т. Оликов, Рябинский (один из инициаторов протеста против «потешных» в 1910 г.) и другие.

[3] Еще в 80-х годах заведовавший Аулие-Атинским городским училищем Н. П. Остроумов составил первый учебник «География Туркестанского края (родиноведение)», Спб., 1886.

[4] Н. Н. Боеву, заслуженному учителю Узбекской ССР Герою труда, посвящен очерк в «Учительской газете», № 109, 1957. В архиве УзНИИПН хранятся его воспоминания «Шестьдесят лет в школе — ученические и учительские годы (1886—1946)».

Преподавание общеобразовательных и педагогических предметов и воспитательная работа на курсах были распределены между педагогами высшего начального училища. «Преподаватели училища, работая одновременно на курсах, невольно подтягивались, так как чувствовали, что они являются живым примером для будущих учителей». Основное значение имело то, что курсы были устроены при хорошей школе, жизнь которой воспринималась будущими учителями повседневно.

«Уже курсанты первого выпуска зарекомендовали себя как надежные школьные работники». Курсы просуществовали около 5 лет, дав за 4 выпуска более 80 учителей.

В 1912 г. был поставлен вопрос об открытии в Ташкенте учительского института для подготовки учителей в городские училища по положению 1872 г., преобразованные позже в высшие начальные училища, которых в крае к 1 января 1915 г. имелось 26. За три года городские училища закончило 714 человек, что давало контингент для поступления в учительский институт и последующего обновления педагогического персонала высших начальных училищ (из 103 учащих в этих училищах только 49 имели институтское образование) и расширения их сети в крае. В 1915 г. учительский институт в Ташкенте был открыт, и на его первый курс принято 25 человек[1]. По общей программе всех учительских институтов дореволюционной России эти двухгодичные учебные заведения относились к типу средних школ[2]. Ташкентский учительский институт сделал два выпуска: в 1917 и 1918 гг. В каждом выпуске окончивших было менее 20 человек; во втором выпуске, кроме русских, было несколько казахов. При учительском институте развертывалось образцовое училище. Возглавлял институт опытный методист-словесник Н. В. Шеманский; в советское время он много лет преподавал русский язык в нерусских группах ташкентских техникумов и вузов и оставил у множества учеников благодарную память.

Русские начальные школы в городах и отчасти селах Туркестана продолжали получать учительниц из выпускниц женских гимназий. Туркестанские женские гимназии были семиклассными, небольшой курс педагогики с элементами методики проходился в VII классе. (В последние годы при туркестанских женских гимназиях устраивались «группы восьмого класса», но не педагогические, а для подготовки в высшие учебные заведения.)

Женщины стали допускаться на учительские места в мужские школы. После революции 1905—1907 годов в некоторых

---

[1] ТВ, № 147, 1913; № 216, 1915; журн. «Туркестанский учитель», № 1—2, 1917.

[2] До Великой Октябрьской революции в России было 48 учительских институтов.

мужских средних учебных заведениях появились женщины — преподавательницы иностранных языков. В связи с призывом учителей в 1914 г. в армию женский педагогический труд в мужских учебных заведениях применялся шире. В высшие начальные училища допускались учительницы с гимназическим образованием после сдачи специальных дополнительных экзаменов.

Среди молодых учителей, приезжавших в Туркестан на работу и получивших образование в Европейской России, издавна имелись питомцы историко-филологических факультетов педагогических институтов (Нежинского и Петербургского) и университетов (главным образом Московского и Петербургского), учительских институтов (Белгородского, Оренбургского и др.) В последнее 10-летие появились окончившие высшие женские курсы (в Москве, Петербурге); большей частью это были возвращавшиеся в край бывшие выпускницы туркестанских женских гимназий.

Коммерческое образование. Подготовка торговых и счетных работников и вспомогательного конторского персонала была относительно развитой отраслью профессионального образования в Туркестане.

Для обслуживания интересов туркестанского купечества существовали, как мы знаем, коммерческие училища в гг. Коканде (с 1906 г.) и Ташкенте (с 1907 г.). Общеобразовательный курс этих училищ соответствовал курсу реального училища, сверх того давалось специальное коммерческое образование [1].

Кроме того, были открыты в Ташкенте две торговые школы: одна на городские средства (с 1913 г.), вторая — частным лицом на коммерческих началах.

Счетоводно-бухгалтерское отделение имелось в женской профессиональной школе Малиновской, о которой речь ниже.

Открывались, главным образом в Ташкенте, краткосрочные частные курсы: счетоводно-бухгалтерские [2], машинописи, стенографии [3].

Для *коренного населения* Ферганской области стали открываться с 1914 г. краткосрочные курсы упрощенного счетоводства, что было связано с организацией товариществ мелкого кредита, которым администрация оказывала поддержку, поскольку в годы войны возникла острая потребность в усилении отечественного производства хлопка. Через товарищества мелкого кредита некоторые круги прогрессивной общественности в те годы надеялись помочь дехканам-хлопкоробам и кустарям, которые «были положительно окружены плотной стеной разного рода посредников... кучкой ростовщиков, опутавших их крепкими экономическими нитями», причем положение дела «несколько напоминает былую крепостную зависимость» [1].

Так как «поголовная неграмотность населения Ферганы» ставила «дело кооперации в самые невозможные условия» [2], то областной инспекцией товариществ мелкого кредита были открыты для подготовки счетоводов краткосрочные курсы в 1914 г. в гг. Андижане и Скобелеве [3], в 1916 г. — в кишлаке Учкургане, Скобелевского уезда. На бесплатные двухнедельные курсы в Учкургане было принято 64 человека; успешно окончило 34 человека [4]. Курсы организовывались главным образом благодаря энергии инспектора мелкого кредита М. В. Никулина, бывшего учителя (питомца Туркестанской учительской семинарии), хорошо владевшего узбекским языком.

Сельскохозяйственное образование. Гораздо медленнее двигалась подготовка в Туркестане квалифицированных кадров по сельскому хозяйству, в которых особенно остро нуждался край. К 1905 г. в Туркестане существовали только низшие сельскохозяйственные школы: с 1902 г. в Ташкенте—сельскохозяйственная гидротехническая школа, с 1904 г. в Самарканде — школа садоводства и виноделия и др. [5].

Еще в 1897 г. был возбужден вопрос об открытии в крае средней сельскохозяйственной школы в виде отделения при Ташкентском реальном училище с сельскохозяйственной программой начиная с IV класса. Отделение это предполагали разместить близ Ташкента в имении Капланбек и развернуть его в самостоятельное училище с двумя отделениями: для подготовки специалистов по садоводству и виноградарству с виноделием и гидротехников средней квалификации. Почти 20 лет разные канцелярии «обсуждали» этот вопрос, много писалось о нем в ташкентской печати, а когда наконец все было подготовлено для открытия училища, то в 1915 г. из Петербурга

---

[1] В Ташкентском коммерческом училище седьмой и восьмой годы обучения назывались курсами и почти заполнялись спецпредметами; в Кокандском училище специальным был только VIII класс, зато некоторые спецпредметы вводились в младших классах. (См. кн.: Обзор деятельности Алексеевского коммерческого училища в Ташкенте за 1914/15 учебный год, Ташкент, 1915; Годовой отчет 8-классного коммерческого училища Общества распространения коммерческого образования в г. Коканде за 1912/13 учебный год, Коканд, 1913).

[2] См., напр., ТВ, 1902, № 96; 1909, № 40.

[3] О стенографических курсах вопрос поднимался в «Туркестанских ведомостях» еще в 1887 г. (№ 51).

[1] М. Никулин, Из кооперативной жизни Ферганы, «Ферганские областные ведомости», № 22, 24, 25 и 27, 1916. Цит. по отд. оттиску, стр. 28, 29, 30.

[2] Там же, стр. 39.

[3] ТВ, 1914, № 218.

[4] «Ферганские областные ведомости», 1916, № 121.

[5] Сельскохозяйственные школы Семиречья и Закаспия названы на стр. 145.

пришло извещение, что мировая война поглотила все средства и дело откладывается на неопределенное время [1].

Аналогичная история повторилась с открытием среднего промышленного училища для подготовки агрономов-хлопководов, проект которого был составлен в 1911 г. и также не получил движения, хотя культура хлопка занимала в крае ведущее положение и вообще сельское хозяйство в Туркестане являлось основой благосостояния местного населения. Для подготовки кадров землеустройства организовывались временные землемерные курсы в Ташкенте [2] и Верном; по окончании курсов ученики получали звание помощника землемера; спрос на землемеров был вызван работами по землеустройству русских крестьян-переселенцев. Словом, открывали в Туркестане школы и курсы для подготовки работников, могущих обслужить элементарные запросы края.

В связи с первой мировой войной поднимался в 1916 г. вопрос о сельскохозяйственных курсах для инвалидов [3].

Техническое образование. Техническое образование зародилось в Туркестане для обслуживания хлопкоочистительных заводов (ремесленное училище в Ташкенте с 1896 г.) и железной дороги (низшее железнодорожное техническое училище в Ташкенте с 1904 г.).

При Управлении Туркестанского почтово-телеграфного округа была школа для подготовки работников связи.

Поскольку царское правительство рассматривало Туркестан как колонию и тормозило его индустриализацию, техническое образование здесь не развивалось, хотя в местной печати не было недостатка в соответствующих призывах, начиная со статьи в «Туркестанских ведомостях» в 1887 г. «Необходимость низших технических и ремесленных школ» [4]; была даже попытка организовать в Ташкенте в 1912 г. авиационную школу [5].

В Ташкенте были изданы некоторые учебники для целей технического образования [6].

Из среды прогрессивной русской общественности исходили проекты устройства школ и курсов для развития местных кустарных промыслов и вооружения техническими знаниями *коренного населения* Туркестана. Практическим мероприятием

[1] ТВ, 1915, № 32.

[2] Газ. «Туркестанский курьер», 1912, № 226; «Туркестанские ведомости», 1912, № 227.

[3] ТВ, 1916, № 255.

[4] ТВ, 1887, № 10.

[5] Газ. «Туркестанский курьер», 1911, № 67 и 91; «Ташкентская правда», 1960, № 47.

[6] А. А. Комов, Механика. Руководство для реальных и технических училищ, Ташкент, 1908 (с 20-ю таблицами чертежей и задачником); И. Ф. Горский, Начало высшего анализа (Курс VII класса кадетских корпусов), Ташкент, 1912.

в этом направлении было устройство в Асхабаде при женском городском училище курсов ковроткачества; обучение на курсах вела туркменка Огуль Тадж-Мурадова [1]. Были и такие скромные начинания, как показ усовершенствованного способа сушки фруктов на упоминавшихся курсах счетоводов товариществ мелкого кредита в кишлаке Учкурган, Скобелевского уезда, в 1916 г.

Сами кустари-шелкоткачи в Маргелане поднимали вопрос об устройстве мастерской учебного характера [2].

Медицинское образование. Элементы медицинского образования появились в Туркестане в XIX в. при русских военных госпиталях и «лечебницах для туземных женщин и детей» в виде индивидуального обучения оспопрививателей и повитух из местного населения. В Ферганской области в 1905 г. числилось 75 «оспопрививателей туземцев» [3].

В XX в. при туркестанских военных госпиталях устраивались в связи с русско-японской и русско-германской войнами курсы медицинских сестер [4].

Художественное образование. В Ташкенте существовали частные школы: школа декоративной и общей живописи, организованная группой местных художников, и музыкальная школа. Выше говорилось о школе ковроткачества в Асхабаде.

Женское профессиональное образование. Школа ковроделия была в дореволюционном Туркестане, кроме подготовки повитух при лечебницах, единственным начинанием по профессиональному образованию для женщин *коренного населения.*

Вопрос о профессиональном образовании для европейских женщин был поднят в краевой печати в 1888 г.[5]. Через 20 лет, в октябре 1908 г., в Ташкенте открылась первая в Туркестане частная женская профтехшкола учительницы А. М. Малиновской-Симоновой; эта профшкола позже стала частной женской прогимназией с профессиональными классами и получила права прогимназии Министерства просвещения. Учебное заведение А. М. Малиновской всякий год ко времени выпуска учащихся устраивало выставки работ учениц, выполненных в те-

[1] Было предложено открыть школы коврового производства в Ташкенте и Маргелане (или Самарканде). См. ТВ, 1911, № 16.

[2] М. Никулин, Из кооперативной жизни Ферганы, 1916, стр. 36—37.

[3] Записка о состоянии Ферганской области [в 1905 г.] (ведомственное малотиражное издание), стр. 10. Далеко не все оспопрививатели за краткосрочное обучение получали прочные навыки гигиены; у оспопрививателей, «переквалифицировавшихся» из табибов (знахарей), обычно сохранялось корыстолюбие.

[4] ТВ, 1905, № 83 (заметка об экзамене на шестинедельных курсах для сестер милосердия).

[5] В. А. Кулетов, Проект профессиональной женской прогимназии в Ташкенте. ТВ, 1888, № 7.

чение учебного года (платья, шляпы, цветы, вышиванья и проч.); изделия отличались изяществом.

Кроме шитья с кройкой и художественного рукоделия, там было, как уже отмечалось, счетоводное отделение. Ученицы изучали приемы скорой помощи; имелся медпункт. В 1916 г. при школе открылся детский сад для детей от 5 до 7 лет как база проектировавшейся педагогической подготовки. Из Петербурга было предложение организовать подготовку специалистов по консервированию фруктов и овощей.

Общеобразовательная часть в профессиональной женской прогимназии следовала опыту передовых школ того времени; действовало ученическое самоуправление. В прогимназии среди русских учились внучки одного предпринимателя узбека[1].

В 1916 г. Туркестанское общество сельского хозяйства организовало в Ташкенте школу домоводства с полугодичным курсом; там преподавались гигиена, кулинария, рукоделие, велись также занятия по садоводству, пчеловодству, огородничеству, молочному хозяйству. Поднимался вопрос об устройстве школы домоводства в сельской местности с общежитием для девушек[2].

В ташкентских начинаниях по женскому профессиональному образованию многое было для своего времени передовым. Но проект сельской школы домоводства говорил о подготовке «женщин-хуторянок», отражая принятую царизмом после революции 1905—1907 годов установку на союз с кулачеством.

Высшее образование. Высших учебных заведений в Туркестане не было до Октябрьской революции. Но проекты их открытия появлялись с 1900 г.

Сначала речь шла о «специальном учебном заведении по изучению Востока»[3]. Одни из проектов *Восточного института* отражали испуг туркестанской администрации после Андижанского восстания 1898 г.; другие исходили от крупнейших ученых-ориенталистов В. В. Бартольда и С. Ф. Ольденбурга, предвидевших большие перспективы научного исследования культур Средней Азии; продолжением таких проектов была идея

[1] О школе Малиновской см. ТВ, 1908, № 227, № 108, 1912; № 111, 1913; № 48, 1917; также в кн.: Добросмыслов, Ташкент, 1912, стр. 206, 212, 306. В 1915 г. в Ташкенте издана брошюрка «Женское профессиональное учебное заведение А. М. Симоновой-Малиновской» (программы общеобразовательных предметов и рукоделия).

Александра Михайловна Малиновская, по мужу Симонова, в начале 1950-х годов, в преклонном возрасте, передала Республиканскому Институту усовершенствования учителей в Ташкенте образцы учебного оборудования и изделий своей школы.

[2] Журн. «Туркестанское сельское хозяйство», 1916, № 8, стр. 743; № 9—10, стр. 853; № 11—12, стр. 973; 1917, № 1—2, стр. 91; 1918, № 1—2, стр. 84—90.

[3] ТВ, 1900, № 11 и 94; 1902, № 24 и 33; 1906, № 143 и 165.

основания археологического института в Ташкенте. Необходимость его устройства туркестанский кружок любителей мотивировал в 1911 г. тем, что систематические раскопки, произведенные во многих местах Средней Азии, обнаружили «много драгоценных памятников старины». Историко-филологическое отделение Российской Академии наук поддержало эту мысль и постановило ходатайствовать перед правительством об открытии в Средней Азии археологического института. Это ходатайство не было удовлетворено царским правительством.

После революции 1905—1907 годов на первый план выступили проекты *технических* высших учебных заведений.

В 1912 г. в Ташкенте состоялся Туркестанский съезд по хлопководству[1]. Этот съезд принял решение об открытии в Туркестане среднего сельскохозяйственного училища и высшего политехникума. По проекту, политехникум имел отделения хлопководства, хлопковой промышленности, гидротехники с ирригацией. Здесь же участники съезда собрали 1600 руб. и постановили просить начальника края разрешить подписку в крае для сбора средств в фонд высшего политехникума. Разрешение было дано, сбор пожертвований происходил, но высший политехникум, как и среднее сельскохозяйственное училище, открыт не был, хотя в защиту идеи политехникума была организована энергичная пропаганда в местной печати.

Вот, например, статья «О политехникуме в Ташкенте»[2]. Автор утверждает, что Туркестан, равный по площади Германии, Франции и Австрии вместе взятым, не может обходиться без высшего технического учебного заведения; здесь, в Туркестане, надо готовить специалистов из людей, знающих край и его природные богатства. Россия могла бы обходиться без ввоза иностранного сырья, например, хлопка, если бы достаточно было развито хлопководство. Кроме того, в крае имеются месторождения нефти, золота, каменного угля, железных, медных и серебряно-свинцовой руд, многочисленные минеральные источники и т. п. Поэтому необходимо, чтобы край имел высшую политехническую школу практического типа, которая безусловно окупится не только подъемом общей производительности края, но даже своими собственными доходами.

Касаясь контингентов учащихся политехникума, автор дает справку, что в крае имеются 249 русских школ, из них 13 средних; число учащихся достигает 12 500 человек; если в политехникум пойдет третья часть, то существование высшей школы обеспечено. Автор полагает, что промышленники Туркестана пойдут навстречу, так как они заинтересованы в получении опытных специалистов, хорошо знающих край: «убыт-

[1] На съезде присутствовали предприниматели и специалисты.

[2] ТВ, 1912, № 292.

ки, проистекающие от отсутствия в крае политехники, так вопиют, что, казалось бы, предложение о создании политехникума в Туркестане должно быть встречено сочувственно всеми, кому дорого развитие экономической жизни России».

Несколько других статей, доказывавших насущную необходимость для Туркестана высшего технического учебного заведения с соответствующими профилями, было помещено в среднеазиатской печати[1], но до конца существования царской власти этот вопрос не был разрешен.

В сентябре 1916 г. вопрос о высшем учебном заведении в Ташкенте обсуждался на собрании Туркестанского отдела Русского географического общества. Докладчик — инженер Г. К. Давыдов предложил, учитывая особенности края, организовать в Ташкенте не университет и не институт одной специальности, а высший политехникум с отделениями: 1) агрономическим, 2) инженерным (специальности: гидротехника и обработка хлопка), 3) восточным, 4) медицинским и 5) юридическим[2].

К 1917 г. в Ташкенте имелись научные силы, которые после Октябрьской революции организовали народный университет, а позже, с прибытием научных работников из Москвы и Петрограда, влились в Туркестанский государственный университет и Восточный институт. Эти местные научные силы выросли на почве деятельности *научных обществ*. Их росту помогали устраивавшиеся в Ташкенте специальные *курсы и циклы лекций*, которые в той или иной степени приближались к уровню высшей школы.

Такие курсы сначала посвящались изучению языков Средней Азии и сопредельных стран. В первые годы XX в. в Ташкенте открывалось несколько частных курсов восточных языков (Ягелло, Ломакина и другие)[3]; в связи с конкуренцией преподавателей-частников в печати того времени, ташкентской и центральной, было много нездоровой полемики. Курсы восточных языков устраивало также Ташкентское отделение Общества востоковедения[4]. На все эти курсы записывались в основном офицеры и чиновники; к окончанию курсов из слушателей часто не оставалось почти никого.

С 1911 г. при штабе Туркестанского военного округа открылась Ташкентская офицерская школа восточных языков[5].

[1] ТВ, 1913, № 11, ст. «Высшее гидротехническое образование».

[2] «Известия ТОРГО», т. XIII, вып. 1, Ташкент, 1917, См. также ТВ, 1916, № 175, 196, 202, 212, 223, 244, 248.

[3] ТВ, 1901, № 96 и 103; 1903, № 106.

[4] С 1900 г. печатались «Протоколы Ташкентского отделения Общества востоковедения». См. также ТВ, 1909, № 44, 1910, № 3; 1911, № 289; газ. «Туркестанский курьер», 1910, № 127.

[5] Ею издавались «Вестник Ташкентской офицерской школы восточных языков» и «Приложение к Вестнику».

Попутно отметим, что в феврале 1915 г. в Ташкенте открылось военное училище, ускоренно готовившее офицеров на фронт.

Ознакомлению с историей ислама и мусульманским правом служили устраивавшиеся в Ташкенте с 1906 г. курсы исламоведения[1].

В связи с курсами восточных языков и исламоведения в Ташкенте было издано несколько учебных пособий[2].

Другим типом курсов и циклов лекций, содействовавших росту в Ташкенте научных сил, были мероприятия Туркестанского общества сельского хозяйства. Лекции специалистов, которые читались в упоминавшейся школе домоводства, посещались не только постоянным женским составом учащихся, но иногда и мужчинами.

НАУЧНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И СВЯЗЬ ИХ С ДЕЛОМ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В Ташкенте под влиянием революции 1905—1907 годов культурная жизнь главного города Туркестана стала богаче и интенсивнее (см. табл. 21 на стр. 358).

Возникновению научных обществ благоприятствовал рост в Ташкенте количества специалистов в связи с открытием учебных заведений и других учреждений. Из новых научных обществ крупнейшим было Общество естествоиспытателей и врачей Туркестанского края (с 1908 г.), возглавлявшееся психиатром А. В. Трапезниковым, который позже стал одним из организаторов высшего медицинского образования в Советском Туркестане.

Оживилась работа старых ташкентских обществ; например, Туркестанское общество сельского хозяйства с 1906 г. издавало журнал «Туркестанское сельское хозяйство»; Пушкинское общество по устройству образовательных чтений и содействию народному образованию в Туркестанском крае открыло с начала 1911 г. бесплатную библиотеку-читальню.

[1] ТВ, 1913, № 28 и 246.

[2] В. П. Наливкин, Конспект лекций по истории ислама и по мусульманскому праву, читанных в 1906—1907 учебном году, ч. I, 1908; Н. П. Остроумов, Мусульманское законоведение. Из курса, читанного в 1908/09 учебном году офицерам на курсах языка индустани, 1909; он же, Этимология сартовского языка для курсов при Ташкентском отделении Общества востоковедения, 1910; он же, Исламоведение. а) Введение в курс исламоведения, 1914. (Во «Введении...», кроме других материалов, перепечатаны статьи Остроумова о мактабах и медресе из «Журнала Министерства народного образования» 1906—1907 гг.). б) Вып. 1. Аравия — колыбель ислама, 1910. в) Вып. 3, Коран, 1912. г) Вып. 4, Шариат по школе (мазхаб) Абу-Ханифы, 1912. д) Догматы Корана, 1916. Кроме того, в Ташкенте и частью в Петербурге издан Полный персидско-арабско-русский словарь И. Д. Ягелло.

Таблица 21

	За годы		Страницы источника*
	1867—1904	1906—1911	
Открыто типографий	7	7	296—299
Начато изданий газет** и журналов	7	16	283—296 и 306
Основано обществ научных и с культурно-просветительными целями, включая организации благотворительные и профессиональные***	26	22	238—243, 309—311 и 418—443

* А. И. Добросмыслов, Ташкент в прошлом и настоящем, Ташкент, 1912.

** Если газета меняла только имя, она учтена, как одно издание. На местном языке до 1906 г. издавалась одна казенная газета, затем были две попытки издавать неофициальную газету; одна выходила в 1906—1908 гг. под менявшимися названиями — «Тараккы» («Прогресс»), «Хуршид» («Солнце»), «Шухрат» («Слово») и «Асия» («Азия»); другая — «Туджар» («Купец») — издавалась в 1907—1908 гг.

*** Без организаций, ограничивавшихся материальной взаимопомощью.

Не останавливаясь на исследовательской стороне работы научных обществ, напомним об устраивавшихся Обществом востоковедения и Туркестанским обществом сельского хозяйства курсах и циклах лекций популярного характера и повышенного типа.

Общество сельского хозяйства, возглавляемое Р. Р. Шредером (впоследствии действительным членом Академии наук Узбекской ССР), было центром борьбы за открытие в крае сельскохозяйственных учебных заведений. Вопрос об университете в Ташкенте подняли совместно Туркестанский отдел Русского географического общества (ТОРГО) и Общество естествоиспытателей и врачей.

Популяризаторская деятельность ташкентских научных обществ усилилась с началом в 1914 г. мировой войны; кроме распространения знаний, популярные лекции имели целью сбор средств в помощь жертвам войны; примером может служить лекция члена ТОРГО преподавателя географии М. В. Лаврова[1] в феврале 1915 г. на тему «Западная Украина».

В деятельности ташкентских научных обществ, особенно географического и археологического, активно участвовали педагоги. Многие научные доклады, напечатанные в изданиях этих обществ, явились результатом летних путешествий учителей по краю. Выдающийся вклад в науку сделал преподаватель кадетского корпуса В. А. Зарудный: в 1907—1914 гг. он собрал ценнейшие орнитологические коллекции.

[1] Автор учебника «Туркестан. География и история края», (М., 1914, изд. 2, 1916).

Обязанностям секретаря ТОРГО отдавали много времени преподаватели средней школы: с конца 1899 г. — Н. Г. Маллицкий, с 1902 г.— А. П. Ростковский, с 1908 г.— В. Д. Городецкий, с 1912 г. — А. В. Панков; из них трое стали впоследствии научными работниками университета, открытого в Ташкенте в 1920 г. В «Известиях ТОРГО» печаталась «Хроника научной жизни Туркестана» за 1912—1918 гг., которую тщательно вели преподаватели ташкентских гимназий Е. К. Бетгер и А. В. Панков; за период с первого октября 1912 г. по 1916 г. включительно там же помещена библиография книг и статей по туркестановедению, составленная А. В. Панковым[1].

Заместителем председателя ТОРГО и фактическим руководителем в последние годы перед Великой Октябрьской социалистической революцией был Н. Г. Маллицкий[2]. Он проводил мысль, что географическое общество в научной деятельности должно опираться на краеведческую работу, ведущуюся на местах учителями, агрономами, врачами др.[3].

Для дела народного образования особое значение должен был иметь небольшой Педагогический музей при Управлении учебными заведениями в Ташкенте. В его состав входила библиотека, содержавшая: 1) отдел учебников и руководств, 2) отдел научно-педагогический и общественный, 3) отдел периодических изданий и 4) отдел детской литературы (для всех возрастов). При библиотеке было организовано бюро новинок, содержавшее библиографию книжного рынка по указанным отделам и постоянную выставку книжных новинок; библиотека принимала комиссионные поручения по выписке книг, имелась читальня. В Педагогическом музее почти не была отражена работа национальной школы.

Важным культурным делом явилось возобновление в Туркестанской публичной библиотеке с 1907 г. уникального «Туркестанского сборника», каждый том которого состоит из журнальных и газетных вырезок и брошюр на русском и иностранном языках на темы, связанные с изучением Средней Азии (сборник за 1867—1887 гг. составил 416 томов, за 1907—1911 гг. — 120 томов).

[1] До 1.X 1912 г. составлена «Библиография Туркестана» В. Д. Городецким (т. I, Ташкент, 1913).

[2] Н. Г. Маллицкий ушел из Ташкентской мужской гимназии после столкновения с начальством; в 1901—1907 гг. редактировал газ. «Туркестанские ведомости», был выборным городским головой Ташкента. При Советской власти он — профессор Среднеазиатского университета, председатель Узбекистанского географического общества (умер в 1948 г.).

[3] Его выступления по этому вопросу отражены, напр., в «Известиях ТОРГО», т. VII, Ташкент, 1907, стр. 179 и 218.

Научные общества в областях[1]. В 90-х годах в Туркестане появились первые научные общества вне Ташкента. Это были: Ферганское медицинское общество, издававшее научные протоколы в Новом Маргелане с 1892 г., и Общество врачей Закаспийской области, печатавшее свои труды в Асхабаде с 1896 г. (издания обоих обществ выходили нерегулярно)[2].

После революции 1905—1907 годов появляется ряд изданий, свидетельствующих о росте в областных и даже уездных городах Туркестанского края научных и культурных сил.

В Асхабаде в 1906 г. начинает выпускать свое издание Лаборатория экспериментальной психологии; позже организуется Закаспийский кружок любителей археологии и истории Востока, печатавший научные протоколы[3].

В Семиречье выросла агрономическая печать, связанная с ростом переселенческого дела[4].

В уездном городе Андижане, Ферганской области, выходила в 1915—1916 гг. газета, помещавшая много краеведческого материала[5].

В Самарканде центром научного краеведения оставался областной статистический комитет, выпускавший солидный ежегодник[6].

В крае стала развиваться сеть опытных сельскохозяйственных учреждений. Крупнейшее из них — Туркестанская сельскохозяйственная опытная станция (близ Ташкента) — выпускала свои «Известия» с 1911 г.

В среде местной русской интеллигенции почти в каждом городе имелись люди, интересовавшиеся изучением края. Назовем два имени. В. Л. Вяткин (ученик В. П. Наливкина по учительской семинарии) сделал в Самарканде открытие мирового значения — нашел и раскопал в 1908 г. остатки обсерватории Улугбека (XV в.). Н. С. Лыкошин, долго служивший в Самаркандской области, оставил описания быта грамотной прослойки местного коренного населения и мусульманских школ[1]; он перевел на русский язык важный для историков труд бухарского летописца X в. и несколько литературных произведений, которые, по его словам, в Средней Азии долгое время составляли «умственную пищу широкой туземной публики, простого народа», неграмотного, но любящего послушать чтение[2].

Краеведческие описания в «Известиях ТОРГО» оставили некоторые инспектора народных училищ (П. Е. Кузнецов, В. Д. Городецкий), которым по службе приходилось много разъезжать.

Роль коренного населения. Научная работа, которая велась в Туркестане после его присоединения к России и особенно развернулась после революции 1905—1907 годов, оказывала влияние и на представителей коренного населения.

В числе каналов, по которым проходило это влияние, уже отмечались музеи и выставки. В 1912 г. ташкентская газета констатировала интерес молодежи коренного населения к краевому музею; особое внимание привлекали исторические экспонаты, предметы мусульманского ритуала, орнитологического отдела и картинная галерея русских художников[3]. На краевых сельскохозяйственных и промышленных выставках в Ташкенте демонстрировались и достижения в области культуры. На выставке в 1909 г. учитель туземных классов при 2-й ташкентской русско-туземной школе Сеид-Камаледдин-Ходжа получил награду «за успешное преподавание туземной грамоты по звуковому методу»[4].

В годы перед первой мировой войной Туркестан посещался ежегодно не менее как 20 научными экспедициями с есте-

---

[1] В этом разделе многие факты приведены на основании подготовленной к печати Узбекской государственной библиотекой им. Навои библиографии М. П. Авшарова «Русская периодическая печать в Туркестане 1870—1917 гг. Библиографический указатель», Ташкент, 1960.

[2] См. Протоколы заседания Ферганского медицинского общества; Протоколы очередных заседаний Общества врачей Закаспийской области; Труды Общества врачей Закаспийской области.

[3] а) Atenaeum Средней Азии. Научный журнал, орган Лаборатории экспериментальной психологии, Асхабад, 1906—1907. Редактор Л. Бедржицкий;

б) Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока, Асхабад, 1915—1917.

[4] В Верном издавались: в 1910—1918 гг.— Семиреченский сельскохозяйственный листок. Приложение к «Семиреченским областным ведомостям»; в 1913—1914 гг. — «Туркестанский мелиорационный бюллетень»; в 1915—1916 гг. — «Семиречье. Сельскохозяйственный и мелиорационный журнал». В уездном городе Пржевальске с 1913 г. выходил журнал «Пржевальский сельский хозяин».

[5] «Туркестанский голос».

[6] «Справочная книжка Самаркандской области».

[1] Статьи Н. С. Лыкошина собраны в его книге «Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения» (Пгр., 1916).

[2] а) Мухамед Наршахи, История Бухары. Перев. с персидского Н. Лыкошин, под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897. б) Премудрость Хазрат-Султана Арифин-Ходжа Ахмада-Яссави (могила его в мечети г. Туркестана), с тюркск. перев. Н. С. Лыкошин. Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. IX, и отд. оттиск. в) Диванаи-Машраб, Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае, с тюркск. перев. и снабдил примеч. Н. С. Лыкошин, Самарканд [1915]. г) Хатам-нама. Перев. с тюркск. Н. С. Лыкошина. В кн. «Приложение к «Вестнику Ташкентской офицерской школы восточных языков», в. I и в. II, Ташкент, 1911. Из предисловия к переводу Хатам-нама, взяты цитированные слова Лыкошина; в этом же предисловии сказано, что один из учеников местного мактаба в глухом кишлаке Яптаг, Уральской волости, Ходжентского уезда, бойко прочел вслух из Хатам-наме несколько страниц, т. е. в круг чтения старших учеников мактаба входил этот своеобразный авантюрный роман, в котором сплелся фольклор многих народов Востока.

[3] ТВ, 1912, № 55.

[4] ЦАУ УзССР, ф. 48, д. 108, л. 32.

ственноисторическими, этнографическими и археологическими целями; как сказано в одном из отчетов ТОРГО; кроме того, научные экспедиции в разные концы края снаряжались из Ташкента. Работа многих экспедиций проходила на глазах местного населения, часто в самых отдаленных углах края, и вызывала, во всяком случае среди молодого поколения, интерес; научные экспедиции в горах и пустынях Средней Азии сопровождались проводниками из местного населения; имена опытных проводников, участников ряда экспедиций, признательно отмечались путешественниками.

В списках членов Туркестанского кружка любителей археологии и Ташкентского отделения Общества востоковедения встречаются отдельные имена из старой узбекской интеллигенции Ташкента.

Соприкосновение местного коренного населения с русской наукой было, однако, в условиях царской колонии ограниченным. В тесную связь с этим надо поставить слова А. А. Семенова, сказанные в начале 1916 г. во время доклада в ТОРГО: «Хотя русские находятся в Туркестане более полувека, обширный край, в котором издавна процветала высокая культура, до сих пор остается во многих отношениях не изученным; особенно темно историческое прошлое края». «Белые пятна» в разностороннем научном познании Средней Азии стали стираться после Великой Октябрьской революции; этому много помогло то, что к передовой советской науке широко приобщилась молодежь коренного населения.

Глава восьмая

ПРИМЕНЕНИЕ РУССКОГО И МЕСТНЫХ ЯЗЫКОВ В ОРГАНАХ УПРАВЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ И СВЯЗАННЫЕ С ЭТИМ УЧЕБНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Русский язык. В предыдущих главах отмечались мероприятия туркестанской администрации в целях изучения коренным населением русского языка, а русскими служащими — местных языков. Обзор этих мероприятий в отдельной главе и за весь период с 1865 до 1917 г. связан с важным вопросом о языке делопроизводства в административных органах и в судах Туркестана и подводит к итогам школьного дела в Туркестане — колонии царской России.

С переходом под власть царского правительства делопроизводство управления краем осуществлялось, как и на всей территории Российской империи, на русском языке. «Туземная администрация» осталась только в низших инстанциях (сельские и волостные власти); «туземный суд» решал только мелкие бытовые дела.

Решение дел в более высоких инстанциях, непременно с применением русского языка, вызывало большие трудности, хотя началось свободное распространение русского языка, прежде всего среди части местного купечества, отдельные представители которого имели деловые связи с русскими торговыми людьми задолго до присоединения узбекских ханств к России.

Напомним ташкентского купца Сеид-Азимбая, который неплохо изучил русский язык еще до присоединения Ташкента к России. Его сыновья, Сеид-Карим и Сеид-Гани, учились русскому языку у домашнего учителя; на личном опыте они поняли пользу знания русского языка, хорошо овладели им и поддерживали общение с русскими торговцами и промышленными фирмами в Ташкенте и в Центральной России. Зять Сеид-

Азимбая Ариф-Ходжа также хорошо изучил русский язык, ездил в Москву и Петербург, бывал на Нижегородской ярмарке по торговым делам и совершил поездку в Париж и Лондон; русский язык служил для него средством общения с деловыми людьми за границей. Самаркандский купец Мирза Абдуллин в 1887 г. ездил в Харьков на сельскохозяйственную выставку, а затем отправился в Москву и Петербург. Насколько усердно поощряли правящие круги России сближение туркестанских купцов с русскими, можно судить по тому, что Мирза Абдуллин был представлен царю Александру III.

Из служащих и духовных лиц отметим Саттархана Абдулгафарова, который был муфтием в Чимкенте, затем казием в Коканде. Русскому языку и грамоте он научился у офицера русской армии татарина Еникеева, которого в свою очередь обучил персидскому языку. Саттархана, Джурабека, Шир-Мухаммеда и Абдуллу Ниязова Кауфман командировал в Петербург на всемирный съезд востоковедов, происходивший в 1876 г. под председательством проф. Григорьева. На съезде Саттархан и его спутники познакомились с русскими и иностранными учеными-востоковедами. Саттархан Абдулгафаров произнес речь на персидском языке о значении присоединения Средней Азии к России. Туркестанские делегаты посетили в Петербурге музеи и библиотеки, где знакомились с редкими экспонатами и рукописями восточных народов, осматривали достопримечательности столицы.

Поэт Фуркат из Коканда в 1890 г. присутствовал в Ташкенте вместе со студентами ташкентского медресе на выпускном акте в мужской гимназии; затем гости ознакомились с учебным оборудованием гимназии, с организацией учебных занятий; Фуркат написал поэтическое произведение, посвященное этому событию. Таким образом, отдельные представители прежней среднеазиатской интеллигенции, получившие мусульманское образование, сближались с русскими образованными людьми, присматривались к русским школам и прислушивались к русской речи.

Шире распространялось знание русского языка среди ремесленников и рабочих из коренного населения в Ташкенте, Самарканде и других городах Туркестана. Местные каменщики, штукатуры, плотники строили русские города Средней Азии; вся русская часть Ташкента, не исключая и церквей, была выстроена мастерами-узбеками. Работая под руководством русских инженеров, вместе с русскими рабочими, местные рабочие перенимали новые технические приемы работы, различные строительные инструменты; в свою очередь русские в Средней Азии пользовались местными орудиями, осваивали технику местного земледелия и т. п. В живом общении с русскими трудящиеся из коренного населения Туркестана практически усваивали русский язык, а некоторые — и русскую

грамоту. Кроме того, рабочие из коренного населения поступали на небольшие промышленные предприятия, сеть которых постепенно выросла после присоединения края к России; из коренного населения нанимались технические служащие (рассыльные и др.) в разные русские учреждения.

Приведенные факты не исчерпывают многообразия путей, которыми проникал в среду коренного населения Туркестана русский язык вместе с элементами русской культуры. Но владеющих русским языком среди коренного населения края было очень мало, и, что важно, они встречались, как правило, только в городах.

Волостные управители, «выбранные» (путем взяток) из местных богачей, не могли вести делопроизводство на русском языке, а уездные начальники и пристава, назначавшиеся из русских офицеров [1], не знали, за редким исключением, местного языка, не владели арабской письменностью; поэтому они держали переводчиков [2]. Уездные начальники и пристава принимали решения часто в зависимости от того, как доложил просьбу или жалобу переводчик, а среди переводчиков были нередко корыстные люди. К краевой власти поступали жалобы на уездных начальников, приставов и волостных управителей [3].

В поисках выхода генерал-губернаторы пытались организовать изучение русскими офицерами и чиновниками местных языков, но успехи были ничтожны.

После Андижанского восстания генерал-губернатор Духовской поставил перед военными губернаторами областей вопрос об обязательном введении государственного языка в письменных сношениях лиц «туземной администрации» с русскими властями и в качестве предварительной меры дал указание предложить всем «туземным властям» или по крайней мере волостным управителям использовать для официальных сношений с уездными начальниками и приставами русских пи-

---

[1] В первые годы кое-где в крае были назначены помощники уездных начальников из коренного населения. — *Ред.*

[2] Вначале переводчики были из татар, реже из башкир и северных казахов; в XX в. не редкостью являлись переводчики из коренного населения, а также из русских туркестанцев. — *Ред.*

[3] Переводчик-взяточник орудовал 10 лет в Самаркандском окружном суде, пока сам не попал под суд (И. О. Ордынец, Свет и тени Туркестана. 25 лет жизни и скитаний по Средней Азии врача и учителя, Харьков, 1925, рукопись). Среди переводчиков в краевых и областных учреждениях Туркестанского края было уже в XIX в. несколько культурных людей, получивших образование в учебных заведениях Оренбурга или Омска; они печатали материалы своих наблюдений (Бекчурин), преподавали на курсах местного языка для русских (Ибрагимов). Выдающимся переводчиком был А. А. Диваев, башкир, учившийся в Оренбургской школе переводчиков; он все свободное время собирал казахский фольклор; русские переводы его записей печатались в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области». После Октябрьской революции он издавал казахские тексты (Диваев преподавал в Восточном институте в Ташкенте). — *Ред.*

сарей. Очевидно, имелось в виду освободиться от влияния переводчиков. Духовской просил губернаторов представить заключение по этому вопросу [1].

В передовой статье того же номера газеты, где напечатан циркуляр Духовского, разъясняется это мероприятие: дети коренного населения не поступают в русские начальные и русско-туземные школы потому, что не имеют побудительных причин к тому, так как окончание курса в русских учебных заведениях «не дает туземной молодежи никаких привилегий, а приобретенные познания в русском языке и грамоте часто негде приложить к делу»; иное положение возникнет, когда делопроизводство, например, в волостных правлениях будет вестись на русском языке. При этом условии, говорится в передовой, волостные управители вынуждены будут изучать русский язык, чтобы сохранить свои должности и не являться игрушкой в руках писарей; это же обстоятельство откроет дорогу к заработку «туземной» молодежи, окончившей русские и русско-туземные школы, и окажется реальная потребность в расширении сети русско-туземных школ, которые сейчас нередко закрываются или переносятся в другие пункты вследствие недостатка учащихся.

Вслед за тем в «Туркестанских ведомостях» появилась заметка по вопросу о введении государственного языка в Туркестанском крае[2]. Автор рекомендует не приглашать русских писарей, а издать постановление о введении русского языка в делопроизводство и установить срок, в течение которого эта мера должна быть реализована. По мнению автора, русские писари и в Центральной России являются немалым злом, а в Туркестане, при неграмотном по-русски волостном управителе, будут большим злом. Они не нужны, потому что число лиц из коренного населения, знающих русский язык, ежегодно возрастает благодаря осознанной необходимости знать русский язык. Кроме того, спрос туземной администрации на таких служащих повлечет увеличение количества учащихся в русско-туземных школах из коренного населения, которые после окончания этих школ смогут вести в волостях делопроизводство на русском языке[3].

Вопрос, поставленный Духовским в циркуляре губернаторам, вышел за пределы темы о делопроизводстве на русском языке в волостных правлениях.

В № 19 «Туркестанских ведомостей» за 1901 г. появилась статья «Русский язык среди туземцев». В ней речь идет о мерах к распространению русского языка и русской литературы

[1] ТВ, 1898, № 87.

[2] Там же, № 91.

[3] Это была, конечно, утопия; в лучшем случае из окончивших начальную русско-туземную школу выходили удовлетворительные устные переводчики, но никак не письмоводители. — *Ред.*

среди населения Туркестана. Автор (Д. Логофет) пишет, что в помещенных ранее статьях был поднят вопрос о переводе русских книг на языки коренного населения Средней Азии, причем некоторые предлагали печатать переводы русским алфавитом. Он же хочет обратить внимание в своей статье на конкуренцию, которую русской книге приходится преодолевать на местном книжном рынке. В Туркестанский край, по его словам, привозят книги на татарском языке из Казани и Крыма, на персидском и арабском — из Бомбея и Калькутты, на турецком — из Константинополя. Логофет предлагает издавать популярные книги и учебники на русском языке, умело распространять их среди городского и сельского населения по самой дешевой цене и даже бесплатно; раздачу книг поручить учителям народных школ и чинам низовой администрации.

В связи с проблемой делопроизводства на русском языке руководители краевого управления усилили внимание *курсам русского языка для взрослого коренного населения.*

В 1903/04 учебном году курсы в Ташкенте посетил помощник генерал-губернатора Мациевский, который объяснял учителям, что эти школы для взрослых должны быть так же свободно открыты, как и мечети — во всякое время и для всех; по его мнению, не следует гнаться за выполнением определенной программы, надо применяться к каждому учащемуся в зависимости от той помощи, какую он ищет в русской школе. Именно в таком типе школ он видел «действительный способ сближения туземцев с русской школой и русскими людьми» [1]. Все пять курсов русского языка для взрослых в Ташкенте содержались на средства, отпущенные начальником края. В 1903/04 учебном году по всему Туркестану насчитывался 31 такой курс.

Напомним, что для повышения культурного уровня окончивших русско-туземные школы и для воспитания их в «патриотическом духе» эту молодежь стали посылать в общеобразовательные экскурсии в Москву, Петербург и другие города Центральной России. Высшее начальство края тщательно подбирало молодых людей для отправки в эти поездки.

До конца царизма туркестанской администрации не удалось в волостях с коренным населением перевести делопроизводство на русский язык. В 1909 г. генерал-губернатор Самсонов удивлялся, что представители коренного населения на торжественной встрече приветствовали его не на русском языке, а на родном.

Местные языки. Внимание туркестанской краевой власти к языкам коренных народов Средней Азии было привлечено с начала присоединения узбекских ханств к России. Инте-

[1] ТВ, 1904, № 40.

рес этот был неустойчивым, менялся под влиянием взглядов нового начальника края или в зависимости от политического курса центральной власти.

По распоряжению первого генерал-губернатора Кауфмана с 1870 г. начала печататься «Туркестанская туземная газета», которая в 1871 г. выходила два раза в месяц на узбекском и на казахском языках, а с 1883 г.— еженедельно и только на узбекском. Направление этой газеты определял начальник края, а подбирал материал для нее Н. П. Остроумов, под редакцией которого эта газета выходила вплоть до революции 1917 года. В период реакции после революции 1905—1907 годов Остроумов помещал в ней хвалебные статьи, посвященные мактабам и медресе, ученики которых не принимали участия в революционном движении. Газета имела мало читателей. До 1905 года это была единственная газета на узбекском языке.

Центром изучения языков местного населения в XIX в. была Туркестанская учительская семинария в Ташкенте. Фактически она была не только педагогическим учебным заведением, но готовила владеющих местным языком чиновников и квалифицированных переводчиков; вопрос о подготовке в стенах семинарии переводчиков дважды (в начале 80-х годов XIX и в начале XX в.) ставился официально.

Некоторые из выпускников семинарии переводили на русский язык древние памятники литературы Средней Азии (например, в Самарканде Вяткин сделал перевод местной летописи «Самария»; в г. Скобелеве Поляков, работавший переводчиком при губернаторе, переводил из «Бабур-намэ») или же современные произведения (учитель Гр. Андреев в г. Скобелеве переводил песни о новометодных мактабах[1]). Такие переводы бывали связаны с исследованиями.

Выпускники учительской семинарии по социальному происхождению принадлежали к «простолюдинам», поэтому редко поднимались выше переводчиков в царском административном аппарате в Туркестане, где более высокие посты занимали, как правило, офицеры-дворяне. Среди офицеров, переходивших на службу в управление Туркестанского края, тоже встречались лица, которые могли объясняться с местным населением: это были русские казачьи офицеры, выросшие на Сибирской и Оренбургской линиях, как например А. П. Хорошхин, автор «Сборника статей, касающихся Туркестанского края», или же офицеры русской армии из татарских, башкирских или казахских знатных семей. Но таких людей в административном аппарате было мало.

Знание языков Средней Азии очень туго распространялось среди военных и гражданских чиновников Туркестанского генерал-губернаторства. По вопросу о мерах к распространению

[1] Газ. «Туркестанский курьер», 1912, № 278, 281, 283.

местных языков среди русских служащих края происходило много совещаний под председательством генерал-губернаторов или их заместителей, но без существенных результатов.

Первые курсы узбекского языка для офицеров и чиновников удалось организовать в Ташкенте только в 1886 г.; преподавателем на этих курсах был В. П. Наливкин, в совершенстве изучивший узбекский и таджикский языки во время шестилетнего пребывания в кишлаке Нанае около Намангана в 1877—1883 гг. «Мы, слушатели, восхищались блестящим, увлекательным изложением интересующего нас предмета,— вспоминает участник курсов Лыкошин.— Простое обучение языку сопровождалось и иллюстрировалось беседой о туземных обычаях и декламацией стихов. Слушатели восхищались, но... платонически. Под конец каждого великолепного семестра глубокоуважаемый учитель учил только двух артиллерийских поручиков, из которых один служит в строю, а другой в администрации». Такова картина равнодушия царских чиновников к местным языкам.

Ташкентское отделение Общества востоковедения, возникшее в 1901 г., внесло в программу своей деятельности организацию курсов местных языков для русских чиновников и офицеров и устраивало такие курсы ежегодно.

Чтобы дать представление о характере деятельности этого общества, которое приложило немало усилий для распространения русского языка среди коренного населения и местных языков, особенно узбекского и таджикского, среди русских, остановимся на общем собрании членов общества 3 января 1902 г., происходившем в доме генерал-губернатора в присутствии начальника края Духовского. Присутствовало более 50 человек, из них около половины было почетных лиц из коренного населения. Ротмистр Асфендиаров сказал на узбекском языке, что цель общества — сближение русских и туземцев на почве торгово-промышленных интересов, без отношения к вопросам политическим и религиозным, и сообщил, что детальная программа общества будет переведена на местные языки и разослана членам[1]. В правление общества, составленного из русских, были избраны Сеид-Карим Сеид-Азимбаев, Мирза Абдулла Иса-Магометов, Мир-Агзам Мир-Аюбов и Максуд-Ходжа Ата-Ходжаев и трое из ташкентского купечества.

В тот же день на заседании правления были приняты решения: открыть в одной из русско-туземных школ старого Ташкента вечерние курсы русского языка для «туземцев»; поручить организацию и ближайшее руководство курсами русского и восточных языков секретарю правления подполковнику Ягелло, а в помощь ему избрать Сеид-Карима Сеид-Азимбаева; на-

[1] ТВ, 1902, № 4.

печатать и перевести на узбекский язык подробную программу работы для рассылки всем членам ташкентского отделения; поручить Мир-Агзам Мир-Аюбову собрать подробные сведения о местной литературе на восточных языках; поручить Максуд-Ходже Ата Ходжаеву составить подробный перечень книг богатой восточной библиотеки Шариф-Ходжи; просить Н. П. Остроумова дать подробные сведения о Туркестанской туземной газете, а главного инспектора училищ Керенского — о русско-туземных школах, образовательных поездках молодых туземцев, вечерних курсах и лекциях для местного населения.

Вскоре были открыты курсы узбекского языка и арабской письменности; в газетной заметке говорится, что лектор Кузнецов начал урок с живой разговорной речи[1].

Правление этого общества разработало проекты открытия в Ташкенте: а) института востоковедения, б) среднего учебного заведения восточных языков и в) курсов восточных языков при учительской семинарии. Генерал-губернатор все это одобрил, но проекты остались проектами.

Революция 1905—1907 годов создала сильнейший стимул к изучению русского языка коренными жителями Туркестана и восточных языков русским населением. Правление Ташкентского отделения Общества востоковедения 12 января 1905 г. признало целесообразным «для распространения среди русского населения знания туземных языков» открыть курсы этих языков при старших классах русских городских училищ. Решено также «для просвещения туземцев» открыть в туземной части Ташкента городское училище, в котором могли бы продолжить образование молодые люди, окончившие русско-туземные училища. Для поддержания знаний, приобретенных в русско-туземных школах, правление постановило издавать соответствующую литературу; для продвижения этого вопроса избрана особая комиссия. Правление состояло из влиятельных чиновников края, а генерал-губернатор был почетным председателем Ташкентского отделения Общества востоковедения, однако эти решения реализовались плохо.

На страницах местной печати в 1905 г. обсуждался вопрос о мерах, которые могли бы побудить русских, служащих в учреждениях Туркестана, изучать языки народов Средней Азии. В статье «Премии за знание языков»[2] Лыкошин поставил вопрос о том, как материально заинтересовать изучающих восточные или русский языки. Он предлагал учредить премии четырех разрядов, начиная с премии за практическое овладение разговорным языком местного населения, кончая знанием одного или двух восточных языков в такой степени, чтобы иметь

[1] ТВ, 1902, № 6.
[2] ТВ, 1905, № 28 и 113.

возможность пользоваться печатными и рукописными источниками и заниматься научными исследованиями. На статью Лыкошина последовали возражения инспектора народных училищ Ферганской области Егорова и других.

Подъем революционного движения в Средней Азии побудил туркестанские власти перейти от дискуссий к некоторым конкретным мерам для распространения среди русских служащих и вообще русского населения знания местных языков.

В августе 1905 г. главный инспектор училищ Ф. М. Керенский докладывал генерал-губернатору: «Нахожу весьма полезным, чтобы русские ученики, обучающиеся в русско-туземных училищах, посещали также и классы туземных учителей и изучали под их руководством туземный язык и письменность совместно с детьми туземцев». Начальник края Тевяшев на этом наложил резолюцию: «Обязательно и необходимо»[1]. Очевидно, раньше *посещение туземного класса для русских учащихся русско-туземных школ* было не обязательно[2]. Добавим, что русские учащиеся в этих школах были редкостью; они обычно владели свободно языком своих товарищей.

В феврале 1906 г. новый генерал-губернатор Суботич издал приказ, в котором признает давно известные факты: «Многие чины туркестанской администрации высочайше вверенного края, имеющие постоянное соприкосновение с туземным населением, не обладают знанием местных языков...[3]. Суботич образовал под председательством сыр-дарьинского губернатора Хомутова комиссию, которой поручено «рекомендовать меры, коими можно было бы побудить служащих к изучению местных языков».

Комиссия установила, что «на фоне общей печальной картины незнания служащими туземного языка за истекшие уже полвека русского в крае владычества выделяются и светлые исключения в лице немногих ориенталистов и ученых исследователей народного быта и обычаев, а равно и администраторов, усвоивших хорошо знание местных наречий»[4], и выразила надежду, что эти редкие исключения могут служить пре-

[1] ЦАУ УзССР, ф. III, д. 145/3, 1905, л. 173.
[2] Попутные замечания к этому документу: а) сам главный инспектор вместо нужного в данном случае термина «русско-туземная школа» неправильно применил термин «русско-туземное училище» (в русско-туземном училище не полагалось туземного класса); б) в 1905 г. туземный класс рассматривался главным инспектором как место изучения *«туземного» языка и письменности*, тогда как в 1884 г., при учреждении русско-туземных школ, туземный класс вводился только как место обучения *мусульманскому вероучению. — Ред.*
[3] ТВ, 1906, № 24.
[4] Выше из таких лиц назывались В. Л. Вяткин, Н. С. Лыкошин, В. П. Наливкин; следует назвать также Н. И. Стогова, автора (вместе с Г. В. Покровским) исследования «Алайские аульные общества в 1909 г.» (г. Скобелев, 1914, прилож. к стат. обзору Ферганской области за 1911 г.). — *Ред.*

красным примером практической достижимости той цели, которая поставлена теперь перед всеми чинами местной администрации.

В помощь этой комиссии правлением Общества востоковедения были подготовлены довольно содержательные «Материалы по вопросу о распространении среди чинов туркестанской администрации знания туземных языков»; включенный сюда «Список руководств по изучению местных языков, мусульманского и обычного права» содержал 46 учебников и пособий по сартскому (узбекскому), персидскому (таджикскому), киргизскому (казахскому) и туркменскому языкам, а также юридических[1].

Вслед за опубликованием материалов и списка учебников появились статьи на тему «К вопросу о распространении знания туземных языков среди чиновников Туркестанского края»[2]. Участники дискуссии указали, что языками коренных народов должны владеть не только чины администрации, но и судьи, следователи, врачи, фельдшера, податные инспекторы, служащие лесничества и т. д. Авторы других статей требовали, чтобы все лица, близко стоящие к народу по характеру своей служебной деятельности, знали язык местного населения и вели служебные дела лично, а не через переводчиков. Резко высказалась газета «Зеравшан»: наши чиновники везде с одинаковым упорством не желают знать языка и быта народа, которому они служат, оправдывая свою беспечность отсутствием свободного времени, которое, однако, они находят на карты и вино[3].

В результате был образован Туркестанский комитет по изучению местных языков, главными деятелями которого были члены Ташкентского отделения Общества востоковедения. Из напечатанной «Сводки всех мнений по вопросу об изучении местных языков служащими в Туркестанском крае» вытекало, что главной причиной равнодушия служащих к местным языкам являлась необязательность их знания и материальная незаинтересованность чинов администрации в их изучении.

Суботич просил военного министра утвердить мероприятия для побуждения служащих края изучать языки коренного населения, а именно: предложить всем чинам администрации, до уездного начальника включительно, изучать местные языки;

[1] ТВ, 1906, № 44 и 45.

[2] Много статей из местной печати перепечатано в кн. «Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков служащими по военно-народному управлению Туркестанского края». Печат. по распор. Туркест. ген.-губернатора ген.-лейтенанта Д. И. Суботича, под ред. подполк. И. Д. Ягелло, Ташкент, 1906.

[3] Газ. «Зеравшан» 1906 г., 26 февраля. Газета «Зеравшан» выходила вместо закрытой властями газеты «Самарканд», которая редактировалась большевиком М. В. Морозовым (Муратовым). — *Ред.*

срок ознакомления с языком населения своего района — одногодичный, степень знания языка — «быть в состоянии контролировать переводчиков»; для усовершенствования в знании языка предоставлять им второй год, «а по удостоверении в неисполнении сего требования прекращать им всякое движение по службе в пределах края и даже увольнять их от службы за беспомощность». Это — меры в отношении к тем чинам, которые уже находятся на службе в Туркестанском крае. Что касается вновь поступающих, то назначать по возможности таких лиц, которые закончили курс обучения в каком-либо учебном заведении восточных языков или практически изучили язык местного населения. В качестве меры поощрения обещаны служащим «прибавки к содержанию за изучение местного языка».

Суботич приказал опубликовать к сведению служащих Туркестанского края основные требования к ним, которые он намерен проводить после утверждения в центре, и наметил организационные меры, содействующие изучению чиновниками одного из восточных языков: учредить в главных городах края платные курсы местных языков, для их организации составить на местах комиссии из представителя от администрации и компетентных лиц по приглашению администрации; общее наблюдение за согласованностью всех мероприятий по организации курсов и преподавания в них, а также составление программ, учебников, назначение испытательных комиссий и определение премий отлично успевающим в изучении языков было возложено на Туркестанский комитет по изучению местных языков, дано распоряжение объявить конкурс на составление необходимых учебников.

В Туркестанский комитет по изучению местных языков Суботич передал проект открытия учебных заведений с восточными языками. При том же комитете были открыты курсы языков для офицеров административного и строевого состава, при курсах организованы бесплатные вечерние лекции по истории ислама и мусульманскому праву; лектором по этим вопросам был В. П. Наливкин.

В сентябре 1906 г. Суботича отозвали. Вновь назначенный генерал-губернатор Гродеков в мае 1907 г. издал приказ, в котором требовал от военных губернаторов, чтобы они при замещении всех *вакантных* должностей административно-полицейского управления «отдавали преимущество знающим местный язык»[1]; требования к уже служащим чиновникам Туркестана, чтобы они знали местные языки, новый начальник края не ставил. В начале 1908 г. Гродеков был заменен генералом Мищенко, которого в середине 1909 г. сменил генерал Самсонов.

[1] ТВ, 1907, № 110.

При более твердом курсе на русификацию, проводником которого явился Самсонов, вопрос о местном языке в учреждениях края не продвинулся.

Вместе с тем в последнее десятилетие перед Октябрьской революцией в школьной системе Туркестанского края произошли некоторые изменения в пользу местных языков; они отмечались в предыдущих главах, здесь мы это резюмируем.

Имея целью продвижение русского языка как предмета изучения во все элементарные школы кишлаков и аулов, удаленных от русского населения, Самсонов поставил вопрос о преподавании в этих школах на родном языке.

Возникшие в 1906—1907 гг. в Коканде и Ташкенте коммерческие училища ввели у себя обязательное изучение местного языка. Факультативно местный язык преподавался в Ташкентском реальном училище и кадетском корпусе. Но даже факультативного курса местного языка не было в наиболее распространенных средних школах — гимназиях.

Перед войной 1914 г. местный язык стал вводиться как обязательный предмет в высшие начальные училища Туркестана.

Помимо школ, в трудовом и бытовом общении коренное население края и поселившиеся в нем русские взаимно овладевали языком друг друга. За полвека в этом отношении произошли определенные сдвиги: в городах многие из мужской части коренного населения овладели в той или иной степени русским языком, а русские и украинские крестьяне, переселившиеся в Туркестан (большинство их жило в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях), обычно умели объясняться, а многие и хорошо говорить на местном языке.

ИТОГИ ШКОЛЬНОГО ДЕЛА В ТУРКЕСТАНЕ — ЦАРСКОЙ КОЛОНИИ
(1865—1917)

Мусульманские школы средневекового типа

1. В начале второй половины XIX в. царские власти застали в Туркестане густую сеть мусульманских учебных заведений средневекового типа. В результате отказа царской администрации в государственной поддержке учреждениям ислама, которую они получали в среднеазиатских ханствах, и вследствие проведения по отношению к мусульманству политики недоброжелательного «невмешательства» сеть мусульманских школ в крае в первое время несколько сократилась, но уже к 90-м годам стала вновь расти.

2. С присоединением Туркестана к России мусульманские учебные заведения потеряли главных из прежних покровителей — феодальных владетелей; но их продолжали поддерживать ишаны; возросла поддержка баев, богатевших на торговле и ростовщических операциях с хлопком.

3. Содержание обучения в традиционных мусульманских учебных заведениях по-прежнему было ограничено требованиями религии и сводилось к изучению книг мусульманского богословия многовековой давности. В медресе языками обучения оставались арабский и персидский, на этих языках зубрили тексты и в мактабах. Не изучалась грамматика родного языка, хотя на родном или близком к нему языке читались некоторые поэтические тексты для целей религиозной пропаганды.

4. Организация и методы обучения сохранились средневековые: не было классно-урочной системы, господствовало индивидуальное обучение; основным методом служило заучивание текстов.

5. От реформ в мусульманских учебных заведениях туркестанская администрация воздерживалась полвека; отказавшись с конца XIX в. от полного «невмешательства», она ограничивалась некоторым контролем за вакфными имуществами, за открытием новых школ, за организационной стороной назначения мударрисов, собирала статистические сведения. Причиной отказа от реформ вначале была надежда, что предоставленные сами себе мусульманские школы отомрут; позже — побаивались мусульманского фанатизма, хотя из среды местного населения раздавались призывы к реформам [1]; главным в последние два десятилетия было опасение царских властей, что реформированные мусульманские школы послужат возрождению национальных культур народов Средней Азии; а после революции 1905—1907 годов российская реакция видела союзника в мусульманских школах средневекового типа.

6. В результате отказа царской власти от реформы в мусульманских школах их масса до падения царизма сохраняла средневековый облик. В связи с этим в XX в. в Туркестане продолжало оставаться положение, характерное для среднеазиатских ханств в XIX в.: множество мактабов — и малое число людей грамотных. В медресе главным в «образовании» оставалось оторванное от жизни начетничество — запоминание чужих слов и казуистические упражнения в «применении

[1] «Я убежден, что если бы каждый из наших учащихся побывал в каком-нибудь русском учебном заведении, то своя школа (т. е. старометодный мактаб или медресе,— *Ред.*) ему сделалась бы противной. Ни порядка в обучении, ни обстановки в учебном заведении у нас нет, ни тепла, ни чистого воздуха нет у нас в школах»,— писал Фуркат в 1893 г. («Туркестанская туземная газета», № 47). В другой статье он в том же году призывал: «Я уверен, что если бы в наших медресе ввести порядки русской гимназии и некоторые русские науки, например русский язык, историю, географию, математику и физику, то это было бы очень хорошо» («Туркестанская туземная газета», 1893, № 32). Обе цитаты приведены по готовящейся к печати работе М. Сабирова «Узбекские просветители — демократы Фуркат, Аваз о школе и воспитании» (1957, Ферганский пединститут).

цитат»; на этой почве многие образованные русские наблюдатели на протяжении десятилетий повторяли в разных выражениях мысль, что в Туркестане среди мусульманского населения «здравое человеческое понимание можно встретить лишь у людей необразованных», т. е. не вкусивших «мудрости» в медресе [1]. Такая оценка соответствует тому, что сказано в разноязычной литературе о схоластике европейского средневековья.

7. Однако в XX в., особенно во втором десятилетии, жизнь вызвала некоторые сдвиги в традиционных мусульманских школах Туркестанского генерал-губернаторства. Рост числа учащихся в сети этих школ отставал от роста числа школ, что отражало неудовлетворенность населения средневековым обучением. В части старометодных мактабов учителя вводили звуковое обучение грамоте. Отдельные учащиеся ташкентских медресе еще в первые годы нового века посещали вечерние курсы русского языка в помещениях русско-туземных школ; во втором десятилетии в Ташкенте и Коканде пробовали устроить также курсы в стенах медресе. Чаще встречались новшества в изменении обстановки традиционных мусульманских школ (застекленные окна; поставленные перед сидящими на полу учениками старого мактаба скамьи для учебных принадлежностей — отдаленное подражание школьным партам).

В этот период татарский журнал «Шуро» в Оренбурге провел анкету среди учителей мусульманских мактабов России; из Намангана от мактабдора Дада-Мирзо-кары поступил ответ: «Цель начальной школы — делать из человека — человека, как его понимает Коран, и заложить начала, благодаря которым сохранится наша религия и обеспечится существование нашей нации»[2]. Из этого ответа видно, что целью мактаба осталась, по средневековой традиции, подготовка к «будущей жизни», но заключительные слова отражают панисламистско-пантюркистскую пропаганду: ислам выдвигается знаменем национальной самобытности.

8. В наших советских изданиях еще недавно можно было встретить утверждения, будто бы в дореволюционном Туркестане мусульманских школ было очень мало, будто бы в них учились только дети богатых. Такие представления исходили из факта массовой неграмотности населения — факта бесспорного, засвидетельствованного переписью 1897 г. и многими показаниями из разных концов Туркестана на протяжении полувека.

[1] А. Миддендорф, Очерки Ферганской долины, Спб., 1882, стр. 472; сходное — у Лыкошина, Наливкина и других, а также у авторов из народов Средней Азии, например бухарца Фитрата.

[2] «Мир ислама», т. II, вып. IV, Спб., изд. Общества востоковедения, 1913, стр. 220 и 224 (цит. по работе А. Ф. Ардаширова).

В таких неверных представлениях повторяется «в обратном виде» ошибка, которую делали некоторые из первых европейских путешественников по Туркестану в 70-х годах XIX в.: например, акад. Миддендорф, быстро проехав в 1878 г. Ферганскую долину и удивившись множеству мактабов, вывел скороспелое заключение, будто бы там «все оседлое население... умеет читать и писать» [1].

В середине XX в., наоборот, из факта массовой неграмотности населения в дореволюционном прошлом делают преждевременный вывод об отсутствии школ [2].

Истиной же является то, что в Туркестанском генерал-губернаторстве, как и в среднеазиатских ханствах, существовало множество религиозных школок средневекового типа, главным образом при мечетях; в них учились в основном дети крестьян и ремесленников, но эти школки отнюдь не были очагами грамотности и просвещения, а служили только для затемнения сознания молодого поколения религией, для воспитания покорности эксплуататорам.

Эту истину важно знать, чтобы оценить ту огромную работу, которую пришлось проделать в Средней Азии советским школам, советским учителям; за одно десятилетие они в упорной борьбе преодолели пресловутую мусульманскую «систему народного образования», которая складывалась столетиями, которая первым туркестанским генерал-губернатором Кауфманом характеризовалась как «прекрасно организованная» и благополучно продержалась при царской администрации более полвека. Не следует забывать и того, что для работы в первых национальных советских школах в Туркестане были использованы, после соответствующей подготовки, многие десятки более молодых учителей старометодных мактабов, главным образом те, кто пытался вводить в своих школах кое-какие новшества.

[1] А. Миддендорф. Очерки Ферганской долины, стр. 362. Это же сказано на стр. 472: «Там (в Фергане. — *Ред.*) каждый крестьянин умеет читать». Нужно было бы сказать: «Каждый крестьянин умеет читать наизусть молитвы». Аналогичные опрометчивые умозаключения о грамотности в Туркестане допустили и другие серьезные путешественники — Гейнс, Пашино. В подобную же ошибку в Башкирии в конце XVIII в. впал Рычков, а в Индии в 1843 г. — Варрен; они полагали, что всегда и везде закономерна связь: много школ — значит, много грамотных. — *Ред.*

[2] Подобная ошибка имела место во Франции: исходя из факта массовой неграмотности крестьянства перед революцией 1789 г., французские историки долгое время отрицали существование в дореволюционной французской деревне школ; впоследствии архивы показали, что средневековая Франция была покрыта густой сетью церковных школок, где механически зубрились католические тексты на латинском языке. См. об этом в книгах: Н. Сперанский, Очерки по истории народной школы в Западной Европе, М., 1896; В. В. Каллаш, Очерки по истории школы и просвещения, М., 1902. — *Ред.*

Новометодные мактабы

1. Новометодный мактаб в организации и методах обучения приближался как норма к русской начальной школе; от старометодного мактаба его отличали:

а) классно-урочная система;

б) в качестве первого учебника букварь на родном языке, а не Коран на арабском;

в) обучение грамоте — звукослагательное, а не буквослагательное, обучение одновременно с чтением также и письму;

г) обучение арифметике как непременная часть курса и преподавание некоторых элементов мироведения на современной научной основе;

д) сидение учеников за партами, а не на полу; применение наглядных пособий.

2. Новометодные мактабы в Туркестане появились впервые в последнее десятилетие XIX в. как подражание новометодным мактабам волжскотатарским и крымскотатарским; первыми учителями в них были татары; в организации первых новометодных мактабов (в Ферганской долине, в Самарканде, в Токмаке) зачинателями явились жившие в крае татары коммерсанты и приказчики.

3. Из коренного населения Туркестана первыми оказали поддержку новометодным мактабам баи — владельцы хлопкоочистительных заводов (в Ферганской долине), баи-экспортеры и другие представители национальной буржуазии.

4. Мусульманским духовенством Средней Азии, тесно связанным с традиционными мактабами и медресе, новометодные мактабы были встречены резко враждебно.

5. Редкая сеть новометодных мактабов стала расширяться под влиянием революции 1905—1907 годов; некоторые молодые учителя-новометодники преследовались царской полицией за хранение литературы революционного направления; значительная часть из новометодных мактабов этого периода возникла при содействии той или иной организации либеральных буржуазных националистов, известных под неопределенной кличкой «джадиды» (новаторы).

6. После турецкой революции 1908 г., приведшей к власти младотурецких националистов, усилилось внимание к новометодным мактабам со стороны царских властей в Туркестане, опасавшихся пропаганды через эти школы пантюркизма и панисламизма.

7. Около 1910 г. стала ослабевать резко враждебная агитация против новометодных мактабов со стороны мусульманского духовенства в Туркестане, так как оно убеждалось, что в курсе новометодных мактабов религии отведено надлежащее место, а чтение «священных» текстов по новому методу идет успешнее; это примирение не было повсеместным.

8. С 1911 г. царские власти стали закрывать новометодные мактабы, в которых учителя татары обучали нетатарских детей; но к этому времени в крае уже выросли некоторые кадры учителей-новометодников из коренного населения. Единичные учителя-новометодники из коренного населения появились с начала XX в.; одни из них получили образование в Казани, другие — в Турции, часть — у первых новометодников в городах Средней Азии.

9. Новометодные мактабы, число которых по краю к 1917 г. составляло примерно 100, не были одинаковы; их содержатели, их учителя имели неодинаковую политическую направленность; учителя получили разную подготовку; единого руководящего центра для новометодных мактабов не существовало (некоторое общее направление давали мусульманские съезды в России в 1905—1907 гг., руководимые татарской либерально-националистической буржуазией). Поэтому учебные планы отдельных новометодных мактабов значительно отличались друг от друга. Для новометодных мактабов пантюркистского направления характерным предметом в учебном плане была «История тюрков».

10. Обучение в новометодных мактабах велось в принципе на родном языке. Фактически язык обучения в каждом классе зависел от национальности учителя и от языка учебников. В учебниках была тенденция к «общетюркскому» языку, реальной основой которого оказывался тот или другой из тюркских языков (татарский, турецкий, узбекский), более или менее уснащенный заимствованиями из других тюркских языков, а также арабизмами и фарсизмами. Эта языковая мешанина, хотя в учебниках она была не столь пестрой, как в газетах джадидов, затрудняла обучение в новометодных мактабах.

11. Из-за преследований царскими властями, многие учителя вынуждены были часто переезжать из одной местности в другую, а их мактабы прекращали существование; более или менее устойчивых новометодных мактабов в крае имелось около десятка.

Обучение коренного населения Туркестана в русских и русско-туземных школах и училищах

1. Первые русские начальные школы в середине XIX в. в укреплениях по нижней Сыр-Дарье были открыты также и для детей местного казахского населения; русские и казахи учились в них вместе. Это вызывалось отчасти малым контингентом учащихся, но с самого начала имелась и цель сближения представителей местного населения с русскими. В дальнейшем при смешанных русско-казахских школах устраива-

лись интернаты; их задачами было привлечение детей кочевого населения и создание им условий для практического овладения русским языком.

2. «Русская школа для туземцев», открытая в Самарканде в 1870 г., была одним из первых учебных заведений устроенных специально для обучения русскому языку детей коренного населения Туркестана. К середине 80-х годов оформились два типа таких учебных заведений: русско-туземное училище и русско-туземная школа (эти термины дифференцировались редко, но существо дела требует двух терминов). Оба были рассчитаны на обучение русскому языку нерусских детей, но там, где не было русской школы, в них обучались и некоторые русские дети.

В русско-туземном училище все обучение вел русский учитель; в русско-туземной школе учащиеся проводили часть времени в «русском классе», а другую — в «туземном классе».

Русско-туземные школы распространялись в основном в Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской областях среди оседлого мусульманского населения (узбекского и таджикского); русско-туземные училища устраивались главным образом в Семиречье, а также в Закаспии.

3. Методика обучения русскому языку в русско-туземных училищах и школах Туркестана в XIX в. была случайной. В ней наблюдались два влияния: а) следуя системе Ильминского, считалось, что русский учитель должен использовать родной язык учащихся; б) подражая тому, как в мужских гимназиях преподавались древние языки (а по их примеру и новые), учителя русского языка много занимались переводом текстов, игнорируя живую речь. В XX в. сначала в русско-туземных школах и училищах Сыр-Дарьинской области, а потом и по всему Туркестану утвердилась система Граменицкого, в основе которой лежала постоянная практика в разговорной русской речи с широким применением наглядности; эта система, методически прогрессивная, сопровождалась, по политическим мотивам колонизаторства, реакционной тенденцией: максимально возможно игнорировать в «русском классе» родной язык учащихся.

4. «Туземные классы» русско-туземных школ в 80-х и 90-х годах были копией старометодных мактабов; они создавались как классы мусульманского вероучения, чтобы русско-туземная школа могла противостоять враждебной агитации духовенства, осуждавшего отдачу детей мусульман в руки «неверных». Работа учителей «туземных» классов рядом с русскими учителями привела к тому, что в XX в., особенно после революции 1905—1907 годов, во многих туземных классах распространялось обучение грамоте на родном языке звуковым методом; стали вводиться и другие новшества (школьные парты,

наглядность), не говоря о том, что мусульманские учителя русско-туземных школ приучались к классно-урочной системе.

5. С распространением русско-туземных училищ и русско-туземных школ сократилось количество детей коренного населения в начальных русских школах Туркестана; в русских высших начальных училищах, а также в средних учебных заведениях продолжали учиться немногие.

Для привлечения некоторого числа учащихся из верхушечных слоев коренного населения в русские средние школы Туркестана устраивались специальные интернаты (в них преподавался русский язык). В XIX в. гимназистов из коренного населения освобождали от изучения древних языков; имелось несколько стипендий.

6. Общее количество учащихся из коренного населения в русских и русско-туземных школах и училищах было незначительно, а в средних русских школах из коренного населения учились единицы. Но из этих учащихся после Великой Октябрьской социалистической революции образовались первые группы советской интеллигенции народов Средней Азии.

7. Свою культурную роль сыграли также вечерние курсы русского языка для взрослых из коренного населения, устраивавшиеся в городах Туркестана с начала 80-х годов и особенно распространившиеся в XX в.

8. Обучение детей местных национальностей совместно с русскими детьми как в русских, так и в русско-туземных школах и училищах края было прогрессивной стороной русской системы народного образования.

Русские школы в Туркестане

1. Сеть русских школ в Туркестане складывалась, отражая развитие общероссийской системы народного образования, повторяя ее стандарты.

Важнейшей особенностью туркестанской сети русских школ была количественная сторона: немногочисленное русское население Туркестана, поставленное политикой царизма в привилегированные условия, обслуживалось школами значительно лучше, чем население подавляющего большинства губерний и областей царской России, и неизмеримо лучше, чем масса коренного населения Туркестана.

2. Своеобразие природных и этнических условий Туркестана отражалось на качественной стороне русских школ края, но из-за формально-бюрократического руководства школьным делом в царской России отражалось весьма недостаточно. Учет местных особенностей «сверху» сводился к немногому:

а) в русских школах, особенно в средних мужских учебных заведениях края и в первую очередь в Ташкентском кадет-

ском корпусе, в преподавании истории уделялось внимание войнам в Средней Азии;

б) изучение местного языка вводилось в учебные планы кадетского корпуса и реального училища факультативно, в коммерческих и высших начальных училищах — обязательно; это происходило в основном только в последнее десятилетие и совершенно не затронуло ни гимназий, ни начальных русских школ;

в) по климатическим условиям в школах Туркестана были удлинены летние каникулы, внесены изменения в ученическую форму.

Передовое учительство Туркестана требовало больше внимания краеведению в курсах естествознания и географии, по его инициативе были изданы некоторые краеведческие учебники, но они применялись лишь факультативно; отдельные преподаватели проявили большую энергию в организации местных ученических экскурсий; но в большей части школ и классов изучение естествознания и географии проходило без учета своеобразия природы Средней Азии.

3. На школах в Туркестане, как и во всей России, заметно отражался ход русской истории, такие события, как наступление реакции в 80-х годах, революция 1905—1907 годов, столыпинская реакция, войны, которые вела царская Россия. Если обратиться к общероссийским явлениям школьной жизни, связанным с ходом истории, то некоторые из них в школах Туркестанского края протекали своеобразно:

а) обучение в начальной школе ремеслам в 80-х годах получило в Туркестане значительно большее распространение, чем в России в целом, что было связано с местными условиями;

б) «потешные» из Туркестана отмечались на военных смотрах под Петербургом в 1910 и 1911 гг., как «образцовые», что было связано с тенденциями колонизаторского воспитания в средних школах края; но в то же время против реакционной затеи с «потешными» были в крае резкие выступления и педагогов, и учащихся.

4. На туркестанском материале хорошо выявляются некоторые общие процессы в школьном деле в России конца XIX и начала XX в.

а) Обучение девочек в конце XIX в. сильно отставало от обучения мальчиков среди крестьян и беднейшей части городского населения; в XX в. положение улучшилось, особенно в городах. В городах в XX в., особенно после революции 1905—1907 годов, тяга населения к обучению девочек была настолько велика, что в многих пунктах Туркестанского края женская прогимназия открывалась раньше мужской (мальчиков посылали на учебу в другие города);

б) от принципа раздельного обучения мальчиков и девочек в начальных городских школах царское Министерство просвещения вынуждено было в ряде случаев (например, в Ферганской области в 80-х годах) отказываться, так как при этом возникали трудности с контингентом учащихся. Опыт совместного обучения в двух туркестанских средних школах — коммерческих училищах в Коканде и Ташкенте — вполне себя оправдал[1];

в) среди демократических слоев населения в городах уже в 80-е годы проявилось большое стремление к обучению детей в средней школе (в ташкентских гимназиях «простолюдинов» было до 30%). Правительственные рогатки (например, известный циркуляр министра Делянова «о кухаркиных детях») не могли это движение остановить полностью. Прогрессивная общественность ему содействовала, организуя «общества вспомоществования учащимся»;

г) после революции 1905—1907 годов, кроме правительственных (казенных), церковных и частных учебных заведений, все чаще устраиваются общественные, содержимые «обществами содействия образованию».

5. Изолированным и забытым фактом из истории русских школ в Туркестане является попытка проведения педагогической пропаганды среди родителей, дважды предпринимавшаяся в начале 80-х годов. Эти «педагогические беседы для родителей» вскоре прекратились, но в архиве сохранились продуманные предложения передовых учителей по организационно-методической стороне педагогической пропаганды[2].

Профессиональное образование. Русские культурные и научные организации в Туркестане

1. Профессиональное образование в Туркестанском крае было в зачаточном состоянии, сводилось главным образом к элементарным школам и курсам, затрагивало в большинстве случаев только русское население.

2. Тем не менее накопленные в крае к 1917 г. некоторые кадры специалистов и кое-какое специальное учебное оборудование послужили в трудных условиях первых лет советского

[1] «За все 8 лет жизни училища не было ни одного случая, чтобы училищу приходилось сожалеть о введении совместного обучения... Мальчики отделываются от грубости, девочки становятся самостоятельнее, менее слезливыми, более уравновешенными. Мальчики и девочки установили в общем добрые товарищеские отношения на почве учебных интересов. Нет и следа флирта, который предполагался при открытии учебного заведения» (Из «Обзора деятельности Алексеевского коммерческого училища в Ташкенте за 1914/15 учебный год», Ташкент, 1915).

[2] Напр., проект учителя Г. Клитч-оглу из Ферганской области, который выступил с интересными мыслями о роли учительских съездов.

государства исходной базой для развития в Средней Азии советской системы профессионального образования.

Свою роль в росте культуры народов Средней Азии сыграли и те редкие представители коренного населения, которые в дореволюционном Туркестане получили небольшие специальные знания в учебных заведениях или через индивидуальное ученичество.

3. История Туркестанской учительской семинарии, которая в течение десятилетий была в крае единственным средним специальным учебным заведением, подтверждает некоторые общие положения:

а) как единственно доступная сельской молодежи профессиональная средняя школа, она фактически отнюдь не была только педагогическим учебным заведением;

б) между православно-монархическим направлением руководства семинарии и идейными взглядами многих из ее выпускников, принадлежавших к демократическим кругам населения, выявился в конце концов серьезный разрыв.

4. Научные общества и культурные мероприятия в Туркестане с 70-х годов давали общественно полезный выход энергии передовых врачей, учителей и других специалистов.

Среди русской интеллигенции в крае были люди разных специальностей, отдававшие свои знания, умения и досуг делу народного образования [1].

5. Культурные и научные организации в Туркестане заметно оживились в результате революции 1905—1907 годов. Деятельность научных обществ помогла формированию в Ташкенте кадров научных работников, включившихся после Октябрьской революции в создание первых в Средней Азии высших учебных заведений.

[1] Напр., в Петроалександровске офицер Ярчевский два года безвозмездно занимался с учениками городского училища огородничеством и садоводством, за что получил благодарность начальника края (ТВ, 1897, № 49). В Самарканде молодой врач Шерман руководил хорошим любительским хором, который выступал во время научно-популярных чтений, проводившихся среди русского и коренного населения (журн. «Русская школа», 1901, № 10—11).

Глава девятая

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ ПРИ ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ (1917)

Период между Февральской буржуазно-демократической революцией и Великой Октябрьской социалистической революцией характеризуется в Туркестанском крае, как и везде в Российском государстве, двоевластием, борьбой между органами Временного правительства, которое сохраняло на местах значительную часть прежнего, царского, аппарата власти, и Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ростом влияния большевиков в Советах.

В Туркестане важную роль в политической обстановке играл национальный вопрос. Дело осложнялось тем, что демократическими свободами, которые принесла Февральская революция, из коренного населения края в первую очередь воспользовалась эксплуататорская верхушка, как наиболее грамотная и организованная. При выборах в органы местного самоуправления, создававшиеся Временным правительством, много голосов в ряде городов Туркестана собрала «Шуроиулема» («Совет духовенства») — организация феодальных элементов, мусульманского духовенства и наиболее реакционной части местной буржуазии, а также буржуазно-националистическая организация «Шурои-исламия» («Мусульманский совет»), блокировавшаяся с ней против рабочих и беднейшего крестьянства.

Продовольственное положение в крае было тяжелым; особенно остро не хватало продовольствия в хлопкосеющих районах (Ферганская долина) вследствие плохого подвоза хлеба.

Некоторые вопросы народного образования в Туркестане накануне падения царизма. Перед тем как перейти к народному образованию в Туркестане при Временном правительстве, остановимся на последних мероприятиях в этом деле со стороны царской администрации в крае.

В феврале 1917 г. начальник края Куропаткин распорядился провести краевое совещание для обсуждения состояния школьного дела в Туркестане. Совещание рассматривало вопрос о программах начальных школ. Для подготовки учителей в эти школы постановлено возбудить ходатайство перед Министерством народного просвещения об увеличении в Туркестанском крае числа учительских семинарий и о расширении их учебного курса.

Затем по докладу директора народных училищ Сыр-Дарьинской области С. М. Граменицкого[1] была обсуждена постановка обучения в школах для коренного населения, в русско-туземных школах, в новометодных и старометодных мактабах Туркестана. Так как эти школы, по мнению совещания, требовали особого учебного и политического контроля и специальных знаний для их проверки, то решено было создать особую инспекцию, отдельную от инспекции русских школ. Кроме того, совещание постановило составить для новометодных мактабов новые учебники, так как применявшиеся в этих школах учебники были признаны неудовлетворительными. Такова была программа деятельности школьной администрации Туркестанского края, намеченная краевым совещанием под председательством генерал-губернатора Куропаткина за полторы недели до Февральской революции[2].

Органы управления народным образованием. До Февральской революции управление народным образованием было построено в Туркестанском крае на тех же организационных основах, как и во всей царской России, с незначительными отступлениями, которые оговорены в законе «Об управлении учебными заведениями в Туркестанском крае». В этом законе сказано, что управление организовано

[1] Как материал к этому докладу были подготовлены два документа, датированные 4 февраля 1917 г. (обнаружены в 30-е годы в личном архиве С. М. Граменицкого): «Доклад о новометодных мактабах», составленный заведующим Старо-Чиназским русско-туземным училищем Г. Калининым по поручению инспектора народных училищ 1-го района Сыр-Дарьинской области, дает характеристику узбекских новометодных мактабов, в том числе языка обучения в них, останавливаясь на старейшем в Ташкенте шестигодичном новометодном мактабе. Автор полагал, что этим мактабам принадлежит большое будущее, поэтому в государственных целях необходим надзор и руководство ими; но надзор нужен не полицейско-административный, а необходимо поручить его инспекции народных училищ. Второй документ — приложение к первому: «Учебники и пособия новометодного мактаба Минаввар-кары Абдурашидханова». Здесь даны аннотации на 32 учебника по шести годам обучения: 14 — на узбекском языке (главным образом для младших учащихся), 11 — на татарском (в том числе перевод с русского «Физики» Ускова), 3 — на персидском и 4 — на арабском (включая Коран). Подписавший оба документа Г. Калинин по национальности татарин, окончил Туркестанскую учительскую семинарию, автор узбекской хрестоматии для туземных классов русско-туземных школ. Копии документов есть в научном архиве УзНИИПН. — *Ред.*

[2] ТВ, 1917, № 39.

«по примеру подобных учреждений, существующих в Сибири». Дальше разъяснено, что управлению подчиняются все русские и «инородческие училища», открытие которых допускается не иначе, как с разрешения Управления учебными заведениями края. В ст. 90 закона сказано: «При Туркестанском генерал-губернаторе состоит Главный инспектор училищ». Следовательно, в Туркестане не было учебного округа; ответственные функции попечителя округа выполнял генерал-губернатор, а консультантом по учебным вопросам при нем был главный инспектор училищ.

В состав Туркестанского края входило пять областей, но дирекция народных училищ была учреждена только в Сыр-Дарьинской области, так как в этой области были главным образом сосредоточены русские начальные школы. «В Сыр-Дарьинской области,— читаем в законе,— низшие начальные училища разных наименований, частные учебные заведения и лица, занимающиеся домашним и частным обучением, подчинены директору и инспекторам народных училищ»[1]. В остальных областях края вопросами народного образования занимались непосредственно инспектора народных училищ. Ко времени февральского переворота главным инспектором училищ в Туркестанском крае был Соловьев, бывший окружной инспектор Казанского учебного округа, в конце 1910 г. переведенный в Туркестан, а пост директора народных училищ в Сыр-Дарьинской области занимал С. М. Граменицкий. При главном инспекторе училищ края был совещательный попечительский комитет.

Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов очень скоро заинтересовался состоянием народного образования в Туркестане. В заседаниях 16 и 17 марта 1917 г. исполнительный комитет Ташкентского Совета занимался этими вопросами и принял решение послать министру народного просвещения подробную телеграмму с требованием отстранить от руководства просвещением в крае главного инспектора училищ Туркестана Соловьева и директора народных училищ Сыр-Дарьинской области Граменицкого. Требование мотивировалось тем, что вся предыдущая деятельность этих лиц носила ярко выраженный реакционный характер и что всякого рода прогрессивные начинания ташкентского городского самоуправления в области народного образования «встречали резко враждебное отношение со стороны этих лиц, что взаимоотношения между городским самоуправлением и Соловьевым и Граменицким сводились к борьбе, с одной стороны, за прове-

[1] Свод законов Российской империи, т. XI. Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения, ч. I, 1893, стр. 15.

дение в жизнь общественных принципов, а с другой — за подавление в школе живого духа» [1].

Исполнительный комитет принял решения: временно устранить от исполнения обязанностей Граменицкого и Соловьева и сообщить об этом министру народного просвещения с просьбой уволить их от занимаемых должностей «в законном порядке»; для временного замещения этих должностей просить Союз учителей представить список кандидатов в Ташкентский исполнительный комитет, а после их утверждения Исполкомом сообщить имена кандидатов министру народного просвещения. Следует добавить, что за утверждение этого постановления Исполкома голосовал и представитель Туркестанского союза учителей[2].

Неожиданно в защиту Граменицкого и Соловьева горой встала реакционная часть учительского союза. На общем собрании учителей г. Ташкента обсуждался вопрос: имел ли право Ташкентский исполнительный комитет городского Совета рабочих и солдатских депутатов без согласия Союза учителей устранить Граменицкого и Соловьева? После горячих прений была принята резолюция, сурово осуждающая Исполнительный комитет за решение об устранении Граменицкого и Соловьева, поскольку они являются членами учительского союза. Следовательно, часть учительского союза отстаивала своих начальников не по принципиальным политическим мотивам, а выступила в защиту неправильно понятых прав своей корпорации. Чтобы представить яснее тогдашние политические настроения той части интеллигенции, которая испугалась перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, социалистическую, заметим, что на одном из собраний учителей Граменицкий сказал, что люди умственного труда «должны организоваться против людей физического труда».

Из статьи на тему «Политическая беспринципность», написанной председателем Ташкентского Совета Бельковым, видно, что значительная часть демократического учительства покинула собрание, где была принята резолюция в защиту Граменицкого и Соловьева, и ушла вообще из учительского союза, мотивируя свой уход тем, что нельзя дольше оставаться в такой реакционной атмосфере, какая царила на последнем заседании учительского союза. Исполнительный комитет отменил свое решение относительно Граменицкого. Но учительский союз требовал отмены решения и в отношении Соловьева. В ответ Исполком Ташкентского Совета дал резкую политическую оценку поведения учительского союза, призвал народных учителей отмежеваться от этого союза и создать демократический союз учителей.

В защиту Соловьева выступили член Комитета Временного правительства в Туркестане Липовский, попечительский комитет и Министерство народного просвещения, которое отказалось уволить Соловьева, а предоставило ему двухмесячный отпуск [1].

Между тем мировая война продолжалась, увеличивалась хозяйственная разруха в стране, росла нищета народных масс, обострялись классовые противоречия в городе и деревне. Временное правительство продолжало войну в интересах имущих классов до победного конца, хотя ресурсы страны за три года истребительной бойни истощились. В начале апреля 1917 г. в Россию из-за границы, где находился в эмиграции, вернулся В. И. Ленин; его приезд имел огромное значение для партии большевиков, для трудящихся масс России, для дальнейшего развития революции. Апрельские тезисы В. И. Ленина дали партии большевиков, всему российскому пролетариату ясную революционную линию перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической революции.

В Туркестане революционную борьбу трудящихся против имущих классов и Комитета Временного правительства, который выражал интересы правящих классов в Средней Азии, возглавил Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов. Борьба за власть закончилась на первом этапе в Туркестане тем, что 9 (22) мая прежний состав Туркестанского комитета временного правительства[2] объявил о своем уходе в отставку вследствие расхождения по коренным вопросам управления краем с Ташкентским Советом. В новом составе Туркестанского комитета Временного правительства, как и в самом Временном правительстве, руководили меньшевики и эсеры. Новым председателем Комитета избрали В. П. Наливкина.

С апреля учебными заведениями Туркестанского края руководили два члена Туркестанского Комитета: Липовский[3] и Наливкин, выдвинутый в состав Комитета демократическими

---

[1] Эта оценка, приравнивающая Граменицкого к Соловьеву, схематична. Граменицкий среди учителей пользовался значительной популярностью за умелое, конкретное методическое руководство и заботу о школах. Глубочайшей его ошибкой было отрицательное отношение к развитию обучения в национальных школах Туркестана на родном языке учащихся. Современные советские исследователи (акад. Т. Н. Кары-Ниязов, научный сотрудник УзНИИПН Ю. Абдуллаев и другие) отмечают, что составленные Граменицким учебники русско-туземных школ содержали «полезный общеобразовательный материал» и сыграли свою положительную роль. В столкновениях Граменицкого с руководителем Ташкентской городской думы Маллицким играли роль неделовые субъективные мотивы. — *Ред.*

[2] ТВ, 1917, № 63.

[1] ТВ, 1917, № 24.

[2] Во главе с кадетом Щепкиным, которого Временное правительство назначило 7 апреля вместо уволенного генерал-губернатора Куропаткина.

[3] А. Л. Липовский — известный в то время литературовед-методист; долго был директором гимназии К. Мая в Петербурге; после Октябрьской революции работал в вузе на Урале; окончил гимназию в Ташкенте в IV выпуске (1886). — *Ред.*

организациями края. После отъезда Липовского, в связи с отставкой Туркестанского комитета, руководство перешло к Наливкину. При нем остался попечительский комитет, который фактически и ведал народным образованием в Туркестане. В областях школьным делом занимались прежние инспектора народных училищ.

По указанию Министерства просвещения попечительский комитет издал инструкцию, на основе которой при директорах и инспекторах народных училищ создавались совещательные комиссии. Однако политическая активность местного учительства и демократических организаций скоро этим не удовлетворилась, и на местах начали возникать самостоятельные органы руководства просвещением, ограничившие инспекторов или вовсе их упразднившие; такие сведения стали поступать из Семиречья, Ферганы, Закаспия. Таким образом, в течение двух-трех месяцев Туркестан покрылся сетью комитетов, комиссий, Советов, руководивших на местах народным образованием, главным образом — просвещением европейской части населения.

В демократизации учреждений по заведованию народным образованием много инициативы проявили учительские организации. В конце марта, объединившись в профессиональный союз [1], прогрессивное учительство стало давить на органы управления Временного правительства.

По инициативе бюро краевого совета Туркестанского учительского союза в июле было созвано совещание по вопросу о составе органов управления народным образованием в Туркестанском крае. В результате совещания временный коллегиальный орган был сконструирован из представителей от Ташкентской городской думы, совещательной комиссии при Туркестанском комитете Временного правительства, уездного отделения Крестьянского союза, краевого Совета рабочих и солдатских депутатов, краевого Совета мусульманских депутатов, родительских комитетов и от учительского союза в количестве одной трети общего состава всех представителей[2]. Взамен директоров и инспекторов народных училищ решено было создать на местах коллективы из представителей городского самоуправления, Совета рабочих и солдатских депутатов, родительских комитетов и учительского союза.

На местах, однако, мало слушали свой краевой центр и плохо исполняли его инструкции. В городах по всему краю органы управления отличались большой пестротой: в Закаспийской области действовали комиссары по народному образованию, в ряде городов школы были переданы в органы городского самоуправления, при которых имелись школьные ко-

[1] При царизме учительский профсоюз был запрещен.
[2] Журн. «Наука и просвещение», 1922, № 2, стр. 7.

митеты. В Самарканде школьным делом заправлял инспектор народных училищ; кое-где сохранились даже училищные советы дореволюционного состава. Ташкентский городской комитет по народному образованию был сформирован в следующем составе: восемь гласных городской думы (из них пять — от реакционного «Шурои-улема»), один член городской управы и восемь представителей от учителей: четыре от национальных школ и четыре от разных типов европейских школ.

В середине октября Министерство народного просвещения прислало распоряжение о передаче начальных школ в ведение городских и земских самоуправлений.

К моменту Октябрьской революции краевым полномочным органом по учебным делам остался дореволюционный попечительский комитет, состав которого в 1917 г. был слегка обновлен. Попечительский комитет старался сделать вид, будто бы в управлении школьным делом Туркестанского края ничего не изменилось и все осталось по-старому: в циркулярном распоряжении этого комитета, направленном инспектором народных училищ в начале сентября 1917 г., делается напоминание, что инспектора должны исполнять в отношении начальных училищ своих районов все те обязанности, «которые возложены на них законом и указаны в приложенной к 50-й т. XI Свода Законов инструкции, не слагать их с себя самовольно и не передавать без разрешения высшей учебной администрации каким-либо организациям и комитетам» [1].

Русские учебные заведения. До завоевания политической власти рабочими, солдатами и крестьянами коренных изменений в школьном деле Туркестана не произошло.

Главное управление учебными заведениями края и попечительский комитет при нем, продолжая колонизаторскую политику, государственные средства расходовали преимущественно на открытие школ для русского населения, уделяли много внимания расширению сети русских учебных заведений в Туркестане [2].

Управление учебными заведениями наметило открыть по краю 23 высших начальных училища (по закону 25 июля 1912 г.), из них 15 смешанных, 7 женских и одно мужское[3].

Намечено к открытию и значительное число средних школ; например, возбуждено ходатайство перед Министерством народного просвещения об открытии в Ташкенте второй мужской гимназии, второго реального училища в составе старших классов и третьей женской гимназии, также в составе старших

[1] Газ. «Туркестанский курьер», 1917, № 197.
[2] Приводимые ниже данные взяты из бюллетеня учительского союза, издававшегося в 1917 г. в Ташкенте под названием «Туркестанский учитель».
[3] Напоминаем, что в дореволюционной сети русских школ в Туркестане узким местом было малое число высших начальных училищ. — *Ред.*

классов при мариинском женском училище. В Ташкенте разрешено открыть частное учебное заведение по программе младших классов женской гимназии и частную мужскую гимназию; разрешено также частное учебное заведение в составе четырех низших классов с подготовительным отделением.

В г. Перовске, Сыр-Дарьинской области, разрешено открыть на средства города совместную четырехклассную гимназию в составе старших классов, а также V и VI классы при частной женской прогимназии по программе Министерства народного просвещения.

В Ферганской области предположено открыть мужские и женские, а также смешанного типа средние учебные заведения в гг. Коканде и Андижане; в этих же городах по ходатайству родителей открыты в 1917 г. восьмые классы при женских гимназиях по программе мужских гимназий для подготовки девушек в университет и другие высшие учебные заведения России.

В Пишпеке (Семиреченская область) дано разрешение преобразовать частную женскую четырехклассную прогимназию в восьмиклассную гимназию на средства города.

В Асхабаде и Мерве (Закаспийская область) намечено осенью открыть шестые классы при прогимназиях: в Асхабаде — на средства Армяно-Григорианского благотворительного общества, а в Мерве — на средства города; в Кизыл-Арвате предположено открыть восьмиклассную смешанную гимназию вместо высшего начального училища и прогимназии.

Не все намеченные к открытию школы появились осенью 1917 г.; помещенная ниже таблица дает представление о количественном состоянии школьной сети по краю в 1916 г. и о росте ее в 1917 г.:

Таблица 22

Название учебных заведений	Число школ к 1 января 1917 г.	Число школ к 1 января 1918 г.
Мужские средние учебные заведения	13	19
Женские гимназии	14	18
Высшие начальные училища	28	39
Начальные училища	577	922*

* Архив УзНИИПН. Сведения взяты из сметы по народному образованию Туркестанской АССР на 1918 г.

В числе средних учебных заведений на 1 января 1918 г. было 30 мужских и женских гимназий, 4 коммерческих[1] и 3 реальных училища.

Перечисленные учебные заведения предназначались главным образом для русского населения — точнее говоря, для семей, в которых дети свободно говорили на русском языке и родители имели возможность обучать их в начальных или средних русских школах.

Ташкентским комитетом по народному образованию в 1917/18 учебном году было открыто 28 новых отделений при существовавших русских начальных городских школах, 3 новых смешанных училища для мальчиков и девочек. Во всех городских начальных школах (7 мужских, 7 женских и 9 смешанных) к 1 октября 1917 г. числился 4901 учащийся, из них 2331 мальчик и 2770 девочек. Открыта была школа для переросших детей, в которой училось 36 подростков. Кроме того, открыты были III и IV классы при женских гимназиях для окончивших начальные школы; в эти классы было принято 78 девочек. Наконец, городская дума ассигновала реальному училищу пособие на открытие шести параллельных классов. Таким образом, дети европейского населения Ташкента были полностью удовлетворены начальными и средними школами.

В связи с эвакуацией в Туркестан начиная с осени 1915 г. части населения с территории, занятой немецкими войсками, открывались начальные школы или классы для детей беженцев — в 1917 г., например, при детском приюте в Ташкенте.

Железнодорожными школами занималось в 1917 г. исполнительное бюро союза учащих Среднеазиатской железной дороги[2]; оно приступило к постепенному осуществлению «весьма широкой реорганизации школьного дела по программе, выработанной местными и всероссийскими съездами железнодорожных училищ». Бюро союза учащих приглашало лиц, могущих занять учительские должности[3]. Приведенный факт дополняет картину школьного дела в 1917 г. в части обслуживания европейского, главным образом русского, населения Туркестана.

В характеристике сети русских школ Туркестана в 1917 г. существенны два обстоятельства[4].

а) К 1 января 1918 г. русские средние школы появились если не во всех, то в подавляющем числе уездных городов края[5].

[1] Коммерческие училища были с совместным обучением, но в таблице попали в число мужских средних учебных заведений, по-видимому, из-за значительного преобладания в них мальчиков.

[2] Аналогичное положение было на Оренбургско-Ташкентской железной дороге.

[3] ТВ, 1917, № 230.

[4] Дополнение редактора.

[5] В настоящее время в советском Узбекистане полные средние школы имеются во всех крупных колхозах (в Андижанской области трудно найти

б) Судя по Ташкенту, в городах охват школами русских девочек не отставал от охвата мальчиков; при этом женская половина учащихся средней школы все больше тянулась к высшему образованию, в связи с чем и в уездных городах открывались для девочек восьмые классы.

В отношении типов школ нужно отметить:

1) тенденцию к расширению сети высших начальных училищ;

2) планирование гимназий не только мужских и женских, но и смешанных (вместе с тем сохранение в городах части начальных школ с раздельным обучением);

3) переход нескольких частных средних учебных заведений частично или полностью на местный бюджет;

3) планирование некоторых средних учебных заведений в составе только старших классов;

5) появление общеобразовательных школ национальных меньшинств [1].

Союзы учащихся средних учебных заведений, организовавшиеся в 1917 г. в городах Туркестана, проводили на летних каникулах 1917 г. культурно-просветительную работу среди молодежи на началах самодеятельности, учителя мало в этом участвовали. В некоторых городах (Андижане, Скобелеве, Ташкенте и др.) издавались небольшие ученические журналы, печатавшиеся в местных типографиях [2]; эти журналы отражают жизнь русской средней школы бурных 1917 и 1918 годов и политическое расслоение среди учащейся молодежи, передовая часть которой после Октябрьской революции вошла в комсомол, а кое-где сделалась орудием в руках белогвардейцев.

В союзах учащихся средней школы вместе работали учащиеся мужских и женских гимназий, что послужило некоторой подготовкой к переходу в советских школах в 1918—1919 гг. на совместное обучение.

В содержании учебной работы в школах существенных сдвигов до Октябрьской революции не произошло.

Школы коренного населения. Если на русских школах Туркестана скоро сказалась инициатива демократической и прогрессивной общественности, пробудившаяся после свержения царизма, то значительно медленнее шло дело с улучшением народного образования местных национальностей. В Управлении учебными заведениями сохранялась традиция колонизаторов заниматься вопросами просвещения основной массы населения края во вторую очередь. Реформы в мусульманских учебных заведениях тормозились мусульманскими реакционерами, проникшими в новые органы местного самоуправления. Демократические и прогрессивные силы среди учителей местных национальностей были еще невелики.

Однако впервые широко организовавшееся «мусульманское» (по тогдашней терминологии) учительство Туркестанского края выступило в 1917 г. с программой школьных реформ.

колхоз, удаленный от средней школы более чем на 10 *км*). Еще в 1941 г. в Узбекской ССР, как правило, в каждом районном центре была школа-десятилетка, в параллельных классах которой обучение велось на узбекском и русском, а также и на других языках населения.

[1] Напр., открылась армянская школа в Асхабаде. При царизме национальным меньшинствам разрешалось проводить на родном языке, как правило, только конфессиональное обучение; возможности общеобразовательного обучения на родном языке для нерусских (кроме немцев) были очень ограниченны.

[2] Печатные и рукописные школьные журналы есть в Государственной библиотеке в Ташкенте.

В Ташкенте с 20 по 23 мая 1917 г. происходил краевой съезд учителей мусульманских школ. По общим политическим вопросам этот съезд мало проявил самостоятельности: в резолюции о форме государственного устройства России туркестанские учителя-мусульмане выразили полное согласие с решениями всероссийского мусульманского съезда, который признал желательным «устроение России на началах федеративно-демократической республики с предоставлением широкой автономии на окраинах страны», а в вопросе, касавшемся учреждения духовного мусульманского управления в Туркестане, присоединился к резолюции краевого мусульманского съезда, т. е. высказался за организацию в крае такого органа.

Что касается организации народного образования в Туркестане, то по этому вопросу съезд в своих решениях затронул многие стороны просветительного дела в крае.

Съезд предложил обучение в школах вести на родном языке учащихся. Школьная система должна состоять из трех ступеней, между которыми нужна органическая связь и преемственность; начальная школа объявлена шестилетней; обучение в школах решено сделать бесплатным; школы содержит государство, земское или городское самоуправление. Начальное обучение провозглашено всеобщим и обязательным.

Касаясь русского языка, учителя мусульманских школ признали его обязательным предметом, начиная с четвертого года обучения в начальных школах.

В разделе резолюции съезда «Внешкольное образование» сказано о библиотеках-читальнях, о курсах по пятницам («воскресные» школы) для взрослых, о передвижных школах для кочевого населения, о лекциях и чтениях на научно-популярные темы и тому подобных мероприятиях. Кроме того, упоминается об открытии национального музея, воспитательных домов и детских садов для детей дошкольного возраста [1].

Если в общих пожеланиях к построению народного образования в стране, освободившейся от оков царизма, майский съезд мусульманских учителей Туркестанского края поддерживал актуальные тогда требования организованного российского учительства и прогрессивной общественности, то в отношении реформы высших религиозных школ (медресе) съезд проявил большой консерватизм, фактически сохранил их средневековую организацию. Предложив разделить все медресе Туркестана на три ступени — низшую, среднюю и высшую, съезд оставил учебно-воспитательную жизнь в ведении совета мударрисов без участия светского общественного контроля; об учебной программе медресе в резолюции съезда (п. 33) ска-

[1] «Туркестанский учитель», Ташкент, 1917, № 1—2, стр. 31.

зано: «Все медресе по возможности должны иметь общую программу с преподаванием в них предметов духовного содержания и тех общеобразовательных наук, которые не противоречат основам шариата». По мнению съезда, реформировать медресе можно только согласно «вакфнама» — точнее говоря, перестраивать их внутреннюю жизнь можно только с согласия учредителя медресе, который выразил свою волю в этом документе.

Религиозные, так называемые старометодные, мактабы подлежат постепенному реформированию «согласно шариату» (п. 13 резолюции).

Из решений съезда относительно медресе и старометодных мактабов видно, что учителя мусульманских школ Туркестана еще не освободились частью от идеологии феодального строя, частью от страха перед сплоченной кастой мусульманского духовенства. Политической робостью была окрашена и деятельность Туркестанского совета мусульманских учителей, избранного съездом.

Ташкентский совет учителей мусульманских городских школ подал в городскую думу подробный доклад, в котором говорилось, что совет, озабоченный реорганизацией русско-туземных училищ Ташкента, предлагает реорганизовать эти училища по прилагаемому проекту. Сущность этого проекта сводится к следующим требованиям. С начала 1917/18 учебного года название «русско-туземная школа» отменяется и вместо него вводится название «милли-мактаб» («национальная школа»). Помимо существующих и реорганизуемых 11 русско-туземных школ, городская дума должна открыть еще 11 национальных школ в различных частях «туземной» части города. Программа обучения в них будет совпадать с программой, принятой на всероссийском съезде мусульманских учителей для шестигодичных начальных школ.

Касаясь внутренней жизни национальных школ, проект имеет в виду, что в этих школах преподавание будет вестись на родном языке учащихся, а русский язык вводится с четвертого года школьного курса. В этих школах русские учителя и учителя коренных национальностей «во всех правах будут равны». Заведование этими школами должно быть возложено на одного из мусульманских учителей; праздники и каникулы будут установлены «согласно религии и жизни мусульман» (п. 6 проекта).

Руководство и контроль за работой национальных школ, назначение и увольнение учителей этих школ поручается, согласно проекту, инспектору, который избирается общим собранием учителей каждого города и уезда и утверждается краевым мусульманским советом. При инспекторе будут находиться избранные советники. Текущие дела инспектор разрешает самостоятельно, но назначение и увольнение учителей, закрытие школ и перевод их в другое место и аналогичные вопросы не могут разрешаться инспектором без согласия советников. Обучение в школах должно быть бесплатным, а все расходы по содержанию национальных школ производятся из городских, земских или государственных средств.

При каждой национальной школе учреждается попечительство из лиц, знакомых с учебным делом, но с тем, однако, условием, чтобы число их не превышало число учителей школы. Роль попечительства сводится к тому, что оно вместе с учителями «следит за порядком, вырабатывает школьные правила и выполняет все хозяйственные функции» (п. 10 проекта). Преподавать в национальных школах могут только лица, окончившие педагогические курсы или выдержавшие экзамен при отделе народного образования краевого мусульманского Совета и получившие свидетельство на звание учителя. Это правило касается новых учителей. Прежние же учителя, имеющие опыт преподавания в школах, экзамена не держат.

В заключительной части этого документа Совет ташкентских мусульманских учителей суммирует свои предложения: 1) реорганизовать русско-туземные школы в национальные школы, 2) открыть к ним еще 11 национальных школ, 3) уравнять в материальном и правовом положении туземных учителей с русскими и 4) открыть двухгодичные учительские курсы. «Все же остальные наши требования,— читаем в конце доклада,— вполне совпадают с общими требованиями всего учительства» [1].

Предлагая на обсуждение городской думы проект преобразования русско-туземных школ в милли-мактабы, Ташкентский совет мусульманских учителей обращает внимание думы на следующие обстоятельства, которые дают ему основания надеяться на удовлетворение своих просьб.

Во-первых, подчеркивается в докладе, «коренное население Ташкента несет налоговое бремя наравне с русским населением, но русское население, впятеро меньшее по численности[2], располагает десятками учебных заведений разного типа, а для туземцев открыто вместе с министерскими школами всего одиннадцать начальных школ. Временное правительство оповестило всех граждан о праве каждой национальности пользоваться культурно-национальной автономией. Совет мусульманских учителей желает воспользоваться этим правом».

Из-за враждебной коренному населению обрусительной политики старого режима местные жители намеренно оставлялись царской администрацией в темноте и невежестве; поэтому в настоящее время, указывалось в докладе, местное население испытывает крайнюю нужду в интеллигенции, в учи-

[1] ТВ, 1917, № 200, ст. «Мусульманская национальная школа».

[2] В 1915 г. жителей в Ташкенте было 250 тыс., из них европейского населения 75 тыс.

телях. В наступающем учебном году коренное население может обеспечить только 25—30 начальных школ своими учителями, более или менее отвечающими требованиям педагогики.

Кроме того, создалась крайняя необходимость в организации средних и высших национальных учебных заведений как общеобразовательных, так и профессиональных, а преподавателей для таких школ не имеется, с горечью признают составители доклада.

Авторы доклада просят самоуправление Ташкента от лица местных жителей открыть в 1917/18 учебном году для их детей несколько новых школ. Следовательно, совет мусульманских учителей Ташкента установил, что руководители учебного ведомства в Туркестане продолжают колониальную политику в школьном деле и после Февральской революции.

В докладе совета мусульманских учителей Ташкентской городской думе имеется также учебный план милли-мактаба, в котором помещены предметы с указанием суммарного количества часов в неделю во всех классах. По сравнению с учебным планом новометодных мактабов 1907—1910 гг. (см. выше VI главу) здесь нет большого прогресса; правда, появились новые предметы: ручной труд, рукоделие и рисование. Но по-прежнему мусульманское вероучение подавляет общеобразовательные предметы; на него дается суммарно 28 час., а на родной и русский языки вместе — 27 час.

Краевой мусульманский учительский съезд и Ташкентский совет мусульманских учителей приняли важные прогрессивные решения — об обучении в национальных школах на родном языке с преподаванием русского языка как предмета, о введении в их учебный план общеобразовательных предметов, ручного труда, рукоделия и других практических навыков. Но организации мусульманских учителей в 1917 г. подчиняли общеобразовательную работу в национальных школах Туркестана требованиям мусульманской религии.

Мало того, организации мусульманских учителей, полагая, что дело народного образования у каждой национальности должно строиться на мелкобуржуазном принципе национально-культурной автономии, считали естественным, чтобы всеми национальными школами коренного населения Туркестана ведала обновленная мусульманская теократия. Панисламистское влияние проявилось и в уклонении мусульманского учительского съезда от реформы старометодных мактабов и медресе и в требовании, чтобы подготовка учительниц-мусульманок была организована отдельно от подготовки учителей и чтобы воспитание и управление в женских учительских школах были построены «согласно шариату».

Давление революционных масс и практическая деятельность Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов оказывали влияние на Ташкентскую городскую думу; очевид-

ные признаки надвигавшейся пролетарской революции побуждали ее быть внимательной к просветительным нуждам коренного населения Ташкента. В августе 1917 г. группа гласных от населения поставила перед думой вопрос о реорганизации начального образования среди жителей старой, узбекской, части города Ташкента; их заявление было передано в городскую комиссию по народному образованию, которая выделила особую комиссию из специалистов; в ее состав вошли директор народных училищ С. М. Граменицкий и гласный думы В. П. Наливкин.

Эта комиссия, воздерживаясь от реорганизации русско-туземных школ, признала необходимым одновременно с существовавшими в Ташкенте 11 русско-туземными школами открыть в текущем же году 20 милли-мактабов в составе одного класса с одним учителем [1]. Распределение этих школ по частям города, назначение учителей и утверждение программы этих школ предполагалось поручить той же специальной комиссии.

Когда проект думской комиссии по народному образованию был доложен пленуму Ташкентской городской думы, то совершенно неожиданно, как бы в насмешку над вопиющей народной нуждой в светском начальном образовании на родном языке, ультрареакционное большинство городской думы, прошедшее по списку «Шурои-улема», провело решение об открытии в Ташкенте 12 старометодных мактабов.

На ташкентском примере видно, как вопрос о создании в Туркестане национальной школы на родном языке запутался в 1917 г. в борьбе буржуазно-националистических влияний, традиций колонизаторства и реакционнейших пережитков среднеазиатского феодализма. Разрешить этот вопрос пришлось пролетарской революции.

Вопрос о русско-туземных школах. Как мы видим, Туркестанский мусульманский учительский съезд, проходивший в Ташкенте 20—23 мая 1917 г., высказался за реорганизацию русско-туземных школ в национальные школы с обучением на родном языке и с преподаванием русского языка как одного из предметов обучения.

За неделю до того такое же решение принял проходивший в Ташкенте с 9 по 14 мая 1917 г. Первый учительский съезд Туркестанского края; его делегатами были учителя, главным образом русских и русско-туземных школ.

Вполне естественно, что в новых общественно-политических условиях, после Февральской революции, съезд учителей обратил внимание на школьную систему Туркестана и поставил

[1] Напомним, что Ташкентский совет мусульманских учителей предложил открыть 11 новых милли-мактабов, но реорганизовать в национальные школы также 11 русско-туземных школ. Ниже, в разделе «Профобразование», сказано, как стоял в связи с этим вопрос о национальных учительских кадрах.— *Ред.*

вопрос, в какой мере эта система будет соответствовать новым запросам населения, пробужденного революцией, и активной общественно-политической, культурной и хозяйственной жизни.

В числе других вопросов в повестку съезда был поставлен доклад о русско-туземных школах, о дальнейшей их судьбе. Напомним, что Ташкентский исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов дал отрицательную оценку деятельности Граменицкого и Соловьева, которые были горячими защитниками этих школ. Кроме того, постановка школьного дела в крае подверглась широкому обсуждению в печати.

Докладчиком по вопросу о русско-туземных школах был инспектор народных училищ Ферганской области Ф. П. Егоров, который сообщил съезду, что за 25 лет в Туркестане открыто 150 таких школ. По его словам, целью русско-туземных школ было не просвещение коренного населения, а его обрусение; построены эти школы на ложных, антипедагогических принципах; коренным недостатком их является игнорирование родного языка детей и неправильная постановка обучения в них русскому языку. Они организованы в ущерб умственному и физическому развитию детей: русско-туземная школа разделена на русский и туземный классы; в русском классе дети механически заучивают русские слова, а в туземном классе также механически учатся арабской грамоте и мусульманскому вероучению. Эти училища необходимо реформировать,— они не могут правильно решать учебно-воспитательных задач и не дают детям прочных знаний по русскому языку. На основании личного опыта Ф. П. Егоров сказал, что русско-туземные школы непопулярны в Ферганской и Самаркандской областях. Большинство учеников не доходит до IV класса. В 1916 г. в 18 школах Самаркандской области окончили курс 6 человек, а в Ферганской в 23 школах — 40. Есть много кишлачных школ в тех же областях, сказал докладчик, которые за 10—15 лет выпустили 1—2 человек [1].

Ф. П. Егоров совершенно правильно вскрыл в организации русско-туземных школ противоречия, тормозившие умственное развитие детей и культурное развитие народов Средней Азии тем, что в этих школах был в загоне родной язык учащихся. Но докладчик не сумел обнаружить в работе этих школ рациональное зерно: эти школы вооружали знаниями русского языка те слои местного населения, которые имели постоянные деловые связи с русскими людьми или стремились повысить свой

[1] Работа съезда учителей Туркестана освещена в газ. «Русские ведомости» (1917, № 48). Егоров на тему своего доклада поместил ст. «Система просвещения туземцев в Туркестане» в «Туркестанских ведомостях» (1917, № 48).

культурный уровень, используя русский язык как орудие самообразования[1].

Съезд учителей принял резолюцию: «Преобразовать русско-туземные училища в крае и новометодные мактабы в единую национальную школу первой ступени с преподаванием на туземном языке и с обязательным изучением государственного языка».

Собравшийся через неделю краевой мусульманский учительский съезд также вынес решение, на основании которого русско-туземные школы должны быть заменены школами на родном языке с шестилетним курсом, с преподаванием русского языка как предмета обучения[2].

Попечительский комитет, который выполнял роль главного управления учебными заведениями Туркестанского края, отказался реформировать русско-туземные школы без указания Министерства народного просвещения.

В августе 1917 г. краевой совет учителей представил в попечительский комитет Туркестана ходатайство о передаче русско-туземных школ в ведение мусульманских организаций края. Попечительский комитет ответил, что впредь до получения по этому вопросу новых распоряжений Министерства на-

[1] Ф. П. Егоров, бывший преподаватель Туркестанской учительской семинарии, давно критиковал систему Граменицкого с позиции Остроумова и Ильминского — за антиметодический отказ от родного языка учащихся при проведении русификации. После Февральской революции он выступил против русско-туземных школ «слева» — с обвинением в русификации. В 1910 г. на совещании у генерал-губернатора Самсонова Егоров жаловался на отсутствие наглядных пособий в русско-туземных школах Ферганской области; в то время дирекция народных училищ Сыр-Дарьинской области обеспечила свои русско-туземные школы наглядными пособиями очень хорошо. Учителя Ферганской области сторонились инспектора Егорова из-за его сухости. — *Ред.*

[2] По вопросу о времени начала изучения русского языка в нерусских школах Первый учительский съезд Туркестанского края (состоявший из учителей русских и русско-туземных школ) высказался за введение русского языка как предмета с третьего года обучения, краевой мусульманский учительский съезд — за обучение русскому языку с четвертого года. С 1918 г. в нерусских школах Туркестанской АССР русский язык был в учебных планах с третьего года обучения (в сельских начальных школах его преподавание часто не осуществлялось из-за отсутствия учителей). Такое же положение было в советских республиках Средней Азии с 1925 г. до 1938 г. Интерес к русскому языку — языку В. И. Ленина, орудию культуры и средству межнационального общения — возрос. С 1938 г., в результате мероприятий Коммунистической партии и Советского правительства, обучение русскому языку стало осуществляться также и во всех сельских начальных нерусских школах, причем в этих школах русский язык стал преподаваться со второго года обучения. Вскоре начало обучения русскому языку нерусских школьников со второго года установилось также и в сельских семилетних и средних школах и во всех городских школах. В некоторых республиках Средней Азии русский язык в нерусских школах преподается со 2-й половины I года обучения; в Узбекской ССР проводился такой опыт, но в настоящее время во всех нерусских школах республики русский язык преподается со второго года. — *Ред.*

родного просвещения русско-туземные школы, как и другие правительственные начальные школы, должны находиться в ведении инспекторов народных училищ [1]. Судя по этому ответу, попечительский комитет Туркестанского края принял решение не вносить никаких изменений в организацию школьного дела в крае до общего распоряжения из центрального ведомства просвещения.

Насколько упорно сопротивлялась учебная администрация Туркестана проникновению в школы новых идей, которые не укладывались в законодательство царского периода, показывает следующий факт. Попечительский комитет получил телеграмму от инспектора народных училищ Семиреченской области с запросом, может ли он разрешить преподавание в русско-туземных училищах на родном языке детей местного населения.

После длительного раздумья чиновники комитета ответили по всем правилам старозаветного канцелярского крючкотворства. Попечительский комитет нашел, сказано в этом ответе, что «утвержденные учебные планы правительственных инородческих училищ, открытых по правилам 1886 и 1907 гг., допускают уроки туземной грамоты и вероучения и пользование родным языком в русском классе при начале занятий, и впредь до издания новых распоряжений по этому вопросу необходимо занятия в правительственных инородческих училищах согласовать с этими правилами и составленными для них учебными планами и программами»[2].

Попробуйте догадаться на основании этого ответа, можно ли было преподавать в русско-туземных школах Туркестана на родном языке казахских детей.

А вот Скобелевский Совет солдатских и рабочих депутатов, не имея никаких указаний ни из центра, ни от краевого начальства, не побоялся вынести в марте 1917 г. следующее решение: «Скобелевский Совет солдатских и рабочих депутатов предлагает фабрикантам и заводчикам Скобелевского уезда:

а) немедленно ввести на всех предприятиях и производствах, впредь до издания закона о нормировке рабочего дня для всех видов труда, 8-мичасовой рабочий день»[3].

В сопоставлении этих двух фактов одного и того же исторического периода наглядно показано различие в классовом подходе бюрократического учреждения буржуазно-помещичьего правительства и революционного органа пролетарской власти.

Так как 11 русско-туземных школ в Ташкенте находились в ведении городской думы и содержались на средства, полученные от населения, то Ташкентский совет мусульманских

[1] Газ. «Туркестанский курьер», 1917, № 195.
[2] Газ. «Туркестанский курьер», 1917, № 202.
[3] Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Сборник документов, Ташкент, 1947, стр. 40.

учителей обратился, как мы видели, с докладом по этому вопросу в городскую думу, которая передала предоставленный советом проект реорганизации русско-туземных школ в комиссию по народному образованию. Комиссия под влиянием Граменицкого, который высказался за сохранение этих школ в прежнем их виде, приняла решение отклонить просьбу совета о преобразовании русско-туземных школ в милли-мактабы [1].

Та же комиссия по народному образованию Ташкентской городской думы высказалась за то, чтобы в связи с открытием значительного количества новых начальных школ для коренного населения организовать в текущем году в старой части города два русско-туземных училища высшей ступени, в которые должны будут приниматься на свободные вакансии и русские дети. В этом проекте авторы его, главным образом под влиянием Наливкина, высказали важную политическую идею: эти школы должны послужить сближению детей местного и коренного населения, сгладить существовавшую между ними национальную рознь и «помочь взаимному пониманию и уважению людей, живущих рядом» [2].

Предложение думской комиссии об открытии в старом городе в 1917 г. для узбекского населения двух учебных заведений типа средней школы было шагом вперед, так как за год до того ташкентское купечество безуспешно просило начальника края Куропаткина открыть для коренного населения Туркестана среднее учебное заведение на русском языке.

Среднее образование для коренного населения начиналось на русском языке, так как для осуществления его на родном языке не имелось ни преподавателей, ни учебников. Но важно было устроить для учащихся местной национальности среднюю школу, доступную им территориально; конечно, дети коренного населения имели право поступить в русские начальные и средние учебные заведения, но это право они не могли реализовать, так как русские школы находились далеко, в европейской части Ташкента. Кроме того, местные дети не знали русского языка в такой степени, чтобы могли учиться на русском языке с младших классов средней школы по общим программам и учебникам с теми детьми, которые русским языком овладели с раннего детства в родной семье [3].

Профессиональное образование. Сеть профессиональных учебных заведений в Туркестане, как мы видели,

[1] ТВ, 1917, № 154 (216) и 155 (217), ст. «К вопросу о национальной школе для туземцев».
[2] Газ. «Туркестанский курьер», 1917, № 223.
[3] В Туркестанской АССР было широко организовано общее и специальное среднее образование для коренного населения с помощью русского языка и вместе с тем заложены опытные школы для организации среднего образования на родном языке. С 1930 г. Узбекская ССР смогла перейти от отдельных опытов к обучению на родном языке во всей сети и всех классах узбекских средних школ. — *Ред.*

резко отставала от потребностей хозяйственного развития края. В связи с этим после свержения царской власти Управление учебными заведениями края и городские самоуправления Туркестана по настояниям общественности открыли в 1917 г. или наметили открыть с осени этого года значительное число специальных учебных заведений для подготовки работников различных профессий.

В Ташкенте, например, с 1 июня было открыто среднее техническое училище и расширено ремесленное училище по механической специальности. Двум инженерам разрешили открыть в Ташкенте частные гидротехнические строительные курсы; в с. Никольском, Ташкентского уезда, на средства Туркестанского сельскохозяйственного общества открыта низшая школа садоводства. Предполагалось открыть ремесленные училища в Коканде с механическим и химическим отделениями, в Пишпеке — с сельскохозяйственным и машиностроительным, в Верном — со слесарным, литейным и электромонтажным отделениями, в Самарканде — ремесленное училище общего типа [1]. Таким образом, сеть специальных школ в Туркестане также была значительно расширена по сравнению с дореволюционным временем.

На развитие в крае профессионального образования обратил внимание мусульманский учительский съезд в Ташкенте в мае 1917 г., признавший необходимым открыть специальные учебные заведения — медицинские, сельскохозяйственные, торговые, ремесленные и др. Для подготовки учителей надо, по мнению этого съезда, открыть учительские семинарии для мужчин и учительские школы для женщин, «причем в последних воспитание и приемы управления должны строиться в соответствии с указаниями шариата», т. е. будущие учительницы-мусульманки изолируются от общения с мужчинами, а на улицу могут выходить только с закрытым лицом.

Из всей проблемы профобразования вопрос о подготовке национальных учительских кадров привлекал наибольшее внимание мусульманского учительского съезда, Ташкентского совета мусульманских учителей и других организаций интеллигенции коренного населения.

По проекту Ташкентского совета мусульманских учителей в 1917/18 учебном году для обеспечения национальных школ города учительскими кадрами должны быть открыты на средства городской думы двухгодичные педагогические курсы. Думская комиссия с участием Наливкина и Граменицкого запроектировала открытие особой учительской семинарии для подготовки учителей в национальные школы; семинария намечалась с четырехлетним курсом, первый курс ее предполагалось открыть в текущем учебном году. Для подготовки учителей в 20 национальных школах, которые думская комиссия предлагала открыть в Ташкенте в 1917/18 учебном году, та же комиссия проектировала вечерние учительские курсы.

[1] «Туркестанский учитель», 1917, № 1—2, Хроника, стр. 52—53.

Вопрос о подготовке учителей для национальных школ встал и в других городах Туркестана. Кое-где были устроены краткосрочные учительские курсы; это первоочередное мероприятие широко распространилось после Октябрьской революции и имело в свое время большое значение [1].

В Ташкенте — крупнейшем в Туркестане средоточии русского населения — разрабатывались проекты подготовки учителей и для русских учебных заведений края. При ташкентской учительской семинарии Управление учебными заведениями намечало одногодичные педагогические курсы для подготовки учителей начальных училищ, так как нельзя было открыть новые начальные школы из-за недостатка учителей. При частной женской прогимназии Малиновской-Симоновой было разрешено открыть V и VI классы по программе шестиклассных прогимназий Министерства народного просвещения с расширенной программой ремесленных занятий для подготовки учительниц рукоделия в низшие учебные заведения.

Прогрессивная общественность Туркестана продолжала добиваться открытия в Ташкенте Среднеазиатского университета, городская дума старого состава приняла решение просить правительство о выдаче займа городу в 1 млн. руб. на строительство университета и отвела земельный участок под университетские здания. Городская дума нового состава снова поставила перед Временным правительством вопрос об университете в Туркестане. Министры просвещения при этом правительстве, как известно, часто менялись [2]. Министр просвещения Ольденбург обещал открыть историко-филологический факультет в январе 1918 года [3] — во всяком случае, уверял он, к августу этого года университет будет открыт. В октябре 1917 г. городское самоуправление получило от министра Салазкина телеграмму с извещением о том, что он в ближайшее время вносит проект Ташкентского университета с техническим факультетом на утверждение правительства; по его словам, в текущем учебном году министерство предполагает открыть историко-филологический факультет, а в 1918 г. откроет физико-математический как основу для медицинского и других факультетов. Салазкин просил подтвердить прежние обязатель-

[1] В Коканде в 1917 г. заложено начало одного из старейших узбекских педагогических учебных заведений, оно называлось тогда мусульманской учительской семинарией.— *Ред.*

[2] Последнего министра народного просвещения царского периода Кульчицкого сменил первый министр народного просвещения Временного правительства Мануйлов, затем последовали Ольденбург, Салазкин, Преображенский.

[3] ТВ, 1917, № 168.

ства города, а до постройки собственного здания бесплатно предоставить для университета временные помещения, установить также сумму денежной помощи из местных источников ежегодно и проч.[1].

Даже Керенский прислал телеграмму городской думе, что он «рад возможности оказать содействие скорейшему открытию университета в Ташкенте, который закрепит многолетнюю работу просвещения края...»[2]. Но университет в Туркестанском крае при Временном правительстве все же не был открыт.

* * *

Временное правительство, проводя классовую политику российской буржуазии, бросало миллиарды рублей на военные авантюры, на содержание чиновников и полиции, на подачки крупной буржуазии и жалело средств на культурные нужды отсталым народам, не доверяло малым народам, угнетало их и, по примеру царской власти, задерживало культурно-экономическое развитие окраин. «Уничтожение царизма и появление на сцене правительства Милюкова — Керенского,— писал И. В. Сталин в 1918 г.,— не внесли ровно никаких улучшений в эту неприглядную картину»[3]. Это утверждение И. В. Сталина правильно характеризовало отношение Временного правительства к народам Средней Азии.

Свержение царизма пробудило активность народных масс, усилило стремление к знаниям у трудящихся, у нерусского населения «окраин» России, и Временное правительство вынуждено было маневрировать.

Немногие культурно-просветительные мероприятия были осуществлены на местах демократической и прогрессивной общественностью, инициатива которой раньше была скована царскими законами.

Вместе с тем при Временном правительстве стали организовываться реакционные группы среди коренного населения Туркестана, опасавшиеся пробуждения сознания эксплуатируемого ими народа. Это ярко выразилось в решении Ташкентской городской думы, незадолго до Октября, открыть 12 мактабов *старого типа* (см. выше, стр. 399).

[1] ТВ, № 166 (228).
[2] ТВ, № 157 (213).
[3] И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 157.

Глава десятая

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТУРКЕСТАНСКОЙ АВТОНОМНОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ДО НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция, устранившая от государственной власти паразитические классы и передавшая эту власть в руки рабочего класса России, явилась, по словам В. И. Ленина, могучей политической предпосылкой для развития массовой народной культуры в освобожденной стране. С другой стороны, при диктатуре пролетариата рост культуры трудового народа — всеобщая грамотность, политическое просвещение, профессиональное образование и т. д.— становится сильнейшим «ускорителем» формирования нового, социалистического общества.

Справедливость этого теоретического положения великого Ленина весьма убедительно проявилась в первые же годы пролетарской революции в политической и культурной жизни нерусских народов Российской федерации, которые при царизме подвергались особенно суровому политическому угнетению и экономической эксплуатации,— узбеков, таджиков, туркмен и других народов, населявших территорию Туркестанского генерал-губернаторства.

Народам Туркестана правящие классы царской России не предоставляли даже земского самоуправления, которым пользовалось население Центральной России. Дело народного образования в Туркестанском крае, в отличие от других частей России, подчинялось не гражданскому попечителю учебного округа, а военному генерал-губернатору.

Несмотря на гнет самодержавия, передовая русская культура еще при царизме сыграла в развитии народов Туркестана прогрессивную роль; влияние это при колониальном режиме было ограниченным.

История быстрого и всестороннего развития культуры народов Туркестана под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции поучительна не только потому, что Туркестан в царской России был особенно отсталой окраиной.

В Туркестанской АССР культурное строительство шло в условиях многонациональной республики Советов. При этом народы Туркестана пришли к Октябрю с неодинаковым уровнем культурного развития: у некоторых еще не имелось письменности на родном языке.

Советский Туркестан в 1918—1919 гг. был месяцами отрезан от основной советской территории, от Москвы и с центральными органами Коммунистической партии и Советской власти имел редкую связь, преимущественно по радио. Многие вопросы, вставшие перед рабоче-крестьянским государством, здесь приходилось решать самостоятельно.

За 7 лет на огромной территории советского Туркестана была проделана многообразная работа по народному просвещению, еще недостаточно исследованная. Изложенное здесь является опытом отбора и систематизации накопленного материала.

Ниже в двух разделах — период военного коммунизма и период нэпа — рассматривается история школьного дела в советском Туркестане.

Образование Туркестанской АССР в составе РСФСР. В сентябре 1917 г. в Ташкенте на многотысячном митинге рабочих и революционных солдат была принята большевистская резолюция в духе решений VI съезда РСДРП(б) о переходе власти к Советам. Большие митинги с аналогичными революционными требованиями состоялись и во многих других городах Туркестана. А в ноябре III краевой съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и дехканских депутатов создал краевое правительство — Совет Народных Комиссаров Туркестанского края.

В апреле 1918 г. был созван V краевой съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и мусульманско-дехканских депутатов Туркестана, который 1 мая торжественно провозгласил советскую автономию Туркестана; в составе Российской федерации была организована Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика; ее появление стало первым важным этапом в истории развития советской национальной государственности народов Средней Азии.

Под руководством Коммунистической партии и Советского правительства трудящиеся Туркестанской республики поднялись на борьбу с внешними и внутренними врагами. Им была оказана громадная помощь со стороны Красной Армии. Войска Туркестанского фронта при активной поддержке трудящихся Туркестана разгромили белогвардейцев, басмачей и интервентов. На всей территории республики окончательно

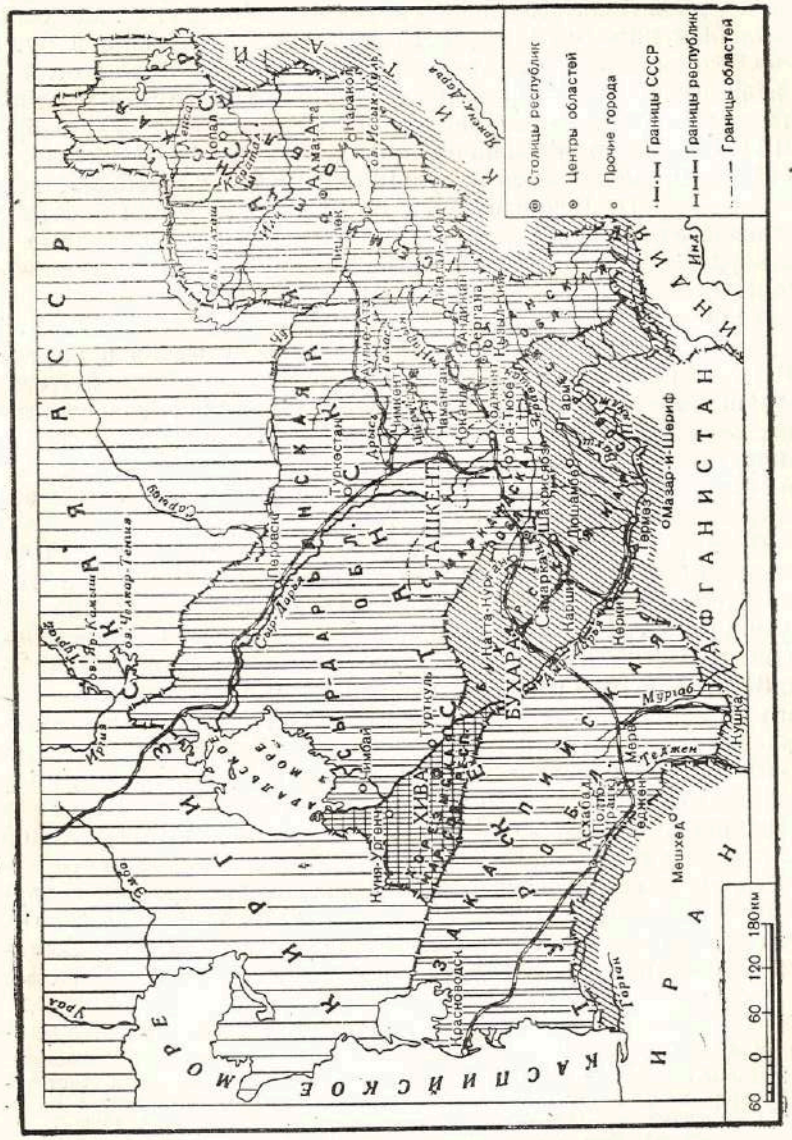

Рис. 8. Среднеазиатские республики до национального размежевания

восторжествовала Советская власть. Народ приступил к мирному труду [1].

Политическое и культурно-экономическое положение народов Средней Азии изменилось коренным образом, когда после свержения царизма государственная власть перешла в руки революционного рабоче-крестьянского правительства во главе с великим организатором Коммунистической партии и основателем Советского государства В. И. Лениным. 30 ноября 1919 г. было опубликовано обращение Советского правительства «Ко всем трудящимся-мусульманам России и Востока», подписанное В. И. Лениным и И. В. Сталиным; в нем сказано: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно»[2].

Как уже упомянуто, V краевой съезд Советов в апреле 1918 г. принял решение объявить Туркестанский край Автономной Советской социалистической республикой в составе Российской федерации. В. И. Ленин прислал съезду приветственную телеграмму, в которой писал: «Можете быть уверены, товарищи, что Совнарком будет поддерживать автономию вашего края на советских началах...»[3].

Тогда же, в апреле 1918 г., V краевой съезд Советов Туркестана утвердил «Положение о Туркестанской Советской республике Российской федерации»; но иностранная военная интервенция и гражданская война помешали немедленному политическому оформлению Туркестанской Советской республики. 8 октября 1919 г. ВЦИК вынес постановление, в п. 3 которого читаем: «Самоопределение народов Туркестана и уничтожение всяческого национального неравенства и привилегий одной национальной группы за счет другой составляют основу всей политики Советского правительства России и служат руководящим началом во всей работе ее органов», и только такой работой «можно окончательно преодолеть созданное многолетним господством русского царизма недоверие туземных трудящихся масс Туркестана к рабочим и крестьянам России»[4]. Наконец, 11 апреля 1921 г. ВЦИК издал декрет «Об образовании Туркестанской Советской Социалистической Республики»[5].

---

[1] См. кн.: Торжество ленинской национальной политики в Узбекистане, Материалы отдела пропаганды и агитации ЦК КП Узбекистана и Института истории партии при ЦК КП Узбекистана — филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Газ. «Правда Востока», 1957, № 250.

[2] Сб. «В. И. Ленин о Средней Азии и Узбекистане», Ташкент, 1957, стр. 66.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 36, стр. 445.

[4] Ленинский сборник, т. XXXIV, М., 1942, стр. 227, подстрочное примечание.

[5] Собрание узаконений, 1921, № 32, стр. 173.

Таким образом, Советское правительство оказало народам Туркестанского края братскую помощь в законодательном оформлении Туркестанской Советской Социалистической Республики, как автономной части Российской федерации.

Первые шаги к построению советской системы народного образования в Туркестане, отрезанном от центральной Советской власти. В первое время после Октябрьской революции дело просвещения в советском Туркестане возглавлял комиссар по народному образованию — член Совета Народных Комиссаров Туркестанского края[1].

В январе 1918 г. в Петрограде происходил III Всероссийский съезд Советов, на котором народный комиссир просвещения РСФСР А. В. Луначарский сделал доклад о ближайших задачах и целях народного просвещения; после оживленного обмена мнениями была принята инструкция, являвшаяся первой после Октябрьской революции попыткой наметить план коренного преобразования просветительного дела в России силами революционной демократии[2].

29 марта был опубликован декрет Совнаркома Туркестанского края: «Согласно распоряжения народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского, в Туркестанском крае организуется краевой Совет народного образования по прилагаемому плану». Была приложена несколько измененная инструкция, принятая совещанием делегатов III Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Краевой Совет народного образования состоял из представителей Советов рабочих, солдатских и дехканских (крестьянских) депутатов и одной трети педагогов и учащихся.

По тому же принципу в областях и уездах стали создаваться местные Советы народного образования, действовавшие с большой самостоятельностью.

После образования Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики, в середине июня 1918 г. взамен краевого Совета по народному образованию был создан Туркестанский народный комиссариат просвещения во главе с коллегией.

На обширной территории республики с многонациональным населением предстояло создать разветвленную сеть культурно-просветительных учреждений и школ с преподаванием на родном языке и по новым программам, отвечающим научным

---

[1] Этот пост несколько месяцев занимал левый эсер Успенский (врач) — авантюрист, грубым администрированием мешавший высвобождению учительства из-под контрреволюционного влияния руководителей старого учительского союза.

[2] Краткое содержание доклада и вся инструкция были переданы в Ташкент из Петрограда по телеграфу. См. «Нашу газету», 1918, № 23, Ташкент.

требованиям. Необходимо было обучить грамоте миллионы трудящихся, помочь трудовому населению в организации дошкольного воспитания и внешкольного образования, подготовить многочисленные кадры специалистов из людей коренных национальностей.

Радикальные демократические преобразования в школьном деле задерживались тем, что до конца 1917/18 учебного года сохранялись дореволюционные типы школ. К новому 1918/19 учебному году предстояло провести большие реформы.

Еще в мае 1918 г. Совнарком Туркестанской республики издал декрет следующего содержания: «Во исполнение воли V краевого съезда Советов приступить к немедленной организации единой общедоступной школы, а поэтому впредь отменяются все стеснения и преграды к поступлению желающих учиться в том или другом классе любого учебного заведения Туркестанской Советской республики. Все вступительные экзамены отменяются. Школы всех рангов и ведомств открыты теперь для всех желающих учиться в них без различия возраста, национальности, вероисповедания и свидетельств. Единственным условием для поступления в любой класс любой школы Туркестанской республики отныне является только желание учиться»[1].

В декрете предлагалось всем Советам немедленно приступить к выяснению количества желающих учиться в низших и средних школах и собранные сведения направить в Комиссариат народного просвещения не позднее 1 июля.

В середине июня в Ташкенте открылся съезд учителей и деятелей народного образования Туркестанской республики; после съезда началась реорганизация школьного дела в республике на новых основах.

В августе 1918 г. Центральный Исполнительный Комитет республики издал очень важный для народов Туркестана декрет о переводе обучения в школах на родной язык, а в ноябре опубликовал «Положение о структуре школы Туркестана». Так как началась коренная ломка существовавшей школьной системы, нарком просвещения счел необходимым призвать к участию в ней молодежь средних учебных заведений: он обратился с воззванием «К учащейся молодежи»[2], в котором призвал молодежь обоего пола включиться в борьбу за новую жизнь, за советскую социалистическую школу.

В целях преобразования учебного дела на новых общественных началах приказом Наркомпроса от 9 ноября 1918 г. упразднялись должности заведующего училищем, инспектора, директора; во всех общеобразовательных школах учебно-воспитательным и хозяйственным делом стали руководить педа-

[1] ЦАУ УзССР, ф. 18, д. 579.
[2] Газ. «Просвещение», Ташкент, 1918, № 68.

гогические советы и уполномоченные ими лица — председатели и секретари. В § 6 приказа сказано, что принцип выборности применяется во всех без исключения национальных училищах, а в § 7 читаем: В состав педагогических советов всех учебных заведений с правом решающего голоса входят 2 представителя (выборные) от учащихся.

С 4 июня до начала 1918/19 учебного года в Туркестанской республике происходили перевыборы учителей.

В ноябре 1918 г. Советы народного образования производили учет учебных заведений с разделением по типам и сообщали Наркомпросу, где надо открыть новые и какого типа.

Деятельность Туркестанского наркомпроса в 1918/19 учебном году была отражена в «Докладе VII Чрезвычайному съезду Советов Туркестанской Советской республики»[1]. К докладу приложено более 20 документов. В их числе «Положения» об организации дела народного образования: а) в Туркестанской Советской республике, б) в областях и в) в уездах[2].

Больше всего документов было посвящено вопросам построения школы *трудовой*. Наибольший интерес представляют «Положение о трудовых коммунах учащихся» от 7 февраля 1919 г. и связанное с ним инструктивное письмо «Трудовые дружины учащихся»; оба документа, подготовленные школьным отделом Туркестанского наркомпроса, очевидно, на опыте школы им. К. Либкнехта (см. стр. 458—460), рассматривают вопрос о трудовом воспитании в неразрывной связи с другими задачами коммунистического воспитания, ищут пути к политехническому обучению; особенно рекомендуется сельскохозяйственный труд; в обоих документах даны указания применительно к условиям Туркестана. О сельскохозяйственном труде школьников с более узким направлением говорится в документах, подготовленных подотделом сельскохозяйственного образования Туркнаркомпроса (имеется и «Положение» об этом подотделе) — «Положении о школах-хуторах» от 22 февраля 1919 г., «Объяснительной записке» к этому положению и «Схеме организационного плана хозяйства в школах-хуторах» со «Штатом служащих по хозяйству и в интернате в школах-хуторах» и «Схемой расчета расходов на содержание учащихся в школах-хуторах»; эти документы хотя и упоминают о чер-

[1] Из текста видно, что это — отчет наркома В. П. Билика за время с 1 ноября 1918 г. по 1 марта 1919 г. Отпечатано без указания места и года на 37 страницах (из них 29 стр. приложений); орфография — старая, но без твердого знака; судя по шрифту, печаталось в типографии ташкентской газеты «Известия» (бывшая газ. «Туркестанские ведомости»).
[2] В Ташкентском уезде, где школьная сеть была значительна, в 1920 г. открылись районные подотделы народного образования в Пскенте, Троицком, Куйлюке, Кауфманской.

тах сельского хозяйства в Туркестане, но производят впечатление основанных на заграничной буржуазной педагогической литературе.

Вопросам преподавания ручного труда и ремесл была посвящена «Инструкция о проведении обучения ручному труду в начальной (семилетней) школе и ремеслам в средней (трехлетней) школе», а также информационный материал «Школа труда», рассказывающий об открытой в Ташкенте для подготовки преподавателей ручного труда и ремесел «Практической школе ремесел (первой ступени ремесленной академии)».

Наконец, в порядке обмена опытом трудового воспитания в приложении был включен «Протокол» школьного комитета ташкентской школы им. В. М. Гаршина от 25 января 1919 г., посвященный вопросу о создании школьной трудовой коммуны.

Несколько документов, приложенных к докладу Наркомпроса Туркестана за время с 1.XI 1918 по 1.III 1919, касались внутренней организации школьной жизни и самоуправления в школе. Приказ Наркомпроса от 17 ноября 1918 г. упразднял должность классного наставника, передавая его функции ученическому самоуправлению. Циркуляр от того же числа был направлен против реакционного влияния буржуазно настроенных родителей, возглавлявших тогда родительские комитеты в ряде средних школ: «Родители... со своими привычками одергивать детей, устарели, утратили значение руководителей в школе». 31 января 1919 г. было издано распоряжение Туркнаркомпроса о порядке проведения зачетов и испытаний.

К докладу Наркомпроса были приложены «Положения» о рожденных революцией учебных заведениях: 1) о Туркестанском народном университете, 2) об Институте иностранных языков в Ташкенте, 3) о Туркестанском народном техникуме, 4) о курсах по подготовке руководителей детских садов и площадок, 5) об инструкторских курсах культурной помощи пролетариату.

Перечень приложений к докладу Наркомпроса VII Туркестанскому съезду Советов показывает, как многообразны были направления организационной деятельности Наркомпроса за четыре месяца 1918/19 учебного года [1].

Большие трудности встречались в создании материально-технической базы для открывающихся школ повышенного типа. Не хватало помещений, соответствующего учебного оборудования и инвентаря. Руководители отделов народного образования обращались за помощью к старым русским школам. В Ташкенте, Самарканде, Андижане из учебного оборудования, выделенного русскими школами, были созданы *центральные физические, естественноисторические и другие кабинеты*, в которых учителя национальных школ проводили лабораторные занятия со своими учениками, ставили опыты под руководством русских учителей.

[1] Ждет исследователя вопрос о соотношении документов Туркестанского наркомпроса 1918—1919 гг. с документами Наркомпроса РСФСР того же времени. Например, краткое распоряжение НКП РСФСР 31.V 1918 «Об отмене отметок» Туркестанский наркомпрос в приказе 17.XI 1918 регламентировал и дополнил в начале 1919 г. положением, обязавшим школы для выдачи удостоверений об образовании проверять знания (не выдержавшие испытаний сохраняли «право слушать курсы следующих классов»).

Продолжая строительство новой и преобразование старой школьной системы, Наркомпрос Туркестанской АССР в начале 1919 г. составил «План организации необходимой школьной сети». В связи с этим планом отделам народного образования предлагалось заняться подготовкой зданий для школ, а также учетом количества детей школьного возраста и национального состава населения своей территории.

Положительно следует оценить организацию Наркомпросом Туркестанской республики методических кабинетов по преподаванию в школе отдельных предметов при *Туркестанской педагогической лаборатории*, возникшей в 1917 г. по инициативе группы учителей. Лаборатория издавала «Бюллетени отдела общеобразовательных школ», в которых помещались статьи по педагогическим и методическим вопросам с краеведческим содержанием, а также перепечатывались отдельные материалы Наркомпроса РСФСР.

Математическая комиссия и математический кабинет лаборатории издали в 1919 г. «Математический сборник», посвященный преподаванию математики, напечатали краткие «Таблицы логарифмов» (1920), подготовили книгу «Пособие по математике для учителей I ступени единой трудовой школы», где давались конкретные указания по измерениям на земельном участке (вышло в свет в 1922 г.). Кабинет родного языка лаборатории издавал иллюстрированный детский журнал «Юный туркестанец» (вышло четыре двойных номера). В нем печатались статьи и стихи также и на узбекском языке.

Мероприятия по созданию советской национальной школы для народов Туркестана. Комиссариат просвещения Туркестанской республики был создан в составе 12 отделов; в их числе имелся специально для организации школ коренного населения отдел мусульманских школ, переименованный осенью 1918 г. в тюркскую секцию.

Термины «мусульманское учительство», «тюркская школа» и т. п. сохранялись в официальном обиходе Туркестанской АССР в 1918 и начале 1919 г., встречались и позже; с 1919 г. входит в употребление термин «узбекская школа» (наряду со «школой туркменской» и др.).

В 1918 г. в учебный план нерусских школ Туркестана было введено преподавание русского языка, а в учебный план русских школ — преподавание «тюркского» языка; русский и

«тюркский» языки в республике были объявлены государственными. По закону преподавание того и другого языка было обязательно для школы начиная с третьего года обучения, но изучение обоих этих языков для учащихся не было обязательным. Фактически русский язык во многих сельских нерусских школах не преподавался из-за отсутствия соответствующего учителя, а там, где он преподавался, стал для учащихся обязательным; в русских школах обычно преподавался как обязательный для учащихся местный язык: в Ташкенте — узбекский, в Семиречье — казахский, в Закаспии — туркменский.

В приказе наркома просвещения Туркестанской АССР от 3 декабря 1918 г. перед отделами народного образования был поставлен вопрос специально о местных национальных школах: «В целях развития народного образования среди мусульманского населения, предлагаю отделу войти в контакт с местным отделом национальных дел в принятии мер к открытию в волостях мусульманских училищ». Требовалось сообщить Туркнаркомпросу, сколько тюркских школ функционирует и сколько тюркских школ предложено к открытию, а также сколько имеется старометодных мактабов.

Что касается конфессиональных школ — старометодных мактабов и медресе, то предложено было прекратить выдачу этим школам субсидий, а отделам народного образования дано указание запросить эти школы через Советы рабочих и дехканских депутатов: «Не пожелают ли они реформироваться и принять общереспубликанский тип?» Действительно, многие молодые учителя старометодных мактабов, главным образом в городах, стали перестраивать свои мактабы.

Строительство советской школы с обучением на родных языках народов Туркестана встретило огромные трудности из-за острого недостатка подготовленных учителей и отсутствия подходящих учебников.

Одним из мероприятий, направленных на облегчение кризиса с учителями, было решение коллегии Туркнаркомпроса от 28 января 1919 г. об открытии в Ташкенте с 1 марта краевых шестимесячных курсов для подготовки учителей. Контингент курсов был определен в 200 человек: от каждого уезда Ферганской и Самаркандской областей — по 20 человек, а от Мервского и Тедженского уездов Закаспийской области — по 10 человек. Кандидаты командировались по выбору отделов народного образования. В тех областных городах, где в 1918 г. существовали педагогические курсы для учителей-мусульман, предлагалось провести повторные трехмесячные курсы в летний период с обязательным участием прежних курсантов. В 1919 г. краткосрочные педагогические курсы были созданы в Фергане, Андижане, Коканде, Самарканде и других городах Туркестана, свободных от интервентов и белых.

В качестве учебников первых советских школ с обучением на языках народов Туркестана использовались некоторые старые учебники новометодных мактабов, а также русско-туземных школ; часто применялись книги на татарском языке. Издание новых учебников, хотя бы переводных, очень затруднялось не только острым недостатком литературных сил, но и слабостью туркестанской полиграфии и кризисом с бумагой. Все-таки некоторые учебники печатались часто путем литографии; использовалась и цветная бумага, даже оборотная сторона оставшихся на складах дореволюционных торговых этикеток и реклам.

В 1918—1919 гг. начала появляться новая переводная и оригинальная учебная литература на узбекском языке: «Начальная география» — перевод с русского из книги Крубера, пособие для преподавателей по физической географии; «Туркестан» — перевод с русского из «Очерков географии России» Крубера, пособие для преподавателей истории и географии; перевод с татарского задачника Валишева по арифметике для первых двух лет обучения; «Кусочек природы» Т. Н. Кары-Ниязова, пособие для преподавателей.

В те же годы узбекские буквари были изданы в Ташкенте и Самарканде, таджикский — в Самарканде; в Ташкенте перепечатана казахская грамматика [1].

Изданием учебников занимался Наркомпрос. Он же выпускал на узбекском языке журнал «Маориф» («Просвещение»).

В начале 1920 г. образовался Туркгосиздат.

Молодой революционной власти в Туркестане пришлось преодолевать особые трудности в таких преобразованиях школьного дела, как введение совместного обучения мальчиков и девочек и ликвидация преподавания мусульманского вероучения в школах коренного населения; эти вопросы оказались очень сложными для разрешения, особенно в политическом отношении.

Среди узбекского и таджикского населения для обучения девочек устраивались отдельные женские школы.

Основы ислама преподавались в школах, маскируясь названием уроков морали. А главное — полулегально сохранялось большое количество мусульманских конфессиональных школ старого типа.

Школы на периферии. В разных частях многонационального Туркестана строительство советской школы начиналось в неодинаковых, часто очень трудных политических условиях. Полыхала гражданская война. Север Семиречья, где

---

[1] Сведения из упоминавшегося доклада Наркомпроса Туркестанской АССР VII съезду Советов и кн. Т. Н. Кары-Ниязова, Очерки истории культуры Советского Узбекистана, М., изд-во АН СССР, 1955, стр. 142.

массу коренного населения составляли казахи, и Закаспий, населенный туркменами, были заняты белогвардейцами и интервентами: в Ферганской долине орудовали шайки басмачей, в их власти часто оказывались районы расселения киргизов (горные).

Враги Советской власти оказывали новой советской школе упорное сопротивление. Против нее выступали баи, реакционное духовенство, буржуазные националисты. Они распространяли провокационные слухи, направленные против советской школы, избивали школьников и родителей, посылавших детей в советскую школу,— словом, вокруг советской школы возникла острая классовая борьба.

Акад. Т. Н. Кары-Ниязов пишет: «Автор (т. е. Т. Н. Кары-Ниязов.— *К. Б.*) принимал участие в организации в 1917 г. в г. Фергане одной из первых узбекских школ (первой ступени). Для этого было использовано помещение бывшей русско-туземной школы, упраздненной после Октябрьской революции. В 1918 г. бесчинствовавшие банды басмачей напали на город, преследовали советских учителей, убивали их. Коллектив школы был вынужден организовать вооруженный отряд, который по ночам охранял школу» [1].

В Туркестан в период первой мировой войны попали военнопленные турецкие офицеры; часть их задержалась здесь, многие в первые годы революции стали учителями в узбекских школах. В газете того времени [2] об их работе писалось: «Турецкие учителя-офицеры ввели в узбекские школы такую аракчеевскую дисциплину и военный дух, что советские узбекские школы превратились как будто в военные училища, а ученики их в юнкеров. Школы и узбекский язык стали называться тюркскими. В них преподавались военная гимнастика, марши, анатолийские песни вместо родного пения и музыки» [3].

Учителя турки особенно тормозили осуществление совместного обучения молодежи и ликвидацию преподавания мусульманского вероучения. Совместное обучение в узбекских школах стало вводиться только после образования Узбекской ССР, и долго еще продолжалось в скрытой форме преподавание ислама [4].

Как наследие от буржуазного Временного правительства в 1918 г. в Туркестане продолжали существовать параллельные

[1] Т. Н. Кары-Ниязов, Очерки истории культуры Советского Узбекистана, изд-во АН СССР, М., 1955, стр. 136.

[2] Газ. «Культура национальностей», М., 1920, № 27/64.

[3] В Коканде среди военнопленных турков было несколько коммунистов, некоторые из них (напр., Аббасов), работая в советской школе, оставили хорошую память; военнопленные турки-коммунисты по возвращении на родину погибли от рук жандармов. — *Ред.*

[4] ЦГАОР, ф. 2306, 1918—1919 гг., д. 295, оп. I, Приказы и циркуляры Комиссариата народного образования, л. 1.

профсоюзы русских учителей и мусульманских. Такое разделение мешало объединенным усилиям для строительства советской школы на родных языках, что проявилось, например, на Ферганском областном съезде по народному образованию, открывшемся в г. Скобелеве (теперь г. Фергана) 10 июня 1918 г. На съезд были приглашены представители от отделов народного образования и уездных Советов, от обоих учительских союзов, а также родительских комитетов, кроме того, инспектора народных училищ и все интересующиеся делом народного образования; на съезде не было делегатов от трудовой массы коренного населения, не было их и от русских рабочих Ферганской области. Съезд прошел не в демократическом духе; его руководство оказалось в руках русификаторских элементов; председателем был избран бывший городской голова г. Скобелева; президиум состоял только из делегатов русской национальности.

В программу работы съезда входили вопросы:

1. Реорганизация школьного дела в области в духе создания единой народной школы.
2. Туземная школа; школьная сеть.
3. Внешкольное образование.
4. Техническое и специальное образование.
5. Курсы для учителей.
6. Организация областного Совета по народному образованию.

Съезд решил в основу построения школьной системы среди коренного населения положить новометодный мактаб; религиозные старометодные мактабы и медресе оставались нетронутыми. Не проявляя заботы о детях рабочего класса и крестьянства, руководители съезда игнорировали задачу, выдвинутую революцией,— перестроить школьную систему на принципиально новой основе, в интересах трудящихся масс. Съезд решил, что национальные школы для детей народов Туркестанской республики должны быть только трех- и четырехгодичными. «Для высшей ступени, — сказано в постановлении съезда, — не имеется ни соответствующих преподавателей, ни учеников» [1].

Ограничившись такой констатацией, съезд не проявил никакого внимания к тому, как стимулировать получение детьми коренного населения повышенного образования.

Таким образом, Ферганский областной съезд по народному образованию в 1918 г. не оправдал возлагавшихся на него надежд.

Живую работу развернул Андижанский Совет народного образования. 2 августа 1918 г. Совет уездно-городского отдела

[1] Газ. «Щит народа», г. Скобелев, 1918, 9 и 18 июня; газ. «Культура национальностей», М., 1920, 2 сентября.

народного образования приступил к организации единой трудовой школы, приняв дела от школьного отдела городской управы. Быстро стали возникать новые школы. Материальной базой для них вначале служило то, что было в распоряжении старых: здания, оборудование классных комнат, кабинетов и лабораторий, библиотеки и т. д. Под школьные здания конфисковались дома богатых граждан, использовались учрежденческие здания городского собрания, уездного управления и т. д. Все школы были названы семилетними, хотя лишь три русские школы имели старшие классы. В новой части города в августе 1918 г. было открыто 6 русских семилеток, одна девятилетка и одна армянская школа I ступени. В старой части города мусульманским подотделом уездно-городского отдела народного образования было открыто 9 узбекских и других нерусских школ, из которых две отдельные женские школы; в отличие от старометодных школ вначале эти школы назывались новометодными; кроме того, еще существовала обновленная русско-туземная школа, которая в декабре 1918 г. реорганизовалась в узбекскую школу I ступени. Для детей еврейского населения в старой и новой частях города были открыты две школы I ступени.

В сентябре 1918 г. Андижанский Совет народного образования поставил перед городским исполнительным комитетом вопрос об организации среднего политехникума. Для этого исполком выделил деньги и национализировал литейно-механическую мастерскую частного владельца, реквизировал оборудование других частных мастерских. Политехникум вскоре начал свою работу; были открыты литейный, кузнечный, механический и сельскохозяйственный цехи. Так была реализована возникшая еще в 1913 г. мечта андижанцев иметь свою среднюю техническую школу.

В 1918 г. было организовано Андижанское общество народного университета, которое открыло музыкальную школу.

За 1—2 месяца Советская власть в Андижане создала 2 детских сада, 2 детских дома, 13 нерусских и 7 русских школ, политехникум и 2 музыкальные школы. «В 1918 г. школ в Андижане стало в 3 раза больше, чем было создано за 41 год владычества царских правителей» [1].

В изданной Туркнаркомпросом в 1918 г. «Инструкции о проведении обучения ручному труду в начальной (семилетней) школе и ремеслам в средней (трехлетней) школе» говорилось: «В начальной семилетней школе вводится обязательно ручной труд, как принцип воспитания на протяжении всех семи лет и, кроме того, как особый предмет в последние четыре года обучения. В средней школе вводится на протяжении всех трех лет обязательное изучение по выбору учащегося минимум одного из ремесел».

[1] А. Ардаширов, Борьба за советскую школу в Андижане (1917—1918 гг.), «Ученые записки Андижанского пед. института», вып. IV, 1957.

В школах Андижана с 1918/19 учебного года был введен ручной труд: столярный, сапожный, переплетный, корзинoплетение, садоводство, огородничество и рукоделие. Для этого в соответствии с указаниями НКП были созданы централизованные общегородские мастерские. Инструменты, станки и другие орудия труда для них собирались со всех мастерских города. Уроки труда проходили по общегородскому расписанию.

Эти развернутые ремесленные занятия учащихся были далеки от политехнического обучения в марксистско-ленинском понимании. Однако уроки труда оказали на учащихся большое положительное влияние. Дети занимались общественно полезным физическим трудом, многое делали для хозяйственных нужд школы. Нуждающиеся дети получали обувь из сапожной мастерской, овощи с общешкольного огорода шли в школьные буфеты и столовые. Учащиеся каждый день видели результаты своего производительного труда. У детей воспитывалась любовь к физическому труду [1].

Большинство первых казахских советских школ с обучением на родном языке, организованных в 1918—1919 гг., работало в Туркестанской АССР — в Казалинске, Перовске, Туркестане, Чимкенте, Аулие-Ате, Верном, Кастеке, Каскелене и других пунктах [2]; обширные области Казахстана со второй половины 1918 г. были охвачены гражданской войной.

Объединение учительства для построения советской школы. В первые месяцы после Октябрьской революции включению массы учительства в построение новой, советской школы мешал саботаж контрреволюционного руководства старого учительского союза. В Туркестане дело осложнялось тем, что русские учителя и учителя из коренного населения были разделены между двумя профсоюзами.

18 января 1919 г. на II Всероссийском съезде учителей-интернационалистов В. И. Ленин говорил, что после пережитого года, после борьбы, которая в среде учительства шла между теми, кто с самого начала стал на сторону Советской власти, и теми, кто оставался на почве старых порядков, старых предрассудков, после того, что произошло в международных отношениях [3], «теперь громадное большинство учительства несомненно искренне встанет и будет становиться на

[1] А. Ардаширов, Борьба за советскую школу в Андижане.

[2] А. И. Сембаев, Очерки по истории казахской советской школы, Алма-Ата, 1958, стр. 50—52.

[3] Революции осенью 1918 г. в Венгрии и Германии и последующие события.

сторону власти трудящихся и эксплуатируемых, в борьбе за социалистический переворот...»[1]

В дни, когда в Москве проходил II съезд учителей-интернационалистов, в Ташкенте произошло крупное контрреволюционное восстание белогвардейцев под руководством провокатора Осипова, бывшего военного комиссара, организованное агентами английской разведки. Во время этого мятежа было убито белогвардейцами 35 коммунистов и беспартийных революционеров, в том числе председатель ЦИК Туркестанской АССР старый большевик Войтинцев, председатель Совнаркома Фигельский, председатель Ташкентского горсовета Шумилов, организатор комсомола в Туркестане Качуринер и другие товарищи, преданные делу пролетарской революции. Мятеж был быстро подавлен с помощью трудящихся, сплотившихся вокруг Коммунистической партии и Советской власти.

В борьбе с контрреволюцией активизировалась ташкентская группа учителей-интернационалистов.

В мятеже участвовала часть старших школьников из бывших кадетов, гимназистов, реалистов. 3 февраля был издан приказ Временного Военно-революционного Совета о закрытии старших классов средней школы и проведении приема в школы детей пролетариата. Однако 11 февраля на объединенном заседании Реввоенсовета и Ташкентского горисполкома взяло верх мнение, что не допускать детей имущего класса в школу нецелесообразно. Если закрыть школы, то молодежь попадет в черную сотню. Приказ был отменен. Тогда же создали комиссию по реформе учебно-воспитательной работы в школах; в комиссии ведущую роль играли представители группы учителей-интернационалистов.

После подавления январского белогвардейского мятежа Комиссариат просвещения Туркестанской АССР с опозданием начал проводить ранее намеченные мероприятия: 16 января 1919 г. были отменены устаревшие положения, инструкции и циркуляры, изданные бывшим Управлением учебными заведениями края; 25 января поднят вопрос о повсеместном осуществлении в русских школах совместного обучения мальчиков и девочек; 30 января учебным заведениям предложено было уволить всех священнослужителей, состоявших членами педагогических советов[2]. Проведению этих мероприятий в первой половине 1918 г. мешал бывший комиссар просвещения — левый эсер Успенский, оказавшийся причастным к белогвардейскому мятежу.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 385.

[2] Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» был принят Совнаркомом РСФСР 21 января 1918 г.; аналогичный декрет Совнаркома Туркестанской АССР издан 20 ноября 1918 года (на задержку должна была повлиять сложность вопроса с мусульманскими конфессиональными школами). — *Ред.*

Вместо распущенного Советским правительством Всероссийского учительского союза, туркестанский филиал которого объединял русских учителей края, был создан «Союз работников просвещения и социалистической культуры»; его отделение в Туркестане занялось под руководством Коммунистической партии идейно-политическим перевоспитанием учительства всех национальностей. Вместе с народом пробуждалось и народное учительство, которое на первых порах в значительной своей части социалистическую революцию встретило недоверчиво. Перелом в настроениях учительства особенно заметным стал с начала 1919/20 учебного года, когда учителя начали принимать активное участие в создании новых форм школьной жизни.

Установление постоянной связи Туркестана с центральной Советской властью. В. И. Ленин пристально следил, чтобы туркестанские коммунисты на конкретных примерах показали народам Средней Азии, что политика большевиков и Советской власти коренным образом отличается от политики царизма в отношении этих народов. ЦК РКП(б) поддерживал связь с ответственными работниками Туркестана, отрезанного от Москвы фронтами гражданской войны, давал им указания по вопросам политического руководства краем, например о предоставлении Туркестану автономии, о пропорциональном привлечении коренного населения к государственной деятельности[1] и т. д.

Центральный Комитет Коммунистической партии и лично В. И. Ленин уделяли большое внимание укреплению Советской власти и развитию социалистической культуры на окраинах России, в частности в Туркестане. Например, давая указания в августе 1921 г. Туркестанскому бюро ЦК РКП(б) по вопросам преимущественно хозяйственного значения, В. И. Ленин счел нужным добавить: «В то же время систематическая и максимальная забота о мусульманской бедноте, ее организации и просвещении. Можно и должно выработать и *закрепить* (в ряде *точнейших* директив) такую политику. Она должна быть образцом для *всего* Востока»[2].

Очень важную роль в политической и культурной жизни Туркестанской АССР сыграла комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана («Туркестанская комиссия») во главе с В. В. Куйбышевым, М. В Фрунзе и Я. Э. Рудзутаком, направленная в Ташкент в октябре 1919 г.[3].

[1] Напр., радиограмма ЦК РКП(б) о пропорциональном привлечении местного населения Туркестана к государственной деятельности, посланная в Ташкент 12 июля 1919 г. (см. История Узбекской ССР, т. II, стр. 579).

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 442.

[3] 13 сентября 1919 г. на разъезде Мугоджарский (к северу от Аральского моря) соединились части Красной Армии, наступавшие на белогвардейцев с юга, из Туркестана, и с севера; вскоре белогвардейский фронт на севере Туркестанской АССР был ликвидирован окончательно.— *Ред.*

Комиссия повела решительную борьбу с великодержавными шовинистами и местными буржуазными националистами, проделала громадную работу в организации разгрома контрреволюционных банд (басмачей и интервентов), по укреплению Советской власти в Туркестане, по проведению в жизнь принципов национальной политики партии большевиков, по развитию социалистической культуры народов Туркестана. По указаниям Туркестанской комиссии было начато широкое школьное строительство, а впоследствии были созданы совпартшколы и Среднеазиатский коммунистический университет. Комиссия оказала народам Туркестана важную помощь в развитии культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

В связи с отъездом Туркестанской комиссии в Ташкент В. И. Ленин написал письмо: «Товарищам коммунистам Туркестана», в котором находим такие слова: «Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам.

Я очень прошу вас обратить на этот вопрос сугубое внимание, — приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом, установить товарищеские отношения к народам Туркестана, — доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным и с британским во главе его, — с величайшим доверием отнестись к нашей Туркестанской комиссии и строго соблюсти ее директивы, преподанные ей в свою очередь от ВЦИК именно в этом духе.

Я был бы очень благодарен, если бы мне вы ответили на это письмо и сообщили о вашем отношении к делу» [1].

Из письма В. И. Ленина видно, какое значение он придавал проведению правильной национальной политики в Туркестане, который Ленин считал мостом, соединяющим Российскую федерацию с народами Азии.

Прибыли из центра и коммунисты для работы в аппарате Комиссариата просвещения [2]. Заместителем наркома был назначен старый большевик П. Н. Лепешинский. Укреплены коммунистами были также некоторые областные отделы народного образования. В Туркестан стала поступать из Москвы политическая и педагогическая литература, учебники и другие материалы для школ [1].

Среди учащейся молодежи резко возросло влияние Коммунистического союза молодежи. В то время у руководства комсомольскими организациями Туркестана стоял направленный из ЦК КСМ А. С. Щербаков.

Развитие школы местных национальностей. В 1919/20 и 1920/21 учебные годы были достигнуты значительные успехи в развитии школьной сети в Туркестанском крае и в охвате школой детей коренных национальностей, что объясняется правильным подходом Коммунистической партии Туркестана к разрешению национального вопроса в Средней Азии.

В марте 1919 г. VIII съезд РКП(б) принял новую программу; в ней о политике в области национальных отношений сказано: «В целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение» [2].

Так как Туркестанская республика была отрезана от центра РСФСР кольцом военных фронтов, ЦК РКП(б) прислал в июле 1919 г. радиограмму на имя Туркестанского правительства с изложением важнейших основ программы, принятой VIII съездом партии, включая и область национальных отношений.

Прослеживая дальше руководящую роль Коммунистической партии Туркестана в деле просвещения трудящихся масс, мы видим неослабное внимание к вопросам народного образования, отраженное в постановлениях и резолюциях партийных съездов и пленумов Центрального Комитета. Так, в резолюции V краевого съезда Коммунистической партии Туркестана, происходившего в сентябре 1920 г., читаем: «9. Необходимо распространение школьной сети и внешкольного образования (школ-кибиток, юрт-читален) среди кочевников, открытие краткосрочных курсов для не закончивших образования, начатого в русских школах, распространение

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 117.

[2] В их числе было несколько товарищей из латышских красных стрелковых частей; они очень четко работали в органах просвещения Туркестанской АССР; тов. Юлий Кирш после работы в Ферганской области был в первой половине 1921 г. заместителем наркома просвещения в Ташкенте. — *Ред.*

[1] При П. Н. Лепешинском начал издаваться в Ташкенте «Вестник просвещения и коммунистической культуры», Орган Комиссариата просвещения Туркестанской республики; в этом журнале отражено развитие народного образования в республике за 1919/20 и 1920/21 учебные годы.

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, Госполитиздат, 1953, стр. 416.

технических знаний, общего агрономического просвещения и т. д. Вообще во всех европейских школах в интересах сближения с местным населением изучение местных языков должно быть обязательным. В туземных школах коренному населению должна быть обеспечена возможность изучения русского языка»[1].

О ликвидации безграмотности среди коренного населения в особой резолюции съезда сказано: «Принять героические меры для ликвидации безграмотности путем мусульманизации (национализации) школьной сети, широкой организации курсов грамоты, громкочитален, клубов-чайхан, издания в первую голову туземных учебников и т. д.».

Советские школы открывались на освобожденных от интервентов, белогвардейцев и басмачей территориях для туркмен в Закаспии, казахов и киргизов в Семиречье и Ферганской долине, для каракалпаков в низовьях Аму-Дарьи; расширялась сеть школ для узбеков, казахов, таджиков и других народов в районах, бывших оплотом Советской власти в Туркестане с 1917 г.

Масса национальных школ имела не более 2—3 лет обучения не только потому, что это были школы новые, но и из-за недостатка подготовленных учителей и учебников. На языке некоторых народов Средней Азии еще не были созданы даже буквари.

Наиболее продвинулись в наращивании классов отдельные узбекские школы в городах. В г. Скобелеве узбекская школа I ступени[2] в 1920 г. стала базой для организации первой областной школы II ступени. При школе имелось общежитие, учащимся предоставлялось бесплатное питание. В конце 1920 г. центр Ферганской области был перенесен в Коканд; школу II ступени перевели в новый областной центр. На основе школы и местных учительских курсов был создан Кокандский областной педагогический техникум[3] и при нем — образцовая школа (намуна-мактаби) и интернат, в котором учащиеся техникума и образцовой школы содержались на средства государства. При техникуме были организованы лаборатории и кабинеты по математике, естествознанию, химии, физике, языку и литературе; столярные, переплетные, скульптурные (по лепке) и слесарные мастерские; девочки обучались в специальных мастерских кройке и шитью. Ежегодно при техникуме устраивали курсы учителей Ферганской области и

[1] «Конституция и резолюции V съезда Коммунистической партии Туркестана», стр. 38—39.

[2] В этой школе в первое время учительствовал известный поэт Хамза Хаким-заде Ниязи; в 1920 г. ею заведовал Т. Н. Кары-Ниязов. — *Ред.*

[3] Первые шаги к организации в Коканде «Мусульманской учительской семинарии» были сделаны в 1917 г. — *Ред.*

консультации для молодых учителей; издавались три стенные газеты: общая, математическая и литературная[1].

В Ташкенте классы II ступени раньше других нарастила бывшая двухклассная русско-туземная школа, реорганизованная в национальную школу в конце 1918 г. В 1920 г. она стала первой в Ташкенте узбекской школой II ступени. И из этой школы, как из ферганской, старшие классы были переданы в 1921 г. для укомплектования педагогического техникума.

Подготовка национальных учительских кадров стала одной из главнейших забот Наркомпроса и правительства Туркестанской АССР. В 1920 г. декретом Совнаркома Туркестанской республики было положено начало организации педагогических учебных заведений нового типа, названных институтами народного просвещения (инпросы)[2]. В Ташкенте с осени 1920 г. открылся Институт народного просвещения им. К. А. Тимирязева как высшее педагогическое учебное заведение с преподаванием на русском языке, рассчитанное на все народности Средней Азии; открылись национальные институты просвещения: «Киргизский» (казахский), мужской и женский узбекские и «Тюрко-татарский» — с преподаванием на родных языках[3]. Тогда же в Мерве (ныне Мары) организовался Туркменский инпрос. Вслед затем в Ташкенте был создан Туземно-еврейский инпрос.

В программу деятельности инпросов входили и такие задачи, как разработка общих вопросов народного образования, популяризация в широких массах местного населения идей новой школы, издание сборников, монографий, брошюр и педагогических журналов. При инпросах предполагалось организовать опытные учреждения: детский сад, школы I и II ступени, детский клуб, школу для взрослых и аудитории для народных чтений, библиотеку, мастерские — столярную, токарную, кузнечного дела и слесарную, а также лаборатории — физическую, химическую, естественно-историческую, рисовальные классы[4].

[1] Т. Н. Кары-Ниязов, Очерки истории культуры Советского Узбекистана, стр. 148—149.

[2] Образцом послужили институты народного образования (ИНО) РСФСР.

[3] Началом Женского Узбекского инпроса послужили женские учительские курсы в старом Ташкенте. Зародышем трех других национальных ташкентских инпросов были казахская, узбекская и татарская группы педагогического училища, открытого в 1918 году в составе «Педагогического городка им. Полторацкого» (см. стр. 462). Инпрос им. Тимирязева в 1921 г. влился в состав Туркестанского Государственного университета, как педагогический факультет с предметными отделениями. (Об инпросах см. на стр. 479). — *Ред.*

[4] Журн. «Вестник просвещения и коммунистической культуры», [Ташкент], 1920, № 5—6, стр. 28—30 (На титуле этого номера ошибочно поставлен 1921 г).

Чтобы проконсультироваться с местными работниками и узнать от них о культурных нуждах и запросах рабочих и крестьян Туркестана, Комиссариат просвещения созвал в мае-июне 1920 г. *Первый республиканский съезд заведующих отделами народного образования* с повесткой дня:

1) об организации Комиссариата и его органов на местах; 2) о проведении в жизнь принципов трудовой школы среди коренного оседлого населения; 3) доклад вакфной комиссии; 4) об основных положениях дошкольного воспитания.

По вопросу о реализации принципов трудовой школы съезд наметил организовать педагогические курсы для учителей старометодных мактабов, чтобы в интересах просвещения использовать часть учителей этих школ; среди них было немало молодых людей, которые окончили медресе и стремились работать в советских школах.

Доклад вакфной комиссии позволил съезду уяснить состояние значительных земельных фондов и другого недвижимого имущества, которым владели медресе; съезд поручил Комиссариату просвещения пересмотреть существующие законоположения о вакфах, разработать новый закон об управлении этим имуществом и его использовании. Вскоре по указанию правительственных органов было создано при Наркомпросе особое вакфное управление, которое должно было взять на учет все вакфы, реорганизовать управление ими и обратить доходы с них на школьное строительство.

Подготовке школьных учебников мешало то, что до Октябрьской революции задерживалось развитие литературных языков народов Туркестана.

В декабре 1919 — январе 1920 г. в Ташкенте происходил *первый узбекский съезд по вопросам родного языка и его орфографии*. Он состоял в основном из работников Туркестанской АССР, так как узбеки Бухары и Хивы тогда еще не освободились от власти эмира и хана. Съезд не был подготовлен к существенным конкретным решениям по вопросам орфографии. Историческое значение этого съезда в том, что началось организованное построение узбекского литературного языка.

26 августа 1920 г. образовалась в составе РСФСР под именем Киргизской АССР Казахская республика с временной столицей в Оренбурге. В то же время в Ташкенте организовался культурный центр южных, туркестанских, казахов под названием Киргизского института просвещения; в Оренбурге и Ташкенте стали разрабатываться вопросы развития казахского литературного языка.

Вопросы учебно-воспитательной работы. Коммунистическая партия и Советское правительство поставили грандиозную задачу: превратить школу из орудия классового угнетения масс в руках господствующих классов в

орудие коммунистического воспитания подрастающих поколений. В свете этой задачи у товарищей, прибывших из центра, вызывало тревогу состояние идейно-политической и учебно-воспитательной работы в школах Ташкента. Комиссия, возглавлявшаяся П. Н. Лепешинским, произвела обследование ташкентских новогородских (русских) школ. В докладе комиссии, относящемся к сентябрю 1920 г., зафиксированы такие факты: в одном из школьных отчетов говорилось, что школа стремится стать вне политики; только при трех школах существовали ячейки Союза молодежи; среди учителей имелось не больше десятка коммунистов [1].

Извращенно выполнялся декрет о запрещении преподавания в школах закона божьего. Педагогический совет одной из школ сообщал, что «заменил общую молитву чтением евангелия, так как считает учтение Христа социалистическим»; в том же сообщении писалось, что «родители взяли на себя организацию религиозно-нравственных бесед». Православное духовенство стремилось широко использовать пункт декрета, разрешающий родителям и детям обучать и обучаться религии частным образом.

Совместное обучение мальчиков и девочек было осуществлено полностью в школах I ступени, часть школ II ступени оставалась до 1920/21 учебного года раздельной.

Самоуправления учащихся во многих школах не существовало, так как большинство учителей было против самоуправления, находя его «противным детской природе по крайней мере до 12-летнего возраста».

Большой заботой Туркестанского наркомпроса был и вопрос о *трудовом воспитании*. Самообслуживание (при уборке помещений, организации завтраков) распространилось в школах широко. В городских школах как русских, так и коренного населения хозяйственная разруха тех лет способствовала интересу к обучению ремеслам.

Приказ Туркестанского наркомпроса 5 декабря 1919 г. рекомендовал вводить в школах «те виды ремесел, для развития которых благоприятствуют условия данной местности и в которых нуждается население»; приказ предлагал устраивать вечерние классы ремесла для взрослого населения. «Распоряжение всем отделам народного образования», разосланное Туркестанским наркомпросом осенью 1920 г., указывало: «Тысячи школ не могут быть оборудованы из-за недостатка технических средств и отсутствия огромного количества вполне подготовленных работников» [2]. Поэтому Наркомпрос рекомен-

---

[1] Журн. «Вестник просвещения и коммунистической культуры», 1921, № 7—8, «Дело народного образования в Н. Ташкенте».

[2] «Вестник просвещения и коммунистической культуры», Ташкент, 1920, № 5—6, стр. 32.

довал отделам народного образования создать районные или городские школьные мастерские, в которых учащиеся и учителя единой трудовой школы работали бы в течение двух-трех часов ежедневно в порядке очереди.

Так как учителя, слабо усвоившие педагогические основы «Положения о единой трудовой школе», начали придавать трудовым занятиям в школах только ремесленный характер, то Туркнаркомпрос тогда же разъяснял, что школьные мастерские «преследуют *так же* (курсив наш.— *Ред.*) педагогические цели, как и трудовая школа... и отнюдь не должны носить ремесленного характера». При сложившейся в большей части школьных мастерских практике это осталось декларацией. Тогда еще не было в окружении школ мощной индустрии — условия научного политехнического обучения, а марксистско-ленинское учение о политехнизме было знакомо учительству меньше, чем буржуазные теории ремесленной трудовой школы [1].

В Ташкенте с начала 1918/19 учебного года была организована «Ремесленная академия», вскоре переименованная в «Краевую школу труда», которая с осени 1920 г. была преобразована в «Туркестанскую школьную мастерскую», имевшую назначение подготовить инструкторов для школьных мастерских республики. «Весь характер своей работы, — сказано в распоряжении Комиссариата просвещения, — Туркестанская школьная мастерская должна перестроить в соответствии с задачами школьных мастерских на местах».

Рост учителя (курсы и методобъединения). Осенью 1918 г. в Ташкентском уезде на шестимесячных курсах около ста молодых узбеков и казахов готовилось к тому, чтобы учительствовать на родном языке во вновь открываемых с февраля 1919 г. первых классах. Летом 1919 г. новые учителя получили подготовку уже на более краткосрочных курсах для занятий во вторых классах; летние курсы 1920 г. дали некоторое число учителей для третьих классов.

Такая система подготовки учителей, распространенная в Туркестанской АССР, вызывалась острым недостатком людей, просто хорошо грамотных. Мало знаний давали сельские школки — очень плохо оборудованные, с двух- и трехлетним сроком обучения, с коротким учебным годом (дети с весны до осени помогали дома по хозяйству, учителя были на курсах), с учителем, который знал немногим больше того, чему учил детей. Но количество таких школок росло; школа, дающая на родном языке элементарные полезные знания и умения, становилась массовой. Это было движение вперед.

[1] В числе преподавателей ручного труда и ремесел в городских школах Туркестана в те годы часто встречались бывшие военнопленные австрийской армии — венгры и славяне. — *Ред.*

Из едва грамотных юношей, которые поступили в 1918 г. на первые советские краткосрочные курсы подготовки учителей в Ташкентском уезде и потом в течение многих лет повышали свою квалификацию, выросло немало хороших и замечательных педагогов. К ним принадлежит, например, заслуженный учитель Узбекской ССР Акилхан Шарафутдинов, автор букваря, выдержавшего много изданий, авторитетный долголетний руководитель методического объединения учителей первых классов в Ташкенте [1]. Другой из них — Джура Адылов; руководимая им школа была одной из лучших в Ташкентской области [2]. И в других районах советского Туркестана краткосрочные курсы подготовки учителей, открытые в первые годы после Октябрьской революции, послужили толчком к росту многих, ставших мастерами педагогического труда.

В Семиречье первый выпуск организованных в г. Верном шестимесячных курсов подготовки учителей состоялся в июле 1919 г. В дальнейшем для подготовки повышения квалификации казахских учителей открывались четырехмесячные курсы. Инициатором казахских педагогических курсов Семиречья был Д. А. Фурманов [3].

Росту городских учителей помогали методические объединения. В г. Скобелеве в 1918/19 учебном году большое значение в росте учителей имела городская организация учителей первого года обучения (позже были созданы организации учителей второго и третьего годов обучения). На заседаниях обсуждались программы, планы, методы и приемы обучения. Было много вопросов и недоумений, связанных как с обучением, так и с воспитанием. «Указаний и материалов сверху в то время мы не имели. Коллективный опыт и всестороннее обсуждение помогали нащупывать дорогу. Оставшиеся в живых тепло вспоминают эти заседания, часто для многих служившие отдушиной после недельной работы», — вспоминает Н. Г. Елкин, который в 1918 г. начинал учительство [4].

Летом 1919 г. в Ташкенте были устроены краевые курсы переподготовки учителей I ступени. На занятиях русской группы этих курсов большое внимание уделялось краеведению (лекции по истории Туркестана, практикумы по ботанике, энтомологии, зоологии), наглядности в обучении (были показаны многочисленные пособия по геометрии и алгебре), чи-

[1] Биография А. Шарафутдинова изложена с Раджаповым в книге «К истории советской школы в Узбекистане» (Ташкент, 1947, стр. 29).

[2] Биографические сведения о Дж. Адылове см. в сб. «Народное образование в УзССР за 15 лет (1924—1939)», Ташкент, 1939, стр. 188—192.

[3] А. И. Сембаев, Очерки по истории казахской советской школы, стр. 58—59.

[4] Воспоминания Н. Г. Елкина хранятся в научном архиве УзНИИПН в Ташкенте.

тались лекции по политэкономии, литературе, психологии, о новых течениях в педагогике; были курсы и по ручному труду.

Передовые учителя, прошедшие летом 1919 г. центральные курсы в Ташкенте, на следующее лето явились в областях организаторами курсов, на которых учителя I ступени получили краеведческие знания от местных специалистов (в г. Скобелеве, например, лекции по географии Туркестана читал Н. Л. Корженевский, который вскоре возглавил университетскую кафедру физической географии в Ташкенте; велись занятия главным образом путем экскурсий — для знакомства с местной флорой и фауной, местной геологией и археологией). На периферийных курсах изучали методики родного языка, арифметики, естествознания, физкультуры, психологию, политэкономию. Практически занимались ручным трудом и ремеслами (столярное, переплетное, сапожное, шитье, плетение корзин), а также огородным делом.

Важным моментом в росте туркестанского учительства были организованные в Ташкенте в 1920 г. по замыслу П. Н. Лепешинского краевые школьно-инструкторские двухмесячные курсы. На курсах была создана коммунистическая ячейка, регулярная работа которой имела большое значение. В целях идейно-политического воспитания, кроме лекций по учебному плану, устраивались еженедельно доклады по текущему моменту. Существенное место в плане курсов занимали практические занятия (по геодезии, рисованию и др.), а также посещения опытных школ. За три смены через эти курсы прошло 353 человека, в том числе 210 из местных национальностей; звание школьного инструктора получили 51 человек из местных национальностей и 8 европейцев; кроме того, 8 человек были посланы на руководящую работу в областные и городские отделы народного образования. Эти курсы дали для органов народного образования края первый отряд работников, вооруженных систематическими знаниями по советской педагогике [1].

Первые учебные планы и программы школ Туркестанской АССР [2]. В начале 1918/19 учебного года Туркестанский наркомпрос разослал схематичные учебные планы и программы *семилетней начальной* и *трехлетней средней* школы (в основе семилетней школы лежало соединение дореволюционных приходского и высшего начального учи-

[1] Работа учительских и инструкторских курсов подробно освещалась в журн. Туркестанского наркомпроса «Вестник просвещения и коммунистической культуры».

[2] По архивным данным, собранным С. Р. Раджаповым (Из истории советской школы в Узбекистане, «Ученые записки Ташкентского государственного пединститута им. Низами, вып. V, ч. II, 1957) и А. Ф. Ардашировым (Андижанский пединститут).

лищ; трехлетняя средняя школа была развитием старших классов реального училища [1].

Для младших групп начальной школы была дана недельная сетка уроков:

Таблица 23

Предметы	Часы			
	I кл.	II кл.	III кл.	всего
Родной язык	6	6	6	18
Арифметика	6	6	6	18
История	—	2	2	4
География	—	2	2	4
Естествознание	1	2	2	5
Государственный язык (русский или тюркский)	—	3	3	6
Рисование	3	1	1	5
Пение	1	1	1	3
Рукоделие	1	2	2	5
Гимнастика	1	1	1	3
	19	26	26	71

Перечень учебных предметов, изучавшихся в семилетних русских школах, был таков [2]:

русский, местный, иностранный языки;
арифметика, геометрия, алгебра;
естествознание, физика;
география, история;
рисование, черчение;
ручной труд и рукоделие (для девочек);
пение, гимнастика.

Отдельные школы вносили в учебный план изменения; например, в школе № 4 Андижана добавили родиноведение, отвели особые часы для практических занятий.

В бывшей русско-туземной школе в Ташкенте, реорганизованной в трехгодичную национальную школу, не изучалась история.

Значительны были местные вариации учебного плана средней школы, т. е. самого старшего концентра школы. В перечне учебных предметов школ Семиречья и Сыр-Дарьинской области на основании указаний Туркнаркомпроса (декабрь 1918 г.) значились: русский язык с литературой, местный язык, один из трех западных языков, математика, физика, химия,

[1] Позже в Туркестанской АССР установилась структура школы общая для РСФСР: четырехлетняя I ступень и пятилетняя II ступень.

[2] В этом и следующих перечнях порядок предметов систематизирован редактором.

ботаника, зоология, гигиена, география, геология с минералогией, история, психология, гимнастика, пение, сапожное ремесло[1]. В Андижане в одной средней школе преподавалось (в феврале 1919 г.) 9 предметов: литература, английский язык, алгебра, геометрия, физика, космография, история, статистика, политэкономия. В другой андижанской средней школе, «гуманитарной», изучалось (в ноябре 1919 г.) 18 предметов: литература, местный язык, английский (или немецкий), физика, география, экономгеография, туркестановедение[2], история, основы политэкономии, государствоведение, психология, логика, история педагогики, школьная гигиена, методика и практика домашнего воспитания, бухгалтерия, гимнастика, рисование.

Вариации плана средней школы зависели: 1) от типа дореволюционной школы, на базе которой организовалась данная советская; 2) от наличия преподавателей; 3) от избранного школой профессионального уклона.

В андижанской «мусульманской» (узбекской) школе № 3 в декабре 1919 г. действовал следующий учебный план.

Таблица 24

Предметы	Часы				Всего
	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.	
Родной язык	6	6	6	6	24
Арифметика	6	6	5	5	22
Природоведение	1	1	2	2	6
Отечествоведение	2	2	2	2	8
География	—	—	2	2	4
Русский язык	—	2	2	2	6
Пение	2	1	1	1	5
Гимнастика	2	2	2	2	8
Ручной труд	2	2	2	2	8
Рисование	2	2	2	2	8
	23	24	26	26	99

Краткая программная характеристика изучаемых в школе предметов была дана в приказе Наркомпроса Туркестанской республики 12 сентября 1918 г., где говорилось, что с наступающего года в новой школе, семилетней и средней, должны быть введены следующие циклы общеобразовательных предметов в качестве общегосударственного обязательного минимума:

[1] А. И. Сембаев, Очерки, стр. 43.

[2] В г. Скобелеве в 1919 г. был издан конспект курса «Туркестановедение», читавшегося Н. Л. Корженевским в местной школе II ступени.

а) *по математике* в начальной (семилетней) школе — арифметика и алгебра, кончая уравнениями, прогрессиями и логарифмами, элементарная геометрия (вся), тригонометрия (вся), начальные сведения по аналитической геометрии; в средней школе — математический анализ, аналитическая геометрия, дифференциальное и интегральное исчисления;

б) *по физике* в начальной школе — все отделы опытной и демонстративной физики, основы теоретической механики; в средней школе — математическая физика;

в) *по химии* в начальной школе — основные законы химии, основные положения химического анализа и синтеза; в средней школе — органическая химия;

г) *по естествознанию* в начальной школе — главнейшие приемы опытного наблюдения, знакомство с главнейшими представлениями органического (растительного и животного) и неорганического царства; в средней школе — систематическое изучение геологии, минералогии, ботаники и зоологии;

д) *по русскому языку* в начальной школе — безусловная грамотность, знакомство с произведениями, начиная с Пушкина и включая новейшую литературу, с общественно-исторической обстановкой; в средней школе — элементы языкознания, история литератур и в особенности русской литературы;

е) *по истории* в начальной школе — всеобщая история как процесс культурного и общественного развития, русская история, тоже как процесс, только с большей конкретизацией, и история Туркестана (еще более конкретно); в средней школе — история западноевропейских народов, древняя, средняя и особенно новая (история изучается как процесс развития определенных социологических типов — типологическое изучение), русская история;

ж) *по обществоведению* в начальной школе — элементы обществоведения; в средней школе политическая экономия и ее история, экономика Туркестана, введение в социологию[1].

з) *по географии* в начальной школе — география всеобщая и в особенности география России и Туркестана;

и) *по новым языкам* в начальной школе — местный язык; три новых языка (французский, немецкий и английский) обязательны для школы, но не для учеников; в средней школе — обязателен один из новых языков по выбору учащихся.

[1] Весной 1919 г. в г. Скобелеве был издан «Конспект по обществоведению» преподавателя местной средней школы Л. Ф. Симановича. В «Конспекте» две части: 1) «Социология» (12, 5 стр.) и 2) «Учение о праве» (23 стр.). В «Перечне пособий, коими составитель руководствовался», названы работы Н. Кареева, М. Ковалевского, П. Милюкова, Н. Михайловского, Ю. Липперта, Э. Тейлора, К. Каутского, М. Туган-Барановского и других, включая несколько социально-юридических; из произведений классиков марксизма-ленинизма назван только труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

В этой программной наметке, первой для советских школ Туркестана, бросается в глаза большая перегрузка, особенно по математике; в данных несколько позже учебных планах она была смягчена; например, в перечне предметов семилетней школы уже нет тригонометрии.

На краеведение обращалось большое внимание и в начале обучения (это было важным дидактическим принципом) и в конце школьного курса (выпускники вооружались знанием того края, где они, скорее всего, будут работать).

Для разработки программ Туркестанский наркомпрос организовал в 1918 г. предметные комиссии из лучших педагогов Ташкента; программы печатались осенью того же года в газете «Просвещение». Много прогрессивного содержали программы по русскому (родному) языку, математике, естествознанию, географии [1].

Энергично работала математическая комиссия. Не ограничиваясь подготовкой программы, она открыла с 13 октября 1918 г. для консультаций учителям хорошо оборудованный математический кабинет. Летом 1919 г. вышло из печати подготовленное этой комиссией интересное иллюстрированное методическое пособие. Стремясь преодолеть «оторванность школьной математики от жизни», пособие рекомендовало ввести в курс начальной школы понятие о функциональной зависимости, считая, что оно «вполне доступно детскому пониманию», так как «идея эта элементарна и сталкиваться с ней в жизни приходится на каждом шагу... Особенно много примеров функциональной зависимости дает геометрия». Поэтому пособие связывало курс арифметики с наглядной геометрией и измерениями [2].

Новой педагогической литературы в 1918 г. было мало и в центре РСФСР, а в Ташкент она почти не попадала. Брошюру П. П. Блонского «Задачи и методы новой народной школы» популяризировали в 1918 г. ташкентские газеты «Народный университет» 19 мая и «Просвещение» 18 октября.

В свете реформы советской школы, проводимой в настоящее время (с конца 1958 г.), следует отметить опубликованную в 1918 г. в Ташкенте статью «Школа труда» [3]. Автор представляет советскую систему народного образования состоящей из трех звеньев: дошкольное воспитание, семилетняя начальная общеобразовательная школа и школа труда с народным университетом (сроки обучения в школе труда дифференцируются применительно к изучаемым профессиям). В статье говорится: «Школа труда должна выпускать только готовых мастеров, закаленных и опытных в труде, а не белоручек...»

[1] Ташкентские программы появились примерно в одно время с серией петроградских; позже были изданы первые программы советской школы в Москве. — *Ред.*

[2] Математический сборник, издаваемый математической комиссией народного образования Туркестанской республики, вып. I, Ташкент, 1919, стр. 54, ред. И. Тихоновский (председатель математической комиссии).

[3] См. «Еженедельник Туркестанского народного университета», Ташкент, 1918, № 3. Автор статьи — И. Чесноков до революции заведовал в Андижане высшим начальным училищем, в 1918—1919 гг. был там же руководителем отдела народного образования. — *Ред.*

В другом ташкентском издании того же года [1] появилась статья «Трудовое воспитание в республиканских школах» Ф. П. Егорова (бывшего инспектора народных училищ Ферганской области). Автор признавал и ратовал за единственный тип трудовой школы — с сельскохозяйственным трудом на воздухе; индустриальная трудовая школа ему не была известна. Он правильно предупреждал против распространения в школах ручного сапожного ремесла, вызывающего у подростков искривление позвоночника. Вместе с тем Егоров выступал против уборки школьниками классных комнат; он недооценивал значения в младших группах уроков ручного труда, считал их забавой, недооценивал и роль гимнастики.

Рост школьной сети. К концу 1917/18 учебного года на территории Туркестана действовало 1068 общеобразовательных школ, в том числе: 37 средних (мужских и женских гимназий, реальных и коммерческих училищ) с 320 классами, 39 высших начальных (число классов неизвестно) и 992 начальные (из них около 300 однокомплектных, столько же двухкомплектных, остальные — с четырьмя и более комплектами) с 1568 классами [2].

По плану, утвержденному Совнаркомом Туркестанской республики 28 мая 1918 г., намечалось открыть в 1918/19 учебном году 10 средних четырехклассных школ, 51 высшее начальное училище и 160 начальных школ [3].

Несмотря на тяжелое положение, связанное с продовольственным кризисом и широко развернувшейся гражданской войной в Средней Азии, Туркестанскому наркомпросу при помощи Коммунистической партии и Советского правительства все же удалось через год достигнуть больших успехов. К 15 сентября 1919 г. по четырем областям республики имелась следующая школьная сеть (см. табл. 25 на стр. 438).

По сравнению с концом 1917 г. школьная сеть возросла на 855 начальных и средних школ. Общее количество учащихся в школах по сравнению с предреволюционным периодом выросло почти в три раза: в 1916 г. было 54 775 учащихся, в 1919 г. — 154 346.

Крупные ассигнования правительства Туркестанской республики на дело просвещения и воспитания детей и взрослого

[1] Газ. «Просвещение», 1918, № 61.

[2] П. И. Сербов и А. Д. Никифоров, Народное просвещение в Узбекистане, Самарканд — Ташкент, 1927, стр. 33.

[3] ЦГАОР, ф. 25, д. 6.

Таблица 25

Область	Школы I и II ступеней (т. е. с классами не выше VII)		Школы III ступени (средние)		Общее число	
	Число		Число			
	школ	учащихся	школ	учащихся	школ	учащихся
Сыр-Дарьинская . .	822	62 013	17	5606	839	67 619
Ферганская	340	25 131	10	2620	350	27 751
Самаркандская . .	214	20 447	2	725	216	21 172
Семиреченская . .	521	30 007	7	1162	528	31 169
	1897	137 598	36	10 113	1933	147 711

Примечание: по Туркменской области сведений нет.

населения, подкрепленные широкой политико-воспитательной и разъяснительной работой партии большевиков среди трудящихся Средней Азии, привлекли в школы большие массы детей из коренных национальностей Туркестанского края. Приводим таблицу, которая показывает, насколько возросло число учащихся из коренных национальностей.

Таблица 26

Год	Всего учащихся во всех школах (без конфессиональных)	Из них детей коренных национальностей
1910	31 144	3873, или 12,4%
1915	54 775	6 100 „ 11,1%
1920	166 122	98 656 „ 59,4%

Следовательно, охват школами детей коренных национальностей возрос по сравнению с 1915 г. больше чем в 16 раз. Что касается учащихся в школах II ступени, то и здесь разница большая: в 1910 г. в средних школах Туркестана училось

96 детей из богатых семей коренного населения, а в 1920 г. число учащихся из коренных национальностей в школах повышенного типа возросло до 994 человек.

Начало дошкольного воспитания. В области дошкольного воспитания наследие дореволюционного Туркестана было крохотным. Местные национальности организованного общественного дошкольного воспитания не знали, хотя потребность в нем была (родители стремились отдать мальчика в религиозный мактаб под надзор домуллы с 4—5 лет). Ко времени Октябрьской революции в некоторых городах Туркестана и главным образом в Ташкенте имелись кое-какие кадры дошкольных педагогов из европейского населения.

В единичных случаях (например, в Коканде) в строительство советских детских садов включались лучшие руководительницы частных детских садов, в которых до революции готовились к поступлению в средние учебные заведения дети с шестилетнего возраста. Более существенную роль сыграла женская студенческая и школьная молодежь — уроженки Туркестана, которые вместе с передовыми учительницами начальных школ устраивали в предреволюционные годы в городах края летние детские площадки для детей дошкольного и младшего школьного возраста (на эти площадки отпускались крохи из фондов помощи жертвам войны).

Руководили первыми шагами советского дошкольного воспитания в Ташкенте, Верном и других городах местные уроженки, учившиеся на дошкольных курсах в Петербурге и Москве (например, в Верном — О. Д. Мухля).

В Верном первый советский детский сад был открыт в ноябре 1917 г.[1]. В 1918—1920 гг. в Верном работали краткосрочные курсы руководительниц детских площадок; за несколько выпусков они подготовили 89 руководительниц. В 1919 г. в том же городе было издано руководство для дошкольных работников[2].

В Ташкенте в 1918 г. открылось несколько детских садов и 12 детских площадок, в том числе «мусульманские» в старом городе. Организаторы первых советских дошкольных учреждений в Ташкенте отмечали, что благодаря этим учреждениям разгружаются старые детские приюты, дети «вырываются из их затхлой атмосферы» (приютские дети, имевшие матерей, передавались в детские очаги, которые работали по 9 и более часов в сутки); подчеркивалось политическое значение дошкольных учреждений: женщинам они дают возможность включиться в общественную жизнь.

В содержании шестичасовой работы площадок большое значение придавалось трудовому воспитанию, чему должны

[1] Т. П. Охотская, Очерки по истории дошкольного воспитания в Казахстане, диссертация, Алма-Ата, 1955.

[2] О. Д. Мухля и Е. А. Минская. Детский сад и его работа.

были служить занятия ручным трудом; за недостатком материалов преобладали лепка из глины и вязание из шпагата, а также работы с бумагой и картоном, вышивание. Критика в ташкентской печати советовала на будущее ввести на площадках уход за растениями и животными и изготовление игрушек из дерева, а также разнообразить и систематизировать работы с глиной.

На одной из ташкентских площадок (Мирабадской) играли вместе дети и русские, и узбеки, что содействовало интернациональному воспитанию. Ярким моментом интернационального воспитания явилась экскурсия детей «мусульманской» детской площадки на заключительную выставку работ всех площадок, где узбекские дети встретились с русскими сверстниками; чтобы подвезти узбекских ребят из центра старого города, рабочие трамвая, тогда законсервированного, организовали специальный трамвайный поезд.

В первых же узбекских дошкольных учреждениях в Ташкенте выявилась нужда в детской литературе; обсуждался вопрос об использовании народных узбекских сказок[1].

При образовании Туркнаркомпроса был создан дошкольный отдел. В декабре 1918 г. этот отдел разослал «Положение о курсах по подготовке руководительниц детских садов и площадок»; для поступления на курсы «от мусульманок, мало подготовленных, но желающих работать в садах и площадках», образования не требовалось. На курсы была дана разверстка: от Самаркандской области 8 человек и от Ура-Тюбе — 2, от Ферганской — 10, Сыр-Дарьинской — 12, Семиреченской — 10, от русских поселений в бухарских владениях — 10. Так была заложена основа дошкольного воспитания в Туркестанской республике.

Таблица 27

Область*	Количество детсадов	Количество детей в них
Сыр-Дарьинская . .	34	2113
Ферганская	29	1279
Самаркандская . .	14	927
Семиреченская . .	24	1587
	101	5906

* По Туркменской (бывшей Закаспийской) области сведений не было в связи с гражданской войной.

[1] Обзор ташкентских газет 1918 г. «Народный университет», 16. V, и «Просвещение», 15. VIII, 11. IX, 14. IX, 24. IX, 1. X и 1. XI.

Благодаря энергичной помощи женотделов в 1919 г. здесь было уже 102 детских сада, в которых воспитывалось в числе других дошкольников 635 детей из семей местного коренного населения.

К 15 сентября 1919 г. здесь была следующая сеть детских садов (см. табл. 27 на стр. 440).

Дети местных национальностей составляли менее 10% контингента детсадов (635 человек), но это были первые шаги в среде коренного населения, дошкольные учреждения только начинали завоевывать доверие родителей. Общественное дошкольное воспитание, главным образом в форме летних детских площадок, возросло в 1920 г., когда появились первые воспитательницы из женщин и девушек местных национальностей, окончивших школы ликбеза.

Детские дома. Для детей-сирот и беспризорных в царской России имелись приюты, руководимые обычно благотворительно-религиозными организациями. В Туркестанском крае в областных городах были приюты для православных детей, в Ташкенте — также приют для детей-католиков. Для сирот коренного (мусульманского) населения приютов не существовало, они нищенствовали или были в кабале у «благодетелей». Сдвигов в этом деле не произошло и при Временном правительстве.

К зиме 1917—1918 гг. в Туркестанском крае сильно возрос недостаток продовольствия; на почве голода появилось множество беспризорных детей узбеков, казахов и др. Тяжелое положение с продовольствием продолжалось и зимой 1918—1919 гг. Басмачество увеличило детскую беспризорность.

На органы Советской власти и, в частности, на органы народного образования Туркестанской республики сразу легла большая забота о спасении жизни и общественном воспитании массы детей. В голодающих районах в 1918 г. действовало более 80 пунктов питания (для детей и взрослых).

Первые советские приюты для детей всех национальностей открылись в Коканде, Андижане, Самарканде, Чимкенте, Ташкенте и других местах[1]. Был взят курс на то, чтобы дореволюционные приюты, где человеческое достоинство питомцев принижалось, заменить детскими домами, где маленькие советские граждане получали бы полноценное воспитание.

В 1919 г. действовало до 23 детских домов с общим числом 1,5 тыс. детей. Многие из них были еще довольно примитивны, при некоторых уже организовались школы и учебные мастерские[2].

[1] Доклад Центральной комиссии по борьбе с голодом в Туркестане VII Чрезвычайному съезду Советов Туркестанской республики (март 1919).

[2] Доклад Центральной комиссии по борьбе с голодом в Туркестане VIII Чрезвычайному съезду Советов Туркестанской республики (сентябрь 1919).

Кроме того, в Ташкенте, Фергане, близ Самарканда и в других городах работало несколько детских учреждений типа школы-коммуны.

* * *

Период с 1917 по 1920 г. был в Туркестанской АССР временем стихийного роста учреждений по народному образованию. Новые школы широко открывались на местах по инициативе населения, нередко без учета материальных предпосылок. В ряде случаев не только Наркомпрос республики, но и местные органы власти не знали, в чьем ведении находятся школы, не имели о них точных сведений.

Перелом к строгому планированию в открытии просветительных учреждений наступил с начала 1921 г. В соответствии с решениями первого партийного совещания по вопросам народного образования, происходившего в Москве в декабре 1920 г., а также с категорическими указаниями В. И. Ленина, которые он дал в статье «О работе Наркомпроса»[1], руководителям народного образования, Туркестанский наркомпрос произвел реорганизацию своего аппарата и перестроил систему школьного образования.

После X съезда РКП(б) в марте 1921 г., принявшего решение о переходе к новой экономической политике, борьба со стихией в строительстве народного образования усилилась, началось время «твердого бюджета», «твердых штатов», «твердой сети» просветительных учреждений.

С лета 1921 г. экономическое положение в стране резко обострилось в связи с засухой, неурожаем и голодом в Поволжье и прилегающих районах. В то время трудящиеся Туркестана приютили свыше 200 тыс. человек взрослых и детей из пораженных неурожаем районов Поволжья. Особо остро стоял вопрос о детской беспризорности в Сыр-Дарьинской, Ферганской и Джетысуйской (Семиреченской) областях, так как здесь было много и местных сирот — следствие голода 1917—1918 гг.

Бурный рост сети школ прекратился уже в 1919 г., а в 1920 г. началось некоторое сокращение школьной сети из-за недостатка средств. С весны 1921 г. темпы и размах свертывания сети просветительных учреждений стали быстро нарастать и к концу этого же года приняли катастрофические размеры, когда в связи с новой экономической политикой произошло переключение сельских школ с государственного бюджета на местный[2].

Деятельность Туркестанского наркомпроса в области социального воспитания в этот период сводилась главным образом к организационному укреплению советской школы, а также к разработке методов борьбы с детской беспризорностью, к организации социально-правовой охраны несовершеннолетних и дошкольного воспитания.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 101.
[2] П. И. Сербов и А. Д. Никифоров, Народное просвещение в Узбекистане, стр. 34.

За первые 3—4 года Советской власти в Туркестанской АССР был выращен первый значительный отряд молодежи местных национальностей, который получил на родном языке систематическую начальную общеобразовательную подготовку; это стало главной базой для развития в 1922—1924 гг. профессионально-технического образования.

Политическая обстановка перехода после гражданской войны к восстановительному периоду потребовала развития форм внешкольной и школьной работы со взрослым населением начиная с ликвидации неграмотности.

Вся работа Туркестанского наркомпроса стала более дифференцированной и углубленной применительно к условиям разных национальностей республики.

В апреле 1921 г. опубликован декрет ВЦИК «Об образовании Туркестанской Советской Социалистической Республики», который уточнял отношения между Туркестанской республикой и РСФСР[1]. Тогда же ВЦИК «в целях упрочения федеративной связи и целесообразного проведения политики Советской власти по национальному вопросу» издал декрет об учреждении временной комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана, о которой уже было сказано (она была создана в октябре 1919 г.).

Комиссии поручалось непосредственное управление отраслями, составляющими исключительную компетенцию федеральной власти. Было предоставлено право входить во ВЦИК и Совнарком РСФСР об изменениях в декретах и распоряжениях федеральной власти, если они «не вполне соответствуют особенностям быта и культуры народов Туркестана»[2].

Нужно отметить еще важный пункт полномочий комиссии по делам Туркестана: «В порядке перераспределения партийных сил откомандировать в распоряжение ЦК всех туркестанских коммунистов, зараженных колонизаторством и великорусским национализмом, и одновременно произвести в центре мобилизацию нескольких сотен коммунистов для работы в Туркестане»[3].

В трудные первые годы нэпа советская школа в Туркестане сохранилась и укрепилась благодаря внимательной помощи Коммунистической партии, которая проявила большую заботу о развитии культуры народов Средней Азии.

[1] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, 1921, № 32, ст. 173.
[2] Там же, ст. 172.
[3] Ленинский сборник, т. XXXIV, ОГИЗ, 1942, стр. 323—324.

Осенью 1922 г. в соответствии с директивой ЦК Коммунистической партии Туркестана о том, что основой партийной работы на местах должна быть борьба за новую школу, борьба за молодежь, краевое совещание заведующих агитационно-пропагандистскими отделами единодушно поддержало предложение Наркомпроса Туркестана — всю агитацию и пропаганду партии сосредоточить вокруг народной школы.

В марте-апреле 1923 г. состоялся XII съезд РКП(б), который уделил много внимания национальному вопросу. В постановлениях съезда предлагалось, чтобы «органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов», чтобы «были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное инонациональное население и национальные меньшинства, — законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав и в особенности прав национальных меньшинств»[1]. Эти постановления верховного партийного органа СССР оказали огромное влияние на развитие национальных культур всех народов Советского Союза.

После XII съезда РКП(б) в учреждениях Туркестанской республики началась подготовка к переходу на языки народов Туркестана. ЦИК и Совнарком республики постановили: все декреты и постановления издавать обязательно на узбекском, туркменском, казахском и русском языках.

Государственный ученый совет Наркомпроса вместе с комиссией по переводу делопроизводства в учреждениях Комиссариата просвещения на местные языки был занят устранением практических затруднений, вытекающих из наличия в республике *нескольких языков*.

Для вовлечения коренного населения в промышленное производство Наркомпрос Туркестана принял решение заполнить школы фабрично-заводского ученичества в первую очередь воспитанниками интернатов и детских домов из коренного населения; при всех профессионально-технических школах решено было открыть подготовительные классы для детей местного коренного населения. В четырех советско-партийных школах республики из 200 мест для учащихся почти все должны были заниматься детьми народов Средней Азии.

В январе 1924 г. состоялся XII Всетуркестанский съезд Советов. Съезд заслушал доклад Наркомпроса и принял обращение к трудящимся республики[2], в котором говорилось:

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, Госполитиздат, 1953, стр. 716—717.

[2] См. газ. «Туркестанская правда», 1924, № 14.

«Дехкане!... Советская власть сумела освободить вас от колонизаторов, получить землю, она же может с вашей помощью убить не меньшее зло — безграмотность». Слова этого обращения: «Помогите сообща вашей власти, не жалейте нескольких фунтов хлеба на школу и учителя!» — напоминают, как трудно было сельской школе в те годы, когда хозяйство страны едва начало подниматься из разрухи.

Съезд предложил Наркомпросу республики создать все необходимые условия, чтобы «школа стала центром культурно-хозяйственной и общественно-политической жизни» и постановил: «1. Признать главной задачей Наркомпроса создание массовой школы 1-й ступени (ЕТШ) как базы просвещения, над которой должно быть построено и профтехническое образование и вся политико-просветительная работа в ауле и кишлаке (главным образом ликвидация безграмотности) среди коренного населения». Съезд указал на необходимость повышения квалификации учительства и снабжения школ пособиями за счет государственных средств.

Очень важным было решение съезда приступить к изданию учебных пособий для тех народностей, на языке которых советская литература еще совершенно отсутствовала, как-то: «каракиргизов», таранчей и др. В этом отразился процесс национального самоопределения народов Средней Азии, стимулированный Великой Октябрьской социалистической революцией.

Для обеспечения аульно-кишлачных школ подготовленными учителями съезд Советов дал указания уделить максимум внимания педагогическим учебным заведениям — институтам просвещения и педагогическим техникумам, укрепить их материально и создать при них краткосрочные курсы. Сеть педагогических учебных заведений съезд потребовал приравнять по снабжению к нормам рабочих факультетов.

Как задачу Наркомпроса и правительства в целом на 1923/24 учебный год съезд установил обслуживание неграмотного детского и взрослого коренного населения в следующих пропорциях:

а) детей дошкольного возраста от 5 до 8 лет — 1%, или 5 тыс. детей;

б) детей школьного возраста от 8 до 11 лет — 20%, или 100 тыс. детей;

в) детей школьного возраста от 11 до 16 лет — 3%, или 15 тыс. человек;

г) неграмотного взрослого населения от 16 до 30 лет — 5%, или 100 тыс. человек.

Съезд поручил Туркестанскому ЦИК обратить особое внимание на школы фабрично-заводского и кустарного ученичества и принять меры к развитию сельскохозяйственного образования, причем предложил поставить перед Наркомпросом и

Наркомземом задачу «создать из сельскохозяйственных школ широкие рассадники агрономии и культурного животноводства среди населения и провести организацию сельскохозяйственных училищ во всех областях».

Констатировав, что образование женской части населения поставлено особенно слабо, съезд поручил правительству обратить внимание на развитие женского образования, «создавая для этого специальные школы, проводя броню в имеющихся учебных заведениях и т. д.».

Принимая во внимание напряженность государственного бюджета и невозможность отпустить Наркомпросу ассигнования сверх установленной сметы, съезд Советов, однако, принял важное решение:

а) установить твердую гарантию отпуска средств из местного бюджета не меньше 35%;

б) категорически воспретить какую-либо урезку кредитов Наркомпроса по его сметам;

в) провести широкую помощь школе через организацию содействия просвещению.

В целях подготовки из материально необеспеченной молодежи народов Средней Азии специалистов для республики путем обучения в высших учебных заведениях Центральной России съезд дал указание: каждому из областных и уездных центров установить не менее пяти стипендий для молодых людей, которые стремятся поступить в вузы РСФСР.

Школьная сеть. Об изменениях сети школ I ступени в Туркестанской республике в 1917—1924 гг. говорит следующая таблица [1].

Таблица 28

Годы	1917	1918	1919	1920—1921	1922	1923	1924
Число школ . . .	576	992	1897	2022	1239	1007	1271

Из таблицы видно, что высшей точки своего роста школьная сеть достигла на грани 1920/21 учебного года.

Усиление басмачества в Ферганской и Самаркандской областях, а также в Тедженском уезде Туркмении привело почти к полной ликвидации сети советских школ в аулах и кишлаках. 1922 год для населения Туркестанской республики был очень тяжелым в экономическом отношении, как прямое следствие гражданской войны и иностранной военной интервенции. Экономическое разорение получило выразительное отражение

[1] П. И. Сербов и А. Д. Никифоров, Народное просвещение в Узбекистане, стр. 34. (За 1919—1922 гг. не было точной статистики.)

в состоянии сети просветительных учреждений, которые содержались целиком за счет трудового населения. К началу 1923 г. произошло наибольшее сокращение школьной сети, но с этого же года началось постепенное возрождение просветительных учреждений.

По сравнению с катастрофическим сокращением сельской школьной сети, обслуживавшей главным образом коренные национальности, в городах сеть школ сохранилась лучше; в городских школах преобладали учащиеся русской национальности. Имелось немало средних русских школ, тогда как на языках коренного населения средних школ еще почти совсем не было. В связи с таким положением республиканская газета напечатала тревожную статью «Кризис народного просвещения в Туркестане» [1], из которой мы узнаем, что из школьного бюджета Комиссариат просвещения расходовал на школы коренного населения только 20%. В августе 1923 г. Туркестанский наркомпрос принял решение: с 1 ноября этого года открыть 496 школ I ступени для коренного населения. Государственному ученому совету Наркомпроса было предложено обеспечить школы на языках коренного населения учебной и методической литературой.

Желая помочь населению, правительство Туркестанской республики приняло на государственный бюджет 577 учреждений школьного типа, в том числе 492 аульно-кишлачные школы, содержавшиеся раньше за счет населения [2] (см. табл. 29).

За все время существования Туркестанской республики сохранялась непропорциональность в обслуживании советскими школами детей разных национальностей. Это было связано, во-первых, с имевшейся еще до 1917 г. значительной сетью русских школ; напомним, что русское население Туркестана царским правительством было поставлено в привилегированные условия и школами это население было обеспечено гораздо лучше, чем русское население в Европейской России. Во-вторых, быстрый рост сети советских школ на языках коренного населения затруднялся острым недостатком помещений, оборудования, учебников, а главное — учителей. Важную роль сыграло резкое сокращение сети сельских школ в 1921—1922 гг. Наконец, нельзя забывать, что советской школе среди оседлого населения Туркестана приходилось отвоевывать позиции у традиционной конфессиональной мусульманской школы (см. табл. 30, стр. 449).

[1] ТВ, 1923, № 169.

[2] На сколько число 492 бюджетные кишлачные и аульные школы по всему Туркестану было сжатым, видно из такого, например, сопоставления: в 1920/21 учебном году в одном только Пишпекском уезде (в республике было более 25 уездов) имелись 82 киргизские школы соцвоса. («Культурное строительство в Киргизии», I, стр. 98).

Таблица 29

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ШКОЛ, ПРИНЯТЫХ В 1923 г. НА СОДЕРЖАНИЕ ПО ГОСБЮДЖЕТУ*

Область	Школы I ступени						Школы II ступени			Интернаты			Всего		
	сельские			городские											
	школ	учащих	учащихся	школ	учащих	учащихся	школ	учащих	учащихся	школ	учащих	учащихся	учреждений	учащих	учащихся
Сыр-Дарьинская . .	90	180	5400	6	12	480	6	60	1050	4	48	360	106	300	7290
Аму-Дарьинская . .	38	76	2280	2	4	160	1	10	175	6	48	120	47	138	2735
Туркменская	78	156	4680	6	12	480	4	40	700	2	16	360	90	224	6220
Самаркандская . .	87	174	5220	4	8	320	4	40	700	6	32	240	101	254	6480
Джетысуйская . . .	90	180	5400	5	10	400	5	50	875	5	40	300	105	280	6975
Ферганская (с Памиром)	104	208	6240	7	14	560	5	50	875	7	56	420	123	328	8195
Среднеазиатская и Ташкентская железные дороги .	5	10	300	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	10	300
	492	984	29 520	30	60	2400	25	250	4375	30	240	1800	577	1534	38 095

* П. И. Сербов и А. Д. Никифоров, Народное просвещение в Узбекистане. стр. 34.

Таблица 30

ОБСЛУЖИВАНИЕ ШКОЛАМИ I СТУПЕНИ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ТУРКЕСТАНСКОЙ АССР В 1924 ГОДУ*

Национальность	Население (в тысячах)	Число школ	Население на одну школу (в тысячах)
Русские	536,6	316	1,7
Национальные меньшинства (армяне, евреи, татары и др.)	195,9	93	2,1
Туркмены	266,6	72	3,7
Казахи** и киргизы	1614,2	426	3,8
Узбеки	2050,7	350	5,8
Таджики	399,9	14	28,5

* Таблица составлена по данным из кн.: З. Д. Ефанов, На фронте просвещения. К пятилетию Союза работников просвещения в Туркестане, Ташкент, 1924, стр. 17.

** К таблице необходимы пояснения. Киргизы («каракиргизы») в ней недифференцированы от казахов, которых тогда называли «киргизами»; обслуживание школами у киргизов было гораздо хуже, чем у казахов,— вероятно, хуже, чем у узбеков. Следовательно, *казахи* Туркестанской республики, если их дифференцировать от киргизов, были на первом месте среди ее коренного населения по обеспеченности школами; туркмены занимали второе место.

Отставание *узбеков* объяснялось распространенностью среди них конфессиональных мактабов и басмачества в ряде районов.

Особенное отставание *таджиков* связано с наибольшей распространенностью в их среде конфессиональных мактабов; свою роль сыграли и пантюркисты, под влиянием которых в 1918 г. государственным языком Туркестанской республики был объявлен «тюркский» (наряду с русским), а о таджиках-нетюрках в первые годы республики нередко забывали. В Туркестане «таджикский язык постепенно исчезает»,— утверждалось в ст. И. Мухтаровича «К вопросу о национальных языках» (газ. «Просвещение», Ташкент, 1918, № 10).— *Ред.*

Советизация конфессиональных мактабов. Вакфы[1]. С 1 января 1923 г. при Народном комиссариате просвещения Туркестанской республики было организовано Главное управление вакфов, которому вменялось в обязанность взять на учет все вакфные имущества, доходы с которых были назначены завещателями на содержание медресе и других конфессиональных мусульманских школ. Так как при нэпе приток вакфных средств увеличился, то XII съезд Советов Туркестанской республики (январь 1924 г.) дал указание обратить эти средства на увеличение заработной платы тем учителям старометодных мактабов, которые были взяты на учет

[1] См. книги: П. И. Сербов и А. Д. Никифоров, Народное просвещение в Узбекистане, стр. 68—72, а также 45, 51, 61; З. Д. Ефанов, На фронте просвещения, стр. 17—18; «Материалы ко 2-му Курултаю Советов. Народное просвещение в Узбекистане», Самарканд, 1927, стр. 5 и 8.

для переквалификации, на улучшение оборудования этих мактабов — словом, на приближение их к благоустроенным советским школам.

Управление вакфов должно было организовать курсы, на которых могли бы переквалифицироваться лучшие из учителей старометодных мактабов и подготовляться новые, советские учителя для этих школ. Это было важное мероприятие в подготовке к преобразованию старометодных мактабов.

В 1924 г. произведен учет конфессиональных школ по городам. Из 212 медресе и 191 мактаба, взятых вакфным управлением на учет, реорганизованы в советские школы 10 медресе (738 учащихся) и 41 мактаб (3080 учащихся). В отношении остальных школ, которые не были охвачены советизацией из-за отсутствия средств, подготовленных педагогов и соответствующих помещений, вакфным управлением велась работа в направлении постепенной их ликвидации.

С 1 апреля 1924 г. советизированные школы вакфного управления перешли к занятиям по программе единой трудовой школы Наркомпроса; ранее педагогическая работа велась по программе вакфного управления, по которой до 50% учебного плана отводилось на изучение религиозной этики и Корана. Советизированные школы на 90% были укомплектованы советскими учителями. Для переподготовки их были организованы краткосрочные педагогические курсы: в Ташкенте — на 100 человек, в Коканде и Самарканде — на 60, в Катта-Кургане — на 40, в Андижане — на 50.

В составе вакфных имуществ издавна основное место занимали пахотные земли, сдававшиеся в аренду; в 1924 г. они были переданы в трудовое пользование дехкан. Оставшиеся вакфные имущества состояли из торговых помещений и мелких предприятий (бань, водяных мельниц и др.). Переданные Наркомпросу вакфы (принадлежавшие конфессиональным школам) составляли больше половины всех вакфов (другими вакфами распоряжались органы коммунального хозяйства).

Большинство вакфных имуществ находилось на той части территории Туркестанской АССР, которая с конца 1924 г. стала частью Узбекской ССР; Узбекская ССР получила большие вакфные имущества также на отошедших к ней территориях Бухарской и Хорезмской народных республик. В бюджете Узбекского наркомпроса вакфные доходы в первое время составляли 7—8% (немного более 50% давали местные бюджеты, остальное — госбюджет).

Средства своего вакфного бюджета наркомпросы направляли прежде всего на содержание общеобразовательных школ. Туркестанский наркомпрос в 1924 г. за счет вакфов содержал, кроме 51 советизированной школы из бывших конфессиональных (с 3818 учащимися), еще 28 школ I ступени (с 3451 учащимся). Узбекский наркомпрос в 1925/26 учебном

году из 2754 классов I ступени (с 79 701 учащимся) за счет вакфов финансировал 382 класса (с 10 678 учащимися). В том же году новое школьное строительство велось более чем наполовину на средства вакфов. За их счет содержались также два музыкальных и один педагогический техникум. В дальнейшем значение вакфов в бюджете просвещения уменьшилось; позже они все были переданы коммунальному хозяйству.

Часть конфессиональных мусульманских школ не была советизирована. В 1925—1926 гг. Статистическое управление Узбекской ССР зарегистрировало в той части республики, которая до конца 1924 г. входила в Туркестанскую АССР, 256 старометодных мактабов; а в западной половине Узбекской ССР, ранее бывшей в составе Бухары и Хивы (Хорезма), этих мактабов оказалось гораздо больше — 1329.

Полная ликвидация конфессиональных мактабов в Узбекской ССР была осуществлена в 1928 г.

Становление советских школ на родных языках. ГУС Наркомпроса Туркестана. В 1921—1924 гг. в пробужденной Великим Октябрем Средней Азии оформлялась советская школа на родном языке у народов, которые до революции имели на своем языке ограниченную письменность или же вовсе ее не имели.

Еще в 1918 г., когда государственными языками Туркестанской республики были объявлены «тюркский» и русский, один из деятелей молодой республики в статье о национальных языках[1] констатировал: «Киргизский (казахский. — *Ред.*) и сартский[2] (узбекский. — *Ред.*) языки не только не имеют тенденции к сближению (в общетюркский язык. — *Ред.*), но скорее наоборот — все более и более отдаляются друг от друга». «Тюркская секция» Наркомпроса Туркестана к началу 1920 г. имела узбекскую, «киргизскую», туркменскую и татарскую подсекции.

«Тюркская секция» консультировала отделы Наркомпроса по вопросам народного образования среди коренного населения; ее упразднили в мае 1920 г., поскольку было осознано, что все отделы должны заниматься прежде всего коренным населением. О работе национальных подсекций после ликвидации секции нет сведений; известно, что в 1920 г. они занимались главным образом вопросами подготовки школьных учебников, но без плана и научного подхода.

К началу 1921 г. вместо подсекций «Тюркской секции» действовали при Наркомпросе научные комиссии Узбекская (ее рождение связано с первым узбекским совещанием по вопро-

[1] Газ. «Просвещение», Ташкент, 1918, № 10.

[2] Взамен этого отмиравшего термина уже был новый: в № 47 той же газеты есть распоряжение Наркомпроса об открытии в педагогическом училище узбекского отделения.

сам родного языка и орфографии в конце 1919 г.[1] и «Киргизская» (ее организацию стимулировало оформление в августе 1920 г. советской республики казахского народа под названием «Киргизская АССР»). На бумаге значилась и «Туркменская научная комиссия».

Туркменские работники (в Туркмении к началу 1920 г., после изгнания английских интервентов, была восстановлена Советская власть) поставили перед правительством Туркестанской республики вопрос о создании в Ташкенте научного центра, направляющего работу по строительству литературных языков народов Средней Азии и изданию учебников на родных языках. К концу 1920/21 учебного года был организован Научный совет Туркнаркомпроса, переименованный позже в Государственный ученый совет (ГУС).

ГУС Туркнаркомпроса стал научно-методическим центром рождавшихся национальных советских школ Туркестанской республики. Основой ГУСа были национальные научные комиссии. Круг их деятельности по существу совпадал с функциями бывшей «Тюркской секции»[2]: подготовка для школ данной национальности учебников и литературы для учителей на родном языке путем составления и переводов. В связи с этой задачей каждая национальная научная комиссия занималась и разработкой программы по родному языку, и планированием изданий, а также консультировала отделы Наркомпроса и другие учреждения.

Перед каждой национальной научной комиссией сразу встали вопросы *построения того литературного языка,* на котором будут издаваться школьные учебники: выбор ведущего диалекта, лексика, графика, орфография, грамматика, — т. е. широкий комплекс проблем.

Помощь национальным научным комиссиям оказывали профессора-востоковеды (петроградцы) Е. Д. Поливанов и А. Э. Шмидт и ведущий деятель Среднеазиатского университета проф. А. Л. Бродский (москвич), бывший не только крупным ученым-биологом, но прекрасным знатоком методики школьной биологии; все они были привлечены в состав руководства ГУСа.

По педагогическим вопросам национальные научные комиссии пользовались помощью научно-педагогической комиссии ГУСа Туркнаркомпроса, в работе которой участвовали русские педагоги В. Ф. Лубенцов и Н. В. Дегтерева (руководители ташкентских опытных трудовых школ), К. К. Юдахин (ныне член АН Киргизской ССР) и другие.

При ГУСе работали музыкально-этнографическая (организована в 1919 г. В. А. Успенским, чье имя носит музыкальная школа в Ташкенте) и с 1923 г. театрально-художественная комиссии, изучавшие и популяризировавшие творчество народов Средней Азии в этих областях искусства.

Таким образом, ГУС Туркнаркомпроса был началом научно-исследовательского института того профиля, который получил существовавший в Узбекской ССР с 1931 г. Институт культурного строительства, разделенный в 1934 г. на институты языка и литературы, искусствознания и педагогики.

В ведении президиума ГУСа состояли немногочисленные научные учреждения Туркестанской АССР и научные общества[1], т. е. он осуществлял функции, какие в Москве выполняла Главнаука (для этой роли еще в апреле 1920 г. при Туркнаркомпросе был создан научный отдел, занимавшийся главным образом устройством Туркестанского государственного университета).

Узбекская научная комиссия в строительстве узбекского литературного языка связалась с органами Бухарской и Хорезмской народных республик, образовавшихся в 1920 г.

На съезде по вопросам узбекской орфографии в январе 1921 г. в Ташкенте с участием представителей Бухарской и Хорезмской республик решили упразднить несколько лишних для узбекского алфавита арабских букв, введя некоторые новые; в начертаниях букв установили единую форму; написание иностранных слов подчинили принципам узбекской орфографии[2]. Эти решения подтвердил в феврале 1922 г. более представительный съезд узбекских работников культуры и просвещения, на который съехались в Ташкент деятели из Туркестана, Бухары и Хорезма[3]. На съезде 1922 г. впервые выступили сторонники латинизации узбекской письменности. На обоих съездах орфография строилась, исходя из фонетики так называемых сингармонических сельских говоров; в 30-х годах в основу узбекского литературного языка были приняты несингармонические городские диалекты.

Казахская (киргизская) научная комиссия выделялась среди национальных комиссий сильным составом; ее членами были собиратель казахского фольклора А. А. Диваев, моло-

[1] На нем была принята первая реформа в орфографии — решение обозначить все гласные (арабская графика ограничивалась обычно написанием согласных), при этом в уступку консерваторам сохранили традиционное начертание для «священных» слов, употребляемых в Коране.

[2] «Положение о тюркской секции Комиссариата народного просвещения Туркестанской республики РСФ» опубликовано в газ. «Просвещение», Ташкент, 1918, № 43.

[1] Обзор научных учреждений и обществ Туркестанской АССР дан в кн.: Научная жизнь Туркестана, сост. Н. П. Архангельский, Ташкент, 1922 (отдельное приложение к журн. «Наука и просвещение», октябрь 1922).

[2] См. журн. «Вестник просвещения и коммунистической культуры», Ташкент, 1921, январь, № 7—8, стр. 21.

[3] О подготовке съезда см. «Просвещение». Иформационный бюллетень НКП Туркестанской республики, [Ташкент, 1922], № 6, стр. 15—16.

дой научный работник М. Ауэзов (ныне известный писатель) и другие. Эта комиссия опиралась на коллектив преподавателей Киргизского института просвещения в Ташкенте, держала связь с Наркомпросом Киргизской АССР, находившимся тогда в Оренбурге. Большим делом этой комиссии было начало публикации казахских фольклорных записей А. А. Диваева на языке оригинала (до революции они печатались в переводе на русский язык).

Туркменская научная комиссия при своем образовании была почти в таком же трудном положении, в каком оказалась в 1923 г. новая «каракиргизская» научная комиссия. Началом систематического печатного дела на туркменском языке явилось издание в Ашхабаде с 29 июля 1920 г. газеты «Туркменистан»[1]; для издания на туркменском языке школьных учебников нужно было решить много спорных языковых вопросов. Туркменская комиссия, как и «каракиргизская», находясь далеко от мест расселения своего народа, связывалась с обучавшейся в Ташкенте молодежью своей национальности.

К концу 1922 г. оформилась Таджикская научная комиссия. Вначале ее создание стимулировали памирские работники, постепенно она установила связи с таджикскими культурными силами из Самарканда и других мест.

Остановимся на «Каракиргизской»[2] научной комиссии, которая заложила основы письменности киргизского народа. Киргизы сначала пользовались литературой на казахском языке. Но население Тянь-Шаня понимало ее недостаточно хорошо[3]. XII съезд Советов Туркестанской республики предложил Наркомпросу обратить особое внимание на дело просвещения каракиргизов.

В 1923/24 учебном году из «Киргизской» научной комиссии выделилась «Каракиргизская»; «Киргизская» комиссия занялась только казахскими делами, а «Каракиргизская» впервые приступила к установлению принципов графики и орфографии киргизского литературного языка.

Летом 1924 г. по аулам и кочевьям Киргизии была организована запись произведений киргизского фольклора (для этого газета «Ак-Жол» напечатала инструкцию) и собирание народных названий животных, растений, явлений погоды и т. д. в целях установления на киргизском языке научной терминологии. К делу привлекли культурно-просветительный кружок

[1] И. Л. Репин, Расцвет культуры советского Туркменистана. Ашхабад, 1957, стр. 25.

[2] Поскольку название «киргизы» в русском языке XIX и начале XX в. применялось для обозначения казахов, то киргизов стали называть «каракиргизами».

[3] Культурное строительство в Киргизии 1918—1929. Сборник документов и материалов, т. I, Фрунзе, 1957 (изд. Института истории АН КиргССР и Архивного отдела МВД КиргССР, 410 стр.); стр. 275—277.

киргизской молодежи, учившейся в Ташкенте в Казахском институте просвещения и других учебных заведениях.

В 1924 г. «Каракиргизская» научная комиссия занималась подготовкой первых четырех учебников на киргизском языке (букваря, хрестоматии, арифметического задачника и географии) и первых трех сборников киргизского фольклора и нарождавшейся советской киргизской художественной литературы. Было собрано более 600 народных терминов[1].

С национальными научными комиссиями сотрудничала Научная комиссия по изучению быта коренного населения, образованная при Совнаркоме Туркестанской республики в марте 1921 г. с главной задачей составить этнографическую карту Туркестана как основу будущего национально-государственного размежевания Средней Азии[2].

Научные комиссии Туркестанского ГУСа имели каждая штат из 2—3 человек и работали с помощью актива. До конца 1924 г. они выпустили скромное количество изданий, тем более что полиграфия республики была очень стеснена. Но на их опыте с 1925 г. развернулось создание учебной и программно-методической литературы для школ на языках народов Средней Азии после ее национально-государственного размежевания, когда национальные научные комиссии разъехались по новым республикам, а остальной состав ГУСа, с Узбекской научной комиссией, послужил для организации Академического центра при Наркомпросе УзССР.

В Туркестанской АССР обучение на местных языках было осуществлено, как правило, в трех начальных классах. Уже на четвертом году проводить обучение на родном языке было трудно из-за отсутствия подготовленных учителей и учебников; преподавание на четвертом году обычно проводилось полностью или частично на русском языке[3]; родной язык преподавался с четвертого года обучения как предмет. (Там, где были условия, русский язык преподавался со второго года обучения).

[1] См. книги: Культурное строительство в Киргизии 1918—1929 гг. Сборник документов и материалов, т. I, Фрунзе, 1957, стр. 239—240; З. Д. Ефанов, На фронте просвещения, стр. 20.

[2] В плане Узбекской научной комиссии был сбор материалов по истории узбеков; по ее поручению А. А. Семенов с 1922 г. составлял «Указатель персидской литературы по истории узбеков в Средней Азии» (издан в Ташкенте в 1926 г., вып. III «Трудов Библиографической комиссии»), он содержит сведения о многих десятках рукописей.

[3] См. «Бюллетень НКП Туркестанской республики», 1923, № 1, стр. 1 (постановление Президиума ЦИК: «Первые три года обучения языком преподавания должен быть родной язык») и «Бюллетень Наркомпроса Туркестана», 1921, № 3, стр. 17 (резолюция второго съезда заведующих отделами народного образования об образовании среди кочевников, об открытии классов начиная с четвертого с преподаванием предметов на русском языке).

Рис. 9. Первоклассники

Большинство сельских начальных школ коренного населения имело только два-три года обучения. В Нарынском уезде (Киргизия) в 1923/24 учебном году было школьников: в первых классах — 1672, во вторых — 839, в третьих — 928 [1] (увеличение в третьих классах объяснялось, вероятно, тем, что за отсутствием четвертых классов некоторые повторяли курс III класса).

Национальные научные комиссии Наркомпроса готовили учебники на местных языках для начальных школ. В образованных в конце 1924 г. новых национальных республиках Средней Азии развились школы II ступени на родном языке.

Обучение девочек коренного населения. Совместное обучение. Очень трудно на первых порах вовлекались в советские школы девочки местных национальностей.

Среди оседлого узбекского и таджикского населения, где на девочку-подростка издавна уже надевали паранджу с сеткой, закрывавшей лицо, совместное обучение, как правило, не проводилось. В этом направлении первый опыт был сделан в условиях школы-интерната; в ташкентскую школу им. Альмаи, где среди мальчиков-узбеков, татар и других обучалось несколько татарок, было помещено несколько узбечек — сирот и полусирот. Но основным путем вовлечения девочек—узбечек и

[1] Культурное строительство в Киргизии, т. I, стр. 132.

таджичек в советскую школу в Туркестанской республике было открытие *женских школ*.

Совместное обучение осуществлялось среди кочевых и полукочевых казахов, киргизов и других, а также среди оседлых туркмен и уйгур, однако количество девочек в школах сильно отставало от числа мальчиков. Так, осенью 1919 г. туркменскую школу в Гинсбурге (быв. Каахка) начали посещать, кроме 104 мальчиков, 26 девочек [1]. В начале 1923/24 учебного года в глубине Киргизии — в школах Нарынского уезда, Семиреченской области, — обучались 2901 мальчик и 538 девочек [2].

Казахи Туркестана в сравнении с северными единоплеменниками были больше связаны с мусульманством, и это отрицательно отражалось на обучении девочек [3].

В деле вовлечения в школы девочек коренного населения началом плановой работы был 1923/24 учебный год, когда органы Туркнаркомпроса приступили к учету детей женского пола. По неполным данным, в указанном году школы посещали 1786 девочек местных национальностей: узбечек — 1344, казашек — 242, туркменок — 86, таджичек — 72, таранчей — 50; кроме того, училось 1139 девочек из национальных меньшинств Туркестана — татарок, евреек, башкирок, персиянок и др.

В Сыр-Дарьинской области было открыто 14 школ для девочек узбечек. В Ферганской области в 1923/24 учебном году 12 женских школ посещали 509 узбечек и 30 киргизок. В Самаркандской области имелось только 4 женских школы с 94 учащимися девочками, из них 65 таджичек.

Развертывание сети женских школ тормозилось тем, что сколько-нибудь подготовленную учительницу найти было трудно, гораздо труднее, чем учителя. В первых женских советских школах для коренного населения учительствовали почти исключительно татарки.

Многие из учительниц дореволюционных мусульманских школок для девочек стали позднее выдающимися педагогами, писательницами. Розия Гафурова, бывшая учительница в одном из кварталов Ходжента (ныне Ленинабад), стала талантливой поэтессой, ее псевдоним Розия Озод; она была видной общественной деятельницей [4]. Мукаррам Кадырова до Октябрьской революции около десяти лет учительствовала в

[1] Журн. «Вестник просвещения и коммунистической культуры», Ташкент, 1920, № 2, стр. 17.

[2] Культурное строительство в Киргизии, т. I, стр. 132.

[3] В 1910/11 учебном году во всех русско-казахских училищах девочки-казашки составляли в среднем 4,2% учащихся-казахов, но девочек совсем не было в училищах на территории Туркестанского края (см. об этом в кн.: А. И. Сембаев, Очерки, стр. 22).

[4] На русский язык переведены два сборника ее стихов: «Солнечный край» и «Стихи» («Литературная газета», 1957, 14 дек.).

родном Коканде; в немолодом возрасте окончила педагогический институт; теперь она — заслуженная учительница школы Узбекской ССР, депутат Ташкентского горсовета [1].

Запрет мусульманке показывать лицо постороннему мужчине приводил к таким фактам: в Ташкенте, в старом городе, в 1922 г. в Женском узбекском институте просвещения представители Наркомпроса — мужчины могли слушать ответы учениц только из-за занавески, которая перегораживала классную комнату.

Жизнь вскоре допустила в женские школы преподавателями пожилых мужчин. Потом в школах, где учились мальчики, появились узбечки и таджички, подражавшие примеру татарок, давно посещавших совместные школы (специальных мужских школ, закрытых для женщин, в Туркестанской АССР не было); сначала это наблюдалось только в школах, находившихся в русских кварталах или рядом с ними.

Обучение девочек развивалось в связи с вовлечением взрослых женщин и девушек в школы ликбеза и общественную жизнь, в производство.

Через несколько лет после образования в Средней Азии новых национальных республик могло осуществиться совместное обучение мальчиков и девочек в узбекских и таджикских школах, сначала в более передовых районах, а позднее повсеместно. Сначала в мужских школах открывались классы для девочек, потом появились совместные классы начиная с младших.

Опытные трудовые школы. Приступая к построению трудовой школы, Наркомпрос РСФСР в 1918—1919 гг. организовал сеть опытных школ. И в Туркестанской республике возникло несколько опытных трудовых школ; из них три ташкентские окрепли и играли важную роль в развитии советской школы Туркестана. Об этих школах рассказано в работах С. Раджапова и Ю. Умарова [2]. Дополняя и уточняя изложенное там, скажем о ташкентских опытных трудовых школах основное в хронологических границах 1918—1924 гг.

Начало всем трем школам положили небольшие коллективы передовых учителей, увлеченных идеей новой, трудовой школы. Школы им. К. Либкнехта и Н. Г. Чернышевского уже в 1918 г. были экспериментальными. Ядром школы им. Альмаи была маленькая школа-коммуна, устроенная в 1918 г. в здании бывшей русско-туземной школы и укомплектованная сиротами

[1] И. Кадыров, Успехи народного образования в Узбекской ССР за 40 лет, Ташкент, 1957, стр. 100—102.

[2] С. Раджапов, К истории советской школы в Узбекистане, Ташкент, 1957, стр. 29—31 и 48—55; Ю. Умаров, Трудовое воспитание в опытных трудовых школах в Ташкенте в 1918—1930 гг., 1958. В работе Ю. Умарова дана библиография по трем школам; здесь она пополняется.

узбеками и татарами, с 1921/22 учебного года она стала узбекской опытной школой Туркестанского наркомпроса [1].

Школы им. К. Либкнехта (это имя у нее с 1919 г.) и Альмаи являлись школами-интернатами, школа им. Н. Г. Чернышевского — школой продленного дня.

Общей для всех трех школ была их трудовая связь с промышленными садами. Такие сады — особенность Ташкента; в 1918 г. они были национализированы. Школа им. К. Либкнехта получила несколько садов в ближайшем соседстве; у школы им. Альмаи один сад был недалеко, в черте города, другой — в 30 *км;* школа им. Чернышевского выезжала летом в сад близ железнодорожной станции Кауфманская. Именно в условиях работы в плодовых садах, а также на огородах сплотился коллектив каждой из трех школ.

Эта работа на свежем воздухе была благотворна для здоровья и интересна по разнообразию; дело находилось и малышам, и старшим.

Работа ташкентских школьников в садах помогала преодолеть трудности того голодного времени. Летом 1918 г. в национализированных садах вокруг Ташкента более половины рабочих составляли учащиеся, причем девушки, «ученицы гимназий и городских училищ, преобладали над бывшими гимназистами, реалистами и кадетами» [2].

В опытных школах, укомплектованных сиротами и детьми малообеспеченных семей, коллективный сельскохозяйственный труд при внимательном и тактичном руководстве учителей стимулировал развитие ученического самоуправления, распределявшего трудовые поручения и проверявшего их выполнение.

В школе им. Либкнехта сумели уже с весны 1921 г. хорошо связать сельскохозяйственный труд с общеобразовательными задачами, создав из старших учащихся кружки садовый, огородный, шелководов; кружки углубленно изучали отделы ботаники и зоологии и в то же время стали на своих участках хозяевами-организаторами.

Учебные мастерские имели большое значение в школах им. К. Либкнехта и Альмаи.

Во всех трех школах велась систематическая экскурсионно-краеведческая работа, высоко стояло физическое и художественное воспитание.

Наибольших успехов достигла школа им. К. Либкнехта, руководимая В. Ф. Лубенцовым. Она зародилась летом 1918 г. как детская сельскохозяйственная колония, работавшая в гор-

[1] При русских классах школ им. К. Либкнехта и Н. Г. Чернышевского в 1924—1925 гг. были организованы узбекские параллели.

[2] Газ. «Просвещение», Ташкент, 1918, № 23 (ст.: И. Шумков, «Новая школа и сельское хозяйство»).

ной местности Чимган (там сеяли озимую пшеницу). Первые начинания школы в педагогическом городке вызвали в ташкентской печати восторженную статью, отмечавшую самоотверженный труд учителей; руководитель школы письмом в редакцию ответил, что учителя лишь выполняют свой долг, что делаются пробные шаги и восторгаться рано [1].

В январе 1923 г. Наркомпрос республики провел конференцию своих опытных школ. Посвященный ей сборник [2] издан без основательного редактирования; однако из него видно, с какой активностью прошла эта конференция, на которой говорилось о множестве вопросов, волновавших учительство, тогда мало вооруженное научными основами марксистско-ленинской педагогики.

В том же году газета «Правда» проводила всесоюзный конкурс на лучшего учителя; заведующий ташкентской опытной трудовой школой им. К. Либкнехта В. Ф. Лубенцов получил вторую премию [3].

В 1924 г. в Москве вышел педагогический сборник [4], в предисловии к которому Н. К. Крупская писала: «...сборник... демонстрирует, какая... интенсивная работа ведется в области социального воспитания в СССР». Она отмечала, что статьи сборника написаны вдумчиво, каждая базируется на большом отчетном материале. В этом сборнике была помещена статья А. Колпаковой «Местные опытно-показательные учреждения».

В отделе опытных учреждений НКП РСФСР в 1923 г. было зарегистрировано 135 местных учреждений (включая детсады и др.), в том числе 91 школа, из них 39 школ-интернатов. «По своему педагогическому уровню, по ценности работы и достижениям местные ОПУ очень различны,— пишет А. Колпакова.— Есть такие, которые по характеру работы, по определенности, четкости и ясности своих задач, по степени своего влияния на учительство не уступают центральным ОПУ. Таковы, например, морозовско-донецкая школа-коммуна, ташкентские школы имени Карла Либкнехта и Н. Г. Чернышевского...» (далее называются еще три школы).

Из местных опытных учреждений с сельскохозяйственным уклоном в статье первой названа морозовско-донецкая школа-коммуна I ступени, которая проводила интересную работу; «упорным и длительным трудом ей удалось создать прекрасную материальную базу». Далее автор статьи сообщает: «Еще больших результатов достигла ташкентская опытно-показательная школа-коммуна имени Карла Либкнехта. Она уже в

[1] Газ. «Просвещение», 1918, № 38, 40, 47.

[2] Труды первой конференции опытно-показательных школ Главсоцвоса НКП Туркестанской республики, 15—21, I. 1923г.

[3] Газ. «Правда», 1923, 8 июля.

[4] Современная практика социального воспитания. Сборник статей с предисловием Н. К. Крупской, М., 1924, изд-во «Работник просвещения».

состоянии подводить научный фундамент под свою организационно-педагогическую работу. Громадная работа проделана по исследованию местного края, отражающаяся в записях, детских журналах, рисунках, коллекциях. Местное учительство устраивает массовое паломничество в школу. Наркомпросом Туркреспублики летом 1923 г. при школе организованы курсы по переподготовке педперсонала, на которых широко использованы силы коллектива и достижения школы».

Отмечается также большая работа учителей школы им. Н. Г. Чернышевского по связи школьных знаний с жизнью (стр. 204) и высоко развитое ученическое самоуправление (стр. 206—207).

Отметив, что «чем выше учреждение как опытно-показательное, тем теснее связь его с массовым учительством» (стр. 210), А. Колпакова называет «педагогическими лабораториями для массового учительства» прежде всего «обе ташкентские школы» и еще 6 местных опытных школ (стр. 211) [1].

Школа им. Альмаи одной из самых первых создала классы II ступени с обучением на узбекском языке. Ее опыт использовался в первых программах по родному языку и литературе для узбекских школ II ступени. К руководству учащимися в художественных кружках и садовых работах школа привлекла народных умельцев. Эта школа была *первой узбекской школой с совместным обучением*. В 20-е годы школа им. Альмаи проводила большую культурно-просветительную работу среди узбекского населения.

В конце рассматриваемого периода ташкентские опытные школы увлеклись «комплексами», однако не прекратили систематические занятия по родному языку и математике.

В начале 20-х годов создался огромный разрыв в качестве работы между лучшими школами Туркестанской республики и многими школами в отдаленных от Ташкента и тогда глухих местах. В то время как опытная школа им. К. Либкнехта была в деле трудового воспитания и трудового обучения в числе самых передовых по Советскому Союзу, заведующий Семиреченским облоно в докладе о работе школ в 1921 г. писал: «...в данный момент в Семиречье... трудовую школу организовать невозможно, о ней можно лишь мечтать... Школьный подотдел, не задаваясь широкими идеями, решил поставить задачей — научить детей грамоте, счету и приучить хоть немного видеть вокруг себя». Стремясь воспитать «полезных членов общества, умеющих... не только мыслить, но и действовать», Семиреченский облоно ввел в школах ученическое самоуправле-

[1] Другие отзывы, говорящие о всесоюзном значении достижений школы им. К. Либкнехта, приведены в указанной книге Ю. Умарова.

ние, но попытки организовать производительный труд учащихся не имели успеха [1].

Ташкентские опытные школы в годы существования Туркестанской республики оказывали влияние в основном на близкие школы. С образованием Узбекской ССР стало устанавливаться больше связей опытных школ, особенно школы им. К. Либкнехта, со многими школами Узбекистана.

Еще до 1925 г. школа им. К. Либкнехта в своих учебных мастерских начала изготовлять наглядные пособия и классную мебель, в которых школы Туркестанской республики остро нуждались [2].

История ташкентских опытных школ дает примеры двоякой связи опытных школ с учреждениями педагогического образования и педагогического исследования.

Школа им. Н. Г. Чернышевского возникла как опытная при *Туркестанской педагогической лаборатории* [3]. Трудовую школу, получившую позже имя К. Либкнехта, первоначально рассматривали как базовую при педагогическом училище, открытом осенью 1918 г. *в Педагогическом городке им. П. Полторацкого* [4]. Однако это училище вскоре распалось на несколько учебных заведений, а педагогическая лаборатория оказалась недолговечной, как и Педагогический городок им. П. Полторацкого. Обе опытные школы стали самостоятельными учреждениями.

В дальнейшем ташкентские опытные школы, особенно школа им. К. Либкнехта, сами выросли в очаги педагогического образования и педагогических исследований. При этой школе открылся педагогический техникум. Педколлектив школы им. Н. Г. Чернышевского организовал практикантство для начинающих учителей. С 1926 г. при школе им. К. Либкнехта было

[1] Культурное строительство в Киргизии, т. I, стр. 104—105.

[2] В 1919/20 учебном году, после ухода интервентов из Закаспия, в туркменской школе в Гинсбурге не хватало скамей, сидели на кошмах; вместо классной доски к стене прикрепили желтую бумагу, на ней писал буквы учитель «крошечным кусочком мела, который бережется, как зеница ока» (журн. «Вестник просвещения и коммунистической культуры», Ташкент, 1920, № 2, стр. 17).

[3] Эта лаборатория образовалась из Туркестанского педагогического музея, развернутого в 1918 г. активом ташкентского учительства на базе небольшого дореволюционного музея при краевом Управлении учебными заведениями; название «лаборатория» подчеркивало переход к более активным формам работы. Педагогический музей после революции сначала входил в Педагогический городок им. П. Полторацкого и имел отделы: русского языка, математики, истории, географии, естествознания, фотографический, изучения производства, экскурсионный, первого концентра начальной школы; был выделен отдел «туземной школы» (газ. «Просвещение», 1919, № 10; журн. «Туркестанский учитель», 1917, № 3—4).

[4] Павел Полторацкий, ташкентский рабочий-печатник, первый комиссар труда Туркестанской республики, убит английскими интервентами 22 июля 1918 г. на железнодорожной станции в Мерве (Мары).

Рис. 10. Средняя школа в рабочем поселке текстильщиков. (Ташкент)

положено начало Педагогической лаборатории для учета многогранного опыта этой школы, его сохранения, анализа и распространения (в экспериментальной работе школы им. К. Либкнехта основным было выяснение в местных сельскохозяйственных условиях связей трудового воспитания и обучения с задачами общего образования); при школе им. Н. Г. Чернышевского с того же года зародилась первая в Узбекистане Школьно-экскурсионная станция, издавшая описания некоторых маршрутов [1].

[1] О. И. Костромин. Экскурсии в окрестностях Ташкента, Ташкент, 1927; М. Е. Массон. Экскурсии по Самарканду, Ташкент, 1928.

Просветительные учреждения для взрослых[1]. В 1917—1918 гг. в городах Туркестана, а также на крупных железнодорожных станциях и в больших селениях появилось много библиотек, клубов, самодеятельных театральных кружков и других культурных учреждений. В середине 1919 г. при Туркнаркомпросе образовался отдел пролетарских культурно-просветительных организаций, переименованный вскоре во внешкольный отдел; был также отдел искусств, разделенный потом на театральный и другие отделы.

В пунктах близ железнодорожных линий в годы гражданской войны и в первое время по ее завершении большую работу провел специальный агитпоезд ВЦИК «Красный Восток»; в его вагонах работала передвижная типография; он доставлял литературу, организовывал митинги, имел театральную агитбригаду и т. д. Представитель поезда выступал на I съезде заведующих отделами народного образования Туркестанской республики в мае 1920 г.[2].

Первыми очагами политпросветработы в некоторых местах явились гарнизоны Красной Армии. 20 декабря 1920 г. в горном селении Атбаши (40 *км* от г. Нарына) открылся красноармейский театр. На спектакль татарской труппы Нарынского агитпропа собралось более 400 человек. 6 января 1921 г. там же спектакль киргизской[3] труппы собрал из ближних и дальних окрестностей не менее 700 человек, включая 130 женщин-мусульманок; собравшиеся внимательно слушали политические доклады.

На пороге 1921 г. для объединения политико-просветительной работы всех гражданских организаций республики и военного ведомства в Ташкенте при Наркомпросе был создан Туркестанский политико-просветительный комитет (Туркполитпросвет)[4]. Ударные группы работников политпросвета, например инструктора ликбеза, в начале 1921 г. были приравнены к военнослужащим (они получали красноармейский паек, обмундирование).

---

[1] Использованы книги: Культурное строительство в Киргизии, т. I, стр. 251—272; З. Д. Ефанов, На фронте просвещения, стр. 17; статья о политпросвете в журн. «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2; Резолюции III Всетуркестанского съезда инспекторов Наркомпроса и Второго съезда политпросвета ТССР 5—12 июня 1923 г., Ташкент; диссертация Г. Х. Хайдарова; П. И. Сербов и А. Д. Никифоров, Народное просвещение в Узбекистане, стр. 40—41, и другие источники.

[2] «Вестник просвещения и коммунистической культуры». Ташкент, 1920, июль, № 3—4, стр. 8—9.

[3] Вероятно, это была казахская (может быть, казахско-киргизская) группа.

[4] Постановление Совнаркома Туркестанской республики и Реввоенсовета Туркфронта от 31. XII 1920 г. о создании Туркполитпросвета напечатано в журн. «Вестник просвещения и коммунистической культуры», Ташкент, 1921, январь, № 7—8.

Туркполитпросвет на первых порах стал широко разветвленной организацией. В начале 1921 г. еще держалась большая сеть внешкольных учреждений, зрелищных предприятий, разраставшаяся стихийно с первых дней революции[1].

Но вскоре в связи с трудным экономическим положением в 1921—1922 гг. сеть политпросвета резко сократилась. Восстановление ее началось с 1923 г. Вот, например, динамика библиотечной сети в Туркестанской республике:

1921 г.— 179 библиотек
1922 » — 56 » — »
1923 » — 64 библиотеки
1924 » — 117 библиотек

Резко колебалась также сеть клубов и других учреждений (цифры по ликбезу см. ниже). Центральный аппарат Туркполитпросвета сократился со 164 сотрудников до 6.

В июле 1921 г. в «Положении о Туркглавполитпросвете» первой среди его задач была поставлена ликвидация неграмотности, общей и политической. Политпросвету поручалось распространять среди населения научные знания, вести агитацию и пропаганду среди коренного населения, разъясняя текущие события и освещая основы программы коммунистов; при этом следовало организовать художественное воспитание масс, используя все виды искусства[2].

Центрами комплексной политпросветработы служили клубы. В Туркестане имелось несколько их типов: рабочий клуб, клуб национального меньшинства (армянский, татарский), молодежный, женский, партийный и др. Туркестанская печать часто обращалась к организационно-методическим вопросам клубной работы. В журнале Туркглавполитпросвета указывалось, что «клубы... должны совмещать в себе народный университет и дома отдыха». Журнал, предупреждая против «однобокости, узости, профессионального понимания» в клубах металлистов, текстильщиков, милиции и т. д., призывал сделать клуб «универсальным... расширять и углублять знания природы, человека и общества»[3]. «Положение о рабоче-профессиональном клубе» возлагало на клубы большую работу по коммунистическому воспитанию рабочих — членов клуба.

В период нэпа особенное значение приобрели дома дехканина (туркестанский вариант дома крестьянина), а также упрощенные разновидности клуба — красные чайханы[4] и красные юрты (местные варианты избы-читальни).

---

[1] Например, в Пишпекском уездном ОНО в мае 1920 г. художественный подотдел имел четыре секции: театральную, кино, музыкальную и изобразительного искусства.

[2] Бюллетень Туркестанского наркомпроса, 1921, № 4, стр. 18.

[3] Журн. «Наш путь», Ташкент, 1923, № 1, стр. 17.

[4] Положения о красной чайхане и доме дехканина напечатаны в журн. «Наш путь», Ташкент, 1923, № 1, стр. 38—39 и 42—44.

Статистика, неполная и противоречивая, говорит о нестойкости учреждений клубного типа; можно считать, что к концу 1924 г. в республике было немногим более сотни клубов и примерно столько же красных чайхан; медленнее росли красные юрты; имелся десяток домов дехканина и 8 народных домов.

Кино было не столь массовым, но важное место занимал театр — профессиональный и самодеятельный. В первые же революционные годы родилось несколько национальных театральных трупп. Первые туркменские театральные кружки возникли в начале 20-х годов в Теджене, Кизыл-Арвате и Ашхабаде; в 1922 г. написана первая туркменская пьеса А. Каушутова «Закаспийский фронт» (о гражданской войне в Туркмении) [1].

Национальные театры служили оружием коммунистического воспитания масс, развития пролетарского интернационализма и советского патриотизма. Театральные труппы разных национальностей обменивались опытом. В марте 1924 г. в Токмаке любительские драмкружки узбекский, русско-украинский и татарской объединились в «Культурно-просветительную организацию им. В. И. Ленина». В узбекском драматическом театре первой актрисой была Мария Кузнецова, русская уроженка Туркестана; она помогла привлечь на сцену многих узбечек.

В работе среди кочевников еще в начале 1919 г. Семиреченский облотдел по национальным делам решил использовать акынов (певцов-сказителей); был намечен их съезд для записи текстов от 13 наиболее известных акынов. В 1926 г. акынами занялся научный центр новой Каракиргизской автономной области.

В библиотечной сети края после революции появились мусульманские библиотеки-читальни — вначале главным образом с литературой на татарском языке; с 1921—1922 гг. больше стало газет, журналов, брошюр, книг на местных языках.

Русские книжные фонды в библиотеках республики в первое время состояли почти исключительно из дореволюционных изданий. С 1921 г. появилось много советских книг; они выгодно отличались от «пошлости и бульварщины», которой наводняли рынок дореволюционные издательства, как об этом писал библиотечный деятель республики Е. К. Бетгер в 1923 г. в статье «Новая экономическая политика и очередные задачи библиотечного дела» [2].

Эта статья доказывала, что массовые библиотеки не могут самоокупаться и должны быть отнесены на счет государства.

В той же статье констатировалось, что из книг, имевшихся в массовых библиотеках республики в 1918 г., уцелела к 1923 г. лишь пятая часть. Утрата происходила из-за переброс библиотек, из-за неопытности многих новых библиотекарей. Вместе с тем статья призывала воспитывать у нового читателя бережное отношение к книге.

[1] И. Репин, Расцвет культуры советского Туркменистана, стр. 48.
[2] Журн. «Наш путь», Ташкент, 1923, № 1.

В Туркестанской республике проводилась немалая работа по выращиванию библиотечных кадров через курсы и семинары и путем практикантства. Е. К. Бетгер был автором изданного в Ташкенте одного из первых советских руководств по библиотечной классификации.

Образование взрослых. Ликбез.

В 1918 г. в Ташкенте развернулась деятельность Туркестанского народного университета; в ряде городов были его отделения [1]. Через систему народного университета велось и начальное обучение неграмотных взрослых, давалось и профессионально-техническое образование, читались эпизодические лекции и циклы лекций для повышения культурного уровня.

Роль народного университета была особенно велика, до тех пор пока не наладилась работа Туркестанского наркомпроса и его органов на местах. В 1920 г. к организованному при Наркомпросе Туркполитпросвету перешли заботы об общем образовании взрослых, к Туркпрофобру—заботы о профтехническом образовании, а высшее звено народного университета в Ташкенте влилось в Туркестанский государственный университет.

Революция пробудила в массах огромную тягу к образованию. Острая нехватка учителей и лекторов вызвала в Ташкенте в начале 1918/19 учебного года мысль о педагогической трудовой повинности всех, кто получил среднее или высшее образование [2] (такое привлечение всех грамотных предусматривал в 1919 г. декрет о ликвидации неграмотности).

«Низшая ступень» народного университета давала начальное образование не только взрослым (с 15 лет), но и тем неграмотным и малограмотным подросткам моложе 15 лет, кто не мог посещать утреннюю школу.

В Ташкенте летом 1918 г. в системе народного университета было открыто 13 начальных школ для коренного населения. В них записалось 593 учащихся; посещаемость в среднем была 397 человек; к 15 августа, когда были объявлены двухнедельные каникулы, в списках осталось 426 учащихся [3].

[1] В Ташкенте в 1918 г. издавались «Еженедельник Туркестанского народного университета» (вышло четыре номера и газ. «Народный университет» (с сентября стала органом Туркнаркомпроса под названием «Просвещение») и на узбекском языке газ. «Халк дальфнуни» («Народный университет»), послужившая базой журн. Туркнаркомпроса «Маориф» («Просвещение»).
[2] Газ. «Просвещение», Ташкент, 1918, № 54 (ст. В. Щигор).
[3] Газ. «Просвещение», Ташкент, 1918, № 2 и 11.

Началом массовой работы по ликвидации неграмотности послужил подписанный В. И. Лениным декрет Совнаркома от 26.XII 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». В декрете говорилось: «В целях предоставления всему населению республики возможности сознательного участия в политической жизни страны Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Все население республики, в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучиться грамоте на родном или русском языке, по желанию».

В сентябре 1920 г. Пятый съезд Компартии Туркестана вынес решение о принятии чрезвычайных мер для ликвидации неграмотности среди коренных национальностей Средней Азии; тогда же Совнарком республики издал «Декрет о ликвидации безграмотности среди населения Туркестанской Советской Республики РСФ» [1].

Туркестанский закон о ликвидации неграмотности несколько отличался от декрета Совнаркома РСФСР: предельный возраст привлекаемых к обязательному обучению снижался с 50 лет до 40; обучаться грамоте можно не только на родном или русском, но и на любом из местных языков; сокращение рабочего дня (с сохранением зарплаты) на два часа установлено не только для обучающихся, но и для лиц, привлеченных по трудовой повинности в учителя школ грамоты [2].

Добавлен пункт, стимулировавший индивидуальное обучение: за каждого обученного грамоте вне общеобразовательной школы выдавалась премия; премия за обучения грамоте на местном языке превышала в полтора раза премию за обучение на европейском языке (учитывалась трудность арабской графики).

В дополнявшей декрет «Инструкции» Туркнаркомпроса были пункты, критиковавшиеся, как увидим, на съезде политпросветов в 1923 г.: по «Инструкции», ликвидация неграмотности понималась как обучение чтению, письму и счету, а обществоведение и другие предметы в школах грамоты могли вводиться сообразно составу учащих и учащихся; инструкция определила срок обучения в школах грамоты для европейского

[1] Основные источники обзора ликбеза в Туркестанской республике за 1919—1924 гг.: а) журн. «Вестник просвещения и коммунистической культуры», Ташкент; б) «Материалы I Всетуркестанского съезда по ликвидации неграмотности с 5.VII 1924 г. по 11.VII 1924 г.»; Ташкент, 1924; в) Культурное строительство в Киргизии, т. I, стр. 199—208; г) Н. В. Дегтерева, «О ликвидации неграмотности в Туркестане». Журн. «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2; д) диссертация Г. Х. Хайдарова.

[2] Еще в феврале 1920 г. президиум ТуркЦИКа предоставил освобождение от работы на два часа с сохранением зарплаты лицам физического труда, обучающимся в вечерних школах (диссертация Г. Х. Хайдарова, стр. 192).

населения в 2—3 месяца, а для местного из-за трудности арабской графики — 3—6 месяцев.

По переписи 1920 г., в Туркестанской республике неграмотные составляли 92,2% населения; в сельском населении неграмотность достигала 95,6%; еще больше она была среди *коренного* сельского населения, особенно велика неграмотность была среди женщин местных национальностей: из 192 тыс. туркменок, проживавших в сельской местности, грамотных нашлось всего 22! В городах среди мужчин коренного населения процент грамотности был от 7,8 до 26% (благодаря сосредоточению учащихся в учебных заведениях, открытых Советской властью) [1].

В начале 1921 г. учет по краю неграмотных членов профсоюзов дал тяжелые цифры: из 20 тыс. горняков неграмотных — 8200, или 41%; из 26 тыс. кожевников — до 65% [2].

В декабре 1920 г. СНК республики утвердил положение о чрезвычайных комиссиях по ликвидации неграмотности — краевой, областных, уездных; в них входили представители профсоюзов, женотделов партии, комсомола, союза «Кошчи» (сельской бедноты). С организацией политпросветов чрезвычайные комиссии по ликвидации неграмотности вошли в их состав.

Туркестанская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности вначале составила план очень оптимистический [3]. В Ташкенте намечались трехнедельные курсы областных инструкторов — организаторов ликбеза [4]; областные инструкторы должны были готовить уездных, а уездные — готовить по кишлакам и аулам из местных грамотных людей учителей грамоты; 640 инструкторов и 9600 вновь подготовленных учителей, по кабинетному расчету, должны были к 1 июля 1921 г. обучить грамоте четверть миллиона людей.

Среди русского населения Туркестанской республики школы ликбеза организовывались в отдельных случаях еще в 1919/20 учебном году, по декрету СНК РСФСР. Но до открытия этих школ в кишлаках и аулах дело дошло лишь к началу 1921 г.; а ранней весной занятия прекращались из-за сельско-

[1] Цифры по изданию «Стенографический отчет расширенного совещания деятелей культуры и просвещения, созванного 11 ноября 1923 г. Советом Народных Комиссаров по вопросу народного просвещения», Ташкент, стр. 9.

[2] Данные приведены в диссертации Г. Х. Хайдарова со ссылкой на газ. «Известия» ТуркЦИКа» от 30 марта 1921 г.

[3] См. журн. «Вестник просвещения и коммунистической культуры», Ташкент, 1921, январь, № 7—8, стр. 14—15.

[4] Курсы ликвидаторов неграмотности в 1920 г. рассчитывались на 120 час.; основной предмет — методика обучения грамоте; в план курсов входили также общие вопросы внешкольной работы, психологические и бытовые предпосылки обучения взрослых, формы пропаганды ликбеза, работа с книгой и газетой и др. (диссертация Г. Х. Хайдарова, стр. 204).

хозяйственных работ, так что во многих школах учились не более месяца. Делу мешала нехватка учебников, бумаги и т. д., а главное — низкая квалификация многих привлеченных в учителя грамоты.

В апреле 1921 г. был созван съезд комиссий по ликвидации неграмотности. Доклады с мест показали, что школы ликбеза есть не только в городах, но и в крупных кишлаках и аулах. Статистика была в плохом состоянии из-за слабой связи областных центров с уездными. В Ферганской области, где было много басмаческих шаек, все-таки работало 93 школы (193 группы) с 6800 учащимися. По другим областям имелись неполные сведения: в Аулие-Атинском уезде — 25 школ, обучено около 800 человек; в Ура-Тюбинском — 13 школ; в Красноводском — 7 школ и учительские курсы на 70 человек, в г. Самарканде — 38 школ и инструкторские курсы на 20 человек. Энергично взялись за дело некоторые нацменьшинства; например, в г. Туркестане из 9 школ (360 учащихся) две были армянскими. Открылись две школы ликбеза на баржах, плававших по Каспию до о-ва Челекен [1].

Другой источник [2] говорит, что в Пишпекском уезде весной 1921 г. в 82 школах ликбеза училось 484 человека, сделано два выпуска (не известно, сколько из них было киргизов и сколько русских).

На съезде по ликбезу в 1921 г. обсуждали план, методы, формы работы среди кочевников, составлявших в республике около половины населения. Рассчитали, что для обучения грамоте кочевников за 3—5 лет нужно 15 тыс. учителей, подготовленных к работе в кочевых условиях.

Съезд установил, что через школы ликбеза прошло не более 10% неграмотных; дело необходимо настойчиво продолжать, захватывая новые слои неграмотного населения.

Подготовке инструкторов ликбеза в 1921 г. служили курсы на 240 человек (европейцев — 90, казахов — 55, узбеков —50, татар — 25, туркмен — 12, прочих — 8) [3].

В тяжелых условиях 1921—1922 гг. планы ликбеза были поломаны. Вот как колебалась сеть школ грамоты в Туркестанской республике (см. табл. 31[4], стр. 471).

К началу 1923 г. число школ ликбеза во всей республике сократилось в два с лишним раза против того, что было в начале 1921 г. в одном только г. Ташкенте.

В 1923 г. партия и правительство Туркестанской республики напрягают усилия, чтобы ускорить ликвидацию неграмотности. «В Туркестане... усиленная работа по просвещению есть устранение препятствий к разрешению национального вопроса»,— писала краевая газета [1].

В июне 1923 г. в Ташкенте объединенный съезд инспекторов Наркомпроса и руководителей политпросветов республики [2], считая, что неграмотных по краю около пяти миллионов, решил: ввиду невозможности при скудных силах и средствах вовлечь в школы всех неграмотных обратить основное внимание на организованное население, проводя здесь принцип обязательного обучения.

Среди сельского населения обучению подлежали в первую очередь комсомольцы [3], допризывники и молодежь союза «Кошчи» путем создания минимум по одной школе ликбеза на волость; для кочевого населения решили открыть в каждом уезде передвижную школу как опытно-показательную; привлечь к работе по ликбезу учителей сельских школ соцвоса. Так как для села отпадал пункт декрета об освобождении обучающихся в школах ликбеза на два часа от работы, то возбудили вопрос, чтобы ликвидирующим свою неграмотность жителям кишлака и аула государство дало другие льготы [4].

В целях закрепления грамотности и общего развития обучающихся съезд принял шестимесячный курс ликбеза, чтобы обучение чтению и письму сочетать с политграмотой и знакомить с экономикой Туркестана; съезд указал на необходимость связи школ грамоты с библиотеками, клубами и другими культурно-просветительными учреждениями. Наметили открыть полные школы I ступени для взрослых, не менее одной на областной город, имея в перспективе развитие школ II ступени.

Таблица 31

	1920 г. конец	1921 г. середина	1922 г.	1. I 1923 г.	1921 г. весна	1. I 1924 г.	1924 г. осень
Число школ . .	2000*	1000	103	57	200	417	1400
Число учащихся				2615		13092	

* Из 2 тыс. учителей школ ликбеза 70% — из коренного населения (диссертация Хайдарова, стр. 204).

[1] Газ. «Известия ТуркЦИКа», 1921, № 39.
[2] Культурное строительство в Киргизии, т. I, стр. 98.
[3] Газ. «Жизнь национальностей», 1921, № 11 (109).
[4] В таблицу сведены данные из нескольких источников, указанных выше. — *Ред.*

[1] Газ. «Туркестанская правда», 1923, № 121.
[2] Резолюции III Всетуркестанского съезда инспекторов Наркомпроса и второго съезда политпросветов ТССР 5—12 июня 1923 г.
[3] К началу 1923/24 учебного года среди комсомольцев республики было 40—45% неграмотных (диссертация Г. Х. Хайдарова, стр. 323).
[4] Льготы были предоставлены при кредитовании дехкан (семенные ссуды, отпуск сельскохозяйственного инвентаря и др.); тем, кто успешно окончил шестимесячную школу грамоты, ссуды давались в первую очередь и с удлиненной рассрочкой возврата (диссертация Г. Х. Хайдарова, стр. 324).

Для подготовки ликвидаторов неграмотности съезд предложил краевые курсы при Коммунистическом университете в Ташкенте, а также соответствующие занятия со слушателями совпартшкол.

Чтобы обучить за ближайший год один процент неграмотных, съезд 1923 г. планировал открыть для членов профсоюзов 662 школы (на ликбез должно было расходоваться не менее половины профсоюзных культфондов, школы рекомендовались межсоюзные), для милиции — 64 школы, и т. д. Правительство утвердило на 1923/24 учебный год 700 школ ликбеза, приняв 350 из них на госбюджет; план был выполнен на 62%.

По языку обучения работавшие весной 1924 г. школы распределялись так: 214 узбекских (6886 учащихся), 109 русских (2800), 75 «киргизских» (2321), 39 туркменских (749) и 10 школ разных нацменьшинств (828); всего обучалось 13 584 человека.

Невыполнение плана произошло главным образом за счет сельской местности, так как союз «Кошчи» справился со своими обязательствами лишь на 25%. Лучше всего ликбез действовал на железной дороге — благодаря помощи администрации, хотя там в связи с работой по восстановлению транспорта было отменено сокращение на два часа рабочего времени для обучающихся в школах грамоты.

На конец 1923/24 учебного года имелось 18 школ для малограмотных (на 1.1 1924 г. их числилось 24) и двое курсов взрослых повышенного типа.

В июле 1924 г. в Ташкенте проходил семидневный республиканский съезд-семинар по ликвидации неграмотности. На нем решили: в 1924/25 учебном году открыть 1450 школ, к 10-летию Октября ликвидировать неграмотность среди организованного населения 18—35 лет (исходя из переписи 1920 г.), с 1927/28 учебного года начать систематическую работу среди неорганизованной части населения.

Съезд вновь указал, что важно не только обучить грамоте, но и закрепить ее через связь с красной чайханой, через школу для малограмотных и т. д. Вновь было подтверждено, что в школе ликбеза нельзя ограничиваться техникой чтения и письма. Кругозор учащихся предлагалось расширять на краеведческой основе концентрами: знакомство со своей волостью, уездом, областью, с Туркестанской республикой и Советским Союзом, с соседями СССР (начиная с внешних границ Туркестанской республики). Один доклад на съезде был посвящен математической грамоте, которая в сельских школах связывалась с измерением площадей, составлением смет на реализацию урожая, определением доходности от огорода и других отраслей крестьянского хозяйства.

Организаторы ликвидации неграмотности в Туркестанской республике в 1922—1924 гг. стремились создать гибкую ступенчатую систему школ, охватывающую разные группы населения; устраивались школы для глухонемых, школы в местах заключения и т. д.; национальные меньшинства могли учиться на родных языках. Членам партии съезд 1923 г. рекомендовал посещать общие школы.

Методическую помощь ликвидаторам неграмотности оказывали инструктивные школы (весной 1924 г. их было четыре по республике) и «уголки ликвидатора неграмотности», которые устраивались в каждом отделе народного образования, пропагандировались в печати [1], рекомендовались клубам и библиотекам.

О росте в Туркестанской республике национальных кадров говорит тот факт, что на съезде по ликбезу в 1924 г. среди докладчиков по методическим вопросам было два казаха (темы: «О комплексном преподавании по звуко-буквенному методу» и «О краеведении в школах ликбеза и малограмотных») и два узбека (темы: «О работе в кишлаке и ауле» и «Связь школы ликбеза с красной чайханой и клубом»).

В 1923 и 1924 гг. в ликвидации неграмотности по республике шире участвует общественность — профсоюзные, комсомольские и другие организации. В 1923 г. появились добровольные национальные общества содействия просвещению, например казахско-киргизское [2] и др.; систематической работы они не развернули. Созданное интернациональное общество «Долой неграмотность» было более активно; в 1924 г. оно имело по Сыр-Дарьинской области 1417 членов, по Самаркандской — 1000, по Ферганской — 800, по Туркменской — 700 [3]. Его ячейки организовывали школы грамоты, «уголки ликвидатора неграмотности», премировали лучших учащихся книгами. Популярен был призыв: «Каждый грамотный, обучи одного-двух неграмотных!»

Общественность помогла проведению в 1921 и 1923 гг. «Недели просвещения» для сбора на нужды школ денежных и материальных средств, включая бумагу, карандаши и т. д.; на шахтах Кызыл-Кия в 1923 г. успешно прошли такие недели просвещения, во время которых были учтены все неграмотные. В 1924 г. по республике был организован конкурс на лучшую школу ликбеза. Газеты в 1919—1924 гг. много писали о ликбезе, посвящали этой теме целые полосы [4]. В клубах и красных чайханах инсценировался «суд над неграмотными» [5].

---

[1] Газ. «Туркестанская правда», 1924, № 21 и 246.

[2] Устав общества ревнителей киргизской культуры «Талап», Ташкент, 1923 (в брошюре русский и казахский тексты).

[3] Диссертация Г. Х. Хайдарова, стр. 321 (с ссылкой на газ. «Туркестанская правда», 1924, № 151.

[4] Газ. «Туркестанская правда», 1924, № 246.

[5] Суд над неграмотными, Ташкент, 1923 (брошюра в 9 стр., изд. Туркглавполитпросвета).

Первые буквари для неграмотных взрослых на языках народов Средней Азии были отпечатаны в Ташкенте в значительных тиражах: узбекский — более 100 тыс. экземпляров, казахский и туркменский — по нескольку десятков тысяч [1], на местных языках изданы были также разрезные и стенные азбуки и арифметические таблицы. В 1924 г. Туркестанский ГИЗ выпустил в меньших тиражах улучшенные буквари для ликбеза — туркменский (5 тыс. экз.), узбекский (15 тыс. экз.), казахский; впервые были составлены буквари для взрослых на таджикском и киргизском («каракиргизском») языках.

Считая, что учебники для русских школ ликбеза должны быть построены на местном материале, Туркестанская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности объявила конкурс и на русский букварь для взрослых, но из-за неудачи конкурса перепечатала (30 тыс. экз.) букварь для взрослых Флерова [2]. В 1924 г. было положено начало изданию на русском языке краеведческих пособий для школ взрослых книгой «Туркестан, его соседи и соседи с СССР» (3 тыс. экз.); она вышла также на узбекском языке (10 тыс. экз.).

* * *

В новых национальных республиках Средней Азии после 1924 г. ликвидация неграмотности шла в основном по пути, намеченному в 1924 г. Всетуркестанским съездом по ликбезу. В несколько лет была ликвидирована неграмотность среди организованной части населения; в Узбекской ССР к 1930 г. грамотность в среднем достигла 27,3% [3] против примерно 8% в 1920 г.

Переход к обучению неграмотных взрослых среди всей массы сельского населения облегчился в огромной степени, во-первых, сплошной коллективизацией сельского хозяйства в начале 30-х годов и, во-вторых, заменой в письменностях народов Средней Азии в конце 20-х годов трудного арабского алфавита латинским. В 1940 г. грамотность по Узбекской ССР достигла 98% (в 1897 г. было 98% неграмотных).

Профобр [4]

До Великой Октябрьской социалистической революции профессиональное образование в Туркестане было в зачаточном состоянии. Среди 16 учебных заведений, имевшихся

[1] З. Д. Ефанов, На фронте просвещения, стр. 19.

[2] Более поздний московский букварь Д. Элькиной «Долой неграмотность» оказался для большинства ликвидаторов неграмотности в Туркестане слишком сложным.

[3] Развитие экономики и культуры Советского Узбекистана, Ташкент, 1957, изд-во АН УзССР, стр. 232.

[4] См. журн. «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2, ст. Г. К. Глинина «Деятельность отдела профессионально-технического образования при Туркнаркомпросе за период времени 1917—1922 гг.».

к 1917 г., преобладали низшие сельскохозяйственные школы; единственным средним профессиональным учебным заведением являлась учительская семинария. Учебные заведения были маленькими. Комплектовались учащимися они обычно из русского населения, коренные национальности в них почти не были представлены.

После Октябрьской революции сразу сказалась острая нехватка в крае квалифицированных работников; не было учителей для обучения детей коренного населения на родном языке; отрезанный в 1918 г. от центра Туркестан ощутил большой недостаток в механиках, агрономах, ирригаторах и других специалистах.

Местные советские органы проявляли инициативу в обеспечении своих городов и уездов разными видами профессиональной подготовки. Например, в Андижане осенью 1918 г. открыли политехникум [1]. В Ташкентском уезде уже летом 1918 г. действовали курсы подготовки учителей.

Передача в июле 1918 г. отдела сельскохозяйственных учебных заведений из Наркомзема республики Туркестанскому наркомпросу стала началом сосредоточения всего профессионального образования в крае в ведении Наркомпроса.

Во второй половине 1920 г. в составе Наркомпроса был организован Туркпрофобр. К этому времени по республике имелось более ста разных школ и курсов профессионального обучения. Их сеть росла; например, в Ашхабаде в сентябре 1920 г. при политотделе Первой армии Туркестанского фронта открылась художественная студия, вскоре названная «Ударной школой искусств Востока»; под этим названием она существовала до 1924 г. и сыграла важную роль в подготовке первых национальных художников Туркмении [2]; более половины ее учащихся было из коренного населения. Школа помогла развитию ковроделия; преодолевая лишения тех лет, она сумела в 1923 г. подготовить выставку работ учащихся в Москве при Наркомнаце.

В августе 1921 г. VII съезд Коммунистической партии Туркестана в резолюции «Задачи экономического совета» дал следующие директивы этому совету: «Профессионально-техническое образование, развившееся до сего времени вне всякого плана и оценки его для хозяйственного строительства Туркестанской республики, почти не затрагивало основные массы коренного населения. Между тем преобладание в Туркестане добывающей промышленности, основанной на ирри-

[1] См. ст.: А. Ардаширов, Борьба за советскую школу в Андижане (1917—1918), «Ученые записки Андижанского пединститута», вып. II, Андижан, 1955, стр. 118.

[2] И. Л. Репин, Расцвет культуры советского Туркменистана, стр. 95.

гации, и животноводческом хозяйстве, требовало и требует исключительного внимания, энергии и усилий в деле развития школьных и внешкольных специальных знаний»[1]. VI съезд признал необходимым привлечь к профобразованию внимание всех органов Советской власти и профсоюзов, чтобы развить его в ближайшее время до размеров, отвечающих потребностям в местной квалифицированной и технически подготовленной рабочей силе.

Выполняя постановление VI съезда Коммунистической партии Туркестана о подъеме профессионально-технического образования среди коренного населения Средней Азии, правительство Туркестанской республики стало развертывать сеть профтехнических школ. Совнарком издал «Временное положение о Комитете профессионального образования», которому поручалось заведование всеми специальными учебными заведениями республики, а также общее руководство внешкольными учреждениями профессионально-технического образования; на комитет были возложены особые заботы по распространению профессионального образования среди коренного населения и поднятию уровня профессиональных знаний. Указанный комитет (сокращенно «Туркпрофобр») находился в составе Наркомпроса, коллегия которого имела право отменять постановления Туркпрофобра, если эти постановления не соответствовали «общим принципам школьной политики Комиссариата просвещения».

К 1 февраля 1921 г. на учете Туркпрофобра было 11 педагогических, 5 сельскохозяйственных и 17 технических и технико-экономических учебных заведений. Учет был неполным, так как на 1 января 1922 г., несмотря на происшедшие сокращения, оказалось 15 педагогических, 8 сельскохозяйственных и 23 технических и технико-экономических учебных заведения.

Общее число учащихся в 46 школах профобра на 1.I 1922 г. не превышало пяти с половиной тысяч, как то было и на 1.II 1921 г. в 39 школах; очевидно, в условиях голодного года произошел отсев.

Сеть сельскохозяйственного образования на 1.I 1922 г. состояла из 7 сельскохозяйственных техникумов (Алма-Ата, Аулие-Ата[2], пос. Ново-Алексеевский, Гавриловского уезда, Семиреченской области[3], Пишпек, Полторацк, Самарканд)

[1] «Резолюции и постановления VI съезда Коммунистической партии Туркестана», стр. 9.

[2] Аулие-Атинский сельскохозяйственный техникум закрылся в марте 1922 г.; до декабря 1921 г. в сводках были еще Джаркентский и Пржевальский сельскохозяйственные техникумы.

[3] В других сводках вместо этого наименования в том же уезде значится Копальский сельскохозяйственный техникум в урочище Чубар.

и лесного техникума в Ташкенте; всего в 8 школах около 650 учащихся[1].

В сети технического образования было 7 техникумов (механические—в Коканде, Полторацке, Ташкенте; электромеханический—в Коканде; строительный—в Ташкенте; вечерний политехникум в Ташкенте и вечерний механический—в Полторацке), 4 училища (в Полторацке, Самарканде, Ташкенте; сельскохозяйственного машиностроения—в Пишпеке), один фабзавуч (Ташкент), 5 ремесленных школ труда[2] (Алма-Ата, Коканд[3], Самарканд, две — в Ташкенте); 4 школы разных специальностей.

Имелись два технико-экономических учебных заведения: промышленно-экономический техникум и школа железнодорожных агентов (оба—в Ташкенте).

Всего по 23 учебным заведениям технического образования на 1.I 1922 г. было более 2600 учащихся[4].

Сеть медицинского образования на 1.I 1922 г. состояла из 5 учебных заведений (все—в Ташкенте), около 200 учащихся

К этому же времени в сети художественного образования было 5 музыкальных учебных заведений (три в Ташкенте, по одному в Алма-Ате и Самарканде), около 880 учащихся. и три школы изобразительного искусства (Алма-Ата, Полторацк, Ташкент), около 180 учащихся.

Кроме стационарных учебных заведений, на учете Туркпрофобра к 1.I 1922 г. имелось 28 временных курсов (из них 11—в Ташкенте): 10 медицинских курсов—лекпомов, санитарных дезинфекторов, фармацевтов, медсестер и др. (Алма-Ата, Коканд, Перовск, Самарканд, Ташкент, Чимкент); 4 курсов горнорабочих десятников (Кызыл-Кия, Санто, Сулюкта, Чимион), 3 курсов кройки и шитья (Ташкент) и др. Учет был неполным, так как с переходом к нэпу росла сеть частных курсов (бухгалтерии и др.). Число учащихся по каждым курсам обычно не превышало нескольких десятков.

На 1 апреля 1924 г. сеть Туркпрофобра представлялась в таком виде (см. табл. 32).

В эту таблицу не вошли некоторые учебные заведения, содержавшиеся не по смете Туркпрофобра, а на средства ведомств (Наркомздрав, Наркомзем, НКПС).

[1] На местные средства, кроме того, содержалось в 1922 г. Байрамалинское гидротехническое училище.

[2] Одной из задач школ труда была подготовка из числа наиболее успевающих учащихся инструкторов ручного труда для трудовой школы.

[3] В Коканде к типу ремесленной школы труда отнесены школьные мастерские, организованные первоначально при мусульманской учительской семинарии (открылась в 1917/18 учебном году).

[4] По некоторым учебным заведениям число учащихся в источнике не дано; в таких случаях применены средние по этому типу показатели.—*Ред.*

Таблица 32

Образование	Количество учреждений	Количество учащихся
Педагогическое	14	1894
Индустриально-техническое	6	656
Сельскохозяйственное . .	6	529
Фабзавуч	12	654
Музыкально-художественное	4	285
Социально-экономическое	20	1244
	62	5262*

* З. Д. Ефанов, На фронте просвещения, стр. 18—19.

В таблице отражены характерные изменения по сравнению с 1922 г.: замена ремесленных школ труда школами фабрично-заводского ученичества, рост социально-экономического образования (включая частные курсы).

Таким образом, в Туркестанской АССР была заложена сеть профессионального образования по всем его основным видам. В учреждения профобра из года в год все больше вовлекалась учащаяся молодежь коренного населения. При технических и других учебных заведениях устраивались подготовительные группы для учащихся из местных национальностей. По некоторым профилям были открыты учебные заведения специально для коренного населения (подготовка акушерок, почтово-телеграфных работников и др.).

Эти учебные заведения, за исключением педагогических, комплектовались учащимися из разных национальностей Средней Азии и в ряде случаев, по традиции, именовались «мусульманскими»: «школа мусульманских наборщиков», «мусульманский профтехникум» и т. п.

В подготовке национальных кадров особо важной была роль учреждений педагогического образования. Большинство учащихся местных национальностей системы профобра находилось в педагогических учебных заведениях. Эти учебные заведения комплектовались, за малыми исключениями, молодежью коренных национальностей.

Будущие учителя готовились к преподаванию на определенном языке; отсюда названия *«Туркменский* институт просвещения», *«Узбекское* педучилище» и т. д. Именно педагогические учебные заведения были по существу первыми национальными учреждениями профобра.

Рис. 11. Женское педагогическое училище. (Сталинабад)

В первые педтехникумы и институты просвещения много подростков данной национальности шло, как в наиболее доступную *среднюю* школу, мало сознавая, что поступает в школу *педагогическую*. Первые выпуски педагогических учебных заведений республики удовлетворяли острую нужду в национальных кадрах на разных участках советского строительства.

Основным типом педагогических учебных заведений в Туркестанской АССР с 1922 г. был принят четырехлетний педтехникум, базировавшийся в основном на выпусках семилетней школы. Так как сеть национальных семилетних школ еще не выросла, то при каждом педтехникуме имелись старшая и младшая подготовительные группы; младшая комплектовалась выпускниками пятилетних школ I ступени (в которых проходился курс в объеме I—IV классов начальной школы).

В 1920 г. правительство Туркестанской АССР утвердило положение о национальных институтах просвещения (инпросах) [1], которые были для народов Средней Азии очагами культурного строительства и получили некоторые преимуще-

[1] См. журн. «Вестник просвещения и коммунистической культуры», Ташкент, 1920, № 5—6, стр. 28—31 и 33.

ства вузов. Инпросы сосредоточивались в Ташкенте. В учебном отношении курс инпросов с 1922 г. был приравнен к курсу педтехникумов.

Как временный тип подагогического учебного заведения с 1922 г. оформились четырехлетние педагогические училища, которые в первый основной класс принимали выпускников пятилетней школы I ступени, а в младшую подготовительную группу—подростков со знаниями в объеме элементарной трехлетней школы [1].

Специальные предметы в учебных заведениях профобра в Туркестанской АССР преподавались обычно на русском языке, за неимением преподавателей на местных языках; поэтому в подготовительных группах усиленно занимались русским языком.

Русский преподаватель любого предмета в национальной группе являлся в некоторой мере и учителем русского языка. Переводчики из учащихся, хорошо владевшие русским языком, разъясняли товарищам на родном языке трудные места из урока русского преподаватели или из русского учебника.

Комплектовавшиеся молодежью из коренного населения педагогические и другие учебные заведения Туркпрофобра приближались по своей организации к школам-интернатам, что повышало эффективность учебно-воспитательной работы.

Сеть педагогических учебных заведений Туркпрофобра в национальном разрезе была установлена в 1922 г. в следующем виде.

Узбекские: мужской и женский инпросы; педтехникум в Ташкенте (городской); педучилища в Ташкенте (областное), Коканде и Самарканде.

Казахско-киргизские: инпрос; педучилища в Алма-Ате, Чимкенте.

Туркменские: инпрос [2]; педучилище в Полторацке.

Местно-еврейский инпрос.

Татарский инпрос (в этом инпросе, переименованном в Инпрос тюркских нацмен, позже были созданы уйгурские группы; учились в нем также дунгане и др.).

Русский педтехникум при опытной трудовой школе им. К. Либкнехта [3].

В этой сети на 1.I 1922 г. было 2220 учащихся.

[1] См. информационный бюллетень Наркомпроса Туркестана, «Просвещение», 1922, № 1 (7), стр. 15—18.

[2] Туркменский инпрос был основан в Мерве, позже переведен в Ташкент.

[3] Педтехникум при школе им. К. Либкнехта строился над девятилеткой и имел только III и IV курсы.

Таджики обучались в Самаркандском узбекском педучилище; в 1922 г. был поставлен вопрос о создании Таджикского инпроса; он был открыт в Ташкенте уже после национально-государственного размежевания Средней Азии.

Некоторое количество молодежи из национальностей Средней Азии отправлялось на учебу в центр.

Стремление молодежи в советские учебные заведения встречало ярое сопротивление реакционеров. Одним из эпизодов классовой борьбы на этом фронте было убийство басмачами в 1923 г. 22 комсомольцев из Хорезма, которые направлялись в Москву на учебу по призыву В. И. Ленина, обращенному к III съезду комсомола. На месте их гибели воздвигнут на берегу Аму-Дарьи обелиск. Хорезмско-узбекский поэт Эгам Рахим посвятил их памяти «Поэму о двадцати двух» [1].

Высшее образование

До Великой Октябрьской социалистической революции в Средней Азии не было высших учебных заведений [2]. Царское правительство не без основания полагало, что высшая школа создает предпосылки для формирования национальной интеллигенции, способствует пробуждению национального самосознания у народа, содействует развитию элементов национальной культуры. Именно этого и боялось правительство русских помещиков и капиталистов.

Русская молодежь, окончившая средние школы в городах Туркестана, имела возможность учиться в высших учебных заведениях Петербурга, Москвы, Киева, Томска и т. д. На полтысячи русских студентов-туркестанцев в Петербурге в предреволюционные годы из народов края был только 1%. В открытом в 1915 г. учительском институте в Ташкенте не было ни одного узбека (было 2—3 казаха). Следовательно, даже средние русские школы были также мало доступны для коренного населения Средней Азии.

После свержения царизма в ноябре 1917 г. Третий краевой съезд Советов Туркестанского края первым поставил вопрос об открытии в Туркестане высших учебных заведений. Затем 21 апреля 1918 г. в зале Дома свободы было положено основание учреждения, которое постепенно превратилось в Среднеазиатский государственный университет. Речь идет об открытии в Ташкенте Народного университета, который вначале

[1] Русский перевод в газ. «Правда Востока», 1958, 5 октября.

[2] В 1955/56 учебном году в пяти республиках Средней Азии, расположенных на территории бывшего Туркестанского генерал-губернаторства, функционировало 84 высших учебных заведений, в которых училось в указанном году 154 904 студента (см. кн.: «Культурное строительство. Статистический сборник», М., гос. стат. изд-во, 1956, стр. 208—209.

представлял собой своеобразный комбинат различных видов культурных учреждений: от курсов шитья и школы плавания до факультетов университетского типа, консерватории и публичной библиотеки с музеем. Народный университет был организован Обществом ревнителей высшего образования, которое возникло в феврале 1918 г. и поставило себе задачу создать в Туркестане университет. Вокруг Народного университета объединилось около 60 преподавателей, главным образом учителей средних школ Ташкента и специалистов разных технических профессий[1].

По указанию Совнаркома Туркестанской республики при Народном университете были организованы краткосрочные курсы для подготовки кадров в различные области народного хозяйства Туркестанского края. Кроме того, был создан средний политехникум «американского типа». Слушателями курсов и политехникума были молодые люди, окончившие средние школы Туркестана и застрявшие здесь вследствие образования Оренбургского фронта. Курсы эти и послужили началом Туркестанского университета. А. В. Попов был избран его первым ректором. Летом 1918 г. число обучавшихся на различных курсах и в политехникуме достигло 1200 человек[2].

Осенью Народный университет был реорганизован и работал в составе пяти факультетов: литературно-философского, социально-экономического, сельскохозяйственного, естественно-математического и технического. Технический факультет оказался наиболее пролетарским по составу (186 студентов, из них 70% — рабочие); вокруг технического факультета были организованы краткосрочные курсы технических знаний: электромонтеров, автомобильного дела, черчения, железнодорожной специальности и др. Однако число студентов в общем счете уменьшилось до 462 человек, а в конце семестра их осталось 164; это объяснялось отсутствием учебного оборудования, различным уровнем подготовки слушателей и тяготением пролетарской части студентов к знаниям практического характера, которые можно было бы приложить к конкретному делу.

После январского контрреволюционного восстания 1919 г. Народный университет был временно закрыт, так как часть «студентов» и «деятелей» культурно-просветительного комбината оказалась замешанной в этой англо-эсеровской авантюре.

В 1918 г. возник в Ташкенте (с использованием бывшей офицерской школы восточных языков) Туркестанский восточный институт в качестве самостоятельного специального высшего учебного заведения с четырехлетним курсом и двумя от-

[1] ЦГАОР, ф. 2006, оп. 18. Наркомпрос РСФСР. Отчет о деятельности Туркестанского государственного университета с 21 апреля 1918 г. по 21 апреля 1920 г., л. 1.

[2] См. сб. «20 лет Среднеазиатского государственного университета (1920—1940)», Ташкент, 1940, Гостехиздат УзССР.

делениями: научно-теоретическим и практическим. Основные его задачи сводились к изучению стран Востока, подготовке кадров ученых-востоковедов и культурных работников из коренного населения, способных в будущем явиться проводниками европейской культуры и науки среди коренного населения на его же родном языке; институт подготовлял также работников для различных областей государственного управления Туркестанской республики. В этих целях наряду с теоретическими занятиями велись и практические работы. Для большего привлечения студентов из коренного населения было создано подготовительное отделение, так как местные жители, поступавшие в институт, оказывались мало подготовленными для теоретических занятий в нем. Нужно отметить, что наплыв слушателей ежегодно бывал очень велик, но к концу первого семестра их количество сильно падало: оставались лишь работоспособные студенты, ибо самый характер преподаваемых в институте предметов требовал усиленной и настойчивой работы; поэтому состав слушателей в конце учебного года был не очень велик. В 1922 г. слушателей числилось 295 человек, из которых 16% приходилось на коренное население. В том же году на всех четырех курсах и в практическом отделении института работало профессоров — 5, преподавателей — 21. Материальное положение института все время было очень трудным, но, несмотря на это, институт все же окреп.

В организации Восточного института крупную положительную роль сыграл востоковед акад. В. В. Бартольд.

Почти одновременно с организацией Туркестанского восточного института, а именно в сентябре 1919 г. в местной газете «Известия Туркестанского ЦИК» было помещено сообщение о том, что Наркомпрос РСФСР принял решение с осени этого года приступить к организации рабочих факультетов при всех вузах Российской федерации. Это сообщение создавало стимул для открытия рабфака при Народном университете. 4 декабря 1919 г. Совет университета и Комиссариат просвещения утвердили положение, план занятий и преподавательский состав рабочего факультета, но фактически занятия на рабфаке начались 1 февраля 1920 г. Рабочий факультет состоял из двух отделений: одно — для коренного населения в старом городе Ташкента, на котором в 1921/22 учебном году проходило курс наук 400 человек, другое — для русских рабочих Туркестана в новом городе Ташкента.

Туркестанский рабфак был подчинен правлению Туркестанского государственного университета на одинаковых с другими факультетами основаниях. Материальное и жилищное положение его было очень тяжелым. В 1922 г. рабфак получил 350 стипендий; кроме того, удалось подыскать для него лучшее помещение. В 1921 г. был первый выпуск (51 человек), а в 1922 г. — второй выпуск в количестве 60 человек, из них

почти половина из коренного населения; 28% выпущенных рабфаковцев составляли коммунисты, 25% — комсомольцы. В рабочих кругах популярность рабфака быстро росла вместе с тягой к нему. Особое значение имел старогородской рабфак. Задача его заключалась в массовом вовлечении коренного населения в высшую школу. В 1921 г. он уже насчитывал 300 слушателей (все из местного населения).

Следует добавить, что Народный университет взял на себя также организацию сети вечерних общеобразовательных школ для взрослого рабочего населения. В мае 1920 г. была создана мусульманская секция университета, которая в старом городе открыла 11 школ для взрослого населения, из них две школы — для женщин из местного населения.

Для полноты сведений, касающихся возникновения Туркестанского государственного университета, добавим, что в Москве начиная с 1918 г. профессора московских и петроградских высших учебных заведений приступили к организации Туркестанского университета. По прямому указанию В. И. Ленина[1] Наркомпросом РСФСР был создан особый Организационный комитет Туркестанского государственного университета. В. И. Ленин лично определил его основную задачу: оказывать помощь в развитии народного хозяйства Туркестана, в первую очередь сельскому хозяйству, хлопководству. Кроме того, он предложил Организационному комитету связаться с крупнейшими научными центрами страны, с Московским и Петроградским университетами, с Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академией. Во главе Организационного комитета был поставлен проф. И. Г. Александров (позже академик), крупнейший специалист в области ирригации и гидротехники. Именно к этому времени относится издание Совнаркомом РСФСР «Декрета об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ», подписанного В. И. Лениным 17 мая 1918 г.[2].

Большую помощь в организации Среднеазиатского университета оказал Московский университет, выделив для него кадры научных работников. Организационный комитет утвердил 102 профессора, 91 преподавателя (доцентов и ассистентов), однако в действительности только 43 профессора и 43 преподавателя направились в Ташкент. К началу 1920 г. встал вопрос о транспортировании в Ташкент всех работников и оборудования университета, так как в сентябре 1919 г. Оренбургский фронт был ликвидирован и Туркестан соединился с РСФСР.

[1] ЦГАОР, ф. 2306, 1919, оп. 18, д. 172, л. 2.

[2] См. сб. «В. И. Ленин о Средней Азии и Узбекистане», Ташкент, 1957, стр. 73.

Одновременно с этим Туркестанская комиссия ВЦИК и Совнаркома РСФСР поставила вопрос перед центральным Советским правительством о скорейшем развертывании работы Туркестанского государственного университета. 19 февраля 1920 г. из Москвы был отправлен первый эшелон с оборудованием и преподавательским персоналом. За ним последовало еще пять специальных эшелонов. С приездом преподавательских сил из центра, с прибытием оборудования и литературы университет с осени 1920 г. стал работать в составе факультетов: медицинского, физико-математического, социально-экономического, историко-филологического, технического, сельскохозяйственного и военного. Еще 7 сентября 1920 г. В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома РСФСР об учреждении в Ташкенте Туркестанского государственного университета[1]. Этим декретом было положено начало высшему образованию в республиках Средней Азии и заложены прочные основы национальной культуры среднеазиатских народов. Так как декрет лично написан В. И. Лениным, то мы считаем нужным поместить его полностью.

Декрет
Совета Народных Комиссаров
об учреждении Туркестанского государственного университета

Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Учредить в г. Ташкенте государственный университет.

2. Туркестанский государственный университет находится в непосредственном ведении Народного Комиссариата по просвещению РСФСР.

3. Средства на содержание университета отпускаются по сметам того же Комиссариата.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

8 сентября 1920 г.

Ташкент сделался университетским городом, крупным научным и политическим центром союзного значения. С осени 1921 г. в состав Туркестанского государственного университета был влит Институт народного просвещения им. К. А. Тимирязева как его педагогический факультет.

Постановление Совнаркома РСФСР от 22 ноября 1922 г. определило структуру университета в составе следующих факультетов: медицинского, физико-математического, сельскохозяйственного, инженерно-мелиоративного, общественных наук и педагогического. Как уже сказано, при университете был организован рабочий факультет, который просуществовал до 1938 г. Первые студенты—узбеки и казахи пришли в университет через рабфак в 1922 г. С 1923 г. университет начал обслуживать Бухарскую и Хорезмскую народные республики.

[1] «Известия ВЦИК», 1920, № 201, 11 сентября.

В связи с расширением территории, которую университет стал обслуживать, и большим охватом национальностей Средней Азии 19 июня 1923 г. Туркестанский университет был переименован в Среднеазиатский государственный университет (САГУ). В 1924 г. в университет был влит Туркестанский восточный институт на правах факультета, а факультет общественных наук реорганизован в факультет местного хозяйства и права.

После национально-государственного размежевания республик Средней Азии перед университетом возникла более сложная задача: обслуживать все среднеазиатские республики, а также Казахстан и Киргизию, готовить кадры для этих республик, — и университет становится высшим учебным заведением межреспубликанского значения. Поэтому на основании постановления ЦИК СССР Среднеазиатский государственный университет перешел в 1925 г. в его непосредственное ведение и находился в системе учреждений ЦИК СССР. Следующие данные характеризуют постепенный рост числа студентов САГУ.

Таблица 33

Годы	1920	1921	1922	1923	1924	1925
Количество студентов . . .	1314	1736	2509	1940	3278	2485[1]

Организованный в 1920 г. рабочий факультет при САГУ сделался опорой пролетарского студенчества. В 1921 г. он выпустил 50 человек, в следующем году — 60, в 1922 г. создано специальное отделение рабфака на 100 человек для молодых людей из местных национальностей, и таким образом положено начало подготовке национальных кадров высшей квалификации.

Из САГУ в Ташкенте вышли следующие высшие учебные заведения: индустриальный (ныне политехнический), сельскохозяйственный, медицинский, ирригации и механизации сельского хозяйства институты, в Самарканде — институт народного хозяйства: в Ашхабаде — зооветеринарный институт и в Ленинабаде — сельскохозяйственная школа. Кроме того, из университета выделился ряд научно-исследовательских учреждений. Таким образом, САГУ стал родоначальником высшего образования и научного исследования во всех республиках Средней Азии. Вся сеть педагогических и учительских

[1] См. сб. «20 лет Среднеазиатского государственного университета». стр. 14.

институтов в Средней Азии генетически так или иначе связана с САГУ.

По мысли ЦК РКП(б), задача Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР заключалась в том, чтобы ликвидировать остатки прошлого в Средней Азии, наглядно, примером показать соседним народам Азии коренное отличие Советской власти от колонизаторской власти низвергнутого царизма и втянуть трудящиеся массы коренного населения в советское строительство. Эти задачи не могли быть реализованы без подготовки кадров из местного коренного населения.

По мнению М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева и других членов Туркомиссии, подготовку национальных кадров следовало бы начать в начальных школах, в совпартшколах и продолжить в Коммунистическом университете края. В этом духе директивные органы партийного и советского руководства Туркестана сделали необходимые представления в ЦК партии и Советскому правительству.

Так как Ленин, Центральный Комитет РКП(б) придавали особое значение укреплению Советской власти в Средней Азии, то в 1922/23 учебном году в Ташкенте был создан Туркестанский рабоче-дехканский коммунистический университет им. В. И. Ленина. В нем к 1 февраля 1923 г. уже состояло 202 студента, из них на тюркском отделении училось 114, на европейском — 69, остальные — на смешанном. При университете были открыты вечерние курсы общественных наук, на которые пришло учиться в том же году 75 человек. В университете существовали три секции и одна подсекция: агрономическая и женская секции и секция членов партии с подсекцией молодежи.

В Коммунистическом университете велись беседы-лекции по плану, разработанному агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б). Студенты агрономической секции слушали лекции, посещали сельскохозяйственную школу, знакомились с работой Туркестанского сельскохозяйственного общества. В женской секции велись беседы о положении женщин в условиях капитализма и при социалистическом строе. В подсекции молодежи изучали вопросы юношеского движения. Словом, секции служили введением к подготовке на специальные курсы.

Туркестанский политикопросветительный отдел Наркомпроса, его Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности устраивали курсы подготовки учителей школ ликбеза для коренного населения из числа студентов Коммунистического университета. При университете образовалась «Просветительная ассоциация» из работников университета, проводились доклады и беседы для рабочих предприятияй Ташкента; был создан клуб «Красный студент», который вел значительную политикопросветительную работу среди студентов корен-

ного населения и европейцев. Таким образом, Туркестанский коммунистический университет им. В. И. Ленина в Ташкенте сделался важным центром всей политикопросветительной и воспитательной работы.

Осенью 1923 г. Туркестанский рабоче-дехканский коммунистический университет им. В. И. Ленина был преобразован в Среднеазиатский коммунистический вуз (САКУ) с трехгодичным курсом обучения. Его задачи расширились: он должен был обслуживать не только Туркестан, но и Бухару, Хиву, Кашгарию и другие смежные области. Хива и Бухара активно поддерживали коммунистический вуз и посылали в него немало молодежи. Свое название «Среднеазиатский» он получил тогда, когда еще не было национально-государственного размежевания Туркестана и существовала Туркестанская Советская республика.

САКУ в Ташкенте сделался единственным учебным заведением, в котором подготовлялись новые квалифицированные кадры партийных работников из местного коренного населения. Этот коммунистический вуз стал рассадником коммунистического просвещения на Востоке. Подготовительной к нему ступенью явились советско-партийные школы, которых в Средней Азии в 1925 г. было уже 11 (5 — в Узбекистане, 2 — Казахстане, 3 — Туркменистане и 1 — Кара-Калпакии) [1].

Коммунистические партии среднеазиатских республик получили прочную опору в САКУ, снабжавшем их квалифицированными политическими работниками. Окончившие университет помогали развернуть сеть школ коммунистического просвещения. В 1925/26 учебном году САКУ сделал первый выпуск в количестве 46 человек из коренного населения. Приведем данные о количестве студентов Среднеазиатского коммунистического университета, которые были направлены из республик Средней Азии, образовавшихся после национального размежевания. На 1 декабря 1925 г. в САКУ было 504 студента: из Узбекистана — 237 человек, из Таджикистана — 28, из Туркменистана — 55, из Казахстана — 123, из Киргизстана — 61.

Если распределим по национальностям, получим следующую картину [2].

Узбеков	148	Каракалпаков	5
Казахов	80	Дунган	6
Киргизов	47	Персов, индусов, евреев	32
Уйгур	41	Русских	55
Туркмен	40	Прочих	10
Таджиков	34		

При наличии студентов многих национальностей естественным был перевод значительной части всей учебно-воспитательной работы на один общий язык, одинаково близкий и необходимый для всех народов Средней Азии, — на русский язык.

[1] Журн. «Коммунистическая революция», 1926, № 17, стр. 65.
[2] Там же.

Кратко скажем о социальном составе студенческой массы САКУ в том же учебном году:

Рабочих	96	человек, или	19%
Батраков	128	„ „	25%
Дехкан	267	„ „	53%
Служащих и прочих	13	„ „	3%

Следует отметить, что руководители Среднеазиатского комвуза сознательно делали ставку при наборе студентов на молодежь: 80% студенческой массы не превышало 25 лет; это было правильно в том отношении, что молодежь была меньше заражена националистическими предрассудками и родовыми пережитками. Задача руководителей и преподавателей Коммунистического университета состояла в том, чтобы воспитывать молодежь в революционном ленинском духе и готовить из них активных строителей социализма в республиках Средней Азии, которые должны были стать примером нового типа государств, свободных от колониального гнета, для всех народов Азии и Африки.

Кроме созданных в Ташкенте Государственного университета (САГУ) и Коммунистического университета (САКУ), национальные кадры для республик Средней Азии готовили Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), который находился в Москве и был организован в апреле 1921 г. при Народном комиссариате по делам национальностей. В этот комвуз республики Средней Азии ежегодно направляли своих кандидатов по разверстке ЦК РКП(б) для получения высшего политического образования и коммунистического воспитания в марксистско-ленинском духе. В 1923 г. Коммунистический университет трудящихся Востока организовал на местах 17 своих отделений. Задачи их состояли в том, чтобы в национальных республиках и областях открыть летом 1923 г. трехмесячные курсы по различным видам партийной и советской работы и таким образом обеспечить новый прием студентов КУТВ, подготовленными на летних курсах контингентами. В Средней Азии были открыты туркестанское отделение в Ташкенте на 500 человек, бухарское — на 100 и хивинское — также на 100 человек. Руководили занятиями на этих курсах преподаватели КУТВ. Более успевающие в науках и политически выдержанные кандидаты направлялись в Москву для экзаменов и зачисления их в состав студентов столичного комвуза. В 1922/23 учебном году в этом коммунистическом вузе училось 820 студентов 51 национальности СССР, из них 188 че-

ловек было командировано из республик Средней Азии[1], а именно:

Дунган	1
Кашгарцев	1
Киргизов (казахов и киргизов)	63
Иранцев и таджиков и прочих	23
Таранчей	6
Туркмен	17
Узбеков	67
Уйгур	10
Всего	188

Следует отметить важное обстоятельство: все студенты коммунистического университета учились в коммунистическом вузе бесплатно и были на полном обеспечении государства.

Кроме представителей народов СССР, в КУТВе воспитывалось много студентов из соседних стран Востока.

22 ноября 1919 г. В. И. Ленин в своем докладе второму Всероссийскому съезду коммунистических организаций народов Востока говорил: «Перед вами стоит задача, чтобы и дальше заботиться о том, чтобы внутри каждой страны, на понятном для народа языке велась коммунистическая пропаганда». Уточняя свою мысль, Ленин продолжал: «Задача в том, чтобы пробудить революционную активность к самодеятельности и организации трудящихся масс независимо от того, на каком уровне они стоят, перевести истинное коммунистическое учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран, на язык каждого народа, осуществлять практические задачи, которые нужно осуществить немедленно, и слиться в общей борьбе с пролетариями других стран»[2]. Создание единого фронта борьбы народов Востока против мирового империализма совместно с передовыми пролетариями Европы и Советской России — вот задача, которую выдвигает В. И. Ленин.

Выполняя указание В. И. Ленина, ЦК РКП(б) создал коммунистический вуз для трудящихся народов Востока, чтобы они были подготовлены к выполнению тех задач, о которых Ленин говорил на втором съезде коммунистических организаций Востока. К этому же был призван Рабоче-дехканский коммунистический университет им. В. И. Ленина в Туркестане.

[1] Журн. «Жизнь национальностей», кн. 3—4, 1923, стр. 184.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 140—141.

Женское образование

Октябрьская революция открыла путь к образованию для самой темной, самой угнетенной из женщин — для женщины Востока. В первых же школах ликбеза, а затем на разных курсах в советском Туркестане среди учащихся выделялись старательные ученицы — взрослые узбечки, туркменки, казашки, таджички, киргизки.

Летом 1918 г. среди 13 начальных школ для взрослых и подростков, открытых Народным университетом среди узбекского населения Ташкента, были 4 женские школы; о роли этих школ в жизни женщин и девушек красноречиво говорит такой факт: когда в августе был объявлен двухнедельный каникулярный перерыв, то многие ученицы плакали — школа стала для них родной[1].

В первые годы революции в «мусульманских» кварталах туркестанских городов бурно работали женотделы партийных организаций; они всюду агитировали за открытие и посещение женских школ ликбеза; если были хотя бы 2—3 женщины из коренного населения, желавшие учиться, то для них открывали школу.

Первые женские школы ликбеза в Ташкенте и других городах дали небольшой контингент для курсов подготовки из коренного населения акушерок, руководительниц дошкольного воспитания; некоторые из женщин, обученных грамоте, пройдя соответствующие курсы, стали учительницами в женских школах ликбеза, в школах для девочек.

В 1921—1922 гг. женское образование сжалось.

В 1923—1924 гг. работа ликбеза среди женщин из городов стала переходить в кишлаки и аулы. В 1923 г. на туркестанском съезде политпросветов при выработке очень стесненного плана ликвидации неграмотности было решено, что в сельской местности первоочередная задача — открытие школ грамоты, для допризывников и для девушек местных национальностей.

Названный съезд намечал на ближайшие месяцы по одной женской школе ликбеза на уезд. ЦИК и СНК Туркестанской республики в постановлении 28.X 1923 г. о мероприятиях по ликвидации неграмотности утвердили на 1923—1924 гг. 15 школ ликбеза для женщин из коренного населения. К 1 мая 1924 г. число таких школ дошло до 18, обучалось в них до 500 женщин; при этом в 13 женских школах ликбеза преподавали женщины из коренного населения.

В старых городах Туркестана в 1923—1924 гг. появились первые женские клубы; такой клуб был закрыт для мужчин, чтобы женщина могла прийти туда и снять паранджу, открыть

[1] Газ. «Просвещение», Ташкент, 1918, № 2.

лицо. Женские клубы стали центрами борьбы за раскрепощение женщин от гнета феодальных пережитков.

К 1922 г. первые девушки и женщины из коренного населения учились в ряде учебных заведений Туркпрофобра, главным образом в специальных женских, в Ташкенте: в Женском узбекском инпросе (100 человек), в «Туземной акушерской школе» (17 человек). Отдельные девушки узбечки находились и в совместных учебных заведениях профобра, куда они поступали по примеру татарских девушек; например, в Кокандском педучилище в 1921/22 учебном году из 80 учащихся было 8 девушек: 7 татарок и 1 узбечка.

В совместных школах профобра больше училось девушек казашек; например, в Чимкентском педучилище в том же году из 125 учащихся было 10 девушек. В Алма-Ате в 1922 г. были объединены мужское и женское казахские педучилища.

В коммунистическом университете в Ташкенте в 1923/24 учебном году училось 9 студенток узбечек и 2 казашки. В Ферганской совпартшколе еще не было ни одной женщины из коренного населения.

Благодаря работе женских школ ликбеза и курсов для женщин в 1921—1922 гг. среди служащих советских учреждений Туркестана появились первые женщины из коренного населения. В 1923 г. в сельсоветах Туркмении работало 14 женщин, в 1924 г. их стало 39, в том числе одна туркменка была избрана председателем сельсовета.

По сравнению с казашками, узбечками, туркменками медленнее развивалась образовательная работа среди киргизских и каракалпакских женщин, которые были наиболее удалены от культурного влияния городов, а также среди таджичек, окруженных в быту особенно сильными традициями религиозных запретов.

На узбекском языке издавалась женская газета «Янги-юл» («Новый путь»), тираж ее был 1500 экз.; эта газета явилась ценным пособием в женских узбекских школах ликвидации безграмотности.

8 марта 1924 г. состоялось первое собрание женщин в старом городе Ташкента, посвященное женскому дню. В этом же году были созданы курсы женорганизаторов, сыгравшие крупную роль в объединении женщин и защите их интересов. А было много фактов, когда нужно было защищать женщину Туркестана от грубого проявления феодального деспотизма.

В г. Ош (Киргизия) двенадцатилетняя женщина-ребенок убежала от мужа-деспота и явилась в женсектор искать защиты; ее отдали учиться в школу с интернатом. Пришел муж, нанес ей девять ножевых ран, тяжело изранив девочку-женщину. Поправившись в лечебнице, она снова пришла в интернат учиться. Другой случай: старик взял себе в жены одиннадцатилетнюю девочку; заведующая женсектором, член Туркестанского ЦИК, отняла девочку и послала ее учиться. Были также случаи продажи девочек за баранов, верблюдов, мануфактуру и пшеницу...

Из Хорезма 9 девушек были посланы в Ташкент на учебу в Женский узбекский институт просвещения: в сентябре 1924 г. они ехали в Ташкент продолжать учиться. По дороге девушки попали в руки басмачей, трое из них были замучены на смерть.

Много узбечек и таджичек заплатило гонениями и даже жизнью за смелый вызов средневековому быту[1]. Они проложили путь к тому, что теперь в республиках Средней Азии женщин местных национальностей можно видеть профессорами, членами Академии наук, министрами, а в Узбекской ССР женщина, т. Ядгар Насриддинова, возглавляет государственную власть.

ПРОВЕДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕЙ АЗИИ

В ноябре 1924 г. сессии Центральных Исполнительных Комитетов Туркестанской АССР,— Бухарской и Хорезмской республик приняли решения о прекращении своей деятельности в связи с образованием новых среднеазиатских республик, организовавшихся по национальному признаку.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало всеобщему и глубокому возрождению народов Средней Азии, а также консолидации их в социалистические нации.

Коммунистическая партия считала создание советской национальной государственности одним из решающих моментов для ликвидации фактического неравенства ранее отсталых народностей и приобщения их под руководством и при помощи русского рабочего класса к социалистическому строительству. Национально-государственное размежевание полностью вытекало из существа национальной политики Коммунистической партии и Советской власти, провозгласивших принцип самоопределения наций вплоть до их государственного отделения и объединения свободных национальных советских республик в единый государственный союз. В. И. Ленин еще в 1920 г. предвидел необходимость создания в Средней Азии национальных республик[2].

Национально-государственное размежевание Средней Азии было подготовлено культурно-экономическими и политически-

---

[1] В советской литературе памятником этим мужественным пионеркам раскрепощения женщины Средней Азии осталась поэма Демьяна Бедного «Клятва Зайнет».

[2] См. «Ленинский сборник», ОГИЗ, 1942, т. XXXIV, стр. 326.

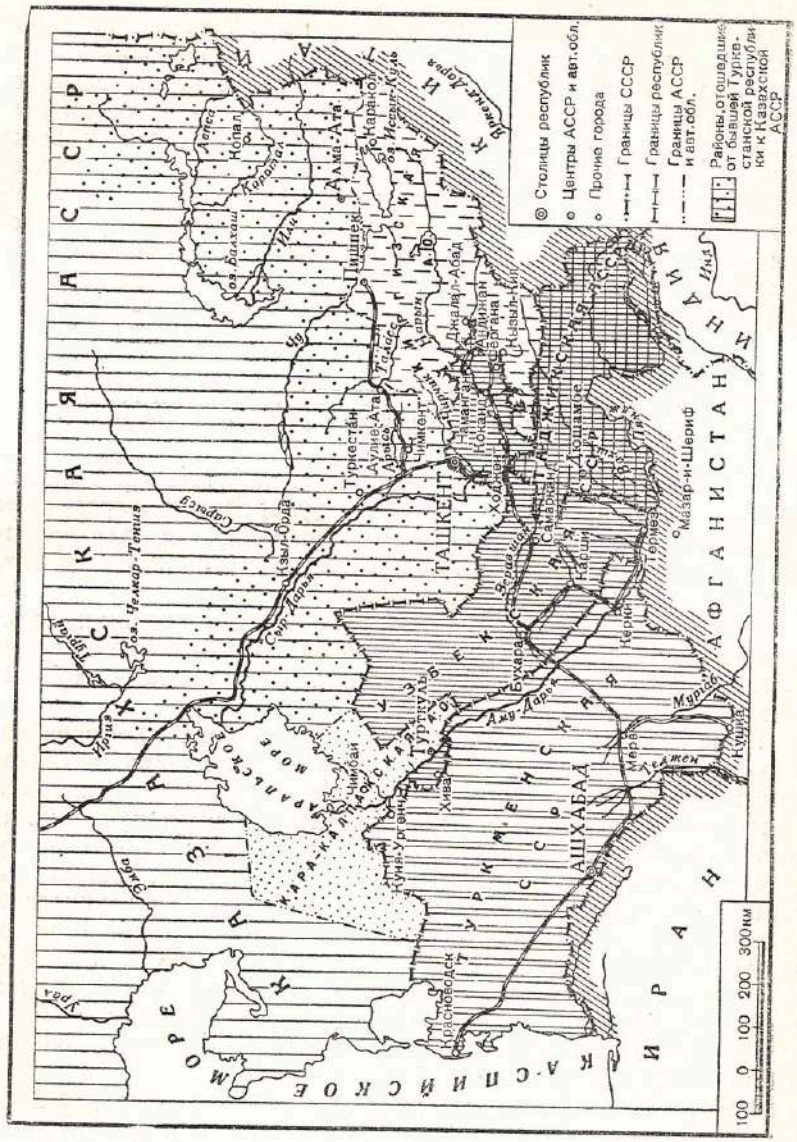

Рис. 12. Среднеазиатские республики после национального размежевания

ми успехами национальной политики Коммунистической партии в Туркестанской АССР. Экономические и политические предпосылки размежевания создавались постепенно с первых же дней победы Октябрьской революции. Важнейшую роль в этом играла систематическая помощь республикам Средней Азии со стороны правительства Российской федерации в ликвидации их экономической и культурной отсталости.

«Народы Туркестана, бывшие при царизме на положении бесправных колониальных рабов, ныне свободные и равноправные, строят усилиями трудящихся свои государства. Достигшие национального освобождения, прочно укрепившие основы рабоче-дехканской власти, неуклонно развивая и расширяя культурное и экономическое строительство, народы Туркестана достигли условий, обеспечивающих им полную возможность перестроить Туркестанскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в государства национально-однородные» [1].

Национально-государственное размежевание должно было разрешить весьма сложный в условиях Средней Азии национальный вопрос, так как все три среднеазиатские республики — Туркестанская АССР, Бухарская и Хорезмская Народные республики — были многонациональными. Их территории определялись дореволюционными границами Туркестанского генерал-губернаторства, Бухарского эмирата и Хорезмского ханства. Изучение этнографического состава населения Бухары, Хорезма и Туркестана показало, что распределение национальностей не совпадало с исторически сложившимися административными границами Бухарской, Хорезмской и Туркестанской республик. Для них характерна была национальная чересполосица, основными причинами которой явились социально-экономические и исторические условия развития отдельных частей Средней Азии.

Хотя в условиях Советской страны, где господствуют идеи пролетарского интернационализма и равноправия народов, историческая дружба среднеазиатских народов еще более окрепла, в Средней Азии еще оставалась почва, питавшая национальные противоречия. Возбудителями национальной вражды оставались байско-кулацкие капиталистические элементы. Для разжигания национальной вражды они использовали сложившиеся веками, нередко запутанные в отдельных районах земельно-водные отношения. Байство и духовенство, терявшие свои позиции, националистические и колонизаторские элементы, проникшие в государственный аппарат, старались играть на национальных и религиозных чувствах отсталой части населения.

---

[1] Из постановления III Чрезвычайной сессии ЦИК Туркестана, состоявшейся в 1924 г. История Узбекской ССР, т. II, стр. 224.

Национальное размежевание Средней Азии проводилось по инициативе и под руководством Коммунистической партии. Пленум ЦК Бухарской Коммунистической партии, состоявшийся 25 февраля 1924 г., признал вполне назревшим вопрос о создании на территории Средней Азии национальных советских республик. 10 марта объединенное совещание ЦК Коммунистической партии Туркестана, Президиум Туркестанского ЦИК Советов высказалось за размежевание и образование советских национальных республик в Средней Азии. Такое же решение было принято партийным совещанием в Хорезме 5 апреля 1924 г. ЦК РКП(б) в принципе одобрил предложение партийных организаций Средней Азии о проведении национального размежевания и предложил Средазбюро ЦК РКП(б) подготовить и представить на рассмотрение ЦК все необходимые материалы.

28 апреля 1924 г. Средазбюро ЦК РКП(б) постановило признать своевременным и целесообразным размежевание среднеазиатских республик по национально-территориальному признаку. Для осуществления реформы Средазбюро создало временную территориальную комиссию и отдельные подкомиссии (узбекскую, туркменскую, казахскую, киргизскую и таджикскую), на которые была возложена подготовка практических мер, связанных с определением территорий и границ образуемых республик и областей. 12 июня 1924 г. ЦК РКП(б) принял постановление «О национальном размежевании республик Средней Азии»[1].

В этом постановлении одобрялось предложение центральных комитетов партии и совнаркомов Бухары и Туркестана о том, чтобы выделить туркменские части из Туркестана, Бухары и Хорезма и образовать из них независимую Туркменскую республику; выделить из Бухары и Туркестана узбекские части, образовав независимую Узбекскую республику. Остальные пункты постановления касались объединения казахов[2] Туркестана со своей республикой, объединения киргизских районов Туркестана с образованием из них автономной области, входившей в РСФСР, и образования в составе Узбекской республики автономной области таджиков[3]. В заключительном пункте было предложено:

«5. На предстоящем съезде Советов Союза ССР должен быть заключен договор между Союзом ССР и независимыми республикам Туркменской и Узбекской о вхождении их в Союз».

В дальнейшем Хорезмская республика согласилась на вхождение своих узбекских районов в УзССР, а туркменских — в Туркменскую ССР.

[1] История Узбекской ССР, т. II, стр. 226—228.

[2] В постановлении употреблены термины того времени: «киргизы» и «каракиргизы».

[3] Затем было решено образовать Таджикскую АСС Республику.

15 сентября 1924 г. открылась Чрезвычайная сессия Туркестанского ЦИК, посвященная национально-государственному размежеванию. Начался период законодательного оформления национального размежевания и образования новых советских республик и областей. На открытие сессии съехались представители всех народов Туркестана: узбеки, казахи, киргизы, таджики, туркмены и каракалпаки.

Чрезвычайная сессия Туркестанского ЦИК единогласно приняла постановление о проведении национально-государственного размежевания и решила внести его во ВЦИК Советов на рассмотрение и утверждение. Сессия Туркестанского ЦИК приняла обращение ко всем народам Средней Азии и Туркестана. В обращении отмечалось, что национальное размежевание является величайшим завоеванием народов Средней Азии, которые совместно со всеми трудящимися Советского Союза идут и будут неуклонно идти к социализму.

Вторая сессия ВЦИК Советов 14 октября 1924 г. утвердила постановление ЦИК Туркестанской АССР о национальном размежевании. 27 октября 1924 г. вторая сессия ВЦИК СССР удовлетворила ходатайство Туркестанского ЦИК, V Всебухарского курултая Советов и V Всехорезмского курултая Советов о национальном размежевании и образовании новых советских социалистических республик и областей. После принятия решения ЦИК Союза ССР национально-государственное размежевание и образование национальных советских социалистических республик и областей получило законную силу. Начался период практического проведения в жизнь национального размежевания Средней Азии.

В конце 1924 г. Чрезвычайная сессия Центрального Исполнительного Комитета Туркестанской республики, созванная по вопросу о государственном размежевании народов Средней Азии по национальному признаку в самостоятельные республики, заслушала доклад о населении каждой республики, ее границах, количестве хозяйств и других показателях, характеризующих территорию и экономику каждой республики, и утвердила проект размежевания, представленный ЦИК Туркестана. Согласно представленному проекту узбеки Бухарской Народной Советской Республики объединились с узбеками Хорезма и Туркестана и образовали Узбекскую Советскую Социалистическую Республику, которая первоначально оформилась в составе 7 областей, из них Ташкентская, Ферганская (в нее входила и нынешняя Андижанская) и Самаркандская были основными районами Туркестанской АССР и Туркестанского края.

Туркмены Бухары объединились с туркменами Хорезмской и Туркестанской республик в единой Туркменской Советской

[1] История Узбекской ССР, т. II, стр. 233—236.

Социалистической Республике. Таджики Бухары вместе с таджиками Ферганской и Самаркандской областей Туркестана образовали Таджикскую АССР в составе Узбекской ССР. Таким образом, народы Бухары, Хорезма и Туркестана в результате последовательного осуществления партией большевиков и Советским правительством великих принципов ленинской национальной политики впервые за свою историю объединились в единые независимые национальные государства и получили свою национальную советскую государственность.

13 мая 1925 г. Третий съезд Советов принял постановление о принятии Узбекской и Туркменской ССР в число членов СССР.

ВЫВОДЫ, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ПОСТАНОВЛЕНИЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА О НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОМ РАЗМЕЖЕВАНИИ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕЙ АЗИИ

1. Приближение Советов к трудящимся массам национальностей Средней Азии, создание близких и понятных народу органов власти. В результате размежевания укрепилась Советская власть в Средней Азии, укрепился братский союз трудящихся СССР, сформировался новый партийный и советский актив из рабочих, батраков, трудящихся крестьян, ремесленников и т. д.

2. Историческое значение национального размежевания заключаеся прежде всего в том, что оно явилось важным этапом в борьбе Коммунистической партии за социалистическое преобразование среднеазиатских республик, ликвидацию культурно-экономического неравенства народов Средней Азии для развития и консолидации новых социалистических наций.

3. Национально-государственное размежевание Средней Азии явилось средством к созданию более прочного союза рабочих и крестьян на основе создания национальных республик, способствовало ускорению социалистического строительства, быстрому развитию социалистических наций в среднеазиатских советских республиках. Оно нанесло сокрушительный удар как буржуазному национализму, так и великодержавному шовинизму, укрепило дружбу народов Средней Азии с великим русским народом.

ИСТОЧНИКИ[1]

I. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ[1]

Ленин В. И. Соч. Изд. IV. Т. 6, 12, 17, 20, 23, 27, 28, 32, 35.

Ленинские сборники. Т. XXXIV и XXXVI. 1942, 1959.

В. И. Ленин о Средней Азии и Узбекистане. Ташкент, Госиздат УзССР, 1957.

Сталин И. В. Соч. Т. 4.

Хрущев Н. С. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. М., Госполитиздат, 1959, 46 стр.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I. М., Госполитиздат, 1953.

Конституция и резолюция V краевого съезда Коммунистической партии Туркестана.

Резолюции и постановления VI съезда Коммунистической партии Туркестана (11—20 августа 1921 г.), Ташкент.

Дореволюционные издания

Абдулгафаров Саттархан. Краткий очерк внутреннего состояния Кокандского ханства перед завоеванием его русскими. ТВ, 1892. № 26, 29, 36; 1893, № 61 (характеристика мусульманских школ).

Абдулгафаров Саттархан. Воспоминания. В кн.: Остроумов, Сарты.

Автобиография кокандского поэта Закирджана Фирката [Фурката]. В кн.: Остроумов, Сарты, 2 и 3 изд. (из Туркестанской туземной газеты, 1891, № 2—23).

Андреев Гр. Новометодные мактабы в Туркестане. ТВ, 1915, № 233, 235, 239, 254, 263, 276, 280, 281, 283; также ТВ, 1916, № 106 и 207 и Туркестанский курьер, 1912, № 278, 281, 283.

Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане (1874—1889). Спб., 1889.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. II, Спб., 1900.

[1] Библиография составлена редакторами. Кроме источников, на которые ссылается автор, включена литература, использованная редактором Н. П. Архангельским. Включены книги, брошюры, основные статьи из сборников и журналов и в редких случаях из газет (в указателях, названных в конце библиографии, зарегистрировано из периодической печати несколько тысяч статей, содержание которых связано с темой книги). В помощь продолжателям даны некоторые, здесь мало использованные, старые издания и новейшие. Некоторые названия аннотированы.

Учебники и школьные программы в библиографию не вошли. Об учебниках см. стр.: 150—152, 166, 177, 202, 215, 216, 357, 386, 415, 417, 434, 435, 455, 461, 474; о программах — стр.: 188, 190—200, 203, 226, 232, 292, 308, 432.

Беляев И. А. Мектебы Закаспийской области [по анкете 1915—1916г.]. Асхабад, 1916. Прилож. к Обзору Закасп. обл. за 1912—1914 г., I и отд. отт.

Бобровников Н. Русско-туземные училища, мактабы и медресе в Средней Азии. Путевые заметки. ЖМНП, 1913, VI и VII и отд. отт.

Бобровников Н. А. Современное положение учебного дела у инородческих племен Восточной России. Пгр., 1917 (отд. отт. из ЖМНП, 1917, V).

Всеподданнейший отчет министра народного просвещения о состоянии учебных заведений Оренбургского учебного округа.

Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1904 г. Спб., 1905.

Гейнс А. К. Собрание литературных трудов. Т. II. Спб., 1898 (Управление Ташкентом при кокандском владычестве. Духовенство, духовное имущество и народное образование. Дневник 1866 года).

Геппенер. См. Материалы для статистического описания Ферганской обл.

Годовой отчет 8-классного коммерческого училища Общества распространения коммерческого образования в г. Коканде за 1912/13 учебный год. Коканд, 1913.

Г. [Граменицкий Д. М.— *Ред.*]. О школьном образовании у магометан Средней Азии. ТВ, 1875 [о мактабах] и 1876, № 47 и 48 [о медресе].

Сергей Михайлович Граменицкий, директор народных училищ Сыр-Дарьинской области. К 35-летию педагогической деятельности (1881—1916). Ташкент, 1917.

Граменицкий С. М. — см. Отчет о состоянии Ташк. муж. гимн.

Граменицкий С. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Ташкент, 1896 (отд. отт. из Сборника материалов для статистики Сыр-Дарьинской обл. Т. V).

Граменицкий С. М. Положение инородческого образования в Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1916.

Городецкий В. Д. Библиография Туркестана. Т. I. Ташкент, 1913.

Дивана-и-Машраб. Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае. Перев. с тюркск. и примеч. Н. С. Лыкошина. Самарканд, 1915. Изд. Обл. стат. ком-та.

Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1912.

Доклад Кокандского биржевого комитета сенатору Палену по вопросам, заслушанным 15.X 1908 в зале биржевого комитета [Коканд], ноябрь 1908. Литографск. изд. (В приложении о Кокандском коммерческом училище).

Женское профессиональное учебное заведение А. М. Малиновской-Симоновой. Ташкент, 1910. (Программы общеобразовательных предметов и рукоделия).

Знаменский П. В. Участие Н. И. Ильминского в деле инородческого образования в Туркестанском крае. Казань, 1900. (Прилож.: Извлечения из писем Н. И. Ильминского к Н. П. Остроумову).

Ильминский Н. Воспоминания об И. А. Алтынсарине. Казань, 1891.

Ильминский Н. И. Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам. Казань, 1883.

Инородческая школа. Сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы. Ред. Г. Г. Тумим и В. А. Зеленко. Пгр., 1916.

«И. Т.» — см. Кун А. Л.

Казанский К. К. [врач]. Мистицизм в исламе. Самарканд, 1906 (Обстоятельное исследование из двух частей: I, стр. 1—50, «Суфизм с точки зрения современной психопатологии»; II, стр. 151—238., «Мистика в истории ислама». I часть под своим названием издана отдельно Самаркандским обл. стат. ком-том в 1905 г. — *Ред.*).

Калмыков А. Д. Основные вопросы среднеазиатской археологии. Мечеть. В кн.: Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 14-й. Ташкент, 1910.

[Кауфман К. П.]. Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства 7.XI 1867 — 25.III 1881. [Сост. П. И. Хомутов]. Спб., 1885. (VIII гл. отчета перепечатана в кн.: Кауфман К. П. Начальное народное образование в Туркестанском крае, 1881. Спб., 1910).

Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекающих со дня смерти... К. П. фон Кауфмана. М., 1910.

К открытию памятника. Генерал-адъютант К. П. фон-Кауфман, как устроитель Туркестанского края (1867—1882 гг.). Составил А. Г. П[ропащих], врач. Ташкент, 1915. (Хронологич. обзор мероприятий, по архивным и др. данным.)

Крымский А. Мусульманство и его будущность. М., 1899.

Кун А. Л. Мусульманские школы. ТВ, 1876, № 37 (То же под псевдонимом «И. Т.» в ЖМНП, 1874, XII).

Кушелевский В. И. Материалы для медицинской географии Ферганской области. Изд. Ферганск. обл. стат. ком-та. Новый Маргелан, 1891. Т. I (природа), т. II (население) и т. III (медицинские вопросы).

Лыкошин Н. С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Пгр., 1916.

Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ. Вып. I. Андижанский уезд. Сост. С. А. Геппенер. Новый Маргелан, 1897.

Мелик-Саркисян С. А. I. Урочище Бус Ферганской области. II. К вопросу о положении хлопкового дела в Ферганской области. Спб., 1899 (сведения о сети хлопкоочистительных заводов и их владельцах).

Миддендорф А. Очерки Ферганской долины. Спб., 1882.

Миропиев М. А. Какие главные принципы должны быть положены в основу образования русских инородцев-мусульман. Речь, произнесенная на годичном акте Туркестанской учительской семинарии 30.VIII 1882. Ташкент, 1882. Прилож. к «Отчету о состоянии ТУС с 1.VIII 1881 по 1.VIII 1882.

Наливкин В. П. Конспект лекций по истории ислама и по мусульманскому праву, читанных в 1906/07 учебном году. Ч. I. Ташкент, 1908.

Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.

Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.

Наливкин В. П. — См. Сборник материалов по мусульманству.

Наливкин В. Сведения о состоянии туземных мадраса Сыр-Дарьинской области в 1890/91 учебном году. Ташкент, 1916.

Наливкин В. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.

Наливкин В. Что дает среднеазиатская мусульманская школа в образовательном и воспитательном отношениях. В кн.: Туркестанский литературный сборник в пользу прокаженных, Спб., 1900 (стр. 215—278).

Наливкин В. Школа у туземцев Средней Азии. Речь на годичном акте Туркестанской учительской семинарии 31.V 1889. В кн.: Отчет о состоянии ТУС за 1888/89 уч. г., Ташкент, 1889. (То же в ТВ, 1889, № 32, и в Сборнике материалов для статистики Самаркандской обл. за 1887—1888 гг. Вып. I. Самарканд, 1890).

Наливкин В. П., Усов Г., Вирский Н. П., Лапин С. А., Вяткин В. Л. Краткий очерк современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений и учебных заведений туземного населения Самаркандской обл. с некоторыми указаниями на их историческое прошлое. В кн.: Сборник материалов по мусульманству, Ташкент, 1899; то же в ТВ, 1898, № 60—64.

Мухаммад Наршахи. История Бухары. Перев. с персидск. Н. Лыкошин. Под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897.

Начальные училища в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях в октябре и ноябре 1878 года. ЖМНП, 1879, VII (Из отчета инспектора училищ Туркестанского края Н. П. Остроумова).

Недерица Е. Учебное дело в Туркестанском крае (о ремесленных классах). Ташкент, 1888. (То же в ТВ, 1888, № 17 и 18).

Никулин М. Из кооперативной жизни Ферганы, 1916. Перепеч. из газ. «Ферганские областные ведомости», № 22, 24, 25, 27.

Обзор деятельности Алексеевского коммерческого училища в Ташкенте за 1914/15 уч. год. Ташкент, 1915.

Однодневная перепись начальных школ Российской империи 18 января 1911 г. Вып. XII—XV. Азиатская Россия. Спб., 1914. Вып. XVI. Итоги по империи. Пгр., 1916.

Остроумов Н. П. Исторический очерк народного образования в городах и укреплениях Сыр-Дарьинской линии и Туркестанской области до учреждения Туркестанского генерал-губернаторства (по архивным данным). В кн.: Остроумов Н. П. К. П. фон Кауфман... Личные воспоминания. (То же в ТВ, 1881, № 30—50. Об истории этой работы см. в кн.: Добросмыслов А. И., Ташкент, стр. 199).

Остроумов Н. П. Китайские эмигранты в Семиреченской области и распространение среди них православного христианства. Казань, 1879.

Остроумов Н. П. Исламоведение. Введение в курс исламоведения, Ташкент, 1914.

Остроумов Н. П. К истории мусульманского образовательного движения в России в XIX и XX столетиях. Журн. «Мир ислама», Спб., 1913.

Остроумов Н. П. К истории народного образования в Туркестанском крае. Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания (1877—1881 гг.). Ташкент, 1899.

Остроумов Н. П. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае. В кн.: Кауфманский сборник.

Остроумов Н. П. Мадрасы в Туркестанском крае. ЖМНП, 1907, № 1. (То же с сокращениями в кн.: Остроумов. Исламоведение. Введение).

Остроумов Н. П. Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае. Прилож.: а) Мактабы у киргиз [-казахов.— *Ред.*] Сыр-Дарьинской обл.; б) Мактабы у туркмен Закаспийской обл. ЖМНП. 1906, II. (Эта статья без прилож. вошла в кн.: Остроумов. Исламоведение. Введение).

Остроумов Н. П. Мусульманское законоведение (из курса, читанного в 1908/09 учебном году офицерам на курсах языка индустани). Ташкент, 1909.

Остроумов Н. П. — см. Начальные училища и Отчет Туркест. учит. сем.

Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы. [Общий очерк]. Ташкент, изд. 1, 1890; изд. 2 доп., 1896; изд. 3 доп., 1908. (В эту же серию входили книги Остроумова «Народные сказки сартов» двух изданий и «Пословицы и поговорки сартов»).

Остроумов Н. П. Способны ли кочевые народы Азии к усвоению христианской веры и христианской [-европейской. — *Ред.*]. культуры. Журн. «Православный благовестник», 1895, № 22 и 23 (полемика с Н. М. Пржевальским).

Отчет о заседаниях первого съезда народных учителей и учительниц Сыр-Дарьинской обл. 1910 г., Ташкент, 1911.

Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный по величайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом (т. VI). Учебное дело. Спб., 1910.

Отчет о состоянии Ташкентской мужской гимназии за 1887/88 учебный год. Сост. С. М. Граменицкий. Ташкент, 1888.

Отчет о состоянии Ташкентской мужской гимназии за 1892/93 учебный год. Сост. В. Ф. Преображенский. Ташкент, 1894.

Отчет Туркестанской учительской семинарии за 25 лет ее существования (30 августа 1879 г. — 30 августа 1904 г.). Сост. Н. П. Остроумов. Ташкент, 1904.

Пален К. К. — см. Отчет по ревизии...

Памятная книжка Управления учебными заведениями Туркестанского края на 1879/80 учебный год. Ташкент, 1879.

Пиленко А. Забастовки в средних учебных заведениях в Петербурге. Спб., 1906.

Письма Н. И. Ильминского к Победоносцеву. Казань, 1895.

Приложение к отчету о служебной поездке военного министра [Куропаткина] в Туркестанский округ в 1901 г. Спб., 1902.

Протокол заседаний собрания учащихся городских школ Туркестанского края [в декабре 1883 — январе 1884 г.] б. г., б. м. [Ташкент, 1884].

Протокол заседания съезда учителей городских училищ Туркестанского края в 1884 г. Ташкент, 1885.

Реклю Э. Земля и люди. Т. IV. Брокгауз — Ефрон, Спб., 1907.

Ростиславов М. О. О настоящем положении мусульманских школ в Зеравшанском округе. ТВ, 1876, № 31.

Русское мусульманство. Ставрополь, 1881.

Савельев П. Бухара в 1835 г. Спб., 1836.

Самойлович А. Драматическая литература сартов. «Вестник императорского общества востоковедения», Пгр., 1916, № 5.

Саттархан — см. Абдулгафаров Саттархан.

Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. Спб., 1869. (Среди материалов этого сборника, частично публиковавшихся в ЖМНП, много записок и мнений отдельных лиц и комиссий с мест. В приложениях: а) Очерк народного образования в Британской Индии; б) Записка о народном образовании в Алжирии; в) Арабо-французские школы в Алжирии).

Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков служащими по военно-народному управлению Туркестанского края. Под ред. И. Д. Ягелло. Ташкент, 1906.

Сборник материалов по мусульманству. Под ред. В. И. Ярового-Равского. Спб., 1899 [вып. I]. То же, вып. II, под ред. В. П. Наливкина. Ташкент, 1900.

Свод уставов учебных учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения. Свод Законов Российской империи. Т. XI. Спб., 1893.

Терентьев М. А. Руководство для учителей к обучению в школах Средней Азии одновременно письму и чтению. Спб., 1875.

Труды первого Туркестанского съезда преподавателей средних учебных заведений, 26.XII 1910 — 2.I 1911. Ташкент, 1913.

Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. Спб., 1876.

Шантепи' де' ля Сосей. Иллюстрированная история религий, составленная в сотрудничестве Т. Ахеллеса, И. де Гроота и др. Перев. с немецк., 2 тома, Спб., «Вестник Знания», б. г.

Школьный вопрос в русском мусульманстве. Журн. «Мир ислама», изд. Имп. об-ва востоковедения, Спб., 1913, вып. 3—11.

Ягелло И. Д. — см. Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков...

Яровой-Равский В. И. — см. Сборник материалов по мусульманству...

Педагогические журналы Туркестана в 1917—1924 гг. (в хронологическом порядке)[1]

Бюллетень Ташкентского учительского союза. Ташкент, 1917, № 1 от 15.IV и № 2 от 20.I.

Туркестанский учитель. Орган Туркестанского учительского союза. Ташкент. (В 1917 г. вышло 5 сдвоенных номеров (№ 1—10) начиная с 1.VII; в 1918 г. — два сдвоенных номера).

«Народный университет», газ. Орган Туркестанского народного университета. Ташкент, 1918, № 1—88 (с 20.IV по 18.VIII).

Еженедельник Туркестанского народного университета. Ташкент, 1918. (Вышло 4 номера, с 15.VI по 25.VIII.).

«Просвещение», газ. Орган Комиссариата народного образования [Туркреспублики]. Ташкент, 1918, № 1—77 (с 28.VIII по 1.XII).

«Просвещение», еженедельн. журн. Орган Комиссариата народного образования Туркестанской республики. Ташкент, 1918. (Вышло два номера в декабре).

Математический сборник, издаваемый Математической комиссией при Комиссариате народного образования Туркреспублики. Ташкент, 1919 г. (Вышел только № 1).

Комиссариат Народного просвещения Туркестанской республики. Бюллетень Отдела общеобразовательных школ. Ташкент. (Вышедшие три номера не датированы, содержат недатированные методические материалы и приказы с датами, начиная с лета 1918 г. до декабря 1919 г.).

«Вестник просвещения и коммунистической культуры». Орган Комиссариата просвещения Туркестанской республики РСФ. Ташкент. (В 1920 г. вышли № 1, 2, 3—4, 5—6; в 1921 г. № 7—8 и 9—10).

Туркнаркомпрос. Бюллетень официальных распоряжений и сообщений. Ташкент. (В 1921 г. вышло 5 номеров, с 15.VI по 15.XI).

«Просвещение». Информационный бюллетень Народного Комиссариата просвещения Туркреспублики [Продолжение предыдущего издания]. (Вышло два номера: № 6 — XII. 1921 и № 1 (7) — II. 1922).

Наука и просвещение. Журнал Народного Комиссариата просвещения Туркреспублики. Ташкент. (Вышло два номера: № 1, авг. — сент. 1922 г., фактически вышел в декабре, и № 2, окт. — дек. 1922 г., посвященный работе Туркнаркомпроса за 5 лет Октябрьской революции, фактически вышел в марте 1923 г.).

Научная жизнь Туркестана [Обзор учреждений и обществ]. Сост. Н. П. Архангельский. Отд. прилож. к журн. «Наука и просвещение». Ташкент, 1922.

Статистические и сметные данные по политехническому и профессиональному образованию в Туркреспублике. Ташкент, 1922, Литограф. изд.

Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Народного Комиссариата просвещения Туркреспублики. Ташкент, 1923. (Вышло три номера, с 1.III по 5.IV.)

Руководящие материалы для учреждений социального воспитания. Изд. Главсоцвоса Туркреспублики. Ташкент. (В 1922 и 1923 гг. вышло 9 выпусков, первые — литографск. путем. Название выпусков варьировало).

«Наш путь», ежемесячн. журн. Орган Туркглавполитпросвета. Ташкент, 1923, № 1, июнь (больше не выходило).

Другие издания 1917—1924 гг.

Ученические экскурсии в Туркестанском крае. Вып. I. [Географические экскурсии]. Сост. экскурсионным отделом Туркестанского педагогического музея под ред. И. Н. Троицкого и А. В. Панкова. [Ташкент, 1917]. Отд. отт. из журн. «Туркестанский учитель», 1917, № 1—2.

[1] За 1917—1924 гг. дается более подробная библиография, так как литература тех лет плохо учтена и сохранена.

Мухля О. Д., Минская Е. А. Детский сад и его работа. Верный, Издание обл. дошкольн. отдела, 1918.

Доклад VII Чрезвычайному съезду Советов Туркестанской Советской республики [о работе Туркнаркомпроса с 1.XI 1918 по 1.III 1919] б. м., б. г. [Ташкент, 1919]. Под докладом подпись: Билик [В. П.]. В «Приложениях к докладу» 21 документ: приказы, положения, инструкции.

Ташкентская педагогическая лаборатория. Ученические экскурсии в Туркестанском крае. Вып. II [Ташкент, 1919]: Бетгер Н. К. Краткое руководство по сбору растений и составлению гербария: Иванов И. И. Руководство к собиранию насекомых.

Комиссариат народного образования Туркестанской республики. Инструкция по составлению годового отчета [школы]. Ташкент, 1919.

Труды первой конференции опытно-показательных школ Главсоцвоса НКП Туркестанской республики, 15—21 янв. 1923.

Статистические и сметные данные по политехническому и профессиональному образованию в Туркреспублике. Ташкент, 1922 (литограф.).

Фами-Русаль. Народное просвещение в Туркреспублике. Журн. «Жизнь национальностей», М., 1923, № 3—4.

Резолюция III Всетуркестанского съезда инспекторов Наркомпроса и второго [съезда] политпросветов ТССР. Ташкент, 1923.

РСФСР. Совет Народных Комиссаров Туркестанской республики. Комиссия по разработке форм делопроизводства и отчетности. Делопроизводство и отчетность советских, общественных и частных учреждений и промышленных предприятий Туркреспублики. Вып. 3. Формы обязательной отчетности Наркомпроса, его местных органов и подведомственных учреждений. Ташкент, 1923.

Суд над неграмотными. Ташкент, 1923.

Сухов А. А., проф. Реформатории. Задания и принципы организации их. (Доклад Отдела правовой защиты детей НКП ТССР). Ташкент, 1923.

Устав общества ревнителей киргизской культуры «Талап». Ташкент, 1923 (русский и казахский тексты).

Стенографический отчет расширенного совещания деятелей культуры и просвещения, созданного 11 ноября 1923 г. Советом Народных Комиссаров по вопросам народного просвещения. Ташкент [1924].

Материалы I Всетуркестанского съезда по ликвидации неграмотности с 5.VII по 11.VII 1924 г. Ташкент, 1924.

Ефанов З. Д. На фронте просвещения. К пятилетию Союза работников просвещения в Туркестане. Ташкент, 1924.

Колпакова А. Местные опытно-показательные учреждения. В кн.: Современная практика социального воспитания. Сборник статей с предисловием Н. К. Крупской. М., 1924 (В ст. А. Колпаковой — положительная оценка ташкентских опытных школ им. К. Либкнехта и им. Чернышевского).

Крямечева Е. Народное образование в Туркреспублике. Учет на 1.I 1924. Бюллетень Центрального статистического управления Туркестанской республики, 1924, № 43, 1.IX.

* * *

Аграрный вопрос и крестьянское движение 50—70-х годов XIX века. М. — Л., изд-во АН СССР, 1936.

Айни Садриддин. Бухара, Воспоминания. М., «Сов. писатель» 1951.

Айни Садриддин. Школа. М., Детгиз, 1949.

Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). Очерк экономического развития Туркестана со 2-й половины XIX в. до первой мировой войны. Ташкент, 1959.

Аминов М. У. Научно-исследовательская работа историков УзГУ за 30 лет. Труды УзГУ. Новая серия, вып. 76. Самарканд, 1957.

Амитин-Шапиро З. П. Аннотированный указатель литературы по истории, археологии и этнографии Киргизии (1750—1917). Фрунзе, изд-во АН КиргССР, 1958.

Ардаширов А. Ф. Борьба за советскую школу в Андижане (1917—1918 гг.). «Ученые записки Андижанск. пед. ин-та». Вып. II, 1955.

Ардаширов А. Ф. Русские школы в дореволюционном Андижане. «Ученые записки Андижанск. пед. ин-та». Вып. III, 1956.

Ардаширов А. Ф. Русско-туземные школы в дореволюционном Андижане. «Ученые записки Андижанск. пед. ин-та». Вып. VI, 1957.

Ардаширов А. Ф. К вопросу о роли новометодных мактабов (по материалам Андижанской области). «Ученые записки Андижанск. пед. ин-та». Вып. VI, 1957.

Архангельский Н. П. Народное образование [в Узбекистане в колониальный период]. В кн.: История Узбекской ССР. Т. I, кн. 2, стр. 156—165 и 330—334.

Архангельский Н. П. и Юдахин К. К. Учебная литература на узбекском языке. Журн. «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2 (аннотир. библиография учебников дореволюционных лет и 1917—1922 гг.).

Архангельский Н. П. Школа и педагогика у народов, исповедовавших ислам. В кн.: Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский, М. Ф. Шабаева. История педагогики. Учебник для педвузов. Изд. 2. М., 1959, стр. 28—37.

Бабаходжаев А. Х. Пантюркизм — орудие идеологической диверсии империализма. Труды Ин-та Востоковедения АН Уз., вып. II. Ташкент, 1954.

Бартольд В. В. Европейская наука и русская школа в будущем Туркестане. Журн. «Туркестанский учитель», 1917, № 7—8 (ноябрь).

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.

Бартольд В. В. Культура мусульманства. Пгр., 1922.

Бендриков К. Е. Народное просвещение в Туркестане в 1918—1920 гг. Журн. «Советская педагогика», М., 1956, № 12.

Билялов Г. М. Из истории культуры и просвещения в Хорезме. Ургенч, 1957.

Бируни — великий узбекский ученый средневековья. Ташкент, изд-во АН УзССР, 1950.

Бируни. Сб. под ред. С. П. Толстова. М.—Л., изд-во АН СССР, 1950.

Боровков А. Узбекский литературный язык в 1905—1917 гг. Ташкент, 1940.

Вахабов М. Ташкент в период трех революций. Ташкент, 1957.

Верещагин П. Д. Об объективно-прогрессивном значении переселения крестьян в Среднюю Азию и Казахстан. Учен. зап. Могилевского пед. ин-та, вып. 2, Минск, 1956.

XX лет Среднеазиатского государственного университета (1920—1940). Ташкент, Гостехиздат УзССР, 1940.

Додонов И. К. История Февральской революции 1917 г. в Узбекистане. Т. I. Ташкент, 1944. САГУ, докторская диссертация.

Елисеева Е. А. К вопросу о проникновении передовой русской культуры в дореволюционный Туркестан в 1870—1904 гг. (по материалам «Туркестанских ведомостей»). В кн.: Научная сессия профессорско-преподавательского состава УзГУ, IV 1956. Тезисы докладов. Секция истории. Самарканд, 1956.

Житов К. Е. — см. Победа...

Залкинд М. Из истории научных обществ в Туркестане. Туркестанское общество сельского хозяйства (1865—1917). Ташкент, 1955. Автореферат диссертации на ученую степень канд. с.-х. наук. САГУ.

Измайлов А. Э. Очерки по истории советской школы в Киргизии за 40 лет (1917—1957). Фрунзе, 1957.

История Казахской ССР, История Киргизии, История таджикского народа, История Туркменской ССР, История Узбекской ССР — см. в примечании к стр. 5.

Кадыров И. Успехи народного образования в Узбекской ССР за 40 лет. Ташкент, 1957.

Каменев С. А. Церковь и просвещение в России. Изд. 2. М., 1929.

Каррыев А. и Росляков А. Краткий очерк истории Туркменистана. 1868—1917. Ашхабад, 1956.

Кары-Ниязов Т. Н. Очерки истории культуры Советского Узбекистана. М., изд-во АН СССР, 1955.

Культурное строительство в Киргизии 1918—1929. Сборник документов и материалов. Т. I. Фрунзе, 1957.

Культурное строительство. Статистический сборник. М., 1956.

Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917). Ташкент, изд-во АН УзССР, 1956.

Массон М. Е. Регистан и его медресе. Изд. 2. Самарканд, 1929.

Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

Материалы объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Отв. ред. И. М. Муминов. Ташкент, 1959. (См. еще: Объединенная научная...)

Миртурсунов З. Ф. К истории школ Ферганской долины конца XIX и начала XX в. (Из цикла статей, посвященных прогрессивному влиянию русской школы и русской педагогической мысли на развитие национальной школы в Туркестане). «Ученые записки Наманганск. пед. ин-та». Вып. 2. Наманган, 1957.

Миртурсунов З. Ф. Педагогические взгляды Хамза Хаким-заде Ниязи. «Ученые записки Наманганск. пед. ин-та». Вып. 1. Наманган. 1955.

Муминов И. М. К истории развития общественно-философской мысли Узбекистана. Ташкент, 1957.

Муминов Я. К. Из истории курортного дела в Узбекистане. (Из жизни и деятельности Н. Б. Тейха). Ташкент, 1957 (Тейх — организатор первой в Туркестане химической лаборатории).

Новицкий К. П. Политика царского правительства в области народного образования в Средней Азии. Журн. «Просвещение национальностей». М., 1934, № 6.

Народное образование в УзССР за 15 лет (1924—1939). Сб. под ред. Е. В. Рачинской, А. Л. Бродского, Н. А. Овсянникова. Ташкент, 1939.

Насир-и-Хусрау. Сафар-намэ. Книга путешествий. Перев. Е. Э. Бертельса. Л., 1933.

Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Доклады. Отв. ред. И. М. Муминов. Ташкент, 1959.

Пигулевская Н. Города Ирана в раннем средневековье. М., изд-во АН СССР, 1956.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане. Сборник документов. Сост. К. Е. Житов и В. Г. Крылова. Ташкент, 1947.

Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Сборник документов под ред. И. К. Додонова. Ташкент, 1947.

Пясковский А. В. Источники по истории революции 1905—1907 гг. в Туркестане. В кн.: Проблемы источниковедения. IV. М., АН СССР. 1955.

Пясковский А. В. Революция в Туркестане 1905—1907 гг. М., изд-во АН СССР, 1958.

Раджабов З. Ш. Джадидизм в Туркестане. 1905—1917. Тезисы диссертации на степень канд. наук. АН СССР. [Л., 1957].

Раджабов З. Ш. Из истории общественно-политической мысли

таджикского народа во 2-й половине XIX и в начале XX в. Сталинабад, 1957.

Раджабов З. Ш. Поэт-просветитель таджикского народа Асири (1864—1916). Сталинабад, 1951.

Раджабов С [адык Р.]. Из истории советской школы в Узбекистане. «Ученые записки Ташкентск. гос. пед. ин-та им. Низами». Вып. V, ч. II. Ташкент, 1957. (От дореволюционного времени до 1929 г.).

Раджабов С [адык Р.]. Из истории строительства советской школы в Узбекистане. Госиздат УзССР. Ташкент, 1957. (Период 1930—1941 гг.).

Раджабов С [адык Р.]. К истории советской школы в Узбекистане. Учпедгиз УзССР. Ташкент, 1957.

Раджабов С [али А.]. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент, 1955.

Сабиров М. Поэт-просветитель Аваз-Отар оглы о нравственном воспитании. «Ученые записки Ферганского пед. ин-та», вып. 3. Фергана, 1957.

Сабитов Нигмат. Мектебы и медресе у казахов. Историко-педагогический очерк. Алма-Ата, 1950.

Салье М. А. Об освещении роли так называемой «арабской» культуры в Средней Азии. Труды ин-та Востоковедения АН Уз, вып. III, Ташкент, 1954.

Семенов А. А. Детские поздравительные стишки в бухарских мактабах. «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР». Вып. 10—11. Сталинабад, 1956. (В архиве УзНИИПН в Ташкенте есть рукопись этой статьи с приложенными подлинными стишками, вписанными в орнаментированные листы бумаги).

Сембаев А. И. Очерки по истории казахской советской школы. Алма-Ата, 1958.

Сербов П. И., Никифоров А. Д. Народное просвещение в Узбекистане. Самарканд — Ташкент, 1927.

Тажибаев Т. Т. Развитие просвещения и педагогической мысли в Казахстане во 2-й половине XIX в. Ч. I. Социально-экономические предпосылки. Алма-Ата, 1958.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. 1948.

Труды историко-археографического института. Материалы по истории народов СССР. Татарская АССР. Материалы по истории Татарии второй половины XIX в. Вып. VI, ч. I [Л.].

Умаров Ю. Из истории трудового воспитания в школах Узбекистана в период 1917—1930 гг. (На опыте школы им. К. Либкнехта). «Ученые записки Ленинградск. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена». Т. 161. Л., 1958.

Умаров Ю. Трудовое воспитание в опытных трудовых школах в Ташкенте в 1918—1930 гг. Ташкент, 1958.

Умняков И. К истории новометодной школы в Бухаре. Бюлл. САГУ. Вып. 16. Ташкент, 1927.

Уразаев Ш. З. Туркестанская АССР и ее государственно-правовые особенности. Ташкент, 1958.

Урумбаев Ж. Очерки по истории народного образования и школы в Кара-Калпакии. Нукус, 1958.

Ученические социал-демократические организации. Сборник статей и материалов под ред. А. Кирова. М.—Л., 1925.

Хайдаров Г. Х. Из истории подготовки учительских кадров в Советском Туркестане. «Ученые записки Ленинабадского пед. ин-та», вып. 5. Ленинабад, 1957.

Храмовских А. [П.]. У истоков дошкольной работы. Труды УзГУ, нов. серия, Вып. 70. Самарканд, 1957. (О Ташкенте, Фергане, 1918—1926 гг.)

Не вошедшие в библиографию источники см. в примечаниях к стр. 168, 176, 183, 208, 216, 251, 282, 359—361, 365, 368, 371, 377 и др.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

В 1935 г. под руководством К. Е. Бендрикова были просмотрены описи ЦАУ УзССР, около 2000 дел взято для предварительного изучения; выделенные из них документы — первая база исследования К. Е. Бендрикова. Теперь этот архив реорганизован (см. кн.: Архивный отдел МВД УзССР. Центральный Государственный исторический архив УзССР. Путеводитель. Составили З. И. Агафонова, И. А. Халфин. Ташкент, 1948); в примечаниях к тексту К. Е. Бендрикова даны прежние номера дел. В архиве УзНИИПН в Ташкенте хранятся копии важнейших документов, снятые в 1935 г.

Дополнительно К. Е. Бендриков использовал несколько дел из архивов в Москве: Архива внутренней политики, культуры и быта, Архива Академии педагогических наук.

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ. ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ РЕДАКТОРОМ

Диссертации и дипломные работы

Думенко М. Ф. Русско-туземные школы Туркестана. М., 1955, Ин-т теории и истории педагогики АПН РСФСР. Кандидатская диссертация.

Каррыев А. А. История советской школы в Чарджоуской области Туркменской ССР (1917—1950). М., 1952. Ин-т теории и истории педагогики. Кандидатская диссертация.

Кулдашев, История киргизской советской школы с 1917 по 1930 г. Алма-Ата, 1950. Канд. диссерт.

Охотская Т. П. Очерки по истории дошкольного воспитания в Казахстане. Алма-Ата. 1955. Канд. диссерт.

Тастемиров Т. Учительские съезды в Туркестанском крае. Ташкент, 1957. САГУ. Истфак. Дипломная работа.

Рукописи

Жихарева Е. Н. Воспоминания о С. М. Граменицком, Ташкент, 1957 Архив УзНИИПН.

Калинин Г., заведующий Старо-Чиназским русско-туземным училищем. Доклад о новометодных мактабах 4 февраля 1917 г. К докладу приложена аннотированная библиография «Учебники и пособия новометодного мактаба Минавваркоры Абдурашидханова» (Подлинник передан в Центр. исторический архив УзССР).

Ордынец И. О. Свет и тени Туркестана. 25 лет жизни и скитаний по Средней Азии врача и учителя. Харьков, 1925 (Библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

Остроумов Н. П. Воспоминания [Конец воспоминаний, написанный в 1927—1928 гг., в последний год жизни автора, в Ташкенте]. (Подлинник в личном архиве Н. Е. Ошаниной).

Поршаков П. С. Воспоминания о педагогической работе в русско-туземных школах Ташкента в 1908—1916 гг. Ташкент, 1952. (Архив УзНИИПН).

Семенов А. А. Ал-Газалий и его мысли о воспитании детей: Доклад в Научно-педагогическом об-ве при САГУ, 7.III 1924 г. с переводом фрагментов из «Кимия-и-Саодат» (Химия счастья). (Архив УзНИИПН).

Библиографические указатели

Библиография печатных материалов на русском языке по народному образованию на территории Узбекистана в колониальный период (1865—1917). Составлена в 1932/33 году бригадой сотрудников Государственной публичной библиотеки УзССР под руководством О. В. Масловой. Отредактирована и дополнена в 1933/34 году Н. П. Архангельским. Дополненная машинописная перепечатка 1952 г. Ташкент. (Экземпляры хранятся в Ташкенте в Государственной библиотеке и в УзНИИПН, в Москве — в Государственной библиотеке по народному образованию).

Алфавитно-предметный указатель печатных материалов на русском языке по народному образованию на территории Узбекистана за 1917—1931 гг. Составлен в 1932/33 году бригадой сотрудников Государственной публичной библиотеки УзССР под руководством О. В. Масловой. (Экземпляры есть в Ташкенте в Государственной библиотеке и в УзНИИПН).

Условные сокращения — в книге.

САГУ — Среднеазиатский Государственный университет; Т. В.— Туркестанские Ведомости, газета; УзГУ — Узбекский Государственный университет; УзНИИПН — Узбекский научно-исследовательский институт педагогических наук; ЦАУ УзССР — Центральное архивное управление Узбекской ССР; ЦГИАУз — Центральный Государственный исторический архив УзССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3
От редактора 7
Введение. Древность культуры Средней Азии 11
Присоединение Туркестана к России и его прогрессивное значение 20
Организация управления Туркестанским краем 23
Глава первая. Традиционная система религиозно-воспитательных учреждений ислама в Туркестанском крае 27
Средневековая сеть мусульманской пропаганды в Туркестане —
Мактабы — начальные религиозные мусульманские школы для мальчиков 36
Школы атун-биби (женские мактабы). Карыханы. Далаилханы. 46
Медресе — средние и высшие мусульманские школы . . . 49
Глава вторая. Начало школьной политики царизма в Туркестане. Колебания в отношении к мусульманским школам до 1905 года 61
Первые русские школы . . . . . —
Основы школьного дела в Туркестанском генерал-губернаторстве, принятые в 70-е годы 62
Первые результаты «игнорирования» мусульманских школ . 67
Попытки реформ мусульманской школы в конце XIX века.
Деятельность В. П. Наливкина 68
Отношение к мусульманским школам после Андижанского восстания 1898 года 74
Участие Н. И. Ильминского в школьном деле Туркестанского края 83
Глава третья. Русские учебные заведения в Туркестане до революции 1905—1907 годов 193
Сельское и городское русское население Средней Азии . . —
Развитие сети русских школ в Туркестанском крае. Вопрос об обязательном обучении русских детей в крае 107
Социальный состав учащихся в русских школах Туркестана и отношение населения к школе 119
Учебно-воспитательная работа в русских школах Туркестанского края 123
Школьная политика в отношении «низших классов». Начальные школы 126
Влияние реакции 80-х годов на учебное дело в Туркестане . 132
Профессиональное образование в Туркестане 142
Русские культурные и научные учреждения и общества в Туркестане и связь их со школами 157

Глава четвертая. Русские школы для коренного населения Туркестана 170
Первый этап в развитии этих школ (до 1884 г.) . . . . —
Русско-туземная школа как новый тип школы в условиях обрусительной политики царизма среди оседлого мусульманского населения (до конца XIX в.) 179
Отношение населения к русско-туземным школам в 1885—1895 годах и социальный состав их учащихся 190
Учебно-воспитательная работа в русском и «туземном» классах Учителя. Положение школ в крае и в Ташкенте . . . 199
Реформы в русско-туземных школах в конце XIX века. Поездки «молодых туземцев» в Россию 211
Русско-туземные школы в первые годы XX века 221
Учащиеся из коренного населения Туркестана в начальных русских школах после организации русско-туземных школ. Обучение в средних школах 224
Глава пятая. Революция 1905—1907 годов в Туркестане и школа 231
Общее значение революции для школьного дела в Туркестанском крае . . . . . —
Революционное движение в школах России в 1905—1907 годах 233
Революционное движение в учебных заведениях Туркестана 235
Глава шестая. Новометодные мактабы 247
Новометодные мактабы просветительские и пантюркистские . —
Возникновение новометодных мактабов в Туркестанском крае и развитие их сети 252
Классовое лицо новометодных мактабов 262
Содержание и организация обучения в новометодных мактабах 265
Царская администрация и новометодный мактаб . . . 271
Глава седьмая. Народное образование в Туркестанском крае после революции 1905—1907 годов 283
Школьная политика царизма в Туркестанском крае в период с 1907 по 1917 год . . . . . —
Научные и культурные организации и связь их с делом народного образования 357
Глава восьмая. Применение русского и местного языков в органах управления Туркестанского края и связанные с этим учебные мероприятия 363
Итоги школьного дела в Туркестане — царской колонии (1865—1917) 374
Глава девятая. Народное образование в Туркестанском крае при Временном правительстве (1917) 385
Глава десятая. Народное образование в Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республике до национально-государственного размежевания Средней Азии 407
Проведение национально-государственного размежевания республик Средней Азии 493
Источники 499

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Следует читать
192	Сноска	стр. 106—109.
216	5 снизу	ургатиш
233	12 и 13 сверху	Ходжаев,
409	Карта	Вместо „Закаспийская обл.“ — „Туркменская“, вместо „Семиреченская“ — „Джетысуйская“
444	8 сверху	В апреле
475	9 снизу	развивавшееся

К. Е. Бендриков „Очерки по истории народного образования в Туркестане“